НЕ КОПИРОВАТЬ

М. Богословскій.

ЗЕМСКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ

НА РУССКОМЪ СѢВЕРѢ ВЪ XVII В.

Томъ II.

Дѣятельность земскаго міра. Земство и государство.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА
Синодальная Типографія.
1912.

„Пров 38“

51743

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первая часть „Земскаго Самоуправленія на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.“, вышедшая въ свѣтъ въ 1909 г., была посвящена изученію той внѣшней обстановки, въ которой дѣйствовало мѣстное самоуправленіе на сѣверѣ, тѣхъ общественныхъ элементовъ, изъ которыхъ оно слагалось и, наконецъ, тѣхъ внѣшнихъ формъ, въ которыя оно отлилось. Предлагаемая нынѣ читателю вторая и послѣдняя часть имѣетъ своимъ предметомъ изслѣдованіе двухъ вопросовъ: во-первыхъ, дѣятельности органовъ самоуправленія; во-вторыхъ, отношеній, устанавливавшихся въ XVII в. между земскими мірами и правительственной властью.

Въ дѣятельности земскаго міра разсматриваются двѣ стороны: удовлетвореніе интересовъ и потребностей самого земскаго общества и затѣмъ исполненіе обязанностей, наложенныхъ на міръ государствомъ. Первымъ родомъ дѣятельности заняты главы I—V, гдѣ изслѣдуется земскій міръ какъ хозяйственный союзъ, какъ церковная община и какъ юридическое лицо, вступавшееся за свои интересы на судѣ или путемъ мірского ходатайства передъ государствомъ. Главы VI—XII отведены изученію тѣхъ обязанностей, которыя наложены на міръ государствомъ; въ этихъ главахъ міръ характеризуется, какъ тяглая (VI—VIII) и какъ судебная организація (IX—XII).

На взаимоотношеніи государства и земства въ XVII в. должна была неизбѣжно отозваться та перемѣна, которую испытываетъ въ этомъ вѣкѣ, въ особенности со второй его половины, общій строй государственнаго управленія, становящійся все болѣе бюрократическимъ. Яркимъ выраженіемъ этой бюрократизаціи было, между прочимъ, появленіе на мѣстахъ воеводской власти съ ея болѣе или менѣе энергичнымъ вмѣшательствомъ въ дѣятельность самоуправленія, главнымъ образомъ, въ дѣятельность, направленную на исполненіе казенныхъ повинностей финансовыхъ и судебныхъ. Казенное тягло, непомѣрно растущее въ XVII в., наибольшею долею своего вѣса упавшее именно на сѣверные черные міры, давило ихъ самоуправленіе и создавало усиленіе воеводской власти. Въ частности къ этимъ послѣдствіямъ вели тѣ патологическія явленія, которыя возникали здѣсь подъ дѣйствіемъ того же тягла съ его грубыми, неэластичными и неуклюжими формами, особенно больно задѣвавшими низшіе, экономически слабые общественные классы. То были: проявившаяся здѣсь рѣзкая, обостренная тягломъ до болѣзненности соціальная рознь, естественно вызывавшая вмѣшательство правительственной власти, а затѣмъ экономическое

разореніе Поморья и юридическое приниженіе поморскаго крестьянства, лишавшее его свободы, этого основного и необходимаго условія самоуправленія. Взаимоотношенію земскаго міра и воеводы, а также явленіямъ сѣверной земской жизни, приводившимъ къ упадку земства, посвящены главы XIII и XIV.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе выпускаемой въ свѣтъ книги. И эта вторая часть страдаетъ, по глубокому убѣжденію автора, тѣмъ же главнымъ недостаткомъ, котораго ему не удалось избѣжать въ первой: чрезмѣрно большимъ объемомъ, обусловленнымъ фактичностью изложенія. Необходимость приводить факты вызывалась желаніемъ автора посредствомъ по возможности болѣе нагляднаго изображенія ввести читателя въ жизнь древняго сѣвернаго міра, въ конкретномъ видѣ показать дѣятельность земскаго самоуправленія, воочію представить земскаго старосту, земскаго судью, сотскихъ, цѣловальниковъ и другихъ агентовъ міра въ ихъ реальной повседневной обстановкѣ. Съ другой стороны къ той же необходимости вело состояніе положенныхъ въ основу работы архивныхъ источниковъ, описанное въ предисловіи къ первой части. Злоупотребляя, можетъ быть, неизмѣнно радушнымъ гостепріимствомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, давшаго мѣсто его труду въ своемъ почтенномъ изданіи, авторъ и на этотъ разъ предпочелъ увеличить размѣры книги, излагая въ текстѣ, примѣчаніяхъ и приложеніяхъ извлеченные изъ архива факты, чѣмъ представлять читателю сужденія, которыя могли бы показаться голословными безъ фактическихъ иллюстрацій.

Москва 28 марта 1912 г.

Глава I.

Волость, какъ поземельная община.

Волость въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка надо представлять себѣ въ двоякомъ видѣ: это—или только внѣшній административно-географическій округъ, не имѣющій никакой внутренней общественной организаціи; или же это—общественный союзъ, „міръ“ на языкѣ XVII вѣка, „земство“ на нашемъ современномъ языкѣ. Въ первомъ случаѣ волость только территорія, ограниченная нѣкоторыми географическими предѣлами ради какихъ либо административныхъ цѣлей; во второмъ она—общественное цѣлое, живой общественный организмъ. Волости-округа съ несвязанными взаимно элементами населенія мы встрѣчаемъ въ XVII в. преимущественно въ центральномъ районѣ Московскаго государства, гдѣ въ составъ волости входятъ разобщенныя между собою служилыя и церковныя земли. Волость-міръ, общественное цѣлое, преобладаетъ на поморскомъ сѣверѣ съ его болѣе однородною государственною „черною“ землею и съ его болѣе единымъ по составу „черносошнымъ“ крестьянскимъ населеніемъ.

Волость-округъ — только механическое дѣленіе, проводимое ради какихъ либо административныхъ соображеній и удобствъ, напр. для писцовыхъ описаній, для регистраціи казенныхъ сборовъ и т. п. Поэтому нельзя говорить о жизни и дѣятельности этой волости. Наоборотъ, волость-міръ, какъ организмъ, живетъ и дѣйствуетъ. Изученіемъ этой дѣятельности мы и должны теперь заняться.

Въ дѣятельности волости-міра надо различать двѣ стороны: во-первыхъ, удовлетвореніе потребностей и интересовъ составлявшаго ее общества и, во-вторыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ государство приспособило волость-міръ для своихъ цѣлей — удовлетвореніе требованій, предъявляемыхъ къ ней государствомъ. Потребности и интересы самого волостного общества въ XVII в. были немногочисленны и несложны, хотя все же они были не только матеріальнаго, хозяйственнаго, но и духовнаго порядка. Волость-міръ бывала нерѣдко союзомъ, владѣвшимъ общимъ имуществомъ и сообща предпринимавшимъ разнаго рода хозяйственныя операціи; она выступала защитницей общихъ интересовъ на судѣ; она предстательствовала за эти интересы передъ государствомъ, обращаясь къ нему съ ходатайствами. Наконецъ, религіозные свои интересы она удовлетворяла, совпадая въ значительномъ количествѣ случаевъ съ церковнымъ приходомъ.

Государство наложило на волость обязанности: сбора податей и судебно-полицейскаго управленія, и волость для исполненія обѣихъ обязанностей должна была поставлять выборныхъ изъ своей среды агентовъ. Такимъ образомъ волость вдвинулась, какъ часть, въ машину государственнаго управленія; но, входя въ составъ этой машины, волость продолжала сохранять свое значеніе и свою конструкцію организованнаго общественнаго союза. Представляя изъ себя общественный союзъ, она отправляла государственныя финансовыя и судебно-полицейскія дѣла. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, и въ финансовомъ, и въ судебно-полицейскомъ, она была связана крѣпкою круговою порукой, платя подати за недоимщиковъ, ловя преступниковъ и разверстывая между своими членами платежъ виры въ случаѣ совершившагося на ея территоріи убійства. На эту круговую поруку, которою была связана, выступая передъ государствомъ, волость, нельзя смотрѣть только какъ на внѣшній стягивающій обручъ, насильственно наложенный государствомъ; въ ней можно видѣть также проявленіе того внутренняго единства, той солидарности, которая связывала „міръ“ изстари.

Мы и разсмотримъ теперь каждый изъ этихъ двухъ видовъ дѣятельности волостного міра: во-первыхъ, ту ея дѣятельность, которая удовлетворяла собственные интересы міра; во-вторыхъ, ту, которая шла на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Начнемъ съ волости, какъ хозяйственнаго союза.

Волостное общество переплетено хозяйственными отношеніями. Составлявшія волость сѣверныя деревни связывались между собою не только единствомъ мѣстоположенія, равно какъ и ихъ владѣльцы были соединены другъ съ другомъ не только своею принадлежностью къ волостному обществу. Деревни не были особыми, отдѣльными одна отъ другой единицами, порознь, независимо одна отъ другой, входившими въ составъ волости, объединенными только волостью. Между отдѣльными деревнями существовали связи, смыкавшія ихъ по двѣ, по три и въ болѣе многочисленныя группы. Эти связи имѣли хозяйственный характеръ и заключались въ совмѣстномъ пользованіи угодьями, общими для двухъ или нѣсколькихъ деревень. Между деревнями можно замѣтить тѣ же совладѣльческія складническія отношенія, которыя въ одной деревнѣ можно наблюдать между отдѣльными дворами или во дворѣ между отдѣльными семьями. Междудеревенское совладѣніе угодьями могло быть или слѣдствіемъ отвода общаго угодья къ группѣ деревень писцами, надѣлявшими деревни угодьями, или результатомъ складническаго договора, какъ между единоличными владѣльцами деревень, такъ и между вступившими въ договоръ деревенскими складническими группами. Такимъ образомъ, двѣ или болѣе складническія группы, владѣвшія каждая деревней, могли, сложившись, пріобрѣсти на общія средства какое либо угодье, напр. лугъ, выгонъ и по совладѣнію этимъ угодьемъ составляли уже новую сложную складническую группу. Тѣснота, съ которой въ иныхъ уѣздахъ, какъ напр. въ Двинскомъ, размѣщены были деревни по берегу рѣки, содѣйствовала развитію такихъ междудеревенскихъ

складническихъ отношеній и даже дѣлала ихъ неизбѣжными[1]). Очень нерѣдко писецъ отводитъ нѣсколькимъ деревнямъ общій лѣсъ. Особенно часты были случаи междудеревенскаго совладѣнія рѣчками, по которымъ располагались деревни. „А угодье у двухъ деревень, у Глотаевской да у Котовальской рѣчка Глотовица“, читаемъ мы въ одномъ поземельномъ дѣлѣ складниковъ деревни Котовальской въ Устьянской Чадромской волости[2]). Но встрѣчаемъ также постоянно случаи совладѣнія сѣнокосами и пашнею. Въ Вилегодской, напр., волости Сольвычегодскаго уѣзда стояли рядомъ двѣ деревни, носившія одинаковыя названія: Чешкова гора и Другая Чешкова гора. Не только лѣса ,сѣнокосы и выгонъ у этихъ деревень были общими, но и поля ихъ были расположены въ однихъ участкахъ, такъ что дворохозяева обѣихъ владѣли въ нихъ полосами черезполосно: „деревня Чешкова гора“, говоритъ описывающая ее писцовая книга Сольвычегодскаго уѣзда 1620-хъ годовъ, „а въ ней дворы и люди, и пашня писано подъ деревнею Другіе Чешковы горы, потому что пашня у нихъ во всѣхъ поляхъ черезъ полосу“[3]). Въ Чакольской волости Кеврольскаго уѣзда писцовая книга 1623 г. показываетъ среди оброчныхъ угодій сѣнокосъ на новой присадкѣ, находящійся во владѣніи *„Вѣйгорскихъ шести деревень за всѣми крестьяны“*. Тамъ же крестьяне пяти деревень совладѣютъ оброчнымъ сѣннымъ покосомъ Островкомъ[4]). Въ Двинскомъ уѣздѣ въ Заостровской волости по писцовой 1622—24 гг. крестьяне семи деревень владѣютъ сообща „пустымъ мѣстомъ“ при впаденіи рѣчки Заостровки въ Двину, затѣмъ по Двинѣ лѣсомъ, пригоднымъ для расчистки и рыбными ловлями, платя за всѣ эти угодья оброку 6 алтынъ и 4 деньги[5]). Благодаря такому совладѣнію общими землями и угодьями, между деревнями могли возникать вопросы о „дѣлѣ“, т. е. о передѣлѣ этихъ земель подобно тому, какъ они возникали внутри деревни между складниками-однодеревенцами. У деревень: Чужемскаго Раменья съ одной стороны и Огибаловской съ другой въ Тавельской волости Чарондской округи были общій выгонъ и сѣнные покосы. Крестьянинъ первой Ив. Струнинъ жаловался на крестьянъ второй Ив. и Т. Конашиныхъ и И. Еремина въ томъ, что они „пашутъ землю въ поскотинѣ полянки и отхожія запольныя пашни и въ сѣнныхъ покосахъ владѣютъ *безъ дѣлу* и не по тяглу“ и просилъ обязать ихъ съ нимъ „по повытью (т. е. по владѣльческимъ долямъ) и по тяглу подѣлить, гдѣ что ни есть въ полянкахъ и въ припашахъ, и въ сѣнныхъ покосахъ“[6]). Въ Устьянскихъ волостяхъ въ Введенскомъ стану десять деревень владѣли по рѣчкѣ Верюгѣ пожнями, наволоками и причистями. Крестьянинъ одной

[1]) *П. Ивановъ*, Поземельные союзы и передѣлы. Труды Археогр. Ком. Моск. Арх. Общ. I, стр. 228.

[2]) Приказныя дѣла въ московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, 1631 № 44. Ср. часть I настоящей книги, стр. 166—167.

[3]) Московскій архивъ мин. юстиціи, писц. кн. 446, л. 700.

[4]) Арх. мин. юст., писц. книга 185, л. 172 об., 174.

[5]) Арх. мин. юст., писц. кн. 9, л. 506.

[6]) Пр. Д. 1628 № 13.

изъ нихъ, деревни Веригинской, жалуется на то, что остальныя девять деревень, каждая изъ которыхъ была въ свою очередь складническимъ союзомъ — владѣютъ „не повытно и не по сотной грамотѣ, а съ нами, Веригинской деревней, поженъ и наволоковъ, и причистей повытно и по сотной грамотѣ не верстаютъ“ [1]). Создавалась тонкая запутанная сѣть, настоящая паутина деревенскихъ и междудеревенскихъ совладѣльческихъ отношеній. Деревня по одному угодью могла входить въ одинъ совладѣльческій союзъ, по другимъ въ другіе, болѣе или менѣе сложные. Деревня А могла по совладѣнію рѣкой входить въ союзъ съ деревней В, по совладѣнію отведеннымъ имъ общимъ лѣсомъ съ деревнями В и С и кромѣ того, съ деревнями Д и Е могла пріобрѣсти общій выгонъ. Совладѣніе общими угодьями, соединяя по нѣскольку деревень въ группы, завязывало мелкія единицы, волостки и улусцы, обозначавшіеся въ волостяхъ и скрѣпляло ихъ хозяйственной связью. И самые эти волостки и улусцы связывались взаимно такимъ же совладѣніемъ. Такимъ образомъ деревни входили въ составъ волости не въ разсѣянномъ видѣ, не по одиночкѣ, а группами разныхъ величинъ, и эти группы переплетались между собою совладѣльческими нитями—явленіе, которое еще и въ XIX в. можно наблюдать на Сѣверѣ. „Самую характерную черту современной общины государственныхъ крестьянъ на Сѣверѣ“, говоритъ изслѣдователь этой общины, „составляютъ повсемѣстные факты черезполоснаго и общаго владѣнія со стороны нѣсколькихъ селеній разнаго рода угодьями: лѣсомъ, выгономъ, покосомъ и т. п. Въ большинствѣ волостей, населенныхъ государственными крестьянами, въ настоящее время не трудно отыскать такіе случаи, когда нѣсколько селеній, а иногда и цѣлая волость, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ деревень, владѣютъ сообща нѣкоторыми земельными участками“ [2]).

Но сама волость, какъ общество-міръ, въ какомъ смыслѣ была хозяйственнымъ союзомъ? Служила ли она только внѣшнимъ механическимъ объединеніемъ указанныхъ выше мелкихъ хозяйственныхъ группъ, или и сама, какъ цѣлое, была субъектомъ вещныхъ правъ и, владѣя имуществомъ, предпринимала съ нимъ также хозяйственныя операціи. Здѣсь мы неизбѣжно подходимъ къ знаменитому вопросу о томъ, была ли волость *поземельною* общиною. Попытаемся представить нѣкоторыя данныя для его рѣшенія. Прежде всего замѣтимъ, что сѣверная волость въ XVII в. не была собственницей земли, входившей въ составъ ея территоріи. Право собственности на эту землю принадлежало государству, если земля была черною, или государю лично, если она была дворцовою, монастырю или свѣтскому землевладѣльцу, если земля была монастырскою или частновладѣльческою крупною вотчиною, охватывавшею цѣлую волость [3]). Право собственности государства на черную землю сознавалось и указывалось самими волостными мі-

---

[1]) Пр. Д. 1628 № 72.

[2]) *Щепотьевъ*, Законодательство и старинныя формы землевладѣнія на Сѣверѣ. Сѣверный Вѣстникъ 1886 г., II, 82.

[3]) I, главы IV—VII.

рами[1]). Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ сѣверная волость не была поземельной общиной на собственной землѣ. Но если такъ, то не была ли она все таки поземельною общиною на чужой землѣ, черной, церковной или частновладѣльческой?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо припомнить, что право волостного міра не распространялось на отдѣльные деревенскіе участки. Въ черныхъ земляхъ они принадлежали отдѣльнымъ лицамъ на правѣ владѣнія, которое отличалось отъ собственности только тѣмъ, что государство могло жаловать эти участки вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами третьимъ лицамъ. Во всемъ остальномъ права владѣльцевъ черныхъ деревень на ихъ земли ничѣмъ не были ограничены, и они совершенно свободно распоряжаются деревнями и отчуждаютъ ихъ крестьянамъ, принадлежащимъ къ составу другихъ волостей и даже совсѣмъ не крестьянамъ, а лицамъ другихъ состояній, безъ всякаго контроля со стороны волостного міра. Волость въ распоряженіе деревенскими участками не вмѣшивается. При наличности владѣльцевъ деревень волость никогда этими деревнями не распоряжается и вообще никакого отношенія къ нимъ не проявляетъ. Эта собственность сѣверныхъ крестьянъ на ихъ участки возникла въ значительной мѣрѣ изъ захвата, заимки пустыхъ, никому не принадлежащихъ земель и затѣмъ укрѣплялась многократнымъ наслѣдованіемъ ихъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Захватное право дѣйствуетъ на Сѣверѣ еще и въ XVII вѣкѣ, а въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ Заонежьѣ даже и господствуетъ.

Такимъ образомъ, волость XVII вѣка не можетъ быть названа поземельной общиной, такъ какъ ея права не простираются на отдѣльные деревенскіе участки ея членовъ. Волость, какъ корпорація, является лишь совокупностью владѣльцевъ деревень, а не единымъ субъектомъ владѣнія землею этихъ деревень, не обществомъ, всѣ члены котораго имѣютъ равное право въ общемъ имуществѣ. Словомъ, по отношенію къ деревенской землѣ она не подходитъ подъ опредѣленіе поземельной общины, какъ коллективнаго субъекта владѣнія, въ которомъ отдѣльнымъ членамъ принадлежитъ лишь пользованіе общимъ имуществомъ и въ которомъ права каждаго изъ составляющихъ его членовъ на общее имущество совершенно равны правамъ каждаго другого члена. Поземельной общиной на государственной землѣ сѣверная волость стала только со второй половины XVIII вѣка, когда межевыми инструкціями 1754 и 1766 г. было отмѣнено право отдѣльныхъ крестьянъ распоряжаться своими участками и даже наслѣдованіе этихъ участковъ. Послѣдніе, по смерти ихъ владѣльцевъ, должны были переходить въ составъ имущества волостной общины, которая и распоряжалась ими. Волость тогда сдѣлалась субъектомъ владѣнія отмежеванной къ ней территоріи, за отдѣльными же крестьянами было оставлено лишь пользованіе даваемыми отъ волости участками, получившее съ начала XIX, со введеніемъ въ этихъ волостныхъ общинахъ земельныхъ передѣловъ—уравнительно-передѣльную форму.

---

[1]) Тамъ же, стр. 56.

Но если о волости XVII вѣка нельзя еще говорить, какъ о поземельной общинѣ въ строгомъ смыслѣ этого слова, то все же въ ней можно найти нѣкоторые элементы общиннаго владѣнія. Прежде всего такой элементъ можно видѣть въ принадлежащемъ волости правѣ распоряженія выморочными и покинутыми земельными участками: долями деревень и пустошами, которыя брошены ихъ неизвѣстно куда скрывшимися владѣльцами, покинуты „въ міръ“ и лежатъ „въ міру“ по выраженію актовъ. Въ первое лѣто послѣ ухода владѣльцевъ волость и хозяйничаетъ на этихъ участкахъ, собираетъ хлѣбъ и сѣно[1]).

---

[1]) Впрочемъ такое хозяйничанье падаетъ на нее, какъ обязанность, по распоряженію правительственной власти, въ частности—писцовъ во время описанія уѣзда. Напр. Пр. Д. 1645 № 42: „Лѣта 7153 г. августа въ 13 д. По государеву указу память Ношульскаго приходу цѣловальнику Степану Харитонову да выборнымъ цѣловальникомъ Пронкѣ Денисову да Ивашку Шулѣпову, да Мокѣйку Кузьмину и всѣмъ крестьянамъ: велѣти имъ деревни Климовской умершаго крестьянина Савки Трифонова рожь пожать *всѣмъ приходомъ*, а пожавъ счетчи снопами, сколько будетъ сотницъ сноповъ, велѣть скласть въ копну и укрыть гораздо, чтобы дождемъ не набило и съ исподу-бъ не подмочило и велѣть тотъ хлѣбъ обмолотить, а по умолоту того хлѣба, сколько четвертей будетъ въ государеву мѣру, и тотъ хлѣбъ всыпать въ житницу и приказать беречь до государева указу, и прислать тому хлѣбу роспись къ писцомъ къ Богдану Герасимовичу Приклонскому да къ подьячему Осипу Трофимову. Къ сей памяти Богданъ Герасимовичъ печать свою приложилъ“. Ibid. л. 11. „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой Соли Вычегодской уѣзда Учецкой волости земской цѣловальничишко Якунъ Васильевъ и во всѣхъ крестьянишекъ мѣсто. Въ нынѣшнемъ, государь, во 153 г. въ Учецкой волости многіе крестьянишка тяглыя деревни свои пашню съ насіяною рожью и съ сѣнными покосами впустѣ пометали, а сами они съ женами своими и съ дѣтьми разбрелись врознь по городамъ для хлѣбнаго недороду, а твоихъ государевыхъ четвертныхъ доходовъ и всякіе усольскіе отпуски, и по мірскимъ разводамъ съ своихъ деревнишекъ не платили. Милосердый государь.... вели, государь, въ томъ дѣлѣ свой царской указъ учинить, чтобъ, государь, тѣ пустотныя деревнишки, которыя впустѣ пометаны къ нынѣшнему 153 году съ насіяною рожью и съ сѣнными покосы даромъ не пропало и чтобъ скотомъ стравлену не быть. Царь, государь, смилуйся. Ibid. л. 12. Отвѣтная память отъ писцовъ: „7153 г. іюля 27 д.: „И земскому цѣловальнику Якушку Васильеву и всѣмъ крестьянамъ тотъ пометной хлѣбъ велѣть пожать, и, сколько на которомъ жеребью будетъ пожину сотницъ сноповъ, и тотъ хлѣбъ скласти въ копну. Да и сѣнные покосы тѣхъ жеребьевъ и иныхъ пустыхъ жеребьевъ и тѣ сѣнные покосы отдавать косить изъ найму охочимъ людямъ, чтобъ тѣ сѣнные покосы впустѣ не были. А что того хлѣба на которомъ пустомъ жеребью будетъ и сѣнныхъ покосовъ кому отдадутъ, и та роспись прислать за руками къ писцамъ къ Богдану Герасимовичу Приклонскому да къ подьячему Осипу Трофимову“. Ibid. лл. 13—14. Циркулярное распоряженіе писцовъ по всему уѣзду о томъ же. „Лѣта 7153 г. авг. 5. По государеву... указу въ Усольской уѣздъ въ станы и въ волости, и во всѣ приходы земскимъ судейкамъ и старостамъ, и цѣловальникомъ, и всѣмъ крестьяномъ“.

Но обыкновенно волость старается сдать эти участки новымъ жильцамъ, побуждаемая къ тому, разумѣется, стремленіемъ пріобрѣсти новаго соучастника въ отбываніи тягла, которое приходилось нести съ брошеннаго участка. Когда находится охотникъ снять такой участокъ, отдѣльное лицо или товарищество, волость по его просьбѣ, обращенной къ ней, а иногда по распоряженію правительственной власти, если къ этой послѣдней направлена была просьба, выдаетъ ему на владѣніе участкомъ особый документъ, „данную“, которая служитъ такимъ образомъ и актомъ принятія лица или группы лицъ въ составъ волостного общества, и документомъ на владѣніе землею[1]).

Остановимся нѣкоторое время на анализѣ этихъ „данныхъ“, значительное число которыхъ сохранилось. Данная пишется отъ лица волостного міра: „се язъ староста“ или другой представитель выборной мірской власти да крестьяне такіе-то, указанные поименно, „да и всѣ крестьяне такой то волости отдали есми“ и т. д. Въ данной опредѣляется далѣе составъ отдаваемаго деревенскаго участка или пустоши, принадлежащія къ участку угодья и окружающія его межи, напр.: „и мы тотъ жеребій деревни отдали съ полями, и съ пожнями, и съ поскотиною, и съ запольи, что къ тому жеребью изстари потягло; а межи тое деревни по старымъ межамъ“. Затѣмъ перечисляются условія, на которыхъ отдается участокъ.

[1]) Пр. Д. 1649 № 45. „Списокъ съ данной. Се язъ Царевскіе волости земской цѣловальникъ Третьякъ Ивановъ сынъ Сажинъ да крестьяне (41 человѣкъ), да и всѣ крестьяне Царевскіе волости дали есмя по государеву указу и по подписной челобитной воеводы Якима Васильевича Тарбѣева Царевскіе волости въ деревнѣ Коровинской другонадцатую доль деревни Коровинскіе Шумиловское повытье изъ пуста въ жило тоежъ Царевскіе волости крестьянину Якову Тимоѳееву сыну Зуеву и съ дворовой землею безъ хоромъ. А отдали мы, мірскіе люди, то Шумиловское повытье другонадцатую доль деревни Коровинскіе нынѣшняго 157 году апрѣля съ 8 числа къ вешней пашнѣ голую землю съ пашнею и съ сѣнными покосы на льготу съ нынѣшняго со 157 году апрѣля съ 8 числа да по 162 годъ апрѣля по 8-ое жъ число. А въ тѣ льготные годы платить ему, Якову, вытный оброкъ, данныя и оброчныя деньги, по чему доведется на годъ. И какъ льготные годы отойдутъ, и ему, Якову, платить всякіе государевы подати и мірскіе разметы съ міромъ врядъ. А отдали мы мірскіе люди то повытье со всѣмъ угодьемъ, кудѣ ходилъ плугъ и соха, и топоръ, и коса и съ отхожими пашнями и пожнями, и съ рѣчными езовищи, и съ лѣсными путики, что къ тому повытью изстари угодья подано. И безъ жильца ему, Якову, того повытья въ міръ не покинуть. А жити ему, Якову, на томъ повытьѣ на верху жильцомъ и пашни пахать не находомъ. Въ томъ ему, Якову, міромъ и данную дали. А данную писалъ по мірскому велѣнью Царевскіе волости земской дьячекъ Оверка Истоминской. Лѣта 7157 апрѣля въ 8 день“. На оборотѣ данной 5 рукоприкладствъ. Арх. мин. юст. Грам. Коллег. Экон. Устюжск. у. № 13419: данная Сухоповостской волости Комарицкаго ст. Устюжск. уѣзда Прилуцкому монастырю на полдеревни Долматовской, владѣлецъ которой „изъ тое своие деревни выбѣжалъ вонъ со всей своей семьей въ прошломъ во 154 г. и тотъ свой жеребей покинулъ съ насіянымъ хлѣбомъ съ рожью и съ яровымъ“.

Въ однихъ случаяхъ земля отдается „вѣчно“ [1]); но чаще говорится въ данныхъ, что она отдается „до вотчича“, т. е. до возвращенія ея настоящаго собственника, и если такой вотчичъ выищется и станетъ за нее „приматься“, то владѣлецъ, получившій землю по данной, обязанъ возвратить ее вотчичу. Въ сентябрѣ 1594 г. міръ Утмановской волости отдалъ нѣкоему Ѳедору Семенову Подгорбунскому пустошь Берніевскій починокъ, а Панковщина тожъ на рѣкѣ Падангѣ. Міръ въ данной упоминалъ, что „пуста та пустошь лѣтъ пятьдесятъ и больше“ и поросла уже „лѣсомъ большимъ въ бревно“. Однако, все-таки, несмотря на такой большой промежутокъ времени съ той поры, какъ пустошь была заброшена ея прежнимъ владѣльцемъ, въ данной предусматривается появленіе стараго „вотчича“, которому новый владѣлецъ обязанъ пустошь уступить [2]). Въ случаѣ появленія вотчича и возвращенія ему участка, новый владѣлецъ имѣетъ право требовать съ вотчича вознагражденія за произведенныя улучшенія, за построенныя хоромы, за дворовыя подѣлки, за роспаши, за подѣлки въ „огородахъ“ и „осѣкахъ“, огражденіяхъ полей, за росчисти сѣнныхъ покосовъ по оцѣнкѣ, производимой міромъ, „во что міромъ оцѣнятъ“. Если участокъ отдается со льготой на первое время отъ податей, указывается срокъ льготы; если отдается пустошь съ обязательствомъ ее распахать и построить дворъ, то указывается срокъ для распашки и построекъ подъ опасеніемъ неустойки, идущей въ пользу волости. По минованіи срока льготы, съемщикъ участка обязуется нести государственныя и мірскія повинности „съ крестьяны въ рядъ“ по той единицѣ обложенія, въ какой значится его участокъ впредь до новаго обложенія, а затѣмъ съ этого „новаго рубежу“ платить, „чѣмъ его міромъ обложатъ“ или „пожалуютъ“.

Въ нѣкоторыхъ данныхъ содержатся также условія относительно права съемщика на распоряженіе снятою землею, причемъ въ однихъ съемщику такое право дается [3]); по другимъ наоборотъ онъ не можетъ полученнаго

---

[1]) Грам. Коллег. Эконом. Устюжск. у. № 13.600.

[2]) Пр. Д. 1650 № 30.

[3]) Пр. Д. 1557—1634. „И на ту пустошь мы Есскія волости Пырскія Едомы всѣ крестьяне Клементью да Ивану, да Борису и данную дали, что имъ тою пустошью владѣти безпенно и продати, и заложити“. Пр. Д. 1624 № 8. „Отъ царя и великаго князя, Михаила Ѳедоровича... къ Соли Вычегодской писцомъ нашимъ Парѳенью Микифоровичу Мансурову да подьячему Василью Архипову. Писали есте къ намъ, что бьютъ челомъ намъ, а къ вамъ приходятъ съ челобитными Усольскаго уѣзда крестьяне, которые въ прошлыхъ годѣхъ замолодали отъ бѣдности и бродили по другимъ городамъ. А деревни свои купленныя метали впустѣ. И тѣ деревни безъ нихъ мірскіе люди отдали крестьянамъ изъ тягла и данныя имъ давали, что имъ въ тѣхъ деревняхъ жити, и пашни пахати, и дворы ставити, и наши всякія подати и мірскіе разметы платити съ волостью вмѣстѣ. А будетъ выищется кто на которую деревню вотчичъ и тѣмъ вотчинникамъ тѣ деревни отдавати назадъ, а что хоромъ прибавятъ, или пашню распашутъ, и за то въ тѣхъ данныхъ писано имати на тѣхъ

участка ни продать, ни заложить, такъ какъ по данной участокъ уступается только во временное владѣніе, до вотчича[1]). Очень часто съемщикъ обязуется снятый участокъ не покидать, не подыскавши новаго жильца на свое мѣсто: деревню или пустошь „въ міръ не покинуть“, „въ міръ не отказать“.

Обыкновенно данная имѣетъ форму односторонняго акта; это—какъ бы актъ пожалованія міромъ съемщика. Данная утверждала за послѣднимъ право на владѣніе землею, хотя затѣмъ большая часть ея содержанія наполнена перечисленіемъ не правъ, а обязанностей съемщика. На дѣлѣ, однако, волость, сдавая участокъ, совершала не пожалованіе, а заключала со съемщикомъ договоръ. Получая отъ волостного міра данную, съемщикъ съ своей стороны выдавалъ волости „запись“ съ перечисленіемъ своихъ обязательствъ, а кромѣ того еще „поручную запись“, съ гарантіей подысканныхъ имъ поручителей въ исполненіи имъ этихъ обязательствъ[2]). Иногда и самая данная принимаетъ форму двусторонняго договора, между волостнымъ міромъ и съемщикомъ участка[3]).

Итакъ, бросаемые участки покидаются „въ міръ“; міръ въ цѣломъ становится субъектомъ права на эти участки и, какъ юридическое лицо, вступаетъ по нимъ въ договоры. Но часто эти права міра временны; они принадлежатъ ему только до появленія собственниковъ участковъ и съ появленіемъ ихъ исчезаютъ. Это не право собственности міра на покинутые участки, а только право временнаго владѣнія, которое міръ и переуступаетъ другимъ лицамъ. Данная служитъ актомъ передачи правъ міра; съ момента ея совершенія міръ теряетъ свое право на сданную деревню или пустошь. Если въ иныхъ данныхъ ограничивается право съемщика продавать и закладывать землю, то это ограниченіе вызывается не стремленіемъ оставить отданный участокъ подъ контролемъ міра, а желаніемъ избѣжать тѣхъ осложненій и столкновеній, какія создавались съ появленіемъ вотчича, земля котораго была сдана волостью и затѣмъ переходила

вотчинникахъ деньгами по 15 и по 20 руб., и больши. И тѣ крестьяне по тѣмъ мірскимъ даннымъ, подержавъ за собою тѣ деревни года два или три, испродали“.

[1]) Пр. Д. 1655 № 55. „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой Тотемскаго уѣзда Стрѣлицкіе волости крестьянишко Ѳедюнка Яковлевъ сынъ Кипріяновской. Въ прошломъ, государь, во 160 г. дали, государь, они Стрѣлицкіе волости крестьяна всѣмъ міромъ мнѣ, сиротѣ, въ той же Стрѣлицкой волости пустую деревню Иванчевицу изъ пуста въ жило на льготу на два года со всѣмъ угодьемъ и мірскую данную на тое деревню мнѣ сиротѣ твоему они дали, и въ томъ на меня сироту поручную запись взяли, что мнѣ сиротѣ тою деревнею самому владѣть и твои государевы подати и мірскіе поборы платить Стрѣлицкіе волости съ крестьяны врядъ. И тое мнѣ деревни Иванчевицы ни продать, ни заложить и безъ жильца впустѣ не покинуть, и въ міръ не отказать“.

[2]) Р. И. Б. XIV, 366, 400, 412.

[3]) Пр. Д. 1554—1635, л. 3, 11; 1624 № 8; 1644 № 31; 1650 № 30.

путемъ сдѣлокъ по нѣсколькимъ рукамъ, когда вотчичъ требовалъ ея возвращенія, а покупатели отказывались ее возвращать, такъ какъ въ противномъ случаѣ потеряли бы заплаченныя за нее деньги. Это временное свое право на покинутыя деревни или пустоши волость осуществляла подъ вліяніемъ тягла, изъ желанія найти въ новомъ сочленѣ сотрудника по несенію повинностей, облегчающаго своимъ участіемъ бремя остальныхъ волощанъ, а не ради какихъ либо самостоятельныхъ внутреннихъ интересовъ міра. Право на покинутые участки принадлежитъ волости именно какъ единому цѣлому, въ которомъ всѣ члены имѣютъ равенство участія, а не какъ товариществу, не какъ совокупности неравныхъ по величинѣ долей. Поэтому, въ распоряженіи покинутыми участками волость выступаетъ съ признаками поземельной общины.

Въ другихъ случаяхъ общинное владѣніе волости еще ярче. Волость владѣетъ общими, всей волости, какъ цѣлому, какъ общественному союзу принадлежащими угодьями. Было нѣкогда время, когда на входящія въ границы волости и никѣмъ въ частности незанятыя земли простиралась власть міра и когда волость неограниченно распоряжалась ими, не зная надъ собою никакого высшаго контроля. Факты такого распоряженія можно встрѣтить еще и въ XVII вѣкѣ. Такъ напр., 30 марта 1604 г. сотскій, десятскіе и всѣ крестьяне Шевденицкой волости „дали въ домъ великому Чудотворцу Миколѣ и преподобному Симеону ко храму поженку Маслянку на рѣкѣ на Кокшенгѣ въ Шевденицкой волости“ [1]). 25 марта 1617 г. староста и всѣ волостные люди Никольскаго Пудожскаго погоста „дали Палеостровскаго монастыря игумену Іосифу съ братіей въ томъ же Никольскомъ въ Пудожскомъ погостѣ на черномъ лѣсу на Рагнуксѣ рѣкѣ государевой земли и воды подъ мельницу на всѣ на четыре стороны отъ мельницы по 30 саженъ“ [2]). Но въ XVII вѣкѣ идея о принадлежности никѣмъ не занятыхъ земель государству прочно укоренилась, и государство распоряжается ими и жалуетъ ихъ поверхъ и помимо волости. Волость владѣетъ пахотными землями, угодьями, лугами, лѣсами, выгонами, рыбными ловлями, принадлежащими ей, какъ общественному цѣлому и находящимися въ общественномъ пользованіи; но эти общеволостныя угодья заносятся въ писцовую книгу, какъ казенныя, состоящія въ пользованіи волости изъ оброка. Такія общеволостныя угодья отводятся къ волости писцами. Такъ, волость Лузская Пермца Сольвычегодскаго уѣзда, состоявшая въ 1620 г. изъ 177 деревень и починковъ съ 440 крестьянскими дворами и дѣлившаяся на нѣсколько все болѣе обособлявшихся приходовъ, снимала на оброкъ у казны громадную площадь съ лѣсами и рѣками, съ рыбными ловлями, бобровыми гонами и разными лѣсными промыслами. Писцовая книга изображала эти угодья такими словами: „Лузскіе Пермцы всея волости за крестьяны на оброкѣ рыбная ловля и бобровые гоны половина рѣчки Красные, да половина рѣчки Кодры, да половина

---

[1]) Р. И. Б. XIV, 165.

[2]) *Е. Барсовъ*, Палеостровъ. Чт. О. И. Д. Р 1868 г. кн. I, стр. 128.

рѣчки Ѳедоровы, да половина рѣчки Мамонты, да рѣчка Чемелина. А лѣсу промежъ тѣхъ рѣчекъ по сотной и по дозорнымъ книгамъ 128 г., и по смѣтѣ въ длину 450 верстъ, а поперекъ въ иномъ мѣстѣ 220 верстъ, а индѣ больше, индѣ меньше, въ рѣкахъ рыбнал ловля и бобровые гоны, а по лѣсу крестьяне за звѣремъ лѣсуютъ и всякими угодьями владѣютъ". Оброкъ крестьяне платили всею волостью въ размѣрѣ 7 рублей ежегодно [1]). Волость Кулуя въ Тотемскомъ уѣздѣ снимаетъ на оброкъ пустоши для сѣнокоса, которыя писецъ 1620-хъ годовъ обозначаетъ, какъ пустоши на сѣнномъ оброкѣ „всея волости за крестьяны" [2]). Въ томъ же уѣздѣ волости Дмитріевъ Наволокъ и Толшма снимаютъ изъ оброка каждая по нѣскольку пустошей, эксплуатируя ихъ коллективнымъ трудомъ: „пустоши, что косятъ всею волостью", какъ о нихъ говорятъ документы [3]). Первая изъ волостей платила за свою пустошь ежегодно оброка въ казну 20 алтынъ, а вторая 1 руб. 29 алт. 4 деньги. Кленовская волость Чарондской округи въ лицѣ своего старосты ходатайствовала въ 1629 г. о сѣнныхъ покосахъ, „приписанныхъ" писцами къ этой волости за оброкъ и отнимаемыхъ у волости частными лицами [4]). За рѣдкою волостью Двинскаго уѣзда по писцовой книгѣ 1620-хъ годовъ не значится общеволостныхъ угодій на оброкѣ *„за всѣми крестьяны"*, при чемъ эти общеволостныя угодья „за всѣми крестьяны" строго отличаются книгой отъ частныхъ оброчныхъ держаній отдѣльныхъ крестьянъ волости, перечисляемыхъ книгой подъ рубрикой: такой-то волости „за крестьяны" съ указаніемъ отдѣльныхъ держателей. Такъ напр. у Кехотской волости „за всѣми крестьяны" записаны были двѣ пустоши, покинутыя ихъ прежними владѣльцами, имена которыхъ видны изъ названій пустошей: пустошь Захаровская съ мѣстомъ дворовымъ и поросшей лѣсомъ пашнею и пустошь, что была деревня Борисовская Спировская, съ дворовымъ мѣстомъ, съ пахотною землею въ видѣ перелога въ размѣрѣ четверти и съ поросшею лѣсомъ пашнею въ размѣрѣ 2 четвертей. Затѣмъ всей волости въ совокупности принадлежали и также были записаны „за всѣми крестьяны" общій выгонъ, „что имъ дано подъ поскотину, островокъ Луковецъ да починокъ Поздѣевъ" и сѣнокосъ — поженка на Кривлянѣ въ Великокурскомъ острову [5]). Волость Княжъ-островъ держала на оброкѣ три пустоши, при чемъ въ одной изъ нихъ находимъ наряду съ перелогомъ и съ пахотными участками, которые засыпало пескомъ и отмыло водою, также и „пашню паханую", т. е. распаханный участокъ въ размѣрѣ четверти съ полутретникомъ середней земли. Кромѣ того всей волости „всѣмъ крестьянамъ" въ совокупности принадлежали селища, сѣнные покосы, рыбныя ловли въ Двинѣ рѣкѣ, треть озера

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 446.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 480.

[3]) Пр. Д. 1626 № 2. „Роспись государевымъ царевымъ и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руси четвертнымъ денежнымъ доходомъ".

[4]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 160.

[5]) Арх. мин. юст. писц. кн. 9, л. 643 об.

Ширшенскаго и тоня на морскомъ берегу[1]). Въ Койдокурской волости угодьями, находившимися въ общинномъ пользованіи „за всѣми крестьяны“ были: 10 пустошей съ перелогами и лѣсными порослями, поскотина, рыбная ловля въ Двинѣ и островокъ Середній на Двинѣ съ осьминою распаханной пашни[2]).

Оставляя за собою въ оброчномъ держаніи пустоши, бывшія когда-то деревнями, волость, можетъ быть, разсчитываетъ сдать ихъ съ теченіемъ времени отдѣльнымъ жильцамъ; можетъ быть, она какимъ нибудь образомъ уже эксплуатируетъ эти лѣсныя поросли, которыми пустоши покрылись. Нѣкоторыя изъ нихъ она распахиваетъ, повидимому, коллективнымъ трудомъ. Выгонъ, сѣнокосы и рыбныя ловли эксплуатируются именно коллективно, „всею волостью“, и съ такою коллективною волостною эксплуатаціей угодій мы постоянно встрѣчаемся на Сѣверѣ. Она и не должна была представлять никакихъ затрудненій, если припомнить немноголюдность сѣверныхъ волостей. Въ особенности хорошо были, повидимому, организованы рыбныя ловли въ большихъ рѣкахъ, служившихъ общеволостными угодьями. Вся волость выходила на рыбную ловлю, образуя въ этомъ случаѣ какъ бы промысловую артель. Такъ, напр., въ волости Ковдѣ Кольскаго уѣзда, состоявшей изъ 21 двора, крестьяне ловили въ рѣкѣ Ковдѣ красную рыбу—семгу „всею волостью“, устраивая для этого „заборъ“, т. е. преграждая теченіе рѣки особаго рода плотиной. Керетской волости того же уѣзда, состоявшей по книгѣ 1608-11 гг. изъ 39 дворовъ, принадлежало $^3/_4$ рѣки Керети, четвертою долею которой владѣлъ Соловецкій монастырь. Керечане ловили рыбу въ своей части „всею волостью“. Весь Кольскій посадъ составлялъ промысловую артель, которая вела обширныя и сложныя рыбныя операціи, коллективно ловя рыбу и посылая уловъ на продажу въ Архангельскъ. Въ Перемской волости Кеврольскаго уѣзда „у всѣхъ крестьянъ“ въ коллективномъ пользованіи были озерко Поча да рѣка Поча, притокъ Пинеги, „а рыба въ нихъ: щука, окунь, язь, лохъ“, какъ замѣчаетъ писцовая книга. Волости же принадлежали рыбныя ловли въ р. Пинегѣ да половина р. Еюги. Сосѣдніе съ перемцами пильегорцы ловили рыбу „всею волостью“ въ рѣкѣ Пинегѣ сверху, отъ межи съ Перемскою волостью, до межи съ Волоко-пинежскою[3]). „За всѣми крестьяны“ каждой волости Двинскаго уѣзда, за очень немногими исключеніями, писцовая книга 1620-хъ гг. непремѣнно упоминаетъ общія рыбныя ловли.

По совладѣнію угодьями сѣверныя волости связываются въ союзы подобно тому, какъ въ такіе совладѣльческіе союзы соединялись отдѣльные дворы, деревни и группы деревень. Такъ, напр., въ Кеврольскомъ уѣздѣ Чакольская волость ловила рыбу въ р. Пинегѣ пополамъ съ сосѣднею волостью Перемскою[4]). По писцовой книгѣ 1620-хъ годовъ въ Двинскомъ уѣздѣ

[1]) Ibid. л. 619, 621.
[2]) Ibid. л. 687 об., 692, 695, и passim кн. 9, 10, 11.
[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 185, л. 297, 314.
[4]) Арх. мин. юст. писц. кн. 185, л. 172 об.

волости Лисеостровская и Заостровская, станы Андреяновъ и Терпиловъ и монастыри Николо-Корельскій и Архангельскій составляли союзъ по совладѣнію сѣнными покосами и рыбными ловлями въ Двинскомъ устьѣ на островахъ: Гольцѣ, Кумбышѣ, Анфальцѣ и Лясоминскомъ наволокѣ. Монастыри участвовали въ союзѣ по тѣмъ деревнямъ, которыми они владѣли въ упомянутыхъ волостяхъ. Въ 1651 г. къ этой группѣ былъ предъявленъ искъ другою совладѣльческою группой, состоявшей изъ становъ Лентьева и Алексѣева и Кегостровской волости и заявлявшей притязаніе на участіе въ пользованіи тѣми же угодьями. Споръ былъ улаженъ на совѣщаніи посыльщиковъ отъ заинтересованныхъ волостей и представителей монастырей и окончился мировою сдѣлкою между обѣими группами, заключенною 8 марта 1651 г., по которой рѣшено было сѣнные покосы на упомянутыхъ морскихъ островахъ и наволокахъ подѣлить къ Троицыну дню 1651 года между волостями того и другого союза и монастырями пропорціонально долямъ тягла, приходившимся на каждую волость и на монастырь. Но нѣкоторыя угодья, именно острова Падростровъ и Тайнокурецъ были оставлены безъ раздѣла подъ выгонъ, общій для всѣхъ участниковъ обоихъ союзовъ; равнымъ образомъ неподѣленными рѣшено было оставить и рыбныя ловли у всѣхъ этихъ острововъ. Причитающаяся на всѣ эти угодья сумма казеннаго оброка должна разверстываться между всѣми участниками обоихъ союзовъ также „повытно“, т. е. пропорціонально долямъ тягла. Въ случаѣ покушеній со стороны на общія угодья всѣ волостныя общества и монастыри обязались защищать ихъ общими усиліями, „стоять всѣмъ съ одного, другъ друга не подать“. Такимъ образомъ двѣ совладѣльческія группы волостей и монастырей вступили по этому договору въ обширное складство, совладѣющее общими угодьями, часть которыхъ, именно сѣнокосы, у членовъ складства будетъ въ раздѣльномъ, часть—пастбища и рыбныя ловли—въ нераздѣльномъ пользованіи. Но въ этомъ договорѣ шла рѣчь не о раздѣлѣ самаго владѣнія, которое продолжало оставаться общимъ, а только о такомъ раздѣлѣ пользованія сѣнокосомъ передъ косьбой, какой обыкновенно практикуется при совладѣніи лугами. Для того и назначенъ срокъ раздѣла—Троицынъ день—время, когда запираются луга передъ покосомъ. Что этотъ раздѣлъ не былъ окончательнымъ, видно изъ дальнѣйшаго параграфа сдѣлки, предусматривающаго именно такой окончательный раздѣлъ, который, впрочемъ, не долженъ уничтожать солидарности между членами союза въ юридической защитѣ угодій: „а будетъ мы подѣлимъ тѣ згодья *въ вѣкъ* и дѣльныя попишемъ, и намъ потому же стоять за одно по сей записи“. Совладѣніе двинскихъ волостей сѣнокосами на морскихъ пожняхъ острововъ Гольца, Кумбыша, Анфальца и другихъ не было, очевидно, новостью для середины XVII в. Еще отъ восьмидесятыхъ годовъ XVI вѣка до насъ дошло два акта о раздѣлѣ пользованія сѣнокосомъ на этихъ островахъ между тѣми же волостями. Изъ нихъ первый былъ заключенъ въ 1583 г., при чемъ сѣнокосные участки были подѣлены на 5 лѣтъ; второй относится къ 9 іюля 1587 года, послѣ того, какъ этотъ пятилѣтній срокъ уже истекъ, и распредѣляетъ

участки впредь только на годъ, такъ какъ въ то время шло описаніе Двинскаго уѣзда писцомъ кн. В. Звенигородскимъ. Обѣ эти раздѣльныя записи, совпадая въ значительной мѣрѣ по содержанію, рисуютъ намъ порядокъ такого сложнаго общиннаго сѣнокоса нѣсколькихъ волостей. Тотъ же порядокъ держался, конечно, и въ XVII в. Покосъ долженъ начинаться для всѣхъ въ одинъ срокъ: за недѣлю до Ильина дня и выѣзжать на покосъ должны всѣ волости вдругъ. Каждая волость коситъ только доставшійся ей жеребій. Члены союза обѣщаются стоять всѣ заодинъ противъ нарушителей этихъ правилъ[1]). Такое же внушительное по многолюдству зрѣлище долженъ былъ представлять изъ себя и съѣздъ всѣхъ волостей къ одному сроку на общую рыбную ловлю. На этой ловлѣ группа волостей дѣйствовала, какъ единая промышленная община—артель, вѣроятно, напоминая операцію рыбной ловли громадной казачьей общиной уральскаго войска. Но, сливаясь въ общій складническій союзъ, волости, заключившія договоръ 8 марта 1651 г. продолжали составлять двѣ отдѣльныя складническія группы, такъ что и договоръ былъ написанъ въ двухъ экземплярахъ, по одному на каждую[2]). Въ свою очередь каждая изъ входившихъ въ группу волостей представляла изъ себя особую общину—артель, дѣйствовавшую на рыбныхъ ловляхъ общимъ неводомъ и другими орудіями промысла. Въ этой общинѣ—волости происходилъ уже раздѣлъ пользованія между отдѣльными ея членами. Но что служило мѣриломъ, опредѣляющимъ размѣры приходившейся на каждаго члена доли общаго продукта въ случаѣ, напр., общинной рыбной ловли,—трудовыя ли силы хозяйства, количество ли употребляемыхъ имъ орудій и снастей, или падающая на него доля тягла, сказать трудно. Намъ, къ сожалѣнію, не удалось встрѣтить документовъ, которые показывали бы, какъ между членами волости распредѣлялся продуктъ такихъ коллективныхъ хозяйственныхъ операцій.

Итакъ, въ сѣверно-русской волости въ XVII вѣкѣ имѣются начала индивидуальнаго, общаго и общиннаго владѣнія землей. Въ индивидуальномъ владѣніи находятся деревни и доли деревень, принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ; на нихъ ихъ владѣльцы смотрятъ, какъ на собственность; права на нихъ обезпечиваются крѣпостными актами; владѣльцы осуществляютъ на нихъ всѣ права распоряженія безъ всякаго контроля со стороны общины. Въ общемъ владѣніи состоятъ земли и угодья, которыми совладѣютъ складничества — товарищества съ опредѣленными долями каждаго члена. Эти доли—идеальныя, но онѣ составляютъ собственность тѣхъ лицъ, которымъ принадлежатъ и могутъ быть реализованы посредствомъ раздѣла общаго имущества или частичнаго выдѣла по требованію владѣльцевъ долей. Наконецъ, общинное владѣніе простирается на земли и угодья, которыми волость владѣетъ и которыми пользуется, какъ цѣлое, какъ субъектъ, не разлагающійся на разнообразныя идеальныя доли отдѣльныхъ членовъ,

---

[1]) Р. И. Б. XIV, 122.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 9, л. 435. Р. И. Б. XIV, 405.

принадлежащія отдѣльнымъ членамъ на правахъ собственности. Волость не есть сумма различныхъ идеальныхъ долей, какъ отдѣльныхъ слагаемыхъ; она по отношенію къ своимъ общиннымъ землямъ и угодьямъ есть единый цѣлый, недѣлимый субъектъ права. Отдѣльный членъ волости не можетъ требовать реализаціи своей владѣльческой доли путемъ выдѣла участка изъ общинныхъ угодій, какъ это дѣлаетъ товарищъ-совладѣлецъ, складникъ. Членъ частнаго деревенскаго складства или даже нѣсколькихъ товариществъ-складствъ сѣверный крестьянинъ, какъ волощанинъ, есть членъ общины. Ему принадлежитъ право пользованія волостными общинными угодьями, но это право онъ осуществляетъ въ составѣ всего коллективнаго субъекта. Рѣка съ волостнымъ рыболовнымъ угодьемъ или волостное пастбище принадлежитъ всей волости, какъ цѣлой нераздѣльной совокупности, а не какъ суммѣ совладѣльцевъ. Раздѣлъ ихъ на отдѣльные участки для реализаціи идеальныхъ долей съ правами распоряженія такими участками, предоставленнаго ихъ владѣльцамъ — немыслимъ. Въ общинномъ угодьѣ дѣлится только пользованіе, даже нерѣдко только продуктъ пользованія. Права волощанъ на общинныхъ угодьяхъ равны. Въ такомъ общинномъ владѣніи волости находятся участки, покинутые ихъ владѣльцами, деревни, обратившіяся въ пустоши. Это владѣніе волости временное—до возвращенія собственниковъ. Въ общинномъ владѣніи волости состоятъ далѣе угодья, эксплуатируемыя всею волостью коллективно; наконецъ, земли и угодья, никѣмъ не занятыя и не эксплуатируемыя, входящія въ границы волости, или по крайней мѣрѣ прилегающія къ нимъ. Нѣкогда волость простирала свое неограниченное право на такія земли, обладая вообще высшею территоріальною властью надъ всѣми землями, входившими въ ея предѣлы, даже и надъ участками, состоявшими въ индивидуальной собственности [1]). Это было тогда, когда воздѣйствіе государства на волость не было еще слишкомъ замѣтнымъ и когда не сознавалась еще идея о принадлежности никѣмъ не занятыхъ земель государству. Въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемся съ тою же двойственностью взгляда, которою проникнуто все крестьянское землевладѣніе на Сѣверѣ. Волость продолжаетъ разсматривать никѣмъ не занятыя земли, прилегающія къ ея деревнямъ и находящіяся между ними, какъ общеволостную собственность, но правительство считаетъ ихъ государственными землями, которыя могутъ снимать изъ оброка, какъ юридическія, такъ и индивидуальныя лица и которыя „отводитъ“ къ волости за оброкъ государственный писецъ. Описывая такое находящееся въ общинномъ владѣніи волости угодье, писецъ справляется о правѣ волости и указываетъ на документъ, служащій основаніемъ владѣнія или въ качествѣ такого основанія ссылается на давность, отмѣчая въ книгѣ, что угодье состоитъ „за всѣми крестьяны“ такой-то волости „по крѣпостямъ“, „по сотной книгѣ“ или что это „старое ихъ владѣнье“ [1]). Въ писцовой книгѣ нѣтъ уже рѣчи о территоріальномъ верховенствѣ волости даже надъ ея

[1]) *Павловъ-Сильванскій,* Сочиненія т. III, стр. 61 и сл.

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 9, л. 435, 444 об., 502 и passim.

общинными землями. Волость, съ точки зрѣнія, проводимой книгою, владѣетъ этими землями, какъ юридическое лицо на частномъ правѣ. Ярче всего эта точка зрѣнія выступаетъ тамъ, гдѣ писецъ, отводя угодья всей волости и налагая на нее оброкъ, требуетъ представленія поручителей по волости въ платежѣ этого оброка, занося ихъ имена въ книгу, совершенно такъ же, какъ онъ это дѣлаетъ и по отношенію къ частнымъ лицамъ [1]).

Элементы общиннаго землевладѣнія, присутствіе которыхъ замѣтно въ сѣверной волости XVII в., облегчали путь правительственной политикѣ, цѣлью которой было устроить волость, какъ поземельную общину, уничтоживъ въ ней личную собственность на земельные участки. Политика эта завершилась межевыми инструкціями и распоряженіями о земельныхъ передѣлахъ во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Но въ этихъ актахъ не было чего либо рѣзко новаго. Они лишь заканчивали собою то направленіе, котораго держалось по отношенію къ сѣверному крестьянскому землевладѣнію государство XVII вѣка. Взглядъ правительства того времени расходился съ землевладѣльческою практикой у самихъ крестьянъ. Правительство XVII в. смотрѣло сквозь пальцы на практиковавшійся у крестьянъ земельный оборотъ, поскольку переходъ земли совершался изъ однихъ тяглыхъ рукъ въ другія, тяглыя же, интересовалось главнымъ образомъ исправностью податей и пресѣкало только переходъ черной земли къ бѣломѣстцамъ. Но оно никогда не признавало поморскихъ крестьянъ собственниками черной земли, которая въ его глазахъ была всегда государственною землею. Точка зрѣнія московскаго правительства была въ этомъ случаѣ ясна и послѣдовательна. Его главнымъ интересомъ было тягло, исправный сборъ податей и повинностей, а земля служила средствомъ для отбыванія повинностей и взноса податей. Если волость чувствовала за собою территоріальную власть надъ занимаемымъ ею пространствомъ земли и право на пустыя незанятыя земли, если отдѣльные крестьяне смотрѣли на себя, какъ на собственниковъ своихъ участковъ, то правительство видѣло въ этихъ участкахъ надѣлы казенной земли, а въ незанятыхъ земляхъ—казенный земельный запасъ, раздаваемый изъ казны за оброкъ, какъ волостямъ, такъ и отдѣльнымъ лицамъ. Надѣлы отводились казною ради тягла и „по тяглу“, т. е. соотвѣтственно податной единицѣ, значившейся за крестьяниномъ и выражавшей его трудовыя силы и хозяйственныя средства. Оброчныя держанія также были источникомъ казеннаго дохода и непосредственно, доставляя въ казну оброчныя деньги, и

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 9, л. 328: „Церковная жъ Николы Чудотворца да Мудьюжскіе волости за всѣми крестьяны, что имъ дано вновь въ Мудьюжской волости по ихъ старымъ крѣпостямъ около Сухого моря въ Улмицѣ да въ Межгорахъ... пожни сѣна 20 копенъ, оброку 2 алт. 2 д., пошлинъ деньга. А дать имъ тотъ оброкъ впервые на срокъ на Рожд. Хр. 133 году да и впередъ имъ тотъ оброкъ платить на тотъ же срокъ. А порука по нихъ въ оброкѣ: ярославецъ Аѳонка Ивановъ сынъ Григорьевъ да Уемскіе волости Сенка Ѳедоровъ“.

посредственно, служа подспорьемъ тяглоспособности крестьянъ. Это надѣленіе крестьянъ казенной землей ради тягла приводило правительство къ установленію взгляда на волость, какъ на поземельную общину и къ введенію въ ней общинно-поземельныхъ порядковъ. Земля служитъ средствомъ для подати; но разъ волость несетъ подать, какъ община, всѣ члены которой связаны круговою порукой, то естественно, что и владѣть землею, т. е. средствомъ, питающимъ податную способность, она должна какъ община, съ передѣлами земель между членами по несомому каждымъ тяглу. Такой взглядъ проводился еще писцами XVII в.[1]). Окончательно онъ восторжествовалъ въ началѣ XIX в., когда произошли первые передѣлы земли въ сѣверныхъ волостяхъ.

Вполнѣ, слѣдовательно, сѣверная волость сформировалась въ поземельную общину только въ началѣ XIX вѣка. Волость XVII вѣка нельзя еще назвать поземельной общиной. Въ ней, если держаться точки зрѣнія ея населенія, много элементовъ личной земельной собственности. Деревни и участки деревень принадлежатъ ихъ владѣльцамъ на правахъ личной собственности и не передѣляются. Волость того времени это—общество личныхъ землевладѣльцевъ, которые однако связаны цѣлымъ рядомъ общихъ интересовъ, создающихъ мірскую солидарность. Эта солидарность проявляется въ различныхъ сторонахъ жизни: въ требующей совокупности усилій борьбѣ съ природой, въ разнаго рода коллективныхъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ, въ самоуправленіи, въ охранѣ общей безопасности, въ отвѣтственности передъ государствомъ и за безопасность, и за исправность казеннаго тягла. Такая солидарность волостного общества при равенствѣ участія каждаго члена въ общихъ интересахъ волости придавала волости характеръ общины. Среди общеволостныхъ интересовъ немаловажную роль играло между прочимъ и владѣніе принадлежащими всей волости землями и угодьями, и коллективное хозяйство на нихъ. По отношенію къ этимъ землямъ волость была поземельной общиной, и слѣдовательно, наряду съ личной собственностью въ волости XVII в. были и элементы общиннаго владѣнія и даже общиннаго пользованія. Такъ что сѣверная волость соединяла преимущества и выгоды обоихъ видовъ землевладѣнія: частной собственности съ общиннымъ. Волость въ XVII в. была, такъ сказать, на пути къ обращенію въ полную поземельную общину. Въ ней происходитъ борьба начала личной собственности и начала общиннаго владѣнія. Идея собственности возникала изъ трудового захвата свободной, никѣмъ не занятой земли, которымъ создавалась сѣверная деревня, и эта идея развивалась на Сѣверѣ безъ какого либо воздѣйствія стройныхъ нормъ римскаго права, подъ вліяніемъ котораго складывался институтъ частной собственности въ Западной Европѣ; поэтому она и приняла въ Поморьѣ такія своеобразныя неуклюжія черты. Начало общиннаго землевладѣнія исходило изъ мірской солидарности и главнымъ образомъ изъ совокупной отвѣтственности міра передъ

[1]) I, стр. 191.

государствомъ за исправность казеннаго тягла. Тягло устанавливало связь между землевладѣніемъ и несеніемъ государственныхъ повинностей, и эта связь, которая такъ ярко замѣтна въ помѣстномъ и вотчинномъ землевладѣніи, сказывалась и въ крестьянскомъ. Подъ дѣйствіемъ тягла росла и крѣпла мысль о правѣ на землю для каждаго, кто платилъ государству подати, и внутри волости въ средѣ самого крестьянства назрѣвалъ взглядъ на землю, какъ на средство обезпеченія этого платежа. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого взгляда было надѣленіе землею пропорціонально податямъ и передѣлы земли при перемѣнѣ податного обложенія. Каждое изъ этихъ началъ находило себѣ опору въ различныхъ слояхъ волостного крестьянства. За личную собственность стояли зажиточные владѣльцы деревень; мысль о надѣленіи казенной землей съ передѣлами находила себѣ сторонниковъ среди сельскаго пролетаріата, которому навстрѣчу шло все время и правительство, стремившееся къ умноженію числа плательщиковъ податей. Взгляды правительства и взгляды необезпеченной массы совпадали, и, разумѣется, вліятельная правительственная поддержка не могла не оказать своего дѣйствія на исходъ борьбы двухъ началъ. При томъ напряженіи силъ, котораго требовало себѣ отъ русскаго общества государство и при томъ могучемъ дѣйствіи, какое было оказываемо на весь складъ русской жизни государственнымъ тягломъ, побѣда въ борьбѣ должна была остаться за тѣмъ началомъ, которое было связано съ тягломъ. Въ свою очередь этой побѣдѣ содѣйствовали и тѣ порядки, которые сложились уже среди крестьянства, то совладѣніе землею, которое такъ развито было и въ отдѣльной деревнѣ, и въ группахъ деревень, и которое во многихъ отношеніяхъ близко уже подходило къ общиннымъ порядкамъ. Въ деревнѣ мы уже замѣчаемъ отдѣленіе „живущей“ полевой земли отъ заимокъ, захватовъ никѣмъ не занятой земли, все увеличивавшуюся черезполосицу на полевой землѣ, благодаря дробленію при наслѣдственныхъ переходахъ и отчужденіяхъ, передѣлы земли по тягловымъ долямъ, совладѣніе угодьями. Совладѣніемъ угодьями связаны были и группы деревень. Къ тому же вели и элементы общиннаго владѣнія въ цѣлой волости: практика общиннаго владѣнія и пользованія общеволостными угодьями облегчала путь для пробивавшейся мысли объ общинномъ владѣніи и всѣми безъ исключенія волостными землями, въ томъ числѣ и участками, бывшими въ личной собственности.

Глава II.

Церковный приходъ на сѣверѣ.

Особенностью церковной организаціи древне-русскаго Сѣвера была ея близость къ организаціи земской. Церковный строй былъ тѣсно здѣсь связанъ съ земскою жизнью и отражалъ на себѣ многія черты этой жизни.

Близость и связь земскаго и церковнаго строя видны прежде всего въ совпаденіи церковной общины, прихода, съ земскою областною единицею, волостью. Такимъ образомъ земская волость въ XVII вѣкѣ—не только самоуправляющійся хозяйственный союзъ, которому государство предоставило нѣкоторыя политическія функціи, но также и церковная община. Не были отдѣльными самостоятельными приходами и не имѣли церквей лишь мелкія незначительныя волостки, примыкавшія въ церковныхъ дѣлахъ къ сосѣднимъ волостямъ, а также „окологородные“ станы, т. е. подгородные поселки, входившіе въ составъ городскихъ приходовъ. Но обыкновенно волость на сѣверѣ—въ то же время и приходъ. Такъ въ Мезенскомъ уѣздѣ по писцовой книгѣ 1620-хъ годовъ каждая изъ его волостей оказывается въ тоже время и церковнымъ приходомъ. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ по переписи 1648 г. изъ его 31 волости только 2 не имѣютъ церквей и не составляютъ приходовъ; остальныя всѣ совпадаютъ съ приходами. Въ Турчасовскомъ стану по той же переписи въ 16 мелкихъ волосткахъ не было церквей, но 29 волостей были въ тоже время и приходами. Такимъ же преобладаніемъ волостей-приходовъ отличаются уѣзды: Двинскій, Кеврольскій, Яренскій, Кайгородскій, Чердынскій, Соликамскій, Устюжскій, Тотемскій, Важскій и Устьянскія волости[1]).

---

[1]) Въ *Двинскомъ* у. по переписной книгѣ 1678 г. мы насчитали 35 волостей, совпадающихъ съ приходами, 4 волости болѣе чѣмъ съ двумя приходами каждая и 4 волости, не имѣвшія церквей. Въ *Кеврольскомъ* у. по переписи 1620-хъ гг.—15 волостей-приходовъ и 3 не имѣвшихъ церквей. Въ *Яренскомъ* у. по переписи 1608 г. 31 волость-приходъ и 16 волостей, не имѣвшихъ церквей. Въ *Кайгородскомъ* у. по переписи 1678 г. 4 волости—приходы, одна волость дѣлилась на 3 прихода, станъ Окологородный не имѣлъ церкви, входилъ въ составъ городского прихода. Въ *Чердынскомъ* у. по переписи 1647 г. кромѣ Окологороднаго стана каждый погостъ—въ то же время и приходъ. По переписи 1678 г. въ нѣкоторыхъ погостахъ образуются уже по

И въ перечисленныхъ уѣздахъ встрѣчаются волости, дробившіяся на два и болѣе приходовъ, но это были рѣдкія исключенія. Наоборотъ, были уѣзды, волости которыхъ *обыкновенно* дѣлились на нѣсколько приходовъ. Сюда принадлежатъ Заонежскіе погосты, уѣзды Вятской земли, и къ этой же группѣ можетъ быть отнесенъ Сольвычегодскій уѣздъ. Въ Заонежьѣ погостъ—крупная областная единица, состоявшая изъ нѣсколькихъ приходовъ, образовавшихся путемъ выдѣленія „выставокъ“ изъ основного первоначальнаго прихода. Но нѣкогда и здѣсь погостъ совпадалъ съ приходомъ, что видно изъ самыхъ названій этихъ заонежскихъ погостовъ по приходскимъ церквамъ: Рождественскій, Ильинскій, Никольскій и т. п. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ по переписи 1620-хъ годовъ станы Окологородный и Пачеозерскій не имѣли церквей; волости: Утманова, Учецкая и Андреевская были въ то же время приходами. Земскую самоуправляющуюся единицу представлялъ изъ себя Благовѣщенскій приходъ, отдѣлившійся отъ Андреевской волости. Остальныя дѣленія Сольвычегодскаго уѣзда: станъ Алексинскій, волости: Лальская, Лузская Пермца и Вилегодская дѣлились на 3, 5 и 7 приходовъ [1]).

Итакъ, волости-приходы—наиболѣе частое явленіе среди областныхъ единицъ поморскаго края въ XVII в. Совпаденіе прихода съ волостью здѣсь столь обыкновенно, что напр. составитель извѣстнаго судебника 1589 г., человѣкъ несомнѣнно сѣвернаго происхожденія, устанавливая плату за безчестіе приходскому священнику, опредѣляетъ ея размѣръ „противъ волостного доходу, что отъ церкви дойдетъ“ [2]). Здѣсь слово „волостной“ употребляется какъ синонимъ слова „приходскій“, очевидно потому, что съ точки зрѣнія автора судебника приходъ и волость были одно и то же. Даже въ такихъ офиціальныхъ документахъ, какъ писцовыя книги, областная единица, въ заголовкѣ описанія названная „волостью“, въ са-

2 прихода. Въ *Соликамскомъ* у. по переписи 1647 г. 10 волостей—приходовъ, и въ одномъ только „погостѣ на Городищѣ“ нѣтъ церкви. Въ *Устюжскомъ* у. по переписи 1623—26 гг. въ 36 случаяхъ волость совпадаетъ съ приходомъ, въ 8 случаяхъ волость подраздѣляется на 2 прихода, въ 4 случаяхъ волость состоитъ болѣе чѣмъ изъ 2 приходовъ (3—4), и въ 9 волостяхъ не было церквей. Въ *Тотемскомъ* у. по переписи 1623—25 гг. 12 волостей были приходами, 3 волости дѣлились на 2 прихода, 3—на 3 прихода и 1 волость состояла изъ 5 приходовъ. Приходы *Важскаго* у. въ концѣ XVII в. въ значительномъ большинствѣ случаевъ совпадаютъ съ волостями Въ *Устьянскихъ волостяхъ* по переписи 1635 г. въ 4 случаяхъ волость совпадала съ приходомъ и въ двухъ случаяхъ (Введенскій станъ и Пежемская волость) въ каждой обозначено по 4 прихода. Въ *Кольскомъ* у. приходами были волости: Пояргуба, Кандалакша, Ковда, Кереть и погостъ Понойскій. Часть I, прилож. I. *Верюжскій*, Аѳанасій, архіеп. Холмогорскій, Спб. 1908, 404—442. Ср. *Папковъ*, Древне-русскій приходъ. Богословскій Вѣстникъ 1897 №№: 2, 3, 4; *его же*: Погосты въ значеніи правительственныхъ округовъ и сельскихъ приходовъ въ сѣверной Россіи, 1898 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ и отдѣльно.

[1]) I, прилож. I, стр. 45—48.

[2]) Судебникъ Ѳедора Іоанновича, ст. 61.

момъ текстѣ называется иногда приходомъ[1]). Церковное дѣленіе тѣсно связывается съ административнымъ, и тамъ, гдѣ волость распадается на два или болѣе приходовъ, мы встрѣчаемся нерѣдко и съ расчлененіемъ ея на такое же число особыхъ самоуправляющихся міровъ. Такими обособившимися мірами были напр. приходы Вилегодской волости Сольвычегодскаго уѣзда, приходы Матигорской и Ухтъ-островской волостей Двинскаго уѣзда и др. Такъ что, если самоуправляющійся земскій союзъ дѣлается обыкновенно вмѣстѣ съ тѣмъ и церковнымъ приходомъ, то и наоборотъ обособляющійся отъ прежняго новый церковный приходъ становится вмѣстѣ съ тѣмъ и новою земскою самоуправляющеюся единицей.

Соотвѣтственно совпаденію волости съ приходомъ церковный погостъ былъ въ то же время и административнымъ волостнымъ центромъ[2]). Села на сѣверѣ въ XVII в. были большою рѣдкостью. Обыкновенно церковный погостъ съ одною, а довольно часто и съ двумя церквами: теплою и холодною расположенъ на берегу рѣки или на мысу при сліяніи двухъ рѣкъ поодаль отъ составляющихъ приходъ деревень. Деревянныя церкви по большей части очень просты, построены „клѣтски“ изъ горизонтально сложенныхъ бревенъ въ видѣ прямоугольнаго зданія. Но иногда это очень сложныя и затѣйливыя постройки, и при взглядѣ на иную поморскую церковь XVII в. съ ея придѣлами, съ ея многочисленными чешуйчатыми главами и главками, съ шатровыми и бочкообразными кровлями, съ прильнувшими къ основному зданію крылечками, лѣсенками, переходами, съ ея легкою художественною рѣзьбою — поражаешься смѣлостью и оригинальностью замысла создавшаго ее безвѣстнаго зодчаго, для котораго дерево, повидимому, было привычнымъ и послушнымъ матеріаломъ, покорно исполнявшимъ причудливые порывы его творчества. Въ этихъ деревянныхъ сѣверныхъ церквахъ, сѣрыми тонами своихъ поросшихъ мхомъ стѣнъ и кровель такъ хорошо гармонирующихъ съ окружающей ихъ обстановкой, съ темною зеленью растущихъ на погостѣ елей и съ сумрачнымъ видомъ сѣвернаго ландшафта, можно видѣть лучшіе памятники стариннаго русскаго архитектурнаго искусства, удивительные по полному отсутствію всякаго казеннаго шаблона, по изяществу, стройности и разнообразію сочетаній, по обилію тонкаго природнаго вкуса—и надо притомъ помнить, что вѣдь все это — произведенія простого русскаго деревенскаго топора!

Какъ мы уже знаемъ, церковное зданіе на сѣверѣ служило не только религіознымъ цѣлямъ, но и мірскимъ общественнымъ нуждамъ. Подобно собору св. Софіи въ старинномъ Новгородѣ и ларю при соборѣ св. Троицы во Псковѣ каждая волостная церковь на сѣверѣ служила архивомъ для мірскихъ документовъ, и въ ней подъ надзоромъ церковнаго старосты хранилась „всемірская коробка съ всемірскими письменами и съ разрубными списками, и съ отписками, и съ издержечными книгами“ и

[1]) I, 31.
[2]) I, 29—30, 203.

т. д.[1]). Церковная трапеза была мѣстомъ собранія волостныхъ сходовъ, отправленія правосудія и совершенія всякаго рода официальныхъ актовъ и частныхъ сдѣлокъ[2]). Тамъ же происходили иногда и трапезы въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е. ведущія начало отъ жертвоприношеній языческой старины мірскія собранія съ угощеніемъ въ складчину, съ питьемъ свареннаго на этотъ случай мірского молебнаго пива. Указаніемъ на такіе обычаи служатъ „котлы пивоварные и кашеварные“, упоминаемые въ описяхъ церковнаго имущества[3]). Только на нѣкоторыхъ немногихъ погостахъ для мірскихъ сходовъ находились особые мірскіе дворы, располагавшіеся среди дворовъ церковнаго причта, домиковъ жившихъ на погостѣ бобылей и келлій питавшихся „отъ церкви Божіей“ нищихъ. Здѣсь же на погостѣ ставились также земскіе дворы иного рода: „на пріѣздъ волостнымъ людямъ“,—временныя квартиры, какъ бы гостинницы для приходившихъ на погостъ изъ далекихъ деревень членовъ волостныхъ собраній или вообще для крестьянъ, являвшихся на погостъ по разнымъ дѣламъ. Видъ церковнаго погоста на сѣверѣ долженъ былъ быть очень оживленнымъ, благодаря непрерывному стеченію сюда волостного люда въ праздники къ богослуженію, въ будни по дѣламъ, на волостныя собранія, въ опредѣленные дни недѣли къ торгу, на который окрестные крестьяне везли свои продукты, продавая ихъ съ возовъ или изъ особыхъ находившихся иногда на погостахъ амбаровъ и лавокъ, владѣлицей которыхъ бывала между прочимъ и сама приходская церковь. На иныхъ погостахъ бывали торги въ опредѣленные дни года—ярмарки. Оживленію не мало долженъ былъ содѣйствовать пріютившійся тутъ же близъ церкви въ одномъ изъ дворовъ „государевъ кабакъ“, постоянный на большихъ погостахъ или временный, такъ называемый „гуляй-кабакъ“, подвижное летучее отдѣленіе главнаго кружечнаго двора, открывавшее свои операціи то на томъ, то на другомъ погостѣ въ дни храмовыхъ праздниковъ, ярмарки или по другимъ случаямъ, вызывавшимъ скопленіе народа[4]). На погостъ Яро-

---

[1]) Р. И. Б. XII, 754, 829; XXV, 77—78.

[2]) I, 203—205.

[3]) Р. И. Б. XII, 752.

[4]) Арх. мин. юст. писц. кн. 509. (Устюгъ В., 1620-е гг.). Волость *Пермогорья*... „Погостъ... на погостѣ дворцы непашенные..... (д) Порошки Логинова, а нынѣ на томъ дворѣ государевъ кабакъ, сбираютъ цѣловальники на вѣру; (д) земской мірской... Въ Пермогорской же волости на погостѣ амбары, а торгуютъ въ нихъ пріѣзжая тое жъ волости крестьяне (16 амбаровъ). Волость *Черевковская*... „на погостѣ лавки и амбары“ (19), въ томъ числѣ: „(анб.) никольской церковной, а владѣетъ имъ церковной староста Некраско Ѳедоровъ, даетъ пріѣзжимъ людямъ изъ постоялаго“.... „бобыльскіе оброчные дворцы“ (35), между ними „(дв) старой кабацкой, а нынѣ онъ на пріѣздъ земскимъ всякимъ людямъ. А оброкъ съ того двора платятъ міромъ“. Волость *Кивокурья*. „На погостѣ церковь св. пророка Иліи... да церковь св. Дмитрія Солунскаго... На погостѣ жъ (д) земскихъ людей на пріѣздъ волостнымъ крестьяномъ... Въ

курскаго стана Устюжскаго уѣзда къ церкви св. Николая Чудотворца, что на Приводинѣ на Двинѣ, трижды въ году въ храмовые праздники: на Благовѣщеніе и на оба Николина дня, зимній и вешній, происходило большое стеченіе богомольцевъ, такъ какъ икона св. Николая Приводинскаго славилась какъ чудотворная. Въ эти дни на погостѣ открывалась ярмарка, на которую съѣзжалось много торговыхъ людей. На тѣ же праздники, какъ жаловались въ 1628 г. въ челобитной государю никольскіе церковные старосты и прихожане, пріѣзжаютъ на Приводино съ Устюга и изъ Алексинскаго кабака таможенные и кабацкіе цѣловальники съ царскимъ кабацкимъ питьемъ, съ пивомъ и съ виномъ и располагаются возлѣ церкви, силою захватывая подъ временный кабакъ находящіеся здѣсь бобыльскіе дворцы. Вокругъ кабака начинается шумное веселье и пьяный разгулъ, непрерываемые и во время богослуженія. „И какъ, государь“, продолжаетъ челобитная, „почнутъ священницы вечерню и обѣдню, и заутреню, и молебны соборные служити и за тебя государя царя... Бога молити и въ тоя жъ, государь, поры на кабакѣ бездѣльный крикъ и молва великая, и почнутъ играть въ бубны, и въ сурны, и пѣсни сатанинскія пѣти, и медвѣди пляшутъ, и зернью, и карты играютъ, и всякое, государь, неподобное дѣло пустошно дѣлается поблизку чудотворца Николы храму. И многіе, государь, пьяные люди съ кабака въ Николинъ храмъ во время божественнаго пѣнія входятъ и святаго пѣнія въ церкви не слушаютъ“ [1]). Челобитная прихожанъ имѣла успѣхъ. Изъ Москвы пришелъ указъ къ устюжскимъ таможеннымъ и кабацкимъ головамъ о томъ, чтобы на Приводино на благовѣщенскую и на никольскую вешнюю ярмарки цѣловальниковъ съ кабацкимъ питьемъ не посылать.

Приходскій міръ принималъ большое участіе въ дѣлахъ своего храма. Иниціатива постройки новой церкви и образованія новаго прихода исходила отъ самого населенія. Волостной міръ, не имѣвшій своей церкви, или группа деревень, пожелавшая выдѣлиться въ особый приходъ, посылали о томъ челобитье къ епархіальному архіерею. Иногда это соглашеніе деревень облекалось въ письменную форму обычнаго для сѣвера товарищескаго складническаго договора, „полюбовной складной записи“, какія заключались при разнаго рода хозяйственныхъ предпріятіяхъ. Въ записи перечислялись поименно участники договора, которые „совѣтъ учинили церковь Божію сооружать“, опредѣлялись обязанности членовъ товарищества поставлять необходимый для церкви матеріалъ и взысканія въ случаѣ ихъ неисполненія, указывались послухи—свидѣтели заключаемаго договора. Такимъ образомъ постройка церквей и учрежденіе новыхъ приходовъ были на сѣверѣ результатомъ дѣятельности такихъ же товариществъ-складствъ, какими двигалась и промышленная жизнь края.—Въ челобитной архіерею,

---

Кйвокурской же волости на погостѣ дворцы непашенные бобыльскіе“...; Ibid. кн. 168. (Турчасовскій станъ 1648 г.). Волость на Мошеозерѣ... На погостѣ... дв. мірской.

[1]) Пр. Д. 1628 № 74.

посылаемой съ особымъ на этотъ случай уполномоченнымъ посыльщикомъ, просители приводили мотивы своего ходатайства, указывали на дальность разстоянія отъ приходской церкви, находящейся верстахъ въ 10, 15 и больше, на то затрудненіе, которое приходится испытывать во время „водяного великаго безпутства“ и на свою „душевную погибель“, когда вслѣдствіе распутицы сообщеніе съ далекою церковью прерывается, прекращается совершеніе церковныхъ требъ, родильницы многое время остаются безъ молитвы, младенцы безъ крещенія, больные умираютъ безъ покаянія и причастія. Въ качествѣ мотива приводился также обѣтъ построить церковь или обратить въ церковь существовавшую уже до того часовню, данный міромъ по случаю постигшаго мѣстность морового повѣтрія или скотскаго падежа. Въ заключеніе своего ходатайства міръ испрашивалъ архіерейскаго благословенія „лѣсъ ронити (рубить) и всякіе припасы готовить“. Архіерей, выслушавъ челобитную, приказывалъ навести справку по цѣлому ряду вопросовъ: на какой землѣ предполагается построить церковь, много ли земли міръ отводитъ подъ храмъ и подъ кладбище, какое земельное обезпеченіе и какую денежную ругу назначаетъ священнику съ причтомъ, изъ скольких дворовъ будетъ составленъ приходъ и на какія средства будетъ храмъ сооружаться. Получивъ удовлетворительные отвѣты на эти вопросы, онъ выдавалъ благословенную грамоту на постройку церкви. Такая же грамота требовалась и для постройки новой церкви взамѣнъ прежней, обветшавшей или сгорѣвшей. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, и при образованіи новаго прихода, и при простомъ возобновленіи храма, получивъ архіерейское разрѣшеніе, міръ начиналъ заготовлять необходимые для постройки матеріалы: бревна, тесъ, гвозди, мохъ для конопатки и проч., разверстывая заготовку между своими членами и изобрѣтая при этой разверсткѣ своеобразныя единицы обложенія. Такъ напр. въ 1694 г. крестьяне 10 деревень Верхопушемской волости Устюжскаго уѣзда составили складную запись о перестройкѣ бывшей въ одной изъ этихъ деревень часовни въ церковь и въ этой записи распредѣлили рубку и доставку бревенъ, теса, скалъ, подскальниковъ и мху *по носамъ*, „по чему разрубимъ на носъ“, какъ они обозначили этотъ способъ поголовнаго обложенія. Съ неисправныхъ членовъ міръ постановилъ взыскивать деньгами за каждую недоставленную часть матеріала и грозилъ „на огурниковъ“, т. е. на уклоняющихся отъ платежа „стоять всѣмъ міромъ“. Для самой постройки церкви міръ подряжалъ особыхъ спеціалистовъ, „церковныхъ мастеровъ“ — артель плотниковъ, которой онъ и долженъ былъ передать въ срокъ всѣ заготовленные матеріалы, а для украшенія церкви иконной живописью міръ нанималъ „иконныхъ мастеровъ“. Въ 1627 г. „церковные мастеры“, устюжскіе посадскіе люди С. Ефимовъ и Т. Карповъ, стоявшіе во главѣ плотничной артели, порядившейся построить храмъ въ Вотложемской волости Устюжскаго уѣзда по образцу храма св. Николая на Приводинѣ, подали заявленіе, „явку“ мѣстному архіерею, что нанявшій ихъ вотложемскій волостной міръ не доставилъ имъ матеріаловъ къ условленнымъ срокамъ, именно гвоздей къ Ильину дню, а саженнаго кровельнаго тесоваго лѣса

къ Николину дню осеннему 1626 г. Мастера, обязавшіеся окончить храмъ къ Ильину дню 1627 г., опасались не исполнить этого обязательства въ виду задержки матеріаловъ, о чемъ предупреждали архіерея своей явкой. Въ 1636 г. Устьянская Соденская волость наняла иконнаго мастера Ѳ. З. Москвитина для расписки новаго сооруженнаго волостью храма св. Богородицы и заключила съ нимъ договоръ, обязавшись уплатить ему за иконное письмо 40 р. денегъ да 12 четвертей ржи[1]).

Итакъ постройка церкви была первымъ проявленіемъ участія волостного міра въ церковныхъ дѣлахъ. Вторымъ важнѣйшимъ проявленіемъ такого участія было производившееся самимъ міромъ избраніе церковнаго причта, какъ священно такъ и церковнослужителей. Въ составѣ священнослужителей должность дьякона очень рѣдко встрѣчается въ изучаемое время при сельскихъ церквахъ на сѣверѣ; обыкновенно при нихъ видимъ одного священника. Въ первой половинѣ XVII в. на весь обширный Яренскій уѣздъ былъ одинъ только дьяконъ, служившій при Благовѣщенской церкви на Усть-Выми въ архіерейской вотчинѣ. Сельскіе приходы должны были приглашать его на торжественныя богослуженія по случаю освященія новыхъ церквей, и очень тяготились высокимъ гонораромъ, взимавшимся въ этихъ случаяхъ счастливымъ дьяконом-монополистомъ. Въ 1631 г. староста церковный Пречистенскаго прихода Иртинской волости жаловался архіепископу Вологодскому и Великопермскому Варлааму на благовѣщенскаго дьякона Василія, что онъ запросилъ за освященіе новаго храма семь рублей и иначе освящать храмъ не ѣдетъ, что и предшествующій дьяконъ Леонтій также бралъ за освященіе храма рублей по 5 и по 6, и больше и что отъ того дьяконскаго найму имъ, мірскимъ людямъ, чинится продажа и убытки великіе. Въ свою очередь обвиняемый дьяконъ Василій докладывалъ архіерею, что дѣйствительно прежній дьяконъ Леонтій бралъ за освященіе храма рублей по 5 и по 6, и болѣе „по мѣсту и по приходу примѣриваясь“, что и онъ, Василій, взимаетъ въ томъ же размѣрѣ, что тѣмъ только они, дьяконы, и питаются, такъ какъ пашенной дьяконской земли ему на Усть-Выми отведена всего одна загородка на малую четверть, а денежной руги съ сохъ уѣздные жители ему никакой не даютъ и что если ему брать за освященіе храмовъ меньше прежняго, то ему и прокормиться нечѣмъ. Архіепископъ сдѣлалъ попытку дать общее разрѣшеніе затронутому этимъ частнымъ случаемъ вопросу и предложилъ обсудить дѣло о содержаніи дьякона яренскому всеуѣздному земскому

---

[1]) Р. И. Б. XXV. Акты Лодомской церкви, 11—12, 179; XII, 111—113; 1124—1129. Чтен. О. И. Др. 1879 г. кн. I, акты XVII в. о Шеговарскомъ приходѣ Шенкурскаго у.; Арх. мин. юст. писц. кн. 446. Сольвычегодскъ, 1625 г., Лальская волость: „церковь св. Михайла Архангела вверхъ шатровая, ставятъ ново мірскіе люди Лальскою волостью“. Договоры съ мастерами-плотниками: Р. И. Б. XXV, 31—32; 122. Договоры съ живописцами: Пр. Д. 1637 № 14, л. 41—42. Р. И. Б. XIV, 989 и сл.: порядныя на написаніе иконъ. Объ основаніи приходовъ и постройкѣ церквей въ Холмогорской епархіи см. *Верюжскій,* Аѳанасій, арх. Холмогорскій, 327—331, 351.

собранію: „какъ случится Яренскаго городка уѣзднымъ старостамъ и мірскимъ людямъ съ Вычегды, съ Плеса и съ Выми, и съ Удоры для какихъ мірскихъ дѣлъ быти въ Яренскомъ городкѣ въ съѣздѣ“. Суть архіерейскаго предложенія собранію заключалась въ слѣдующемъ: содержать благовѣщенскаго дьякона всѣмъ уѣздомъ, давать ему денежную ругу по 2 гривны съ сохи въ годъ и затѣмъ уже пользоваться его услугами при освященіи волостныхъ церквей безплатно, доставляя ему только подводы для проѣзда. Тѣ волости, которыя не пожелали бы вносить такую ругу, должны договариваться съ дьякономъ о вознагражденіи по прежнему [1]). До какой степени мало было число дьяконовъ сравнительно съ священниками въ концѣ XVII в. въ приходахъ Холмогорской епархіи, видно изъ того, что напр. за весь 198 г. (1689—90) преосвященный Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій и Важскій, посвятилъ во дьяконы всего только трехъ человѣкъ, тогда какъ во священники за то же время было посвящено 21 человѣкъ [2]).

Выборы священника міромъ были на сѣверѣ въ XVII в. обычнымъ способомъ замѣщенія священническихъ должностей въ приходахъ [3]). Акты постоянно упоминаютъ о такихъ избраніяхъ. Тамъ, гдѣ волость совпадала съ приходомъ, выборы происходили на волостныхъ сходахъ съ тою только разницею, что руководящая роль на такихъ сходахъ принадлежала не земскимъ властямъ, а церковнымъ старостамъ. Тамъ, гдѣ приходъ обнималъ собою двѣ или болѣе волостокъ или составлялъ часть волости, собирались особыя приходскія собранія, созываемыя церковными старостами. Противъ выборнаго начала въ сѣверномъ приходѣ съ 80-хъ годовъ XVII в., съ того времени, когда были образованы двѣ новыя епархіи Холмогорская и Устюжская, поднята была борьба. Соотвѣтственно съ общимъ направленіемъ государственной жизни при Петрѣ и въ церковную жизнь стала тогда усиленно проводиться бюрократизація, и живое участіе общины въ церковныхъ дѣлахъ стало разсматриваться, какъ незаконное вторженіе въ права церковной власти. Первый же холмогорскій архіепископъ, преосвященный Аѳанасій сдѣлалъ попытку къ уничтоженію приходскихъ выборовъ, „для того, чтобы святая церковь не была въ порабощеніи, юже Спаситель нашъ крестомъ искупи, и надъ священники и надъ причетники церковными мірскихъ людей воли, кромѣ насъ преосвященнаго архіепископа не было“, какъ онъ писалъ, приказывая отобрать у священно и церковнослужителей всѣ касавшіеся ихъ выборовъ акты: избирательные списки и

---

[1]) А. Ю. Б. I № 62. Съ подобною же жалобой еще раньше, въ 1610 г. за отсутствіемъ ростовскаго митрополита обращалась къ патріарху Гермогену Ленская волость Яренскаго же уѣзда. Для освященія храма волость принуждена была приглашать „усольскаго“ дьякона (изъ Сольвычегодска?), который бралъ за освященіе отъ 2 до 3 рублей. Патріархъ предписалъ дать ему рубль, но отвезти его туда и обратно на мірскихъ подводахъ. Ibid. I, № 27 II.

[2]) *Верюжскій,* Аѳанасій, архіеп. Холмогорскій, 188, примѣч. 4.

[3]) Ibid. стр. 187 и сл.

порядныя записи. Однако эта попытка оказалась неудачной. Издавна сложившееся, очень гармонировавшее съ общимъ земскимъ строемъ на сѣверѣ выборное начало въ сѣверномъ приходѣ продолжало сохраняться и во все время управленія епархіей архіепископа Аѳанасія и благополучно дожило до XVIII вѣка[1]).

При мірскихъ выборахъ на церковныя должности принималась во вниманіе и наслѣдственность. Очень часто кандидатами на эти должности являлись дѣти, братья и другіе родственники служившаго въ приходѣ священника, умершаго или покинувшаго службу за старостью или вдовствомъ. Такимъ образомъ при избирательномъ порядкѣ практикою устанавливается принципъ наслѣдственности церковныхъ должностей, впослѣдствіи такъ сильно развившійся въ нашей церковной жизни и обращавшій духовенство въ замкнутое сословіе. Но наряду съ родственниками избирались и чужія прежнему священнику лица изъ духовнаго же званія, напр. изъ причетниковъ, а нерѣдко и изъ мірскихъ людей, крестьянъ или посадскихъ, членовъ общины или постороннихъ людей. Избраніе въ священники лицъ постороннихъ общинѣ происходило потому, что не всегда можно было найти внутри общины лицъ, обладающихъ тѣми спеціальными знаніями и удовлетворяющихъ тѣмъ особеннымъ условіямъ, которыя требовались отъ кандидатовъ на сторонѣ. Самый порядокъ замѣщенія священнической должности слагался изъ слѣдующихъ моментовъ. Кандидатъ, желавшій занять мѣсто священника въ приходѣ, обращался о томъ съ просьбой къ приходскому міру[2]). Этимъ выборы на церковныя мѣста отличались отъ выборовъ на должности по земскому самоуправленію. Охотниковъ занимать земскія должности не бывало; они не только не обращались съ просьбою сами, но ихъ надо было уговаривать и избирать чуть не силой. Понятно, почему: священнослужительскія должности были сопряжены съ доходомъ, а земскія имѣли скорѣе характеръ повинности, соединенной съ большою отвѣтственностью, и добровольное исканіе этихъ должностей бывало только въ одномъ случаѣ: такой добровольный кандидатъ добивался земской должности съ тѣмъ, чтобы пользоваться ею въ корыстныхъ цѣляхъ, злоупотреблять. Когда кандидатъ былъ „излюбленъ„ и избранъ міромъ, составлялся обычный избирательный протоколъ, „выборъ“, экземпляръ котораго вручался самому избраннику. „Выборъ“ писался по той же формѣ, какъ и выборы земскихъ властей. За указаніемъ даты слѣдовалъ перечень именъ избирателей съ церковными старостами во главѣ; далѣе обозначался кандидатъ, перечислялись его будущія священнослужительскія обязанности: „у Божіей церкви служить, въ міръ въ свой приходъ къ болямъ и къ родимницамъ, и съ молитвою ходить“ и т. п., приводились условія вознагражденія, напр: „а на прекормленіе ему... рядили деревню и сѣнные покосы, коею владѣлъ прежній попъ“. Выборъ заканчивался рукоприкладствомъ церковныхъ старостъ и избирателей.

---

[1]) Ibid. 214, 216, прим. 60.

[2]) Р. И. Б. XII, 711, 1179. XIV, 420. *Верюжскій,* op. cit, 191, 195—196.

Получившій выборъ кандидатъ долженъ былъ отправиться къ епархіальному архіерею съ челобитной о поставленіи его въ священный санъ, если не имѣлъ его прежде, и объ утвержденіи его на томъ мѣстѣ, на которое онъ былъ избранъ. Въ свою очередь и міръ посылалъ архіерею отъ себя челобитную о поставленіи избраннаго. Архіерей подвергалъ его испытанію, затѣмъ посвящалъ и утверждалъ въ должности, выдавая „ставленую“ грамоту, или, если находилъ кандидата неподходящимъ, отказывалъ въ утвержденіи, предписывая представить новое лицо или, какъ дѣлалъ иногда преосвященный Аѳанасій Холмогорскій, назначалъ своего кандидата[1]) Такимъ образомъ при замѣщеніи священнослужительскихъ должностей міръ дѣйствовалъ совмѣстно съ церковною властью, но въ строго разграниченныхъ сферахъ: дѣломъ міра было самое избраніе лица и его матеріальное обезпеченіе; дѣломъ церковной власти требовавшіеся при занятіи церковной должности акты каноническаго значенія.

Вмѣстѣ съ „выборомъ“ составлялся при избраніи на церковную должность и другой актъ: порядная запись, особый договоръ между кандидатомъ и избравшимъ его міромъ. Уже и въ выборѣ земскихъ властей міромъ можно было замѣтить немало элементовъ договора найма между избирателями и избираемымъ. При избраніи на церковныя должности эти элементы выступаютъ еще въ гораздо большей степени. Намѣтивъ кандидата, міръ заключалъ съ нимъ сдѣлку найма съ ея обычными признаками: срокомъ, свидѣтелями, неустойкою, и эту гражданскую сдѣлку прикрывалъ затѣмъ „выборомъ“, актомъ публично-правового характера. Можетъ быть, возставая противъ мірскихъ выборовъ на церковныя должности, церковная власть конца XVII в. имѣла въ виду эту скрывавшуюся за выборомъ сдѣлку найма, дѣйствительно создававшую зависимыя отношенія священнослужителя отъ приходскаго міра, какъ наемника отъ нанимателей.—Тѣ условія найма, которыя иногда въ избирательномъ спискѣ упоминались только вскользь, порядная запись излагала подробно. Чтобы познакомиться ближе съ этими условіями, разберемъ порядную, данную на себя въ 1649 г. попомъ Ѳедоромъ Алексѣевымъ, нанимавшимся служить въ Шеговарской волости Важскаго уѣзда. „Язъ, попъ Ѳедоръ Алексѣевъ“, такъ начинается этотъ документъ, „порядился есми у церковнаго старосты Преображенскаго приходу Нижнія Шеговарскія волости Богдана Григорьева Пѣтухова да у волостныхъ крестьянъ (перечисляются 37 именъ) и у всѣхъ крестьянъ Преображенскаго приходу. Служити мнѣ, попу Ѳедору Алексѣеву, у церкви боголѣпнаго Преображенія... а служити мнѣ, попу, десять лѣтъ со 157 г. апрѣля 8 до 167 г. до такова жъ дни“... Отсюда видно, что священникъ „рядился“ служить, что нанимателемъ является волостной міръ и что срокъ найма устанавливается въ 10 лѣтъ. Далѣе, священникъ обязуется быть послушнымъ міру—очевидно, какъ хозяину—исправно исполнять всѣ церковныя требы: „быти къ церкви подвижну, неослышну, къ болямъ и къ родильницамъ, и для всякаго очищенія къ крестья-

[1]) *Верюжскій*, op. cit., 209, 216.

намъ ходити и родителей у нихъ поминати". На оборотѣ записи попъ приписалъ еще статью, имѣющую характеръ санкціи: „а будетъ я, попъ Ѳедоръ, почну жити къ церкви неподвиженъ и крестьянъ учну ослышаться, и къ родильницамъ и къ болямъ не почну ходити, и мнѣ попу день и недѣля, и недѣля и мѣсяцъ, и мѣсяцъ и годъ, и вольно имъ, крестьянамъ, опрочь отрядити", т. е. въ случаѣ непослушанія міру или неисполненія священнослужительскихъ обязанностей крестьяне могутъ отказать священнику отъ мѣста, какое бы время онъ ни прожилъ, хотя бы самое короткое—мѣсяцъ или недѣлю. Большая часть текста порядной занята перечисленіемъ условій матеріальнаго обезпеченія нанимающагося священника. Прежде всего идетъ рѣчь о новой усадьбѣ, которая должна быть для него построена. Избу ставитъ міръ, а священникъ съ своей стороны обязуется поставить дворовый сарай на 6 столбахъ, покрывъ его „дертьемъ новымъ" съ желобами, да прирубить кромѣ того двѣ клѣти. Эти постройки онъ долженъ окончить втеченіе трехъ лѣтъ, причемъ взимаетъ за нихъ съ крестьянъ съ обжи по полумѣрѣ ржи да по полумѣрѣ овса въ годъ втеченіе двухъ лѣтъ. Если бы священникъ этого обязательства не исполнилъ и упомянутыхъ построекъ не поставилъ, онъ долженъ уплатить въ міръ неустойку въ размѣрѣ 2 рублей. Если онъ, поставивъ постройки, откажется отъ мѣста до срока, то не имѣетъ права требовать за нихъ съ міра денегъ. Міръ отводитъ ему земельный участокъ, тотъ самый, которымъ владѣлъ его предшественникъ—треть обжи земли, причемъ міръ обязуется вмѣсто денежной руги пахать для священника этотъ участокъ. Падающія на участокъ казенныя подати и мірскіе сборы платитъ самъ священникъ, начиная съ Ильина дня того года, въ которомъ заключается сдѣлка; прежнія недоимки, числящіяся на участкѣ, долженъ уплатить міръ. Въ случаѣ ухода отъ мѣста священникъ обязанъ сдать землю въ міръ въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ ее получилъ: „а пришелъ я, попъ Ѳедоръ Алексѣевъ, ко ржи, къ парамъ, а прочь пойду—рожь насѣять и пары спарить". Наконецъ, въ порядной очень подробно исчисляются размѣры вознагражденій за разнаго рода богослужебныя дѣйствія. Если состоится ожидаемое освященіе, повидимому, строившейся тогда новой церкви Покрова Пресв. Богородицы, то $^1/_3$ собранныхъ по этому случаю молебенныхъ денегъ идетъ въ церковную казну, а $^2/_3$ причту. Въ свою очередь эти $^2/_3$ дѣлятся между причтомъ въ такой пропорціи: священникъ получаетъ $^2/_3$, а дьячекъ съ пономаремъ $^1/_3$. По тому же разсчету дѣлятся между причтомъ и всѣ церковные доходы. На св. Четыредесятницу священникъ имѣетъ право нанять себѣ въ помощь другого священника, но на собственный счетъ, не требуя денегъ отъ міра. „А отъ петровскія молитвы", читаемъ далѣе въ порядной, „брати яйца и масло, гдѣ что дадутъ. А великоденные и богородицкіе хлѣбы имати съ обжи по хлѣбу, каковъ Богъ лучитъ. А ризы и стихарь, и патрахиль держати свои; а родильницѣ дати молитва и младенцу имя и крестити, и четыредесятная молитва дати, и отъ того взяти 6 денегъ, а до кума и до кумы дѣла нѣтъ. А кого лучится масломъ соборовати, и отъ того имати по гривнѣ, и

хлѣбъ и скатерть, каково лучится. А отъ погребенія имати съ большого по грошу, а отъ младенца по двѣ деньги и отъ вѣнчанія по грошу". Въ этомъ подробномъ перечнѣ церковныхъ требъ, кажется, не упущена ни одна мелочь. Порядная заканчивается словами: „въ томъ на себя и порядную въ міръ далъ", именами двухъ послуховъ, подписью попа: „писалъ попъ Ѳедоръ Алексѣевъ на себя своею рукою", и датой [1]).

Договоръ найма ставилъ нанявшагося священника въ зависимое положеніе относительно его хозяина—міра, напоминавшее то положеніе, въ которомъ были священники, служившіе по найму частныхъ лицъ въ домовыхъ церквахъ въ столицѣ или въ тѣхъ сельскихъ церквахъ, которыя принадлежали вотчинникамъ на правахъ частной собственности. Въ выборахъ и порядныхъ постоянно встрѣчается обязательство священника быть во всемъ послушнымъ міру, міра не ослушаться и т. п. Въ свою очередь міръ обязывался священнику отъ церкви Божіей безъ вины не отказывать, и это условіе подкрѣплялось иногда неустойкою: „а не станутъ они, староста и всѣ крестьяне держати", читаемъ въ порядной попа Ивана Леонтьева, нанявшагося къ церкви Моржегорской волости Двинскаго уѣзда на 3 года, „имъ дати мнѣ Ивану такожъ зарядъ три рубли по сей записи" [2]). Если міръ былъ почему либо недоволенъ священникомъ, онъ могъ не возобновить договора по истеченіи срока, такъ какъ священническія порядныя заключались на срокъ, и такимъ образомъ священникъ лишился бы мѣста. Но если міръ обязывался не отказывать до срока безъ вины, это значитъ, что при наличности вины онъ имѣлъ право на такой отказъ и правомъ этимъ міръ пользовался въ дѣйствительности. Такъ на повальномъ обыскѣ, произведенномъ въ іюлѣ 1641 г. по распоряженію Устюжской четверти о бывшемъ попѣ Введенскаго Устьянскаго стана Никольскаго прихода Василіи, крестьяне этой волости показывали: „а прежъ сего тотъ попъ Василій служилъ у Николы Чудотворца, а потому

---

[1]) Акты XVII в. о Шеговарскомъ приходѣ. Чт. О. И. Д. 1879 кн. 1. Труды Вятск. Арх. ком. 1906, вып. I и II, отд. 3, стр. 69. Рядная (приговоръ) Кирчанскихъ мірскихъ людей съ попомъ Иваномъ 1677 г. февр. 16: „А рядили мы, мірскіе люди, ему Ивану ругу мѣрную· съ нынѣшняго 185 года имать ему, Ивану, съ насъ мірскихъ людей съ вѣнца по четверти ржи, а овса также на три годы; а подмоги рядили мы мірскіе люди съ вѣнца по 6 денегъ, какъ свершится въ попы. А отъ молитвы имать ему Ивану по 2 деньги съ ближнихъ, а съ дальнихъ по 4 деньги. А отъ погребенія имать съ большого по 2 алт. по 2 деньги, а съ младенца по 1 деньгѣ. А отъ вѣнчанія имать по 10 денегъ и отъ міропомазанія имать по гривнѣ, и отъ причащенія имать по 2 деньги, и отъ крещенія имать по 2 деньги. И будучи ему, Ивану, въ попахъ, доходъ имать половину и дань святительскую платить также половину. А приходить къ церкви Божіей безъ лѣности и на міръ никакихъ напастей не наводить. И намъ, мірскимъ людямъ, его, Ивана, ничѣмъ не безчестить и отъ церкви Божіей безъ пени и вины не отказывать". Ср. Р. И. Б. XIV, 353. *Верюжскій*, op. cit., 197.

[2]) *Верюжскій*, op. cit., 197.

его отъ церкви *отрядили міромъ*, что онъ, попъ Василій, сталъ зернью играть и крестьянъ бить и грабить“ [1]). Въ концѣ столѣтія, когда замѣтно стало стремленіе усилить архіерейскую власть насчетъ правъ міра, это право прихода отрѣшать священника подверглось ограниченію; священникъ не могъ быть удаленъ безъ архіерейскаго указа [2]), и міръ, имѣвшій причины быть недовольнымъ своимъ священникомъ, долженъ былъ объ отрѣшеніи его просить архіерея. Въ концѣ 1690-хъ гг. архангельскій приходъ Пачеозерской волости Сольвычегодскаго уѣзда жаловался преосвященному Александру, архіепископу великоустюжскому и тотемскому, на безчинства своего попа Никиты Иванова. Попъ уже ранѣе былъ уличенъ въ кражѣ церковной казны и въ блудномъ дѣлѣ съ своей духовной дочерью, за что и былъ по указу архіепископа битъ шелепами. Злобясь, можетъ быть, на прихожанъ за претерпѣнное наказаніе, онъ грозилъ имъ, предсказывая какія-то невзгоды и, бесѣдуя разъ съ церковнымъ старостою, говорилъ ему: „живите де вы въ старостахъ, а бѣды ждите“... „И всегда, государь“, писали крестьяне въ челобитной архіерею, „онъ, попъ Никита, живетъ безчинно, пьетъ на кабакахъ безобразно... А въ нынѣшнемъ, государь, въ 206 г. генваря въ 27 день, напився пьянъ и пришедъ къ вечернѣ,... почалъ въ трапезѣ пьяный кричать во всю голову неподобно, чего и на кабакахъ мало ведется и старость, и мірскихъ людей бранилъ всякою неподобною матерною бранью и послѣ того крику пьяный служилъ вечерню въ возгласахъ и въ ектеніяхъ вельми неисправно. И по господскимъ, государь, праздникамъ, и по воскреснымъ днямъ на кабакахъ вельми пьетъ безобразно и въ домъ свой питуховъ съ виномъ приводитъ. А въ 202 г. съ Ѳомины недѣли и во всю пятидесятницу повечерія не бывало, въ церкви трипѣсны и каноны всѣ остались нешѣты и послѣ пятидесятницы до декабря повечерія не бывало жъ. И іюля въ 22 число въ день воскресный пришелъ въ церковь вельми пьянъ и заутреню началъ, а самъ въ алтарѣ на лавицѣ и уснулъ, и пономарь его изъ алтаря и изъ церкви вонъ вывелъ. Въ прошломъ 203 г. ноября въ 4 д. вѣнчалъ свадьбу Филки Верховцева пьянъ замертво, ектеніи и молитвы говорилъ—того никому разумѣть было немощно, а съ книгою требникомъ во святомъ алтарѣ палъ и съ престола крестъ благословенный сронилъ, и въ другой послѣ съ тою жъ книгою палъ и половину царской двери съ крюковъ сшибъ... А ноября въ 13 д. пришелъ къ вечернѣ пьянъ и вечерню началъ не распоясався, и сумка съ требою на шеѣ, а патрахили, ни ризъ на немъ во всю вечерню не было и учинилъ бунтъ, дьячка Ваську оконною порицею и крестьянина Максимка Заболоцкихъ по хребту и по бокамъ билъ и всѣхъ изъ церкви и изъ трапезы вонъ выгналъ, и въ паперти въ слѣдъ невѣдомо чѣмъ бросилъ, а самъ послѣ сшелъ на кабакъ, да тамъ и ночевалъ и назавтрее къ церкви не приходилъ... И всячески, государь, онъ, попъ, надъ крестьяны издѣвается, гдѣ его зовутъ въ міръ съ потребою: къ болю съ прича-

---

[1]) Пр. Д. 1641 № 19, л. 21—22

[2]) *Верюжскій*, op. cit., 216—217.

стіемъ и къ роженицамъ съ молитвою, и онъ, приходя пьянъ, роженицамъ давъ у бани молитву, отходитъ отъ бани прочь, не давъ младенцу имени, проситъ себѣ вина... А иного, государь, его попова безчинія и безстрашія и писать невозможно". Крестьяне заключали челобитную, указывая, что они, видя его, попово, безчиніе и безстрашіе, „трепещутъ душами", не рѣшаются приходить къ нему въ великій постъ на исповѣдь, и просили архіерея отвести ихъ души отъ погибели, избавить ихъ отъ попа Никиты и позволить имъ на его мѣсто „выбрать иного священника или бѣльца во священники, кого міромъ излюбятъ" [1]).

Но если міръ не былъ равнодушенъ къ поведенію священника, котораго нанималъ, то съ другой стороны и на священникѣ лежалъ надзоръ за нравственностью своей паствы. Онъ вѣдь былъ духовникомъ прихожанъ и поэтому долженъ былъ слѣдить за исполненіемъ религіозныхъ обязанностей дѣтьми духовными. Этотъ надзоръ сталъ особенно присталенъ со времени появленія раскола, когда отъ приходскаго священника епархіальная власть начала требовать „сказокъ", донесеній о томъ, нѣтъ ли въ его приходѣ раскольниковъ и бываютъ ли приходскіе люди, его дѣти духовныя, на исповѣди и у св. причастія, и когда христіанская забота пастыря о пасомыхъ должна была вслѣдствіе такихъ гребованій неизбѣжно превращаться въ формальный сыскъ агента, обязаннаго доносить по начальству о благополучіи въ приходѣ въ смыслѣ раскола и о чистотѣ вѣры прихожанъ [2]). Доносъ священника архіерею съ неблагопріятнымъ отзывомъ о прихожанинѣ могъ причинить послѣднему серьезныя непріятности и неудобства. Такъ въ 1686 г. священникъ Шарженской волости Устюжскаго уѣзда доносилъ архіепископу великоустюжскому и тотемскому на сына своего духовнаго Авдѣя Семенова Корѣпина, что онъ, Авдѣй, съ дѣтьми своими въ прошломъ 1685 г. въ Великій день свѣтлому Христову воскресенію не радовались, ко кресту не приходили и „Христосъ воскресе" не говорили; что и вообще онъ, Авдѣй Корѣпинъ, съ семьею, надѣясь на свое самовольство и ябедничество, къ церкви Божіей во время церковнаго пѣнія не ходятъ, а приходятъ на погостъ по воскреснымъ днямъ и то послѣ обѣдни; у заутрени многіе годы не были ни разу; на погостъ приходятъ только для мірскихъ сваръ и тяжбы, на исповѣдь къ нему, священнику, не являются и т. д. У священника съ Авдѣемъ Корѣпинымъ, видимо, были какіе-то счеты; отношенія были очень натянуты, и 1-го августа 1685 года разыгралось открытое столкновеніе, когда встрѣтившись съ попомъ въ избѣ у дьячка, раздраженный прихожанинъ назвалъ его, попа, бѣсомъ, сталъ бранить всякою скаредною бранью и, не сдержавшись, ударилъ его, какъ жаловался священникъ, дубиною по головѣ и по рукѣ и тѣмъ ударомъ ему руку перешибъ. „Милостивый государь", такъ заканчивалъ попъ свою жалобу архіерею, „вели... отъ его Авдѣя съ дѣтьми и съ единомысленники оборонь дать, чтобы имъ впредь озорничать и нападки

[1]) Р. И. Б XII, 1448 и сл.
[2]) Р. И. Б. XII, 732 и сл.

нападывать было неповадно, и чтобъ они къ исповѣди приходили и безъ покаянія бы не были, и объ томъ ихъ нерадѣніи чтобъ мнѣ, богомольцу твоему, отъ тебя святителя въ пенѣ не быть, что они къ исповѣди не приходятъ". На жалобѣ была положена архіерейская резолюція: „поставить къ суду". Дѣло кончилось отдачей Корѣпина на поруки въ томъ, что ему, Авдѣю, за отвѣтственностью поручившихся по немъ лицъ въ великій постъ къ отцу духовному съ женою и съ дѣтьми на исповѣдь являться, къ церкви Божіей въ воскресные дни и въ господскіе праздники со всѣмъ домомъ приходить, „у отца духовнаго быть во всякомъ послушаніи и о всякомъ духовномъ дѣлѣ спрашиваться" [1]).

Съ положеніемъ приходскаго священника, какъ духовника прихожанъ, была тѣсно связана и другого рода его дѣятельность. Какъ лицо, спеціально наблюдавшее за совѣстью прихожанъ и близко съ нею знакомое, онъ выступаетъ въ тѣ моменты, когда дѣло касалось именно ихъ совѣсти. Когда надо было скрѣпить какой-либо актъ подписями, удостовѣряющими вѣрность всего сказаннаго въ актѣ или вѣрность исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя лицами, заключившими актъ, подпись духовника, даваемая „въ дѣтей его духовныхъ мѣсто", замѣняла собою рукоприкладства этихъ послѣднихъ, въ большинствѣ случаевъ неграмотныхъ.

Подписью приходскаго священника скрѣплялись разнаго рода публичные волостные акты: выборы на разныя должности, показанія на повальныхъ обыскахъ, разнаго рода протоколы [2]). Офиціальныя волостныя бумаги, которыя не могли быть за неграмотностью скрѣплены подписью составлявшаго ихъ офиціальнаго лица, должны были скрѣпляться рукою его духовника. Въ 1631 г. земскій судья Устьянской Чадромской волости Е. Брагинъ, производя разбирательство по поземельному дѣлу между одноденевенцами-складниками, требуетъ у цѣловальника представленія записки о произведенномъ послѣднимъ дознаніи за рукою священника. „И судья говорилъ цѣловальнику", читаемъ мы въ протоколѣ этого разбирательства, „велѣно у тебя взять записку за поповскою рукою. И Первуха (цѣловальникъ) говоритъ: язъ самъ грамотѣ не умѣю руки приложить, а священникъ нынѣ мнѣ не отецъ духовный, не слушаетъ, руки не прикладываетъ въ мое мѣсто, и въ томъ Богъ воленъ да государь; а прежній отецъ духовный у меня умеръ, хотя емли, хоть не возьмешь, мнѣ тебѣ не указати" [3]).

---

[1]) Р. И. Б. XII, 708.

[2]) См. образцы выборовъ: I, приложеніе V. Ср. Пр. Д. 1630 № 72, л. 87—89. Челобитная крестьянъ Кильчанской волости Устюжскаго уѣзда: „А мы, Кильчанскіе волости земской судейка и всѣ крестьяне того Рычка въ таможенные и въ кабацкіе цѣловальники не выбирали и выбора тому Рычку не давывали.., и выбору не писывали, *и попъ руки не прикладывалъ*".

[3]) Пр. Д. 1631 № 44. Такой же діалогъ произошелъ между тѣми же лицами и въ другомъ судебномъ разбирательствѣ. Пр. Д. 1633 № 50, л. 55. „И выборной судья Еремій спросилъ у прошлаго цѣловальника у Перваго Терентьева: ...велѣно у тебя записка слѣдовая взять за твоею рукою или отца твоего духовнаго за рукою. И цѣловальникъ Первушка сказалъ...: язъ съ доб-

Въ извѣстномъ судебникѣ царя Ѳедора Ивановича встрѣчаемъ предписаніе, чтобы присылавшіеся въ Москву протоколы о сопротивленіи земскимъ судебнымъ властямъ, такъ называемые „отбои“ или отбойныя записи, названіе которыхъ указываетъ и на самый характеръ сопротивленія, писались „за поповскою рукою“. Этимъ предписаніемъ едва ли вводилось новшество; оно, вѣроятно, только указывало на ту руку, какая обыкновенно скрѣпляла публичные акты[1]). Духовникъ, давая свою подпись за неграмотнаго сына духовнаго, ручался за его вѣрность и прямодушіе, какъ человѣкъ, несущій на себѣ заботу о его душѣ и привычный руководитель его совѣсти.

Подписью священника за неграмотныхъ удостовѣрялись не только публичные, но и частные акты. Этотъ обычай, который втягивалъ священника, какъ свидѣтеля, приложившаго руку къ акту, въ мутный водоворотъ разныхъ кляузъ, въ многочисленныя тяжбы, возникавшія между крестьянами и который заставлялъ служителя алтаря трепаться по судамъ, не содѣйствовалъ, разумѣется, возвышенію священнаго сана и былъ запрещенъ въ холмогорской епархіи преосвященнымъ Аѳанасіемъ на первыхъ же порахъ его епископской дѣятельности. Въ 1683 г. священникамъ было предписано, чтобы они „къ мірскимъ купчимъ и закладнымъ, и къ поручнымъ записямъ, и къ мѣннымъ, и къ инымъ никакимъ письменнымъ крѣпостямъ вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ рукъ не прикладывали и не писались ни въ какія крѣпости кромѣ духовныхъ (завѣщаній) и челобитенъ, которыя посылаются къ преосвященному архіепископу о строеніи и объ освященіи св. церквей и о ставленникахъ въ попы и во дьяконы“ [2]).

Участіе въ составленіи духовныхъ завѣщаній оставляется за священникомъ даже и этимъ указомъ, ограничившимъ вмѣшательство его въ составленіе другихъ гражданскихъ актовъ. Участіе въ завѣщаніи поддерживалось стариннымъ и прочнымъ обычаемъ и взглядомъ на завѣщаніе, какъ на актъ не только хозяйственнаго распоряженія имуществомъ, но также и устроенія души въ загробномъ мірѣ, почему участіе въ немъ священника и было необходимымъ. Судебникъ 1589 г., документъ не официальный, но вѣрно отражающій практиковавшіеся на сѣверѣ порядки, требуетъ присутствія священника при составленіи умирающимъ духовнаго завѣщанія. „А кто при смерти напишетъ духовную, и попу у духовные сидѣти“. Священникъ же является и хранителемъ духовной, исполняя, слѣдовательно, роль современнаго намъ нотаріуса, и въ случаѣ смерти завѣщателя онъ

рыми людьми ѣздилъ. И се, государь, возьми и досмотрѣную записку (протоколъ осмотра). А грамотѣ язъ не ученъ, руки приложить не умѣю. А отецъ духовный померъ, у котораго на духу бывалъ. А нынѣшной попъ у Николы служитъ, и у того язъ на духу не бывалъ, и меня не слушаетъ, язъ ему билъ челомъ, и въ мое мѣсто руки не прикладываетъ. А записку писалъ земскій дьячекъ, не язъ, и въ томъ Богъ воленъ да государь“.

[1]) Судебникъ Ѳедора Іоанновича, ст. 25.

[2]) *Верюжскій*, op. cit. 223.

долженъ выдать духовную обозначеннымъ въ ней наслѣдникамъ. Въ случаѣ же если умирающій завѣщатель выздоровѣетъ, священникъ обязанъ ее уничтожить: „а будетъ боль (больной, умирающій) оживетъ, и попу духовная драти“ [1]).

Такъ же, какъ священника, міръ приряжалъ и выбиралъ и низшихъ членовъ причта: дьячка, пономаря и просвирню. Церковный дьячекъ, какъ мы уже видѣли [2]), часто бывалъ и земскимъ и одновременно съ своими церковными обязанностями исполнялъ обязанность секретаря волостного міра. Съ конца XVII в. такое совмѣстительство стало запрещаться тѣмъ же Аѳанасіемъ Холмогорскимъ [3]), находившимъ земскія занятія дьячка помѣхою для церковной службы и вообще стремившимся рѣзко отграничить въ приходѣ церковныя отношенія отъ земскихъ, прекратить вмѣшательство міра въ церковныя дѣла. Пономарь и просвирня въ однихъ случаяхъ приряжались міромъ, но бывали случаи, когда они нанимались самимъ священникомъ безъ участія прихожанъ. Въ концѣ столѣтія для занятія причетническихъ должностей при церкви стало требоваться архіерейское утвержденіе“ [4]).

---

[1]) Суд. Ѳед. Іоан. ст. 191.
[2]) I, 297—300.
[3]) *Верюжскій*, op. cit. 223.
[4]) *Верюжскій*, op. cit. 217.

Глава III

Церковный приходъ на сѣверѣ. (Продолженіе).

Основывая приходъ, строя храмъ, приглашая къ нему священника съ причтомъ, міръ бралъ на себя заботу о матеріальномъ обезпеченіи и самаго храма, и причта. Съ указаніями на такое даваемое міромъ обезпеченіе мы уже имѣли случай встрѣчаться и въ челобитныхъ объ основаніи новыхъ приходовъ, и въ архіерейскихъ резолюціяхъ, и въ договорахъ, заключавшихся міромъ со священниками. Оно состояло или въ видѣ отводимой церкви и причту земли, или въ видѣ денежной руги, замѣнявшейся впрочемъ иногда натуральной повинностью, напр. обязанностью прихожанъ распахивать міромъ опредѣленное количество церковной земли. Имущество приходской церкви строго отличалось отъ имущества волости. Совпадая часто своими географическими границами, земская волость и церковный приходъ различались, какъ юридическія лица и поэтому могли вступать между собою въ обязательства. Такъ напр. 18 августа 1668 г. Ягрышская волость Устюжскаго уѣзда продала своимъ приходскимъ церквамъ деревню, пріобрѣтенную самою волостью отъ одного изъ крестьянъ за долги его волостному обществу. Отъ имени волостного міра была составлена купчая въ формѣ обыкновеннаго мірского приговора съ указаніемъ выборныхъ должностныхъ лицъ, съ поименнымъ перечнемъ крестьянъ, участвовавшихъ на сходѣ, и съ заключительной формулой: „и всѣ крестьяне Ягрышской волости“. „И тое деревню“, читаемъ мы въ купчей, „мы крестьяне продали Николѣ Чудотворцу да Георгію Страстотерпцу.... а взяли мы, крестьяне, на той деревнѣ никольскихъ казенныхъ денегъ 60 руб. 14 алт. 2 деньги“ [1]). Та же волость 25 іюля 1671 г. „со всего мірского совѣту“ выдаетъ данную на пустую брошенную деревню Тюринскую „ко храмомъ Николѣ да Георгію въ казну“ [2]). Контрагентами сдѣлокъ выступали въ такихъ случаяхъ со стороны прихода церковные старосты; но въ глазахъ людей того времени владѣльцемъ имущества, субъектомъ права на него являлся не приходъ въ смыслѣ приходскаго общества, а самый храмъ, въ которомъ съ непонятною уже намъ теперь живостью воображенія олицетворялся и съ которымъ отождествлялся тотъ святой, чье имя храмъ носилъ.

---

[1]) Грам. Коллег. Экон. Устюж. у. № 13.557.

[2]) Ibid. № 13.600.

Земля, принадлежавшая приходскимъ церквамъ, состояла, во-первыхъ, изъ самаго „погоста“, т. е. пространства, которое занималъ храмъ съ прилегающимъ къ нему кладбищемъ и на которомъ расположены были дворы причта. Часть этой погостской земли отдавалась иногда приходомъ въ аренду подъ бобыльскіе дворы или подъ амбары и лавки, причемъ арендная плата шла въ доходъ церкви. Такіе арендующіе церковную землю бобыли, носившіе названіе „церковныхъ бобылей“, нерѣдко освобождались отъ казеннаго бобыльскаго оброка, который и уступался казною церкви на нужды послѣдней, „на всякое церковное строенье“. Этого рода бобылей было много въ XVII в. на погостахъ Вятскаго края [1]); но они встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, напр., въ 1628 г. церковные старосты и весь приходскій міръ упоминавшейся уже выше церкви св. Николы на Приводинѣ въ Ярокурскомъ стану Устюжскаго уѣзда обращались въ Москву съ челобитной, въ которой писали, что значительная часть церковнаго погоста была у нихъ отдана бобылямъ подъ „дворцы“ и огороды въ аренду, но что дѣйствовавшій тогда въ уѣздѣ писецъ наложилъ на этихъ бобылей казенный бобыльскій оброкъ, не смотря на то, что съ церковнаго участка, бывшаго тяглымъ, приходъ платилъ всѣ платежи, которые входили въ составъ тягла: дань и оброкъ, и всякія годовыя подати. Бобыльская аренда и служила для приводинскаго причта подмогой при взносѣ этихъ податей. Обложенные казеннымъ оброкомъ бобыли отказались отъ платежа аренды въ пользу церкви и стали осваивать арендуемые участки, говоря: „та де земля подъ дворами и огородцы наши, а не Николины, мы де съ своихъ дворцовъ государю оброкъ платимъ“. Міръ жаловался въ челобитной, что попу съ крылошанами отъ такого отказа бобылей пришла большая скудость, такъ какъ дохода отъ хлѣбопашества на церковномъ участкѣ не хватаетъ на подать [2]). Въ концѣ столѣтія преосвященнымъ Аѳанасіемъ были установлены для вновь возникающихъ приходовъ нормальные размѣры церковнаго погоста: „буде церковь станутъ строить вновь на новомъ мѣстѣ, а прежъ сего на томъ мѣстѣ церкви не бывало, и велѣно подъ вновь построенную церковь, подъ кладбище и попу съ причетники подъ дворы земли отводить длинникуи поперешнику по 80 саженъ“, т. е. 6400 кв. саженъ [3]).

Вторую категорію церковныхъ земель составляли деревни или доли въ деревняхъ, находившіяся на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ погоста, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ волости, а иногда находившіяся въ предѣлахъ другихъ волостей. Въ однихъ изъ церковныхъ деревень, ближайшихъ къ погосту, живутъ иногда члены причта, если не имѣютъ дворовъ на самомъ погостѣ; другія деревни отдаются церковью „на порядъ“ крестьянамъ. По переписной книгѣ Двинскаго уѣзда 1678 г. можно насчитать въ уѣздѣ 43 сельскихъ прихода. Изъ нихъ только 9 церквей не имѣли деревень; у 7 церквей были деревни безъ крестьянскихъ дворовъ, у остальныхъ де-

[1]) I, стр. 138.
[2]) Пр. Д. 1628 № 74.
[3]) *Верюжскій*, op. cit. 336.

ревни снимались крестьянами. Такъ Борисоглѣбской церкви Матигорской волости кромѣ нѣсколькихъ пустошей принадлежало 8 жилыхъ деревень, и изъ нихъ по крайней мѣрѣ три за предѣлами волости: одна въ Лодмѣ, другая въ Ровдинѣ Горѣ и третья въ Заостровской волости. Во всѣхъ этихъ 8 деревняхъ находилось 16 крестьянскихъ и 1 бобыльскій дворъ. Это была въ Двинскомъ уѣздѣ приходская церковь съ наибольшимъ по количеству дворовъ земельнымъ владѣніемъ. Слѣдующее мѣсто въ томъ же уѣздѣ по той же переписной книгѣ занимаютъ приходы: Заостровскій и Ухтостровскій Богоявленскій съ 11 крестьянскими дворами во владѣніяхъ каждаго, причемъ деревни, принадлежавшія Заостровскому приходу были особенно разбросаны. Ему принадлежали: 1 деревня цѣлая, затѣмъ половина деревни совсѣмъ въ другомъ стану—Терпиловѣ и 6 жеребьевъ въ разныхъ деревняхъ, въ томъ числѣ одинъ—въ деревнѣ, находившейся въ Лисеостровской волости [1]). И для деревень, предназначаемыхъ служить обезпеченіемъ причту во вновь открывающихся приходахъ, преосвященный Аѳанасій также установилъ норму. Мѣстности въ его епархіи по богатству землею были подраздѣлены на три разряда. Въ первомъ разрядѣ въ пользованіе причту при учрежденіи прихода должно было отводиться 25 четвертей въ полѣ, сѣна 30 копенъ; во второмъ 15 четвертей и въ третьемъ, въ скудныхъ землею мѣстностяхъ, 10 четвертей [2]).

По отношенію къ государственнымъ повинностямъ земли приходскихъ церквей были либо *бѣлыя*, т. е. освобожденныя отъ этихъ повинностей, либо *тяглыя*, обязанныя ихъ платить. Такъ въ 1678 г. въ Двинскомъ уѣздѣ сельскимъ приходскимъ церквамъ принадлежало всего 94 цѣлыхъ жилыхъ деревни, не считая пустошей и кромѣ того 29 участковъ, составлявшихъ болѣе или менѣе значительныя дроби деревень. Изъ этого числа *бѣлыми* переписная книга называетъ 30 цѣлыхъ деревень и 5 дробныхъ участковъ. Обѣленіе закрѣплялось отмѣткою въ писцовой книгѣ. „Въ Лальской волости", читаемъ мы въ сольвычегодской писцовой 1625 г., „деревня церковная Покровская... И та деревня по приправочнымъ книгамъ изъ тягла выведена, дана къ церкви крылошанамъ на кормлю" [3]). Платежъ податей съ тяглыхъ деревень, находившихся въ пользованіи причта, обусловливался порядными, заключаемыми міромъ съ членами причта. Въ тѣхъ порядныхъ, какія приведены выше, этотъ платежъ возлагается на причтъ.

Земли, принадлежавшія приходскимъ церквамъ, пріобрѣтались этими послѣдними не только по отводу приходскимъ міромъ, но и разными другими путями: частными пожертвованіями [4]), покупкой на средства церковной казны [5]), обращеніемъ въ собственность просроченныхъ залоговъ. Казна приходской церкви, составлявшаяся изъ пожертвованій и изъ доходовъ

---

[1]) Лѣт. Зан. Арх. К. VIII, 37, 26 и др.
[2]) *Верюжскій*, op. cit. 336.
[3]) Лѣтоп. Зан. Арх. К. VIII, 25, 37, 42, 43. Арх. мин. юст. писц. кн. 446.
[4]) Р. И. Б. XII, 66.
[5]) Р. И. Б. XII, 40, 66, 91.

съ церковныхъ недвижимыхъ имуществъ, производила кредитныя операціи, и такимъ образомъ въ своихъ приходскихъ церквахъ поморское крестьянство XVII в. имѣло развитую сѣть мелкихъ кредитныхъ учрежденій, своего рода сельскихъ банковъ, оживлявшихъ промышленную и торговую жизнь деревни. Въ описяхъ казны приходскихъ церквей всегда наряду съ деньгами, хлѣбомъ и разнаго рода движимостью, принадлежавшей церкви, перечисляются и кабалы, долговыя обязательства заемщиковъ изъ церковной казны. Заемщиками, обращавшимися къ этому приходскому кредиту, были цѣлыя волостныя общества, занимавшія у своей же церкви и отдѣльныя лица по большей части изъ прихожанъ, но также и жители другихъ приходовъ. Ссуды, выдававшіяся церквами, отличаются небольшими размѣрами; нерѣдко онѣ бывали всего въ нѣсколько алтынъ. Для примѣра приведемъ свѣдѣнія о церковной казнѣ Ѳедоровскаго прихода Кичменской волости Устюжскаго уѣзда изъ описи церквей этого уѣзда, составленной въ 1686 г. вскорѣ послѣ учрежденія великоустюжской и тотемской епархіи[1]). Въ этой казнѣ значилось по описи наличными деньгами 16 рублей да кабалъ на 61 руб. 7 алт. 3 ден. Всего оказались выданными 27 ссудъ 26 лицамъ. Наибольшій размѣръ ссуды былъ 14 руб.; такую ссуду получилъ нѣкто Ф. Шушкинъ съ товарищемъ, очевидно, какое-то сельское складническое предпріятіе; далѣе, была одна ссуда въ 5 руб., двѣ по 4 руб., девять ссудъ отъ 2 до 1 руб., четыре ссуды ровно по 1 руб. и девять ссудъ менѣе рубля: въ 25 алтынъ, 23 алт. 2 ден., и т. д.[2]). Наименьшимъ размѣромъ было 10 алт.—двѣ ссуды.

Слѣдовательно, въ то время, какъ монастыри являлись крупными банками, приходскія церкви были развѣтвленными учрежденіями мелкаго сельскаго кредита, и этотъ кредитъ былъ тѣмъ благотворнѣе, что онъ въ противоположность монастырскому былъ безпроцентнымъ[3]). Заемъ обезпечивался распиской, кабалой, но давался и безъ кабалы[4]). Иногда обезпеченіемъ служилъ залогъ земли или закладъ движимыхъ вещей. Вотъ почему въ церковной казнѣ, какъ въ современной намъ ссудной кассѣ, хранились иногда вещи домашняго обихода: серьги, пуговицы съ жемчугомъ, овчины кафтаны сермяжные, какая-нибудь „однорядка синяя да рубашка, шитая шелкомъ и золотомъ, поношенная“ и т. п. Приведемъ для примѣра составленную въ 1686 г. опись церковной казны прихода Яхренской волости Устюжскаго уѣзда. Кромѣ церковныхъ книгъ, колоколовъ, немногочисленной церковной одежды и довольно богатаго запаса мѣдной церковной утвари, какъ-то: 5 котловъ, 1 водосвятной и 3 канунныхъ чашъ, 1 блюда, 4 подсвѣчниковъ, укропника и купели, въ составѣ этой казны значилось: наличными деньгами въ разныхъ сортовъ монетѣ $153^1/_2$ р. 12 алт. 2 д.; далѣе, разнаго хлѣба въ амбарахъ на погостѣ и въ двухъ церковныхъ деревняхъ;

---

[1]) Р. И. Б. XII, 730—816.
[2]) Р И. Б. XII, 768, 769.
[3]) *Верюжскій*, op. cit. 230.
[4]) Р. И. Б. XIV, 233.

ржи, овса, ячменя, корогу (?), пшеницы, сѣмени конопляного—626 мѣръ, 141 копна сѣна, 17 пудовъ конопли, 12 безмѣновъ воску, 2 пуда 2 безмѣна меду. Затѣмъ указаны разнаго рода долговыя обязательства и другіе письменные документы, именно: денежныхъ кабалъ „всемірскихъ", т. е. выданныхъ на себя всѣмъ земскимъ міромъ Яхренской волости на 182 р. 30 алт.; такихъ же кабалъ на отдѣльныхъ лицъ на 133 руб. 9 алт. 2 д.; „хлѣбныхъ" кабалъ, т. е. расписокъ по займамъ хлѣбомъ, на 63 мѣры. Въ числѣ письменныхъ документовъ упоминаются старыя письменныя крѣпости на церковную половину деревни Окулова, закладная запись на половину деревни Кускова. Наконецъ, слѣдуетъ перечень разныхъ вещей, часть которыхъ были закладами въ обезпеченіе займовъ: 18 золотниковъ зеленаго шелку, 4 драгоцѣнныхъ камня: два красныхъ, 1 бѣлый и 1 зеленый, 7 серегъ закладныхъ, 1 поясъ шелковый, 2 конца конопляной спуски (?), 1 локоть красной юфтяной кожи, безмѣнъ, ключи отъ церковныхъ зданій и амбаровъ и 2 коробки—„большая окованная, а другая съ прутками же". Тутъ же въ церковной казнѣ хранилась и „всемірская коробка" съ разнаго рода письменными документами волостного міра[1]).

Распоряженіе церковнымъ имуществомъ, какъ земельными владѣніями, такъ и движимостью, принадлежало приходскому міру. Но, оставляя за собой высшее управленіе церковнымъ хозяйствомъ, міръ для постояннаго завѣдыванія имъ избиралъ одного или двухъ уполномоченныхъ, носившихъ названіе въ однихъ мѣстахъ церковныхъ приказчиковъ, въ другихъ—церковныхъ старостъ. Первое названіе было болѣе принято въ мѣстностяхъ, вошедшихъ въ составъ холмогорской епархіи, второе въ уѣздахъ, вошедшихъ въ составъ устюжской. Различіе числа старостъ не зависѣло отъ числа храмовъ въ приходѣ, и мы встрѣчаемъ какъ двухъ старостъ при одной церкви, такъ и наоборотъ одного при двухъ церквахъ[2]). Избраніе новыхъ старостъ происходило на сходѣ прихожанъ, созываемомъ „прошлыми", т. е. оканчивающими свою службу старостами и, вѣроятно, подъ ихъ руководствомъ. Такъ же, какъ и при избраніи земскихъ властей, составлялся избирательный протоколъ, выборный списокъ, по формѣ совершенно сходный съ земскими выборными списками[3]). Онъ также начинался съ указанія состава избирательнаго схода, причемъ на первомъ мѣстѣ обыкновенно упоминаются „прошлые" церковные старосты и иногда—присутствовавшія на сходѣ земскія власти; затѣмъ послѣ словъ „да крестьяне того приходу" идетъ поименный перечень бывшихъ на собраніи прихожанъ, оканчивающійся, какъ и въ земскихъ выборахъ, формулою: „да и всѣ крестьяне того приходу"[4]). Самое избраніе обозначается тѣми же терминами, какъ

[1]) Р. И. Б. XII, 751—754.

[2]) Р. И. Б. XII, 822, 828.

[3]) I, глава XVII.

[4]) Въ выборномъ спискѣ вондокурскаго троицкаго прихода Устюжскаго уѣзда первое почетное мѣсто въ личномъ перечнѣ отведено приказчикамъ именитыхъ людей Григорія Дмитріевича и вдовы Анны Никитичны Строгановыхъ, владѣвшихъ землями въ Вондокурскомъ стану. Р. И. Б. XII, 822.

и избраніе земскихъ властей: „выбрали“ или „выбрали и полюбили“, и затѣмъ дается краткая характеристика избранныхъ кандидатовъ; напр.: „выбрали двухъ человѣкъ добрыхъ“, „людей добрыхъ и душею прямыхъ, и животомъ прожиточныхъ, и не воровъ, и не бражниковъ“ [1]). Въ отличіе отъ земскихъ властей, которыя избирались на годъ, срокъ службы церковныхъ старостъ не всегда обозначался въ ихъ выборныхъ спискахъ; указывался только моментъ ихъ вступленія въ должность: „сентября съ 1 числа“, или „съ нынѣшняго 195 г. съ Семена дни Лѣтоначатца“ [2]). На практикѣ, по крайней мѣрѣ до указа о выборахъ 1686 г., церковные старосты въ разныхъ приходахъ устюжскаго края служили по нѣскольку лѣтъ: три, четыре, пять лѣтъ, даже „годовъ съ десять и больше“, какъ показывалъ о себѣ одинъ изъ церковныхъ старостъ устюжской епархіи. Какъ и выборные списки земскихъ властей, списки церковныхъ старостъ указываютъ съ одной стороны ихъ служебныя обязанности и отношеніе старостъ къ приходскому міру, а съ другой обязательства міра по отношенію къ старостамъ. Эти указанія въ однихъ спискахъ выражены кратко [3]), въ другихъ развиты въ подробныя инструкціи [4]). Новые старосты должны были принять у прежнихъ съ распискою церковное имущество: церковныя деревни и всю церковную казну, „что есть денегъ и у иконъ прикладовъ, кузнь, и ризы, и книги, и всякую церковную утварь“, хлѣбъ въ церковныхъ амбарахъ; далѣе, различные письменные документы: крѣпостные акты на земельныя владѣнія, порядныя записи на церковныхъ половниковъ, платежныя отписи, т. е. квитанціи во взносѣ казенныхъ податей съ церковныхъ владѣній, хозяйственныя росписи о посѣвахъ хлѣба на церковныхъ земляхъ. Церковные старосты уполномочивались „всякое церковное строеніе строить и во всемъ расправа чинить“ или: „всякая церковная казна и утварь строить и беречь накрѣпко“, поряжать половниковъ на церковныя земли, наблюдать за ихъ хозяйствомъ, взыскивать съ нихъ выданныя имъ сѣмена и причитающуюся церкви долю урожая [5]), вносить казенныя подати съ церковныхъ земель,

[1]) Р. И. Б. XII, 818, 822. Въ указѣ архіепископа великоустюжскаго и тотемскаго Александра о выборахъ церковныхъ старостъ, изданномъ въ 1686 г., предписывалось избирать на эту должность людей „прожиточныхъ и не упьянчивыхъ“. Р. И. Б. XII, 731 и сл. Какими соображеніями руководились иногда приходскіе міры при выборахъ церковныхъ старостъ, показываетъ слѣдующая „Записка для памяти“, сохранившаяся при описи казны церкви св. Ильи Пророка въ Ентальской волости: „Августа въ 11 д. (1686 г.). Записка для памяти. Устюжскаго уѣзду Ентальской волости, Ильинскаго приходу, деревни Чернягина крестьянинъ Иванъ Ивановъ сынъ Колосовъ довелся выбрать въ церковные старосты потому, что онъ человѣкъ доброй и деревнями прожиточенъ, *а съѣзжіе избы* (т. е. устюжской воеводской канцеляріи) *подьячему Іоасафу Мургину племянникъ*. А нынѣ его выбираютъ въ судейки, можно ему быть и въ судейкахъ, и въ церковныхъ старостахъ“. Р. И. Б. XII, 763.

[2]) Р. И. Б. XII, 782, 769, 783, 785, 789.

[3]) Р. И. Б. XII, 822, 832.

[4]) Р. И. Б. XII, 818, 828.

[5]) „И надъ половниками смотрѣть, и сѣмена давать.... а приполонъ дѣлить

производить взысканія по выданнымъ изъ церковной казны ссудамъ, защищать интересы приходской церкви на судѣ. Еще Псковская судная грамота устанавливала эту обязанность церковныхъ старостъ: „а за церковную землю и на судъ помочью сусѣди не ходятъ, идти на судъ старостамъ за церковную землю“ [1]). Церковные старосты, дѣйствительно, выступаютъ въ качествѣ истцовъ и отвѣтчиковъ на судѣ по дѣламъ, касающимся церковнаго имущества. Они же возбуждаютъ ходатайства по тѣмъ же дѣламъ предъ правительствомъ [2]). Приходу и расходу церковной казны староста обязанъ вести запись, притомъ не иначе какъ рукою церковнаго дьячка.

Выборные списки точно опредѣляютъ отношенія церковныхъ старостъ къ приходскому міру. Во-первыхъ, всѣ важнѣйшія мѣры по церковному хозяйству староста долженъ принимать не иначе, какъ по совѣту съ міромъ, съ одобренія послѣдняго, для чего, конечно, староста собиралъ сходъ: „А что купитъ или продастъ, или половниковъ рядитъ, то все съ мірского совѣту. А безъ мірского совѣту старостѣ не продавать и не покупать ничего“ [3]). Во-вторыхъ, церковные старосты должны представлять приходскому міру отчетъ: „во всемъ приходѣ и расходѣ въ міру отчетъ дать“. Такимъ образомъ въ церковномъ хозяйствѣ староста былъ лишь исполнительнымъ органомъ избравшаго его міра, къ которому онъ долженъ былъ постоянно обращаться за рѣшеніемъ и передъ которымъ обязанъ былъ отчетностью. Въ свою очередь и міръ обязывался поддерживать старостъ, „въ церковномъ во всякомъ дѣлѣ ихъ, старостъ, отъ всякаго насильства оборонять“ и гарантировалъ ихъ отъ всякихъ убытковъ, обѣщая: „убытки всѣ съ старосты снимать и ни въ чемъ его не подать“.

Должность церковнаго старосты была, повидимому, безплатной и разсматривалась, какъ почетная. По судебнику царя Ѳедора Ивановича за безчестіе церковному старостѣ назначается плата въ пять рублей, т. е.

пополамъ, а приполонный хлѣбъ возить на повость въ казенную житницу“. Р. И. Б. XII, 818, 828.

[1]) Пск. Судн. Гр., ст. 70.

[2]) Пр. Д. 1628 № 38. Дѣло о кражѣ церковной казны. Истцомъ выступаетъ церковный староста; Пр. Д. 1628 № 74: ходатайство церковнаго старосты съ прихожанами о сложеніи казеннаго оброка съ церковныхъ бобылей; А. И. III, № 254: церковный староста ходатайствуетъ о невзиманіи податей съ обѣльной Ныробской деревни Чердынскаго у; Пр. Д. 1639 № 44: „Царю государю... бьетъ челомъ твой государевъ сирота Устьянскихъ волостей Чадромкіе волости церковной староста Постничко Шибаевъ сынъ Лосевъ и во всѣхъ крестьянъ мѣсто Чадромскіе волости. Жалоба, государь, мнѣ Ростовскіе волости на Якова Петрова сына Гнѣвашева да на сына его на Ивана въ томъ дѣлѣ: пашетъ тотъ Яковъ съ сыномъ своимъ Иваномъ никольскую землю чадромскаго Николы десятинной лѣсъ сильно черезъ сотную грамоту“ и т. д. Помѣта: „148 г. апрѣля въ 28 д. дать государева грамота къ судейкамъ, а ведѣть въ томъ дати судъ и по суду указъ учинить безволокитно“. Подобное же дѣло см. Р. И. Б. XIV, 168—170.

[3]) Р. И. Б. XII, 828.

столько же, сколько было назначено земскому и губному старостамъ [1]). На волостныхъ сходахъ церковнымъ старостамъ принадлежитъ почетное мѣсто; по крайней мѣрѣ въ протоколахъ этихъ сходовъ, какъ и въ мірскихъ челобитныхъ, составлявшихся сходами, имена церковныхъ старостъ пишутся въ началѣ поименныхъ перечней участниковъ схода [2]). Помимо своей прямой обязанности—управленія церковнымъ хозяйствомъ—церковные старосты участвуютъ во множествѣ дѣлъ совершенно нецерковныхъ. Иногда церковный староста является въ то же время и земскою властью, и оба эти значенія совпадаютъ въ одномъ и томъ же лицѣ, какъ и въ самомъ приходѣ совпадаютъ земская областная единица съ церковной общиной. Церковный приходъ формируется иногда раньше волости; въ немъ долго назрѣваетъ будущая земская организація, и пока эта единица не обзавелась земскими властями, роль земской власти въ ней исполняетъ церковный староста [3]). Такъ напр. въ погостахъ Кайгородскаго уѣзда церковные старосты подавали писцамъ 1678 г. сказки о составѣ населенія [4]). Такое же значеніе имѣли, повидимому, церковные старосты погостовъ Чердынскаго уѣзда, гдѣ напр. церковные старосты Косинскаго и Гаенскаго погостовъ подаютъ челобитную „во всѣхъ крестьянъ мѣсто“ съ жалобой на тяжесть обложенія, что обыкновенно дѣлаютъ земскія власти [5]). Въ 1654 г. церковный староста совпадавшей съ приходомъ волости Большой Шалги Каргопольскаго уѣзда пишетъ челобитную въ Москву съ жалобой на Спасскую Строкину пустынь, завладѣвшую землею многихъ деревень этой волости [6]). Церковный староста Шевденицкой и Усть-Уфтюжской волостей Важскаго уѣзда сдаетъ въ аренду деревенскіе участки, не принадлежавшіе церкви, дѣйствуя въ качествѣ земской власти [7]). Но и тамъ, гдѣ приходъ-волость былъ уже снабженъ спеціальными земскими властями, церковные старосты выступаютъ нерѣдко по мірскимъ дѣламъ, напр., бываютъ во главѣ понятыхъ при производствѣ слѣдствія [8]), вмѣстѣ съ земскими судьями сами производятъ слѣдствіе [9]). Встрѣчаемъ даже случай, когда староста церковный Шангальской Устьянской волости, взявъ „добрыхъ людей“, преслѣдуетъ убійцу, ловитъ его, приводитъ на станъ и привязываетъ, какъ требовалъ

---

[1]) Судебн. Ѳедора Іоанн., ст. 60.

[2]) Пр. Д. 1636 № 16, л. 111—114. Пр. Д. 1627 № 80, 1626 г.: „Царю государю.... бьютъ челомъ ваши государевы сироты Соли Вычегодскіе уѣзда Андреевскіе волости земской цѣловальникъ Родка Аѳанасьевъ сынъ Горбуновъ да староста церковный Мишка Меньшиковъ и во всѣхъ пашенныхъ крестьянишекъ мѣсто“. Р. И. Б. XIV, 398—399. См. также I, прилож. V.

[3]) I, 42, 43.

[4]) I, 263.

[5]) А. И. III, № 286.

[6]) Пр. Д. 1653 № 59.

[7]) Р. И. Б. XIV, 400.

[8]) Пр. Д. 1633 № 21, л. 3—20; 1634 № 59; Р. И. Б. XIV, 211.

[9]) Р. И. Б. XII, 243.

обычай, къ ногѣ убитаго [1]) или другой случай, когда церковный староста по дѣлу о воровствѣ, принявъ жалобу потерпѣвшаго, отправляется на мѣсто преступленія, производитъ осмотръ мѣстности и идетъ по слѣду вора [2]). Въ 1624 г. волостной міръ Соденской Устьянской волости съ церковнымъ старостой во главѣ отправляетъ въ Москву посыльщика съ собранными съ волости податными суммами. Посыльщикъ, понеся отъ этой поѣздки убытокъ, не возмѣщенный міромъ, предъявляетъ искъ къ церковному старостѣ и къ волостному обществу [3]). Церковнымъ старостамъ подаются „явки“, заявленія по всякаго рода правонарушеніямъ, между прочимъ съ жалобами на земскихъ судей [4]). Наконецъ и правительственная власть обращается иногда къ церковнымъ старостамъ съ порученіями совсѣмъ не церковнаго характера. Такъ напр. приказъ Устюжской четверти предписываетъ церковному старостѣ успенскаго прихода Пежемской Устьянской волости произвести большой повальный обыскъ о дѣйствіяхъ пежемскаго земскаго судейки, обвиняемаго одной изъ тягавшихся сторонъ въ неправильномъ и пристрастномъ веденіи процесса, и церковный староста дѣйствительно такой обыскъ производитъ [5]). Избранникъ того же волостного міра, который избиралъ и земскихъ властей, облеченный мірскимъ довѣріемъ, человѣкъ, за которымъ стояло поручительство міра, церковный староста разсматривался какъ одинъ изъ органовъ земскаго самоуправленія; поэтому онъ замѣнялъ другихъ агентовъ земской власти, а со стороны правительства считался пригоднымъ для того же рода порученій, какія оно давало вообще земскимъ властямъ.

Съ учрежденіемъ въ 1682 г. сѣверныхъ епархій устюжской и холмогорской былъ предпринятъ рядъ мѣръ къ упорядоченію института церковныхъ старостъ. Въ обѣихъ епархіяхъ въ 1685 г. назначена была перепись казны приходскихъ церквей [6]). Вмѣстѣ съ тѣмъ устюжскимъ архіепископомъ Александромъ былъ изданъ указъ о выборѣ къ 1 сентября 195 (1686) года новыхъ церковныхъ старостъ на мѣсто засидѣвшихся прежнихъ. Можно думать, что тогда же предполагалось установить для ихъ службы годовой срокъ [7]). До того времени церковные старосты поморскихъ приходовъ едва ли утверждались въ своихъ должностяхъ епархіальною властью, слишкомъ далекою отъ этихъ приходовъ. Теперь такое утвержденіе непремѣнно требуется, и порядокъ вступленія церковныхъ старостъ въ должность приводится въ соотвѣтствіе съ порядкомъ вступленія въ должность земскихъ

[1]) Пр. Д. 1634 № 59, л. 21—22.

[2]) Р. И. Б. XIV, 397

[3]) Пр. Д. 1628 № 72.

[4]) Пр. Д. 1645 № 46: „Являютъ... Устюжскаго уѣзда Никольскіе слободки крестьяна... являемъ, государь, Никольскіе слободки на земскаго судью... вели, государь, сію нашу явку и челобитье принять въ Никольской слободкѣ старостѣ церковному“...; Р. И. Б. XIV, 523 и сл. О значеніи явокъ см. I, 195.

[5]) Пр. Д. 1653 № 84.

[6]) Р. Б. XII, 730 и сл. XIV, 474.

[7]) Р. И. Б. XII, 832. Староста избирается на годъ.

властей. По избраніи старосты его выборный списокъ долженъ быть отосланъ къ архіерею, который слушаетъ его и, если ничего не имѣетъ противъ представленнаго кандидата, приказываетъ „дать ему указъ, по чему быть въ старостахъ“, т. е. выдать ему „наказную память“, инструкцію, опредѣляющую его обязанности. Вмѣстѣ съ наказною памятью избранному выдается также копія съ его выборнаго списка, подлинникъ котораго остается у архіерея. Такимъ образомъ избирательный списокъ теряетъ значеніе акта полномочія міра своему агенту; полномочіе должно уже теперь идти не снизу, а сверху, не отъ міра, а отъ епархіальной власти. Какъ и при выборахъ земскихъ властей въ XVII в., міръ поставляетъ только кандидата для воспринятія власти, которая делегируется свыше. За избирательнымъ спискомъ остается значеніе договора міра съ своимъ кандидатомъ и затѣмъ акта поручительства избирателей за своего избранника передъ правительствомъ. Актомъ полномочія власти является теперь наказная память отъ архіерея, которая впрочемъ по содержанію повторяетъ вкратцѣ выборный списокъ. „И преосвященный Александръ, архіепископъ великоустюжскій и тотемскій“, какъ гласитъ такая память, „слушавъ того мірского заручнаго выбора, указалъ тебѣ, старостѣ, церковь Божію и всякое церковное строеніе вѣдать и надсматривать; Божія милосердія образы и казны, и старыя иконы поновлять, а новыя отдавать писать съ мірского совѣту, и всякое церковное строеніе, книги и колокола строить со всякимъ радѣніемъ неоплошно, и въ деревняхъ надъ половниками смотрить“. Особенное вниманіе наказная память обращаетъ на отчетность церковныхъ старостъ, находившуюся раньше въ очень запущенномъ состояніи. При составленіи описи 1686 г. въ устюжской и тотемской епархіи церковные старосты разныхъ приходовъ показывали, что „приходныхъ и расходныхъ книгъ у нихъ нынѣ нѣтъ и прежъ сего не бывало, потому что прежъ сего такого архіерейскаго указу не слыхивали“ [1]). Теперь кромѣ отчетности приходскимъ мірамъ отъ церковныхъ старостъ требуется еще представленіе отчетности епархіальной власти. Новымъ старостамъ, избраннымъ съ 1686 г., были выданы изъ архіерейскаго разряднаго приказа приходо-расходныя книги, скрѣпленныя по листамъ рукою начальника этого приказа, и были даны въ наказной памяти правила, какъ вносить въ книги записи съ оправдательными расписками. Важною новостью, введенною архіепископами Александромъ въ устюжской и Аѳанасіемъ въ холмогорской епархіяхъ, было запрещеніе церковнымъ старостамъ давать ссуды изъ церковной казны деньгами, хлѣбомъ и вообще всякими вещами „безъ указу“, т. е. безъ

---

[1]) Р. И. Б XII, 816; 749, 757, 762; 768, 775 и др.; Пр. Д. 1624 № 9: „Билъ намъ челомъ Усольскаго у. Лузскіе Пермцы Спасскаго приходу церковной староста... А церковные де старосты у того храма изстари живутъ перемѣнные, сборнымъ деньгамъ и всякой церковной казнѣ приходныхъ и расходныхъ книгъ у церковныхъ старостъ не бывало. И тое церковную казну пріимали старосты межъ себя съ рукъ на руки безъ письма, что на лицо денегъ или какіе казны будетъ“.

разрѣшенія епархіальной власти. Это запрещеніе, прекращавшее старинный обычай, мотивировалось тѣмъ, что „въ прежнихъ лѣтѣхъ у старостъ многая церковная казна ихъ нерадѣніемъ въ кабалахъ истерялась“ [1]). Самая перепись церковной казны въ 1686 г. производилась въ связи съ этой мѣрой. Можно думать, что запрещеніе стало оказывать вліяніе и на практику жизни. Въ выборномъ спискѣ церковнаго старосты архангельскаго прихода Пачеозерской волости Сольвычегодскаго уѣзда мы находимъ статью, которою старостамъ предписывается „церковнаго хлѣба и сѣна... въ долги и подъ заклады не давать и не посужаться“ [2]).

Итакъ преобразованія, внесенныя въ институтъ церковныхъ старостъ въ устюжской епархіи, заключались, во-первыхъ, въ проведеніи иного взгляда на источникъ полномочій церковныхъ старостъ; во-вторыхъ, въ установленіи болѣе интенсивнаго контроля, какъ надъ ихъ выборами, такъ и надъ ихъ дѣятельностью. Въ ограниченіи вмѣшательства приходскаго міра въ церковное хозяйство преосвященный Аѳанасій холмогорскій пошелъ дальше своего устюжскаго сосѣда, и его реформа можетъ быть названа радикальной. Въ октябрѣ 1685 г. имъ была разослана по церквамъ грамота, которою онъ, руководясь правиломъ: „кійждо въ данномъ отъ Бога чину да пребываютъ, а не дарованнаго имъ да не восхищаютъ“, возлагалъ управленіе хозяйствомъ приходской церкви на священника, который такимъ образомъ долженъ былъ быть въ одно и то же время и церковнымъ старостою. Только для помощи священнику въ этихъ новыхъ обязанностяхъ приходскому міру предоставлялось избирать изъ своей среды особое лицо „ради храненія и собранія церковныя казны и ради послуженія“. Такое выборное лицо, подчиненное священнику и состоящее у него „въ послуженіи“, должно было имѣть лишь второстепенное значеніе и не могло пользоваться самостоятельностью въ распоряженіи церковнымъ хозяйствомъ. Священнику и этому выборному предписывалось „ничего безъ нашего архіерейскаго благословенія не дѣяти“ [3]). Эти реформы 1680-хъ годовъ лишали сѣверный приходъ его самоуправленія, его земскаго характера, придавали ему значеніе церковно-бюрократической областной единицы, въ которой и причтъ, и хозяйственное управленіе организуется сверху, епископской властью. Міръ устранялся отъ живого участія въ церковныхъ дѣлахъ, и земская жизнь разобщалась отъ церковной.

До реформъ единеніе земской и церковной жизни выражалось не только въ совпаденіи церковнаго прихода съ земскою волостью и въ дѣятель-

---

[1]) Р. И. Б. XII, 816.

[2]) Р. И. Б. XII, 818.

[3]) Р. И. Б. XIV, 473: „При семъ же повелѣхомъ во всей нашей области... впредь у всякой церкви быть тоя церкви священнику у всякихъ церковныхъ вещей и потребъ старостою да съ нимъ того прихода людей по выбору мірскому человѣку въ товарищахъ ради храненія и собранія церковныя казны и ради послуженія, и ничего имъ безъ нашего архіерейскаго благословенія по правиломъ святыхъ отецъ не дѣяти и по дружбѣ не расточати“. *Верюжскій*, op. cit. 226 и сл.

ности міра по церковнымъ дѣламъ. Было много общаго между земскимъ и церковнымъ строемъ и надъ приходомъ, выше его, и съ другой стороны въ его низшемъ подраздѣленіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ земская жизнь выработала надъ волостью высшую областную организацію—всеуѣздный міръ съ его всеуѣзднымъ земскимъ совѣтомъ и всеуѣздными земскими старостами, такъ и въ церковномъ строѣ создавалась церковно-общественная организація, возвышавшаяся надъ приходами-волостями. Это былъ приходъ высшаго порядка, приходъ-уѣздъ, соотвѣтствовавшій земскому всеуѣздному міру. Все населеніе уѣзда составляло приходъ соборнаго храма, находившагося въ уѣздномъ центрѣ. Распорядительнымъ органомъ этого всеуѣзднаго приходскаго общества былъ тотъ же всеуѣздный совѣтъ, вѣдѣнію котораго подлежали земскія дѣла уѣзда. На этомъ совѣтѣ по отношенію къ соборному храму лежатъ тѣ же обязанности, какія исполнялъ по отношенію къ своему волостному приходскому храму мірской волостной сходъ. Въ значеніи городского соборнаго храма на сѣверѣ видна та же тѣсная связь между городомъ и уѣздомъ, которая замѣтна и въ ихъ соціальномъ строѣ, и въ ихъ управленіи. Этотъ храмъ былъ общей святыней не только города, но и уѣзда. Всеуѣздное земское собраніе строитъ его, заботится о его поддержкѣ, собирая для этого средства путемъ самообложенія, приряжаетъ для него причтъ, платя послѣднему ругу, выбираетъ церковныхъ старостъ и контролируетъ веденіе ими хозяйства собора. Такъ, напр., устюжскій всеуѣздный земскій совѣтъ въ 1663 г. ассигнуетъ 400 р. для достройки каменной соборной церкви и для этой цѣли производитъ заемъ [1]). Въ 1657 г. земское собраніе Шенкурской четверти Важскаго уѣзда избираетъ священника къ шенкурскому собору [2]). Въ 1694 г. тотемскій всеуѣздный земскій совѣтъ дѣлаетъ постановленіе о прекращеніи выдававшейся тотемскому собору руги [3]). Въ Яренскомъ уѣздѣ на р. Сысолѣ въ волосткѣ Вотчѣ возлѣ древняго Вотчинскаго городища стояли въ XVII в. церкви св. Стефана Пермскаго и св. Аѳанасія Александрійскаго, которыя въ актахъ назывались „земскими храмами“ и при нихъ находился „земскихъ храмовъ всеуѣздный церковный староста“. Эти храмы, одинъ изъ которыхъ построенъ былъ во имя просвѣтителя сысольскаго края, составляли, очевидно, общую святыню для всѣхъ небольшихъ волостокъ—приходовъ, расположенныхъ по р. Сысолѣ и входившихъ въ составъ обширной волости Сысолы, называвшейся иногда также „уѣздомъ“. О назначеніи священника къ этимъ общеземскимъ церквамъ ходатайствуетъ земское собраніе всей Сысольской волости, состоящее изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ приходовъ-волостокъ. То же собраніе, вѣроятно, избирало и „всеуѣзднаго церковнаго старосту“ къ этимъ церквамъ [4]). Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ всеуѣздный земскій староста, стоявшій во главѣ

---

[1]) Р. И. Б. XII, 382.
[2]) Р И. Б. XIV, 420.
[3]) Р. И. Б. XII, 1140.
[4]) Р. И. Б. XII, 1224 и сл. Арх. мин. юст. писц. кн. 142.

сольвычегодскаго уѣзднаго міра, назывался въ то же время всеуѣзднымъ земскимъ *ружнымъ* старостой по его обязанности собирать съ уѣзда деньги „ружнымъ храмамъ на строеніе“ [1]).

Итакъ надъ приходами высилась иногда на сѣверѣ болѣе общая и обширная церковная организація, совпадавшая съ всеуѣзднымъ міромъ. Съ другой стороны соотвѣтственно тому, какъ земская волость дробилась на болѣе мелкія ячейки: волостки, улусцы, приходы—и въ составѣ церковнаго прихода можно различить такія же мелкія организаціи. Это были часовенные приходы. Обычай строить часовни былъ также одною изъ особенностей поморскаго края. Въ 1692 г. по распоряженію преосвященнаго Аѳанасія холмогорскаго произведена была перепись часовенъ въ Важскомъ уѣздѣ и въ Устьянскихъ волостяхъ, по которой можно видѣть, что въ одномъ церковномъ приходѣ бывало 2, 3, 4 и болѣе, даже 11 часовенъ. Всего въ 1696 г. считалось въ Важскомъ уѣздѣ и въ Устьянскихъ волостяхъ 518, въ Кеврольскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ 75 часовенъ [2]). Постройка часовенъ вызывалась дальностью разстоянія деревень отъ приходской церкви; на такую причину постоянно указывали крестьяне при переписи часовенъ, и дѣйствительно въ переписи можно встрѣтить часовни, отстоявшія отъ церкви на 5, 8, 9, 13, 15, даже на 35 верстъ. Но строились также часовни по обѣтамъ въ благодарность Богу за избавленіе отъ какого либо несчастія или ради предотвращенія бѣды на будущее время. Такъ напр. въ деревнѣ Плеской въ Шангальской Устьянской волости часовня во имя св. Николая Чудотворца была построена, какъ показывали мѣстные жители „тому времени два годы, а строилъ ее одинъ крестьянинъ по обѣщанію ради лежащаго тоя деревни крестьянина Ѳедора Иванова въ недузѣ великомъ“ [3]). Часовня деревни Цемановской въ Пежемской Устьянской волости была сооружена „по обѣщанію тоя деревни крестьянъ для престатія скорби во время морового повѣтрія отъ чревной немощи, что де отъ той немощи въ той деревнѣ помирали многіе люди“ [4]). Особенно часто побужденіемъ къ постройкѣ часовенъ служили постигавшія сельское хозяйство невзгоды: скотскій и конскій падежъ, несчастія съ хлѣбомъ. Часовня поставлена „по обѣщанію тому, что у нихъ хлѣбъ зябетъ“; „строили часовню всѣми сосѣдями тоя деревни по обѣщанію своему отъ скотиннаго падежу и дальняго ради отъ церкви разстоянія и градобойнаго ради нашея деревни хлѣбнаго недороду“; „построена та часовня въ прошломъ въ 190 г. по обѣщанію тоя деревни крестьянъ для такого случая, что въ прошлыхъ годѣхъ въ той ихъ Уласовской деревнѣ въ поляхъ червь озими съѣдала и била по многое время“—таковы или въ такомъ родѣ показанія крестьянъ о причинахъ построенія часо-

---

[1]) I, 273, 274.
[2]) Р. И. Б. XXV, 347—762. Перепись часовенъ. *Верюжскій*, op. cit 337.
[3]) Р. И. Б. XXV, 725.
[4]) Ibid. 478.

венъ[1]). Одна изъ часовенъ Пучюжской волости Важскаго уѣзда была основана въ 1690 г. близъ церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ крестъ, сооруженный въ память происходившаго здѣсь въ Смутное время побоища съ Литовскими людьми, и такимъ образомъ эта часовня имѣла значеніе памятника историческаго событія[2]). Часовня въ Усть-Кулуйскомъ погостѣ въ Кокшенгской четверти Важскаго уѣзда построена въ 1677 г. на мѣстѣ погорѣвшихъ церквей этого погоста „ради храненія книгъ и церковной всякой казны и утвари". До возобновленія этихъ церквей „за великую нужду", какъ замѣчаетъ перепись, „въ той часовнѣ пѣли и говорили утреню и часы, и вечерню, и повечеріе, и молебны"[3]). Встрѣчаемъ случаи, когда часовня служитъ усыпальницей. Такъ въ одной изъ часовенъ Великониколаевскаго прихода Важскаго уѣзда находилась каменная гробница блаженнаго Георгія, шенкурскаго чудотворца; „а та гробница", какъ гласитъ опись, „поволочена крашениною, а надъ тою гробницею построена деревянная гробница, поволочена съ трехъ сторонъ камкасіею, а на верху у той гробницы поволочено кумачемъ, и на томъ кумачѣ написанъ образъ Георгія же блаженнаго, шенкурскаго чудотворца. А у того же образа вѣнецъ и двѣ цаты серебряныя, рѣзныя золоченыя, а въ привѣсѣ у того образа 14 крестовъ серебряныхъ, не золоченыхъ, да три ободка серебряные жъ, вѣсомъ кресты и ободки 14 золотниковъ, да пять копѣекъ серебряныхъ, а шестая золочена серебряная жъ". На гробницѣ лежало евангеліе печатное старинное и крестъ благословящій[4]). Въ Яренскомъ уѣздѣ на Усть-Выми на городищѣ стояла часовня съ гробницами пермскихъ епископовъ Герасима и Питирима[5]).

Часовня ставилась при деревнѣ на пахотной деревенской землѣ, иногда даже въ самой деревнѣ „межъ дворами на улицѣ", но въ другихъ случаяхъ „среди поля", на пустомъ мѣстѣ промежъ деревнями"[6]). Перепись важскихъ и устьянскихъ часовенъ можетъ дать понятіе и объ ихъ архитектурѣ для того, кто съумѣетъ разгадать тотъ техническій языкъ, на которомъ описаніе этой архитектуры дѣлается и кого не затруднятъ спеціальные термины, напр.: „часовня рублена въ четыре углы, опричь паперти; въ часовнѣ съ лѣтнюю сторону окно колодное, подволока брана тесомъ въ косякъ, въ четыре брусы, у той часовни паперть сотворена на выводныхъ бревнахъ, а паперть съ трехъ сторонъ забрана тесомъ въ косякъ, у той паперти на сторонахъ шесть оконъ съ затворками, въ паперть на рундукъ лѣстница тетивчатая; у рундука два окна съ затворками; на паперти и надъ рундукомъ, и надъ лѣстницею кровля вся новая тесовая съ зубцами на четыре ската; у часовенскихъ дверей замокъ задо-

---

[1]) Ibid. 616, 693, 462 и passim.
[2]) Ibid. 446.
[3]) Ibid. 473.
[4]) Ibid. 359.
[5]) Арх. мин. юст. писц. кн. 142.
[6]) Р. И. Б. XXV, 462, 471, 676, 439.

розчатой“ [1]). Служа нѣкоторой замѣной далекаго храма, сельская часовня съ ея иконами въ ризахъ и безъ ризъ, съ серебряными золочеными рѣзными вѣнцами, съ подвѣшенными пеленами, съ свѣчами передъ иконами въ подсвѣчникахъ или паникадилахъ, со всей этой напоминающей церковь обстановкой—должна была будить и поддерживать религіозное чувство въ деревенской глуши, до которой не могли долетать даже и слабые звуки церковнаго благовѣста. Но она была не только мѣстомъ одинокой молитвы. Въ опредѣленные дни, разъ или два въ году, въ этихъ часовняхъ устраивались общественныя богослуженія, возвѣщаемыя призывомъ тѣхъ небольшихъ колоколовъ, которые при нѣкоторыхъ часовняхъ висятъ на особыхъ столбахъ-звонницахъ [2]). Приглашался приходскій священникъ съ причтомъ, служился молебенъ. „А приходимъ къ той часовнѣ священникъ и мы, крестьяне, молебнаго ради пѣнія однова годомъ въ Ильинъ день“, или: „а къ той часовнѣ они, крестьяне, приходятъ на два праздника: на Вознесеньевъ день и на Георгіевъ, а въ ины дни приходятъ къ церкви“—таковы замѣтки въ переписи часовенъ объ этихъ богослуженіяхъ [3]). Кажется, Ильинъ день былъ наиболѣе обычнымъ днемъ часовенныхъ богослуженій. Въ праздники св. Георгія и св. Флора молебствія совершались въ тѣхъ часовняхъ, которыя ставились по случаю скотскихъ падежей. Обычной принадлежностью часовенной утвари являются „мѣдные пивоварные котлы“—знакъ, что часовенныя празднества сопровождались устройствомъ братчинъ съ молебнымъ пивомъ [4]).

Какъ и приходскія церкви, часовни владѣли иногда недвижимымъ имуществомъ: сѣнными покосами, пахотною землею, даже цѣлыми деревенскими участками съ дворами и рабочимъ скотомъ. Земли эти пріобрѣтались пожертвованіемъ, покупкой на часовенныя деньги или были залогами по выданнымъ изъ часовенной казны ссудамъ. Часовенная земля или обрабатывалась въ пользу часовни ея прихожанами, или сдавалась въ аренду. Такъ напр. за часовней во имя Рождества Богородицы въ деревнѣ Дмитріевѣ Наволокѣ Чадромской Устьянской волости было земли „сѣнного покосу... сѣна на одну копну“; землю эту положили къ часовнѣ той деревни прежніе крестьяне. Ихъ потомки косили сѣно на часовенной землѣ и продавали его „Богу на свѣчи“. Часовнѣ св. Николая Чудотворца въ Верхотоемской волости Важскаго уѣзда принадлежалъ жребій въ Кирилловской деревнѣ, треть обжи съ сѣнными покосами, „и съ дворомъ, и съ подворною землею. А пашутъ тое деревню“, замѣчаетъ опись, „изъ трети; скота въ той деревнѣ: 2 лошади работныхъ, 2 коровы, 3 бычка небольшіе да бычекъ нехолощеной“ [5]). Въ часовенной казнѣ кромѣ богослужебныхъ книгъ такъ же, какъ и въ казнѣ приходскихъ

---

[1]) Р. И. Б. XXV, 679. Ср. также 366, 368, 369, 386, 389, 398, 401 и др.
[2]) Р. И. Б. XXV, 436.
[3]) Ibid. 446.
[4]) Ibid. 407, 423, 428, 432, 436, 437 и т. д.
[5]) Р. И. Б. XXV, 685, 423, 407, 432.

церквей, находимъ иногда деньги и хлѣбъ, отдаваемые въ ссуды и письменные документы на эти ссуды, кабалы закладныя и простыя. И если казна приходской церкви на сѣверѣ играла роль мелкаго кредитнаго учрежденія, волостного банка, то въ этихъ часовенныхъ казнахъ, въ этихъ мельчайшихъ деревенскихъ банкахъ, сѣть кредитныхъ учрежденій, поддерживавшихъ сельское хозяйство, достигала послѣдней степени своего развитія, приближая кредитъ къ отдѣльной небольшой деревнѣ. Между казной церкви и казнами часовенъ, между волостнымъ и деревенскими банками, существовала зависимость, сводившая ихъ въ систему. Часовни прихода приписывались къ приходской церкви и о нѣкоторыхъ встрѣчается отмѣтка, что казна часовни „идетъ на церковь“.

Строились часовни иногда отдѣльными лицами, которымъ въ такихъ случаяхъ онѣ принадлежали, какъ собственность, подобно тому, какъ были и церкви, принадлежавшія на правахъ собственности отдѣльнымъ лицамъ. Такъ часовней въ Вельскомъ стану Важскаго уѣзда въ деревнѣ Кочевской владѣлъ крестьянинъ В. Медвѣдниковъ „Строитъ-де и приходитъ къ той часовнѣ“, показывали о немъ крестьяне, „онъ Васка Медвѣдниковъ одинъ кромѣ сосѣдей своихъ собою“. Въ Шуповой деревнѣ въ Спасской волости Важскаго уѣзда часовня принадлежала крестьянину Василію Едемскому, очевидно потомку когда-то богатой и знатной новгородской фамиліи, основавшей колоніи въ важскихъ краяхъ. Часовня была построена еще дѣдомъ Василія. „А молебенъ-де“, говорилъ Василій составителю переписи, „бываетъ однажды годомъ, и свѣщи покупаетъ на свои деньги, а священника призываетъ мая въ 9 день, а людямъ сходу не бываетъ“. Самъ онъ В. Едемскій выстроилъ другую часовню на своей же тяглой землѣ въ деревнѣ Горки. Въ той же волости въ деревнѣ Мадовись была часовня вдовы Дарьи Ларіоновой; вдова показала, что „строена та часовня въ давныхъ лѣтѣхъ упокойнаго свекра ея Павла Анфилофьева съ братьею“. Однажды въ годъ владѣлица устраивала въ часовнѣ молебенъ на свои средства, приглашала священника и покупала свѣчи[1]). Понятно, почему такія часовни могли быть предметомъ отказа по духовному завѣщанію[2]).

Но случаи постройки часовенъ отдѣльными лицами были все же рѣдки. Гораздо чаще часовня сооружалась группой изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ деревни, или цѣлой деревней, или нѣсколькими деревнями. Такая группа и составляла часовенный приходъ[3]). Часовенные приходы были очень невелики; число дворовъ, ихъ составляющихъ, считается единицами и рѣдко когда превышаетъ десятокъ. Строя вскладчину

[1]) Р. И. Б. XXV, 501, 550, 555, 554, 557

[2]) Ibid. 745.

[3]) Р. И. Б. XXV, 494 „А къ той де часовнѣ прихожи и строили той Зуевой деревни только пять крестьяниновъ по обѣщанію ихъ, а всѣхъ дворовъ въ той деревнѣ крестьянскихъ тяглыхъ 18 дворовъ“; 439: „а построена та часовня тѣми крестьяны и иными, кои живутъ одаль тоѣ часовни отъ того случая, что у нихъ былъ *въ деревняхъ* скотиной падежъ“; 693, 698, 710.

часовню и на общія средства устраивая въ ней богослуженіе, такое часовенное общество для постояннаго управленія хозяйствомъ избирало изъ своей среды „часовеннаго приказчика“. Такимъ образомъ часовенный приходъ былъ небольшимъ союзомъ, очень напоминавшимъ столь распространенное на сѣверѣ деревенское складничество. Какъ деревенское складничество вело хозяйство, соединяя имущество и сообща владѣя землей, такъ часовенный приходъ создавалъ и содержалъ часовню, складываясь средствами, и владѣлъ ею сообща. Церковная жизнь на сѣверѣ отливалась въ тѣ же формы, какъ и земская, представляя собою союзныя организаціи разныхъ степеней. Какъ изъ деревенскихъ складствъ составлялись волостные міры, которые въ свою очередь группировались во всеуѣздные союзы, такъ въ церковной организаціи надъ мелкими часовенными складствами возвышался волостной приходъ, а волостные приходы объединялись во всеуѣздный приходъ соборнаго храма.

Церковно-приходское устройство на древнемъ сѣверѣ въ значительной мѣрѣ сливалось съ земскимъ. Границы церковныхъ приходовъ совпадали съ границами земскихъ областныхъ дѣленій. Волостной сходъ тождественъ съ собраніемъ прихожанъ. Міръ принимаетъ дѣятельное непосредственное участіе въ церковныхъ дѣлахъ, строитъ часовню и церковь, избираетъ причтъ, распоряжается церковнымъ хозяйствомъ. Интересы приходской церкви живо чувствуются прихожанами. Организація богослуженія и церковное хозяйство являются земскими дѣлами, предметами земскаго самоуправленія. Въ свою очередь и приходская церковь обслуживаетъ земскія нужды. Церковная трапеза служитъ мѣстомъ волостныхъ сходовъ, засѣданій волостного суда; кельи на погостѣ—учрежденіями общественнаго призрѣнія. Въ церковномъ старостѣ нерѣдко соединяется попеченіе о церковномъ хозяйствѣ съ обязанностями земской власти. Съ 80-хъ годовъ XVII вѣка, съ учрежденіемъ двухъ сѣверныхъ епархій, въ церковномъ устройствѣ Поморья проводится новое, принесенное изъ Москвы направленіе, въ которомъ можно видѣть бюрократизацію прихода. Церковныя дѣла отграничиваются отъ земскихъ. Вмѣшательство въ нихъ міра: и въ избраніе причта, и въ веденіе церковнаго хозяйства сокращается. Проводится и въ церковной организаціи присущее бюрократіи отношеніе къ земству: за земствомъ остается только *доставленіе* средствъ, но *распоряженіе* этими средствами переходитъ къ бюрократическимъ органамъ. Такъ и въ приходѣ міръ долженъ изыскивать для церкви средства; распоряженіе ими епархіальная власть беретъ на себя, ревниво оберегая свои прерогативы. Церковный староста получаетъ значеніе уполномоченнаго епархіальной власти, а не приходскаго міра. Такая бюрократизація церковнаго управленія на сѣверѣ въ концѣ XVII в. соотвѣтствуетъ общему направленію политической жизни въ Московскомъ государствѣ этого времени, переходящемъ въ бюрократическую имперію XVIII вѣка.

Глава IV.

Мірское ходатайство.

Волостной міръ, какъ община, владѣющая землями и угодьями и эксплуатирующая ихъ, выступаетъ передъ нами съ признаками юридическаго лица. Въ качествѣ такого лица онъ обладаетъ вещными правами и вступаетъ въ обязательства. Онъ владѣетъ мірскою землею и дворами, пріобрѣтая ихъ по сдѣлкамъ или по давности и распоряжается ими, совершая акты: купли-продажи, мѣны, даренія. Выше мы уже видѣли, какъ государственные писцы, описывая волостныя общинныя оброчныя земли, указываютъ и титулъ владѣнія ими: по крѣпостямъ, по оброчной книгѣ, по старинѣ; все это тѣ же титулы, по которымъ владѣютъ и физическія лица. Но кромѣ земельныхъ сдѣлокъ, волость вступаетъ и въ разныя другія обязательства, напр. найма лицъ для различныхъ услугъ міру, займа денегъ на мірскія нужды. Уже въ самыхъ выборахъ должностныхъ лицъ волостного міра можно было ясно замѣтить признаки договора найма. Какъ будемъ имѣть не одинъ случай убѣдиться въ дальнѣйшемъ, договоры этого рода постоянно заключаются волостью.—Тѣми же признаками юридическаго лица обладаетъ и всеуѣздный міръ. Онъ такъ же, какъ и волостной, вступаетъ въ обязательства и владѣетъ мірскимъ всеуѣзднымъ имуществомъ; онъ заключаетъ договоры найма лицъ для услугъ, занимаетъ деньги на мірскія нужды и совершаетъ разнаго рода сдѣлки по имуществу. Такъ напр. въ 1650 г. все имущество, недвижимое и движимое, бывшаго тотемскаго таможеннаго и кабацкаго головы 1643 года тотмянина Гостя Гаврилова, состоявшее изъ солевареннаго завода, огородовъ, сѣнныхъ покосовъ, дворовъ, лавокъ и другихъ угодій, было конфисковано казною за недоборъ головою таможенныхъ и кабацкихъ денегъ и затѣмъ продано изъ казны всеуѣздному тотемскому міру „въ посадъ и во весь Тотемскій уѣздъ“ за 689 рублей[1]). Такимъ образомъ всеуѣздное тотемское земство оказалось владѣльцемъ значительнаго и разнообразнаго имущества. Другой примѣръ. Сольвычегодскій всеуѣздный міръ владѣлъ на посадѣ дворомъ, который нѣкогда былъ купленъ міромъ у Юрія Толстого. Дворъ состоялъ изъ обычныхъ для того времени дворовыхъ построекъ: избы на подклѣтѣ съ комнатою, сѣнника, сарая и бани; къ тому же имуществу принадлежалъ

[1]) Пр. Д. 1649 № 76.

огородъ и право на половину соляной трубы въ совладѣніи съ нѣкіимъ Ѳомою. Въ 1613 г. міръ рѣшилъ этотъ „свой всеземскій всего Усольскаго уѣзда дворъ“ продать опять въ частныя руки сольвычегодскому посадскому человѣку Г. И. Звягину за пять рублей. Была написана купчая; въ качествѣ продавца было обозначено всеуѣздное земское собраніе такъ же, какъ оно обозначалось и въ другихъ актахъ, напр. въ выборахъ, т. е. переименованы были во главѣ съ сольвычегодскими посадскими цѣловальниками волостные депутаты —посыльщики волостей. Собраніе и продало дворъ „всѣмъ Усольскимъ уѣздомъ“. Въ купчую было внесено обычное условіе купчихъ: у кого будетъ тотъ дворъ въ закупѣ или въ закладѣ, или въ какихъ иныхъ крѣпостяхъ—въ этомъ случаѣ міръ обязался имущество выкупать и очищать „всѣмъ Усольскимъ уѣздомъ своими деньгами“.[1])

Какъ юридическое лицо, міръ волостной и всеуѣздный защищаетъ свои права, выступая на судѣ передъ мѣстнымъ воеводою или въ московскомъ приказѣ въ качествѣ истца и отвѣтчика черезъ своихъ выборныхъ властей или особыхъ уполномоченныхъ, причемъ иногда, не доводя дѣла до судебнаго рѣшенія, заключаетъ мировую сдѣлку съ противною стороною. Частый поводъ къ судебнымъ процессамъ давали тѣ обязательства, тѣ договоры, въ которые міръ вступалъ съ разными лицами, между прочимъ, съ своими же выборными, отбывшими должность. Волостной міръ судится часто изъ-за земельныхъ владѣній и съ отдѣльными лицами, и съ монастырями, и съ другими такими же мірами. Но изъ за какихъ земель идутъ въ этомъ случаѣ судебные споры? Изслѣдуя древне-русскую волостную общину, покойный Павловъ-Сильванскій признавалъ за волостью нѣкоторую высшую власть, dominium indirectum, надъ всѣми землями волостной территоріи, какъ надъ участками, находящимися въ личной частной собственности, такъ и надъ общинными землями волости; онъ называлъ ее „территоріальною“ властью. Эта территоріальная власть общины проявляется наглядно на судѣ, когда волостной міръ вступается одинаково, какъ за общинныя владѣнія волости, такъ и за деревни, состоящія въ собственности отдѣльныхъ волостныхъ людей и отстаиваетъ принадлежность этихъ деревень волости[2]). Въ этомъ смыслѣ такіе деревенскіе участки и назывались въ старинныхъ процессахъ землями той или другой волости. Однако въ XVII в. судебная защита деревень, принадлежащихъ на правѣ собственности ихъ владѣльцамъ, лежитъ на самихъ этихъ владѣльцахъ. Волостной міръ вступается на судѣ лишь за общеволостныя, общинныя земли. Такъ напр., въ 1623 г. Лальскій погостъ Сольвычегодскаго уѣзда жалуется на крестьянина Д. А. Паламошнаго, захватившаго принадлежавшій погосту выгонъ, который онъ неправильно называлъ своею запустѣвшею и поросшею лѣсомъ деревнею[3]). Въ 1629 г. Кленовская волость Чарондской округи споритъ съ двумя крестьянами Ротковской волости, снявшими изъ

[1]) *Сениловъ*, Памятники земской старины, 297.
[2]) *Павловъ-Сильванскій*, Сочин. т. III, стр. 65.
[3]) Пр. Д. 1624 № 16.

казны въ оброчное держаніе земли, которыя оказались общинными сѣнными покосами волости, издавна къ ней приписанными въ писцовыхъ книгахъ и за которыя волость платила $1^1/_2$ рубля въ годъ оброку[1]). Въ началѣ 1640-хъ годовъ Заонежскій Пудожскій погостъ велъ процессъ противъ Муромскаго монастыря, старцы котораго захватили площадь чернаго лѣса въ 1800 кв. верстъ, находившуюся ранѣе въ общемъ пользованіи монастыря съ погостомъ[2]). Отдѣльные участки могутъ быть названы принадлежащими волости лишь постольку, поскольку она является территоріальнымъ географическимъ или административнымъ округомъ, и если волостной міръ выступаетъ на защиту такихъ отдѣльныхъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ волощанамъ на правахъ собственности участковъ, онъ защищаетъ въ этомъ случаѣ не свои права на эти участки, а только частныя права своихъ отдѣльныхъ членовъ, дѣйствуетъ, слѣдовательно, не въ качествѣ собирательнаго субъекта права на землю, а только въ качествѣ союза, покровительствующаго составляющимъ его членамъ, защищаетъ не свои права какъ цѣлаго, а права своихъ частей.

Кромѣ суда другимъ средствомъ для защиты мірскихъ правъ и интересовъ было мірское ходатайство передъ государствомъ, передъ верховною властью или передъ ея агентами. Выборъ того или другого пути въ этомъ случаѣ зависѣлъ отъ обстоятельствъ, отъ которыхъ страдали эти права и интересы. Судебнымъ порядкомъ міръ дѣйствовалъ тамъ, гдѣ его права нарушались другими лицами, гдѣ была на лицо сторона, съ которою приходилось бороться. Къ ходатайству передъ властью міръ прибѣгалъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не было противоположной стороны, гдѣ его права и интересы терпѣли ущербъ отъ самаго государственнаго порядка: отъ недостатка или отъ вредныхъ послѣдствій закона, отъ неисполненія или неправильнаго примѣненія существующаго закона, отъ ошибокъ и злоупотребленій администраціи, отъ собственныхъ мірскихъ неустройствъ, исправить которыя самъ міръ однако былъ безсиленъ, отъ тяжести требованій предъявлявшихся міру государствомъ и т. п. Судебный порядокъ былъ самостоятельною борьбою міра за свои права; ходатайство было обращеніемъ къ государевой милости, отъ которой зависѣло избавленіе міра отъ того или другого тяготившаго міръ зла, если на его уничтоженіе у самого мѣстнаго общества не оказывалось средствъ. Впрочемъ, оба эти способа защиты нерѣдко соединялись, и міръ пользовался обоими одновременно: возбуждая судебный процессъ противъ обидчика или являясь отвѣтчикомъ на судѣ, онъ подкрѣплялъ свою позицію непосредственнымъ обращеніемъ къ верховной власти.

Мірское ходатайство было однимъ изъ важнѣйшихъ проявленій земской жизни, мірской организаціи. Если эта организація завязывалась общностью нуждъ и интересовъ, то въ свою очередь она же давала возможность ихъ сознавать именно какъ общіе и давать этому сознанію открытое,

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 160.

[2]) Пр. Д. 1644 № 15.

точно формулированное и въ значительной мѣрѣ авторитетное выраженіе. Земская организація возбуждала и воспитывала работу мысли объ общемъ благѣ и интересѣ, хотя бы и въ предѣлахъ небольшихъ общественныхъ группъ, и благодаря этой работѣ мысль не замыкалась въ узкія рамки личныхъ потребностей.

Если бы мѣстное общество представляло изъ себя лишь неорганизованную массу, управляемую посланными изъ центра агентами власти, это сознаніе общихъ нуждъ не достигло бы такой ясности и отчетливости, не находило бы себѣ такой вѣской формы выраженія; оно оставалось бы лишь не болѣе, какъ мнѣніемъ отдѣльныхъ лицъ, къ голосу которыхъ чуткій администраторъ, можетъ быть, и прислушался бы; но нечуткій пропустилъ бы его мимо ушей. Оно не было бы во всякомъ случаѣ мнѣніемъ общества, и правительство могло бы не оказать ему должнаго вниманія. Именно потому, что ходатайство было выраженіемъ мнѣнія и желанія цѣлой болѣе или менѣе значительной общественной группы, правительство волей неволей принимало его въ разсчетъ. Не будучи обязательнымъ для высшей власти формально, оно было необходимымъ для нея по существу, такъ какъ указывало ей то направленіе, въ какомъ можно было дѣйствовать, если не съ сочувствіемъ то, по крайней мѣрѣ, съ наименьшимъ сопротивленіемъ со стороны управляемаго общества.

Поощряемые благосклоннымъ отношеніемъ власти земскіе міры обращаются къ ней необыкновенно часто по вопросамъ самаго различнаго значенія, начиная отъ крупнаго, затрогивающаго общегосударственные интересы дѣла, до самаго послѣдняго волостного пустяка. Правительство XVII в., можно сказать, было завалено земскими ходатайствами. Одной изъ обильнѣйшихъ категорій документовъ, сохранившихся въ архивѣ управлявшихъ сѣверомъ приказовъ, являются именно мірскія ходатайства. Мелкія земскія организаціи пользуются правомъ представлять правительству о своихъ нуждахъ непосредственно, помимо болѣе крупныхъ, въ составъ которыхъ онѣ входятъ. Волостное земство такъ же часто обращается къ центральной власти съ своими нуждами, какъ и всеуѣздное, причемъ содержаніе этихъ обращеній очень нерѣдко совпадаетъ, и всеуѣздный міръ проситъ для всего уѣзднаго общества о томъ же, о чемъ для себя ходатайствовала отдѣльная волость. Иногда предъявляется коллективное ходатайство группой волостей, интересовъ которыхъ оно ближайшимъ образомъ касается, не разрастаясь однако до предѣловъ всеуѣздной челобитной. Такъ напр. въ 1636 г. обращались въ Москву съ просьбой о дозорѣ запустѣвшихъ мѣстностей четыре волости Устюжскаго уѣзда, а именно: Верхній конецъ Комарицкаго стана, Дрокованова Кулига, Подосиновская и Шольская. Запустѣніе тяглыхъ деревень было, очевидно, тѣмъ общимъ интересомъ, который связалъ эти волости въ союзъ, возбудившій ходатайство. По такому же дѣлу въ 1638 г. обращались въ Москву также четыре волости Устюжскаго уѣзда: Яхренская, Пушемская, опять Шольская и Сухонскій Нововышлый станъ, жалуясь на запустѣніе, прося о дозорѣ запустѣлыхъ мѣстъ и о смягченіи взысканія податей за покинутые участки, чтобы оставшимся крестьянамъ „за

пусто на правежѣ убитымъ не быть“ [1]). Коллективныя челобитныя представлялись также и уѣздными земствами. Въ 1648 г. о защитѣ противъ сутяжническихъ поклепныхъ исковъ, возбуждаемыхъ московскими стрѣльцами изъ поморскихъ жителей противъ своихъ земляковъ, принужденныхъ являться къ отвѣту въ Москву, была подана челобитная *„тремя городами“*: Устюгомъ Великимъ, Тотьмою и Сольвычегодскомъ, одинаково страдавшими отъ этого зла [2]). Въ коллективныхъ ходатайствахъ проявлялась живая связь между уѣздами, составлявшими Вятскую землю, отъ которой эти ходатайства представляются [3]) едва ли не болѣе часто, чѣмъ отъ отдѣльныхъ, составляющихъ ее уѣздовъ.

Всѣ эти безчисленныя мірскія челобитныя хорошо знакомятъ насъ съ мѣстными общественными интересами и недостатками, съ тягостями, отъ которыхъ страдала провинція, по крайней мѣрѣ, съ тѣми изъ нихъ, избавиться отъ которыхъ она не могла безъ разрѣшенія или безъ содѣйствія государственной власти. Онѣ рисуютъ намъ именно ту сторону земской жизни, которою эта жизнь была обращена къ государству. Мы остановимся теперь подробнѣе на ихъ изученіи.

По внѣшней ихъ формѣ земскія ходатайства могутъ быть подраздѣлены на три категоріи. Одни изъ нихъ пишутся отъ имени всего волостного или всеуѣзднаго міра и совершенно напоминаютъ по виду выборные протоколы земскихъ собраній, съ которыми намъ уже приходилось имѣть дѣло [4]): начинаются личнымъ перечнемъ участниковъ земскаго собранія съ выборными властями во главѣ и, по изложеніи предмета ходатайства, заканчиваются рукоприкладствомъ этихъ властей и членовъ собранія. Такія челобитныя назывались „заручными“. За неграмотностью состава волостного собранія челобитную, какъ и вообще приговоры этихъ собраній, могъ подписывать приходскій священникъ, отецъ духовный волощанъ. Въ 1633 г. управлявшій тогда Устюжскою четвертью дьякъ Пантелѣй Чириковъ, рѣшая споръ между посыльщиками Устьянскихъ волостей и разсмотрѣвъ представленную однимъ изъ нихъ въ четверть челобитную Ростовской Устьянской волости, нашелъ, что у той мірской челобитной „поповскихъ и мірскихъ людей рукъ нѣтъ“, приложена только рука одного крестьянина; поэтому дьякъ

---

[1]) Пр. Д. 1637 № 18.

[2]) Пр. Д. 1649 № 31 „А въ прошломъ, государь, во 156 г. били мы челомъ тебѣ, государю,—тремя городами Устюга Великаго и Тотменя, и Соли Вычегодской на такихъ поклепцовъ, на стрѣльцовъ и на холопей въ великихъ продажахъ и въ поклепѣхъ, чтобы ты, государь, учинилъ оборонь. И та наша челобитенка съ верху сошла съ помѣтою думнаго дьяка въ Устюжскую четверть дьяку Минѣ Грязеву, что ты, государь царь, насъ сиротъ всѣхъ городовъ пожаловалъ, стрѣльцомъ и холопемъ безъ письменныхъ крѣпостей суда давать не велѣти“.

[3]) Пр. Д. 1623 № 32; Пр. Д. 1638 № 36; Пр. Д. 1639 № 82; А. И. V, № 88.

[4]) I, гл. XVII.

пришелъ къ заключенію, что челобитной „вѣрить нечего“, т. е. отказалъ въ принятіи этого ходатайства за подлинное[1]). Другую категорію челобитныхъ составляютъ тѣ, которыя писались отъ выборныхъ земскихъ властей „во всѣхъ крестьянъ“ такой-то волости „мѣсто“ или вмѣсто посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ такого-то всеуѣзднаго міра. Это были ходатайства также отъ лица всего волостного или всеуѣзднаго міра, но подаваемыя не земскимъ собраніемъ, а, такъ сказать, земскою управою, волостною или всеуѣздною, дѣйствовавшею въ этомъ случаѣ за земское собраніе. Наконецъ, къ третьему роду ходатайствъ принадлежатъ тѣ, которыя писались отъ имени самихъ мірскихъ посыльщиковъ, т. е. лицъ, уполномоченныхъ передавать челобитныя агентамъ власти, также „вмѣсто“ волостного или всеуѣзднаго міра. Но всѣ эти различія относятся только къ формѣ челобитныхъ, не касаясь ихъ существа. Подъ каждой изъ этихъ формъ могло заключаться одинаково важное дѣло. Такіе важные акты, какъ напр. уставныя земскія грамоты на самоуправленіе: Важская 1552 г. и Двинская 1556 г. даны: первая на имя важскихъ посыльщиковъ, вторая на имя двинскаго сотскаго. Отъ ихъ имени вмѣсто всѣхъ важанъ и двинянъ были, вѣроятно, написаны тѣ мірскія челобитныя, отвѣтамина которыя служили эти грамоты. Иногда, можетъ быть, такое различіе въ формѣ зависѣло отъ времени, какое находилось въ распоряженіи міра для составленія челобитной. Заручная челобитная міра требовала продолжительнаго времени, такъ какъ для ея составленія необходимъ былъ созывъ земскаго собранія, да и самое скрѣпленіе ея подписями могло затянуться; тамъ же, гдѣ дѣйствовать надо было быстро, выступали съ ходатайствомъ отъ лица земства сами выборныя земскія власти. Возможно, конечно, допустить, что эти власти дѣйствовали отъ себя, не созывая земскаго собранія и въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ почему либо не могли разсчитывать провести ходатайство черезъ собраніе. Наконецъ посыльщики нерѣдко представляли ходатайства, находясь въ Москвѣ, по предварительному сношенію съ отправившимъ ихъ міромъ или же дѣйствуя на основаніи даннаго имъ общаго полномочія, когда это было сообразно съ выгодами міра по обстоятельствамъ момента. Но само собою разумѣется, что ходатайства болѣе общаго характера преимущественно облекались въ форму заручной челобитной.

Челобитная писалась всегда на имя государя, но въ однихъ случаяхъ направлялась мѣстному воеводѣ, въ другихъ отсылалась непосредственно въ Москву. Вѣроятно, то или другое направленіе обусловливалось также видами на удовлетвореніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Если у міра была надежда на удовлетвореніе ходатайства мѣстною правительственною властью, онъ къ ней и обращался. Воевода или самъ удовлетворялъ земское ходатайство, или, если почему либо въ этомъ затруднялся, пересылалъ его въ Москву въ соотвѣтствующій приказъ при своей отпискѣ. Для нагляднаго примѣра укажемъ случаи того и другого рода. Въ августѣ 1646 г. къ сольвычегодскому воеводѣ обращались съ челобитными Учецкая, Лаль-

[1]) Пр. Д. 1633 № 60.

ская и Ратмировская волости, жалуясь на то, что волостнымъ обществамъ приходится платить за брошенныя впустѣ деревни, даже и за тѣ, которыя взяты прежними владѣльцами или другими съемщиками на льготу. На каждой изъ челобитныхъ воевода наложилъ свои резолюціи, которыми предписывалъ привлечь къ платежамъ крестьянъ, пометавшихъ деревни и потомъ взявшихъ ихъ на льготу [1]). Вотъ случаи отсылки мѣстной администраціей земскихъ ходатайствъ въ Москву. Въ 1636 г. устюжскій воевода препроводилъ ходатайство нѣсколькихъ устюжскихъ волостей съ жалобами на отказъ устюжскихъ монастырей и „деревенскихъ владѣльцевъ“ изъ посадскихъ людей платить тягло съ своихъ деревень вмѣстѣ съ волостнымъ міромъ [2]). Въ 1650 г. волость Лузская Пермца подала сольвычегодскому воеводѣ просьбу объ уменьшеніи числа кабацкихъ цѣловальниковъ, которыхъ волость обязана была выбирать, такъ какъ раньше въ ней числилось 87 вытей, а по новому письму она была положена только въ 42 выти. Но такъ какъ воевода И. Г. Злобинъ объявилъ челобитчикамъ, что онъ безъ государева указу сдѣлать такого дѣла не смѣетъ, то они просили переслать ихъ челобитныя въ Москву, что онъ и исполнилъ. Вмѣстѣ съ этимъ челобитьемъ онъ отослалъ въ Москву другое челобитье Лоемскаго и Спасскаго приходовъ той же волости, касавшееся направленія проходившей черезъ волость сибирской дороги [3]).

Ходатайства, направлявшіяся мірами непосредственно въ Москву, пересылались туда съ особыми мірскими посыльщиками, число которыхъ зависѣло отъ значенія челобитной; съ особенно важными ходатайствами посылались довольно многолюдныя депутаціи. Такъ депутація Важскаго уѣзда, бившая челомъ о земской грамотѣ въ 1552 г., состояла не менѣе, чѣмъ изъ 21 посыльщика, въ числѣ коихъ были представители отъ посадовъ Важскаго уѣзда и тѣхъ становъ, на которые онъ дѣлился. Ходатайство Заонежскихъ погостовъ въ 1647 г. объ упраздненіи у нихъ воеводскаго управленія было отправлено въ Москву съ депутаціей изъ 11 человѣкъ [4]). Съ обыкновенными, заурядными челобитными отправлялись одинъ—два посыльщика. Посыльщики подыскивались земскимъ собраніемъ или земскими властями изъ тѣхъ лицъ, кому было удобно ѣхать въ Москву, и получали за свою службу наемную плату. Среди постановленій устюжскаго всеуѣзднаго собранія въ 1633 г. мы встрѣтили спеціальный приговоръ объ отправкѣ посыльщиковъ съ мірской челобитной. Приговоръ гласитъ, что, совѣтовавъ всѣмъ Устюгомъ посадомъ и устюжскимъ уѣздомъ, міръ рѣшилъ отправить посыльщиковъ бить челомъ въ Москвѣ государю о всякихъ мірскихъ нуждахъ, о чемъ міромъ усовѣтуютъ. Количество

---

[1]) Пр. Д. 1646 № 79. Напр. „154 г. августа 25. Дать память, велѣть править на ихъ за пометныя деревни, что не хотятъ платить государевыхъ доходовъ прошлыхъ лѣтъ, свои деревни пометали и вновь на льготу поимали“.

[2]) Пр. Д. 1636 № 76.

[3]) Пр. Д. 1650 № 30.

[4]) Пр. Д. 1647 № 41.

посыльщиковъ міръ предоставилъ себѣ опредѣлить впослѣдствіи, „колико міромъ изволятъ“. Въ разбираемомъ же приговорѣ міръ, во-первыхъ, обязался взять на себя и возмѣстить всѣ убытки, которые будутъ понесены посыльщиками при исполненіи ими возложенной на нихъ миссіи, и во-вторыхъ, давъ имъ право обращаться по мѣрѣ надобности къ кредиту, занимать подъ кабалы деньги на расходы по мірскимъ дѣламъ, принялъ на себя обязанность погашать сдѣланные ими займы „Устюгомъ посадомъ и устюжскимъ уѣздомъ, всѣмъ міромъ“. На снаряженіе депутаціи, на возмѣщеніе личныхъ убытковъ посыльщиковъ и на погашеніе заключенныхъ ими займовъ должны были потребоваться отъ міра особыя средства, которыя добыть надо было путемъ самообложенія; поэтому и написанъ былъ такой предварительный приговоръ, „одиначная запись“, обязывавшая всѣхъ членовъ міра, посадъ и волость, „другъ друга не подать“, стоять другъ за друга какъ одинъ человѣкъ, и пресѣкавшая уклоненіе кого-либо изъ членовъ міра отъ взносовъ средствъ на всѣ эти расходы[1]). Условія, намѣченныя въ этомъ приговорѣ, развиваются въ „посыльной записи“, которою снабжались посыльщики и которая служила съ одной стороны актомъ, удостовѣрявшимъ ихъ полномочія, а съ другой въ то же время какъ бы актомъ договора между посыльщикомъ и міромъ, обращавшимся къ его услугамъ, довѣренностью и контрактомъ въ одно и то же время[2]).

Самый текстъ посыльной, если судить по найденному нами экземпляру посыльной Пачеозерской волости Сольвычегодскаго уѣзда Княжесельской стороны 1632 г., имѣетъ обычный видъ приговора волостного схода и начинается личнымъ перечнемъ участниковъ схода съ земскимъ цѣловальникомъ во главѣ[3]). Анализируя содержаніе этой посыльной, мы видимъ, что она устанавливаетъ какъ обязанности посыльщика относительно міра, такъ и наоборотъ обязательства міра по отношенію къ посыльщику. Посыльщикъ берется отвезти въ Москву къ государю челобитную „о мірскихъ нуждахъ и бѣдностяхъ“, передать ее по назначенію, представлять и другія челобитныя, если такія будутъ сверхъ первой присланы отъ міра и вообще хлопотать о мірскихъ дѣлахъ и защищать мірскіе интересы: „за міръ ему, посыльщику, во всемъ стояти“. Если находящіеся въ Москвѣ посыльщики другихъ сольвычегодскихъ волостей станутъ подавать ходатайства отъ всего уѣзда о всеуѣздныхъ дѣлахъ, то посыльщикъ уполномочивается въ этомъ случаѣ присоединиться къ этой всеуѣздной челобитной. Ему далѣе предоставляется право, если у него мірскихъ денегъ не достанетъ, занимать

---

[1]) Пр. Д. 1635 № 21, л. 56—62.

[2]) „Въ прошломъ въ 135 г.“, пишетъ о себѣ одинъ изъ посыльщиковъ кайгородскаго всеуѣзднаго міра Л. Кокоринъ, „послали меня цѣловальникъ Аѳанасій и земскіе люди въ челобитчикахъ съ Лихачкомъ Лавровымъ бить челомъ государю о сошной поверсткѣ... и посыльную запись тотъ цѣловальникъ Аѳанасій намъ, сиротамъ, за поповскими отцовъ своихъ духовныхъ и земскихъ людей руками, далъ“. Пр. Д. 1628 № 64.

[3]) Пр Д. 1632 № 30. Приложеніе № 1.

деньги на мірскіе расходы, а міръ принимаетъ на себя обязанность эти долги уплачивать изъ мірскихъ средствъ. Живя въ Москвѣ и выступая ходатаемъ по общественнымъ дѣламъ, посыльщикъ не долженъ заниматься въ то же время ходатайствомъ по своимъ частнымъ дѣламъ: „живучи ему за мірскимъ дѣломъ на Москвѣ, о своемъ дѣлѣ ни о какомъ не бить челомъ“. Внесеніе въ посыльную этого условія вызвано, конечно, боязнью, что посыльщикъ, занятый личными дѣлами, будетъ пренебрегать мірскими или затягивать сверхъ нужды время своего пребыванія въ Москвѣ, и сохранившіеся документы показываютъ, что иной ловкій и пронырливый посыльщикъ не прочь былъ воспользоваться командировкой отъ земства между прочимъ и для того, чтобы обдѣлать въ столицѣ свои собственныя дѣла. Такъ поступилъ напр. устюжскій мірской посыльщикъ В. Гнида, который, находясь въ 1630 г. въ Москвѣ въ качествѣ земскаго посыльщика, успѣлъ выхлопотать себѣ на оброкъ участокъ новоприсадной земли на р. Двинѣ въ Юрьевѣ Наволокѣ[1]).

За услуги посыльщикъ получаетъ вознагражденіе, которое обыкновенно, какъ и вообще всякое вознагражденіе земскихъ агентовъ, носитъ названіе „найма“. Въ разбираемомъ случаѣ Пачеозерскій посыльщикъ выговорилъ себѣ плату въ размѣрѣ полутора рубля въ мѣсяцъ, сколько бы мѣсяцевъ онъ въ Москвѣ ни прожилъ. Но изъ этого вознагражденія онъ долженъ былъ покрыть свои расходы на дорогу туда и обратно, на уплату дорожныхъ пошлинъ, а также и на содержаніе: „А на подводахъ ему, посыльщику Михайлу, къ Москвѣ и съ Москвы ѣхать на своихъ и наймовать своими деньгами, и перевозы, и мостовое платити своими деньгами изъ своего помѣсячнаго... А живучи ему на Москвѣ все пить и ясти, и дорогою ѣдучи, не изъ мірскихъ денегъ, да и пошлины по городамъ платити своими же деньгами“. Въ 1631 г. московскій посыльщикъ устюжскаго всеуѣзднаго міра получалъ по 3 рубля въ мѣсяцъ[2]). Въ 1634 г. волости Юрьевъ Наволокъ и Евда Устюжскаго уѣзда, имѣвшія общее земское управленіе, отправили въ Москву двухъ посыльщиковъ, договорившись платить имъ по рублю человѣку въ мѣсяцъ, а третьяго за рубль съ гривною въ мѣсяцъ. Въ томъ же году тѣми же волостями былъ командированъ посыльщикъ на Устюгъ съ челобитьемъ къ воеводѣ объ отсрочкѣ въ уплатѣ данныхъ и оброчныхъ денегъ и о льготахъ въ сборѣ ямскихъ и солдатскихъ податей; этому мѣстному посыльщику назначена была гораздо болѣе высокая наемная плата по 2 р. 40 к. въ мѣсяцъ; но за то онъ взялся въ счетъ той же платы не только передать челобитную, но и „стоять на правежѣ“, т. е. подвергаться ежедневной экзекуціи палками по ногамъ въ томъ случаѣ, если бы воевода сталъ править съ него недоплаченныя волостью деньги до тѣхъ поръ, пока волостной цѣловальникъ ихъ соберетъ. Иногда нѣкоторая часть наемной платы получалась посыльщикомъ въ видѣ задатка впередъ за нѣкоторое время до отправки и служила, очевидно, ему под-

[1]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 394.
[2]) Пр. Д. 1631 № 31.

могой для снаряженія въ путь. Упомянутые два посыльщика Юрьева Наволока, порядившись получать по рублю въ мѣсяцъ, взяли предварительно 10 алтынъ „задаточныхъ“ денегъ и обязались тронуться въ путь, „какъ изъ иныхъ становъ и изъ волостей посыльщики пойдутъ къ Москвѣ“ [1]). Всѣмъ расходамъ мірскихъ денегъ посыльщикъ обязывается вести тщательную запись и, вернувшись въ волость, онъ долженъ былъ дать отчетъ міру въ исполненіи порученія. Таково содержаніе извѣстной намъ посыльной. Кромѣ перечисленныхъ въ посыльной, посыльщику, отправлявшемуся въ Москву съ челобитной, давались иногда и другія порученія, напр. высту-

---

[1]) Пр. Д. 1634 № 84, л. 50. Наемная мірского посыльщика: «Се азъ Стафѣй Онтоновъ сынъ Ежевыхъ, московской посыльщикъ, далъ есмь память Юрьева Наволока цѣловальнику Никитѣ Тимоѳееву въ томъ: взялъ язъ Стафѣй у него цѣловальника наемныхъ денегъ по своему договору на четыре мѣсяца по рублю съ гривною въ мѣсяцъ. И тѣхъ всѣхъ денегъ взялъ на перечень четыре рубля 4 гривны. Да язъ же Стафѣй взялъ у него же цѣловальника Никиты 3 алт. 2 д. на писчее челобитнымъ. Въ томъ и память далъ. На то послухъ Рычко Михайловъ Мистрюковъ. Память писалъ Ѳедотко Васильевъ, лѣта 7142 г. Февраля въ 28 д.»; л. 51: «Се язъ Кирило Ивановъ сынъ Пановъ далъ есми память Юрьева Наволока, Евды и Усть-Евды цѣловальнику Никитѣ Тимоѳееву сыну Тарасову въ томъ: нанялся язъ Кирило у него цѣловальника Никиты и у всѣхъ крестьянъ тѣхъ волостей на Устюгъ Великій бити челомъ на Устюгѣ В. воеводѣ М. Ѳ. Стрѣшневу и дьяку Димитрію Ключареву о срокѣ въ данныхъ и оброчныхъ деньгахъ и въ солдатскихъ, что на нынѣшней на 142 г. за ихъ волости Юрьевъ Наволокъ, Евду и Усть-Евду докуду тѣ деньги собираютъ въ волостехъ. И буде мнѣ посыльщику Кирилу въ тѣхъ данныхъ воевода М. Ѳ. Стрѣшневъ и дьякъ Димитрій Ключаревъ велитъ быти на правежѣ докуду онъ, цѣловальникъ Никита, деньги собираетъ, и мнѣ Кирилу въ тѣхъ деньгахъ за тѣ волости Юрьевъ Наволокъ, Евду, и Усть-Евду на правежѣ стояти. А найму язъ Кирилъ взялъ у него цѣловальника Никиты напередъ на четыре недѣли два руб. 4 гривны денегъ, да на боярскіе дворы челомъ ударити на хлѣбъ и на калачъ взялъ у него же цѣловальника мірскихъ денегъ четыре алтына. А буде за тѣми четырьми недѣльми сколько недѣль лишка настою и мнѣ Кирилу по тому же имати на недѣлю по 20 алт. А буде не достою сколько недѣль и мнѣ Кирилу отдати деньги назадъ цѣловальнику по тому же договору по 20 алт. на недѣлю; въ томъ и память далъ. На то послухъ Андрей Ивановъ сынъ Пановъ. Память писалъ Ѳедотко Васильевъ. Лѣта 7142. Генв. въ 12 д.»; л. 52: «Се язъ Пятой Селивановъ сынъ Башаринъ да язъ Никита Ермолинъ с. Колодниковъ, московскіе посыльщики, дали есмы задаточную память цѣловальнику Юрьева Наволока, Евды и Усть-Евды Никитѣ Тимоѳееву сыну Тарасову въ томъ, что нанялись мы язъ Пятой и язъ Никита съ тѣхъ волостей съ Юрьева Наволока и Евды, и Усть-Евды въ посыльщики къ Москвѣ бити челомъ государю о всякихъ мірскихъ нуждахъ и задаточныхъ денегъ мы посыльщики взяли у цѣловальника Никиты 10 алт., а на мѣсяцъ найму рядили по рублю человѣку. А къ Москвѣ намъ посыльщикамъ пойти изъ двора, какъ изъ иныхъ становъ и изъ волостей посыльщики пойдутъ къ Москвѣ. Въ томъ и задаточную память дали. Послухъ на то Жданъ Леонтьевъ.—Писалъ Ѳедотъ Васильевъ 142 г. ноября.

пать отвѣтчикомъ по какому-либо предъявленному къ міру иску[1]) или самому возбуждать искъ, если это почему либо потребуется.

Исполняя порученія міра, посыльщики могли подвергаться опасностямъ, которыхъ не предусматривала ихъ посыльная. Въ Москвѣ имъ могли дать себя знать отголоски борьбы, ведущейся на мѣстѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они пріѣзжали въ столицу съ какими нибудь жалобами, въ особенности на агентовъ администраціи. Вотъ примѣръ. Въ 1632 г. Устьянскія волости, выведенныя изъ терпѣнія командированнымъ туда для сыска разбойниковъ важскимъ губнымъ старостой Петромъ Шараповымъ, отправили въ Москву депутацію изъ 7 посыльщиковъ съ жалобой на его притѣсненія. Губной староста, видимо, опасался послѣдствій этой жалобы и слѣдилъ за дѣйствіями посыльщиковъ въ Москвѣ. 28 марта этого года, когда посыльщики возвращались изъ Устюжской четверти къ себѣ на квартиру на Срѣтенку, въ Кремлѣ у Фроловскихъ воротъ нагналъ ихъ человѣкъ Петра Шарапова Стахѣй и сталъ бранить ихъ „всякими неподобными рѣчьми, грозя имъ и не веля бить челомъ на своего господина“. Этимъ дѣло не кончилось. На Страстной недѣлѣ въ Великій четвергъ тотъ же Стахѣй сдѣлалъ нападеніе на квартиру посыльщиковъ; ворвавшись къ нимъ, схватилъ одного изъ нихъ, котораго засталъ и выгналъ его изъ избы; но случившіеся тутъ же четверо крестьянъ, земляки посыльщиковъ, вступились за него и отбили, такъ что Стахѣй принужденъ былъ ретироваться, похваляясь однако при уходѣ на своихъ враговъ смертнымъ убійствомъ[2]). Опасность могла грозить и съ другой стороны. Челобитная, признанная не дѣльной, могла повлечь весьма печальныя послѣдствія для посыльщиковъ, въ этомъ случаѣ подвергавшихся отвѣтственности за свой міръ. Заонежскіе погосты, тяготясь привлеченіемъ ихъ къ военной службѣ и вводимыми у нихъ военными поселеніями[3]), послали депутацію въ Москву съ челобитной. „Подали государю челобитную въ верхъ“, пишетъ изъ Москвы въ погосты одинъ изъ заонежскихъ депутатовъ, „и по той челобитной думной дьякъ передъ собою ставилъ по два дни и разспрашивалъ и послѣ разспросу посадилъ въ желѣза, а сказалъ намъ: сидѣть де намъ до государева указу. А того намъ не вѣдомо, чѣмъ насъ государь пожалуетъ“. Дѣло приняло затѣмъ еще болѣе дурной оборотъ; по государеву указу челобитчикамъ Суботкѣ Григорьеву съ товарищи, т. е. всему составу депутаціи за ложное челобитье учинено наказанье, вмѣсто кнута биты батоги и высланы въ Заонежье[4]).

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 31. Устюгъ В. «Въ прошломъ, государь, во 139 г. послали мы, сироты твои, его Саву съ Устюга В. къ Москвѣ съ товарищемъ съ Ѳедкою Болтинымъ, да къ нимъ послали Ортемка Оноховскаго, а велѣли имъ отвѣчать судовымъ извозчикомъ въ проходныхъ судахъ, которыя прошли въ прошлыхъ годѣхъ по твоимъ государевымъ грамотамъ подъ твоею государевою казною и о мірскихъ нуждахъ бить челомъ».

[2]) Пр. Д. 1631 № 30.

[3]) I, стр. 144—145.

[4]) Пр. Д. 1649 № 75.

Коротая дни въ Москвѣ и вспоминая о родныхъ олонецкихъ или устьянскихъ углахъ, посыльщики ведутъ съ своими мірами болѣе или менѣе оживленную переписку, время отъ времени пересылаются „грамотками“. Выдавъ посыльную, міръ не отказывался отъ дальнѣйшаго руководства дѣйствіями своего уполномоченнаго въ Москвѣ и въ грамоткахъ посыльщику онъ указываетъ, какіе шаги надо предпринять для успѣха порученнаго дѣла; возлагаетъ на посыльщика новыя порученія и снабжаетъ его новыми полномочіями, о которыхъ не было упомянуто въ посыльной. Такъ кайгородскій земскій староста, отправивъ посыльщика въ Москву просить о сошной поверстѣ одинаково съ иными городами и давъ ему посыльную, затѣмъ въ особомъ письмѣ, присланномъ уже въ Москву, уполномочиваетъ его занимать въ Москвѣ деньги на мірскіе расходы, какіе тамъ случатся. Въ свою очередь посыльщикъ въ своихъ письмахъ доводилъ до свѣдѣнія міра о движеніи и всѣхъ перипетіяхъ исполняемаго дѣла, обращался за указаніями, просилъ о новыхъ средствахъ и полномочіяхъ и между прочимъ сообщалъ разныя вѣсти изъ Москвы, болѣе или менѣе касавшіяся міра, передавалъ слухи и толки изъ московскихъ канцелярій. Въ 1639 г. тотемскій всеуѣздный міръ отказался платить подати воеводѣ Алексѣю Большеву. Оказалось, что находившіеся въ Москвѣ мірскіе челобитчики увѣдомили міръ о предстоящей вскорѣ перемѣнѣ воеводъ на Тотьмѣ[1]). Необыкновенно живо изображаютъ въ своихъ грамоткахъ посыльщики Заонежскихъ погостовъ ходъ своего дѣла объ освобожденіи погостовъ отъ военныхъ поселеній и постигшія ихъ, какъ мы уже видѣли, неудачи. „Господамъ нашимъ старостамъ Оштинскаго стану и въ четыре погоста Томилу Андрееву да Мегорскаго погоста Кузьмѣ Денисьеву, да Вытегорскаго погоста Михаилу Савину, да Андомскаго погоста Третьяку Семенову съ товарищами и всѣмъ крестьяномъ челобитчики ваши Мартемьянко Семеновъ, да Юшко Ефремовъ, да Петрушка Михайловъ, да Суботка Григорьевъ челомъ бьютъ. Іюля по 15 на Москвѣ живы, а впредь уповаемъ на его жъ Всемогущаго Бога. Да о чемъ вы насъ послали къ Москвѣ бити челомъ, и мы о томъ дѣлѣ праведному государю подавали многія челобитныя вмѣстѣ и порознь. И тѣ челобитныя выходятъ всѣ съ отказомъ. И вы, господа наши, сами вѣдаете, что у насъ денегъ нѣту, а на Москвѣ денегъ занять немочно ни у кого, потому что насъ людей немного и намъ не вѣрятъ, что прежняя извѣрка стала велика. А впредь мы труждаться рады и бьемъ челомъ праведному государю безотступно. А вы, господа наши, бейте челомъ князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому о срокѣ и о всѣхъ нуждахъ. А намъ здѣся слухъ дошелъ, что велѣно вѣдать во всемъ князю Ѳедору Ѳедоровичу по тамошнему смотря. И будетъ онъ вамъ дастъ сроку или что иное скажетъ, и вы бы насъ здѣся безъ вѣсти не держали, а послали бы человѣка сюда, какъ вы придумаете. А вѣдаете вы, что здѣся безъ денегъ дѣлати нечего. А бьемъ челомъ мы окромѣ дву погостовъ Олонецкаго и Важенскаго во всѣхъ крестьянъ мѣсто заонежскихъ. А сю бы гра-

[1]) Пр. Д. 1628 № 64.

мотку изъ погоста въ погостъ посылали, а насъ бы здѣся однолично безъ вѣсти не держали. А мы вамъ, господамъ своимъ, мало пишемъ, а много челомъ бьемъ". Находившійся тогда въ Москвѣ церковный староста Спасскаго Кижскаго погоста, до котораго, очевидно, дошла вѣсть о желаніи Кижскаго погоста примкнуть къ ходатайству другихъ погостовъ по тому же дѣлу, просить для этого спеціальныхъ полномочій. „Кижскаго погоста старостишко Нестерко Степановъ батюшку своему и ружникамъ, и всѣмъ Кижскаго погоста старостамъ и крестьянамъ челомъ бью. А здѣсь на Москвѣ живъ. А будетъ вы велите мнѣ здѣся съ иными челобитчиками бить челомъ вмѣстѣ, а вы либо человѣка пошлите и вѣстку учините, и я радъ праведному государю бить челомъ. Пудожскій челобитчикъ дошелъ къ Москвѣ до насъ за долгое время, вамъ старостамъ и всѣмъ мірскимъ людемъ Пудожскаго погоста много челомъ бьетъ. А Онофрей Петровъ изманилъ, челобитчики сошли до меня за недѣлю и больше"[1]).

Посыльщикамъ приходилось заживаться подолгу въ Москвѣ, благодаря извѣстной медлительности московскаго правительственнаго механизма, въ которомъ дѣла продвигались туго, а иногда совсѣмъ застревали. Улучивъ удобную минуту для подачи просьбы государю во время какого либо выхода его въ соборъ или шествія на богомолье, посыльщики должны были долгое время ходить въ приказъ, которому былъ подвѣдомственъ ихъ міръ, навѣдываться по своему дѣлу. Приказъ иногда не торопился исполнить высочайшую волю. Такъ напр. Устьянскія волости ходатайствовали о сложеніи съ нихъ излишне наложенныхъ сверхъ писцовыхъ книгъ поборовъ съ 1634 г. втеченіи многихъ лѣтъ. Въ 1640 г. посыльщикъ ихъ С. С. Кубенинъ съ тремя товарищами подали Богъ знаетъ которую уже челобитную государю по этому дѣлу. Челобитная была прочитана „на верху" и сошла „съ верху" съ обычною въ такихъ случаяхъ помѣтою думнаго дьяка: „государь пожаловалъ, велѣлъ выписать и доложить себя, государя". Но благосклонно принятое на верху челобитье застряло въ приказѣ Устюжской четверти. Уже и докладная выписка, о которой гласила высочайшая резолюція, была изготовлена въ приказѣ и представлена управлявшему той четвертью дьяку П. Чирикову, но на томъ дѣло и остановилось. Втеченіе двухъ мѣсяцевъ, октября и ноября 1640 г. посыльщики подали государю одну за другою еще *шесть* челобитныхъ о томъ же дѣлѣ. Однако, сходя съ верху съ такими же высочайшими резолюціями, всѣ эти „подписныя" челобитныя не оказывали ни малѣйшаго дѣйствія. Давно уже изготовленная выписка продолжала лежать передъ дьякомъ П. Чириковымъ, который не обращалъ на нее никакого вниманія и не докладывалъ ея государю[1]).

Что было причиной такой медлительности? Нерѣдко, можетъ быть, въ такихъ случаяхъ дѣйствовала та причина, на которую ясно указываетъ приведенное выше письмо заонежскихъ посыльщиковъ: „здѣсь безъ денегъ

---

[1]) Пр. Д. 1649 № 75.
[1]) Пр. Д. 1640 № 42.

дѣлать нечего". Для ускоренія ржавыхъ колесъ правительственной машины, областной и центральной, приходилось прибѣгать къ хорошо извѣстному обычному древне-русскому снадобью. Посыльщикъ являлся бить челомъ не съ пустыми руками. Такъ уполномоченный волостей Юрьева Наволока и Евды, отправляясь на Устюгъ хлопотать о податныхъ льготахъ, взялъ у цѣловальника мірскихъ денегъ 4 алтына на хлѣбъ и калачъ „на боярскіе дворы челомъ ударити", такъ какъ безъ этихъ приношеній и не принято было являться на боярскіе дворы, т. е. къ воеводѣ и къ дьяку[1]). Московскій ходокъ отъ Чадромской Устьянской волости выдалъ расписку міру въ томъ, что, уѣзжая въ Москву, онъ взялъ 6 руб. 12 алтынъ, чтобы уплатить ихъ государеву дьяку въ счетъ предназначенныхъ ему 50 рублей, да кромѣ того тому же дьяку „въ куницы 40 алт. 4 ден. да подьячимъ въ челобитье 2 р. 11 алт. безъ деньги"[2]). Изобразительную картину движенія провинціальныхъ дѣлъ въ московскихъ приказахъ даютъ письма протодьякона устюжскаго успенскаго собора, Дмитрія, посланнаго въ Москву въ 1681 г. съ ходатайствомъ по разнымъ соборнымъ дѣламъ и между прочимъ о выдѣленіи одного имѣнія собора, Богородской вотчины, изъ той волости, въ которой оно находилось. Протодьяконъ вначалѣ не зналъ еще московскаго „понравія" и поэтому, какъ онъ пишетъ къ своему протопопу съ причтомъ отъ 14 декабря 1681 г., ему въ приказѣ, „ничего не улуча, на словахъ сладко говорили, а дѣломъ ничего не учинили". „О дѣлѣ, колико можемъ", извѣщаетъ онъ отъ 16 февраля 1682 г., „по вся дни бродимъ и милости просимъ; и дьяковъ милость есть: на челобитной помѣчено: взять къ выпискѣ... И за тою выпискою въ Устюжской чети бродимъ дней десять. Дьякъ помѣтилъ: выписать тотчасъ, и молодой подьячій выписалъ и для справы положилъ передъ справного; и у того не можемъ милости упросить, со дни на день готовится дѣлать, да не примется. Небольшимъ билъ челомъ, да не взялъ: какъ деи сдѣлаю, и тогда де мое у меня будетъ. А большимъ не смѣю напредь нести, что не слышу никакого человѣка про него похвальна, зѣло де нестоятеленъ въ словѣ".

Далѣе онъ жалуется на препятствія, встрѣченныя со стороны посыльщиковъ отъ міра той волости, гдѣ находилась соборная вотчина, не хотѣвшаго, разумѣется, выпускать ее отъ себя и указываетъ на тѣ средства, при помощи которыхъ дѣйствовали волостные посыльщики, добиваясь успѣха: „се нашему челобитью помѣшка великая отъ челобитчиковъ волостныхъ, отъ Новосильцева съ товарищи; поносы отъ нихъ большіе, во весь ротъ, и грамоту имъ даютъ, что быть всѣмъ вмѣстѣ и окладывать врядъ всѣхъ по переписнымъ книгамъ; а книги переписныя я досматривалъ: и вотчина Богородская вся въ волостяхъ написана врядъ со крестьяны". Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 1 марта протодьяконъ сѣтуетъ на то, что вслѣдствіе случившихся перемѣнъ въ строѣ приказовъ и закрытія Устюжской четверти истраченныя имъ на взятки деньги пропали понапрасну. „Устюжскую чет-

[1]) Пр. Д. 1634 № 84, л. 51.
[2]) Пр. Д. 1641 № 30.

верть всю развели врознь въ иные приказы, и признатъ наша устюжскіе чети дьякомъ и подьячимъ даромъ пропала, и дѣла всякія и книги по указу взяты въ посольской приказъ; судомъ вѣдатись устюжаномъ и усольцемъ, и тотменомъ тутъ, а платежемъ въ стрѣлецкомъ приказѣ, а доимка отдана въ приказъ Большіе Казны, а для свобожденія святыхъ Божіихъ церквей и собранія православныхъ христіанъ полтинныя деньги въ ямскомъ приказѣ, и у насъ и отъ сторожей тѣхъ приказовъ голова зѣло болитъ... а бродить стало не изъ-за чего, въ рукахъ стало тщо".

Еще и въ іюлѣ протодьяконъ не могъ сообщить ничего утѣшительнаго домой и скорбѣлъ, что „зажился на Москвѣ, закоснѣлъ житьемъ", и совершенно безрезультатно; дѣло не двигалось: „ей слезы, а не житье: день поблазнятъ добромъ, а послѣ недѣлю бродишь, а нимало не услышишь, взять хотятъ напередъ много, и не вѣдомо, что учинятъ добра. Надъ людьми видимъ, что чинится". Протодьяконъ утѣшалъ себя и протопопа только тѣмъ, что такъ же безуспѣшно дѣйствовала въ Москвѣ депутація отъ сольвычегодскихъ соборянъ, не смотря на то, что жила въ Москвѣ уже другой годъ и имѣла сильную заступу[1]). Такую же характеристику московскаго центральнаго управленія давали посыльщики отъ устюжской архіерейской каѳедры и всѣхъ монастырей устюжской епархіи въ письмахъ къ преосвященному великоустюжскому Александру въ самомъ концѣ XVII в. „И паки молимъ твое государя нашего архіерейство, не положи намъ, государь, въ винность нашу: дерзнули, государь, учинить, что видимъ свои дѣла приказныя замотчалися долговременствомъ, не можемъ ни о какомъ дѣлѣ умолить у начальныхъ людей, чтобъ привесть къ совершенію...; покусились, государь, и посовѣтовавъ межъ себя сулили въ почесть думному двѣ лошади въ пару сѣрыхъ, будетъ гдѣ мочно промыслить, государь, и привесть къ Москвѣ. И съ того времени, кажется, государь, къ тому случаю глаже въ дѣлѣхъ нашихъ начало быть... И о семъ какъ ты, государь нашъ, велишь, а безъ подарковъ, государь, дѣлать дѣло не можно... А отъ начальныхъ, государь, людей слышимъ, говорятъ намъ не обинуяся, что отъ того де дѣла мы ѣсть де хотимъ, и то намъ, государь, совершенно отъ нихъ слышно... Да и прежде сего, государь, писали мы къ тебѣ, государю, *что безъ дарственнаго воздаянія не можетъ Москва дѣлать никакихъ дѣлъ*"[2]).

Такова была обстановка и внѣшнія условія, при которыхъ земское челобитье совершало свое движеніе изъ провинціи въ Москву и проходило стадіи разсмотрѣнія и рѣшенія въ правительственныхъ мѣстахъ. Теперь познакомимся съ самымъ содержаніемъ мірскихъ ходатайствъ и такимъ образомъ посмотримъ, какіе предметы занимали вниманіе волостныхъ и всеуѣздныхъ собраній. Для того, чтобы заручиться конкретнымъ примѣромъ, разберемъ ходатайство устюжскаго всеуѣзднаго міра 1638 года, по содержанію одно изъ самыхъ обширныхъ и сложныхъ[3]). Читая его, живо чув-

[1]) Р. И. Б. XII, 551 и сл.
[2]) Р. И. Б. XII, 1434.
[3]) Приложеніе № 2.

ствуешь тѣ тягости и бѣды, которыя приходилось переживать поморскому земскому міру въ серединѣ XVII в.

Ходатайство представлено отъ всѣхъ организацій, входившихъ въ составъ всеуѣзднаго міра и имѣвшихъ представительство во всеуѣздномъ земскомъ совѣтѣ: духовенства, посада и волостей. Оно скрѣплено въ концѣ рукоприкладствами 7 членовъ соборнаго причта, настоятеля Ивановскаго монастыря, двухъ земскихъ судеекъ, старосты судецкаго, одного разрубного цѣловальника, 17 приходскихъ поповъ, расписавшихся вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ, далѣе подписями отдѣльныхъ посадскихъ людей и нѣсколькихъ депутатовъ отъ волостей.

На первомъ мѣстѣ въ челобитной поставлена жалоба на неправильныя дѣйствія и злоупотребленія устюжскихъ таможенныхъ и кабацкихъ головъ, присылавшихся на Устюгъ изъ Москвы. Міръ вспоминаетъ, что ранѣе съ 121 по 129 г. (съ 1613 по 1621 г.) на посадѣ и въ уѣздѣ было всего три кабака; таможенные и кабацкіе головы тѣхъ годовъ требовали съ посадскаго и уѣзднаго населенія къ таможнѣ и кабакамъ всего 12 цѣловальниковъ. Всего въ этотъ періодъ собиралось въ годъ съ посада и уѣзда таможенныхъ и кабацкихъ денегъ по 2000 руб. въ годъ, и при такихъ условіяхъ платежъ всякаго рода податей и повинность выбора таможенныхъ и кабацкихъ цѣловальниковъ были міру „въ мочь и не въ изгоню“. Но вотъ въ 129 г. (1620—21 г.) былъ присланъ на Устюгъ въ таможенные и кабацкіе головы гость Михайло Смываловъ, и обстоятельства круто перемѣнились. Гость, забывъ крестное цѣлованіе и поступая самовольствомъ, умножилъ число кабаковъ; цѣловальниковъ сталъ уже требовать 30 человѣкъ; вдвое и втрое поднялъ таможенныя пошлины, такъ что сталъ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ собирать до 7000 рублей. Съ тѣхъ поръ пошло дѣло все хуже, такъ какъ преемники Смывалова, таможенные и кабацкіе головы 130—145 гг. (1622—1637) продолжали дѣйствовать въ томъ же направленіи, именно: число кабаковъ довели до 20; кромѣ постоянныхъ кабаковъ завели еще подвижные—„гуляй-кабаки“, посылая съ ними по волостямъ и деревнямъ кабацкихъ цѣловальниковъ, которые силой ставятся въ крестьянскихъ дворахъ, привозятъ съ собой ярыжныхъ кабацкихъ голышей—профессіональныхъ пропойцъ, дѣйствовавшихъ въ качествѣ завлекателей въ кабакъ, и взыскиваютъ съ крестьянъ непомѣрно большія деньги за насильно навязанное питье. Цѣловальниковъ на таможни и кабаки головы требуютъ уже болѣе 70 человѣкъ въ годъ; при отчетѣ по окончаніи службы насчитываютъ на цѣловальниковъ лишнія деньги, которыя взыскиваютъ съ ихъ избирателей. Таможенную пошлину стали брать уже совсѣмъ непомѣрную, совершенно несообразную съ таможенной уставной грамотой, подняли ее надъ цифрой Михайлы Смывалова еще тысячъ на 6—7, доведя ее до 13000 въ годъ и болѣе. Всѣми этими утѣсненіями, какъ заканчиваетъ міръ этотъ отдѣлъ своей просьбы, „насъ, сиротъ, разорили и разогнали“.

Второе мѣсто въ челобитной отведено жалобѣ на слишкомъ высокое обложеніе посада и уѣзда при послѣднемъ писцовомъ описаніи въ 1623—

26 гг. и на злоупотребленія писцовъ Никиты Вышеславцева и Аггея Ѳедорова. Пріѣхавъ на Устюгъ, писцы обратились къ міру съ категорическимъ требованіемъ запросовъ и почестей, обѣщая за то писать посадъ и уѣздъ противъ прежняго письма съ убавкою. Міръ попробовалъ вступить въ переговоры; предложилъ не по ихъ чрезмѣрнымъ запросамъ, а по силѣ своей возможности. Писцы, разсвирѣпѣвъ на міръ—„ріясь", мстили тяжелымъ описаніемъ, дѣлали не по указу, мѣрили и писали лѣса и болота, и непашенныя мѣста въ пашенныя и тѣмъ, въ концѣ концовъ, увеличили сошное письмо уѣзда вдвое противъ прежняго, положивъ посадъ и уѣздъ въ 241 малую сошку.

Вслѣдствіе такого искусственно вздутаго описанія значительно увеличилась сравнительно съ прежнимъ тяжесть податей и повинностей. Отдѣлъ челобитной, посвященный тяглу—наиболѣе обширенъ. Міръ подробно указываетъ особенно обременявшіе его виды тягла. Ежегодно по окладу съ 1631 г. посадъ съ уѣздомъ платятъ по 5942 руб. данныхъ и оброчныхъ денегъ; затѣмъ до 1637 г. платили по 3451 руб. на жалованье московскимъ стрѣльцамъ; по 10000 руб. и больше собирается ямскими старостами. Міръ вноситъ еще солдатскія деньги и отправляетъ то деньгами, то натурой, такъ называемый сибирскій запасъ въ сибирскіе города на жалованье сибирскимъ служилымъ людямъ. Послѣдній былъ особенно обременителенъ. Въ 1632—1636 гг. міръ платилъ его деньгами, и сборъ на этотъ запасъ не превышалъ 2204 руб. 30 алтынъ въ годъ. Въ 1637 г. и въ текущемъ 1638 г. велѣно было поставлять запасъ натурою: по 1830 четвертей слишкомъ ржаной муки и по 402 четверти слишкомъ ржи, отвозя его до Верхотурья. Съ содержаніемъ особыхъ избиравшихся для отправки этого запаса „запасныхъ" цѣловальниковъ и съ расходами на перевозку до Верхотурья на разстояніе болѣе 2000 верстъ каждая четверть запаса обходится міру болѣе пяти рублей, такъ что всего за два года израсходовано на него до 20040 рублей. Да, кромѣ того верхотурскіе таможенные головы, обязанные принимать запасъ, изъ корыстныхъ видовъ медлятъ пріемомъ и подолгу задерживаютъ устюжскихъ цѣловальниковъ и извозчиковъ. Міръ указывалъ на несправедливость этого сбора, падающаго только на Устюгъ, тогда какъ остальные поморскіе уѣзды: Холмогоры, Кевроль, Мезень, Вага, Тотьма, Чаронда, Каргополь и Устьянскія волости никакого запаса въ Сибирь не отпускаютъ. Всѣ эти сборы особенно отяготительны пріемами ихъ взиманія. Изъ Москвы каждый разъ командируются особые дворяне, производящіе взысканіе „большимъ немѣрнымъ правежомъ", осложняя казенные сборы личными корыстными вымогательствами. Таковы были дворяне Андрей Сухотинъ и Иванъ Милославскій, правившіе въ 1633—1634 годахъ деньги на сибирскій запасъ, въ 1632 г. Михаилъ Гурьевъ, доправившій 12000 рублей за солдатскіе кормы.

Много горя доставили устюжскому міру чрезвычайные сборы пятинныхъ денегъ, взимавшіеся въ 1633, а затѣмъ въ 1634 — 5 годахъ. Первый изъ этихъ сборовъ производился пріѣзжавшимъ изъ Москвы игуменомъ Тихвина монастыря Сергіемъ и дворяниномъ Ѳомой Квашнинымъ,

второй членомъ гостиной сотни Михаиломъ Волковымъ. При обоихъ сборахъ привлекались къ обложенію не только торговые и промышленные люди, какъ предписывалось указами, но и пашенные крестьяне, которыхъ Волковъ окладывалъ пятою деньгою съ хлѣба и съ животины, смѣтя состояніе каждаго. Самое взысканіе денегъ производилось по волостямъ разосланными туда приставами и стрѣльцами, которые забирали крестьянъ человѣкъ по 50, сажали ихъ подъ колокольни и въ амбары и правили съ нихъ деньги немѣрнымъ смертнымъ правежомъ. Міръ жаловался также и на двѣ повинности, отправленныя имъ въ 1633 г., именно: на устюжское городовое дѣло, т. е. ремонтъ устюжской крѣпости, для чего пришлось нанять плотниковъ и закупить необходимый лѣсъ, и на смоленскую службу, т. е. поставку даточныхъ людей для тянувшейся тогда смоленской кампаніи. Міръ нанялъ 130 человѣкъ съ лошадьми и со всякою снастью. Наемъ каждаго такого даточнаго обходился въ 60 рублей ежегодно. Наконецъ, тяготила міръ и личная отъѣзжая служба—выборы по 5 человѣкъ въ „заставочные головы“ въ Сибирь. Головы эти задерживаются въ Сибири года по 4 и по 5, и выбирать ихъ на Устюгѣ больше не изъ кого, такъ какъ всѣ лучшіе и середніе люди взяты въ Москву, въ гостиную и суконную сотни, а въ Устюгѣ остались молодшіе и худые люди.

Въ частности особенно тяжелые платежи предстояли міру въ текущемъ 1638 г., и это обстоятельство, можетъ быть, и послужило толчкомъ для подачи челобитной. Кромѣ обычнаго ежегоднаго оклада данныхъ и оброчныхъ денегъ—5942 рублей 10 алтынъ, міръ долженъ былъ собрать двойной окладъ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ—6053 руб. 31 алт.; затѣмъ даточнымъ людямъ на жалованье съ 40 дворовъ по 14 рублей 31 алтыну 4 деньги, всего болѣе 3000 рублей; уплатить недоимку солдатскихъ кормовъ за прошлые 4 года въ размѣрѣ 6064 руб. 11 алт. $3^1/_2$ ден.; внести ратнымъ людямъ на жалованье по 2 рубля съ двора, всего 15546 рублей; отправить на строеніе украинныхъ городовъ, построенныхъ для защиты отъ „татарскаго приходу“, съ каждой большой сохи по 120 рублей, всего 3451 р. 32 алт. 3 деньги. Сверхъ всѣхъ этихъ сборовъ таможенный и кабацкій голова прошлаго 1637 года продолжалъ и въ текущемъ 1638 году выбирать недоимку ямскихъ и кабацкихъ денегъ, и въ то же время таможенный и кабацкій голова текущаго года взыскивалъ ямскія деньги за текущій годъ по 15 руб. съ сошки, всего 3600 рублей, да ружныя деньги въ количествѣ 800 рублей. Міръ высчиталъ, что всего по окладамъ 1638 года и со старыми недоимками ему предстояло заплатить болѣе 60000 рублей. Часть этой суммы міръ уже уплатилъ, остальную внести затрудняется, стоитъ на правежѣ и „мучитъ животъ свой безпрестанно“.

Ходатайство упоминаетъ также о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ Устюжскій уѣздъ, обремененный такими непомѣрными платежами, подвергается за послѣдніе годы. Это, во-первыхъ, извѣстный бичъ древнерусской жизни—разбой. Съ 1622 года въ уѣздѣ лѣтнею порою стали появляться, приходя изъ вятскихъ пригородовъ и съ Волги, разбойники, которые крестьянъ

мучатъ, огнемъ жгутъ, головы сѣкутъ и животы грабятъ. То средство, къ которому прибѣгло правительство въ борьбѣ противъ разбоевъ, оказалось не лучше самыхъ разбоевъ. Съ 1632 г. стали присылаться изъ Москвы особые „сыщики“ для ловли и истребленія разбойниковъ: кн. М. Бѣлосельскій, В. Беклемишевъ, Ив. Францбековъ съ подьячими. Сыщики ѣздятъ по волостямъ со стрѣльцами и палачемъ, заарестовываютъ и пытаютъ крестьянъ, ложно оговариваемыхъ захваченными разбойниками, требуя себѣ притомъ посулы и кормы. Разбойниковъ, сидящихъ въ тюрьмахъ, они подолгу не казнятъ, и тѣ, вырываясь изъ тюрьмы на свободу, разбиваютъ крестьянъ пуще прежняго.—Другія два бѣдствія физическаго происхожденія; одно изъ нихъ общерусскаго, другое спеціально поморскаго свойства. Въ 1637 г. уѣздъ былъ постигнутъ неурожаемъ. Въ текущемъ году сильно размыло берега рѣкъ. Это такое несчастіе, о которомъ будутъ говорить и черезъ столѣтіе слишкомъ многіе наказы поморскихъ крестьянъ въ Екатерининскую комиссію 1767 года. У самаго посада размыло берегъ рѣкой Сухоной на 20 саженъ, причемъ снесло болѣе 150 дворовъ. Берегъ продолжаетъ разрушаться, укрѣпить его нѣтъ средствъ, а разрушенныхъ дворовъ переставить на новыя мѣста нельзя, такъ какъ у посада нѣтъ свободныхъ пространствъ: кругомъ облегли его монастырскія вотчины и вплотную подошли къ нему земли Сольвычегодскаго уѣзда. Точно также и въ уѣздѣ рѣками Двиной и Югомъ смыло многіе дворы, пашенныя земли и сѣнные покосы.

Ходатайство заканчивается общимъ изображеніемъ состоянія уѣзда, которое мрачнымъ аккордомъ заключаетъ отдѣльныя жалобныя причитанія о запустѣніи, разореніи и обнищаніи, сопровождающія каждый отдѣлъ челобитной. Отъ всѣхъ перечисленныхъ причинъ: отъ кабаковъ, отъ чрезмѣрныхъ таможенныхъ пошлинъ, отъ злоупотребленій таможенныхъ головъ, отъ требованія слишкомъ большого числа людей къ казеннымъ службамъ, отъ тяжелаго писцоваго описанія—„писцоваго навалу“, отъ ямщиковъ, пятинщиковъ, разбойниковъ и губныхъ сыщиковъ государева вотчина Устюгъ съ уѣздомъ стала пустѣть съ 1632 года, люди въ конецъ обнищали, многіе дворы на посадѣ, а въ уѣздѣ деревни и цѣлыя волости опустѣли, крестьяне бредутъ врознь и мечутъ впустѣ свои деревни. „Такова, государь“, обращаются челобитчики, „стала наша скудость и большая погибель“. Міръ проситъ государя сжалиться, не велѣть устюжанъ на правежѣ до смерти убить, дозволить имъ съ женами и дѣтьми „побыть не въ разореньи“, а въ качествѣ положительнаго содержанія въ эти минорные риторическіе обороты вкладываетъ просьбы: о льготахъ во взысканіи податей, о воспрещеніи взимать таможенныя пошлины свыше полагающихся по уставной таможенной грамотѣ, о закрытіи вновь заведенныхъ кабаковъ, о разрѣшеніи платить подати по старымъ писцовымъ книгамъ и о производствѣ новаго повѣрочнаго описанія—дозора.

Ходатайство дошло до государя, было ему подано, прочитано и удостоено милостивой резолюціи: „государь пожаловалъ, велѣлъ о томъ выписать и по выпискѣ доложить себя государя“. 5 августа 1638 года была сдѣлана

помѣта о составленіи выписки для доклада, который и былъ сдѣланъ 21 сентября того же года. Что устюжане не особенно преувеличивали то печальное состояніе своихъ дѣлъ, которое они изображали, видно изъ того, что правительство пошло имъ на встрѣчу, и въ значительной мѣрѣ просьбы ихъ были удовлетворены. Если бы была хоть какая-либо тѣнь сомнѣнія въ справедливости ихъ жалобъ, онѣ бы этого удовлетворенія не получили, такъ какъ въ Москвѣ весьма неохотно шли на уступки, касавшіяся тягла. Государь, выслушавъ докладъ, пожаловалъ устюжанъ, посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ, ради ихъ крестьянской скудости и хлѣбнаго недорода. Съ 18 устюжскихъ волостей, особенно разоренныхъ и съ тѣхъ, гдѣ не было торговъ и проѣздовъ, было велѣно не взыскивать 936 слишкомъ рублей таможенныхъ и кабацкихъ денегъ, а самыя таможни и кабаки было предписано въ этихъ волостяхъ закрыть. Всего оставлено было на посадѣ и въ уѣздѣ 13 таможенъ и 13 кабаковъ, изъ нихъ по 4 на посадѣ. Недоимку данныхъ и оброчныхъ денегъ государь велѣлъ разсрочить на 4 года. Сборы съ каждыхъ 40 дворовъ за даточныхъ людей въ суммѣ 2905 рублей и за солдатскіе кормы въ суммѣ 6064 рубля были совсѣмъ сложены. Наконецъ, значительныя облегченія были сдѣланы относительно стрѣлецкихъ денегъ. Недоимка этихъ денегъ съ 1628 по 1633 г. была совсѣмъ прощена; платежъ недоимки съ 1633 по текущій 1638 г. разсроченъ на четыре года. Таковы были результаты, достигнутые ходатайствомъ устюжскаго всеуѣзднаго міра въ 1638 году.

Эти результаты однако не удовлетворили уѣзднаго міра. Въ слѣдующемъ 1639 году онъ представилъ новое ходатайство, въ которомъ, признавая, что по предыдущему челобитью надъ міромъ государская милость взыскалась, и заявляя, что устюжане „государскому жалованью обрадовались“, все же въ концѣ концовъ вкратцѣ повторилъ опять пункты перваго челобитья. И за сдѣланными облегченіями міру, всетаки, предстояло уплатить недоимокъ за прошлые годы 21865 рублей. 13 кабаковъ міръ находилъ все же слишкомъ разорительными. Къ прежнимъ жалобамъ на разореніе отъ платежа податей и отъ сыщиковъ и къ просьбамъ о льготѣ въ сибирскомъ хлѣбномъ запасѣ и о производствѣ дозора, онъ присоединилъ новую жалобу на безчинства проѣзжавшихъ изъ Холмогоръ черезъ Устюгъ стрѣльцовъ и просьбу возобновить прежнюю зимнюю дорогу изъ Холмогоръ черезъ Вагу. И это ходатайство было принято благосклонно. Государь, выслушавъ его 9 апрѣля 1639 года, указалъ дать Устюгу новую таможенную уставную грамоту, „примѣряясь къ инымъ городомъ“; относительно же просьбъ о кабакахъ, объ облегченіи въ сибирскомъ запасѣ и о новомъ зимнемъ пути на Холмогоры указалъ представить себѣ докладъ. 29 іюня того же года ходатайство получило новый еще болѣе ощутительный результатъ. Было предписано произвести *дозоръ* посада и уѣзда, который былъ порученъ устюжскому воеводѣ [1]).

---

[1]) Приложеніе № 3.

Глава V.

Предметы земскихъ челобитныхъ. Значеніе ходатайствъ.

Разобранное ходатайство показываетъ, какіе интересы занимали мысль устюжскаго всеуѣзднаго міра въ 1638 г. Мы назвали это ходатайство обширнымъ и сложнымъ, такъ какъ оно затрогивало нѣсколько вопросовъ. Такого рода ходатайства, возбуждаемыя мірами время отъ времени, представляли собою, по всей вѣроятности, общую сводку предварительныхъ простыхъ челобитныхъ, касавшихся каждая какого либо одного-двухъ предметовъ. Такая сводка составлялась по мѣрѣ выясненія этихъ отдѣльныхъ вопросовъ на волостныхъ и всеуѣздныхъ собраніяхъ и по мѣрѣ разработки ихъ въ простыхъ челобитныхъ, непрерывной вереницей направлявшихся въ Москву.

Постараемся теперь привести въ нѣкоторую систему самые предметы земскихъ ходатайствъ сложныхъ и простыхъ, всеуѣздныхъ и волостныхъ, не дѣлая различія между послѣдними двумя видами, такъ какъ по содержанію они совпадаютъ. Этотъ обзоръ познакомитъ насъ съ „пользами и нуждами общественными“, какъ онѣ понимались въ земствахъ въ XVII вѣкѣ.

На первомъ мѣстѣ можно будетъ поставить просьбы о сохраненіи и возобновленіи жалованныхъ грамотъ, тѣхъ хартій, на которыхъ покоилась автономія отдѣльныхъ міровъ, всеуѣздныхъ и волостныхъ. Припомнимъ, что эти грамоты давались, какъ отвѣтъ правительства на челобитья міровъ, что иниціатива въ установленіи мѣстныхъ автономій исходила отъ самихъ міровъ и находила себѣ выраженіе въ земскихъ ходатайствахъ. Міры въ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ государству и его агентамъ опирались на эти свои хартіи вольностей и въ случаѣ нарушенія ихъ обращались къ правительству съ просьбами о сохраненіи гарантированныхъ имъ правъ. Жалованныя грамоты разсматривались какъ личныя пожалованія государя, и было въ обычаѣ при вступленіи на престолъ новаго государя каждую жалованную грамоту подписывать или переписывать на его имя. Подписаніе заключалось въ помѣтѣ на оборотѣ грамоты о томъ, что государь пожаловалъ, велѣлъ ее подписать на свое имя. Переписываніе состояло въ томъ, что текстъ возобновляемой грамоты включался въ грамоту, даваемую отъ имени царствующаго государя и начинающуюся упоминаніемъ объ обстоятельствахъ, по которымъ она возобновлена. То и другое: и под-

писаніе, и переписка совершалось по ходатайству обладавшаго грамотой земскаго міра. Всѣ эти извѣстныя жалованныя земскія грамоты XVI вѣка обыкновенно подписывались въ XVII в. при перемѣнахъ на престолѣ. Прибавимъ еще нѣсколько примѣровъ изъ встрѣтившихся намъ ходатайствъ. Въ мартѣ 1614 г. каргопольскій всеуѣздный міръ билъ челомъ о подписаніи грамоты, освобождавшей міръ отъ въѣзда дѣтей боярскихъ и десятинниковъ новгородскаго митрополита[1]). Тогда же обращаются съ просьбой о подписаніи имѣвшейся у нихъ жалованной грамоты терскіе лопари[2]). Въ февралѣ 1646 г. ходатайствуетъ о возобновленіи всѣхъ своихъ жалованныхъ грамотъ подписаніемъ на имя царя Алексѣя Михайловича Чарондская округа. Въ ходатайствѣ приведенъ и перечень грамотъ, которыя имѣли значеніе жалованныхъ и нуждались въ возобновленіи; здѣсь упомянуты: грамота о губныхъ дѣлахъ, грамота о таможенной и мытной проѣзжей пошлинѣ, грамота о платежѣ четвертныхъ и стрѣлецкихъ денегъ въ два срока въ году, грамота, охраняющая населеніе Чарондской округи отъ нападеній помѣщиковъ Вологодскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ, грамота о ямской гоньбѣ, о количествѣ цѣловальниковъ, избираемыхъ міромъ въ съѣзжую избу и др. Такимъ образомъ въ понятіе жалованныхъ грамотъ, подписывавшихся при перемѣнахъ государей, входили не только „уставныя грамоты“, содержавшія общія положенія о правахъ и преимуществахъ міровъ, но и отдѣльные указы, устанавливавшіе то или другое право или льготу. Въ отвѣтъ на чарондское ходатайство велѣно было для подписанія прислать подлинники жалованныхъ грамотъ, а копіи съ грамотъ за руками земскихъ людей и отцовъ ихъ духовныхъ оставить на Чарондѣ въ съѣзжей избѣ[3]). Грамоты эти опредѣляютъ юридическое положеніе міра. Его хозяйственныя отношенія даютъ также поводъ обращаться къ государству съ ходатайствами. Тѣ хозяйственныя угодья, сѣнокосы, рыбныя ловли, лѣса, выгоны и т. д., которыя міръ снималъ на оброкъ изъ казны, владѣя ими на общинномъ правѣ, отдавались ему на оброкъ по челобитной, подаваемой воеводѣ, писцамъ или въ Москвѣ въ приказъ или государю. Такъ въ 1643 г. тотемскій всеуѣздный міръ выступаетъ съ просьбой объ отдачѣ рыбныхъ ловель по р. Сухонѣ на оброкъ міру. За два года передъ тѣмъ эти рыбныя ловли по Сухонѣ на всемъ пространствѣ между ея притоками Векшенгой и Коченгой снялъ на оброкъ посадскій человѣкъ Л. Кусковъ, который по выраженію челобитной своимъ оброкомъ рыбную ловлю заперъ и промыселъ у всего міра отнялъ, никого не пускаетъ на рѣку ни съ какими рыболовными снастями. Міръ просилъ оброкъ этотъ съ Л. Кускова снять и отдать рыбныя ловли на оброкъ всему міру, что и было исполнено[4]).

---

[1]) Пр. Д. 1614 № 8, л. 85.

[2]) Пр. Д. 1614 № 8, л. 88.

[3]) Пр. Д. 1646 № 10. См. также Пр. Д. 1650 № 57, л. 103: возобновленіе жалованной грамоты волости Лузской Пермцѣ; А. И. V № 19. Возобновленіе грамоты Чердыни.

[4]) Пр. Д. 1641 № 40.

Встрѣчаемъ далѣе челобитныя, очень близко напоминающія по содержанію современныя намъ земскія ходатайства, касающіяся земскихъ финансовъ. Таковы, во-первыхъ, просьбы о возмѣщеніи земствамъ изъ казны расходовъ, произведенныхъ ими на казенныя нужды. Такъ напр. въ 1631 г. устюжское всеуѣздное земство просило возмѣстить ему расходы на содержаніе проѣзжавшаго въ тотъ годъ изъ Архангельска черезъ Устюгъ въ Москву и обратно въ Архангельскъ голландскаго посольства. Каждый разъ при проѣздѣ посольства черезъ Устюгъ къ нему прикомандировывались двое цѣловальниковъ изъ устюжскихъ посадскихъ людей, на которыхъ и лежала забота о содержаніи пословъ и ихъ свиты во время остановки посольства въ городѣ и которые должны были сопровождать посольство до границъ уѣзда. При проѣздѣ посольства въ Москву устюжскіе цѣловальники покупали запасы для него на мірскія деньги, а провожать его принуждены были до Вологды, такъ какъ тотемское земство наотрѣзъ отказалось смѣнить въ этой обязанности устюжанъ. Этотъ расходъ обошелся устюжскому міру въ 185 р. 22 алт. 2 д. кромѣ найма подводъ и кромѣ 11 ведеръ вина, взятыхъ изъ государевой казны съ кабака безплатно. Обратный путь посольства съ проводами до Холмогоръ обошелся міру въ 40 р. 3 алт. 2 д. Государь, выслушавъ докладъ приказа по поводу челобитной, велѣлъ выдать устюжскому земству израсходованную имъ на содержаніе пословъ сумму изъ устюжскихъ неокладныхъ доходовъ; если же неокладныхъ доходовъ для этой цѣли не хватитъ, то изъ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ, а за взятые изъ кабака 11 ведеръ вина денегъ съ земства не взыскивать [1]). Въ 1635 г. двинское всеуѣздное земство проситъ о выдачѣ ему изъ казны 685 р., израсходованныхъ земствомъ на перевозку привезенныхъ изъ заграницы заказанныхъ тамъ для русской артиллеріи пушекъ и ядеръ изъ Архангельска вверхъ по Двинѣ до Осиновскаго яма, для чего земство должно было снарядить 8 большихъ дощаниковъ со всякою судовою снастью и съ экипажемъ и поставить 320 рабочихъ изъ тяглыхъ людей. Въ отвѣтъ на это ходатайство послѣдовало распоряженіе на имя двинскихъ воеводъ: представить въ приказъ Новгородской четверти обстоятельную справку, сколько въ какіе годы истрачено двинскимъ уѣзднымъ міромъ на перевозку привезенныхъ изъ заграницы пушекъ, впередъ земство этими издержками не обременять, а перевозить пушки и снаряды на казенныя средства [2]).

Близко къ этой категоріи ходатайствъ примыкаютъ просьбы о позаимствованіи безпроцентныхъ ссудъ изъ казенныхъ рессурсовъ на мірскія нужды. Въ качествѣ источника для такого кредита указываются обыкновенно таможенныя и кабацкія деньги. Такъ въ 1609 г. соликамскій уѣздный міръ проситъ о разрѣшеніи позаимствовать изъ соликамскаго таможеннаго и кабацкаго „скопа“ сумму, необходимую на содержаніе отряда ратныхъ людей изъ 20 человѣкъ, посланнаго уѣздомъ царю Василію Шуйскому

[1]) Пр. Д. 1626 № 15.
[2]) Пр. Д. 1634 № 65.

на помощь[1]). Въ 1630 г. всеуѣздный устюжскій міръ возбудилъ подобное же ходатайство о выдачѣ изъ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ суммы, потребной для организаціи ямскихъ отпусковъ на Устюгѣ, на краткій срокъ: на два, на три мѣсяца. Въ челобитной указывалось, что такой казенный кредитъ долженъ избавить земство отъ значительныхъ расходовъ на уплату процентовъ, неизбѣжныхъ и очень высокихъ при частномъ кредитѣ. Ходатайство это было принято въ Москвѣ сочувственно, и просимое разрѣшеніе было дано. Удовлетвореніе челобитья на практикѣ встрѣтило однако неожиданныя препятствія. Оно было написано по обыкновенной формѣ всеуѣздныхъ устюжскихъ челобитій отъ имени государевыхъ богомольцевъ—настоятелей устюжскихъ монастырей, земскихъ властей и т. д. Такъ какъ настоятели монастырей, когда дѣло дошло до осуществленія займа, не присутствовали на всеуѣздномъ земскомъ совѣтѣ и имена ихъ не могли поэтому быть вписаны въ заемныя кабалы, то таможенные головы отказали міру въ выдачѣ просимыхъ денегъ, ссылаясь на отсутствіе представителей монастырей. Ходатайство было повторено, и 27 августа 1631 г. государь вновь подтвердилъ свое прежнее повелѣніе: деньги изъ таможеннаго и кабацкаго сбора взаймы посадскимъ и уѣзднымъ людямъ выдать, а съ нихъ взять письмо за руками посадскаго старосты, ямскихъ старостъ, цѣловальниковъ и лучшихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, обойдясь такимъ образомъ и безъ монастырскихъ настоятелей[2]). Съ такою же просьбою и такъ же успѣшно устюжскій міръ обращался къ правительству въ 1646 г. Заемъ изъ казны былъ нуженъ на погашеніе займа, сдѣланнаго земствомъ у частнаго лица, капиталиста, члена гостиной сотни Василія Ѳедотова, ссудившаго міру 2275 р. 28 алт. $4^1/_2$ деньги на уплату сибирскаго запаса за текущій годъ. Ходатайство на этотъ разъ было удовлетворено распоряженіемъ приказа, вѣроятно, принявшаго во вниманіе прежнія высочайшія повелѣнія по такимъ же случаямъ[3]).

Такъ же близко подходятъ къ ходатайствамъ теперешнихъ земствъ и городовъ о томъ или иномъ направленіи дороги тѣ челобитныя, которыя возбуждались о направленіи дорогъ земствами XVII в. Эти челобитныя были, повидимому, результатами такихъ же горячихъ споровъ и борьбы изъ за дороги между земскими мірами, какіе происходятъ и теперь. Прежній путь въ Сибирь черезъ Сольвычегодскій уѣздъ шелъ на Лальскій погостъ, съ Лальскаго погоста на Спасскій приходъ Лузской Пермцы, а съ этого послѣдняго черезъ Объячево и Ношуль—мелкія волости, входившія въ составъ той же Лузской Пермцы. Въ 1645 г. ямскіе старосты устроили новую дорогу въ иномъ направленіи: отъ Спасскаго яма, минуя Объячево и Ношуль, прямо на Киберскій погостъ и на Ужгу Яренскаго уѣзда. Возгорѣлся споръ между четырьмя волостями Лузской Пермцы. Объячевская и Ношульская—вступились за старое, для нихъ болѣе выгодное направле-

[1]) А. И. II № 230.
[2]) Пр. Д. 1611 № 55.
[3]) Пр. Д. 1646 № 148.

ніе пути. Онѣ доказывали въ челобитной, что старая дорога шла черезъ таможни и кабаки, что всякіе проѣзжіе торговые люди платили въ таможняхъ пошлину, на кабакахъ пили вино и запасались имъ на дальнѣйшее путешествіе; а теперь торговые люди минуютъ таможни и кабаки, оставляя ихъ на 60 верстъ въ сторону, отъ чего таможенному сбору учинилась поруха, а на кабакахъ вино и пиво застаивается. Съ своей стороны Спасская и Лоемская волости въ своемъ челобитьѣ доказывали, что прежняя обычевская дорога передъ новою ужгинскою кривѣе и „воровата“, вычисляли лишекъ прогоновъ по прежней дорогѣ въ 6 алт. 2 д. на подводу и просили таможни и кабаки перевести на новый трактъ. Верхъ одержали первыя двѣ волости. Новую дорогу велѣно было засѣчь, вновь проложить и расчистить старую, а виновники открытія новаго пути понесли наказаніе батогами [1]).

Довольно часто въ земскихъ челобитныхъ затрогивается и вызываетъ сѣтованія исконный хроническій недугъ русскаго государственнаго хозяйства, подъ обманчивой личиной финансоваго благополучія и бездефицитнаго бюджета разъѣдающій нравственность, здоровье и экономическое состояніе страны. Питейная система, служившая однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ государственнаго дохода, неизбѣжно создавала явленія, возбуждавшія справедливые протесты земства. При той простотѣ взглядовъ, которою отличалась постановка питейнаго дѣла въ XVII в., задача государства сбыть какъ можно больше питей и извлечь отсюда какъ можно больше доходовъ высказывалась открыто, безъ того лицемѣрнаго флера, въ какой окутывается та же задача въ наши дни. Кабацкіе вѣрные головы, старавшіеся о полномъ сборѣ питейныхъ доходовъ по окладу, а уже тѣмъ болѣе кабацкіе откупщики, преслѣдовавшіе еще и свои личныя выгоды, не пренебрегали никакими способами къ спаиванію населенія и къ умноженію кабацкихъ прибылей. Много бѣдъ окрестному населенію причинялъ уже и „стройный“, т. е. устроенный, учрежденный на опредѣленномъ мѣстѣ постоянный кабакъ. Но особенно горькія жалобы вызывали подвижныя отдѣленія такого стройнаго кабака, возимыя цѣловальниками или уполномоченными откупщика по сосѣднимъ волостямъ, такъ называемые „гуляй-кабаки“, при помощи которыхъ главный кабакъ втягивалъ окрестное общество въ распространяемую имъ атмосферу пьянаго разгула и разврата и высасывалъ изъ него накопленныя средства. Въ тѣ времена не только населеніе тянулось въ кабакъ, но и кабакъ предупредительно двигался къ населенію; его филіальныя отдѣленія расходились какъ бы лучами отъ центра къ окраинамъ. Это была торговля не только на выносъ, но и въ развозъ. Зоркій глазъ уѣзднаго питейнаго управленія или кабацкаго откупщика не оставлялъ безъ вниманія даже и далекихъ отъ постояннаго кабака волостей, обслуживать которыя и посылались гуляй-кабаки, въ особенности во время храмового праздника, ярмарки или другихъ подобныхъ случаевъ, за которыми и вѣрные головы, и откуп-

[1]) Пр. Д. 1650 № 30.

щики заботливо слѣдили. Челобитныя живо изображаютъ горе, которое такими постоянными и временными учрежденіями причинялось. Это все довольно однообразныя варьяціи на тему, слышанную уже нами при разборѣ большого устюжскаго ходатайства 1638 г. „Привозятъ къ намъ въ Андреевскую волость", жалуется въ 1625 г. волостной міръ Андреевской волости Сольвычегодскаго уѣзда, „съ Лальскаго кабака цѣловальники кабацкіе твое государево кабацкое питье, вино чарочное по вся годы по настоящимъ храмовымъ праздникамъ и по господскимъ, и по воскреснымъ днямъ безъ твоего государева указу, а продаютъ, государь, въ Андреевской волости живучи, вино недѣли по три, и по четыре, и больше, мало не съѣзжаютъ во весь годъ. И отъ того, государь, кабацкаго продажнаго вина волость пустѣетъ, и многіе крестьяне изъ волости врознь бредутъ" [1]). Такую же жалобу подаетъ Пермогорская волость Устюжскаго уѣзда въ 1628 г. на цѣловальниковъ пермогорскаго кабака, ѣздящихъ съ пивомъ и съ виномъ по канунамъ, мольбамъ и братчинамъ на Пермогорье, въ Лябельскую волость и въ Дрокованову Кулигу по погостамъ и по деревнямъ [2]). „Милосердый государь", взываетъ челобитная двухъ Заонежскихъ погостовъ: Спасскаго Кижскаго и Никольскаго Шунскаго, жалующихся на снявшаго въ сосѣднемъ Шуйскомъ погостѣ кабакъ откупщика Андрюшку Калинина, „не вели тому откупщику Андрюшкѣ и брату его Куземкѣ, и дѣтямъ его, и отъ нихъ чумакомъ (работникамъ) пріѣзжать въ наши погосты и кучить (торговать?) виномъ и пивомъ, и нашихъ погостовъ крестьяномъ и бобылямъ, и въ боярщинахъ (въ служилыхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ) давать становъ (остановокъ), чтобы намъ сиротамъ... отъ напрасныя продажи и отъ убытковъ, и отъ кражъ, и отъ насильства въ конецъ не погибнуть, до остатка врознь не разбрестись". Государь пожаловалъ, велѣлъ написать въ погосты грамоту съ запретомъ откупщику въѣзжать въ погосты съ питьемъ, такъ какъ въ откупной грамотѣ о такомъ правѣ откупщика не было упомянуто [3]). Крестьяне Вытегорскаго Заонежскаго погоста въ своемъ челобитьѣ 1639 г. предлагали правительству уплачивать казнѣ сумму, собиравшуюся на вытегорскомъ кабакѣ, разверстывая ее повытно, только бы уничтожить самый этотъ кабакъ, мотивируя предложеніе тѣмъ, что имъ отъ того кабака чинятся обиды, убытки и воровства многіе, что они на томъ кабакѣ пропиваются, участки ихъ пустѣютъ, и казенныя всякія подати запускаются въ недоимку [4]). На развозное питье по волостямъ, заведенное таможеннымъ и кабацкимъ головою Ильею Потулковымъ, жалуется и сольвычегодское всеуѣздное ходатайство 1646 г. [5]). Притѣсненія, какія приходилось обществу испытывать отъ гуляй-кабаковъ, подробно перечислены въ чаронд-

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 80.
[2]) Пр. Д. 1630 № 70.
[3]) Пр. Д. 1647 № 26.
[4]) Пр. Д. 1647 № 26.
[5]) Пр. Д. 1646 № 58.

скомъ всеуѣздномъ челобитьѣ 1641 года. Чарондскій посадскій кабакъ въ 1640 г. былъ снятъ откупщикомъ крестьяниномъ Чарондской же округи Печенской волости Ив. Р. Павшинымъ, который присоединилъ къ себѣ въ товарищи еще троихъ мѣстныхъ же крестьянъ. Откупщикъ, разумѣется, не удовольствовался продажей питья на посадѣ, а началъ развозить его и по волостямъ, чего ранѣе не бывало, и вообще прежде всю округу обслуживалъ только одинъ посадскій кабакъ. Пріѣзжая съ виномъ и пивомъ въ волость, откупщикъ и его товарищи остаются въ ней недѣли по двѣ и по три, варя пиво тамъ же на мѣстѣ, силой захватываютъ у крестьянъ помѣщеніе во дворахъ и подводы изъ волости въ волость. Кто изъ крестьянъ откажетъ въ постоѣ, къ тому приметываются, ложно обвиняя его въ безъявочномъ питьѣ, въ держаніи у себя питья, изготовленнаго дома безъ требуемаго заявленія властямъ. На крестьянъ наметываются „напойныя“ деньги, т. е. требуются съ нихъ деньги, якобы за выпитое вино, вдвое или втрое больше дѣйствительной суммы. При отказѣ ихъ уплачивать, откупщикъ и его товарищи взыскиваютъ ихъ правежомъ, не увѣдомляя о томъ даже мѣстнаго воеводу, причемъ самая экзекуція производится сопровождающими гуляй-кабакъ чумаками, и на такихъ экзекуціяхъ было забито на смерть нѣсколько крестьянъ, имена которыхъ приводятся въ челобитной. Съ мірскихъ молебныхъ варь, совершаемыхъ всѣмъ міромъ на праздники, откупщикъ сталъ взимать незаконныя пошлины, и эти „мірскія мольбы“ остаются „не сваренными“. Міръ заявлялъ, что они, крестьяне, отъ откупщика Ивана Павшина и отъ товарищей его въ конецъ погибли. Резолюціей на этомъ ходатайствѣ предписывалось откупщику вино курить, пиво варить и меды ставить только на посадѣ, какъ это было прежде, по волостямъ съ кабакомъ не ѣздить, дворовъ не занимать, подводъ не требовать и никакой налоги крестьянамъ не чинить [1]). Собственное растлѣвающее дѣйствіе кабака осложнялось еще и насиліями со стороны кабацкаго служебнаго персонала. Такъ земская мысль XVII в. хорошо сознавала язву, продолжающую точить русскую жизнь и до нашихъ дней и дѣлала первыя попытки борьбы съ нею, призывая на помощь правительство. Послѣднее, какъ видно изъ отвѣтовъ на земскія ходатайства, встрѣчало жалобы земства благосклонно, но дѣйствовало двоедушно: закрывая кабаки и запрещая торговлю въ развозъ, оно неукоснительно требовало отъ кабацкихъ головъ аккуратнаго сбора всей питейной суммы по окладу и даже сверхъ оклада съ приборомъ.

Значительное число ходатайствъ касается мѣстной администраціи, приказной и выборной, причемъ въ однихъ изъ нихъ высказываются пожеланія относительно самаго строя управленія; другія содержатъ жалобы на тѣхъ или иныхъ опредѣленныхъ лицъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ ходатайствъ, касающихся устройства мѣстнаго управленія за XVII вѣкъ. Такова челобитная устюжскаго всеуѣзднаго міра 1637 г. объ отмѣнѣ указа о введеніи въ Устюгѣ съ уѣздомъ губныхъ учрежденій. 22 мая

[1]) Пр. Д. 1641 № 69.

этого года на Устюгѣ была получена грамота изъ Разбойнаго приказа, которая въ виду того, что разбои на посадѣ и въ уѣздѣ продолжаются, а присылаемые изъ Москвы сыщики не оправдываютъ возлагавшихся на нихъ надеждъ и притѣсняютъ населеніе, предписывала завести на Устюгѣ выборный губной персоналъ, именно: выбрать изъ посадскихъ и уѣздныхъ лучшихъ людей двухъ губныхъ старостъ да къ нимъ двухъ губныхъ дьяковъ, восемь человѣкъ губныхъ цѣловальниковъ, четырехъ тюремныхъ и двухъ избныхъ сторожей. Всеуѣздный міръ проситъ—и въ этой просьбѣ нельзя не видѣть направленія, совершенно противоположнаго земскимъ ходатайствамъ XVI в. о введеніи судебной автономіи—избавить его отъ этого губного самоуправленія. Міръ приводитъ и мотивы: лучшихъ людей, пригодныхъ для губного дѣла, на Устюгѣ нѣтъ: всѣ или взяты въ Москву въ гостиную сотню, или разосланы на службы въ отдаленные сибирскіе города, въ Устюгѣ остались только все молодшіе, „неживотные“, т. е. малосостоятельные люди. Про разбойниковъ за послѣднее время стало не слышно, и если случаются разбои, то по винѣ сыщиковъ, не казнящихъ заключенныхъ въ тюрьму разбойниковъ, которые, убѣгая, чинятъ новые разбои. Поэтому земство проситъ сыщиковъ отозвать, а губное дѣло поручить воеводамъ, которые вѣдали его и исправно вершили разбойниковъ въ прежнее время до сыщиковъ. Губныя учрежденія на Устюгѣ введены не были[1]). Таковы же „многія челобитья“, поданныя царю Михаилу Ѳедоровичу всѣми Заонежскими погостами объ учрежденіи у нихъ самостоятельнаго воеводскаго управленія и о неподсудности ихъ новгородскимъ воеводамъ, на которыя указываетъ одна изъ грамотъ царя Алексѣя 1647 г. Таково же челобитье тѣхъ же погостовъ 1647 г. о совершенной отмѣнѣ въ погостахъ воеводскаго управленія и о введеніи тамъ полной судебно-финансовой автономіи, удовлетворенное правительствомъ, освободившимъ погосты на короткое, правда, время отъ воеводъ, но наложившимъ на погосты „за воеводскіе доходы“ девятьсотъ рублей сверхъ прежнихъ ихъ платежей. Правительство дѣйствовало въ этомъ случаѣ, руководясь принципомъ дарованія самоуправленія, установленнымъ еще при Грозномъ: давая самоуправленіе, брать повышенную сумму налоговъ[2]).

Но гораздо больше можно привести челобитныхъ, касающихся отдѣльныхъ лицъ приказнаго управленія. Сюда относятся жалобы на воеводское управленіе, на воеводъ и дьяковъ и на низшій должностной персоналъ воеводской избы. Правда, можно встрѣтить и ходатайство о продолженіи полномочій воеводы, пришедшагося міру по душѣ. Въ 1644 г. до сольвычегодскаго міра дошелъ слухъ, что на мѣсто воеводы кн. М. А. Кольцова-Масальскаго, просидѣвшаго въ Сольвычегодскѣ только годъ, собираются послать другого воеводу. Міръ по далъ государю челобитную, въ которой свидѣтельствовалъ, что кн. Кольцовъ Масальскій государю радѣетъ, всякія государевы дѣла дѣлаетъ вправду, мірскимъ людямъ продажи, убытковъ и насильства не

[1]) Пр Д. 1637 № 14, л 160—162.
[2]) Пр. Д. 1646 № 42; 1647 № 41.

чинить и во всемъ ихъ оберегаетъ, и просилъ государя позволить имъ, сольвычегодскимъ послѣднимъ людишкамъ, нѣкоторое время „побыть не въ разореньи“ при хорошемъ воеводѣ, предвидя, что при преемникахъ кн. Кольцова-Масальскаго придется по прежнему въ конецъ погибать и врознь брести отъ воеводскихъ притѣсненій. Государь 21 августа 1644 г., „слушавъ заручной челобитной и выписи“, указалъ кн. Кольцову пробыть на сольвычегодскомъ воеводствѣ до указаннаго ему при назначеніи срока, до 28 марта 1645 г. и смѣнить его только съ этого срока [1]). Сольвычегодскій міръ просилъ о сохраненіи хорошаго воеводы, наученный горькимъ опытомъ, и пессимизмъ его взглядовъ на будущее былъ результатомъ пережитаго въ прошломъ. Воеводское управленіе гораздо чаще вызывало въ земскихъ челобитьяхъ жалобы, чѣмъ одобренія. Міру приходилось въ 1635 г. жаловаться на воеводу Ѳ. Головачева, который мірскимъ людямъ чинилъ великія насильства и весь усольскій уѣздъ запустошилъ, а въ 1636 г. просить государя перемѣнить его преемника на воеводствѣ Ѳ. Левашова, потому что мірскимъ людямъ, какъ гласила челобитная, съ тѣмъ воеводою жить было не возможно [2]). Мезенскій всеуѣздный міръ въ своей челобитной 1635 г. вспоминаетъ, что на Пинегѣ и на Мезени изначала приказные люди и воеводы не бывали, а для судныхъ дѣлъ и для казенныхъ сборовъ избирались мірскія власти: судейки и цѣловальники, и сборы въ Москву доставлялись сполна: а какъ съ 1611 года начали пріѣзжать на Мезень воеводы и приказные, половина крестьянъ врознь разбрелись, пометавъ свои пашни. Міръ просилъ государя, чтобы ужъ если онъ не соизволитъ Пинегѣ и Мезени совсѣмъ быть безъ приказныхъ, то хоть по крайней мѣрѣ присылать ихъ по одному, а не по два. Вслѣдствіе этого ходатайства съ Мезени былъ отозванъ находившійся при воеводѣ подьячій [3]). Въ 1627 г. устюжскій всеуѣздный міръ жаловался на волокиту, чинимую подьячими съѣзжей избы мірскимъ людямъ, обращающимся въ съѣзжую избу съ своими дѣлами. Это не устранило, повидимому, зла. Въ 1629 г. подается новая земская челобитная. Подьячіе, читаемъ въ челобитной, больше прежняго крестьянамъ чинятъ налоги и обиды, бранятъ ихъ и угрожаютъ: „мы де сидимъ въ приказѣ по государевымъ грамотамъ, иной де у насъ сидитъ больше десяти годовъ, и вамъ всѣмъ устюжскимъ уѣздомъ ничего надъ нами не сдѣлать, а мы де надъ вами сдѣлаемъ такъ, что инымъ будетъ впредь стоять на насъ неповадно“. Въ этой угрозѣ, очевидно, подразумѣвались какія-то канцелярскія интриги, имѣвшія цѣлью насолить нѣкоторымъ особенно непріятнымъ для подьячихъ устюжанамъ [4]). Въ 1630-хъ гг. тотъ же устюжскій міръ много страдалъ отъ притѣсненій подьячаго И. Похабова, на котораго не разъ жаловался въ челобитныхъ. Вотъ почему міры и ходатайствуютъ о томъ, чтобы персоналъ подьячихъ

[1]) Пр. Д. 1644 № 25.
[2]) Пр. Д. 1635 № 66; Пр. Д. 1636 № 25.
[3]) Пр. Д. 1636 № 81.
[4]) Пр. Д. 1627 № 27.

при съѣзжихъ избахъ и таможенныхъ и питейныхъ управленіяхъ былъ выборнымъ отъ міра [1]). Даже простые пристава и разсыльщики съѣзжихъ избъ вызывали своими излишними поборами и притѣсненіями ходатайства о сокращеніи ихъ числа, объ ихъ смѣнѣ и о разрѣшеніи мірамъ самимъ выбирать этихъ чиновъ въ съѣзжія избы [2]).

Не менѣе чиновъ постоянной воеводской администраціи вызывали противъ себя нареканія служилые люди, временно появлявшіеся въ уѣздѣ для исполненія разныхъ отдѣльныхъ порученій. Таковы были напр. сыщики по губнымъ дѣламъ, съ жалобами на которыхъ мы уже познакомились по устюжскимъ ходатайствамъ 1638 и 1639 гг. Устьянскія волости въ 1632 г. неоднократно бьютъ челомъ на важскаго губного старосту П. Шарапова, которому поручено было сыскивать разбойниковъ и въ Устьянскихъ волостяхъ [3]). Челобитья съ жалобами вызывали противъ себя дворяне, являвшіеся въ уѣзды по различнымъ дѣламъ, незнавшіе сдержки ни своимъ рукамъ, ни своимъ аппетитамъ. Таковы были напр. дворянинъ Петръ Загряжскій, присланный въ 1629 г. въ Сольвычегодскъ сыскивать про моровое повѣтріе и про конскій падежъ, избившій ослопами пришедшихъ къ нему земскаго старосту и цѣловальниковъ [4]); дворянинъ Дмитрій Овцынъ, командированный въ Устьянскія волости для переписи дворовъ [5]); Левъ Микулинъ и Василій Золотаревъ, сыскивавшіе бѣглыхъ крестьянъ въ 1640-хъ годахъ, первый въ Устюжскомъ уѣздѣ, а второй въ Заонежскихъ погостахъ и Каргополѣ [6]); конюхъ Ив. Чуркинъ, отправленный собирать конскія пошлины на Тотьмѣ и на Устюгѣ, терроризовавшій эти уѣзды и вызвавшій своею дѣятельностью по нѣскольку челобитій съ жалобами отъ тотемскаго и устюжскаго міровъ [7]); наконецъ, просто какіе либо проѣзжіе служилые люди, которые, будучи недовольны данными имъ подводами, призовутъ къ себѣ земскаго или ямского старосту съ цѣловальниками, изобьютъ и изувѣчатъ его на смерть [8]).

Земскія ходатайства съ жалобами вызывала также и дѣятельность выборныхъ органовъ, притѣснявшихъ населеніе иногда не менѣе приказныхъ. Таковы жалобы на присылавшихся въ уѣздъ таможенныхъ и кабацкихъ головъ. О самомъ содержаніи этихъ жалобъ можетъ дать представленіе разсмотрѣнное выше устюжское ходатайство 1638 года. Таможенные и кабацкіе головы самовольно повышаютъ таможенныя и проѣзжія пош-

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 36. Пр. Д. 1630 № 70, Тотьма; А. И. V № 88, Вятка.

[2]) Таковы напр. ходатайства устюжскаго, тотемскаго и сольвычегодскаго міровъ. Пр. Д. 1635 № 97; Пр. Д. 1640 № 38; Пр. Д. 1655 № 37.

[3]) Пр. Д. 1631 № 30; Пр. Д. 1626 № 41, л. 19—21; 1636 № 27, Чаронда.

[4]) Пр. Д. 1630 № 70.

[5]) Пр. Д. 1633 № 37.

[6]) Пр. Д. 1646 № 52; 1648 № 39.

[7]) Пр. Д. 1644 № 46; 1646 № 148; Пр. Д. 1647 № 27; Д. А. И. III, № 25.

[8]) Пр. Д. 1635 № 97.

лины сверхъ таксъ, установленныхъ таможенной уставной грамотой, заводятъ новые постоянные кабаки и разсылаютъ временные, требуютъ съ уѣзда чрезмѣрно большое количество таможенныхъ и кабацкихъ цѣловальниковъ. Среди изученныхъ челобитныхъ намъ встрѣтились такія челобитныя Сольвычегодскаго уѣзда[1]), Соликамскаго[2]), Вятской земли[3]), Тотемскаго[4]), Кильчанской волости Устюжскаго уѣзда[5]), Вондокурскаго стана того же уѣзда[6]).

Таможенные и кабацкіе головы могли встрѣчать къ себѣ враждебное отношеніе въ томъ уѣздѣ, гдѣ служили, потому, что они бывали чужды его населенію; они обыкновенно присылались изъ другого города; посады обмѣнивались между собою таможенными и кабацкими головами. Но недовольство и жалобы міровъ возбуждали и собственные избранники. Вообще, какъ мы увидимъ ниже въ другой связи, служба выборныхъ земскихъ властей заканчивалась нерѣдко столкновеніемъ съ избиравшимъ ихъ міромъ, и по отбытіи должности на „прошлаго“ мірского агента подавалась правительству мірская жалоба съ указаніемъ на его злоупотребленія или чаще съ просьбой объ истребованіи у него отчетности, въ которой онъ почему либо отказывалъ міру. Теперь ограничимся лишь нѣсколькими примѣрами. Такъ напр. Сольвычегодскій, Устюжскій и Тотемскій уѣзды выступали съ челобитьями, въ которыхъ жаловались на своихъ отбывшихъ должность ямскихъ старостъ[7]). На злоупотребленія устюжскихъ уѣздныхъ ямскихъ старостъ жалуются въ 1640 и въ 1644 г. Уфтюжская и Верхопушемская волости Устюжскаго уѣзда[8]). Устюжскій міръ жаловался въ 1649 г. на своихъ ружныхъ старостъ прошлыхъ лѣтъ и настоящаго, сбиравшихъ деньги съ посада и уѣзда на содержаніе ружныхъ церквей и просилъ о подчиненіи ихъ таможенному головѣ. Ходатайство было удовлетворено: прошлыхъ ружныхъ старостъ велѣно было счесть и впредь ружнаго старосту подчинить таможенному головѣ[9]). Двинскій уѣздъ страдалъ отъ избранныхъ міромъ заказчиковъ для сбора пошлинъ и просилъ о подчи-

---

[1]) По Устюгу кн. I, л. 19 об.—22; Пр. Д. 1630 № 22; Пр. Д. 1630 № 72, л. 244—253; Пр. Д. 1640 № 38. 1640 г. Таможенные и кабацкіе головы не ставятся на учрежденныхъ міромъ для нихъ мірскихъ дворахъ, а захватываютъ себѣ силою дворы обывателей. Съ нихъ же взыскиваютъ и всякіе припасы; Пр. Д. 1646 № 58; Пр. Д. 1649 № 31. 1649 г. Тамож. и каб. головы употребляютъ неправильныя мѣры. Помѣта на челобитной: „157 марта въ 9 д.—выписать“.

[2]) Пр. Д. 1623 № 30.

[3]) Пр. Д. 1623 № 32.

[4]) Пр. Д. 1635 № 97.

[5]) Пр. Д. 1637 № 18.

[6]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 87—105.

[7]) Пр. Д. 1650 № 57, л. 11—12; Д. А. И. III № 117. Пр. Д. 1630 № 70.

[8]) Пр. Д. 1639 № 44; Пр. Д. 1644 № 53.

[9]) Р. И. Б. XII, 253.

неніи ихъ воеводамъ[1]). Никольскій и Пречистенскій приходы Вилегодской волости Сольвычегодскаго уѣзда въ 1641 г. возбуждаютъ ходатайство о счетѣ цѣлаго ряда сольвычегодскихъ всеуѣздныхъ земскихъ старостъ прошлыхъ лѣтъ, перебравшихъ съ приходовъ лишнія деньги[2]). Въ 1628 г. Утмановская волость Устюжскаго уѣзда, жалуясь, что она запустѣла отъ своихъ прежнихъ старостъ, судей и цѣловальниковъ, просила о счетѣ этихъ земскихъ властей за прошлые годы съ 1613 по 1628 съ тѣмъ, чтобы счетъ этотъ былъ порученъ таможенному и кабацкому головѣ 1628-го года Я. Патокину. Ходатайство было удовлетворено, но только отчасти: Устюжская четверть распорядилась о производствѣ счета, но поручила его не таможенному головѣ, а устюжскому воеводѣ съ подьячимъ[3]).

Внутреннія событія въ сѣверныхъ мірахъ, соціальная рознь и борьба, которыя въ нихъ стали обозначаться, появленіе въ средѣ міра сильныхъ капиталистовъ, захватывавшихъ въ свои руки мірское имущество, тѣснившихъ маломочную массу, уклонявшихся отъ мірского тягла и вообще стремившихся обособиться отъ міра; далѣе появленіе особаго вида опасныхъ для міра лицъ, каковы были „міропродавцы“ и „ябедники“, профессіональные сутяги, съ цѣлью наживы изводившіе членовъ міра безконечными процессами съ вызовами на судъ въ Москву, отъ которыхъ имъ приходилось откупаться—всѣ эти неурядицы мірской жизни были также предметами мірскихъ челобитныхъ, направляемыхъ мѣстному воеводѣ или въ Москву. Мы уже имѣли случай коснуться этихъ конфликтовъ между мірами и такъ называемыми „деревенскими владѣльцами“, посадскими людьми, крупными торговцами и промышленниками, которые скупали деревенскіе участки и не желали знать никакихъ мірскихъ тяготъ. Такіе конфликты и влекли за собою мірскія челобитныя[4]). Такъ въ 1625 г. Окологородная волость Тотемскаго уѣзда бьетъ челомъ на Ольгу Строганову, которая въ волости владѣетъ деревнями, а податей за нихъ съ міромъ не платитъ и тѣмъ причиняетъ міру великіе убытки[5]). Въ 1628 г. волость Антропьева слобода Сольвычегодскаго уѣзда жалуется на „сильныхъ неплатежныхъ людей огурниковъ“, на Бажена и Владиміра Ѳедоровыхъ Момотовыхъ да на Ивана Сидорова Карандашева съ братьями[6]), платить подати за которыхъ принуждены крестьяне, занимая деньги за большіе проценты. Волость Сухой Погостъ Устюжскаго уѣзда обращается въ 1630 г. съ подобною же жалобою на А. С. Строганова, половники котораго, живущіе въ его сухопогостской деревнѣ не платятъ съ міромъ никакихъ податей[7]). Вотложемская волость того же уѣзда въ 1632 г. жалуется на крестьянина

---

[1]) Пр. Д. 1621 № 9.
[2]) Пр. Д. 1641 № 42.
[3]) Пр. Д. 1628 № 74.
[4]) I, 112.
[5]) Пр. Д. 1625 № 34.
[6]) Пр. Д. 1628 № 72.
[7]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 433.

Ив. Дружкова, который, предложивъ писцамъ наддачу, болѣе высокую плату, перехватилъ у другого крестьянина на оброкъ пожню, но оброка за нее втеченіе 9 лѣтъ не вноситъ, чѣмъ причиняетъ убытки платящему за него оброкъ міру. Орловская волость въ 1634 г. жалуется на посадскаго человѣка Бажена Максимова, не платящаго податей съ принадлежащихъ ему въ волости $^3/_4$ деревни Ульяницы [1]). Въ Лальской волости Сольвычегодскаго уѣзда такими неплательщиками въ 1646 г. оказывается видная семья Паламошныхъ [2]). Въ 1624 г. пять волостей Сольвычегодскаго уѣзда: Андреевская, Учецкая, Антропьева слобода, Ратмировская и Лальская бьютъ челомъ на торговыхъ людей Д. Микулина и С. Башмакова, не заплатившихъ приходившейся на нихъ по ихъ торгамъ и промысламъ доли пятинныхъ денегъ, которую приходилось уплачивать по разверсткѣ пашеннымъ крестьянамъ [3]). На уклоненіе капиталистовъ отъ тягла и на притѣсненія ими міра приносили жалобы не только волостныя, но и всеуѣздныя земства. Такъ въ 1634 г. сольвычегодскій міръ доводилъ до свѣдѣнія правительства, что усольцы, взятые въ Москву въ гостиную и суконную сотни: Елезовы, А. Паламошный, Баженъ Курбатовъ, Петръ Захаровъ, владѣя многими деревнями, торгуя и промышляя въ уѣздѣ, податей съ мірскими людьми не платятъ [4]).

Тѣ внѣшнія соприкосновенія, въ какія входили сѣверные міры, также давали поводъ къ челобитнымъ. Чарондскія волости, расположенныя по близости съ помѣстными землями Бѣлозерскаго и Вологодскаго уѣздовъ, все время страдаютъ отъ наѣздовъ сосѣднихъ помѣщиковъ, отъ ихъ насильства и грабежей и отъ увода крестьянъ, на которыхъ помѣщики вымучиваютъ впослѣдствіи холопьи грамоты. Эти жалобные голоса отдѣльныхъ чарондскихъ волостей сливаются время отъ времени въ общій аккордъ всеуѣзднаго челобитья округи [5]). Къ этой же категоріи можно отнести многочисленныя ходатайства міровъ, вызывавшіяся повсемѣстной борьбой ихъ съ монастырями, которые завладѣвали черною землею, перезывали въ свои вотчины и держали тамъ бѣглыхъ черныхъ крестьянъ и постоянно стремились освободиться отъ уплаты тягла съ поступавшихъ въ ихъ руки разныхъ земель или, по крайней мѣрѣ, обособиться отъ чернаго міра въ несеніи тягла [6]).

Наконецъ и отношенія между самими мірами, волостными и всеуѣздными, тѣ конфликты и тренія, которыя между ними возникали, также вызывали обращеніе къ высшей власти, привлекаемой въ этихъ случаяхъ въ качествѣ посредницы. Эти обращенія къ посредничеству правительствен-

---

[1]) Пр. Д. 1632 № 80, Пр. Д. 1632 № 36.
[2]) Пр. Д. 1636 № 79. Ср. Пр. Д. 1647 № 27.
[3]) Пр. Д. 1624 № 19.
[4]) Пр. Д. 1635 № 97.
[5]) Пр. Д. 1623 № 9; Пр. Д. 1628 № 66; Пр. Д. 1628 № 74; Пр. Д. 1628 № 59.
[6]) I, гл. IV.

ной власти въ борьбѣ между земскими мірами можно разсматривать какъ одну изъ причинъ упадка земской автономіи. Сталкивались между собою волостные міры, волостные съ уѣздными, уѣздные между собою, и наконецъ шла борьба между цѣлыми „землями“, какъ совокупностями уѣздныхъ міровъ. Наиболѣе частые поводы къ конфликтамъ—споры по землевладѣнію и тяглу. Сосѣднія волости спорятъ изъ за земель и угодій, какъ напр. обѣ Матигорскія волости Двинскаго уѣзда: Никольская и Борисоглѣбская, владѣвшія общими неразмежеванными землями, которыми ихъ населеніе пользовалось черезполосно [1]). У крестьянъ Кленовской волости Чарондской округи захватываютъ сѣнные покосы крестьяне Ковженской волости Каргопольскаго уѣзда [2]). Разверстка тягла приводила также къ недоразумѣніямъ, вызывавшимъ взаимныя челобитныя. Такъ напр. волости Орловская и Ивановскій погостъ Устюжскаго уѣзда подаютъ одна на другую жалобы, споря о количествѣ подводъ, которое должна выставлять каждая подъ проѣзжихъ приставовъ и стрѣльцовъ. Дмитріевская Устьянская волость въ 1628 г. жалуется на сосѣднія и связанныя съ нею Введенскую, Никольскую и Шангальскую Устьянскія волости, что эти послѣднія не производятъ за долгое время съ 1589 г. переверстки податей, „дани не перерубаютъ“, и вслѣдствіе этого крестьяне Дмитріевской волости „зарублены данью“, т. е. отягощены не по промыслу и не по животамъ и отъ такого притѣсненія оскудѣли [3]). Тѣ же вопросы дѣлались поводами конфликтовъ между волостнымъ и всеуѣзднымъ міромъ; тѣ же споры о доляхъ тягла, въ которыхъ всеуѣздный міръ не можетъ разсчитаться съ волостью, жалующеюся на чрезмѣрное обремененіе не въ уровень съ другими волостями. Не будучи въ состояніи ужиться другъ съ другомъ или тяготясь ролью части въ притѣсняющемъ и эксплуатирующемъ цѣломъ, міры обращаются съ просьбами о разъединеніи, „отпискѣ“ ихъ другъ отъ друга въ тяглѣ, о выдѣлѣ части въ самостоятельное цѣлое, съ ходатайствами, которыя съ другой стороны, отъ другихъ заинтересованныхъ міровъ вызываютъ контръ-ходатайства о сохраненіи прежнихъ единства и связи. Процессы интеграціи и дифференціаціи міровъ, которые можно наблюдать въ областномъ дѣленіи Поморья, шли именно путемъ такихъ земскихъ ходатайствъ. Такою же непрерывною полосой тянутся въ земской жизни споры между уѣздами, а также между „землями“. Конфликтъ возникаетъ иногда благодаря какому-либо возбуждающему недоразумѣніе эпизоду. Такъ напр. въ 1622 г. Устюжскій уѣздъ жалуется на двинское всеуѣздное земское управленіе, задержавшее устюжскія суда со снастью, на которыхъ привезенъ былъ въ Холмогоры хлѣбный запасъ изъ Устюга [4]). Обыкновенной, наиболѣе частой причиной междууѣздныхъ конфликтовъ служатъ также вопросы, связанные съ тягломъ. Одни изъ этихъ конфликтовъ имѣютъ, такъ сказать, острую, другіе хроническую

---

[1]) Пр. Д. 1651 № 58.
[2]) Пр. Д. 1639 № 45; Пр. Д. 1653 № 76.
[3]) Пр. Д. 1628 № 72.
[4]) Пр. Д. 1621 № 9.

форму; одни, возникая и быстро обостряясь, затѣмъ угасаютъ, другіе, наоборотъ, дѣлаются затяжными. Нѣкоторые споры между уѣздами тянутся десятками лѣтъ втеченіе XVII вѣка, оставляя послѣ себя бумажные слѣды въ видѣ громаднаго размѣра столбцовъ съ сотнями челобитныхъ. Такова безконечная распря о разверстѣ тягла двинянъ съ кеврольцами и мезенцами, которые нѣкогда входили въ составъ Двинскаго уѣзда, но потомъ обособились отъ него. Таковы споры Каргопольскаго уѣзда съ Турчасовскимъ станомъ объ участіи въ постройкѣ городскихъ укрѣпленій въ Каргополѣ; споры въ ямской гоньбѣ и въ счетѣ подводами у сольвычегодцевъ съ яренцами, у вятчанъ съ пермичами, у важанъ съ Устьянскими волостями, у чердынцевъ съ соликамцами и кайгородцами. Самыя ходатайства въ этихъ случаяхъ можно раздѣлить на двѣ категоріи. Предметъ однихъ— соединеніе уѣздовъ въ тяглѣ. Принимая на свои плечи какой либо видъ тягла, уѣздъ старается привлечь къ его несенію и другіе уѣзды, чтобы такимъ образомъ облегчить его бремя. Такова напр. устюжская челобитная 1641 г. о привлеченіи другихъ уѣздовъ къ устюжскому городовому дѣлу. Обязанные возобновить городскую стѣну по р. Сухонѣ и укрѣпить прилегающій къ ней берегъ такъ, чтобы стѣну не размывало, устюжане, разсчитавъ стоимость предстоящихъ работъ, обратились къ государю съ просьбой привлечь для этихъ сооруженій другіе города: „А къ той городовой крѣпи“, читаемъ мы въ этой челобитной, „пожалуй насъ, вели дать своихъ городовъ, которыми, государь, ты пожалуешь, чтобы намъ отъ тое городовые великіе подѣлки однимъ городомъ и уѣздомъ въ конецъ не погибнуть“ [1]). Такъ въ 1606 г. Пермская земля просила для облегченія отбываемой ею ямской гоньбы въ Сибирь привлечь къ сооруженію ямовъ по сибирскому тракту вятчанъ и каргопольцевъ [2]). Наоборотъ, другіе міры, привлекаемые такимъ образомъ къ тяглу, будутъ отъ него всячески отмахиваться и ходатайствовать объ отдѣленіи и обособленіи.

Вообще безспорно подавляющая масса земскихъ челобитныхъ имѣетъ своимъ предметомъ вопросы, связанные съ тягломъ, отбываемымъ въ пользу государства. Это и не удивительно, такъ какъ тягло составляло главный предметъ отношеній между государствомъ и земскими мірами. Изъ 100 первыхъ по порядку *всеуѣздныхъ ходатайствъ,* попавшихся намъ подъ руку при изученіи неизданныхъ дѣлъ Устюжской и Новгородской четвертей, обнимающихъ собою періодъ времени съ 1614 по 1675 г., болѣе половины, 54% относятся непосредственно къ тяглу, тогда какъ ходатайства, касающіяся мѣстной приказной администраціи, составляютъ 14%, выборнаго управленія 16%, споровъ и пререканій между уѣздными мірами 12%; притомъ значительная доля ходатайствъ послѣдняго рода также имѣетъ отношеніе къ тяглу, такъ какъ конфликты между мірами въ громадномъ большинствѣ случаевъ возникали именно изъ-за распредѣленія тягла. Остальные предметы ходатайствъ выражаются небольшими цифрами. Точно также

[1]) Пр. Д. 1641 № 16
[2]) А. Э. II № 54.

изъ сотни первыхъ *волостныхъ ходатайствъ*, обнимающихъ время съ 1614 по 1650 годъ, 57 касаются непосредственно податей и повинностей. Въ тѣхъ и другихъ ходатайствахъ затрогиваются разнообразные вопросы, связанные съ установленіемъ и отбываніемъ различныхъ видовъ тягла, и сюжетъ этотъ до такой степени детально разработанъ въ ходатайствахъ, что послѣднія могли бы служить немаловажными документами при изученіи исторіи податей и повинностей.—Самое обложеніе и производящееся ради него писцовое описаніе или перепись, виды податей и ихъ высота, размѣры натуральныхъ повинностей, вещественныхъ и личныхъ, льготы и освобожденіе отъ тягла, послѣдствія чрезмѣрной высоты обложенія—вотъ основныя темы этихъ челобитныхъ, осложняемыя въ отдѣльныхъ случаяхъ довольно однообразными варьяціями и сопровождаемыя неизбѣжными причитаніями въ минорномъ тонѣ, на которыя можно смотрѣть уже, какъ на реторическія фигуры, придавая значеніе только дѣловой части ходатайствъ: фактамъ и цифрамъ. Постоянно встрѣчаемъ ходатайства съ указаніемъ на тягость прежняго описанія, на измѣнившееся экономическое положеніе мѣстности и съ просьбами о новомъ общемъ описаніи или, по крайней мѣрѣ, о частичномъ дозорѣ. Съ такой просьбой о дозорѣ мы встрѣчаемся въ разобранныхъ устюжскихъ ходатайствахъ 1638 и 1639 гг. Въ 1620 г. Каргопольскій уѣздъ, ссылаясь на разореніе и запустѣніе края отъ польскихъ и литовскихъ шаекъ, проситъ дать въ Каргополь и Турчасово „государева писца съ мѣрою и вервью“ и произвести новое описаніе[1]). Въ 1643 и 44 гг. Сольвычегодскій уѣздъ подавалъ челобитныя о писцѣ, указывая на запустѣніе деревень и тяжесть налоговъ. Государь указалъ въ 1645 г. отпустить писцомъ къ Соли Вычегодской Михаила Ртищева. Ртищевъ почему то долго не могъ собраться въ путь, и уѣздъ подаетъ новую челобитную о скорѣйшей отправкѣ писца[2]). Результатомъ этихъ ходатайствъ была посылка писцовъ Б. Приклонскаго и О. Трофимова въ 1645 г.[3]). Ходатайствуя о новомъ описаніи, сѣверные міры просятъ также о перемѣнѣ единицы обложенія, жалуются на неравномѣрность существовавшихъ въ Поморьѣ „малыхъ сошекъ“ и высказываютъ желаніе быть поверстанными въ большія московскія сохи. Сольвычегодскій уѣздъ указываетъ, что писцы П. Мансуровъ, И. Благовъ и подьячій В. Архиповъ, производившіе описаніе въ 1624 г., устанавливали неравномѣрныя мелкія сошки, разнообразя ихъ по волостямъ, кладя въ сошку въ иной волости по 5—8 вытей, а въ иныхъ волостяхъ по 10—13 вытей. Въ Усольскомъ уѣздѣ, замѣчаетъ челобитная, добрыхъ земель и угодій нѣтъ, земли плохія, песочныя и без-

---

[1]) Пр. Д. 1620 № 2.

[2]) Пр. Д. 1625 № 25.

[3]) Пр. Д. 1646 № 61. Тотемское всеуѣздное ходатайство: „вели, государь, дать намъ сиротамъ своимъ во весь Тотемскій уѣздъ своего государева писца и мѣрщика, кого, ты, государь, пожалуешь“. Пр. Д. 1643 № 62. Въ 1644 г. Вожбальская волость Тотемскаго уѣзда, насчитывая у себя 13 запустѣвшихъ вытей, проситъ о производствѣ дозора съ порученіемъ его воеводѣ.

угодныя, и отъ неравенства податныхъ единицъ крестьяне разоряются, бредутъ врознь и „скитаются межъ дворъ“. Уѣздъ ходатайствовалъ о включеніи въ наказъ писцу, который будетъ посланъ, предписанія класть землю въ большія московскія сохи[1]). Неправильные пріемы описанія, а тѣмъ болѣе злоупотребленія писцовъ, исходившія изъ корыстныхъ стремленій и направленныя къ повышенію тягла, вызывали жалобы земства. При разборѣ большого устюжскаго ходатайства 1638 г. мы уже видѣли такую жалобу: писцы писали лѣса и болота въ подлежащую обложенію пашенную землю. Съ подобными же челобитьями выступаетъ тотемское всеуѣздное земство въ 1624 и въ 1646 гг., жалуясь на писцовъ, положившихъ въ вытную пашню лѣсныя кратковременныя розчисти[2]). Въ 1626 г. Сольвычегодскій уѣздъ жаловался на писцовъ, писавшихъ на выть слишкомъ мало сѣна, по 40 копенъ малыхъ лѣтнихъ волоковыхъ, которыхъ на одномъ возу умѣщается по пяти и по шести штукъ, такъ что всего количества сѣна, положеннаго на выть, не хватитъ на кормъ одной лошади втеченіе года. Эта ошибка была исправлена указомъ писцамъ изъ Москвы, предписавшимъ класть на выть сѣно въ прежнемъ размѣрѣ[3]). Въ томъ же году Андреевская волость того же уѣзда выступаетъ съ самостоятельной челобитной на писцовъ, слишкомъ тяжело ее обложившихъ сравнительно съ другими волостями и написавшихъ въ тяглую пашенную землю новинныя мокрыя мѣста, что они дѣлали „по недружбѣ“ къ волости[4]). Какъ видимъ изъ этихъ примѣровъ, челобитья по поводу описанія, и замѣтимъ очень частыя, представлялись во время самой работы писцовъ и могли оказывать вліяніе на ходъ работы, если челобитчикамъ удавалось добиться успѣха въ Москвѣ и исправить ту или другую погрѣшность описанія. Челобитчики иногда слѣдовали за писцами по пятамъ. Какъ только тотемскіе писцы Фока Дуровъ и подьячій А. Колюпановъ, описавъ и измѣривъ Тотемскій уѣздъ, въ 1625 г. вернулись въ Москву, чтобы здѣсь переписывать составленныя на мѣстѣ книги на бѣло, тотчасъ же слѣдомъ за ними прибыли въ Москву и тотемскіе мірскіе челобитчики съ жалобой на чрезмѣрную тяжесть описанія и съ просьбой объ оказаніи Тотемскому уѣзду „легости“[5]).

Неправильности въ писцовыхъ и переписныхъ описаніяхъ чрезмѣрно увеличивали тяжесть податей и повинностей, что въ свою очередь влекло къ разоренію и запустѣнію поморскихъ мѣстностей. Жалобы на такое запустѣніе отъ непомѣрнаго тягла, на то, что крестьяне бредутъ врознь, не будучи въ силахъ платить податей и нести службъ—постоянная принадлежность ходатайствъ о тяглѣ. Иногда всеуѣздныя челобитныя жалуются на запустѣніе всего уѣзда, какъ это дѣлаютъ напр. разсмотрѣнныя устюж-

---

[1]) Пр. Д. 1625 № 25; также Каргополь: Пр. Д. 1620 № 2.
[2]) Пр. Д. 1624 № 10; Пр. Д. 1646 № 61.
[3]) Пр. Д. 1626 № 1.
[4]) Пр. Д. 1626 № 1; Пр. Д. 1627 № 80.
[5]) Пр. Д. 1626 № 8.

скія ходатайства 1638 и 1639 или сольвычегодское 1644 г., гдѣ читаемъ, что въ Усольскомъ уѣздѣ деревень запустѣло болѣе половины, а въ уцѣлѣвшихъ „живущихъ“ деревняхъ „бѣдные пашенные люди отъ великихъ немѣрныхъ податей и отъ ямскихъ великихъ отпусковъ, и отъ хлѣбнаго недороду, и отъ скотскаго падежу обдолжали, и обнищали, и въ конецъ погибли“ [1]). Въ другихъ случаяхъ всеуѣздное земство указываетъ на отдѣльныя волости, которыя запустѣли, и проситъ избавить всеуѣздный міръ отъ платежей за эти пустыя мѣста. Такъ напр. устюжское всеуѣздное земство въ 1633 г. проситъ избавить его отъ платежа за запустѣвшую Подосиновскую волость, изъ которой крестьяне разбрелись врознь и за которую всеуѣздному міру платить нечѣмъ [2]). Устьянскія волости просятъ снять съ нихъ платежъ за „Чушевицкое пусто“, т. е. разверстанную между остальными волостями долю тягла, приходившуюся на запустѣлую Чушевицкую Устьянскую волость, ссылаясь при этомъ на свою жалованную грамоту 1623 г., по которой будто бы волости были освобождены отъ платежа одна за другую: „съ деревни на деревню и съ волости на волость оброковъ наносить не велѣно“ [3]). Тотемскій уѣздъ выступаетъ съ ходатайствомъ объ освобожденіи его отъ платежа за запустѣвшую Вожбальскую волость [4]). Чарондская округа въ 1633 г. заявляетъ, что великимъ постомъ этого года особенно усилился разбродъ крестьянъ, крестьяне разбѣжались, жеребьи ихъ лежатъ впустѣ, а на оставшихся воевода взыскиваетъ сборы при помощи правежа, правитъ ихъ не рядовымъ правежомъ, бьетъ нещадно, и отъ этого безпощаднаго правежа и остальные крестьяне врознь бредутъ [5]). Жалобы на немѣрный, смертный воеводскій правежъ мы слышимъ отъ уѣздовъ Слободского и Шестаковскаго въ 1630 г., отъ сольвычегодскаго всеуѣзднаго міра въ 1654 г., отъ устюжскаго въ 1655 г. [6]). И волостные міры тѣми же красками описываютъ свое разореніе и пустоту, жалуясь, что всякіе денежные доходы правятъ съ нихъ „за пусто полно“, что волостныхъ крестьянъ убиваютъ смертнымъ правежомъ, но что имъ всетаки за пусто платить нечѣмъ и некому, что всѣ крестьяне отъ немѣрнаго правежу побрели и разбѣжались врознь [7]).

Жалуясь на жестокость правежа, съ которою взыскиваются подати, указывая на постигшія край несчастья, земства просятъ о снисхожденіи

---

[1]) Пр. Д. 1625 № 25.

[2]) Пр. Д. 1633 № 4; 1647 № 27. О платежѣ за волости: Городищенскую, Бобровую, Дрокованову Кулигу.

[3]) Пр. Д. 1640 № 59.

[4]) Пр. Д. 1643 № 62.

[5]) Пр. Д. 1633 № 4; Пр. Д. 1624 № 13.

[6]) Пр. Д. 1630 № 12; Пр. Д. 1654 № 116; Пр. Д. 1655 № 52.

[7]) Пр. Д. 1646 № 79. Учецкая вол. Сольвыч. у.; Пр. Д. 1637 № 18: Шольская вол., Дрокованова Кулига, Подосиновская вол. Устюжск. у.; Пр. Д. 1646 № 148. Вонгодская вол. Комарицкаго стана Уст. у.; Пр. Д. 1632 № 80. Уфтюжская вол. Тотемскаго у.; Пр. Д. 1650 № 57, л. 114. Лальская вол. Сольвычегодскаго уѣзда.

и льготахъ въ податяхъ. Сольвычегодскій посадъ, сильно пострадавшій отъ пожара 27 августа 1626 г. обращается къ государю съ просьбой учинить сиротамъ своимъ указъ въ ихъ великой „пожарной бѣдности“. Въ отвѣтъ на ходатайство было послано сольвычегодскому воеводѣ предписаніе посредствомъ обыска выяснить размѣры бѣдствія, и затѣмъ въ Устюжской четверти собирались справки о томъ, какія бывали въ прежнее время льготы городамъ въ случаѣ пожаровъ [1]). Каргопольское земство въ челобитной 1646 г., описывая ужасы, которымъ подвергаются мірскіе люди на правежѣ и ссылаясь на разразившійся надъ уѣздомъ неурожай, такъ какъ хлѣбъ частію померзъ, частію былъ съѣденъ червемъ, проситъ сошныя деньги за хлѣбные запасы собирать съ уѣзда въ текущемъ тяжеломъ году „съ поволокою“ [2]). Въ томъ же году заонежскій Спасскій Выгозерскій погостъ пишетъ въ челобитной, что отъ большого тягла изъ погоста сошло много крестьянъ и проситъ ради этого о разсрочкѣ накопившейся за погостомъ недоимки, указывая, что такая льгота получена уже другимъ Заонежскимъ погостомъ, Никольскимъ Шунскимъ. Просьба имѣла успѣхъ. Государь пожаловалъ, велѣлъ разсрочить недоимку на два года [3]).

Въ челобитныхъ затрогивались оба вида повинностей, составлявшихъ тягло, падавшее на земство: какъ денежные и вещественные сборы, такъ и личныя службы, причемъ въ однихъ ходатайствахъ содержатся общаго характера жалобы на высоту сборовъ и тягость службы [4]); въ другихъ спеціально указываются тѣ подати и тѣ службы, которыя земство находитъ особенно обременительными и которыя оно проситъ отмѣнить или облегчить путемъ какихъ либо льготъ. О характерѣ жалобъ на обременительность разныхъ видовъ тягла могли уже дать представленіе устюжскія челобитныя 1638 и 39 гг. Тамъ главную жалобу вызывалъ сборъ на содержаніе сибирскимъ стрѣльцамъ, падавшій исключительно на Устюжскій уѣздъ. Приведемъ и другіе примѣры. Устьянскія волости тяготятся высокимъ сѣннымъ оброкомъ, наложеннымъ новыми писцами, о пониженіи котораго и просятъ въ 1625 г. [5]). На высоту того же оброка жалуется въ 1629 г. Царевская волость Тотемскаго уѣзда [6]). Въ 1639 г. Двинская и Вятская земли ходатайствовали о выключеніи изъ казенныхъ оброчныхъ

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 10.

[2]) Пр. Д. 1647 № 26.

[3]) Пр. Д. 1646 № 42.

[4]) Пр. Д. 1636 № 81. Гаенская волость Чердынск. у.: «И отъ того, государь, непосильнаго окладу и платежу безпрестанно мы твои, государевы, сироты обнищали и обдолжали великими долги»; Пр. Д. 1637 № 18. Яхренская, Пушемская, Шольская волости и Сухонскій Нововышлый станъ Устюж. у.; Пр. Д. 1647 № 41. Никольскій Шунскій погостъ въ Заонежьѣ: „А нашъ погостъ... написанъ въ живущемъ 30 вытей, и съ тѣхъ съ 30 вытей... нынѣ на насъ, сиротахъ, правятъ на годъ по тысячѣ рублей... И намъ бѣднымъ сиротамъ впредь стало не вмочь и не въ силу платить“.

[5]) Пр. Д. 1633 № 37.

[6]) Пр. Д. 1628 № 47 (въ концѣ).

статей нѣкоторыхъ промысловъ и о свободѣ заниматься ими всякому желающему. Первая просила о лодочномъ извозѣ между Холмогорами и Архангельскомъ и въ Архангельскѣ по устью Двины, а также о „площадномъ“ письмѣ, т. е. о письмѣ частныхъ актовъ, чѣмъ, какъ извѣстно, занимались вольные, такъ называемые „площадные“ подьячіе; вторая о правѣ изготовлять квасъ, сусло, сальныя свѣчи и держать „пирожныя харчевни“. Всѣ эти статьи сдавались тогда изъ казны на откупъ. Оба ходатайства были удовлетворены, и промыслы сдѣланы вольными[1]). Турчасовскій и Усть-Мошскій станы Каргопольскаго уѣзда бьютъ челомъ въ 1619 г. о томъ, чтобы запросныя пятинныя деньги взимались согласно закону о нихъ только съ торговыхъ людей, а не разверстывались на пашенныхъ крестьянъ пообежно, какъ это дѣлаетъ каргопольская комиссія по сбору пятинныхъ денегъ[2]). Сольвычегодскій міръ въ 1629 г. указываетъ на тяжесть сбора на содержаніе московскихъ стрѣльцовъ[3]). На тотъ же сборъ жалуется Двинская земля въ 1671 г.[4]). Очень похожи на ходатайства теперешнихъ нашихъ городовъ по поводу содержанія стоящихъ въ городахъ войскъ земскія челобитныя XVII вѣка съ жалобами на тяжесть сбора на жалованье мѣстнымъ стрѣлецкимъ гарнизонамъ, помимо денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ на стрѣлецкую пѣхоту, квартирующую въ Москвѣ. Таковы напр. челобитныя: тотемская 1625 г. съ просьбой совсѣмъ упразднить стрѣлецкій гарнизонъ на Тотьмѣ, устюжская 1630 г. и двинская 1670-хъ годовъ съ просьбами принять жалованье стрѣльцамъ на счетъ казны. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ ходатайства были уважены; жалованье мѣстнымъ стрѣльцамъ велѣно было выдавать изъ мѣстныхъ казенныхъ доходовъ, а спеціальные сборы на этотъ предметъ были отмѣнены[5]). Въ первомъ затребовано было подробное мнѣніе тотемскаго земскаго собранія о томъ, можетъ ли тотемскій уѣздъ обойтись безъ стрѣльцовъ. Кола въ 1620-хъ гг. указываетъ на тягость постоя стрѣлецкаго гарнизона въ 300 человѣкъ, размѣщеннаго по посадскимъ дворамъ[6]). Каргопольское земство въ 1647 г. жалуется на вновь введенную соляную пошлину. Обѣщано было со введеніемъ соляного налога отмѣнить всѣ другіе сборы; между тѣмъ эти сборы не отмѣнены, и ихъ правятъ съ обычной жестокостью. Присланный въ Каргополь съ казенной солью гостиной сотни Ив. Денисовъ заставилъ каргопольцевъ силою купить запасъ соли, которая совсѣмъ не распродается, очевидно, вслѣдствіе вызванной пошлиной дороговизны[7]).

Изъ тѣхъ повинностей, которыя можно назвать сложными и въ составъ которыхъ входили денежные и вещественные сборы и личная служба,

---

[1]) Пр. Д. 1639 № 82.
[2]) Пр. Д. 1620 № 2.
[3]) Пр. Д. 1628 № 74 (въ концѣ).
[4]) Пр. Д. 1601 № 3.
[5]) Пр. Д. 1625 № 34; Пр. Д. 1626 № 15; Пр. Д. 1601 № 3.
[6]) Пр. Д. 1628 № 63, л. 89, 91.
[7]) Пр. Д. 1647 № 26.

наиболѣе жалобъ и просьбъ вызывали ямская гоньба и городовое дѣло. Ямскою гоньбою особенно были отягощены города, черезъ которые пролегали пути въ Сибирь; ихъ жители обязаны были поставлять для казенныхъ надобностей подводы съ ямщиками и ремонтировать дороги. Ходатайства касались, какъ облегченія и болѣе удобной организаціи самой повинности, такъ и разсчетовъ между земствами по ея отправленію. Такъ напр. въ 1606 г. пермское земство заявляетъ, что имъ, пермичамъ, приходится отправлять гоньбу на громадныя разстоянія, именно: отъ Кайгородка до Верхотурья на 500 верстъ, отъ Перми до Ужги на 405 верстъ, до Вятки на 500 верстъ, до Соли Вычегодской на 1000 верстъ. Ежегодно эта повинность обходится земству рублей тысячъ въ пять, а въ тѣ годы, когда по сибирскому тракту бываетъ особенно усиленное движеніе по случаю смѣны сибирскихъ воеводъ и головъ, то и въ шесть. Да кромѣ того пермское же земство ежегодно чинитъ сибирскую дорогу и моститъ на ней мосты. При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ за эту ямскую повинность Пермь была освобождена отъ денежныхъ сборовъ: дани, оброка, таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ и судебныхъ пошлинъ; но со времени Бориса Годунова эти сборы стали взиматься опять. Земство просило въ челобитной объ устройствѣ для гоньбы ямовъ въ Перми, Соли Камской и Кайгородѣ, къ содержанію которыхъ предлагало привлечь еще Вятскую землю и Каргопольскій уѣздъ. Правительство исполнило просьбу отчасти: предписало учредить въ Соликамскѣ ямъ, къ нему набрать съ Перми и съ Вятки 70 человѣкъ ямщиковъ, изъ которыхъ 24 человѣка отнести на долю пермскаго, а 46 на долю вятскаго земства пропорціонально сошному письму, въ какое эти земли были положены. Средства на обзаведеніе ямщиковъ дворами и лошадьми и на ихъ содержаніе должны доставлять тѣ же земства по взаимному соглашенію [1]). Въ 1609 г. соликамское земство жалуется на чердынское и на кайгородское въ томъ, что тѣ не помогали ему въ ремонтѣ верхотурской дороги отъ Соликамска до р. Косьвы, который обошелся соликамцамъ въ 14 рублей [2]). Въ 1623 г. то же земство жалуется на проѣзжихъ по казеннымъ надобностямъ людей: воеводскихъ посланниковъ, гонцовъ и всякихъ служилыхъ людей, которые, не имѣя багажа, требуютъ слишкомъ много подводъ и этими подводами пользуются съ корыстною цѣлью: перевозятъ на нихъ товары торговымъ людямъ [3]). Кайгородское земство въ 1635 г. жалуется на чердынцевъ и соликамцевъ, задерживающихъ кайгородскихъ лошадей и т. д. [4]). Препирательства чердынскаго земства съ соликамскимъ изъ-за разверстки ямского тягла продолжаются и во второй половинѣ столѣтія [5]). Въ 1661 г. чердынцы заявляютъ, что для нихъ ямское тягло много обременительнѣе, чѣмъ для

---

[1]) А. Э. II № 54. Ibid. №№ 71. 78. 80 82. III №№ 39. 40. 129. 144.
[2]) А. Э. II № 151.
[3]) Пр. Д. 1623 № 30.
[4]) А. И. III № 187.
[5]) Д. А. И. IV № 100. 1661 г.; № 114.

усольцевъ; чердынцы должны посылать своихъ ямщиковъ съ подводами стоять на соликамскій ямъ, тогда какъ для усольцевъ этотъ ямъ у себя дома, „живутъ въ домѣхъ своихъ, и проѣсти имъ и волокиты передъ чердынцами ничего нѣтъ“. Наоборотъ усольцы обвиняли чердынцевъ въ полученіи непомѣрно большой, непропорціональной поставляемымъ ими подводамъ доли изъ той денежной подмоги, которая доставлялась вятскимъ земствомъ на содержаніе соликамскаго яма. Вятское земство бьетъ челомъ о счетѣ его въ ямскомъ тяглѣ съ пермскимъ [1]). Въ 1632 г. въ г. Котельничѣ былъ устроенъ средствами трехъ земствъ: хлыновскаго, котельническаго и орловскаго небольшой ямъ изъ четырехъ ямщиковъ. Въ 1635 г. ямщики эти разбѣжались, и котельническое земство ходатайствуетъ объ ихъ возвращеніи [2]). Въ 1638 г. Сольвычегодскъ жалуется на кайгородское земство, задержавшее въ 1635 г. 686 усольскихъ да 437 устюжскихъ подводъ, которыя перевозили ѣхавшихъ черезъ Сольвычегодскъ въ Сибирь стрѣльцовъ и ямщиковъ. Эти 437 устюжскихъ подводъ были поставлены подъ стрѣльцовъ тремя волостями Устюжскаго уѣзда: Кивокурской, Черевковской и Ягрышской. Въ Сольвычегодскѣ эти подводы не были перемѣнены; сольвычегодцы пропустили ихъ въ Кайгородъ, и поэтому устюжскія волости взыскивали ихъ на сольвычегодскомъ земствѣ, а сольвычегодское на кайгородскомъ, каждое посылая жалобу въ Москву [3]). Эти разсчеты въ подводахъ между сосѣдними земствами XVII в. напоминаютъ теперешніе разсчеты между желѣзными дорогами. Существовали освященные стариною обычаи такого разсчета. Такъ напр. разсчетъ между Сольвычегодскимъ и Яренскимъ уѣздами всегда совершался такимъ порядкомъ, что яренцы присылали для этой цѣли уполномоченныхъ въ Сольвычегодскъ. Въ 1640 г. яренцамъ удалось выхлопотать предписаніе производить этотъ разсчетъ не въ Сольвычегодскѣ, что ихъ тяготило, а гдѣ либо на пограничномъ между обоими уѣздами пунктѣ напр., на Усть-Виледи или въ Чаколѣ. Сольвычегодцы подаютъ съ своей стороны челобитную о возвращеніи къ прежнему порядку, доказывая, что у Покрова на Усть-Виледи и въ Чаколѣ мѣста пустыя, пищею скудны, и тамъ проживать тому большому количеству уполномоченныхъ, которое необходимо для предстоящаго сложнаго разсчета между уѣздами за послѣднія десять лѣтъ—невозможно [4]). О томъ же разсчетѣ проситъ въ 1641 г. тотемское земство. Тотемцы отпускали вверхъ по Сухонѣ до Шуйскаго, а внизъ до Бобровскаго ямовъ, а также до Соли Галицкой и до Важскаго уѣзда зимнимъ путемъ лошадей, а лѣтнею порою суда: струги, набойницы и малыя лодки. На Шуйскомъ ямѣ эти тотемскія подводы и суда не были перемѣнены и были отправлены до Вологды [5]). Важскій уѣздъ споритъ о ямской гоньбѣ съ сосѣдними Устьянскими воло-

---

[1]) Пр. Д. 1638 № 36.
[2]) Пр. Д. 1634 № 79.
[3]) Пр. Д. 1636 № 81.
[4]) Пр. Д. 1641 № 86.
[5]) Пр. Д. 1640 № 43.

стями. Въ 1645 г. важане подаютъ челобитную, въ которой указываютъ, что Устьянскія волости совсѣмъ освободили себя отъ ямской повинности, а въ прежнія времена онѣ ее отбывали, для чего у устьянцевъ на Чушевицѣ былъ устроенъ ямъ, съ котораго давались подводы вверхъ по Вагѣ до Вологды, а внизъ до Пречистой Богородицы Верховажской. Теперь ямъ этотъ пустъ, и вся тяжесть гоньбы до означенныхъ станцій падаетъ на важское земство, которое съ 1638 г. по текущій 1645 г. понесло отъ этого убытку 2700 рублей. На ходатайство было обращено вниманіе, и начато было разслѣдованіе о чушевицкомъ ямѣ [1]).

Повинность городового дѣла вызывала челобитныя каргопольскаго, двинскаго и устюжскаго земствъ. Въ Каргополь въ 1631 г. былъ присланъ дворянинъ кн. Д. Сеитовъ возобновлять острогъ. Каргопольское земство раскололось. Каргопольскій станъ настаивалъ на постройкѣ города всѣмъ Каргопольскимъ уѣздомъ; Турчасовскій и Усть-Мошскій станы протестовали и доказывали, что Каргопольскій острогъ не служитъ имъ защитой, что въ 1616 г. непріятельскіе „войскіе люди“ его свободно обходили и опустошили ихъ края, что они противъ такихъ нападеній приняли свои мѣры и выстроили острожки въ Турчасовѣ и на Усть-Мошѣ. Споръ этотъ, начавшись въ 1631 г., тянулся еще и въ 60-хъ годахъ столѣтія; съ той и съ другой стороны представлялись безчисленныя ходатайства въ Москву [2]). Точно также постройка крѣпости въ Архангельскѣ была однимъ изъ предметовъ того продолжительнаго спора, который тянулся между уѣздами Двинскимъ съ одной стороны, Кеврольскимъ и Мезенскимъ съ другой. Къ строенію Архангельскаго города былъ притянутъ и Каргопольскій уѣздъ; на тягость этой повинности онъ жаловался въ челобитной 1654 г. [3]). Устюжское земство въ 1632 г. подало челобитную воеводѣ о разрѣшеніи строить въ Устюгѣ городъ, а не острогъ, такъ какъ городъ, возведенный по валу и покрытый тесомъ по соображеніямъ земства прочнѣе, будетъ стоять „впредь вѣчно“, тогда какъ острогъ лѣтъ въ пять или въ десять огніетъ и обвалится. Земство просило также избавить его отъ сооруженія острога вокругъ устюжскаго посада „для ихъ мірскіе скудости“, потому что міръ отягощенъ податями и повинностями, солдатскими кормами, сборами посошныхъ людей и ямскими деньгами. Въ 1641 г. то же земство стремилось, какъ мы уже видѣли, притянуть къ постройкѣ устюжскихъ укрѣпленій и другіе уѣзды [4]).

Когда стали заводиться военныя поселенія въ Заонежскихъ и Лопскихъ погостахъ, это тяжелое нововведеніе вызвало рядъ ходатайствъ объ ихъ отмѣнѣ или, по крайней мѣрѣ, о разнаго рода облегченіяхъ въ солдатской и драгунской службѣ [5]). Въ 1654 г. Каргопольскій уѣздъ подаетъ

---

[1]) Пр. Д. 1644 № 39.
[2]) Пр. Д. 1630 № 94.
[3]) Пр. Д. 1653 № 59.
[4]) Пр. Д. 1633 № 4, Пр. Д. 1641 № 16.
[5]) I, гл. IX.

ходатайство объ отмѣнѣ указа о записи въ уѣздѣ въ солдатскій строй всѣхъ некрѣпостныхъ и нетяглыхъ людей: братьевъ, племянниковъ, зятей, и всякаго рода захребетниковъ, незаписанныхъ въ писцовыя книги. Земство указываетъ, что всѣ эти разряды людей занесены въ переписныя книги и именно они то и ведутъ хозяйство, пашутъ землю и занимаются промыслами въ то время, какъ тяглецы посылаются на отъѣзжія службы по выборамъ [1]). Въ 1653 г. Сольвычегодскій посадъ проситъ освободить его отъ набора 48 человѣкъ кузнецовъ, потребованныхъ на государеву службу [2]).

Выборныя службы разнаго рода, тяготѣвшія надъ посадскимъ и уѣзднымъ населеніемъ, также даютъ поводъ къ жалобамъ и просьбамъ. Устюжское земство въ 1628 г. жалуется, что къ прежнимъ 5 подьячимъ, которыхъ земство ставило на службу въ съѣзжую избу, воеводы прибавили еще 7 человѣкъ и проситъ этихъ семерыхъ подьячихъ освободить и вернуться къ прежней нормѣ [3]). Устюгъ посадъ долженъ былъ выставлять 6 человѣкъ сторожей къ казеннымъ амбарамъ съ порохомъ, свинцомъ и артиллерійскими припасами и къ четыремъ тюрьмамъ, да сверхъ того выбиралъ городчика и къ нему 6 цѣловальниковъ. Находя эти службы для себя обременительными, онъ проситъ распространить участіе въ нихъ на весь уѣздъ [4]). Заонежскіе погосты: Вѣницкій, Важенскій, Остречинскій, Мегорскій и Вытегорскій просятъ въ 1646 г. освободить ихъ отъ обязанности выбирать и посылать таможенныхъ цѣловальниковъ на Повѣнецкій рядокъ, ссылаясь на то, что это—новшество, заведенное только съ текущаго года, а раньше съ нихъ такихъ цѣловальниковъ за дальностью разстоянія отъ рядка не требовалось, а выбирали цѣловальниковъ только ближайшіе къ рядку погосты: Никольскій Шунскій, Егорьевскій Толвуйскій, Никольскій Андомскій, Никольскій Пудожскій, Спасскій Шальскій. Съ своей стороны эти ближайшіе погосты просили о привлеченіи къ поставкѣ цѣловальниковъ всѣхъ даже и далекихъ погостовъ [5]). Оштинскій погостъ, обремененный выборомъ сторожей къ тюрьмѣ, находившейся на Оштѣ, указываетъ, что раньше, до 1647 г., когда отмѣнено было воеводское управленіе въ Заонежскихъ погостахъ, воеводскій дворъ на Оштѣ и при немъ тюрьма строились и содержались всѣми Заонежскими погостами [6]). Каргопольскій посадъ тяготится выборами и посылкой таможеннаго головы въ Колу [7]). Тотемскій посадъ проситъ привлечь къ посадскимъ службамъ по выбору подьячихъ съѣзжей избы, происходящихъ изъ тотемцевъ посадскихъ людей [8]). Выше приходилось уже говорить, какъ тяготились земства выборами цѣловаль-

---

[1]) Пр. Д. 1653 № 59.
[2]) Пр. Д. 1653 № 76.
[3]) Пр. Д. 1627 № 72.
[4]) Пр. Д. 1637 № 18.
[5]) Пр. Д. 1647 № 26; Пр. Д. 1649 № 103.
[6]) Пр. Д. 1647 № 26.
[7]) Пр. Д. 1649 № 103.
[8]) Пр. Д. 1650 № 30.

никовъ на таможни и кабаки, и мы никогда бы не кончили, если бы стали перечислять всѣ эти жалобы на тягости, причиняемыя тяглому населенію разнаго рода службами.

Передъ нами прошла вереница всякаго рода земскихъ ходатайствъ, далеко не исчерпывающая впрочемъ всей ихъ массы. Нашей цѣлью было представить только образцы этихъ ходатайствъ и лишь намѣтить тѣ вопросы, которыхъ ходатайства касались. Все это мѣстныя нужды, неустройства или отягощенія; земская мысль первой половины XVII в. въ ходатайствахъ не возвышается до общегосударственныхъ вопросовъ, не ставитъ ихъ и не обобщаетъ мѣстныхъ вопросовъ въ общегосударственные. Она строго держится мѣстныхъ рамокъ. Это—челобитья о подтвержденіи и возобновленіи мѣстныхъ уставныхъ жалованныхъ грамотъ, изложенія мірскихъ хозяйственныхъ земельныхъ нуждъ: объ отводѣ земель и угодій въ пользованіе, объ отмѣнѣ законовъ, стѣснявшихъ земельный оборотъ; просьбы о казенномъ безпроцентномъ кредитѣ и о возмѣщеніи расходовъ, произведенныхъ земствами на казенныя потребности; жалобы на вредъ и разореніе, причиняемые казенными кабаками, просьбы о перемѣнахъ въ самомъ строѣ мѣстной администраціи, приказной и выборной и указанія на злоупотребленія административнаго персонала; ходатайства объ улаженіи конфликтовъ, возникавшихъ между земскими мірами и соприкасавшимися съ ними служилыми и духовными землевладѣльцами, объ улаженіи столкновеній между взаимно-враждебными соціальными элементами внутри земскихъ міровъ и столкновеній между самими земскими мірами. Наконецъ, подавляющее количество земскихъ ходатайствъ касалось тягла въ различныхъ его видахъ, денежнаго и натуральнаго, съ жалобами на непосильное бремя, имъ причиняемое, съ просьбами о льготахъ и облегченіяхъ, съ печальными причитаніями: обнищали, обдолжали, бредемъ розно, погибли въ конецъ и съ мольбами о томъ, чтобы не быть на правежѣ убитыми на смерть, и о томъ, чтобы хоть нѣкоторое время было позволено „побыть не въ разореньѣ“. Масса этихъ земскихъ челобитныхъ сливается въ какой-то непрерывный общій наболѣвшій стонъ, которымъ и отвѣчало земство на давленіе, производимое на него созданіемъ русскаго государства[1]).

Какъ встрѣчало земскія челобитныя правительство? Въ Москвѣ ходатайства, привозимыя посыльщиками, получали одно изъ двухъ направленій, подавались или самому государю, или въ соотвѣтствующій приказъ. Государю челобитье могло быть вручено непосредственно, когда посыльщикамъ удавалось приблизиться къ нему во время его выходовъ въ кремлевскіе соборы или путешествій по церквамъ и монастырямъ. Въ соотвѣтствующій приказъ поступали и тѣ земскія челобитныя, которыя пересылались

---

[1]) Кеврольскій воевода въ 1614 г. едва ли искажалъ правду, когда по поводу указа о сборѣ денегъ на содержаніе ратныхъ людей писалъ въ Москву, что къ нему «пришли лучшіе люди: староста и цѣловальники и говорили *со слезами*, что де имъ тѣхъ денегъ никакими мѣрами собрать не мочно, мочи де ихъ нѣтъ»—Пр. Д. 1614 № 8.

въ Москву воеводой. Челобитная, такъ или иначе достигшая государя, читалась ему думнымъ дьякомъ, который затѣмъ помѣчалъ на ней царское рѣшеніе. Наблюдая эти помѣты, можно видѣть, что множество земскихъ челобитныхъ попадало въ руки государя и ему читалось. Государь иногда тотчасъ же при самомъ чтеніи челобитной рѣшалъ дѣло, но, обыкновенно, въ громадномъ большинствѣ случаевъ указывалъ „выписать и доложить себя, государя", т. е. представить себѣ особый докладъ по дѣлу, котораго касалась просьба, собравъ всѣ справки. Такая челобитная съ помѣченной на ней той или другой царской резолюціей, т. е. съ рѣшеніемъ дѣла по существу или только съ предписаніемъ о представленіи доклада, носила названіе *подписной* челобитной и, „сходя съ верху", возвращалась черезъ Челобитный приказъ просителямъ, а тѣ уже сами должны были отнести ее для исполненія въ тотъ приказъ, котораго касалось дѣло [1]).

Когда челобитная поступала не къ государю, а прямо въ приказъ, то точно также управляющій приказомъ или непосредственно давалъ на нее резолюцію по существу, или же въ болѣе сложныхъ и важныхъ случаяхъ предписывалъ составить докладъ, что и обозначалось помѣтою „выписать". Составленіе доклада по челобитнымъ, поданнымъ непосредственно въ приказъ или поступившимъ туда „съ верху", могло потребовать иногда продолжительнаго времени. Наводились разнаго рода справки: собирались данныя „изъ прежнихъ отпусковъ", т. е. изъ грамотъ, посланныхъ въ прежнее время по такого же рода дѣламъ въ ту же мѣстность, дѣлались выписки изъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ, посылались запросы къ воеводамъ съ требованіемъ провѣрки и разъясненія обстоятельствъ дѣла и писались памяти въ другіе приказы съ просьбою освѣдомить о рѣшеніяхъ въ подобныхъ же случаяхъ; наконецъ, призывались въ приказы мірскіе посыльщики или просто случившіеся въ Москвѣ жители той мѣстности, которая обращалась съ ходатайствомъ, съ тѣмъ, чтобы дать болѣе подробныя устныя объясненія на предложенные имъ вопросы, и высказанныя ими показанія записывались и прилагались къ дѣлу. Оставляя въ сторонѣ всѣ другіе пріемы, какъ чисто канцелярскіе, остановимся нѣсколько на этомъ послѣднемъ способѣ разъясненія дѣла, какъ имѣющемъ въ основѣ живое и непосредственное общеніе приказной власти съ представителями земскихъ міровъ. Приведемъ примѣры. Такъ въ октябрѣ 1634 г. завѣдывавшій тогда Устюжской четвертью дьякъ Пантелѣй Чириковъ, вызвавъ находившуюся въ Москвѣ депутацію челобитчиковъ устюжскаго уѣзднаго земства, разспрашивалъ ихъ по поводу ихъ ходатайства объ ямской гоньбѣ, можно ли по ихъ мнѣнію устроить на Устюгѣ спеціальный ямъ, какъ это сдѣлано въ другихъ городахъ, или нѣтъ. Посыльщики отвѣтили, что „строеныхъ де ямовъ на Устюгѣ на посадѣ и въ Устюжскомъ уѣздѣ устроить не умѣть, потому: съ ямское строенье посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ не будетъ", и сослались въ подкрѣпленіе своей мысли на запустѣніе и оскудѣніе устюжскаго посада

[1]) *Котошихинъ*, VII, 28.

и уѣзда. Но давая, такимъ образомъ, отрицательный отвѣтъ на предложенный министромъ вопросъ, депутаты вновь устно поддержали ходатайство земства: разрѣшить выбрать ямскихъ старостъ для завѣдыванія подводной повинностью съ изъятіемъ ихъ изъ вѣдомства воеводъ и съ подчиненіемъ таможеннымъ головамъ[1]). Выше мы изложили уже ходатайство Важскаго уѣзда 1645 года также относительно ямской гоньбы съ жалобой на Устьянскія волости, переставшія держать ямъ на Чушевицѣ и прекратившія участвовать въ гоньбѣ, тогда какъ прежде этимъ ямомъ обслуживался перегонъ между Верховажьемъ и Вологдою. 25 марта 1645 года дьякъ Устюжской четверти, куда было сообщено изъ приказа Большого Дворца ходатайство важанъ, Миня Грязевъ разспрашивалъ Устьянскихъ волостей крестьянъ Мишку Сухоносова и Артюшку Иванова, устроенъ ли въ волостяхъ чушевицкій ямъ, и въ которомъ году посланы были въ волости грамоты изъ четверти о ямской гоньбѣ. Крестьяне отвѣтили, что грамота изъ Устюжской четверти въ волости была прислана въ 150 г. (1642 г.), что ею предписывалось устроить въ Чушевицкой волости ямъ и держать гоньбу отъ Чушевицы до Вологды, но что это распоряженіе состоялось по ложному челобитью важанъ. Ямъ волости устроили, но гоньбу отправляютъ внизъ по Вагѣ до Верховажья, а вверхъ не до Вологды, а до Велоцкаго стану—на 25 верстъ. Дьякъ прервалъ здѣсь устьянцевъ вопросомъ: „сказываютъ они, что по государевѣ грамотѣ велѣно Устьянскихъ волостей крестьяномъ ямская гоньба гонять до Вологды. И Устьянскихъ волостей крестьяне для чего по той государевѣ грамотѣ до Вологды ямской гоньбы не гоняютъ, а гоняютъ до иныхъ урочищъ мимо государева указу и грамоты“? Въ своемъ отвѣтѣ устьянцы ссылались на старину и заявили, что не исполняютъ грамоты потому, что искони вѣкъ Устьянскихъ волостей крестьяне гоньбу гоняли до тѣхъ же урочищъ, до которыхъ гоняютъ и теперь, что до Вологды 500 верстъ и что важскіе крестьяне изъ этихъ пятисотъ верстъ „уваливаютъ“ на нихъ, устьянцевъ, цѣлыхъ 200, тогда какъ уравнивать ихъ въ ямской гоньбѣ съ важанами невозможно, такъ какъ Важскій уѣздъ положенъ въ 34 сохи, а Устьянскія волости всего въ двѣ[2]).

Когда по челобитной, поступившей непосредственно въ приказъ, выписка была изготовлена, управляющій приказомъ дьякъ, выслушавъ ее, давалъ отвѣтъ на ходатайство самъ или, если почему либо затруднялся это сдѣлать, докладывалъ по ней государю и испрашивалъ такимъ образомъ высочайшаго рѣшенія. По „подписнымъ“ челобитнымъ съ резолюціями о представленіи доклада дѣло всегда должно было восходить на рѣшеніе государя. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ по тѣмъ, по крайней мѣрѣ, ходатайствамъ, которыя были въ нашихъ рукахъ, дѣло, доходившее до государя, рѣшалось его единственною властью безъ внесенія въ боярскую

[1]) Пр. Д. 1635 № 52.

[2]) Пр. Д. 1644 № 39. Ср. Пр. Д. 1646 № 11; Пр. Д. 1649 № 75; Пр. Д. 1639 № 45.

думу. Въ тѣхъ болѣе чѣмъ трехстахъ случаяхъ, которые мы разсмотрѣли, только въ очень немногихъ, можетъ быть, въ двухъ-трехъ выступаетъ боярская дума. Такъ, на рѣшеніе думы было передано ходатайство Каргопольскаго уѣзда о свободномъ оборотѣ крестьянскихъ земель [1]). Въ думѣ же разсматривались ходатайства о службѣ таможенныхъ и кабацкихъ головъ въ Архангельскѣ и Холмогорахъ, представленныя двинянами съ одной стороны и московскими гостиной и суконной сотнями съ другой [2]).

При изученіи земскихъ ходатайствъ XVII в. поражаешься тѣмъ вниманіемъ и благосклонностью, съ которыми по крайней мѣрѣ въ первую половину столѣтія встрѣчали ихъ верховная власть и правительство. Правда, попадаются и отказы, причемъ наиболѣе неуступчивымъ правительство оказывается тамъ, гдѣ дѣло идетъ о податяхъ и повинностяхъ. Такъ въ 1633 г. Чарондская округа, жалуясь на бѣгство крестьянъ и запустѣніе участковъ, проситъ не взимать податей за пустые жеребьи. Данъ былъ категорическій, недопускающій возраженій отвѣтъ: „отписать къ воеводѣ, велѣть данныя и оброчныя деньги и за стрѣлецкіе хлѣбные запасы, и всякіе четвертные доходы, собравъ тотчасъ, прислать къ Москвѣ безъ недобору всѣ сполна“ [3]). На просьбу въ 1647 году каргопольскаго земства о сборѣ налоговъ „съ поволкою“ въ виду тягости соляной пошлины, дана была рѣзкая резолюція: „прислать всѣ наши доходы четвертные и за стрѣлецкіе запасы тотчасъ безъ недоимокъ“ [4]). Въ августѣ 147 (1639) года чарондское земство просило освободить его на слѣдующій 148 годъ отъ держанія на откупу таможенныхъ и мытныхъ пошлинъ и устроить по прежнему вѣрное таможенное управленіе. Въ отвѣтъ было послано распоряженіе воеводѣ: „на Чарондѣ тамгу и мытъ накинуть на нынѣшній на 148 г. на мірскихъ людей“ и прошлогоднюю откупную сумму увеличить еще десятью рублями. Чарондцы прислали черезъ воеводу новую челобитную, въ которой заявляли, что они отъ этого навязаннаго откупа „въ конецъ погибли“. На отпискѣ управляющаго Чарондой приказнаго человѣка, при которой была прислана земская челобитная, читаемъ такую суровую резолюцію: „Отписать къ приказному человѣку съ опалою отъ государя, дѣлаетъ негораздо своею дуростью и нерадѣньемъ, норовя мужикамъ для своей бездѣльной корысти, государевыхъ податей не присылаетъ и государева указу ослушается и за то быть отъ государя въ великой опалѣ и въ наказаньѣ“. Чарондцы, выжидая, очевидно, результата ходатайства, задержали высылку откупныхъ денегъ. Велѣно было приказному добрать и прислать эту сумму сполна и, кромѣ того, выслать за порукою двухъ человѣкъ мірскихъ людей „въ государевѣ пенѣ“ [5]), т. е. въ качествѣ нѣкотораго рода заложниковъ, для побужденія міра къ скорѣйшей уплатѣ. Мы

---

[1]) I, стр. 60.
[2]) Д. А. И. VI № 134
[3]) Пр. Д. 1633 № 4.
[4]) Пр. Д. 1647 № 26.
[5]) Пр. Д. 1641 № 40.

указывали уже эпизодъ съ посыльщиками Заонежскихъ погостовъ, просившими объ освобожденіи отъ военной службы, которые не только получили отказъ, но и подверглись наказанію за недѣльное челобитье.

Но случаи отказа крайне рѣдки, и громадное большинство земскихъ ходатайствъ находятъ себѣ удовлетвореніе. Если примѣнить тотъ же грубый статистическій методъ, которымъ мы уже пользовались выше, то оказывается, что изъ 100 первыхъ всеуѣздныхъ земскихъ челобитныхъ, попавшихся намъ подъ руку среди бумагъ устюжской и новгородской четвертей, отказано было по 3, удовлетворено 76, и исходъ остальныхъ неясенъ. То же процентное отношеніе мы наблюдали, взявъ первыя сто волостныхъ ходатайствъ. Самая степень удовлетворенія была, разумѣется, различна. Одни ходатайства получаютъ полное удовлетвореніе: земство проситъ подтвердить уставную грамоту, и она подтверждается; ходатайствуетъ о ссудѣ изъ таможенныхъ денегъ, и ссуда выдается, проситъ о разсрочкѣ недоимокъ, и онѣ разсрочиваются и т. д. Другія—находятъ себѣ осуществленіе только отчасти. Иногда рѣшеніе дается условно. Въ грамотѣ воеводѣ предписывается провѣрить челобитную и съ внѣшней стороны, и по существу: напр., дѣйствуютъ ли возбудившія ходатайство земскія власти по приговору земскаго міра, имѣются ли налицо тѣ обстоятельства, на которыя челобитная указываетъ и т. д., и если провѣрка даетъ благопріятные результаты, тогда предписывается исполнить рѣшеніе правительства, удовлетворяющее просьбу земства[1]). Иногда отвѣтъ правительства содержитъ въ себѣ не рѣшеніе дѣла, а предписываетъ только предпринять шаги къ рѣшенію или указываетъ способъ рѣшенія: напр., въ случаѣ жалобы міра на должностное или частное лицо дается предписаніе произвести слѣдствіе, устроить повальный обыскъ, въ случаѣ споровъ и столкновеній предписывается рѣшить дѣло судомъ или устроить разсчетъ при недоразумѣніяхъ между земствами изъ-за разверстки податей и повинностей. Но такъ или иначе, въ той или другой степени, въ видѣ ли совершеннаго исполненія земскихъ желаній или въ видѣ только болѣе или менѣе отдаленныхъ первыхъ шаговъ, направленныхъ къ этому исполненію, отвѣтъ правительства первой половины XVII вѣка на земскія челобитья бывалъ благопріятенъ. Понятно, конечно, почему. Власть перваго избраннаго царя новой династіи нуждалась въ поддержкѣ народа, а работа надъ устроеніемъ государства послѣ Смуты требовала содѣйствія общественныхъ силъ, раздражать которыя было опасно. Отказы на земскія челобитья встрѣчаются только въ случаяхъ столкновенія интересовъ: земство враждуетъ съ монастыремъ, жалуется на него, проситъ привлечь его къ совмѣстному отбыванію тягла; но вліятельный монастырь подаетъ съ своей стороны челобитную о выдѣлѣ его изъ мірского тягла, и земство получаетъ отказъ. Волостное земство

---

[1]) А. Э. III № 144; Пр. Д. 1660 № 30: помѣта на челобитной „158 г. декабря въ 14 день послать государева грамота на Тотьму къ воеводѣ, будетъ они, посадскіе земскіе старосты и цѣловальники, и всѣ посадскіе люди били челомъ и у челобитной руки ихъ и т. д.“

спорить съ всеуѣзднымъ, сталкиваются между собою два волостныхъ или два всеуѣздныхъ земства, оба обращаются къ правительству съ взаимно противоположными челобитными; успѣхъ одного неизбѣжно связанъ съ неудачей для другого. Но даже въ такихъ случаяхъ правительство проявляетъ готовность удовлетворять земскія ходатайства, приводящую иногда къ путаницѣ и колебаніямъ на обѣ стороны. Въ 1639 году Обвинскій и Инвенскій станы Чердынскаго уѣзда просятъ объ отпискѣ ихъ отъ этого уѣзда и о приписке къ Соликамскому. Правительство эту просьбу исполняетъ. Только что отписка произведена, чердынское земство съ своей стороны проситъ о возвращеніи становъ къ Чердынскому уѣзду, какъ было изстари; воеводѣ пишется указъ: справиться о степени авторитетности постановленія чердынскаго земскаго собранія, о челобитной: всѣ ли они, чердынцы, били челомъ, чтобъ обвинцамъ и инвенцамъ быть съ ними въ тяглѣ по прежнему. Если это окажется такъ, правительство даетъ полномочіе воеводѣ удовлетворить просьбу чердынцевъ, приписать опять Обвинскій и Инвенскій станы къ Чердыни[1]).

То вниманіе, съ какимъ правительство XVII вѣка принимало земскія челобитныя, и та готовность ихъ удовлетворять, которую оно проявляло, показываютъ немаловажное значеніе земскихъ ходатайствъ и въ земской, и въ государственной жизни. И это, дѣйствительно, такъ было. Для земскихъ міровъ ходатайства были способами, посредствомъ которыхъ они сообщали правительству свои нужды и желанія, и путями, черезъ которые они оказывали свое вліяніе на дѣятельность правительства. Для правительства они были средствами узнавать настроеніе и желанія управляемаго общества и знаками, указывающими ему курсъ политики. На недостатокъ этихъ средствъ, на свою неосвѣдомленность московское правительство жаловаться не могло. Въ его руки поступала масса ходатайствъ; къ нему отовсюду изъ всѣхъ концовъ земли, изъ всѣхъ угловъ, крупныхъ, мелкихъ, даже мельчайшихъ неслись жалобные голоса. Занимая мѣсто въ центрѣ этого земскаго хора, прислушиваясь къ этимъ сильнымъ и слабымъ голосамъ, московское правительство могло хорошо знать, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло. Встрѣтившіяся недоумѣнія и неясности разрѣшались и объяснялись; недосказанное въ письменныхъ челобитныхъ досказывалось тѣми многочисленными мірскими посыльщиками, которые привозили ходатайства. Они служили живою связью между мѣстностью и центромъ, освѣдомляли столицу о провинціи[2]) и наоборотъ знакомили далекіе углы съ центромъ черезъ пе-

---

[1]) А. Э. III № 293.

[2]) Пр. Д. 1635 № 2: «И января въ—д. дьякъ П. Чириковъ докладывалъ государя царя,—что велѣно выбрать съ Устюга В. и отъ Соли Вычегодской, и съ Тотьмы лучшихъ торговыхъ людей 10 человѣкъ, а выбравъ отослать ихъ къ боярину ко кн. Б. М. Лыкову. И въ Устюжской чети поморскихъ городовъ торговыхъ лучшихъ людей невѣдомо, потому что устюжскія и усольскія, и тотемскія писцовыя книги взяты къ счету къ боярину ко кн. Андрею Васильевичу Хилкову да къ дьяку Петру Овдокимову. И государь царь указалъ дьяку П. Чирикову сыскать устюжанъ торговыхъ людей, которые взяты къ

переписку съ мірами и затѣмъ впослѣдствіи, возвратясь въ родныя захолустья и дѣлясь съ земляками своими впечатлѣніями, вынесенными изъ пребыванія въ Москвѣ. Подъ рукою у правительства былъ всегда какъ бы непрерывный соборъ изъ этихъ земскихъ депутатовъ. По тѣмъ отвѣтамъ, которые давались на земскія ходатайства, по той степени, въ которой эти ходатайства удовлетворялись, надо признать, что правительство XVI и первой половины XVII в. чутко и отзывчиво къ нимъ относилось. Личный составъ московскихъ канцелярій по своему воспитанію и взглядамъ еще не былъ отрѣзаннымъ ломтемъ отъ народной массы и не утратилъ еще способности ее понимать. Получая и удовлетворяя земскія просьбы, московская канцелярія находилась въ постоянномъ, непрерывномъ общеніи съ земствами. Но къ земскимъ ходатайствамъ прислушивались не только въ длинномъ зданіи приказовъ на Ивановской площади, гдѣ это вниманіе покупалось нерѣдко не совсѣмъ чистыми средствами; имъ оказывали благосклонный пріемъ также и въ кремлевскомъ дворцѣ. Въ царствованіе Михаила множество земскихъ челобитныхъ попадало въ руки самого государя, выслушивалось имъ и получало его собственное рѣшеніе. Можно безъ натяжки допустить, что чтеніе земскихъ челобитныхъ было, вѣроятно, предметомъ его почти ежедневныхъ занятій. Читая ихъ, во дворцѣ могли всегда имѣть представленіе о томъ, что дѣлалось, о чемъ думали и говорили, отчего страдали и на что надѣялись въ далекихъ олонецкихъ, двинскихъ и каргопольскихъ избахъ. Слѣдя за мѣстною жизнью не только по губернаторскимъ отчетамъ и донесеніямъ, но и по множеству земскихъ челобитныхъ, государь XVI и XVII вѣковъ хорошо могъ знать ее по первоисточникамъ, непосредственно, безъ искаженій. Столь благосклонно принимаемыя и столь часто находившія осуществленіе земскія ходатайства оказывали вліяніе на государственную жизнь: на законодательство и на администрацію. Московское законодательство не знало общихъ нормъ, общихъ уставовъ и положеній; оно не развивало логическимъ путемъ какихъ-либо основныхъ принциповъ и не исходило изъ какихъ-либо теорій. Оно разрабатывалось подъ давленіемъ практическихъ нуждъ, разрѣшало вопросы, которые ставились жизнію и развивалось казуистически. Оно шло отдѣльными указами. Указъ не былъ результатомъ кабинетнаго измышленія и не содержалъ въ себѣ общихъ нормъ, для всей страны обязательныхъ. Онъ былъ обыкновенно сепаратнымъ, содержалъ въ себѣ отвѣтъ на частный вопросъ, издавался по просьбѣ той или другой мѣстности, той или другой общественной группы и только для этой мѣстности и группы. Земскія ходатайства и были тѣми вопросами, въ отвѣтъ на которые издавались указы, и, такимъ образомъ, они были двигателями

Москвѣ въ гостиную сотню и устюжанъ посадскихъ людей, и Соли Вычегодской, и тотмичъ, которые нынѣ на Москвѣ въ посыльщикахъ и которые пріѣхали съ государевою съ денежною казною головы и цѣловальники и велѣлъ ихъ разспросить, кто на Устюгѣ В. и у Соли Вычегодской, и на Тотьмѣ торговыхъ лучшихъ людей, которые ѣздятъ въ Сибирь торговать» и т. д.

законодательства. Мысли и желанія, назрѣвшія въ земскихъ мірахъ, высказанныя на земскихъ совѣтахъ, сообщаемыя въ кремлевскія палаты въ видѣ челобитныхъ, возвращались оттуда въ видѣ грамотъ и указовъ. Приходилось выше неоднократно говорить о той роли, которую сыграли земскія челобитья въ строѣ мѣстнаго управленія. Губныя и земскія грамоты XVI столѣтія, устанавливавшія мѣстныя судебныя и финансовыя автономіи, были отвѣтами правительства на земскія челобитья. И въ XVII вѣкѣ мы указывали на случаи дарованія такихъ же автономій. Измѣненія границъ административныхъ областей, соединенія и разъединенія земскихъ міровъ также совершались по мірскимъ просьбамъ. Наконецъ, жалобы и протесты противъ личнаго состава администраціи служили въ ея дѣятельности немаловажной сдержкой, умѣрявшей ея злоупотребленія и влекшей за собою ея отвѣтственность.

Глава VI.

Тяглая организація Поморья въ XVII в.

Реформами XVI вѣка издавна сложившіеся земскіе союзы были обращены въ областныя единицы съ финансовымъ и судебнымъ самоуправленіемъ. Въ самостоятельномъ исполненіи этихъ двухъ функцій: финансовой и судебной и заключалось самоуправленіе, предоставленное имъ государствомъ въ XVI вѣкѣ. Союзы получили тогда характеръ финансовыхъ организацій и судебныхъ округовъ съ выборными земскими органами для сбора повинностей и производства суда. Было время, когда устройству міровъ, какъ тяглыхъ единицъ, придавалось преувеличенное значеніе. Въ знаменитомъ спорѣ 50-хъ годовъ о происхожденіи общины одною изъ спорившихъ сторонъ происхожденіе общины приписывалось государственному тяглу. Теперь можно считать доказанной односторонность этой мысли: община, какъ союзъ, связанный общими хозяйственными и моральными интересами, возникла независимо отъ казеннаго тягла. Она могла развиваться изъ семьи, разроставшейся и разселявшейся, продолжавшей сообща владѣть землею, вести общее хозяйство на угодьяхъ и осложняемой привхожденіемъ въ нее чужеродныхъ, постороннихъ элементовъ. Словомъ, въ ея основѣ могло лежать семейное складство, „печище“, и слѣды такого семейнаго происхожденія общины не всегда затерлись еще и въ XVII в., если обратить вниманіе на прозвища поморскихъ крестьянъ. Приведемъ одинъ изъ яркихъ примѣровъ. Среди двинскихъ волостей, расположенныхъ въ самомъ устьѣ Двины, въ писцовой книгѣ 1622-24 гг. значится станъ Алексѣевъ, состоявшій только изъ одной крупной по тому времени деревни, которая носила названіе „Боярскаго острова“ и въ которой насчитывалось писцовою книгой всего 11 дворовъ. Жители этой деревни, а, слѣдовательно, и волости, принадлежали къ двумъ фамиліямъ, представляли изъ себя двѣ разросшіяся семьи, можетъ быть, даже ведущія происхожденіе отъ общаго корня. Обитатели 6 дворовъ, въ количествѣ упомянутыхъ книгой 13 человѣкъ мужского пола, носятъ прозвище „Молодыхъ Бояръ“; обитатели остальныхъ 5 дворовъ, въ количествѣ 10 человѣкъ, принадлежатъ къ фамиліи Амосовыхъ, и судя по ихъ отчествамъ, происходятъ отъ двухъ братьевъ Ѳедора и Михаила [1]).

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 9, л. 366.

Но община возникала также и другимъ путемъ. Помимо разростанія семьи, она могла складываться въ Поморскомъ краѣ подъ вліяніемъ колонизаціи незанятыхъ пространствъ, требовавшихъ единенія силъ для разработки, и можно указать волости, возникшія на пустомъ необитаемомъ прежде мѣстѣ благодаря притоку туда переселенцевъ съ разныхъ сторонъ, причемъ самое начало такой общины могло быть положено группой земледѣльцевъ-колонистовъ, связанной въ товарищество-артель[1]). Тягло не было такимъ образомъ источникомъ первоначальнаго образованія общинъ; онѣ зарождались въ семейномъ или договорномъ союзѣ. Тягло приходило потомъ, падало на сложившуюся уже общину, которая могла нѣсколько времени таиться отъ тягла, и которую затѣмъ открывалъ и регистрировалъ присланный въ мѣстность государственный писецъ.

Нельзя однако отрицать, что тягло, не будучи источникомъ происхожденія общины, сыграло въ ея судьбѣ значительную роль. Прежде всего оно придало ея строю болѣе опредѣленныя и болѣе офиціальныя формы, усвоивъ ей публичный характеръ, изъ частноправового союза сдѣлавъ ее публично-правовой организаціей. На сѣверѣ община, какъ общество связанное единствомъ интересовъ, стала совпадать съ административнымъ дѣленіемъ. Волость—не только общественный союзъ, но и административная единица, занесенная въ офиціальную писцовую книгу, составляемую для обложенія общества тягломъ. Тягло побуждало также отчетливѣе организовать эту единицу, снабдить ее опредѣленными распорядительными и исполнительными органами. Наконецъ, тягло налагало и на государство, и на самую общину заботу о полнотѣ ея личнаго состава, хотя самая высота тягла и была одной изъ главныхъ причинъ разстройства и запустѣнія общинъ. Не менѣе важнымъ представляется вліяніе тягла въ хозяйственной жизни общины, и нельзя не признать, что *поземельной* общиной сѣверная волость сдѣлалась окончательно благодаря тяглу. Оно помогло ей изъ союза индивидуальныхъ собственниковъ, владѣвшихъ и пользовавшихся сообща нѣкоторымъ нераздѣленнымъ имуществомъ, перейти въ общество, всѣ члены котораго, во-первыхъ, имѣютъ равныя права на пользованіе принадлежащей обществу, какъ нераздѣльному цѣлому, государственной землею и, во-вторыхъ, пользуются этою землей пропорціонально участію каждаго въ государственныхъ повинностяхъ, въ тяглѣ.

Къ разсмотрѣнію тягла, лежавшаго на поморскихъ мірахъ XVII вѣка и къ изученію тяглой организаціи и финансовой дѣятельности міровъ мы теперь и должны обратиться. Приэтомъ необходимо совершенно отрѣшиться отъ нашей теперешней привычки къ однообразію нашей финансовой системы, когда одни и тѣ же виды налоговъ охватываютъ всю территорію государства. Финансовая система XVII вѣка отличается такою же мозаичностью и пестротой, какъ и система, напримѣръ, областного дѣленія. Правда, нѣкоторые сборы уже пріобрѣтаютъ единообразный общій характеръ, по крайней мѣрѣ, для поморскаго сѣвера. Если припомнить ту

[1]) I, 32—35.

очень неуклюжую классификацію, какую давали государственнымъ доходамъ бюджеты XVII вѣка, дѣлившіе всѣ поступленія на *окладныя*, вводимыя въ обязательный для плательщиковъ окладъ, и *неокладныя*, къ которымъ относились разнаго рода пошлины, напримѣръ: судебныя, печатныя, штрафы и различныя непредвидѣнныя поступленія, то эту послѣднюю группу можно считать общей для всѣхъ мѣстностей Поморья, хотя и въ этомъ случаѣ дѣло не обходилось безъ исключеній. Такъ, напримѣръ, Устьянскія волости были освобождены отъ уплаты судебныхъ пошлинъ.

Изъ группы *окладныхъ* доходовъ, къ которой относились косвенные сборы, промысловое обложеніе и распредѣлявшіеся по податнымъ единицамъ прямые налоги, общій и однообразный характеръ имѣли оброки за пользованіе регаліями и разнаго рода промысловые сборы, тождественные по самому принципу, однако разнообразившіеся въ зависимости отъ предметовъ промысла. Таковы были въ посадахъ и уѣздахъ сборы съ лавокъ, амбаровъ, бань, харчевенъ, мельницъ, соляныхъ варницъ, рыбныхъ ловель, пашенъ и сѣнныхъ покосовъ, отдаваемыхъ на оброкъ и т. д., взимавшіеся деньгами, но иногда и долею продукта промысла. Такъ, напримѣръ, съ рыбныхъ ловель взималась опредѣленная доля улова, съ жемчужныхъ и слюдяныхъ промысловъ въ Кольскомъ уѣздѣ оброкъ брался въ видѣ десятой части добытаго жемчуга и слюды. Однообразными слѣдуетъ признать также главные косвенные сборы: таможенные и кабацкіе. Таможни и кабаки были повсемѣстно одинаковымъ явленіемъ. Однако самые тарифы таможеннаго сбора, устанавливаемые для каждой мѣстности особой уставной таможенной грамотой, и цѣны на вино, бывшее предметомъ казенной монополіи, различались по мѣстностямъ. Самая администрація таможенныхъ и питейныхъ сборовъ устраивалась, какъ извѣстно, по одному изъ трехъ способовъ. Это были: вѣрное управленіе, откупъ частными лицами и аренда цѣлымъ обществомъ, посадскимъ или волостнымъ. Въ первомъ случаѣ таможней и кабакомъ завѣдывали таможенные и кабацкіе головы, которые выбирались изъ посадскихъ людей и которыми поморскіе посады взаимно обмѣнивались: напр. Устюгъ выбиралъ голову для Сольвычегодска, а Сольвычегодскъ для Устюга. Головы правили таможнями и кабаками при помощи состоявшихъ при нихъ цѣловальниковъ, избиравшихся мѣстными обществами. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, поскольку дѣло касалось кабаковъ, казна, интересуясь только аккуратнымъ взносомъ откупа, самое обслуживаніе питейныхъ заведеній предоставляла на усмотрѣніе откупщика или арендующаго кабакъ міра. Эти формы администраціи различались по мѣстностямъ и смѣняли одна другую по времени. Въ то время, какъ въ одной волости кабакъ управлялся вѣрнымъ головой, въ другой онъ былъ на откупѣ, а въ третьей въ мірскомъ держаніи; такъ что и въ области косвенныхъ сборовъ полнаго однообразія все же не было.

Но всего болѣе его отсутствіемъ отличались прямые сборы, въ особенности тѣ изъ нихъ, которые имѣли болѣе постоянный характеръ, и это относится, какъ къ единицамъ обложенія, такъ и къ самымъ сборамъ.

Совокупность прямыхъ сборовъ собственно и называлась на московскомъ финансовомъ языкѣ *тяглом*ъ. При хозяйствѣ, въ значительной степени сохранявшемъ еще формы натуральнаго, тягло составлялось изъ трехъ элементовъ: денежныхъ платежей, натуральныхъ сборовъ и личныхъ службъ. Вмѣстѣ съ различіемъ по мѣстности и времени тягло разнообразилось еще по сочетаніямъ, въ какія вступали между собой эти три его составные элемента. Сборы были неодинаковы не только по такимъ крупнымъ сравнительно областнымъ единицамъ, какъ „земли“ и уѣзды, но даже въ предѣлахъ одного и того же уѣзда по отдѣльнымъ волостямъ. То же различіе и по времени. Постоянные и правильные ежегодные сборы въ XVII вѣкѣ занимали по количеству доставляемыхъ рессурсовъ второстепенное мѣсто. Собственно значеніе постоянныхъ денежныхъ сборовъ имѣли лишь „четвертные доходы“—деньги, шедшія въ тѣ приказы, которые назывались четвертями. Это была совокупность мелкихъ старинныхъ налоговъ, установленныхъ еще въ XVI вѣкѣ и даже еще ранѣе, какъ напримѣръ: дань, оброкъ за намѣстничъ кормъ, деньги за засѣчное, городовое, емчужное дѣло, пищальныя деньги и нѣкоторые другіе налоги, обобщаемые иногда общимъ названіемъ „дани“. Оклады этихъ денегъ заносились въ писцовыя книги, что и свидѣтельствуетъ объ ихъ постоянствѣ. Одни и тѣ же сборы и иногда въ тѣхъ же окладахъ держатся неизмѣнно втеченіе всего XVII вѣка, какъ это показываетъ сравненіе книгъ 1620-хъ годовъ съ книгами 70-хъ и 80-хъ.

Главная роль принадлежала въ XVII в. сборамъ экстреннаго характера, назначавшимся по мѣрѣ нужды и съ минованіемъ надобности прекращавшимся. Таковы были чрезвычайные сборы „пятинныхъ денегъ“, назначавшіеся въ періоды особенно тяжелаго положенія казны. Таковы были сборы ратныхъ людей и денегъ на ихъ содержаніе, объявлявшіеся во время войнъ. Характеръ экстренныхъ, запросныхъ имѣли въ значительной степени и новые налоги, установленные въ XVII вѣкѣ и собиравшіеся ежегодно, каковы были: сборъ на содержаніе московскихъ стрѣльцовъ и сборъ на содержаніе сибирскихъ служилыхъ людей. Экстренный ихъ характеръ сказывался въ томъ, что, тогда какъ четвертные доходы вносились въ писцовыя книги и должны были платиться ежегодно, такъ сказать, сами собою—для новыхъ сборовъ каждый годъ нуженъ былъ спеціальный указъ, опредѣляющій каждый разъ самые размѣры налога. Во взиманіи сбора на содержаніе московскимъ стрѣльцамъ можно указать даже случай перерыва въ 169 году (1660—61), когда московскимъ стрѣльцамъ со всѣхъ городовъ денегъ и хлѣба не собиралось[1]). Кромѣ этихъ крупныхъ сборовъ, охватывавшихъ значительныя пространства, по отдѣльнымъ мѣстностямъ постоянно возникаетъ множество экстренныхъ сборовъ деньгами, натурой и людьми, которые вызывались обнаружившимися въ центрѣ и въ мѣстности казенными потребностями. При натуральномъ строѣ хозяйства и при отсутствіи единства кассы каждая государственная надобность, въ особен-

[1]) Пр. Д. 1601 № 3.

ности если она обнаруживалась въ мѣстности, вызывала для ея удовлетворенія спеціальную повинность, во многихъ случаяхъ мѣстную же, не распространявшуюся на все государство, и временную, исчезавшую по удовлетвореніи надобности. Перечислить эти повинности сколько-нибудь полно нѣтъ возможности, до такой степени онѣ многочисленны, разнообразны, часто кратковременны и случайны. Ниже мы укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Наконецъ, разнообразіе и пестрота тягла зависѣли еще и отъ того, какъ сочетались въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время три его составные элемента: деньги, натуральные взносы и личная служба. Натуральные сборы смѣнялись денежными и наоборотъ. Тѣ и другіе осложнялись еще личною службою цѣловальниковъ, избираемыхъ обществомъ по раскладкѣ для доставки собранныхъ рессурсовъ. На содержаніе стрѣльцамъ брался съ однихъ мѣстностей хлѣбъ натурой, съ другихъ деньгами, или въ одинъ годъ деньгами, въ другой натурой, и кромѣ того общество должно было нанимать подводы или суда для его перевозки и выбирать къ этимъ хлѣбнымъ запасамъ особыхъ провожатыхъ. Когда объявлялся сборъ „даточныхъ людей“, однѣ мѣстности выставляли ихъ натурой, нанимая для этого охотниковъ, которыхъ должны были снабжать денежнымъ и хлѣбнымъ содержаніемъ, другія платили денежный сборъ за „даточныхъ людей“ и т. д. Резюмируя изложенное, можно сказать, что въ Московскомъ государствѣ XVII в. повсемѣстные налоги не были постоянными, прерывались по времени; постоянные не были повсемѣстными, разнообразились по мѣстностямъ; тѣ и другіе были разновидными, отбывались деньгами, натуральными взносами и личною службою. Только въ самомъ концѣ вѣка со введеніемъ стрѣлецкой подати 1679—81 гг., замѣнившей собою нѣсколько видовъ прежнихъ сборовъ, былъ сдѣланъ шагъ къ установленію повсемѣстнаго, постояннаго и однороднаго налога. Но и этотъ налогъ, всетаки, оказался сословнымъ, упалъ не на все податное общество, а только на нѣкоторыя его группы.

Мы и постараемся представить въ фактическомъ очеркѣ разнообразіе и пестроту падавшаго на земскіе міры въ XVII вѣкѣ тягла по различнымъ мѣстностямъ Поморскаго края. Исторія русскихъ финансовъ—вопросъ, которому за послѣднее время особенно посчастливилось въ нашей научной литературѣ. Отсылая къ ней читателя, мы при изученіи тяглой организаціи земскихъ міровъ можемъ считать себя свободными отъ необходимости вновь изслѣдовать этотъ вопросъ во всю его глубину, примѣнительно къ изучаемой нами мѣстности. Общее и основное въ исторіи тягла мы предполагаемъ извѣстнымъ. Наша задача будетъ заключаться въ выясненіи мѣстныхъ особенностей въ исторіи податей и повинностей. Можетъ быть, такой очеркъ не окажется лишнимъ даже и при существующей литературѣ по исторіи финансовъ, которая не чужда была склонности къ чрезмѣрному обобщенію и систематизированію древняго финансоваго строя, къ усвоенію планомѣрности тому, что выростало и создавалось самою жизнью безъ всякаго плана.

Обозрѣніе тягла по отдѣльнымъ мѣстностямъ мы будемъ вести въ томъ

же порядкѣ, въ которомъ мы уже обозрѣвали ранѣе организацію самоуправленія. Начнемъ съ уѣздовъ, вѣдавшихся Новгородскою четвертью.

Когда въ 1647 году Заонежскіе погосты ходатайствовали объ отмѣнѣ воеводской власти, они исходили изъ того же принципа, которымъ руководились земскіе челобитчики времени Грознаго, просившіе объ отмѣнѣ намѣстниковъ и волостелей; они предлагали правительству взамѣнъ содержанія воеводъ и низшаго приказнаго персонала установить особый новый поборъ въ прибавку къ прежнимъ, по 1 рублю съ выти, а всего 370 рублей съ 370 „живущихъ“ вытей. Правительство, какъ извѣстно, удовлетворило эту просьбу и также приняло въ руководство при этомъ принципъ Грознаго; только вмѣсто 370 рублей наложило на погосты сумму въ 900 рублей, доведя, такимъ образомъ, всѣ казенные денежные поборы съ погостовъ до круглой цифры 7000 рублей въ годъ. Въ эту же сумму, надо полагать, входила и та субсидія „подможныя деньги“, которую Заонежскіе погосты съ 133 (1624—25) года должны были вносить на содержаніе почтовыхъ станцій въ Новгородскомъ краю, именно: въ Ладогѣ и по дорогамъ изъ Новгорода въ Москву и во Псковъ въ количествѣ 956 слишкомъ рублей, по 2 р. 18 алт. 2 д. съ выти [1]). Почти въ то же время или очень немного спустя въ Лопскихъ и Заонежскихъ погостахъ стала вводиться совершенно особая, неизвѣстная другимъ мѣстностямъ Поморья, повинность: поголовная служба въ солдатахъ и драгунахъ, въ которую и было записано все крестьянство погостовъ. Были устроены солдатскіе и драгунскіе полки изъ крестьянъ, продолжавшихъ въ то же время оставаться земледѣльцами и жить по своимъ деревнямъ, словомъ, была произведена попытка создать нѣчто въ родѣ военныхъ поселеній для охраны границъ съ Швеціей. Мы уже видѣли, какъ неохотно принята была эта новая тяжелая повинность онежскимъ населеніемъ [2]). Ея тяжесть увеличивалась еще различными осложнявшими ее поборами, денежными и натуральными, отъ которыхъ записанные въ полки заонежане освобождены однако не были. Въ 1658 году нѣсколько погостовъ въ своемъ челобитьѣ указывали, что кромѣ отбываемой ими солдатской службы съ нихъ взыскиваютъ еще денежные поборы на жалованье тѣмъ драгунамъ и солдатамъ, которые отправлены въ походъ; кромѣ того въ 1656 и 1657 годахъ съ нихъ было взято хлѣбомъ по 4 четверти ржи съ выти. Съ нихъ взыскивались еще даточные люди съ лошадьми, по человѣку съ лошадью съ 10 вытей, повидимому, для работъ въ олонецкой крѣпости, и плотники для той же цѣли, также по человѣку съ 10 вытей. Погосты должны были еще платить денежный сборъ вмѣсто конской повинности: „за даточныхъ лошадей и за конскіе кормы“ по 1 рублю съ выти; поставлять натурой разные военные припасы, какъ-то: ленъ на фитили по $1^1/_2$ пуда съ выти, кирки, заступы, топоры, смолу ведрами, скалвы, бересту и бревна, расчитываемые также по вытямъ, очевидно, для „городового“ дѣла. Жители погостовъ отбывали далѣе ямскую повинность въ своихъ погостахъ

[1]) Пр. Д. 1647 № 41; Пр. Д. 1647 № 26.
[2]) I, 144, 145.

и платили деньги на содержаніе олонецкаго яма. Такъ какъ со введеніемъ военныхъ поселеній въ Олонцѣ опять появились воеводы, то содержаніе воеводской избы стало опять повинностью погостовъ, которые должны были оплачивать расходы воеводскаго управленія: въ съѣзжую избу на бумагу, чернила, свѣчи, дрова, лучину, въ наемъ сторожамъ, тюремнымъ сторожамъ, биричу, палачу и подьячимъ[1]). Встрѣчаемъ особенности въ повинностяхъ въ отдѣльныхъ Заонежскихъ погостахъ. Такъ погосты, лежавшіе поблизости къ Повѣнецкому рядку, торговому центру, гдѣ находилась таможня, обязаны были поставлять ежегодно на эту таможню цѣловальниковъ къ присылавшемуся туда изъ Новгорода таможенному головѣ. Это были погосты Выгозерскій, Никольскій Шунскій, Егорьевскій Толвуйскій, Андомскій, Пудожскій, Шальскій. Когда въ 146 году по просьбѣ этихъ погостовъ вышелъ изъ Москвы указъ притянуть къ поставкѣ цѣловальниковъ и отдаленные отъ Повѣнца погосты: Виницкій, Важенскій, Остречинскій, Мегорскій и Вытегорскій, послѣдніе въ свою очередь обратились съ ходатайствомъ въ Москву и отстояли свою свободу по прежнему[2]). Погостъ Никольскій Шунскій былъ нѣкогда пожалованъ въ вотчину Тихвинскому монастырю. Особенностью его финансоваго строя, когда онъ взятъ былъ у монастыря и опять причисленъ къ чернымъ землямъ, былъ платежъ оброка въ крупной цифрѣ 1000 рублей, изъ которыхъ по приговору государя съ думой 30 января 1647 года 600 рублей онъ долженъ былъ уплачивать своему прежнему вотчиннику-монастырю, а остальные 400 шли въ государственное казначейство. Погостъ, находя такую сумму чрезмѣрной, подавалъ челобитье о томъ, чтобы этотъ окладъ съ него снять и уравнять его съ иными Заонежскими погостами, положивъ съ ними въ одинъ окладъ; но это ходатайство осталось, кажется, неудовлетвореннымъ[3]).

Особымъ своеобразіемъ платимыхъ налоговъ отличался Кольскій уѣздъ, благодаря своимъ природнымъ и этнографическимъ особенностямъ, съ его кочующимъ лопарскимъ населеніемъ, среди котораго русскіе поселки ютились немногими небольшими островками. Въ самой Колѣ насчитывалось по писцовой книгѣ 1608—9 гг. всего 94 двора, въ томъ числѣ одинъ монастырскій дворъ, остальные—посадскихъ людей и стрѣлецкіе, и 6 пустыхъ мѣстъ дворовыхъ. Эти дворы и мѣста были обложены необычнымъ для другихъ мѣстностей Поморья оброкомъ по 4 гривны съ двора или мѣста; но общая сумма шедшаго такимъ образомъ въ казну оброка должна была раскладываться между отдѣльными дворами пропорціонально состоятельности ихъ хозяевъ, разводиться „по животамъ и промысламъ“. Кольскіе бобыли, которыхъ та же книга насчитывала 43 человѣка, обложены были особой податью подушнаго характера, „поживотнымъ и поголовнымъ“, по гривнѣ въ годъ съ человѣка, причемъ общую вычисленную по душамъ сумму падавшей на нихъ подати бобыли также должны были разверстывать между собою по животамъ

[1]) Д. А. И. IV № 146 II.
[2]) Пр. Д. 1647 № 26.
[3]) Пр. Д. 1647 № 41.

и промысламъ. Прихожіе въ Колу люди, стекавшіеся лѣтомъ на мурманскіе рыбные промыслы изъ разныхъ угловъ Поморья, называемые книгой „казаками", должны были уплачивать особую явку по 4 деньги съ человѣка. Хлѣбопашества въ Колѣ не было; но промысловыя угодья кольскихъ посадскихъ людей дѣлились на двѣ категоріи: *оброчныя,* съ которыхъ шелъ въ казну оброкъ денежный или натуральный въ размѣрѣ десятой доли продукта, и *луковыя,* положенныя въ особыя податныя единицы „луки", также составлявшія мѣстное отличіе Кольскаго уѣзда. Дань съ лука въ XVI вѣкѣ положена была натурою: по 37 бѣлокъ и по ролдугѣ. По книгѣ 1608 года она переведена была уже на деньги. Кромѣ того съ этихъ луковыхъ угодій платилась еще „дань датскому королю", владѣвшему Норвегіей, съ которой Мурманъ не имѣлъ еще тогда прочно установленныхъ опредѣленныхъ границъ. Тѣ же порядки мы видимъ въ русскихъ волостяхъ уѣзда: Пояргубѣ, Кандалакшѣ, Ковдѣ и Керети. Дворы обложены оброкомъ, а угодья также дѣлятся на оброчныя и луковыя. Въ Лопскихъ погостахъ Кольскаго уѣзда промыслы живущихъ въ вежахъ лопарей положены въ луки, съ которыхъ они платятъ дань и продуктами: рыбой, звѣриными шкурами, и деньгами. Съ лопарей также взимается дань датскому королю [1]).

Наиболѣе обременительною повинностью въ составѣ тягла, лежавшаго на Каргопольскомъ уѣздѣ, было „каргопольское городовое дѣло". Къ 1630 г. каргопольскій острогъ пришелъ въ упадокъ, остался одинъ валъ, „острожная осыпь, гдѣ старой острогъ былъ". Въ этомъ году былъ присланъ въ Каргополь кн. Дм. Сеитовъ съ предписаніемъ построить на этой осыпи новый острогъ, для этой постройки привлечь все населеніе уѣзда, не только посадскихъ людей и крестьянъ, но также и бобылей и служилыхъ людей: стрѣльцовъ и пушкарей, не только самостоятельныхъ хозяевъ, но также и людей, живущихъ на чужихъ дворахъ: „дворниковъ и подворниковъ", словомъ, „всего Каргопольскаго уѣзду всякихъ жилецкихъ людей, чтобы въ избылыхъ никто не былъ". Городовое дѣло еще съ древнихъ временъ было одною изъ самыхъ обязательныхъ повинностей, и освобожденіе отъ него давалось московскимъ правительствомъ крайне рѣдко и съ большой неохотой. Пріѣхавъ въ Каргополь, кн. Сеитовъ потребовалъ у воеводы необходимые для разверстки тягла документы, роспись тяглымъ, церковнымъ и монастырскимъ сохамъ и вытямъ и, получивъ ее, разослалъ по всему уѣзду въ станы и волости предписаніе произвести выборы спеціальныхъ „цѣловальниковъ къ острожному дѣлу", подъ руководствомъ и отвѣтственностью которыхъ населеніе должно было отбывать повинность. Когда эти цѣловальники были выбраны и съѣхались въ посадъ къ 15 мая, кн. Сеи-

[1]) Арх. мин. юст. Писц. кн. 208. Напечатана у Харузина: „Русскіе лопари". Извѣстія Общ. Люб. Естеств. Антроп. Этног. т. LXVI. Труды Этногр. отд. т. X; Пр. Д. 1621 № 9; „Выписано изъ четвертныхъ приходныхъ книгъ 129 году, что въ Колѣ изъ 128 въ 129 годъ за расходы въ остаткѣ и на прошлые годы въ доимкѣ и сколько съ Колы и съ Кольскаго уѣзда на 129 годъ противъ 128 помѣчено взяти по окладу, и что въ то число въ 129 году на Москвѣ взято и затѣмъ въ доимкѣ".

товъ съ ними и съ собранными также старостами волостей произвелъ расчетъ и обмѣръ будущаго сооруженія, установилъ число башенъ и распредѣлилъ, по скольку саженъ стѣны между башнями приходилось строить каждой волости сообразно съ количествомъ значащихся въ ней сохъ и вытей. Послѣ такихъ предварительныхъ соображеній онъ приступилъ къ болѣе детальной разверсткѣ повинностей, расписалъ по волостямъ количество необходимаго для постройки лѣсного матеріала, всякаго острожнаго лѣсу, тесу, драницы и проч. и опредѣлилъ число плотниковъ, которое каждая волость должна была поставить. Затѣмъ старостамъ и цѣловальникамъ было предписано заготовить и свезти распредѣленный матеріалъ. Постройка пошла однако не гладко. Внутри уѣзда вспыхнула распря. Турчасовскій и Усть-мошскій станы отказывались участвовать въ каргопольскомъ городовомъ дѣлѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что они строятъ свои особые острожки въ Турчасовѣ и на Усть-Мошѣ, въ сооруженіи которыхъ каргопольцы имъ не помогаютъ, и путемъ челобитныхъ государю добились свободы отъ этого тягла, ставшаго такимъ образомъ повинностью одного только Каргопольскаго стана. Въ 1638 г. каргопольское городовое дѣло осложнилось еще другимъ городовымъ дѣломъ. Каргопольцы по ходатайству двинскаго земства были притянуты наравнѣ съ кеврольцами и мезенцами къ участію въ архангельскомъ городовомъ дѣлѣ, къ сооруженію крѣпости въ Архангельскѣ, путемъ взноса подможныхъ денегъ. Доля каргопольскаго уѣзда въ этомъ дѣлѣ была вычислена какъ $^1/_3$, и уѣздъ долженъ былъ уплатить такихъ денегъ 2140 р. слишкомъ. Эта повинность тяготѣла надъ уѣздомъ до 1651 года, когда также посредствомъ ходатайства каргопольскому земству удалось отъ нея избавиться [1]) Особенностью тяглой организаціи Каргопольскаго уѣзда была его непосредственная связь съ Кольскимъ уѣздомъ; именно на каргопольскомъ земствѣ лежала обязанность выбирать въ Колу таможенныхъ и кабацкихъ головъ и поставлять туда же и самое вино. Въ 1631 году каргопольское питейное управленіе получило указъ заготовить и отправить въ Колу 1000 ведеръ добраго пѣннаго вина. За вино изъ кольскихъ доходовъ предписано было заплатить по 13 алт. 2 д. за ведро. Но все же эта поставка требовала, вѣроятно, выбора особыхъ провожатыхъ цѣловальниковъ и должна была лечь бременемъ на каргопольское земство [2]).

Перейдемъ теперь къ особенностямъ въ податныхъ единицахъ и въ составѣ самыхъ податей и повинностей Двинскаго уѣзда. Въ этомъ уѣздѣ въ XVI и въ началѣ XVII вѣка наряду съ большими московскими сохами единицею обложенія продолжала служить малая сошка, тождественная съ новгородскою сохою или близкая къ ней [3]). Писцовое описаніе уѣзда въ

[1]) Пр. Д. 1630 № 94; Пр. Д. 1653 № 59.

[2]) Пр. Д. 1629 № 34.

[3]) Пр. Д. 1614 № 8, л. 153: „бьетъ челомъ и плачется твоя государева сирота Двинскаго уѣзда отъ Студенаго моря Волока Пинежскаго Никольскаго приходу тридцати девяти сошекъ малыхъ съ *полуобжею* тяглые крестьяне“ и т. д. Отсюда видно, что двинская малая сошка подраздѣляется на обжи, бывшія подраздѣленіями также новгородской сохи.

1622—24 гг. замѣнило эту малую сошку вытями. „Напередъ сего“, читаемъ въ этомъ описаніи, „въ Двинскомъ уѣздѣ въ черныхъ волостяхъ были сошки, а не выти. А нынѣ положена вытъ противъ сошки, потому что по мѣрѣ четвертною пашнею сходилася сошка противъ выти“. Заведенная здѣсь такимъ образомъ вытъ была наиболѣе обычно размѣромъ въ 12 четвертей доброй, 14 средней или 16 четвертей худой земли. Всего въ черныхъ земляхъ уѣзда кромѣ монастырскихъ владѣній писцовая книга насчитала „въ живущемъ“, т. е. разрабатываемой тяглой пашни 504 счишкомъ выти, что составляло $7^{7}/_{96}$ большихъ московскихъ сохъ. По этимъ единицамъ уѣздъ облагался постоянными налогами, которые и были занесены въ ту же писцовую книгу. Эти налоги состояли изъ: 1) дани по 1 р. 2 алт. съ выти, 2) „загубскаго оброка“ (?) по $2^{1}/_{2}$ деньги съ выти; 3) оброка и пошлинъ „за намѣстничъ доходъ и за присудъ“—по 2 р. 4 алт. съ выти. Въ свою очередь налогъ, называемый „данью“, представлялъ изъ себя совокупность налоговъ, установленіе которыхъ восходитъ частію къ XVI вѣку, частію къ гораздо болѣе отдаленнымъ временамъ. Разлагая эту совокупность, мы находимъ, что въ составъ дани въ двинскомъ уѣздѣ входили: a) дань собственно, состоявшая изъ $15.153^{7}/_{48}$ бѣлокъ и $1009^{1}/_{2}$ горностаевъ, нѣкогда взимавшаяся мѣхами, теперь переведенная на деньги, по 3 деньги за бѣлку и по 7 денегъ за горностая; b) платежъ „за поральскую бѣлку и за морской оброкъ“ и пошлины съ него; c) платежъ за городовое, засѣчное и емчужное дѣло; d) пищальныя деньги; e) ямскія и приметныя деньги. Это обложеніе не касалось погоста Яхренги, слободокъ Солзы и Отхожей, платившихъ особый оброкъ и заморскихъ волостей уѣзда Варзуги и Умбы, платившихъ дань *по лукамъ*, какіе мы видѣли въ Кольскомъ уѣздѣ [1]). Кромѣ этихъ постоянныхъ „четвертныхъ доходовъ“, уѣздъ несъ въ XVII

---

[1]) Арх. мин. юстиціи, писц. кн. 10. Въ Двинскомъ уѣздѣ· „денежныхъ доходовъ съ живущихъ вытей (опричь льготныхъ):

Дани

За $15153^{7}/_{48}$ бѣлки 227 р. 18 алт. 2 д. по 3 ден. за бѣлку.
За $1009^{1}/_{2}$ горностаевъ 35 р. 14 алт. 2 д. по 7 ден. за горностая.
За поральскую бѣлку и за морской оброкъ 15 р. 6 алт. $3^{1}/_{2}$ ден.
Пошлинъ со всего оброку 15 р. 6 алт. $3^{1}/_{2}$ ден.
За городовое, засѣчное и емчужное дѣло 101 р. 2 ден.
Пищальныхъ 35 р. 14 алт. $2^{1}/_{2}$ ден.
Ямскихъ и приметныхъ 101 р. 2 ден.

Всего дани 535 р. 21 алт $5^{1}/_{2}$ ден. по 1 р. 2 алт. съ выти.

Загубскаго оброку 6 р. 13 алт. $4^{1}/_{2}$ ден. по $2^{1}/_{2}$ ден. съ выти.

За намѣстничъ доходъ и за присудъ оброку и пошлинъ 1070 р. 23 алт. $2^{1}/_{2}$ ден. по 2 р. 4 алт. съ выти.

Съ Двины за рыбную ловлю оброку 10 алт. $3^{1}/_{2}$ ден.

Пошлинъ $3^{1}/_{2}$ ден.

Всего денежныхъ доходовъ 1613 р. 3 алт. $2^{1}/_{2}$ ден.

Съ 45 дв. боб. обр. 3 р. 14 алт. 3 ден.

Пошлинъ 5 алт. 5 ден.

вѣкѣ новыя, въ этомъ вѣкѣ появившіяся подати и повинности, именно: уплачивалъ солдатскія и подымныя (на ратныхъ людей) деньги, облагался хлѣбомъ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ, поставлялъ даточныхъ и посошныхъ людей съ лошадьми и телѣгами. Всѣ эти налоги и повинности уѣздъ платилъ, какъ говорилось въ одномъ изъ его всеподданнѣйшихъ ходатайствъ 1634 года, „съ *иными городы* въ рядъ ровно“. Но въ томъ же ходатайствѣ двинское земство перечислило рядъ повинностей, составлявшихъ исключительную особенность Двинскаго уѣзда, „налогу на уѣздъ при иныхъ городѣхъ въ лишкѣ“ по выраженію челобитной. То были: 1) поставка на дворецъ для государевой охоты кречетовъ, для ловли которыхъ земство снаряжало особую ватагу человѣкъ въ 40 на Терскую сторону и на Канинъ мысъ. Съ отвозомъ въ Москву, для чего посылалось человѣкъ 20 сопровождающихъ, эта повинность обходилась по вычисленію того же ходатайства рублей въ 700 и больше; 2) уѣздъ посылалъ 12 барокъ съ канатами и якорями на Березовое устье Двины въ качествѣ наблюдательнаго отряда за приходомъ въ Архангельскъ кораблей, „на заставу для сторожи и корабельнаго приходу“, что обходилось ежегодно въ 400 руб.; 3) поставлялъ суда подъ стрѣльцовъ, вино и хлѣбные запасы для отправки ихъ въ Колу; это стоило 200 рублей; 4) отпускалъ суда для перевозки служилыхъ людей въ Кевролу, на Мезень, въ Пустозерскъ и вверхъ по Двинѣ до Осиновскаго яма — эта несомая уѣздомъ ямская повинность обходилась уѣзду въ 500 рублей—и наконецъ 5) уѣздъ снаряжалъ ежегодно 40 и больше дощаниковъ, большихъ судовъ для перевозки отъ Архангельска и Холмогоръ вверхъ по Двинѣ до того же Осиновскаго яма закупаемыхъ ежегодно въ Архангельскѣ товаровъ на дворцовый обиходъ, какъ-то: винъ, матерій, иностранной монеты, употреблявшейся для перечеканки въ русскую, а также для перевозки ѣхавшихъ въ Москву черезъ Архангельскъ иноземцевъ, т. е. посланниковъ со свитами или нанимаемыхъ московскимъ правительствомъ иностранныхъ служилыхъ людей. Эта перевозка „государевой: питейной, узорчатой, ефимочной и всякой другой казны“ и иноземцевъ обходилась уѣзду ежегодно до 6000 рублей и больше[1]).

Малыя сошки мы встрѣчаемъ также въ уѣздахъ Кеврольскомъ, Мезенскомъ и Яренскомъ. Въ первыхъ двухъ по писцовой 1623 года эти единицы невелики и колеблются по отдѣльнымъ волостямъ отъ $9^1/_3$ до 15 четвертей. Въ Яренскомъ уѣздѣ по книгѣ 1608 года сошка гораздо болѣе значительныхъ размѣровъ, но все же очень далека отъ большой московской сохи; въ нее кладется по 125 четвертей средней или по 150 четвертей худой земли. Въ Мезенскомъ уѣздѣ въ первой половинѣ столѣтія существовали еще сборы натурой: рыбьимъ зубомъ и бѣлками; самоѣды Канинскаго носа и Тіунскаго берега облагались данью отдѣльно отъ русскихъ жителей этого уѣзда. По книгамъ 1608 года въ Яренскомъ уѣздѣ данные и оброчные платежи: „за соболи, за бѣлку, за городовое, засѣчное, емчужное дѣло и за рыбную ловлю, и за бобровые гоны, и за всякія угодья“ были слиты

[1]) Пр. Д. 1634 № 65.

въ одинъ оброкъ по 25 копѣекъ съ двора, который однако разводился между хозяйствами по животамъ и промысламъ. Особой тягостью на Яренскомъ уѣздѣ, черезъ который шла дорога въ Сибирь, лежала ямская повинность, въ отбываніи которой уѣздъ постоянно велъ разсчеты и споры съ сольвычегодцами [1]).

Отличительной чертой Вятской земли было подраздѣленіе ея уѣздовъ на станы тяглые и оброчные, подраздѣленіе, которое слѣдуетъ считать номинальнымъ или писцовымъ, а не реальнымъ; оно заключалось въ томъ, что въ каждомъ изъ становъ были деревни, обложенныя тягломъ, и деревни, обложенныя оброкомъ [2]). Та и другая группа деревень тяглыхъ и оброчныхъ записывалась особо въ писцовую книгу съ названіемъ стана; напр., въ Хлыновскомъ уѣздѣ: Спенцынскій тяглый станъ, Спенцынскій оброчный станъ и т. д. Но эти группы не составляли отдѣльныхъ сплошныхъ территорій, и тяглыя деревни перемѣшиваются на картѣ съ оброчными. Пахотная земля въ тѣхъ и другихъ положена въ однообразныя выти въ 12, 14, 16 четвертей и въ большія московскія сохи по 800, 1000, 1200 четвертей. Все различіе между обложеніемъ тѣхъ и другихъ группъ, между тягломъ и оброкомъ, сводилось къ тому, что тяглые станы платили съ живущихъ вытей цѣлую совокупность *четвертныхъ доходовъ*, тогда какъ оброчные платили съ такихъ же вытей *оброкъ* общей суммой. Въ составъ четвертныхъ доходовъ въ Вятской землѣ по писцовымъ 1629 года входятъ нѣсколько ихъ видовъ, притомъ въ значительной мѣрѣ отличныхъ отъ тѣхъ видовъ, изъ которыхъ состояли четвертные доходы Двинскаго уѣзда. Это были именно: *данъ* съ сохи по 40 рублей, съ выти, слѣдовательно по 20 алтынъ, норма совсѣмъ иная, чѣмъ въ Двинскомъ уѣздѣ; далѣе, кормовыя деньги, казначеевы пошлины, дьячьи пошлины, подьячьи пошлины, пищальныя деньги (по 3,72 коп. съ выти, тогда какъ въ Двинскомъ уѣздѣ по 7 коп. съ выти) и наконецъ, пошлины съ пищальныхъ денегъ въ размѣрѣ 0,5 %, съ рубля по деньгѣ. Въ оброчныхъ станахъ съ живущей выти взималось оброку по $1^1/_2$ рубля [3]). Но въ тѣхъ и другихъ станахъ одинаково шли оброки: бобыльскій, съ разнаго рода промысловъ, напр. съ мельницъ, кузницъ, перевозовъ, рыбныхъ ловель и со снятыхъ изъ оброка сѣнныхъ покосовъ. На тяглые станы падали также нѣкоторые сборы, не входившіе въ составъ четвертныхъ: сборъ хлѣба и денегъ на жалованье сибирскимъ служилымъ людямъ, поставка людей для сопровожденія этого запаса до Верхотурья и разнаго рода другія службы, отъѣзжія: напр., выборъ всею Вятскою землею таможеннаго и кабацкаго головы въ Соликамскъ, и мѣстныя, напр., выборъ вятскихъ тамо-

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 185; Пр. Д. 1621 № 9: „Выписано изъ четвертныхъ приходныхъ книгъ 129 г., что въ Кевролѣ и на Мезени денежныхъ доходовъ“ и т. д.; *П. Ивановъ*, „Сѣверныя писцовыя книги, какъ матеріалъ для исторіи обложенія“. Труды Арх. Ком. Моск. Арх. Общ. II; Арх. мин. юст. писц. кн. 142 (Яренскъ).

[2]) I, 37.

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 90; 903.

женныхъ и кабацкихъ цѣловальниковъ и т. д.[1]). Оброчные станы отъ этихъ платежей и повинностей были свободны. На Вятской землѣ лежала еще ямская повинность, которая имѣла ту особенность, что кромѣ обслуживанія сообщенія въ предѣлахъ самой Вятской земли, вятчане должны были еще участвовать въ ямской гоньбѣ въ Сибирь посредствомъ доставки „подможныхъ денегъ“ Пермской землѣ, черезъ которую шла большая сибирская дорога[2]).

Въ Пермской землѣ податною единицею, приспособленною спеціально для разверстки тягла, въ концѣ XVI вѣка по писцовымъ книгамъ 1579 г. была соха, заключавшая въ себѣ 64 двора, безразлично посадскихъ или уѣздныхъ[3]). Такую же оригинальную дворовую соху видимъ и въ XVII в. Въ 1629 г. въ нее велѣно было положить по 392 двора, и во всемъ Чердынскомъ уѣздѣ оказалось такихъ сохъ $5^1/_2$, причемъ основой для этого разсчета служило количество дворовъ, значащееся въ Пермской землѣ по писцовымъ книгамъ Кайсарова 1623—24 гг. При образованіи такихъ дворовыхъ сохъ имѣлись въ виду удобства платежа податей; расписывались въ эти сохи дворы „по волостямъ, кому съ кѣмъ ближе въ платежѣ быть“, и по дворовымъ сохамъ велѣно было „всякіе доходы собирать и сибирскіе отпуски отпускать“[4]). Главными и наиболѣе тяжелыми повинностями, лежавшими на Пермской землѣ были: содержаніе большой сибирской дороги, проходившей черезъ Соликамскъ, которую пермичи должны были просѣкать и чистить, и ямская гоньба по ней. Между уѣздами, входившими въ составъ Пермской земли: Кайгородомъ, Чердынью и Соликамскомъ втеченіе всего столѣтія шли нескончаемые споры по поводу распредѣленія этихъ повинностей.

Податная организація Устьянскихъ волостей имѣла свои отличія. Въ 1624 году въ волости происходило писцовое описаніе; но писцы Тимоѳей Боборыкинъ и подьячій Макарій Чукаринъ обложили волости чрезмѣрно тяжело. Неправильно регистрируя и пашенную землю, и сѣнные покосы, они насчитали лишнихъ 154 выти, и въ результатѣ это неправильное описаніе увеличило для волостей податное бремя на 364 рубля слишкомъ въ годъ. По челобитью волостей грамотою 1625 года писцовыя книги Т. Боборыкина были отмѣнены, продолжено было значеніе предыдущихъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка. Такимъ образомъ излишне насчитанныя писцами выти были скинуты, и въ волостяхъ считалось прежнее, занесенное въ книги XVI вѣка количество вытей—$229^1/_2$. Съ этихъ вытей волости обложены были круглой суммой въ 1000 рублей 15 алт., въ составъ которой вошло нѣсколько видовъ податей, именно: данныя и оброчныя деньги, деньги за приказчиковъ доходъ, наложенныя при отмѣнѣ въ волостяхъ управленія приказнаго человѣка, и, наконецъ, деньги за сибирскій хлѣбный запасъ.

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 20.
[2]) Пр. Д. 1622 № 35; Пр. Д. 1638 № 36; Д. А. И. IV № 100.
[3]) *Дмитріевъ*, Пермская Старина, III.
[4]) А. И. III № 286. А. Э. IV № 6.

Но въ эту круглую сумму не включены были деньги за стрѣлецкіе хлѣбные запасы на жалованье московскимъ стрѣльцамъ, окладъ которыхъ опредѣлялся ежегоднымъ особымъ указомъ, „сколько въ которомъ году по государеву указу нарядятъ“. На эту грамоту 1625 года волости ссылались, какъ на жалованную, ставя ее наряду со своей уставной земской грамотой XVI вѣка. Однако кромѣ обозначенныхъ въ грамотѣ денегъ, съ волостей въ первой половинѣ XVII вѣка взимались и другіе поборы, напр. въ 1639 г. съ дворовъ ратнымъ людямъ на жалованье. Только въ 1645 году государь указалъ послать въ Устьянскія волости новыхъ писцовъ, находя, что описаніе Ив. Невѣжина, составленное, въ 1565 году, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, устарѣло [1]). Но и послѣ этихъ книгъ, грамота 1625 года относительно упомянутыхъ въ ней налоговъ продолжала дѣйствовать.

Въ уѣздахъ Сольвычегодскомъ, Устюжскомъ и Тотемскомъ находимъ въ 20-хъ годахъ XVII в. различныя податныя единицы и разные сборы. Въ каждомъ изъ этихъ уѣздовъ существовали свои особыя малыя сошки. Въ Сольвычегодскомъ и въ Устюжскомъ уѣздахъ онѣ не были однообразными даже для цѣлаго уѣзда, различались по волостямъ. Въ первомъ изъ нихъ ихъ размѣры колебались между $64^3/_4$, 74—$199^1/_2$, 228 четвертей пашни, средней или худой земли. Когда производилось писцовое описаніе уѣзда въ 1625 г., писцамъ было предписано положить уѣздъ въ однообразное вытное письмо по 14 средней и по 16 четвертей худой земли на выть; доброй земли въ Сольвычегодскѣ не было. Но наряду съ вытнымъ письмомъ сохранены были и малыя сошки, заключавшія въ себѣ, если перевести ихъ на выти, отъ $4^5/_8$ до $14^1/_4$ выти по разнымъ волостямъ, такъ что одни налоги продолжали взыскиваться по сошкамъ, именно дань и примыкавшіе къ ней старинные мелкіе сборы, тогда какъ другіе, именно изъ четвертныхъ: оброкъ за намѣстничъ кормъ, а изъ новыхъ ямскую гоньбу, сибирскіе и московскіе запасы и на всякіе мірскіе расходы предписано было тогда же при описаніи платить съ вытей, а не съ сошекъ „для того, что сошки неравны въ Усольскомъ уѣздѣ, индѣ малы, а индѣ велики у крестьянъ, а выти вездѣ равны“, какъ замѣчаетъ писцовая книга [2]). Это неравенство податныхъ единицъ по волостямъ, а слѣдовательно и различіе въ тягости падавшей на отдѣльныя волости подати вызывало недовольство въ уѣздѣ и давало поводъ къ ходатайствамъ о введеніи однообразной податной единицы [3]). Устюжскія малыя сошки колебались по отдѣльнымъ волостямъ между 6 и 15 вытями, слѣдовательно между 84, 96—210, 240 четвертями средней или худой пашни. Колебаніе такимъ образомъ нѣсколько отличное отъ колебанія Сольвычегодскаго уѣзда. Такъ же, какъ и въ Сольвычегодскѣ устюжскіе писцы 1623—26 годовъ положили уѣздъ въ выти, но сошки продолжали сохраняться и служить податными единицами для такихъ же старинныхъ сборовъ, какъ и тамъ, т. е. для дани съ при-

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 510.
[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 446.
[3]) Пр. Д. 1625 № 25.

мыкающими къ ней. Эти сошки въ Устюжскомъ уѣздѣ дожили до описанія 1676—83 гг., когда онѣ были окончательно отмѣнены[1]). Малая сошка Тотемскаго уѣзда отличалась въ противоположность сольвычегодской и устюжской однообразіемъ для всего уѣзда и равнялась повсюду 16 вытямъ.

До сихъ поръ мы въ этихъ трехъ уѣздахъ видѣли постоянныя однообразныя земельныя выти въ 14 четвертей средней и въ 16 четвертей худой земли. Но вотъ въ 1645 г. въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ наряду съ этой поземельной вытью была введена дворовая выть, заключавшая въ себѣ по 5 дворовъ посадскихъ, независимо отъ различія дворовъ по статьямъ, или крестьянскихъ, и напоминавшая такимъ образомъ дворовыя сохи, введенныя еще раньше въ Пермской землѣ. По книгамъ 1678—82 гг. посадская дворовая выть нѣсколько дифференцировалась: въ нее стало входить 5 дворовъ средней статьи, но молодшихъ дворовъ требовалось на нее уже 6[2]).

И въ самыхъ сборахъ съ этихъ уѣздовъ можно отмѣтить лишь нѣкоторую близость, но далеко не тождество, какъ въ старинныхъ и постоянныхъ „четвертныхъ доходахъ“, такъ и въ новыхъ сборахъ. Возьмемъ одинъ и тотъ же моментъ времени, писцовыя книги 1620-хъ годовъ и сравнимъ четвертные доходы этихъ уѣздовъ. Всѣ они платятъ оброкъ за намѣстничъ доходъ и приблизительно въ одинаковомъ размѣрѣ, именно: Сольвычегодскій уѣздъ съ выти по 1 р. 16 алт. 5 ден.[3]); Устюжскій по 1 р. 13 алт. 5 ден. и пошлинъ съ оброка по 2 алт. съ рубля, въ общемъ, слѣдовательно, съ выти по 1 р. 15 алт. 5 ден.; наконецъ, Тотемскій уѣздъ съ выти по 1 р. 16 алт. 4 ден. Но въ составѣ платежей, объединяемыхъ названіемъ *дани*, встрѣчаемъ уже значительныя различія. Такъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ

---

[1]) Арх. мин. юст. писц. кн. 513, л. 904. „А положены были тѣ данные и всякіе доходы въ томъ Митропольемъ стану и во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ на малыя сошки по 6 р. 7 алт. 2 д. на сошку. А въ томъ Митропольѣ стану кладено по 8 вытей безъ чети выти въ сошку. А въ иныхъ волостѣхъ по 6 и по 10, и по 15 вытей въ сошку. И тѣхъ вышеписанныхъ данныхъ и всякихъ доходовъ обходилось на выть не поровну. А по указу в. г. и по наказу велѣно писцомъ въ Устюжскомъ уѣздѣ сохи учинить всѣ равны. И потому его в. г. указу тѣ доходы разверстаны во весь Устюжскій уѣздъ и положены на выти поровну.

[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 451, 501 и сл.

[3]) По предыдущему описанію писцовъ Аѳанасья Вельяминова да дьяка Ивана Григорьева 094 г. (1586) этотъ оброкъ взимался въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ по $1^1/_2$ рубля съ выти за исключеніемъ Андреевской волости, которую писцы обложили болѣе тяжелымъ оброкомъ по 1 р. 32 алт. 2 ден. съ выти, „не вѣдаемъ почему, по недружбѣ“, какъ писалъ андреевскій міръ въ челобитныхъ государю въ 1625 г. Въ этомъ размѣрѣ Андреевская волость платила оброкъ до писцовъ Парѳенія Мансурова и подьячаго В. Архипова въ 1625 г., когда она обратилась съ просьбой объ уравненіи ея оброкомъ съ прочими волостями. Дань и другіе четвертные доходы она платила въ одинаковомъ размѣрѣ съ прочими волостями. Пр. Д. 1627 № 80.

этимъ терминомъ обозначено 12 видовъ разныхъ налоговъ, именно: 1) дань, 2) „запросъ", 3) „за поминочные черные соболи"—очевидно, налогъ, когда-то платившійся натурою, собольими мѣхами, отправлявшимися московскимъ правительствомъ въ „поминки" въ татарскія орды; 4) ямскія деньги—старинный сборъ, имѣвшій нѣкогда спеціальное назначеніе, указываемое его названіемъ, позже слитый съ данью; его слѣдуетъ отличать отъ сбора ямскихъ денегъ, входившихъ въ составъ ямской повинности XVII вѣка и отъ „большихъ ямскихъ денегъ", платимыхъ замосковными городами, которыхъ вообще Поморье не платило; 5) „приметныя деньги", 6) „за посошные люди", 7) „за городовое, засѣчное и емчужное дѣло"; плату „за городовое дѣло", точно также слитую здѣсь съ данью, слѣдуетъ отличать отъ повинности городового дѣла, взимавшейся натурою или деньгами въ XVII вѣкѣ; 8) поплужная пошлина, 9) соколій оброкъ; 10) казначеевы пошлины; 11) дьячьи пошлины; 12) подьячьи пошлины. Такимъ образомъ подъ словомъ *дань* мы видимъ здѣсь цѣлую археологическую коллекцію финансовыхъ переживаній, какъ бы застывшихъ въ своихъ архаическихъ и чрезвычайно небольшихъ, совсѣмъ уже не удовлетворявшихъ требованіямъ XVII вѣка размѣрахъ. По сольвычегодской писцовой 1625 года дань взималась въ 6 руб. 12 алт. 2 д. съ малой сошки. Наконецъ, третій разрядъ четвертныхъ платежей составляли по той же писцовой пищальныя деньги по 12 алт. 1 деньгѣ съ сошки.

Въ Устюжскомъ уѣздѣ по писцовой 1623—26 гг. не встрѣчаемъ платежей, обозначаемыхъ въ сольвычегодской книгѣ названіями: запросъ, за поминочные черные соболи, за посошные люди, поплужная пошлина, ямскія деньги, но за то здѣсь есть такіе сборы, какихъ не знаетъ Сольвычегодскій уѣздъ, именно: кормовыя деньги и праветчиковы пошлины, сборъ „съ ростовскихъ горъ за кречеты". Совокупность сборовъ, сливаемыхъ въ Устюжскомъ уѣздѣ съ данью въ одинъ окладъ, взимается въ размѣрѣ близкомъ къ окладу сольвычегодскихъ 12 данныхъ сборовъ, именно по 6 р. 7 алт. 2 ден. съ малой сошки. Но кормовыя деньги и праветчиковы пошлины взимаются по особому окладу, и притомъ довольно большому, именно по 1 р. 7 алт. 4 ден. съ малой сошки, такъ что Устюжскій уѣздъ былъ обложенъ четвертными доходами тяжеле Сольвычегодскаго.

Въ Тотемской писцовой книгѣ подъ *данью* разумѣется нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ уѣздахъ. Здѣсь дань, не распадающаяся на мелкія составныя части, представляетъ собою процентный сборъ съ суммы намѣстничаго оброка, взимаемый въ размѣрѣ 6%: „оброку съ выти по 1 р. 16 алт. 4 ден., дани съ рубля по 2 алтына", какъ обозначаетъ размѣръ дани писцовая. Однако на практикѣ дань взималась въ иномъ, но также, впрочемъ, въ почти постоянномъ отношеніи къ суммѣ оброка, именно 1 : 5, т. е составляла 20% оброка[1]). Для большей ясности различія четверт-

[1]) Такъ по „росписи государевымъ царевымъ и в. кн. Михаила Ѳедоровича... четвертнымъ денежнымъ доходамъ, что взяты въ государеву казну... съ Тотьмы съ посаду и съ тотемскаго уѣзду съ живущаго на ... 135 г. противъ

ныхъ доходовъ въ интересующихъ насъ трехъ уѣздахъ приведемъ ихъ таблицу:

Сольвычегодскъ. (по книгѣ 1625 г.).	**Устюгъ В.** (по книгѣ 1623—26 гг.).	**Тотьма.** (по книгѣ 1623—25 гг)
I. Оброкъ за намѣстничъ кормъ и за присудъ, и за ихъ пошлинныхъ людей *съ выти* по 1 р. 16 алт. 5 ден.	I. 1. Оброкъ за намѣстничъ доходъ *съ выти* по 1 р. 13 алт. 5 ден. 2. Пошлинъ съ того оброка съ рубля по 2 алт.	I. Оброкъ *съ выти* по 1 р. 16 алт. 4 ден.
II. Дань. 1. Дань 2. Запросъ 3. За поминочные черные соболи 4. Ямскія деньги 5. Приметныя деньги 6. За посошные люди — 2 ден. съ сошки. 7. За городовое, засѣчное и емчужное дѣло 8. Поплужная пошлина 9. Соколій оброкъ 10. Казначеевы пошлины 11. Дьячьи пошлины 12. Подьячьи пошлины — по 6 р. 12 алт.	II. Дань. 1. Дань 2. Приметныя деньги 3. За городовое, засѣчн. и емчужное дѣло — 2 ден. съ сошки. 4. Соколій обр. 5. Казначеевы пошлины 6. Дьячьи пошлины 7. Подьячьи пошлины — по 6 р. 7 алт.	II. Дань—съ рубля по 2 алт.
III. Пищальныя деньги по 12 алт. 1 ден. съ сошки.	III. Пищальныя деньги со всего уѣзда 1 р. 26 алт. $1^1/_2$ ден. IV. Кормовыя деньги и праветчик. пошл. по 1 р. 7 алт. 4 ден. съ сошки. V. Съ ростовск. горъ за кречеты 1 р. со всего уѣзда.	

Группа новыхъ повинностей и сборовъ, которые появляются съ XVII столѣтіемъ, была болѣе общей для трехъ занимающихъ насъ уѣздовъ, хотя и въ этой группѣ далеко не было тождества. Со всѣхъ трехъ уѣздовъ собирались полоняничныя деньги. Вѣроятно, въ одинаковыхъ размѣрахъ и одновременно

прошлаго 134 году. съ волости Коченги оброку взято съ полутрети сошки 5 р. $1^1/_2$ д., дани 1 р. 7 д.; съ волости Уфтюги съ сошки безъ чети оброку 26 р. 13 алт. $2^1/_2$ д., дани 4 р. 24 алт. 1 д.“ и т. д. Замѣтимъ, что оброкъ налагается по этой росписи вопреки книгѣ по сошному письму, а не по вытямъ. Пр. Д. 1626 № 2.

на уѣзды падала повинность поставки даточныхъ людей. Каждый изъ уѣздовъ исполнялъ свое городовое дѣло, и этотъ видъ тягла разнообразился, смотря по размѣрамъ городскихъ укрѣпленій. Въ 1629 г. сольвычегодцы заявили, что они въ то время ставили острогъ „мірскими деньгами", собирая съ малой сошки для этой цѣли по 12 рублей[1]). Устюжцы также тяготились своимъ городовымъ дѣломъ и стремились привлечь къ участію въ немъ другіе города. Всѣ уѣзды платили сборъ частію натуральный, частію денежный московскимъ стрѣльцамъ на жалованье, собиравшійся по большимъ московскимъ сохамъ. Окладъ этого сбора устанавливался ежегодными государевыми указами за рѣдкими исключеніями въ однообразныхъ размѣрахъ для всего Поморья. Два уѣзда: Сольвычегодскій и Устюжскій участвовали въ поставкѣ „сибирскаго" запаса служилымъ сибирскимъ людямъ на жалованье; но особенно ощутительно этотъ сборъ ложился на Устюжскій уѣздъ, какъ мы это знаемъ изъ его ходатайствъ 1638 г. Тотемскій уѣздъ въ этой повинности не участвовалъ. Всѣ три уѣзда отбывали ямскую повинность, но и это бремя также ощущалось каждымъ изъ нихъ различно, благодаря разницѣ между ними въ географическомъ положеніи, отъ котораго зависѣли размѣры повинности и различія въ самой ея организаціи. Въ Тотьмѣ еще въ XVI вѣкѣ существовалъ одинъ ямъ въ самомъ посадѣ, съ котораго давались лѣтомъ суда, а зимою подводы вверхъ по Сухонѣ до Шуйскаго, а внизъ до Бобровскаго яма, а также давались подводы по направленіямъ въ Солигаличъ и въ Важскій уѣздъ. Къ участію въ содержаніи этого яма тотмичи привлекали жителей Устьянскихъ волостей, которымъ удалось освободиться отъ этого участія грамотой Ивана IV отъ 1546 года. Ямщики на ямъ комплектовались посредствомъ найма. Въ 1639 г. правительство, принимая мѣры къ поддержанію этого яма, предписало тотемскому воеводѣ замѣнить наемныхъ ямщиковъ выборными, что создавало для уѣзда кромѣ денежной повинности еще и повинность личной службы. Воевода обратился къ всеуѣздному міру, но всеуѣздное земское собраніе рѣшило и на текущій 1639—40 г. комплектовать ямщиковъ посредствомъ найма. „Приговорили мы, земскій староста", писало собраніе воеводѣ, „и лучшіе, и средніе, и молодшіе люди, и Тотемскаго уѣзда волостные крестьяне по совѣту для своей легости на тотемскій ямъ на нынѣшній на 148 годъ для ямскихъ отпусковъ нанять ямщиковъ, потому что намъ, сошнымъ людемъ, съ тѣми наемными ямщиками въ ямскихъ издержкахъ быть прибыльнѣе". На обременительность ямской повинности тотемское земство, кажется, не жаловалось[2]). Въ Устюжскомъ уѣздѣ было три яма: одинъ на Сухонѣ—Бобровскій, два другіе на С. Двинѣ—Ягрышскій и Усть-Евдскій, послѣдній при впаденіи въ С. Двину рѣчки Евды, гдѣ находился становой дворъ[3]). Но въ самомъ Устюгѣ яма не было. Его населеніе отбывало ямскую повинность непосредственно, поставляя суда и подводы для проѣзжихъ, имѣв-

[1]) Пр. Д. 1628 № 74.
[2]) Пр. Д. 1649 № 31. Пр. Д. 1640 № 43. Пр. Д. 1639 № 45.
[3]) I, стр. 280.

шихъ казенныя подорожныя. Для завѣдыванія ямскою повинностью, для раскладки и сбора ямскихъ денегъ всеуѣздное земство въ 1620-хъ годахъ выбирало ежегодно въ августѣ четырехъ ямскихъ старостъ: двухъ отъ посада и двухъ отъ уѣзда, подчиненныхъ воеводѣ, въ съѣзжей избѣ котораго сосредоточивались всѣ ямскіе сборы и отчетность [1]). Въ 1635 г. у правительства была мысль устроить въ Устюгѣ ямъ, и оно освѣдомлялось по этому поводу у посыльщиковъ устюжскаго земства. Земство высказалось противъ устройства яма и просило изъять ямскую повинность изъ вѣдомства воеводы и передать ее въ завѣдываніе таможеннаго головы, при которомъ для ближайшаго завѣдыванія ею быть двумъ выборнымъ ямскимъ старостамъ, одному отъ посада, другому отъ уѣзда. Правительство отказалось отъ яма и согласилось на просимую перемѣну въ администраціи повинности, потребовавъ, чтобы для ближайшаго завѣдыванія ею подъ надзоромъ таможенныхъ и кабацкихъ головъ земство выбирало посадомъ и уѣздомъ ямского старосту съ двумя или тремя цѣловальниками изъ лучшихъ людей [2]). Такъ какъ и на эту коллегію земство имѣло основаніе жаловаться и приписывать ей даже запустошеніе посада и уѣзда, то въ 1654 г. было предписано таможеннымъ головамъ и ямскимъ старостамъ дѣйствовать подъ непосредственнымъ контролемъ земскихъ властей: покупку судовъ и всякой судовой снасти, равно какъ и наемъ большого числа людей на суда производить въ присутствіи земскихъ судей и цѣловальниковъ, „чтобъ та ихъ покупка мірскимъ людемъ была вѣдома“ [3]). Такимъ образомъ ямская организація Устюжскаго уѣзда слагалась изъ коллегіи ямскихъ старостъ на Устюгѣ и „ямщиковъ“, завѣдующихъ ямами: Бобровскимъ, Ягрышскимъ и Усть-Евдскимъ. Ямскимъ старостамъ на Устюгѣ было всегда не мало хлопотъ при томъ оживленномъ движеніи, которое шло по Двинѣ и Сухонѣ между Вологдою и Архангельскомъ. Здѣсь постоянно двигались въ Архангельскъ и обратно отряды служилыхъ людей, проѣзжали иноземныя посольства со свитами, воеводы и другіе служилые чины, перевозилась разнаго рода государева казна, купленная въ Архангельскѣ или наоборотъ направляемая туда для продажи, и Устюгъ былъ какъ разъ пунктомъ, гдѣ совершалась пересадка людей и перегрузка товаровъ съ архангельскихъ судовъ на другія, шедшія до Вологды и наоборотъ, такъ что здѣсь долженъ былъ быть постоянно наготовѣ значительный запасъ судовъ. Эти же старосты должны были выдавать прогоны за наемныя суда, везшія государеву казну или посольства въ тѣхъ случаяхъ, если эти суда въ Устюгѣ не мѣнялись: за большія по 2 гривны, за малыя по гривнѣ съ сажени. Все это ямское хозяйство оплачивалось изъ ямскихъ денегъ, которыя собирались старостами. Эти ямскія деньги, шедшія дѣйствительно на почтовыя сообщенія, не слѣдуетъ смѣшивать съ „ямскими

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 55. „Выбираемъ, государь, на Устюгѣ посадѣ въ ямскіе старосты съ посаду и съ уѣзду на всякой годъ по четыре человѣка“.

[2]) Пр. Д. 1635 № 52. Пр. Д. 1637 № 58.

[3]) Д. А. И. III № 117.

деньгами", которыя входили въ составъ дани, которыя нѣкогда также были сборомъ, назначеннымъ на ямскую организацію, но въ XVII вѣкѣ взимались, какъ одинъ изъ налоговъ, только по названію напоминавшій ту цѣль, которой онъ служилъ раньше. Будучи собранъ, онъ вмѣстѣ съ остальными „данными" деньгами отправлялся въ казну. Новыя, дѣйствительно ямскія деньги, будучи собраны, въ казну не передавались, а оставались на мѣстѣ, какъ видимъ, въ съѣзжей или затѣмъ въ таможенной избѣ и издерживались ямскими старостами на прогоны и вообще на организацію сообщеній. Поэтому онѣ и называются иногда „мірскими" ямскими деньгами. Въ Устюжскомъ уѣздѣ ямскія деньги разверстывались старостами по малымъ сошкамъ. Въ 1620-хъ годахъ на сошку по этимъ разрубамъ приходилось по 15 руб., но затѣмъ этотъ окладъ нерѣдко повышался и доходилъ до 30 руб., что вызывало горькія жалобы устюжскаго земства.

Болѣе всего тяготился ямскою повинностью Сольвычегодскій уѣздъ. Черезъ него шло сообщеніе съ Сибирью, притомъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, на Соликамскъ; по этой дорогѣ приходилось сольвычегодцамъ гонять почту зимнимъ путемъ до Кайгорода, разстояніе въ 500 верстъ, платя за подводу по 5 рублей и больше, а лѣтнимъ водянымъ путемъ до Соликамска, разстояніе въ 100 верстъ, платя за подводу (лодку) также по 5 и по 6 рублей. Другое направленіе шло въ городъ Березовъ черезъ „Камень"—Уральскія горы, также водянымъ лѣтнимъ путемъ, разстояніемъ въ 3000 верстъ, причемъ наемъ подводы обходился на этотъ путь въ 13 р. Кромѣ того сольвычегодцы давали подводы до Пустозерска на разстояніе 1500 верстъ и до Вятки—500 верстъ[1]). Организованныхъ, „стройныхъ" ямовъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ не было; подводы: лошади и лодки поставлялись за прогонныя деньги обывателями. Если устюжское земство тяготилось ямскимъ обложеніемъ по 30 рублей съ сошки, то въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ только за полгода съ 1-го сентября по 25 марта 137 (1628—1629) г. было собрано также съ малой сошки по 40 руб. однихъ законныхъ поборовъ, не считая разоренія, причиненнаго обывателямъ „боярскими грабежами", т. е. вымогательствами, требованіями лишнихъ подводъ и другими притѣсненіями, а также не считая убытковъ, понесенныхъ отъ палыхъ и хромыхъ лошадей. Ямскія деньги въ суммѣ, значительно превосходившей максимальный устюжскій годовой поборъ, взяты были съ Сольвычегодскаго уѣзда только за первое полугодіе финансоваго года, „а впредь, государь, въ тѣхъ ямскихъ отпускѣхъ и промѣру не вѣдаемъ", какъ писали сольвычегодцы въ челобитной государю, предвидя на второе полугодіе еще большее увеличеніе ямского побора[2]). Кажется, ямская повинность была именно главной тяготой Сольвычегодскаго уѣзда. Этотъ уѣздъ былъ ямскимъ по преимуществу: ямскіе отпуски, наемъ подводъ, уплата прогоновъ и сборъ ямскихъ денегъ были главнымъ занятіемъ сольвычегодскихъ всеуѣздныхъ земскихъ властей, и недаромъ сольвычегод-

[1]) Пр. Д. 1625 № 25.
[2]) Пр. Д. 1628 № 74 въ концѣ.

скій всеуѣздный земскій староста носилъ также названіе всеуѣзднаго *ямского* земскаго старосты.

Кромѣ этихъ все же въ значительной мѣрѣ общегосударственныхъ сборовъ и повинностей три изучаемые уѣзда отбывали еще разнаго рода спеціальные повинности и сборы, падавшіе на всѣ три уѣзда, или даже спеціальные для каждаго въ отдѣльности, вызванные какими-либо единичными и случайными обстоятельствами. Такъ въ январѣ 1635 года былъ изданъ указъ о выборѣ изъ поморскихъ городовъ, вѣдавшихся въ Устюжской четверти, 10 человѣкъ лучшихъ и состоятельныхъ людей, „которые бъ были не воры и прожиточны, и душею прямы“, для посылки ихъ въ сибирскіе города въ таможенные головы. Повинность эта была распредѣлена между тремя городами: Устюгомъ Великимъ, Сольвычегодскомъ и Тотьмой[1]). Въ челобитной 1647 года Устюгъ Великій жаловался, что ему приходится ежегодно выбирать больше 70 человѣкъ на разнаго рода мѣстныя и отъѣзжія службы, именно человѣкъ 8, 9 въ мѣстные таможенные и кабацкіе цѣловальники, по 13 человѣкъ въ цѣловальники въ съѣзжую избу, къ конюху, пріѣхавшему собирать съ уѣзда конскія пошлины, къ пушечной и пороховой казнѣ, по 2 въ таможенные и кабацкіе головы въ отъѣздъ на Тотьму и въ Яренскъ, а позже также въ Кевроль и на Мезень, по 7 человѣкъ въ таможенные головы въ Сибирь, далѣе къ сбору соляной пошлины, къ табачной продажѣ и пр.[2]). Въ челобитной 1629 года сольвычегодское земство высчитывало, что содержаніе присланнаго въ 1626 году правительственнаго сыщика по губнымъ дѣламъ обошлось въ 31 руб. 30 алт. 5 д. Содержаніе его, слѣдовательно, оказалось особой повинностью уѣзда. Въ томъ же 1626 году присланъ былъ въ Сольвычегодскъ въ ссылку нѣкій „юргенскій царевичъ Неѳедко Асбызъ“, котораго велѣно было держать въ тюрьмѣ. Его однако поселили на жилыхъ дворахъ, и содержаніе узника сдѣлалось повинностью земства, которому оно и обошлось съ 1626 по 1629 г. въ 38 р. 3 алт. 2 д. Въ 1627 году пріѣхалъ въ Сольвычегодскъ дворянинъ Загряжскій съ „нѣмцами-рудознатцами“, возвращавшіеся изъ Перми съ горныхъ развѣдокъ и прожили въ Сольвычегодскѣ все время распутицы. Ихъ содержаніе стоило земству 29 р. 3 алт. 1 ден. и т. д.[3]). Спеціальныя повинности падали также на отдѣльныя волости. Къ такимъ можно отнести мелкія волостныя „городовыя дѣла“, т. е. повинность сооруженія разсѣянныхъ по разнымъ пунктамъ уѣзда „городковъ“, небольшихъ крѣпостей, падавшую на окрестныя волости. Такъ напр. городки въ Турчасовѣ и Устьмошскомъ стану содержались и поддерживались этими станами. Городокъ Сосновецъ въ Устюжскомъ уѣздѣ сооружался и содержался четырьмя сосѣдними волостями, которыя выбирали и завѣдующаго имъ „городчика“[4]).

[1]) Пр. Д. 1635 № 2.

[2]) Пр. Д. 1646 № 52.

[3]) Пр. Д. 1628 № 74.

[4]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 2—3. Приносимъ искреннюю признательность С. Б. Веселовскому, сообщившему намъ нѣсколько цѣнныхъ документовъ для этой главы.

Итакъ въ организаціи обложенія въ поморскихъ уѣздахъ — полное отсутствіе какого-либо единства. Обложеніе, какъ и административное дѣленіе края, представляетъ собою безпорядочный складъ историческихъ переживаній, нагроможденныхъ одно на другое временемъ. Свести его въ какую-либо единую общую схему невозможно. Въ документахъ XVII вѣка можно замѣтить три разныя классификаціи повинностей и податей, которыхъ мы уже касались выше, но которыя мы приведемъ еще разъ, чтобы придать этой финансовой мозаикѣ хоть какое-либо внѣшнее единство. Прежде всего въ тѣхъ бюджетахъ, какіе составлялись на каждый годъ по приказамъ, сборы дѣлились на *неокладные* и *окладные* по признаку возможности фиксированія обязательной цифры. Къ первымъ относились судебные штрафы, пошлины за отправленіе правосудія и за другіе правительственные акты, а также разныя непредвидѣнныя случайныя поступленія. Въ составъ окладныхъ входили: косвенные сборы (таможенные и кабацкіе) и прямые, раскладывавшіеся по разнаго рода единицамъ, повсегодные (обыкновенные) и запросные (чрезвычайные). По другой классификаціи сборы дѣлились по ихъ направленію на а) *„четвертные доходы“*, поступавшіе въ ту четверть, которая управляла тѣмъ или другимъ уѣздомъ, и b) группу сборовъ, поступавшихъ въ другіе приказы помимо четвертей, или расходовавшихся на мѣстѣ. Въ составъ четвертныхъ доходовъ войдутъ и неокладные, и окладные: косвенные (таможенные и кабацкіе) и прямые: дань, старинный оброкъ за отмѣну намѣстничьяго управленія, оброки за пользованіе казенными оброчными статьями. Часть этихъ доходовъ фиксируется писцовыми книгами, часть носитъ названіе „новоприбылыхъ послѣ писцовыхъ книгъ“. Къ послѣдней категоріи относятся повышенія оброчной платы за пользованіе казенными оброчными статьями сверхъ установленной писцовыми книгами, та „наддача“, съ которой сдавались эти статьи на оброкъ вновь по истеченіи срока держанія, а также данные и оброчные и др. сборы съ тяглыхъ участковъ, вышедшихъ послѣ писцовыхъ книгъ изъ льготы, на которую они отданы были по книгамъ. Въ группу сборовъ, не поступавшихъ въ четверти, шедшихъ въ разные другіе приказы или расходовавшихся на мѣстахъ, входятъ крупныя повинности и подати, установленныя главнымъ образомъ въ XVII вѣкѣ. Сюда относятся экстренные сборы, каковы напр., пятинныя деньги и болѣе постоянные, взимавшіеся, впрочемъ, въ различныхъ для каждаго года окладахъ, каковы: сибирскій запасъ на содержаніе сибирскимъ служилымъ людямъ, хлѣбъ и деньги на жалованье московскимъ стрѣльцамъ, деньги за солдатскіе кормы, деньги ратнымъ людямъ на жалованье, сборъ даточныхъ людей, полоняничныя деньги, ямскія деньги, сборы натурой и деньгами на городовое дѣло и др.

Наконецъ, третья классификація, которую можно уловить въ памятникахъ, дѣлитъ всѣ сборы въ зависимости отъ того, кѣмъ назначается ихъ окладъ, правительствомъ или земствомъ, на а) государевы подати и b) мірскіе разметы. Первыя—тѣ, окладъ которыхъ устанавливается правительствомъ и которыя идутъ или въ московскую казну, напр., четвертные доходы, на жалованье стрѣльцамъ, или направляются по указаніямъ изъ

Москвы, напр., сибирскій запасъ. Подъ мірскими разметами вообще разумѣлись тѣ, окладъ которыхъ устанавливался на мѣстахъ и которые расходовались на исполненіе какой-либо казенной потребности. Такъ напр. окладъ ямскихъ денегъ, не *данныхъ* ямскихъ, а шедшихъ дѣйствительно на ямскую организацію, устанавливался на мѣстныхъ всеуѣздныхъ земскихъ совѣтахъ, смотря по мѣрѣ потребностей этой организаціи. Точно также устанавливались на мѣстѣ и разрубались оклады и другихъ разныхъ повинностей, шедшихъ на удовлетвореніе казенныхъ надобностей, въ зависимости отъ тѣхъ расходовъ, которые этими надобностями вызывались, напр., на городовое дѣло, на содержаніе разнаго рода пріѣзжавшихъ въ уѣздъ должностныхъ лицъ и т. п. Сборы эти, не передаваясь въ Москву, сосредоточивались въ мѣстномъ казначействѣ: въ съѣзжей или таможенной избѣ. Къ этимъ же „мірскимъ разметамъ“ относились также и тѣ мѣстные сборы, которые устанавливались самими земствами и шли на земскія мірскія нужды, имѣли цѣлью удовлетвореніе не государственныхъ, а собственныхъ мірскихъ потребностей.

Глава VII.

Финансовая дѣятельность земскаго міра. Раскладка и взиманіе сборовъ.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть участіе земскаго міра, волостного и всеуѣзднаго въ самой техникѣ взиманія повинностей, въ ихъ раскладкѣ, сборѣ и доставкѣ собраннаго по назначенію. Этотъ вопросъ также былъ подвергнутъ изученію въ нашей литературѣ, и наша задача поэтому можетъ ограничиться лишь сообщеніемъ нѣсколькихъ ранѣе неизвѣстныхъ, хотя впрочемъ и не представляющихъ особой важности документовъ. Мы уже видѣли выше, что такъ называемые четвертные доходы взимались по постояннымъ окладамъ, установленнымъ въ писцовыхъ книгахъ, и что та группа сборовъ, которая не входила въ составъ четвертныхъ, именно крупные налоги XVII вѣка, взималась въ окладахъ, ежегодно измѣнявшихся. Такимъ образомъ сборы перваго рода могутъ считаться постоянными, сборы второго рода—перемѣнными. Но тѣ и другіе ожидали для поступленія въ казну каждый годъ особаго указа, который давалъ толчекъ къ ихъ взиманію, и безъ такого указа мѣстныя власти не приступали даже и къ сбору постоянныхъ податей. Разница между указами въ обоихъ случаяхъ заключалась лишь въ томъ, что указъ о взиманіи четвертныхъ сборовъ предписывалъ взыскать ихъ уже по извѣстному, установленному окладу; указъ же о взиманіи крупныхъ налоговъ XVII в., какихъ-либо сибирскихъ запасовъ, сборовъ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ или на кормъ солдатамъ и т. д., устанавливалъ и самый окладъ, давалъ цифру взыскиваемаго сбора. Указъ о сборѣ четвертныхъ доходовъ шелъ въ поморскіе уѣзды непосредственно изъ соотвѣтствующей четверти, Новгородской или Устюжской; указы объ остальныхъ сборахъ шли черезъ четверть изъ тѣхъ приказовъ, которые этими сборами завѣдывали: напр. распоряженіе о сборѣ московскимъ стрѣльцамъ на жалованье шло изъ стрѣлецкаго приказа, и Устюжская или Новгородская четверти были при этомъ только передаточными инстанціями. Въ тѣ уѣзды, которыми управляли воеводы, указы адресовались этимъ послѣднимъ [1]). Въ Устьянскія

---

[1]) Пр. Д. 1622 № 35. 131 г. Грамота вятскому воеводѣ о сборѣ сибирскаго запаса. Пр. Д. 1626 № 2. 134 г. Грамота сольвычегодскому воеводѣ о сборѣ московскимъ стрѣльцамъ на жалованье по 90 рублей съ большихъ сохъ. Пр. Д. 1635 № 9. 7142 г. Грамота сольвычегодскому воеводѣ о сборѣ четверт-

волости, свободныя отъ воеводскаго управленія и неимѣвшія всеуѣздныхъ властей, грамоты о сборахъ адресовались земскимъ судейкамъ, старостамъ, цѣловальникамъ и всѣмъ крестьянамъ. Но и въ уѣзды, управлявшіеся воеводами, наряду съ грамотами о сборахъ на имя воеводъ посылаются также особыя грамоты земскимъ властямъ [1]). Получивъ предписаніе о сборѣ, воевода сообщалъ его земскимъ властямъ. Начинался „разводъ“ оклада, т. е. распредѣленіе его по земскимъ областнымъ единицамъ. Въ Вятской землѣ окладъ, назначаемый общею суммой на всю землю, разводился собраніемъ земскихъ старостъ этихъ уѣздовъ по пяти составлявшимъ ее уѣздамъ [2]). По писцовой книгѣ 1608 г. Яренскій уѣздъ не представляется еще вполнѣ опредѣленнымъ административнымъ цѣлымъ; это еще агломератъ плохо спаянныхъ, самостоятельныхъ частей. Книга и предписываетъ яренчанамъ во всѣхъ повинностяхъ „въ службѣ и въ подводахъ, и во всякихъ розметахъ считаться съ вымичи, съ сысоличи, съ усть-вымичи, съ плесовичи и съ Ужгою“ [3]). Эти разводы по такимъ крупнымъ частямъ совершались довольно механически: окладъ дѣлился пропорціонально количеству податныхъ единицъ, значащихся въ каждой части. „А промежъ себя“, продолжаетъ далѣе только что цитированная книга, „вычегжанамъ Яренскаго городища (т. е. жителямъ Яренскаго уѣзда собственно) во всякихъ податѣхъ считатися смотря по своимъ животомъ и промысломъ“. Значитъ, здѣсь книга дѣлаетъ разницу между разверсткой оклада по крупнымъ частямъ всей Вымской земли и между раскладкою его внутри каждой такой части. Окладъ, приходившійся на всю Вымскую землю, распредѣлялся по ея крупнымъ частямъ, какъ Яренскій уѣздъ собственно, Вымь, Усть-Вымь, механически, по податнымъ единицамъ; тогда какъ доля оклада, приходившаяся на Яренскій уѣздъ собственно, раскладывается внутри его пропорціонально „животамъ и промысламъ“, т. е. хозяйственнымъ силамъ и средствамъ плательщиковъ. Окладъ, падавшій на Важскую землю, предписывалось въ 1682 году разводить между всѣми важскими четвертями поровну на четыре доли, а не вычислять его по количеству наличныхъ дворовъ въ каждой четверти, какъ это, вѣроятно, практиковалось передъ тѣмъ [4]).

ныхъ доходовъ, московскимъ стрѣльцамъ на жалованье, солдатамъ кормовыхъ денегъ и о сборѣ ратныхъ людей; Пр. Д. 1636 № 81. 144 г. Грамота чердынскому воеводѣ о сборѣ четвертныхъ доходовъ, стрѣлецкихъ, ясака и др.

[1]) Пр. Д. 1626 № 2 ...„въ 134 г. декабря въ 3 день прислана къ Соли (Вычегодской) твоя государева... грамота... къ выборнымъ къ земскимъ судейкамъ и къ старостамъ, и къ цѣловальникамъ, а въ твоей государевѣ грамотѣ писано, велѣно съ Соли Вычегодской, съ посаду и со всего Усольскаго уѣзду съ становъ и съ волостей собрать, а на ослушникахъ доправить на нынѣшній на 134 годъ твои государевы четвертные денежные доходы по окладу противъ прошлаго 133 г.“

[2]) *Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, стр. 266, 290.

[3]) Арх. мин. юст. писц. кн. 142.

[4]) Р. И. Б. XIV, 458.

Итакъ, былъ ли уѣздъ самостоятельной областной единицей, или входилъ какъ часть въ составъ слѣдующаго высшаго цѣлаго—земли, окладъ каждаго налога назначался на него общей цифрой. Въ первомъ случаѣ эта цифра указывалась изъ московскаго приказа, во второмъ она представляла собой приходившуюся на уѣздъ долю оклада, падавшаго на „землю". Такъ напр. на 112 (1603—4) годъ на весь Важскій уѣздъ назначенъ былъ окладъ „денежныхъ всякихъ доходовъ" въ 8138 руб. 26 алт., но по случаю неурожая царь Борисъ Годуновъ оказалъ уѣзду милость, убавилъ этотъ окладъ на 1017 слишкомъ рублей[1]). Въ 1647 году для всѣхъ Заонежскихъ погостовъ установленъ окладъ въ 7000 рублей за „всякіе" доходы; здѣсь, какъ видимъ, „всякіе доходы" слиты въ одну общую цифру. Въ другихъ случаяхъ назначается на уѣздъ окладъ каждаго налога порознь, напр. окладъ данныхъ денегъ, оброчныхъ, сибирскаго запаса и т. д. Устьянскія волости по грамотѣ 1625 года обложены были налогомъ въ 1000 руб. 17 алт., замѣнившимъ данныя и оброчныя деньги и сибирскій запасъ. Но окладъ денегъ на жалованье московскимъ стрѣльцамъ опредѣлялся для этихъ волостей ежегодно въ различныхъ суммахъ, „сколько въ которомъ году по государеву указу нарядятъ"[2]). Въ томъ и другомъ случаѣ, устанавливался ли окладъ изъ Москвы, или опредѣлялся на мѣстѣ, онъ падалъ на уѣздъ общею цифрою, охватывавшей притомъ и посадъ, который не отдѣлялся отъ уѣзда въ цифрѣ оклада, а облагался съ уѣздомъ „въ свалъ"[3]). Обнимая такимъ образомъ посадъ съ уѣздомъ, цифра оклада можетъ быть названа „всеуѣздной". Затѣмъ уже происходила разверстка этой всеуѣздной окладной цифры между посадомъ и входившими въ составъ уѣзда волостями. Эта разверстка также имѣла чисто механическій характеръ и производилась по податнымъ единицамъ, вытямъ или сохамъ, значащимся въ каждой волости. Оклады четвертныхъ денегъ для посада и для каждой волости вычислены уже соотвѣтственно количеству податныхъ единицъ въ самыхъ писцовыхъ книгахъ и указаны тамъ въ итогахъ описанія посада и волостей; такъ что задача земскихъ финансовыхъ агентовъ въ разверсткѣ четвертныхъ доходовъ между волостями была довольно простою въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, когда въ волостяхъ не было значительной пустоты и когда онѣ были платежеспособны[4]). Но точно такъ же разводились между волостями и новые повинности и налоги XVII вѣка, какъ тѣ, которые отправлялись затѣмъ въ Москву или по другимъ назначеніямъ, такъ и тѣ, которые издерживались на казенныя потребности на мѣстѣ. Такъ напр., когда Пежемская Устьянская волость въ 1653 году стала ходатайствовать объ отпискѣ ея въ податномъ отношеніи отъ прочихъ Устьянскихъ волостей на томъ основаніи, что она отъ этихъ воло-

---

[1]) А. Э II № 25.

[2]) Пр. Д. 1642 № 159, л. 1.

[3]) *Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, 303.

[4]) См. напр. писцовыя книги: устюжскую 1623—26 гг., тотемскую 1623—24, сольвычегодскую 1625 г. и др.

стей слишкомъ отдалена, въ докладѣ, составленномъ по этому дѣлу въ Устюжской четверти, были указаны платежи четвертныхъ и нечетвертныхъ денегъ, и послѣднія оказываются вычисленными по податнымъ единицамъ вытямъ и сохамъ[1]).

Но вычисленный такимъ образомъ для посада или для волости окладъ раскладывался внутри посада и волости по отдѣльнымъ хозяйствамъ, въ первомъ—по дворамъ, во второй—по деревнямъ и дворамъ, уже инымъ болѣе сложнымъ способомъ. При этой раскладкѣ принималось во вниманіе дѣйствительное хозяйственное состояніе каждаго двора, т. е. количество рабочихъ рукъ, движимое и недвижимое имущество и доходы, вообще постоянный и оборотный капиталъ. Несомнѣнно, что тѣ же экономическія силы и средства имѣлись въ виду и писцовой книгой при выраженіи хозяйствъ вытнымъ письмомъ, такъ какъ эти силы и средства проявлялись въ количествѣ той обработанной пашни, по которой писецъ опредѣлялъ число приходившихся на хозяйство податныхъ единицъ, вытей. Но писцовыя выти были номинальными, а не реальными единицами. Какъ бы застывши въ писцовой книгѣ, онѣ значились до слѣдующаго описанія, тогда какъ живыя хозяйственныя силы и средства быстро измѣнялись: число рабочихъ рукъ увеличивалось или уменьшалось, дворъ богатѣлъ или бѣднѣлъ, хозяйство приносило обильные доходы или шло въ убытокъ—всѣ эти перемѣны до новаго описанія не отражались въ писцовой книгѣ, которая была къ нимъ глуха. Деревня, положенная въ такое-то количество вытей, все еще продолжала числиться въ томъ же количествѣ по писцовой книгѣ, хотя на дѣлѣ ея хозяйственное положеніе въ корень измѣнилось. Писцовая книга не была достаточно чувствительной, не отражала въ себѣ

---

[1]) Пр. Д. 1653 № 111. „А колько съ которой волости стрѣлецкихъ денегъ, въ приходной книгѣ порознь не расписано. А по разводу доведется съ Пежемской волости стрѣлецкихъ денегъ съ живущаго со 103 вытей съ полувытью, а сошнымъ письмомъ съ сохи и съ трети, и съ пол-пол-пол-трети, и съ пол-пол-пол-чети сохи, и съ 5 четвертей безъ полуосьмины и съ пол-пол-полтрети пашни середніе земли и съ полуосьмины пашни худые земли—238 руб. $3^1/_2$ деньги“. Если разверстка податей между волостями Кивокурской и Ракульской въ Кивокурскомъ стану Устюжскаго уѣзда производилась побѣлочно, а не по вытному числу и сошному письму, то это потому, что эти волости, входя въ составъ одного стана, не обособились еще одна отъ другой, и въ нихъ раскладка имѣла внутри-волостной характеръ, о которомъ ниже. Пр. Д. 1637 № 35: „писцы Микита Васильевичъ Вышеславцевъ да Агѣй Ѳедоровъ указали платить всякія твои государевы данныя подати и розрубы волостные до твоего государева указу до новыхъ писцовыхъ книгъ, указали Кивокурской волости всѣмъ крестьяномъ платить съ 132 бѣлъ; а Ракульской волости всѣмъ крестьяномъ платить указали съ 88 бѣлъ“. Однако писцы не занесли этихъ единицъ въ свои книги 1623—26 гг., и когда изъ этихъ книгъ выданы были волостямъ сотныя выписи, въ нихъ бѣлокъ не оказалось: „А какъ въ тѣ волости пришли твои государевы сотныя писцовыя книги, а бѣлки и сохи, государь, въ томъ Кивокурскомъ стану не росписаны, сколько въ которой волости бѣлъ платити“.

дѣйствительныхъ перемѣнъ; жизнь шла гораздо быстрѣе писцовыхъ описаній, отстававшихъ отъ нея и не поспѣвавшихъ за нею. Но если писцовая книга въ значительной степени игнорировала дѣйствительныя, реальныя экономическія перемѣны, то съ своей стороны внутри-посадская и внутри-волостная раскладка игнорировала писцовыя единицы. Застывшія и мертвыя, писцовыя податныя единицы имѣли свое значеніе. Онѣ были счетными единицами. По нимъ писцы облагали волости четвертными доходами, онѣ принимались въ соображеніе при установкѣ цифры оклада другихъ сборовъ на весь уѣздъ; по нимъ разсчитывалась доля оклада, приходившаяся на посадъ или на волость. Но раскладка подати между отдѣльными хозяйствами идетъ не по нимъ, а по дѣйствительнымъ фактическимъ силамъ и средствамъ этихъ хозяйствъ. Такая раскладка по дѣйствительнымъ хозяйственнымъ силамъ и средствамъ, а не по писцовымъ единицамъ предписывается самими писцовыми книгами. Такъ напр. кольская писцовая 1608—11 гг., насчитавъ въ Колѣ 43 человѣка бобылей и наложивъ на нихъ поголовную подать по гривнѣ съ человѣка, предписываетъ этимъ бобылямъ разводить эту подать „межъ себя самимъ по своимъ животомъ“. Описавъ далѣе промысловыя угодья кольскихъ посадскихъ людей, положивъ ихъ въ $74^5/_6$ лука и установивъ окладъ дани съ лука, книга предписала владѣльцамъ луковыхъ угодій эту дань „разводити межъ себя самимъ *по своимъ промысламъ и по животамъ*“, т. е. по доходамъ отъ промысловъ и по имуществу. Описаніе такъ называемыхъ Заборскихъ деревень Баскачьяго стана въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ писецъ 1645 года заканчиваетъ словами: „а верстаться Баскачьяго стану Заборскихъ деревень крестьяномъ окладомъ во всякихъ государевыхъ доходахъ и въ ямской гоньбѣ, и въ стрѣлецкихъ, и въ сибирскихъ хлѣбныхъ запасѣхъ межъ себя *по вся годы* смотря по своимъ животомъ и промысломъ“. Положивъ Хлыновъ посадъ въ $2^7/_{16}$ сохи и назначивъ оклады съ сохи данныхъ, кормовыхъ и пищальныхъ денегъ и разныхъ пошлинъ, вятскій писецъ 1629 года закончилъ перечисленіе этихъ окладовъ предписаніемъ: „верстатися городскимъ и посадскимъ людямъ въ государевыхъ во всякихъ податѣхъ межъ собою по животомъ и промысломъ“. Точно то же видимъ въ началѣ 1680-хъ годовъ при введеніи стрѣлецкой подати, которою обложены были повсемѣстно посадскіе люди и черносошные крестьяне. Единицей обложенія при этомъ былъ, какъ извѣстно, *дворъ*. На каждый крестьянскій черносошный дворъ подать была наложена въ размѣрѣ 1 рубля. Но дворъ былъ въ этомъ случаѣ такою же счетною единицею, какою ранѣе была выть; онъ служилъ только для вычисленія оклада подати; а затѣмъ указомъ 1682 года вычисленный по дворамъ окладъ предписывалось разверстывать всякой волости „по землямъ и угодьямъ“ [1]). Итакъ, писцовыя единицы: выти, записанныя въ писцовыхъ книгахъ, и затѣмъ дворы, зарегистрированные въ переписныхъ, были, какъ позже и души при Петрѣ Великомъ, только счетными единицами, по которымъ вычисля-

[1]) А. И. V № 274.

лась общая сумма подати на все государство и по которымъ эта общая сумма „разводилась“ затѣмъ между областными единицами: землями, уѣздами, посадами и волостями. Внутри посадовъ и волостей эта разведенная такимъ внѣшнимъ механическимъ порядкомъ сумма „разрубалась“ между плательщиками по ихъ дѣйствительнымъ хозяйственнымъ силамъ и средствамъ.

Для такого „разруба“ надо было слѣдить за фактическимъ соотношеніемъ дѣйствительныхъ экономическихъ силъ и средствъ гораздо болѣе пристально и чутко, чѣмъ это могла сдѣлать писцовая книга. Государственнымъ писцамъ, рѣдкимъ гостямъ въ мѣстности, такая работа была недоступна; она была, вѣроятно, съ глубочайшей древности удѣломъ самихъ земскихъ міровъ. Она была предоставлена земскимъ мірамъ и писцовыми книгами.

Посмотримъ, какъ эта раскладка производилась на практикѣ. И въ этомъ случаѣ мы такъ же, какъ и въ очеркѣ податей и повинностей XVII вѣка, опасаемся держаться догматическаго, обобщающаго изложенія, тѣмъ болѣе еще, что по этому вопросу мы не располагаемъ такимъ обиліемъ документовъ, которое давало бы твердую почву для обобщенія. И въ пріемахъ разруба, вѣроятно, была такая же пестрота, какъ и въ самихъ сборахъ. На эту мысль наводитъ тотъ фактъ, что эти пріемы не всегда были извѣстны даже государственнымъ дѣятелямъ XVII вѣка, притомъ имѣвшимъ къ нимъ наиболѣе близкое отношеніе и обязаннымъ, казалось бы, по роду своей службы хорошо ихъ знать. Въ маѣ 1633 года управлявшій Устюжскою четвертью дьякъ Пантелѣй Чириковъ, видный приказный дѣлецъ, разбирая споръ между двумя группами деревень Ростовской Устьянской волости о платежѣ податей, приговорилъ во всѣхъ Устьянскихъ волостяхъ обыскать повальнымъ обыскомъ, „какъ у нихъ во всѣхъ Устьянскихъ волостяхъ данныя и оброчныя деньги и всякіе денежные доходы собираютъ, съ вытей ли поровну или разводятъ и верстаются межъ себя... по животамъ и промысламъ“ [1]). Значитъ, дьякъ, въ вѣдомствѣ котораго были Устьянскія волости, не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о пріемахъ раскладки въ нихъ сборовъ, и очевидно, что причиной такой открыто признаваемой неосвѣдомленности могло быть именно разнообразіе въ мѣстныхъ пріемахъ раскладки, за которымъ трудно было отчетливо слѣдить изъ центра. Разъ это такъ, разъ пріемы раскладки не были въ поморскомъ краѣ повсюду тождественны, осторожнѣе будетъ обратиться сначала къ отдѣльнымъ фактическимъ наблюденіямъ.

Въ ноябрѣ 1638 года въ Сольвычегодскѣ состоялось собраніе посадскаго схода, на которомъ были утверждены основныя правила о раскладкѣ податей между посадскими людьми. До насъ дошелъ протоколъ этого схода. Собраніе было особенно полнымъ. На немъ участвовали, какъ

---

[1]) Пр. Д. 1635 № 5 „...и какъ иные тягли межъ себя разводятъ, повытно жъ ли поровну, или выти рознятъ и будетъ рознятъ и чѣмъ, и въ какихъ деньгахъ рознять“.

гласитъ протоколъ, съ четырьмя посадскими земскими разрубными цѣловальниками во главѣ всѣ посадскіе лучшіе, середніе и молодшіе люди. Судя по именному перечню протокола, ихъ было больше 130 человѣкъ, такъ какъ нѣкоторые изъ перечисленныхъ въ перечнѣ лицъ явились на сходъ „съ братьями“ или „съ дѣтьми“, число которыхъ остается неизвѣстнымъ. Посадскіе люди, какъ выражается актъ, „засѣли“ разрубать и „поводить“ дань и оброкъ, всякія государевы и мірскія подати, отчего и самый протоколъ схода носитъ названіе „засѣдки“. Далѣе въ протоколѣ указываются общіе принципы и порядокъ производства раскладки, которая должна совершаться пропорціонально личному составу хозяйствъ, имуществу и промысламъ, „по животамъ, по промысламъ и по семьямъ“, причемъ намѣчаются имущества и промысловъ: по торгамъ, по лавкамъ, по дворовымъ, лавочнымъ и амбарнымъ мѣстамъ, по полянкамъ и пожнямъ. Сходъ устанавливаетъ самую единицу обложенія и ея величину. Это—*бѣлка*, единица, въ которой нельзя не видѣть отзвука недалекой, можетъ быть, старины, когда подати платились на сѣверѣ мѣхами. Бѣлку составляютъ 80 рублей капитала, надо полагать, какъ основного, такъ и пущеннаго въ промыселъ, оборотнаго. „Приговорили всѣмъ міромъ“, читаемъ въ протоколѣ, „тянути государева дань съ 80 рублей бѣлка“. Кто ведетъ промыслы на чужой взятый взаймы капиталъ, для того единица обложенія устанавливается въ половинномъ размѣрѣ: именно бѣлка со 160 рублей того вложеннаго въ промыселъ занятаго „живота“, „который у него животъ въ промыслу есть“. Наоборотъ, кто промышляетъ отдачей капитала въ ростъ, облагается по этому капиталу обыкновенной бѣлкой—въ 80 рублей. У кого изъ посадскихъ людей нѣтъ имущества, пускаемаго въ промыслы, тѣ облагаются данью по ихъ заработной платѣ. Такъ, кажется, надо толковать несовсѣмъ ясное постановленіе схода, гласящее: „А у которыхъ у посадскихъ людей промыслы, а животовъ у нихъ нѣтъ, а хлѣбомъ сыты (т. е. получаютъ прокормъ въ качествѣ заработной платы), и на тѣхъ класти государева дань по ихъ промысломъ“. Это постановленіе, думаемъ, относится къ классу посадскаго населенія, кормящемуся работой.

Далѣе сходъ устанавливаетъ самую процедуру и внѣшнюю обстановку обложенія бѣлками, вѣроятно, подтверждая то, что уже практиковалось въ дѣйствительности. На окладъ должны являться посадскіе люди, плательщики налога, но не больше какъ по одному изъ семьи. Семьями являться воспрещается, и лишнихъ членовъ семейства предписывается изъ собранія удалять[1]). Окладъ происходитъ въ земской

[1]) Случай, предусмотрѣнный этимъ постановленіемъ о неявкѣ на окладъ семьями, какъ разъ имѣлъ мѣсто въ Устюгѣ В. въ 1644 г., и изъ него можно понять мотивы такого правила. Въ собраніе, гдѣ подъ руководствомъ разрубныхъ цѣловальниковъ производилось бѣлочное обложеніе устюжанъ посадскихъ людей, въ трапезу Богословской церкви вдругъ ворвался вліятельный посадскій торговый человѣкъ и въ то же время „деревенскій владѣлецъ“ Иванъ Емельяновъ Ходутинъ „съ родимцы своими и съ заговорщики“, т. е. съ родней

избѣ послѣ молитвы передъ образомъ Пречистой Богородицы. Каждый, приложившись къ иконѣ, даетъ показаніе о своемъ имуществѣ по совѣсти, что у него „больши того живота нѣтъ“, и кто подтверждаетъ свое показаніе приложившись къ образу, его показаніе не подвергается повѣркѣ: „того человѣка не учитать“. Показаніе по совѣсти должно обнимать все имущество—„всякій животъ: и деньги, и дворы, и лавки, и полянки, и пожни, и кузнь серебряная, и платье доброе и среднее, у кого что есть, и порядня (посуда) мѣдная и желѣзная, и деревянная и добрая, и средняя, что по мірскому приговору пригодится въ счетъ положить, ино класть“, словомъ, всю недвижимость и движимость. Кто ранѣе этого постановленія давалъ ложное показаніе, поцѣловавъ образъ, тому и теперь не вѣрить, а обложить по усмотрѣнію міра, и ему тянуть тягло въ томъ размѣрѣ, какъ обложитъ его міръ. Окладывать постановляется посадскихъ людей лучшихъ, середнихъ и молодшихъ, всѣхъ по порядку, никого не пропуская. Произведеннаго обложенія не пересматривать и никакой переверстки вновь не допускать кромѣ тѣхъ, кто во время обложенія находился въ отъѣздѣ и на окладѣ не присутствовалъ. Посадскихъ людей, которые владѣютъ въ уѣздѣ деревнями, гдѣ они живутъ сами и гдѣ держатъ свое имущество, чтобы уклониться отъ посадскихъ податей, хотя въ тоже время торгуютъ и промышляютъ на посадѣ, не избавлять отъ тягла, а облагать по усмотрѣнію міра. Земельныя угодья въ уѣздѣ, принадлежащія посадскимъ людямъ, живущимъ въ посадѣ, принимать въ соображеніе при окладѣ. На окладѣ соблюдать внѣшнее благочиніе: „пьянымъ людямъ на разрубъ не приходить, а кто придетъ пьянъ, и того высылать вонъ“. Посадскіе люди, обязанные являться на разрубъ, не должны уклоняться отъ этой обязанности; въ противномъ случаѣ рѣшено къ ихъ окладу въ видѣ пени дѣлать надбавку по усмотрѣнію міра. Таковы правила мірского обложенія, постановленныя посадскимъ сходомъ.

Остальныя опредѣленія, внесенныя въ тотъ же протоколъ, касаются правъ и обязанностей разрубныхъ посадскихъ цѣловальниковъ и ихъ взаимоотношенія къ посадскому міру и будутъ нами разсмотрѣны ниже. Какъ видимъ, эти правила имѣли цѣлью выяснить точно экономическое положеніе каждаго тяглеца и выразить его мірской единицей, бѣлкой. По количеству этихъ бѣлокъ, значащихся за каждымъ плательщикомъ, произво-

---

и единомышленниками и началъ передѣлывать окладъ по своему, „порубать данью мимо выборныхъ разрубныхъ цѣловальниковъ и мірскихъ людей своимъ самовольствомъ“, затѣмъ выхватилъ у разрубныхъ цѣловальниковъ коробью съ окладными книгами и запечаталъ ее своею печатью. Себя съ братьями и племянниками онъ обложилъ всего двумя бѣлками, тогда какъ съ его живота, съ торговъ и промысловъ, и съ деревень, какъ заявляли посадскіе люди, можно бы платить съ десяти бѣлокъ и больше. Посадскіе люди устюжане въ количествѣ 69 человѣкъ обратились съ челобитной о томъ, чтобы Ходутина съ его родней вывести съ Устюга изъ тягла въ Москву въ гостиную сотню. Пр. Д. 1645 № 10.

дилась затѣмъ уже самая разверстка каждаго налога и повинности. Эта работа не была уже особенно затруднительной и сводилась къ несложнымъ ариѳметическимъ вычисленіямъ. Итакъ, при разверсткѣ тягла надо различать два дѣйствія: а) бѣлочное обложеніе по имуществу, показанному по совѣсти на собраніи плательщиковъ налога въ торжественной обстановкѣ, b) раскладку податного налога пропорціонально податнымъ единицамъ-бѣлкамъ, которая производилась уже земскими властями [1]).

Отъ посадовъ перейдемъ къ волостямъ и посмотримъ, какъ разверстывалось тягло волостными мірами. Вотъ случай, когда установленное книгами вытное обложеніе въ волости переверстывалось самою волостью по хозяйствамъ сообразно съ силами и средствами послѣднихъ. Осенью 1652 года земскій судейка и группа крестьянъ Варженской волости Устюжскаго уѣзда изъ 15 человѣкъ обратилась къ мѣстному воеводѣ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи произвести переверстку вытей. Челобитчики указывали, что писцовое описаніе Никиты Вышеславцева и Агѣя Ѳедорова, произведенное въ 1620-хъ годахъ, отличалось большими неисправностями, что писцы облагали деревни вытями неровно, однѣ деревни были обложены тяжело, другія легко. Когда по окончаніи описанія волость получила сотную выпись, міръ произвелъ переверстку вытей. Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ, и новой переверстки не было, а между тѣмъ обстоятельства совершенно измѣнились. Земли, которыя прежде приносили хорошіе урожаи и были поэтому обложены тяжелѣе, теперь выпахались и наоборотъ вновь заводившіеся тогда поселки, обложенные легче, разрослись теперь въ деревни съ неистощенной почвой. По всѣмъ этимъ соображеніямъ земскій судейка съ группою крестьянъ просили о переверсткѣ въ цѣляхъ уравненія податной тягости. Воевода помѣтою 2-го ноября 1652 года выразилъ свое согласіе на производство переверстки, но съ тѣмъ, чтобы при этомъ „молодшимъ людямъ бѣднымъ крестьянамъ отъ лучшихъ людей налоги и обиды не было“, для чего предписывалось соблюдать при переверсткѣ правило, не совсѣмъ для насъ ясное: „добрыя выти верстать противъ добрыхъ же вытей, а середнія противъ середнихъ, а худыя противъ худыхъ“. Вторымъ условіемъ, которое поставилъ воевода, было производство обложенія не иначе, какъ всѣмъ волостнымъ міромъ—„окладываться крестьянамъ тягломъ всѣмъ межъ себя съ совѣту всей волости крестьянъ, а заочи судьямъ и цѣловальникамъ никого тягломъ не окладывать“. Это условіе послужило препятствіемъ къ переверсткѣ. Земскій судейка уже съ большею группой крестьянъ, на этотъ разъ изъ 26 человѣкъ, подалъ новую челобитную, въ которой писалъ, что волость міромъ выбрала для производства обложенія особую комиссію, въ которую вошли земскій судейка, церковный староста и трое крестьянъ, что и земскій судейка, и эта пятичленная комиссія посылали по трижды повѣстки крестьянамъ на сходъ, но что полнаго волостного схода собрать не удается, такъ какъ обложенные тяжело на сходъ для переверстки приходятъ, а обло-

[1]) Приложеніе № 4.

женные легко отъ него уклоняются, боясь, разумѣется, невыгодныхъ для себя результатовъ переверстки[1]). Поэтому судейка и крестьяне просили позволить избранной комиссіи произвести переверстку подъ присягой. 25-го ноября на эту челобитную послѣдовала новая резолюція. Воевода удовлетворялъ просьбу о порученіи переверстки указанной комиссіи; но комиссіи предоставлялъ только, такъ сказать, руководство дѣломъ, требуя вновь, чтобы обложеніе производилось на волостномъ сходѣ, чтобы крестьяне верстались межъ собою сами „вправду передъ Спасовымъ образомъ“. Верстать кого либо заочно комиссіи запрещалось. „А которые крестьяне учнутъ ослушаться“, грозилъ воевода, „и на совѣтъ для окладу не пойдутъ, а почнутъ избѣгать, и тѣхъ ослушниковъ велѣть записывать на роспись и ту роспись прислать на Устюгъ, и имъ за то учинятъ наказанье“. На основаніи этого разрѣшенія воеводы комиссіей въ присутствіи волостныхъ крестьянъ 29-го ноября и была произведена переверстка, результаты которой занесены были въ изготовленный тогда поверстный списокъ, представляющій собою перечень деревень волости съ указаніемъ дворохозяевъ въ нихъ и съ обозначеніемъ податной единицы, приходящейся на деревню. Эти единицы были *осьмины*, и только нѣкоторыя деревни обложены прямо вытями. Въ особомъ протоколѣ, въ которомъ изложены дѣйствія комиссіи и указаны присутствовавшія на окладѣ лица, записано было постановленіе о значеніи поверстнаго списка на будущее время впредь до новаго рѣшенія міра: „а поверставъ выти и разрубили земскому судьѣ Климу Павлову собрать съ Варженской волости государевы данныя и оброчныя деньги и съ отвозомъ (т. е. съ расходами на ихъ доставку) противъ прошлаго 160 года съ выти по полтретья ($2^1/_2$) рубли,... да и впредь всякіе государевы доходы собирать, а намъ крестьяномъ платить по сей поверстной, *докуды міромъ поволятъ*“. Поверстный списокъ 161 (1652—53) года дѣйствовалъ не болѣе двухъ лѣтъ. Въ октябрѣ 1654 года варженскій волостной міръ опять безъ участія легко обложенныхъ постановилъ сдѣлать переверстку[2]). Въ 1655—6 году міръ снова приговорилъ въ Варженской волости деревенскія выти поверстать, *смотря по хлѣбу и по сѣнамъ*, что уродилось въ прошломъ году. Протоколъ этого схода показываетъ намъ и самый порядокъ оцѣнки урожая посредствомъ осмотра на мѣстѣ: „приговорили всѣмъ міромъ въ Варженской волости ходить по всей волости по всѣмъ деревнямъ и хлѣба, и сѣнъ досмотрить, и ѣздя досмотря всякую деревню и обложить“. Итакъ въ Варженской волости Устюжскаго уѣзда вытное обложеніе писцовой книги 1623—26 годовъ переверстыва-

---

[1]) Пр. Д. 1652 № 101 ...„И я земской судейка съ товарищи и выборные люди, которыхъ выбрали къ той поверсткѣ по твоему государеву указу по подписной челобитной по всѣхъ крестьянъ посылали двою и трою, и у которыхъ людей деревни тяжелы и тѣ люди приходятъ на станъ, а у которыхъ деревни легки и тѣ люди не приходятъ и твоего государева указу не слушаютъ, и за тѣми ослушники сталъ твой государевъ денежной сборъ“.

[2]) I, 217—218.

лось самими крестьянами, такъ что раскладка и платежъ податей происходили не по вытямъ, обозначеннымъ за деревнями въ писцовой книгѣ, а по вытному письму самого міра, записанному въ „окладныя книги“. Первая такая переверстка имѣла мѣсто тотчасъ же послѣ описанія, вторая въ 1652 году, и затѣмъ можно наблюдать еще двѣ: въ 1654 и 1655—6 годахъ. Единицей обложенія, производившагося самимъ міромъ, была также выть, и въ выти клались міромъ цѣлыя деревни, отдѣльные дворохозяева которыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда деревня состояла изъ нѣсколькихъ дворовъ, должны были, очевидно, разсчитываться между собою. Обложенія 1652 и 1654 годовъ производились особой комиссіей на сходѣ волощанъ, дававшихъ показанія о своемъ имуществѣ. Для обложенія въ 1655—6 году предпринятъ былъ осмотръ хозяйствъ на мѣстахъ [1]).

Въ томъ же уѣздѣ въ Верхнемъ концѣ Комарицкаго стана въ 1628 году обложеніе производится, повидимому, также особой комиссіей, въ составъ которой входили члены земскаго суда: судецкій староста, цѣловальникъ и сотскій, затѣмъ три разрубные цѣловальника отъ трехъ изъ волостей, входившихъ въ составъ стана: Сухопогостской, Канской и Вешкурской и 13 человѣкъ крестьянъ. На эту комиссію приносилъ жалобу крестьянинъ И. Лобановъ, владѣвшій $^1/_3$ деревни Усовой, котораго комиссія должна была поверстать данью съ усольцемъ С. Витязевымъ, владѣвшимъ въ стану деревнями Баранихой и Бабуровской. Жалобщикъ обвинялъ комиссію въ подлогѣ. Первоначально комиссія, разверстывая эти деревни, сняла съ трети деревни Усовой 10 осьминъ дани и наложила ихъ на деревни Бараниху и Бабуровскую, о чемъ и составила поверстную записку; но затѣмъ воровскимъ умышленіемъ, норовя С. Витязеву, написала другую поверстную записку, по которой оказалось, что снята была съ Усовой деревни и переложена на владѣнія Витязева только одна осьмина дани [2]). Можно думать, что эти осьмины — тѣ же единицы мірского обложенія, которыя практиковались и въ переверсткѣ писцоваго вытнаго письма на мірское въ разсмотрѣнныхъ выше случаяхъ въ Варженской волости.

Вотъ два „разрубные списка“ Комарицкаго стана Нижняго конца Устюжскаго уѣзда. Разрубнымъ спискомъ здѣсь назывался какъ протоколъ о мірской раскладкѣ податей, такъ и документъ съ обозначеніемъ мірскихъ окладныхъ единицъ, приходившихся на каждое хозяйство. Изъ перваго разрубного списка мы узнаемъ, что 15 октября 1633 года данный цѣловальникъ стана Н. П. Тарасовъ и 25 перечисленныхъ поименно крестьянъ, дѣйствовавшихъ „во всѣхъ крестьянъ мѣсто“, разрубили нѣсколько сборовъ, именно часть годового сбора, „первый поборъ“ ямскихъ денегъ — въ размѣрѣ 15 рублей съ сошки; затѣмъ „посошныя деньги“ на содержаніе воеводѣ и дьяку по 2 рубля съ сошки; двумъ ратнымъ людямъ, наемъ которыхъ приходился на долю стана на полгода по 10 рублей съ сошки;

---

[1]) Пр. Д. 1652 № 101. Приложеніе № 5.
[2]) Пр. Д. 1632 № 36.

далѣе по 1 руб. съ сошки на полгода за наемъ 10 ратныхъ людей, которыхъ слѣдовало поставить съ Устюга и со всего Устюжскаго уѣзда; по 14 алт. съ сошки за тѣхъ даточныхъ людей, которыхъ не пришлось поставить въ натурѣ „съ перехожихъ четвертей“, т. е. съ тѣхъ лишнихъ четвертей пашни, которыя не укладывались въ податныя единицы, съ какихъ высчитывался сборъ даточныхъ людей; наконецъ, по рублю съ сошки на мѣстные расходы стана—„на становую издержку“. Всего такимъ образомъ было начислено поборовъ съ каждой сошки по 29 рублей 14 алтынъ. Но произведя вычисленіе поборовъ по писцовымъ единицамъ, сошкамъ, данный цѣловальникъ съ крестьянами перечислили этотъ окладъ на тѣ мірскія единицы, которыми облагались отдѣльныя хозяйства,—бѣлки, причемъ оказалось, что съ бѣлки всѣхъ названныхъ выше поборовъ приходилось по 1 руб. 14 алтынъ 2 деньги[1]).

Трудно сказать, кто производилъ въ этомъ случаѣ раскладку, дѣйствовалъ ли здѣсь съ даннымъ цѣловальникомъ во главѣ очень малолюдный волостной сходъ или очень многолюдная окладная комиссія. Выраженіе списка „во всѣхъ крестьянъ мѣсто“, заканчивающее личный перечень крестьянъ, какъ будто даетъ болѣе основаній для второго предположенія. Второй разрубной списокъ относится къ 9-му августа 143 (1635) года. Въ немъ читаемъ, что данный разрубной и окладной цѣловальникъ А. А. Вершинскихъ и 13 человѣкъ перечисленныхъ поименно крестьянъ, дѣйствуя также „во всѣхъ крестьянъ мѣсто“, разрубили по жилымъ деревнямъ данныя и оброчныя деньги, невзысканныя за 142 (1633 — 34) годъ съ пустыхъ деревень стана, и кромѣ того деньги на вознагражденіе приставу и сборщику. Послѣднихъ пришлось по 2 деньги на бѣлку. Къ протоколу о раскладкѣ приложенъ списокъ деревень стана съ указаніемъ именъ дворохозяевъ и количества бѣлокъ, приходящихся на каждаго, напр. ...„деревня *Завотежица*, Васка Исаковъ семь осьминъ, Пятой Селивановъ 2 бѣлки, ...деревня *Вотежица*, Андрейка Ивановъ бѣлка съ полуосьминой, Степанко Ивановъ бѣлка, Нехорошій Ананьинъ бѣлка съ полуосьминой, Калинка Степановъ пол-осьмины“ и т. д. По этимъ бѣлкамъ и осьминамъ и пойдетъ раскладка сбора по отдѣльнымъ хозяйствамъ[2]). Выбирая въ сентябрѣ 1627 года даннаго разрубного цѣловальника, волостной міръ Устьянской Черевковской волости уполномочивалъ его „верста крестьяномъ давать“ и „дань разрубать“, т. е. производить обложеніе крестьянъ мірскими податными единицами и раскладывать по нимъ дань. Эти операціи цѣловальникъ долженъ былъ совершать въ церковной трапезѣ при содѣйствіи особой комиссіи уполномоченныхъ, „съ кѣмъ ему, цѣловальнику, дань разрубать“, которыхъ міръ обязывался избрать изъ своей среды по количеству сохъ[3]).

---

[1]) Пр. Д. 1634 № 84, л. 65—68. Приложеніе № 6.
[2]) Пр. Д. 1634 № 84, л. 62—64. Приложеніе № 7.
[3]) I, прил. V № 14.

Въ Вилегодской волости Сольвычегодскаго уѣзда сборы раскладывались между хозяйствами также по бѣлочному окладу. Въ 1626 году вспыхнулъ раздоръ между тремя приходами, входившими въ составъ этой волости, Покровскимъ съ одной стороны, Никольскимъ и Пречистенскимъ съ другой. Покровскій приходъ стремился обособиться отъ послѣднихъ двухъ въ окладѣ и платежѣ податей и сталъ выбирать себѣ особаго разрубного цѣловальника. Никольцы и пречистенцы жаловались на это нарушеніе старины и въ своей челобитной указывали, что въ прежнее время всегда крестьяне трехъ приходовъ сходились на Никольскій станъ въ земскую избу „дань разрубать и данью верстаться по животамъ, и по промысламъ, и по землямъ, и по угодьямъ, и по семьямъ, кто чего стоенъ“. И теперь они, никольцы и пречистенцы, неоднократно покровцевъ призывали, но тѣ имъ отказали, „въ данную засѣдку“ не писались и на данный разрубъ не пришли[1]).

Термины: „бѣлочный окладъ“, „засѣдка“ и пріемъ верстанья бѣлочнымъ окладомъ „по животамъ, промысламъ и семьямъ“ напоминаютъ намъ порядки, практиковавшіеся въ сольвычегодскомъ посадѣ. Но въ Вилегодской волости бѣлочный окладъ сочетался съ такъ называемымъ „денежнымъ счетомъ“. Подъ „денежнымъ счетомъ“ разумѣется такой способъ раскладки податей, при которомъ податная единица приравнивается къ какой-либо небольшой денежной суммѣ, а затѣмъ, какъ кратныя податной единицы, такъ и ея доли, соотвѣтственно выражаются денежными суммами, и по этимъ денежнымъ суммамъ производится раскладка подати. Напр. если выть приравнивается 2 деньгамъ, то 2 выти будутъ составлять 4 деньги, $^1/_2$ выти—1 деньгу, 3 выти—алтынъ и т. д. Отдѣльныя хозяйства въ Вилегодской волости и облагались по денежному счету, который также называется бѣлочнымъ окладомъ. Такъ въ „рубежныхъ книгахъ“ Никольскаго прихода за 134—36 (1626—28) года читаемъ: „Богданъ Лукояновъ сынъ Саранцынъ по своимъ деревнямъ по двумъ жеребьямъ Саранцынскихъ деревень по Нестеровскому и по Кринкинскому 9 денегъ; онъ же по Фоткинской Чухломина 2 деньги; до по Березовской деревнѣ $3^1/_2$ деньги. Онъ же Богданъ по закладной деревнѣ своей Зыковской по Ивашковскому жеребью Катаргина $3^1/_2$ деньги. Итого на немъ всего даннаго *бѣлошнаго окладу* по всѣмъ его деревнямъ 3 алтына“[2]).

Въ Чарондской округѣ въ Коротецкой волости обложеніе производилось также по „денежному счету“. 5 декабря 1625 года волостной сходъ во главѣ со старостой и двумя земскими судьями избралъ особую комиссію изъ 11 человѣкъ, въ число которыхъ вошелъ и судный цѣловальникъ, для производства обложенія податными единицами: „поверстати въ Божію правду, какъ прежъ сего верстали въ тяглѣ, смотря по землѣ и по угодьямъ, съ тяжелыхъ деревень класти на легкія“. Къ протоколу этого схода приложена „излюбленная поверстная записка“, разсмотрѣнная и утвержденная тѣмъ же сходомъ, но помѣченная также 5 декабря. Что-нибудь изъ двухъ,

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 80.

[2]) Пр. Д. 1630 № 77, л. 12.

или выборы комиссіи произошли ранѣе 5 декабря, и только протоколъ объ избраніи составленъ нѣсколько времени спустя, или утвержденіе поверстной состоялось позже, если только, впрочемъ, не сдѣлать третьяго предположенія о чрезвычайной быстротѣ дѣятельности комиссіи. Въ „поверстной“ указано количество приходившагося на каждую деревню „денежнаго счета“, напр. деревня Скуратова 2 алтына, деревня Басарыгино 6 алтынъ и т. д. По этому денежному счету и будетъ вычислена съ деревни податная сумма, которая затѣмъ по деньгамъ и долямъ деньги разсчитается на отдѣльныя хозяйства[1]).

Въ Шуйскомъ Заонежскомъ погостѣ 20 іюня 1645 года комиссія изъ 10 членовъ, названныхъ „цѣловальниками“, такъ какъ они открыли свои дѣйствія, предварительно принеся присягу, производила раскладку по хозяйствамъ суммы въ 247 рублей 20 алтынъ, потребовавшейся на мѣстные волостные расходы, „на волостную харчь“. Обложеніе происходило при торжественной обстановкѣ, съ собраніемъ надлежащихъ справокъ. „Обложили мы, цѣловальники“, гласитъ составленный ими разводной списокъ, „тѣ деньги въ правду, по сыску, отворя церковныя двери у Николы Чудотворца, лицо свое перекрестя, смѣтя по животамъ, кто чего достоитъ“. Особенность этого разводного списка заключается въ томъ, что въ немъ противъ имени каждаго дворохозяина обозначена не податная единица вытная, бѣлочная или денежная, а непосредственно приходящаяся съ него цифра налога, напр.: деревня Всувисари Немерка Евтихеевъ 30 алтынъ безъ гривны, Зотикъ Семеновъ 20 алтынъ съ полугривною, Павша Пантелѣевъ 25 алтынъ и т. д. Списокъ заканчивается полномочіемъ сборщику Осташкѣ Ѳедорову, который фигурируетъ также и среди членовъ окладной комиссіи, взыскивать эти деньги безъ недобора и отдавать ихъ старостѣ и угрозой на ослушниковъ стоять всѣмъ міромъ, старостою и волостными людьми[2]). Загадочнымъ является для насъ постановленіе волостного схода Киберскаго погоста на Сысолѣ 22 марта 1637 года. Сходъ съ церковнымъ старостою во главѣ уложилъ „по данной колодѣ собрать въ 74 дани, велѣть собрать поборщикомъ по поборнымъ спискомъ съ насъ крестьянъ съ киберскихъ и съ чюкаибскихъ(?) безъ недобору, въ тотъ часъ собравъ деньги сполна въ 74 дани и отдать деньги... цѣловальнику Клементью“. Клементій былъ прошлый цѣловальникъ 143 (1634—35) года, бившій челомъ на волостной міръ о счетѣ. Дѣло шло о какихъ-то невыбранныхъ цѣловальникомъ съ крестьянъ сборахъ, которые онъ внесъ въ казну, занявъ деньги на сторонѣ, и эти деньги надо было уплатить цѣловальнику, чтобы погасить сдѣланные имъ на мірскія нужды долги. Возможно, что упоминаемыя въ этой „записи“ 74 дани обозначаютъ 74 побора, неуплаченные міромъ, а подъ „данною колодой“ не слѣдуетъ ли подразумѣвать того, что въ другихъ мѣстахъ называлось разрубнымъ спискомъ или поверстной записью?[3]).

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 378. Приложеніе № 8.
[2]) Пр. Д. 1647 № 14. Приложеніе № 9.
[3]) Пр. Д. 1638 № 36.

Таковы наблюденные нами нѣсколько случаевъ распредѣленія сборовъ по деревнямъ и отдѣльнымъ хозяйствамъ. Какія общія черты можно въ нихъ замѣтить? Прежде всего ту, что подати и повинности, вычисляемыя на волостные міры по писцовымъ податнымъ единицамъ, переверстываются волостью по своимъ мірскимъ единицамъ, болѣе чутко выражающимъ состояніе каждаго хозяйства. Затѣмъ въ самой техникѣ распредѣленія налога по отдѣльнымъ хозяйствамъ надо различать двѣ операціи: во-первыхъ, собственно *поверстку,* заключавшуюся въ обозначеніи каждаго хозяйства мірской податной единицей сообразно съ рабочими силами, основнымъ и оборотнымъ капиталомъ и, во-вторыхъ, *разрубъ,* заключавшійся въ раскладкѣ по хозяйствамъ соотвѣтственно этимъ мірскимъ податнымъ единицамъ разнаго рода налоговъ, государственныхъ и мірскихъ. Та и другая операція производилась въ однихъ мѣстахъ всѣмъ составомъ схода, въ другихъ особой спеціально избранной комиссіей. Руководящая роль при этомъ принадлежала особымъ выборнымъ должностнымъ лицамъ, называвшимся данными, окладными и чаще всего разрубными цѣловальниками. Но участіе въ этомъ дѣлѣ по разнымъ мѣстамъ принимали, какъ мы видѣли, и старосты, и земскіе судебные органы, и церковные старосты. Самыя мірскія единицы, употреблявшіяся при переверсткѣ, различны. Въ однихъ случаяхъ это тѣ же писцовыя *выти,* только мѣняется ихъ количество сравнительно съ писцовой книгой соотвѣтственно измѣненіямъ, происшедшимъ въ облагаемыхъ хозяйствахъ; въ другихъ—*бѣлки,* ведущія свое происхожденіе отъ тѣхъ временъ, когда съ поморскихъ странъ взимался единственный поборъ—дань, и когда эта дань вносилась именно натурой, бѣличьими мѣхами. Тогда бѣлка имѣла реальное значеніе. Каждое хозяйство соотвѣтственно своему состоянію и облагалось тѣмъ или другимъ количествомъ бѣлокъ, которыя оно должно было уплатить въ казну. Слѣдовательно, поверстка и разрубъ въ этомъ случаѣ совпадали. Но впослѣдствіи съ осложненіемъ системы налоговъ раскладка этой бѣлочной дани стала служить масштабомъ для раскладки остальныхъ сборовъ, а съ переводомъ натуральной дани на денежную, бѣлка стала приравниваться къ опредѣленному количеству капитала. Имена живутъ долѣе вещей, и названіе сохранилось при перемѣнѣ значенія. Наконецъ, податныя единицы выражались денежнымъ счетомъ, и обложеніе въ такомъ случаѣ заключалось въ выраженіи относительнаго состоянія хозяйствъ денежными единицами. Если нѣкоторое хозяйство, взятое за единицу обозначалось 4 деньгами, то хозяйство въ $1^1/_2$ раза болѣе сильное обозначалось алтыномъ, 6 деньгами, хозяйство вдвое слабѣйшее 2 деньгами и т. д. Въ денежномъ счетѣ по разнымъ мѣстамъ царило большое разнообразіе[1]).

Какъ часто происходило верстанье мірскими податными единицами? Мы видѣли случай въ Варженской волости, когда его не было втеченіе двадцати лѣтъ; но въ той же волости оно производится затѣмъ два года подрядъ. Въ Никольскомъ приходѣ Вилегодской волости однѣ и тѣ же

[1]) *Лаппо-Данилевскій,* Организація прямого обложенія, стр. 291—299.

рубежныя книги, заключавшія въ себѣ верстанье 134 (1625—26) года, дѣйствовали втеченіе двухъ лѣтъ. Въ 137 (1628—29) году произведено было новое верстанье, и составлены новыя книги, „а въ 138 году", какъ замѣчено въ судебномъ дѣлѣ одного изъ жителей этого прихода, о которомъ судъ наводилъ справку въ рубежныхъ книгахъ, „дань не рублена и бѣлошнаго верстанья не было, сбираютъ деньги по старымъ книгамъ"[1]). Самая раскладка сборовъ по мірскимъ податнымъ единицамъ, „разрубъ" производился, разумѣется, ежегодно, по мѣрѣ требованія правительствомъ или по мѣрѣ нуждъ самого земства. Но не каждый налогъ, какъ приходилось уже говорить, требовался ежегодно, слѣдовательно, не каждый годъ производилась и его раскладка. Раскладка не была пріурочена къ какому-либо опредѣленному моменту въ году и не касалась всей совокупности налоговъ сразу. Разные сборы раскладывались порознь, одинъ въ одно, другой въ другое время. Иногда одинъ и тотъ же сборъ раскладывался и взимался не сразу, а по частямъ, „поборами", причемъ назначалось, какое количество налога должно было приходиться на податную единицу въ каждый „поборъ". Иногда разрубъ налога производился и заднимъ числомъ. Земскія власти вносили налогъ въ казну, обращаясь къ кредиту, занявъ сумму денегъ, требовавшуюся на налогъ, и потомъ, иногда даже значительное время спустя по истеченіи срока своей должности, выбирали эту сумму съ волости по раскладкѣ[2]).

Переверстка міромъ писцоваго обложенія на свои мірскія единицы вызывала иногда протесты. Эти протесты были двоякаго характера. Во-первыхъ, встрѣчаемъ жалобы отдѣльныхъ хозяйствъ на чрезмѣрную высоту обложенія. Такъ напримѣръ, въ 1627 году бьетъ челомъ въ приказъ устюжская посадская вдова Евфросиньица Клеунова съ сыномъ Баженкомъ на устюжскихъ разрубныхъ цѣловальниковъ. Мужъ ея былъ въ мірскомъ окладѣ въ полбѣлкѣ. Въ 131 (1623) году онъ умеръ, и разрубные цѣловальники 132 (1623—24) года, видя ея Евфросиньицыно вдовство, написали ее въ своихъ мірскихъ разрубныхъ книгахъ въ окладѣ въ четверть бѣлки, а другую четверть бѣлки сбавили. Но цѣловальники 133 года написали ее уже въ $1^1/_2$ бѣлки, окладъ, по которому она считала платежъ податей для себя невозможнымъ, потому что не имѣла на посадѣ никакихъ торговъ и промысловъ. Она просила дать предписаніе изъ Устюжской четверти о томъ, чтобы не накладывать на нее тягла и велѣть ей опять тягло тянуть съ четверти бѣлки. Приказъ удовлетворилъ ея просьбу, вмѣшавшись такимъ образомъ въ мірскую поверстку[3]). Но другіе протесты были принципіальнаго характера. Жалобщики возбуждали сомнѣніе относительно законности самой переверстки писцовыхъ единицъ міромъ и требовали, чтобы съ нихъ подати взимались по единицамъ, въ которыя ихъ владѣнія были положены въ писцовыхъ книгахъ. Съ такими протестами выступаютъ тѣ обществен-

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 77.

[2]) *Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, стр. 295—297.

[3]) Пр. Д. 1627 № 65; Пр. Д. 1632 № 36.

ные элементы, которые тяготятся податною связью съ земскими мірами и желаютъ обособиться отъ нихъ. Обособленіе отъ тяглой мірской организаціи и разрѣшеніе платить подати по писцовому обложенію, а не по мірской поверсткѣ могло быть выгодно, во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда реальное состояніе хозяйства начинало превышать оцѣнку, данную ему писцовой книгой. Мірское обложеніе гораздо скорѣе услѣдило бы за этимъ превышеніемъ и подняло бы количество положенныхъ на хозяйство мірскихъ податныхъ единицъ, тогда какъ писцовое обложеніе было нечувствительнымъ и застывшимъ. А затѣмъ, во-вторыхъ, право платежа по писцовому обложенію могло избавлять отъ взноса такъ называемыхъ мірскихъ разметовъ, неупоминаемыхъ въ писцовыхъ книгахъ, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые шли именно на мірскія нужды. Уплативъ государевы подати, налагавшіяся на писцовыя единицы, такой плательщикъ могъ считать себя свободнымъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ платежей. Противъ мірской переверстки и протестуютъ зажиточные крестьяне, посадскіе люди, владѣющіе деревнями, и монастыри, жалуясь обыкновенно на то, что мірскіе люди производятъ надъ ними насиліе, принуждаютъ ихъ платить подати мимо государевыхъ писцовыхъ книгъ по самовольному своему бѣлочному окладу, и просятъ позволить имъ платить съ своихъ деревень подати по писцовымъ книгамъ повытно, а не по бѣлочному разводу. Такъ напр. еще при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ крестьянинъ Кичменской волости Устюжскаго уѣзда Анисимъ Карандашевъ, владѣвшій съ братомъ деревнею Ванинской въ волости Антропьевой слободѣ Сольвычегодскаго уѣзда выхлопоталъ грамоту, разрѣшавшую ему съ этой деревни всякія подати платить по писцовымъ книгамъ и по сотной выписи изъ нихъ, а не по бѣлочному разводу. Много лѣтъ спустя въ 1630 году потомокъ Анисима Иванъ Карандашевъ просилъ о подтвержденіи этой грамоты, которое и было ему дано[1]). Деревенскіе владѣльцы и монастыри въ подобныхъ же челобитныхъ указывали на безпорядки въ финансовомъ хозяйствѣ земскихъ міровъ, которые вели къ непомѣрному обложенію ихъ деревень, на то, что имъ приходится платить за недоимщиковъ, на уклоненіе многихъ мірскихъ людей отъ платежа въ разсчетѣ, что за нихъ заплатятъ зажиточные деревенскіе владѣльцы, на чрезмѣрныя издержки взиманія, на небрежныя траты мірскихъ денегъ, на неосмотрительно заключаемые мірами займы изъ слишкомъ высокихъ процентовъ, на ненужныя съ точки зрѣнія капиталистовъ и монастырей подносы въ почесть воеводамъ, на недостаточную отчетность въ мірскихъ издержкахъ и т. д.[2]). Просьбы эти удовлетворялись; государь жаловалъ челобитчиковъ и приказывалъ съ ихъ деревень имать всякія подати по писцовымъ книгамъ, повытно, а въ приказѣ, развивая царское повелѣніе и давая грамоту челобитчикамъ о такомъ платежѣ, прибавляли: „а не по *самовольному* мірскому окладу“, бросая косой взглядъ на всѣ

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 11.
[2]) I, 92, 113.

эти мірскіе бѣлочные оклады и денежные счеты[1]). 4 февраля 1683 года въ грамотѣ изъ Устюжской четверти къ писцамъ, описывавшимъ тогда Устюжскій уѣздъ, было передано общее распоряженіе съ деревень, пріобрѣтенныхъ монастырями до Уложенія 1649 года, платить всякія подати и служить службы на ряду съ крестьянами тѣхъ волостей, въ которыхъ расположены деревни, „верстаясь по сошному письму, и по вытному тяглу и по дворовому числу, а не по бѣлочному окладу. А бѣлочный окладъ отставить“[2]). Недовольство мірской переверсткой писцовыхъ единицъ проявляется однако не только среди деревенскихъ владѣльцевъ и монастырей. Можно привести случай, когда оно вспыхнуло среди рядовыхъ крестьянъ. Въ 1637 году въ Пачеозерской волости Сольвычегодскаго уѣзда идетъ борьба среди крестьянъ, раздѣлившихся на двѣ партіи. Одна подала воеводѣ челобитную съ просьбой о повытномъ платежѣ, о томъ, чтобы имъ платить всякія подати по писцовымъ книгамъ повытно. Другая стояла за сохраненіе стараго укоренившагося долговременной практикой порядка и подала воеводѣ также челобитную, въ которой просила о томъ, чтобы крестьянамъ всякіе государевы доходы платить, „верстаясь межъ собою по животомъ, и по промысломъ, и по семьямъ, какъ изстари повелось“. Эта группа желала такимъ образомъ удержать и на будущее время практиковавшуюся до того въ волости переверстку писцовыхъ единицъ, чтобы, какъ поясняли эти крестьяне, „въ избыли животы не были и не съ одной бы земли государевы доходы платить“, т. е. чтобы не ограничиваться при обложеніи однимъ количествомъ обработанной земли, какъ это дѣлала писцовая книга, а принимать въ соображеніе и состояніе хозяйства. Въ одной отпискѣ воевода называетъ эту группу крестьянъ „бѣлочнаго оклада крестьянами“, такъ какъ они отстаивали переверстку писцовыхъ единицъ на бѣлочный окладъ. Затрудняясь рѣшить споръ, воевода сообщилъ о немъ въ Москву. Въ Москвѣ въ Устюжской четверти дали двусмысленный отвѣтъ, придавъ ему характеръ общаго распоряженія: „отписать къ воеводѣ, велѣть посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ платить всякія государевы подати *по писцовымъ книгамъ и по сотнымъ*... и какъ у нихъ *изстари повелося*, чтобы никто въ избыли не былъ и на мелкихъ бы крестьянъ прожиточные и семьянистые люди никакихъ податей напрасно не накладывали“. Трудно понять въ этомъ поистинѣ дельфійскомъ отвѣтѣ, на чью сторону въ спорѣ становился въ этомъ случаѣ приказъ, на ту ли, которая желала платить подати по писцовымъ книгамъ, или на ту, которая добивалась сохраненія старинной бѣлочной разверстки[3]).

Въ основѣ этого раздѣленія партій лежитъ соціальная рознь. За обложеніе по писцовымъ единицамъ стоятъ зажиточные крестьяне; за переверстку писцовыхъ единицъ—маломочные люди, за которыми въ писцовой книгѣ значатся иногда равныя съ зажиточными вытныя доли, но хозяй-

---

[1]) Пр. Д. 1633 № 4.
[2]) Арх. мин. юст. писц. кн. 512, л. 779.
[3]) Пр. Д. 1637 № 35.

ственное положеніе которыхъ со времени писцовой книги могло сильно опуститься. Это раздѣленіе хорошо изображаетъ встрѣчавшійся намъ уже неоднократно дворянинъ В. Золотаревъ, командированный въ 1640-хъ годахъ въ Заонежскіе погосты для сыска тамъ бѣглыхъ крестьянъ. Въ 1647 и 48 годахъ ему было поручено собрать недоимки, накопившіяся за Шунскимъ погостомъ. Золотаревъ проявилъ въ этомъ дѣлѣ большую иниціативу и изобрѣтательность. Онъ началъ съ того, что предписалъ крестьянамъ погоста выбрать окладную комиссію изъ 9 человѣкъ, по трое отъ каждой изъ трехъ экономическихъ группъ: лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей, которые и должны были, давъ присягу, произвести разверстку недоимки сообразно съ хозяйственнымъ положеніемъ каждаго плательщика. Такъ какъ комиссія все же по его мнѣнію обложила молодшихъ слишкомъ тяжело, то онъ самъ исправилъ разверстку, переложивъ 200 рублей съ молодшихъ людей на прожиточныхъ потому, что, какъ онъ пишетъ: „молодшіе люди всегда у нихъ погибаютъ, а на нихъ же бѣдныхъ прибавливаютъ“. Оправдывая или объясняя свое нѣсколько, можетъ быть, слишкомъ рѣшительное и дѣятельное вмѣшательство въ эту разверстку, онъ пишетъ далѣе, что иначе разверстка была бы произведена по писцовымъ книгамъ, т. е. по писцовымъ единицамъ, что „прожиточные крестьяне хотятъ по писцовымъ книгамъ платить“ и просятъ объ этомъ, что объ окладѣ (т. е. раскладкѣ по состоянію хозяйствъ) бьютъ челомъ бѣдные, а иные изъ нихъ не смѣютъ и бить челомъ, потому что находятся въ экономической зависимости у богатыхъ: „въ кабалахъ и въ ростахъ у нихъ задолжали“; но что если разверстать платежъ по писцовымъ книгамъ, то и въ десять лѣтъ не собрать недоимокъ, даже и при самомъ энергичномъ правежѣ: „хотя босыхъ всѣхъ разувъ ноги отбить прочь, и имъ отнюдь будетъ не заплатить“[1]).

Кѣмъ производился сборъ податей и повинностей? Къ участію въ этомъ дѣлѣ привлекались всѣ земскія выборныя волостныя и посадскія власти, не исключая и судебныхъ. Устюжскій посадъ, избирая на 141 (1632—33) годъ трехъ земскихъ судей и къ нимъ судецкаго старосту, возлагаетъ на эту судебную коллегію обязанность сбора податей и повинностей, снабжая ихъ при этомъ полномочіемъ нещаднаго правежа и заключенія въ тюрьму противъ оказывающихъ сопротивленіе въ уплатѣ „огурниковъ“. „Да имъ же судьямъ“, читаемъ мы въ протоколѣ этихъ выборовъ, „по насъ посадскихъ людей собрати побѣлочно государевы данныя и оброчныя деньги на 141 годъ противъ сотные книги и государевы грамоты безъ недобору и съ отвозомъ, а на огурникахъ правити нещадно, въ тюрьму въ деньгахъ и въ судъ садить безпенно“[2]).

Точно также Сухонскій Нововышлый станъ Устюжскаго уѣзда, избравъ судью и старосту судецкаго на 143 (1634—35) годъ, въ выборѣ имъ пишетъ, что они должны собирать съ крестьянъ дань и оброкъ и отвезти собранныя деньги государю въ Москву[3]). Въ избирательныхъ

[1]) Пр. Д. 1647 № 83.
[2]) I, приложеніе V, № 15.
[3]) Ibid. № 17.

спискахъ земскимъ судейкамъ Устьянскихъ волостей мы встрѣчаемъ обыкновенно такія же полномочія[1]). Въ Чарондской округѣ собираютъ подати старосты волостей. Тамъ, гдѣ существуютъ въ волостяхъ старосты и судьи, финансовыя обязанности лежатъ преимущественно на первыхъ. Но, входя въ кругъ обязанностей всей волостной или посадской коллегіи земскихъ властей, сборъ податей и повинностей ближайшимъ образомъ поручался особымъ выборнымъ лицамъ, которыя носили названіе выборныхъ, земскихъ, сборныхъ, покладныхъ, данныхъ, разметныхъ[2]) и разрубныхъ цѣловальниковъ и чаще всего назывались именно разрубными цѣловальниками. Въ „выборахъ“, дававшихся имъ при избраніи ихъ на должность, писалось порученіе: „дань государева розрубати и класти по животомъ[3])“, и они, какъ мы уже видѣли выше, руководятъ обыкновенно поверсткой мірскими единицами и разрубомъ податей, совершая эти дѣйствія на сходѣ или, по крайней мѣрѣ, въ присутствіи волощанъ или посадскихъ людей. Но разрубные же цѣловальники должны были и собирать подати. Уфтюжская волость Устюжскаго уѣзда, поручая разрубному цѣловальнику разрубать дань и всякіе государевы доходы и сборы на волостную издержку, въ то же время предписываетъ ему собирать ихъ всѣ сполна безъ недобору. „Въ прошломъ во 130 (1621—22) году“, пишетъ о себѣ крестьянинъ Утмановской волости Сольвычегодскаго уѣзда Ем. Ѳед. Казаковъ: „былъ я, сирота, въ той ихъ полусошкѣ по ихъ мірскому выбору въ разрубныхъ цѣловальникахъ и сбиралъ.... съ нихъ данныя деньги и московскій, и сибирскій запасы, и ямскія деньги, и во всякую мірскую издержку“ [4]). Точно также разрубной цѣловальникъ Городищенской волости Устюжскаго уѣзда „всякіе государевы данныя и оброчныя, и ямскія деньги и всякіе мірскіе годовые разметы разрубалъ и по нихъ крестьянахъ собиралъ“ [5]). Въ однихъ выборахъ предписывается разрубному цѣловальнику самому отвезти собранныя подати по назначенію; въ другихъ цѣловальникъ долженъ былъ представить ихъ земскому судейкѣ. Разрубные—цѣловальники получали полномочія отъ міровъ на заемъ денегъ для уплаты податей или на другія мірскія нужды, и эти полномочія они нерѣдко осуществляли на практикѣ. За свою дѣятельность разрубной цѣловальникъ получаетъ вознагражденіе отъ міра, „наемную плату“. Кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей по податной поверсткѣ, раскладкѣ и сбору податей разрубной зем-

---

[1]) I, приложеніе V.

[2]) Пр. Д. 1629 № 34.

[3]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 178; см. также I, 311; Пр. Д. 1633 № 13: „тотъ Спиридонъ былъ у насъ въ Алексинскомъ стану въ прошломъ въ 123 (1614—15) году въ данныхъ въ покладныхъ въ розрубныхъ цѣловальникахъ и разрубалъ по насъ крестьянѣхъ въ Алексинскомъ стану шесть розрубовъ. И по тѣмъ по шести розрубомъ всего ялось на бѣлку во весь годъ по 6 р. 25 алтынъ 2 деньги. А семой розрубъ розрубалъ по насъ же крестьянѣхъ государевъ вытной оброкъ по 2 рубля съ выти“.

[4]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 178; Пр. Д. 1627 № 67, л. 241.

[5]) Пр. Д. 1631 № 56.

скій цѣловальникъ въ волости несетъ и другія. Иногда онъ руководитъ волостнымъ сходомъ, пишется въ протоколѣ схода во главѣ участвующихъ на сходѣ крестьянъ и въ качествѣ такого руководителя схода и исполнителя его рѣшеній онъ принимаетъ участіе во всѣхъ тѣхъ дѣлахъ, которыя совершаются сходомъ: пишется въ мірской челобитной, выдаетъ отъ имени схода „данныя“ на земельные участки, носитъ „почести“ воеводамъ и дьякамъ, собираетъ подводы для проѣзжихъ офиціальныхъ лицъ и т. п.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Устюжскаго уѣзда упоминается рядомъ съ земскимъ судьею „сборный староста“, обязанности котораго по сбору податей, какъ мы уже видѣли, совпадали съ обязанностями разрубного цѣловальника другихъ волостей[1]). Въ помощь разрубному цѣловальнику въ волости выбирались или нанимались міромъ еще особые „сборщики“, иногда вообще для сбора разныхъ налоговъ, иногда спеціально для какого-либо отдѣльнаго сбора. Такъ въ Черевковской волости Устюжскаго уѣзда въ 1627—28 годахъ подати собирались сборщиками, доставлявшими ихъ разрубному цѣловальнику, который данныя деньги долженъ былъ отдавать земскому судьѣ, ямскія и ружныя отвозить на Устюгъ ямскимъ старостамъ[2]). Крестьяне волостки Нижней Еденги въ волости Старой Тотьмѣ въ 1639 и 1641 годахъ выбирали особаго сборщика для сбора подворныхъ денегъ на жалованье ратнымъ людямъ[3]). Въ Павловской волости Каргопольскаго уѣзда десятскій собираетъ четвертные доходы и мірскіе разметы[4]). Въ 1625—27 годахъ Введенская Устьянская волость выбираетъ особаго сборщика для сбора по 18 алтынъ 4 деньги съ двора также на жалованье ратнымъ людямъ и для отвоза его въ Москву[5]). Приходилось уже выше упоминать объ особыхъ цѣловальникахъ, частью экстренныхъ, частью болѣе постоянныхъ, которые избирались для сбора и отправки разныхъ отдѣльныхъ налоговъ или для удовлетворенія различныхъ казенныхъ требованій. Такъ выбирались особые цѣловальники къ сибирскому хлѣбному запасу, которые и назывались поэтому иногда „запасными“; выбирались также цѣловальники для сопровожденія пословъ и казенныхъ товаровъ, для того, чтобы состоять при писцахъ, производившихъ описаніе уѣзда, къ городовому дѣлу и др.[6]). Въ Двинскомъ уѣздѣ встрѣчаемъ *заказныхъ* цѣловальниковъ, собирающихъ деньги за отправленные въ Колу и погибшіе на пути хлѣбные запасы[7]). Въ Тотемскомъ уѣздѣ въ 154 (1645—56) году *заказные* цѣло-

[1]) I, стр. 277 примѣч., 279. Сборный староста Комарицкаго стана Нижняго конца 143 года въ одномъ и томъ же дѣлѣ называется также и цѣловальникомъ, даннымъ цѣловальникомъ, становымъ старостой. Пр. Д. 1634 № 84, л. 2, 3, 8—10, 17, 50, 51.

[2]) I, прилож. V № 14.

[3]) I, стр. 201, примѣч.

[4]) Пр. Д. 1647 № 14.

[5]) Пр. Д. 1651 № 67. Ср. Пр. Д. 1656 № 93. „И въ прошломъ же, государь, въ 163 году тое Подосиновскіе волости сборщикъ Никита Ногаевъ“ и т. д.

[6]) *Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, стр. 318 и сл.

[7]) Пр. Д. 1628 № 64.

вальники собирали по волостямъ конскія пошлины, отдавая ихъ присланному на Тотьму конюху[1]).

Доставка сборовъ въ Москву изъ Устьянскихъ волостей, гдѣ не было воеводъ, производилась непосредственно органами земскаго самоуправленія, причемъ каждая волость доставляла свои сборы особо отъ другихъ. Деньги пересылались обыкновенно со спеціально для этой цѣли избранными или нанятыми цѣловальниками, которые также назывались посыльщиками. Такъ какъ Устьянскія волости пользовались правомъ доставлять подати въ Москву только разъ въ годъ къ Срѣтеньеву дню, то цѣловальники всѣхъ волостей пріѣзжали въ столицу вмѣстѣ. Являясь въ приказъ Устюжской четверти, такой цѣловальникъ предъявляетъ отписку волостного судейки, при которой препровождались сборы, а также роспись тѣмъ суммамъ, которыя онъ привезъ, съ указаніемъ видовъ податей и количества каждой[2]). На отпискѣ судейки дьякъ приказа дѣлалъ помѣту: „взять деньги по окладу сполна и въ приходъ записать“, послѣ чего цѣловальнику выдавалась изъ приказа отпись или квитанція, которую онъ и обязанъ былъ привезти домой посылавшему его міру[3]). Въ тѣхъ уѣздахъ, которыми правили воеводы и гдѣ были всеуѣздныя земскія власти, дѣло доставки податей изъ волостныхъ центровъ въ Москву осложнялось еще стадіей уѣзднаго центра, а въ этомъ послѣднемъ притокъ податей раздваивался на два русла, а иногда

---

[1]) Пр. Д. 1646 № 148.

[2]) Пр. Д. 1637 № 42.—„Роспись деньгамъ, что коихъ денегъ съ цѣловальникомъ съ Третьякомъ Пятовскимъ послано на нынѣшней на 146 годъ съ Соденской волости.

Оброку 52 руб. 2 алт. $1^1/_2$ д.

Дани 10 руб.

За сибирскій запасъ 44 руб. съ полтиною.

За прикащиковъ доходъ 16 руб. 17 алт. 3 д.

За стрѣлецкіе хлѣбные запасы на нынѣшней на 146 годъ 27 руб. 27 алт. 5 денегъ.

Да за Чушевицкое жъ пусто данныхъ же и оброчныхъ денегъ 2 руб. 10 алт. $2^1/_2$ д.

Да за Чушевицкое жъ пусто за сибирскій запасъ и за прикащиковъ доходъ 1 р. 18 алт.“

[3]) Пр. Д. 1633 № 37; Пр. Д. 1637 № 42; Пр. Д. 1638 № 21; Пр. Д. 1638 № 25; Пр. Д. 1642 № 159; Пр. Д. 1618 № 6.—„Лѣта 7177 февраля въ 18 день по государеву цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича—указу дьяки Аѳанасій Башмаковъ да Семенъ Карево взяли въ его великаго государя казну въ приказъ Устюжскіе чети по отпискѣ Устьянскихъ волостей Шалганской (sic) волости земскаго судейки Ивашка Павлова съ товарищи за стрѣлецкій хлѣбъ на прошлые на 170 годъ 55 руб. 27 алтынъ съ полуденьгою, да на 176 годъ стрѣлецкихъ денегъ 274 рубля 14 алт. 2 деньги, да на нынѣшней на 177 годъ данныхъ и оброчныхъ денегъ 92 рубля 29 алтынъ съ деньгою, да оброчныхъ денегъ съ Ѳедки Дементьева 5 алтынъ. Да за сибирской запасъ и прикащиковъ доходъ 56 рублей 30 алт. 4 деньги, да полоняничныхъ денегъ 5 руб. 4 ден. Платилъ устьянецъ Шалганской волости цѣловальникъ Терешка Кокоринъ“.

и болѣе развѣтвлялся; однѣ подати въ однихъ случаяхъ направлялись изъ волости въ съѣзжую избу, минуя всеземскую, другія поступали во всеземскую и отсюда отправлялись непосредственно въ Москву, третьи поступали по особымъ назначеніямъ, какъ напримѣръ, ямскія деньги—ямскимъ старостамъ. Такъ протоколъ о разрубѣ податей Комарицкаго стана Нижняго конца уполномочиваетъ разрубного цѣловальника, собравъ данныя и оброчныя деньги за пустыя деревни, заплатить ихъ въ государеву казну на Устюгѣ Великомъ воеводѣ[1]), минуя, слѣдовательно, всеземскую избу. Устюжскій воевода, собирая подати изъ волостей, пересылаетъ ихъ въ Москву съ цѣловальниками, поставленными ему всеуѣзднымъ міромъ[2]). Въ 134 (1625—26) году въ Сольвычегодскѣ четвертные доходы были собраны съ посада и со всего уѣзда всеуѣздными властями, которыя выслали ихъ въ Москву съ двумя цѣловальниками, причемъ самая грамота о производствѣ и доставкѣ этого сбора была адресована изъ приказа на имя всеуѣздныхъ властей. Но въ томъ же году сборъ денегъ московскимъ стрѣльцамъ на жалованье произвелъ воевода, который и отправилъ ихъ съ цѣловальникомъ, присоединивъ къ этой отправкѣ еще и отправку „всякихъ пошлинныхъ денегъ“, переданныхъ ему всеуѣздными властями[3]). Такимъ образомъ какого-либо общаго порядка доставки податей даже по отдѣльнымъ мѣстностямъ замѣтить нельзя; здѣсь возможны были различныя комбинаціи, мѣнявшіяся для каждаго отдѣльнаго случая[4]).

Въ качествѣ обыкновенной пружины податного механизма воеводская власть выступаетъ обыкновенно въ сборѣ недоимокъ съ міровъ, и тогда она дѣйствуетъ во всемъ своемъ полицейскомъ всеоружіи путемъ принудительнаго взысканія, правежа. Правда, можно указать случай осторожнаго и мягкаго отношенія воеводы къ населенію при взысканіи недоимокъ. Въ октябрѣ 1639 года устюжскому воеводѣ Михаилу Спѣшневу предписано было собрать съ Устюга-посада и съ Устюжскаго уѣзда данные, оброчные и всякіе четвертные доходы на 148 (1639—1640) годъ, взыскать недоимки по нимъ за прошлые годы и прислать ихъ въ Москву. Въ январѣ 1640 года воевода увѣдомлялъ приказъ, что по 6 января онъ собралъ только часть четвертныхъ доходовъ текущаго года и то съ великою нуждою. Остальную часть ихъ, равно какъ недоимку за прошлые годы, онъ собираетъ неоплошно, посылая въ уѣздъ для этихъ сборовъ выборныхъ посадскихъ людей. Эти выборные посадскіе люди, состоявшіе при съѣзжей избѣ для разныхъ особыхъ порученій, носили названіе „приговорныхъ цѣловальниковъ“, можетъ быть потому, что избирались по приговору посадскаго міра[5]). Посылать въ уѣздъ для сбора приставовъ и стрѣльцовъ

---

[1]) Пр. Д. 1634 № 84, л. 62—64.

[2]) Пр. Д. 1637 № 42.

[3]) Пр. Д. 1626 № 2.

[4]) *Лаппо-Данилевскій*, Организація прямого обложенія, стр. 337 и сл.

[5]) Пр. Д. 1647 № 30, л. 45—48; Пр. Д. 1650 № 57, л. 56:... „и въ тѣхъ ихъ невыборныхъ деньгахъ.... отъ Вычегодской Соли пріѣзжаютъ многіе приставы и *приговорные цѣловальники*“. Пр. Д. 1655 № 95:... „И воевода

воевода не рѣшался въ виду жалобъ крестьянъ на чинимыя ими притѣсненія. Разосланные посадскіе люди, пріѣхавъ изъ волостей, сообщали воеводѣ, что въ Устюжскомъ уѣздѣ во всѣхъ волостяхъ много покинутыхъ крестьянами деревень, такъ что сполна доходовъ собрать не съ кого. „Да и самъ я, холопъ твой Михалко“, продолжаетъ воевода, „какъ по твоему государеву указу былъ въ дозорѣ въ Южскихъ волостяхъ (т. е. производилъ дополнительное дозорное описаніе) и то видѣлъ, что въ Шольской, и въ Подосиновской, и въ Верхопушемской волостяхъ пустоты много. Да и въ иныхъ, государь, волостяхъ, которыхъ для зимней поры дозирать было немочно, а ѣхали мимо тѣхъ волостей проѣздомъ, тожъ видѣли большую пустоту“. На устюжскомъ посадѣ много дворовъ и огородовъ снесло великимъ разливомъ рѣки Сухоны. „То все, государь, пишу къ тебѣ язъ, холопъ твой Михалко, видя ихъ бѣдность и пустоту...., а править, государь, твоихъ всякихъ доходовъ на посадскихъ и на уѣздныхъ на бѣдныхъ и молодшихъ людехъ большимъ правежомъ не смѣемъ; намъ бы тѣмъ правежомъ ихъ не разогнать“. Воевода въ заключеніе отписки припоминалъ, что при отпускномъ пріемѣ государь лично наказывалъ ему заботиться о полнотѣ населенія во ввѣренномъ ему уѣздѣ: „да и отъ тебя, государя, мнѣ, холопу твоему Михалку, на отпускѣ именной приказъ былъ, чтобы посадскихъ и уѣздныхъ людей ссадить (т. е. устроить), а не разгонить“ [1]). Несомнѣнно, были и другіе осмотрительные и вникающіе въ дѣло администраторы вродѣ воеводы М. Спѣшнева. Но обычный тонъ воеводскихъ отписокъ звучитъ иначе. Разъ дѣло касается недоимокъ, воевода съ оттѣнкомъ нѣкотораго самоуслажденія и какъ бы съ похвальбою пишетъ о томъ, какъ онъ „правитъ безъ пощады“ деньги у себя въ городѣ на находящихся тамъ по какому либо случаю волостныхъ земскихъ властяхъ или мірскихъ посыльщикахъ и какъ въ уѣздѣ такому же нещадному правежу подвергаютъ старостъ, цѣловальниковъ, земскихъ судеекъ и лучшихъ людей разосланные отъ него пристава и выборные посадскіе люди [2]). Иногда производство сбора и въ особенности также взысканіе недоимокъ поручалось помимо воеводы особому лицу, командированному спеціально для этой цѣли дворянину или подьячему, или возлагалось, какъ одно изъ порученій на лицо, отправленное въ уѣздъ съ иными цѣлями, напр. для сыска по губнымъ дѣламъ, для сыска бѣжавшихъ крестьянъ и др. [3]). Крутыя взысканія податей вызывали иногда рѣзкое сопротивленіе волостныхъ міровъ, которые встрѣчаютъ посланныхъ отъ воеводы сборщиковъ „лаей“, угрозами, а иногда и побоями и выпроваживаютъ ихъ отъ себя. Но эти протесты и бунты вели только къ еще болѣе жестокимъ расправамъ. Въ

Мих. Вас. Милославской да Анисимъ Михайловъ... велѣли въ Варженскую волость послать приговорнаго цѣловальника“; Пр. Д. 1627 № 67, л. 63:... „разрядные избы приговорной цѣловальникъ“.

[1]) Пр. Д. 1640 № 59.

[2]) Пр. Д. 1626 № 2; Пр. Д. 1641 № 42.

[3]) Пр. Д. 1633 № 4; Пр. Д. 1647 № 27; Пр. Д. 1650 № 57, л. 114; Пр. Д. 1647 № 26.

1620-хъ годахъ воевода князь Хилковъ пишетъ съ Двины въ Новгородскую четверть, что онъ на Варзугу для взысканія недоимокъ посылалъ сотника стрѣлецкаго съ подьячимъ. „Варзужане тѣхъ доимочныхъ денегъ на себѣ править не дали и ихъ хотѣли побить“ [1]). Въ 1633 году устюжскій воевода М. Стрѣшневъ послалъ сотника стрѣлецкаго со стрѣльцами въ Подосиновскую волость съ предписаніемъ отдать на поруки и за поруками доставить на Устюгъ земскихъ судеекъ, старостъ и двадцать человѣкъ лучшихъ крестьянъ для производства на нихъ правежа за волостную недоимку; воевода доносилъ въ Москву, что крестьяне отъ стрѣльцовъ отбились, на поруки не дались, государева указа не послушали. Изъ Москвы въ отвѣтъ было отправлено предписаніе: „тѣхъ крестьянъ сыскать и за ослушаніе велѣть бить батоги“ [2]). Въ томъ же году велѣно было послать изъ Сольвычегодска 10 человѣкъ стрѣльцовъ въ Яренскій уѣздъ по оказавшимъ сопротивленіе при сборахъ сысольскимъ и ужгинскимъ волостямъ и въ тѣхъ волостяхъ, „выбравъ пущихъ воровъ и горлановъ человѣкъ дву или трехъ, бивъ кнутомъ, посадить въ тюрьму на три дни, чтобы на то смотря впередъ имъ такъ неповадно было воровать, государева указу ослушаться“ [3]).

По отвѣтственности въ платежѣ податей и повинностей міры были взаимно связаны круговой порукой передъ государствомъ. Внутри всеуѣзднаго міра были связаны волости. „Жилыя“, т. е. населенныя, платежеспособныя волости должны были раскладывать между собою сумму, недобранную съ пустыхъ, покинутыхъ населеніемъ волостей. Такимъ образомъ всеуѣздный міръ былъ податнымъ цѣлымъ, составленнымъ изъ связанныхъ круговой порукой частей. Среди платежей, которые вносились Устьянскими волостями, нѣкоторое время находимъ платежъ за „Чушевицкое пусто“, т. е. за опустѣвшую Чушевицкую волость, разверстываемый между остальными волостями. Посылая въ 1649 году земскимъ судейкамъ этихъ волостей указы объ аккуратномъ сборѣ и выговаривая имъ за оплошку и нерадѣнье, благодаря которымъ они запускаютъ недоимки, правительство требуетъ, чтобы недоимки съ пустующихъ волостей были доправлены сполна на жилыхъ волостяхъ, какъ это всегда дѣлалось раньше: „противъ прежняго, какъ разводили пустоту напередъ сего на жилыя выти“ [4]). Внутри волости плательщики были также связаны круговой порукой: жилыя деревни отвѣчали за опустѣвшія; недоборъ съ послѣднихъ раскладывался на первыя. Въ августѣ 1635 года крестьяне волостей Юрьева Наволока и Евды, какъ читаемъ въ разрубномъ спискѣ ихъ цѣловальника: „разрубили... данныя и оброчныя деньги за пустыя деревни за прошлый 142 (1633—34) годъ по жилымъ деревнямъ, по намъ крестьянамъ“ [5]). Эта круговая порука волостей въ уѣздѣ и деревень въ волости нерѣдко оказывалась

---

[1]) Пр. Д. 1621 № 9.
[2]) Пр. Д. 1633 № 4.
[3]) Пр. Д. 1633 № 4; ср. Пр. Д. 1636 № 81; Пр. Д. 1641 № 86.
[4]) Пр. Д. 1618 № 6.
[5]) Пр. Д. 1634 № 48, л. 62—64.

слишкомъ тяжелой; требованія такой разверстки платежей вызывали протесты и челобитныя съ указаніемъ, что за пустыя волости платить невозможно[2]). Выборные посадскіе люди и стрѣльцы, разосланные въ 1646 году сольвычегодскимъ воеводой по уѣзду для правежа недоимокъ, доносили воеводѣ, что они, переходя изъ волости въ волость, правятъ недоимку на крестьянахъ дня по три и по четыре большимъ немѣрнымъ правежомъ, но что крестьяне, какіе остались, сходятся на погостъ, отстаиваются на правежѣ, заявляя: „съ живущаго-де у насъ плачено, а съ пуста платить нечѣмъ“ [2]).

Въ первую голову отвѣтственность за недоборы падала на представителей міра, земскихъ властей; съ ними затѣмъ дѣлили ее случившіеся въ городѣ мірскіе посыльщики, и наконецъ уже къ ней привлекались и наиболѣе зажиточные „лучшіе люди“ волостного міра. Земскія должностныя лица отвѣчаютъ каждый за сборы своего года. Финансовая дѣятельность „прошлаго“ выборнаго человѣка, которому отошелъ годъ, не прекращается съ миноваціемъ срока его службы: онъ продолжаетъ еще нѣкоторое время спустя выбирать недоборы своего года; а иногда и самое мірское постановленіе о раскладкѣ и производствѣ сбора дѣлается заднимъ числомъ, уже по миноваціи срока этого сбора, и тогда сборъ поручается прошлому старостѣ или цѣловальнику соотвѣтствующаго года. Отвѣтственность земскихъ властей влекла за собой правежъ, отъ котораго носитель земской власти самъ долженъ былъ откупиться, найти по себѣ поручителей, занять нужныя для платежа подати деньги подъ кабалу. Если онъ не находилъ кредитора, онъ долженъ былъ ждать, пока его выкупитъ міръ, который и обязывался при выборахъ въ избирательномъ спискѣ своихъ должностныхъ лицъ ни въ какіе убытки не вводить, стоять за нихъ за одинъ и ни въ чемъ ихъ не выдавать. Но міръ не всегда могъ или не всегда хотѣлъ выручать своихъ выборныхъ, и тогда имъ приходилось стойко выносить всѣ бѣдствія правежа. Съ удивительнымъ эпическимъ спокойствіемъ земскій цѣловальникъ волостей Юрьева Наволока и Евды заноситъ въ свою расходную книгу, въ документъ, который, положимъ, и не могъ отражать психическихъ настроеній, что на Устюгѣ, не найдя по себѣ поручителей въ уплатѣ недоимокъ за волость, онъ „ночевалъ за стрѣльцомъ“, которому далъ „сторожевого“ 4 алтына; что ставили его на правежъ, причемъ дано приставу 10 алтынъ „поноровки, чтобъ на правежѣ билъ не больно“; что затѣмъ его сажали въ тюрьму, причемъ онъ долженъ былъ уплачивать также особые поборы: при входѣ въ тюрьму „влазное“, а при выходѣ—„вылазное“, да приставу—„пожелѣзное“, и что, наконецъ, будучи освобожденъ съ Устюга, онъ нанялъ къ себѣ на Усть-Евду за 3 алт. 2 деньги подводу, потому что „пѣшъ дойтить не могъ, что ноги на правежѣ перебили“ [1]).

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 12; Пр. Д. 1633 № 4; Пр. Д. 1635 № 97; Пр. Д. 1641 № 42; Пр. Д. 1646 № 79; Пр. Д. 1646 № 148.

[2]) Пр. Д. 1646 № 52.

[3]) Пр. Д. 1634 № 84.

Глава VIII.

Финансовая дѣятельность міра. Мірскіе займы. Финансовая отчетность мірскихъ сборщиковъ.

Помимо тягла у каждаго міра были денежныя траты на собственныя „мірскія издержки“, „мірскіе расходы“. Правда, по величинѣ эти послѣдніе несоизмѣримы съ казеннымъ тягломъ; ни сельскій, ни городской міръ XVII вѣка не знали еще тѣхъ широкихъ потребностей благоустройства, какія удовлетворяются современными намъ земствами. Но все же міру XVII вѣка приходилось имѣть общественную казну и тратить деньги на нѣкоторыя общія нужды и притомъ нужды не только матеріальнаго, но и духовнаго порядка. Прежде всего денежныхъ затратъ изъ общей мірской, волостной или посадской кассы требовало иногда самое владѣніе тѣми общими угодьями, на которыхъ міръ велъ промыселъ и которыя онъ снималъ на оброкъ у казны. Такъ, напр., тѣ деньги, семь рублей ежегодно, которыя волость Лузская Пермца Сольвычегодскаго уѣзда платила за казенные лѣса и рыбныя ловли, находившіяся у нея въ держаніи, расходовались изъ общеволостныхъ средствъ. Если волость совпадала съ приходомъ, она общими средствами строила и содержала церковь, нанимала священника съ причтомъ, отводила имъ землю и, можетъ быть, не оставляла также безъ вниманія и келлій на церковномъ погостѣ, служившихъ цѣлямъ общественнаго призрѣнія. Соборный храмъ въ городѣ—центрѣ всеуѣзднаго міра—строился на средства этого міра. Немаловажной статьей мірского расхода было содержаніе органовъ собственнаго же самоуправленія. Сюда относятся издержки по созыву волостного схода или всеуѣзднаго съѣзда, содержаніе для этихъ сходовъ иногда особыхъ мірскихъ дворовъ, разсылка повѣстокъ членамъ схода; далѣе содержаніе выборныхъ должностей волостныхъ, посадскихъ и всеуѣздныхъ: старостъ, судей и др., называвшееся въ актахъ „наймомъ“, плата земскому дьячку, игравшему роль секретаря земства, содержаніе зданій, въ которыхъ имѣли свои засѣданія земскія власти: земской избы въ городѣ, особыхъ судебныхъ избъ, какія встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ, а также городскихъ и волостныхъ тюремъ. Кромѣ постоянныхъ земскихъ властей міръ долженъ былъ выбирать, а иногда нанимать экстренныхъ агентовъ: цѣловальниковъ для различныхъ экстренно возникающихъ дѣлъ, ходоковъ по дѣламъ волости въ уѣздный городъ, посыльщиковъ волостныхъ и всеуѣздныхъ для тѣхъ же цѣлей въ Москву.

Каждый изъ этихъ агентовъ, кромѣ получаемаго содержанія, тратилъ деньги на мірскія нужды и эти деньги потомъ, представляя счетъ, взыскивалъ съ міра. Самое отправленіе тягла, сборъ денегъ, хлѣбныхъ запасовъ или людей, напр., даточныхъ или работниковъ и отсылка ихъ въ уѣздный центръ или столицу требовали также многочисленныхъ дополнительныхъ расходовъ, которые входили въ составъ мірскихъ издержекъ. Наконецъ, на мірскія же плечи продолжало падать и содержаніе правительственной администраціи, гласное и негласное, подарки въ московскомъ приказѣ, подношенія мѣстному воеводѣ и всѣмъ мелкимъ чинамъ администраціи, постояннымъ и временно командируемымъ въ уѣздъ или волость, до послѣдняго разсыльщика включительно. Словомъ, каждое соприкосновеніе земства съ правительственнымъ чиномъ сопровождалось для міра болѣе или менѣе значительнымъ расходомъ.

Средства для покрытія всѣхъ этихъ мірскихъ расходовъ,—изъ которыхъ большая часть шла на содержаніе правительственной администраціи и земскихъ выборныхъ, занятыхъ главнымъ образомъ также исполненіемъ требованій государства, а не удовлетвореніемъ мѣстныхъ нуждъ, и служила какъ бы прямымъ продолженіемъ и дополненіемъ казеннаго тягла,—земскій міръ волостной, посадскій и всеуѣздный собиралъ съ своихъ членовъ путемъ самообложенія, правомъ котораго онъ пользовался. Цѣли и размѣръ самообложенія устанавливались на земскомъ собраніи, т.-е. на волостномъ или посадскомъ сходѣ и на всеуѣздномъ съѣздѣ. Вотъ примѣръ волостного приговора о самообложеніи на волостныя нужды: „Се язъ“, читаемъ въ приговорѣ волостного схода Утмановской волости Устюжскаго уѣзда 1670 г., „земскій судья Михайло Ивановъ сынъ Поповыхъ да церковный староста И. Д. Меньшенинъ... и всѣ крестьяне Утмановской волости приговорили есмя и розрубили собрати сборному старостѣ С. П. Курдюмову Утмановскіе волости съ насъ крестьянъ: стольнику и воеводѣ П. Т. Измайлову да подьячему А. Мискову на праздничное на петровское (т. е. въ праздникъ Петрова дня) и на всякій мірской расходъ 9 рублевъ. Да въ никольскую кабалу въ $1^1/_2$ рубли, что займовали мірскіе люди, давали въѣзжее и въ почесть подьячему М. Протопопову съ товарищи; да ему старостѣ въ прежнюю издержку въ полтретья ($2^1/_2$) рубля“. Далѣе перечисляются еще нѣсколько статей мірскихъ расходовъ, именно: по гривнѣ человѣку бывшимъ судьямъ и старостамъ съ 1666 по 1670 г. и 20 мірскимъ людямъ, которые ходили на Устюгъ Великій, будучи вызваны туда для допроса командированнымъ изъ Москвы стряпчимъ Е. Н. Хрущевымъ, производившимъ слѣдствіе объ излишнихъ поборахъ и притѣсненіяхъ, причиненныхъ населенію устюжской администраціей; такой же платежъ двумъ мірскимъ посыльщикамъ, которыхъ міръ посылалъ въ Устюгъ отстаиваться на правежѣ за волость въ податныхъ недоимкахъ; 2 гривны четыремъ сборнымъ старостамъ, „что они издержали на съѣзжемъ дворѣ писчаго“, т.-е. уплатили въ воеводской канцеляріи подьячимъ за писаніе разныхъ актовъ при взносѣ въ воеводскую канцелярію мірскихъ платежей; да судьѣ въ издержку 14 алтынъ, что издержалъ въ мірскомъ дѣлѣ и т. д.

„И всѣхъ денегъ разрубили брать съ выти по 18 алтынъ, въ томъ ему, старостѣ, и приговоръ дали“ [1]). Въ мартѣ 1631 г. бывшій сольвычегодскій всеуѣздный земскій староста Е. Бояркинъ, занимавшій эту должность въ 1629—1630 году, представилъ земскому собранію отчетъ въ издержанныхъ имъ въ годъ своего старощенья „мірскихъ всеуѣздныхъ деньгахъ“. Всего у него въ расходѣ значилось: 3643 р. 15 алтынъ. Изъ этой суммы 1434 р. 8 алт. 2 ден. пошло на содержаніе ямовъ и ямщиковъ; далѣе въ одну статью въ этомъ отчетѣ соединены расходы въ 98 р. на строеніе храма св. Ильи Пророка, на жалованье казенному и тюремнымъ сторожамъ и „заплечному мастеру“, т. е. палачу; далѣе, на ремонтъ двухъ земскихъ дворовъ 341 р. 15 алт.; на ремонтъ тюрьмы и другіе необозначенные подробно расходы 319 р. 20 алт. 4 ден.; „воеводамъ и подьячимъ, и сыщикамъ, и проѣзжимъ воеводамъ харчи и на праздники, что ношено и что деньгами въ почесть давано—943 руб. 31 алт.“; посыльщику, отправленному въ Москву для ходатайства по дѣламъ сольвычегодскаго земства... 10 руб. Остальное пошло на уплату по займамъ, сдѣланнымъ земствомъ, на погашеніе мірскихъ кабалъ, выданныхъ разнымъ кредиторамъ [2]).

Любопытно, что очень нерѣдко для покрытія какъ причитающагося съ него тягла, такъ и своихъ мірскихъ расходовъ, земскій міръ прибѣгаетъ къ займамъ. Въ приведенномъ приговорѣ Утмановской волости упоминается „никольская кабала, что займовали мірскіе люди“, т.-е. заемъ, заключенный у Никольской церкви; указано и назначеніе займа: покрытіе экстреннаго расхода на подарки подьячимъ по случаю ихъ пріѣзда. Мірскія кабалы значатся и въ отчетѣ сольвычегодскаго всеуѣзднаго старосты. Вообще обращеніе къ кредиту служитъ однимъ изъ обычныхъ рессурсовъ земскаго хозяйства въ XVII вѣкѣ. Такъ, мы встрѣтили въ документахъ указанія на займы волостныхъ земствъ волостей въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ: Лальской, Утмановской, Пятницкаго сельца, Вилегодской: Никольскаго, Пречистенскаго и Покровскаго приходовъ, Вилегодской Ильинскаго прихода, Ратмировскаго стана, Лузской Пермцы: Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ и Алексинскаго стана; въ Устюжскомъ уѣздѣ: Пермогорской, Утмановской, Городищенской, Юрьева Наволока, Уфтюжской, Ярокурской, Ивановской, Орловской, Варженской, Ерогоцкой и становъ Комарицкаго, Вондокурскаго и Сухонскаго Чернаго; въ Устьянскихъ волостяхъ: Дмитріевской и Соденской волостей; въ Чарондской округѣ Ротковской волости. Изъ уѣздныхъ земствъ намъ попались документы о займахъ: Устюжскаго, Сольвычегодскаго, Чердынскаго, Хлыновскаго уѣздовъ и Чарондской округи. Вятская земля, какъ земская единица, занимаетъ деньги также и „всѣми пятью городами“ [3]).

---

[1]) Пр. Д. 1652 № 101.

[2]) Пр. Д. 1632 № 30.

[3]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 199, л. 241—42; 1628 № 13, Пятницкое сельцо; 1628 № 72, Вилегодская вол.; 1638 № 14, Вилегодск. вол.; 1638 № 70, Ратмировскій станъ; 1640 № 79, Лузская Пермца; 1628 № 72, Пермогорская

Займы заключались, какъ гласятъ документы, „на мірской расходъ и на всякую земскую издержку“, „на волостное дѣло“, „для волостного земскаго дѣла“, „на волостную издержку“, и осуществлялись обыкновенно выборными земскими властями по уполномочію міра, которое иногда включалось въ самый избирательный протоколъ, составлявшійся при избраніи земскихъ властей [1]). Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ въ избирательный протоколъ вносилась оговорка о томъ, что мірскія выборныя власти могутъ производить займы не иначе, какъ по спеціальному приговору міра [2]). Въ 1638 г., когда между Яхренскою волостью Устюжскаго уѣзда и ея посыльщикомъ, отправленнымъ на Устюгъ, возникло недоразумѣніе по поводу сдѣланнаго имъ мірского займа, дошедшее до судебнаго разбирательства у воеводы, послѣдній получилъ предписаніе изъ приказа навести справку о мірскомъ полномочіи на заемъ, „досмотрѣть“ посыльную запись посыльщика и только въ томъ случаѣ, если посыльщикъ занималъ деньги „по мірскому велѣнью“, воевода долженъ былъ удовлетворить его претензіи къ міру [3]). Въ другихъ случаяхъ наличность мірского полномочія на заемъ удостовѣрялась очной ставкой занимавшихъ деньги мірскихъ агентовъ съ старостами и мірскими людьми, которые вызывались къ допросу. Такъ, при взысканіи устюжскимъ Архангельскимъ монастыремъ по кабаламъ съ трехъ волостей Устюжскаго уѣзда: Орловской, Ерогоцкой и Вондокурскаго стана, воеводѣ, разбиравшему это дѣло, велѣно было Устюжской четвертью, куда обратился монастырь, дать очную ставку занимавшимъ деньги мірскимъ агентамъ со старостами и крестьянами волостей и разслѣдовать, по ихъ ли мірскому велѣнью и на мірскіе ли расходы были заняты деньги [4]). Въ 142 (1633—34 г.) устюжскій земскій судья Иванъ Завалинъ, будучи по дѣламъ въ Москвѣ, занялъ для погашенія прежнихъ долговъ устюжскаго земскаго міра 400 рублей у знаменитаго національнаго героя боярина князя Дмитрія

вол., Утмановская вол.; 1631 № 56, Городищенская вол.; 1633 № 13, Алексинскій станъ; 1636 № 76, челобитье Арханг. Устюжскаго монастыря на волостные міры, обращавшіеся къ кредиту; 1630 № 81, л. 10, Устьянская Дмитріевская волость; 1641 № 86, Устьянская Соденская волость; 1641 № 30, Чарондской округи Ротковская вол. Займы всеуѣздныхъ міровъ: Устюжскаго: Пр. Д. 1626 № 15; 1627 № 67, л. 22—23; 1628 № 72; 1631 № 55; 1634 № 29, л. 11—18; 1635 № 21, л. 12; 1646 № 148; 1655 № 52. Сольвычегодскаго: Пр. Д. 1632 № 30. Чердынскаго: Пр. Д. 1636 № 81. Хлыновскаго: Пр. Д. 1628 № 64. Чарондскаго: Пр. Д. 1639 № 44. Вятской земли: Пр. Д. 1623 № 32.

[1]) Пр. Д. 1628 № 72: „а въ выборѣ у него старосты (устюжскаго ямского старосты) написано, что они, судьи, и всѣ посадскіе люди и волостные крестьяне, ему, старостѣ, за ямскіе отпуски и на всякую мірскую издержку деньги велѣли займовать“.

[2]) Пр. Д. 1636 № 6. Выборъ Сухонскаго Нововышлаго стана Устюжскаго уѣзда: „а въ кабалы судьѣ и старостѣ безъ мірского вѣдома не займовать на мірское дѣло“.

[3]) Пр. Д. 1638 № 14.

[4]) Пр. Д. 1638 № 70.

Михайловича Пожарскаго, который вообще, какъ видно изъ сохранившихся его челобитныхъ, давалъ деньги въ ростъ. Въ срокъ, который истекъ на Рождествѣ 1634 г., деньги не были возвращены, и въ маѣ 1636 г. кн. Пожарскій отправилъ на Устюгъ по этому дѣлу своихъ „людей“: А. Брызгалова и Лаврина. Устюжскій воевода вызвалъ къ отвѣту весь составъ земскихъ властей, служившихъ по выборамъ съ Завалинымъ. Послѣдній показывалъ, что заключилъ заемъ на мірскую издержку на основаніи полномочій, значащихся въ его выборѣ и данныхъ ему особыми мірскими приговорами, и притомъ съ согласія своихъ товарищей по земскому управленію: „по ихъ товарищей своихъ и по мірскому велѣнью, и по выбору, и по одиначной памяти мірскихъ людей за ихъ руками“, при чемъ представилъ воеводѣ эти документы. Одинъ изъ товарищей Завалина, бывшій „судецкій староста“ Б. Ростовецъ отрицалъ свое участіе въ займѣ и заявилъ, что „тотъ Иванъ Завалинъ, будучи на Москвѣ, оболгалъ боярина кн. Д. М. Пожарскаго, занялъ у него въ кабалу денегъ, сказавъ на мірскую издержку. А у него Ивана Завалина отъ міра посыльные не было, что деньги займовать на мірскую издержку, и не для мірского дѣла онъ, Иванъ, былъ на Москвѣ“. Чтобы провѣрить представленные Завалинымъ выборъ и приговоръ, воевода вызвалъ мірскихъ людей, приложившихъ къ нимъ руки. „И іюня въ 1 день“, доносилъ воевода въ Москву, „пришли къ намъ, холопамъ твоимъ, изъ земскіе избы устюжане посадскіе люди Иванъ Омельяновъ, Павелъ Кабановъ и всѣ устюжане посадскіе люди лучшіе и середніе, и молодшіе, и многіе волостные крестьяне, и въ съѣзжую избу и сѣни, и на площадь ихъ мірскихъ людей нашло полно“. Черезъ бирича собравшіеся заявили воеводѣ, что Завалина міръ въ Москву не посылалъ и занимать деньги не уполномочивалъ. Тогда воевода распорядился объ отдачѣ Завалина и его товарищей Я. Кожевника и Г. Губина на поруки въ томъ, что имъ явиться въ Устюжскую четверть, въ которой былъ возбужденъ искъ кн. Пожарскимъ [1]).

Иногда міръ избиралъ особыхъ лицъ спеціально для заключенія займа. „Се язъ, судья Н. Никифоровъ“, читаемъ мы въ приговорѣ Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ волости Лузской Пермцы, „да цѣловальникъ А. Ивановъ, да А. Никитинъ... да и всѣ крестьяне Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ выбрали есмя и послали къ Сысолѣ денегъ займовать Іуду Леонтьева да Ермолу Акимова, гдѣ будетъ тѣмъ посыльщикамъ можно деньги занять и кабалы давать на себя по сей посыльной, какъ гдѣ можно занять. А деньги занять на мірской расходъ. А тѣ намъ заемныя кабалы міромъ выкупать, у кого на Сысолѣ деньги займутъ. А имъ, посыльщикамъ, убытка намъ по заемнымъ кабаламъ не привести; а выкупать намъ тѣ заемныя кабалы мірскими сборными деньгами“ [2]). Такимъ образомъ уполномоченнымъ предоставлялось найти кредитора и опредѣлить условія займа;

---

[1]) Пр. Д. 1635 № 21, л. 12, 33—37. Другія дѣла Пожарскаго см. Пр. Д. 1635 № 77.

[2]) Пр. Д. 1640 № 79.

они обязывались только не причинить міру займомъ убытка, т.-е. заключить его на возможно болѣе выгодныхъ для міра условіяхъ. Бывали случаи, что мірской выборный староста, цѣловальникъ или посыльщикъ-ходатай по земскимъ дѣламъ, когда дѣло не терпѣло отлагательства, въ особенности, когда приходилось дѣйствовать вдалекѣ отъ міра, напр. въ уѣздномъ городѣ или въ Москвѣ, если не доставало имѣвшихся при немъ мірскихъ денегъ, перехватывалъ гдѣ могъ деньги на мірскія издержки и безъ мірского полномочія и послѣ считался съ міромъ, всегда, впрочемъ, подвергая свой карманъ риску. Такъ разрубной цѣловальникъ Алексинскаго стана Устюжскаго уѣзда въ отчетѣ объ исправленіи должности различаетъ займы для волостного земскаго дѣла, которые онъ втеченіе своего года заключилъ съ волостными людьми, отъ тѣхъ, которые онъ заключилъ одинъ, дѣйствуя безъ мірского полномочія[1]). Недоразумѣнія и столкновенія волостей и уѣздныхъ земствъ съ ихъ выборными по поводу мірскихъ кабалъ происходили постоянно, и въ значительномъ количествѣ случаевъ свѣдѣнія о земскихъ займахъ мы и почерпаемъ изъ документовъ, составленныхъ благодаря такимъ столкновеніямъ, иногда кончавшимся миромъ, иногда приводившимъ къ судебному разбирательству.

Самая кабала писалась обыкновенно на имя уполномоченнаго, заключавшаго заемъ, съ упоминаніемъ о цѣли займа и о дѣйствительномъ коллективномъ заемщикѣ, представителемъ котораго являлся уполномоченный; говорилось, напр., что деньги взяты „на земскій мірской расходъ во всю такую-то волость“. Взысканіе предъявлялось къ уполномоченному, и онъ выступалъ въ этомъ случаѣ отвѣтчикомъ, а потомъ уже въ свою очередь вѣдался съ міромъ[2]). Иногда же кабала писалась отъ имени всего міра, обозначавшагося въ той формѣ, въ которой онъ обозначался въ мірскихъ приговорахъ, и тогда взысканіе предъявлялось непосредственно къ міру[3]).

---

[1]) Пр. Д. 1633 № 13.

[2]) Пр. Д. 1630 № 81, л. 10. „Спйсокъ съ кабалы слово въ слово. Се язъ Костянтинъ, а прозвищемъ Пьянка Агаѳоновъ сынъ Роскотого Устьянскихъ волостей Дмитріевскіе сошки крестьянинъ, *волостной посыльщикъ*, занялъ есми на Москвѣ у государева стремянного стрѣльца Лукьянова приказу Ивановича Мясного у Тимоѳея Иванова 15 руб. денегъ московскихъ ходячихъ марта отъ перваго числа да до Троицына дни нынѣшняго 133 году. А занялъ я, Костянтинъ, а прозвищемъ Пьянка, эти деньги *въ мірской расходъ въ челобитье*. А давати мнѣ ему на эти деньги свершку на всякій рубль на недѣлю по грошу до сроку. А полягутъ деньги по срокѣ, и мнѣ ему на тѣ деньги потому жъ свершекъ давати на всякой рубль на недѣлю по грошу, сколько учну тѣ его деньги за собою держати. А на то послуси: Жданъ Григорьевъ да Семенъ Лавринъ. А кабалу писалъ Михалко Аврамовъ. Лѣта 7133“.

[3]) Пр. Д. 1628 № 72. „Царю государю... бьетъ челомъ твоя государева сирота уѣзда Соли Вычегодскіе Кирилко Исаковъ. Взяти, государь, мнѣ Вилегодскіе волости Никольскаго и Пречистенскаго приходу по братнѣ кабалѣ Пятого Исакова на прошломъ разрубномъ цѣловальникѣ на Козьмѣ Ивановѣ сынѣ Тороповѣ да на Несторѣ Петровѣ, на Козьмѣ Елисѣевѣ, на Саввѣ Васильевѣ Козицынѣ, на Аѳанасьѣ Петровѣ Гаева, на Жданѣ Верещагинѣ и на всѣхъ

Иногда мірской заемъ обезпечивается поручительствомъ частныхъ лицъ, на которыхъ также простирается взысканіе въ случаѣ неуплаты долга міромъ. Мірскія кабалы переходили по рукамъ, какъ теперешніе векселя, передавались по наслѣдству и принимались наравнѣ съ деньгами въ погашеніе долговыхъ обязательствъ. Такъ Антоніевъ Сійскій монастырь пріобрѣлъ мірскую кабалу, выданную пинежскими и мезенскими заказчиками нѣкоему Ю. К. Попову, у котораго они занимали деньги на земскіе расходы, а этимъ Ю. К. Поповымъ отданную въ монастырь въ уплату его долга. Печенгскій монастырь пріобрѣтаетъ такимъ же порядкомъ мірскую кабалу Спасскаго станка Двинскаго уѣзда, выданную подьячему Спиридонову, у котораго міръ занималъ деньги [1]). Монастыри въ этихъ случаяхъ какъ бы играютъ роль банкирскихъ домовъ, занимающихся учетомъ земскихъ векселей.

Какъ извѣстно, монастыри вообще занимались широкими операціями кредита и между прочимъ выдавали ссуды земскимъ мірамъ [2]). На ряду съ монастырями, обычными кредиторами земствъ являются капиталисты изъ своей же посадской или крестьянской братіи; но встрѣчаемъ среди этихъ кредиторовъ также и представителей бѣлаго духовенства, и членовъ аристократическихъ титулованныхъ фамилій. Такъ напр., Лальская волость Сольвычегодскаго уѣзда занимаетъ деньги у извѣстныхъ богачей изъ мѣстныхъ сольвычегодскихъ крестьянъ Авдѣя и Дмитрія Паламошныхъ [3]). Посыльщикъ Утмановской волости Устюжскаго уѣзда, будучи на Устюгѣ по волостнымъ дѣламъ, обратился за деньгами на мірскую издержку къ четыремъ кредиторамъ: занялъ у дьякона С. Патрикѣева 15 р., у К. Я. Усова 4 р., у крестьянина Яхренской волости Коковина 10 р. и у крестьянина Енанской волости А. И. Барана 2 р. [4]). Устюжскій всеуѣздный міръ за время съ

крестьянѣхъ истину 100 руб... Да мнѣ же, государь, взяти по даной брата моего Ерофея на крестьянѣхъ Вилегодскіе волости Никольскаго и Пречистенскаго приходу на прошломъ разрубномъ цѣловальникѣ на Петрѣ Ивановѣ сынѣ Шишкѣ да на (перечислено 12 именъ) и на всѣхъ крестьянѣхъ Никольскаго, Покровскаго и Пречистенскаго приходовъ, что заняли у Ѳедора Тимофеева сына Тараканова 22 рубля на мірской расходъ на сибирскій на хлѣбной запасъ".

[1]) Пр. Д. 1638 № 70. „Царю государю... бьютъ челомъ нищіе твои государевы богомольцы Устюга В. Архангельскаго монастыря архимандритъ Пафнутій съ братіею. Жалоба, государь, намъ Устюжскаго уѣзду Вондокурскаго стану на прошлыхъ судеекъ на Г. И. Преловскаго, на Г. Бѣляева сына Викторова, да того же стану на крестьянъ на А. Р. Сухнева, на И. Л. Чупановскаго и на всѣхъ крестьянъ, *да на поручиковъ на ихъ*, на И. Юрьева да на В. Д. Кострова съ товарищи. Взяти, государь, намъ по кабалѣ на тѣхъ заимщикахъ и на поручикахъ, и на всѣхъ крестьянѣхъ триста руб. денегъ да на тѣ деньги ростъ на пять шестой. А тѣ, государь, деньги займовали они, судейки, и всѣ крестьяне въ 141 г. на мірскую на волостную издержку". Пр. Д. 1638 № 36.

[2]) Часть I, гл. VI.

[3]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 199.

[4]) Пр. Д. 1638 № 14.

20-хъ по 60-е годы XVII в. кромѣ Архангельскаго монастыря и церкви Прокопія Чудотворца, у которой міръ занялъ 400 р. въ 1663 г. на достройку каменнаго соборнаго храма, бралъ ссуду у нѣсколькихъ членовъ видной устюжской коммерческой фамиліи Босыхъ: Василія, Алексѣя и Кирилла и у другихъ устюжскихъ капиталистовъ: Исаака Ревякина и Василія Ѳедотова, входившихъ въ составъ высшихъ московскихъ купеческихъ корпорацій гостей и гостиной сотни, но не утрачивавшихъ связи и съ роднымъ имъ устюжскимъ обществомъ и поддерживавшихъ его ссудами. Ссуда у гостиной сотни Василія Ѳедотова, взятая въ 1646 г. на уплату податей, достигала крупнаго размѣра въ 2275 руб. слишкомъ. Среди кредиторовъ устюжскаго всеуѣзднаго земства оказались князь Никифоръ Бѣлосельскій, давшій 100 руб. и, хотя и по недоразумѣнію, кн. Д. М. Пожарскій, какъ было сказано выше. Кредиторами земствъ бываютъ иногда мѣстные воеводы. Такъ цѣловальникъ Алексинскаго стана выкупаетъ въ 1615 году кабалу у сольвычегодскаго воеводы С. В. Голенищева въ 100 р. Цѣловальникъ Обвинскаго стана въ 1636 году занялъ въ Чердыни у чердынскаго воеводы Н. Телѣгина также 100 руб. „на сибирскіе отпуски и на земскіе расходы для скораго дѣла, въ которую пору у меня земскихъ денегъ не случилось“, какъ пишетъ этотъ цѣловальникъ. Къ займу у того же воеводы прибѣгалъ и чердынскій всеуѣздный міръ[2]).

Размѣры ссудъ волостнымъ земствамъ въ тѣхъ случаяхъ, которые пришлось наблюдать, колеблются отъ 2 руб. до 300 руб.; наибольшая изъ нихъ получена Вондокурскимъ станомъ Устюжскаго уѣзда отъ Архангельскаго устюжскаго монастыря. Но общая задолженность волостныхъ земствъ, несмотря на такія небольшія величины отдѣльныхъ ссудъ, достигала иногда очень значительныхъ размѣровъ. Такъ, напр., долгъ Ратмировской волости Сольвычегодскаго уѣзда къ 1639 г. доходилъ до 4000 рублей[2]). Займы уѣздныхъ земствъ были, разумѣется, больше. Устюжское земство жаловалось, что ему пришлось въ 1631 г. на удовлетвореніе разныхъ казенныхъ требованій занять за высокіе проценты болѣе 1000 р.: „назаймовано въ міру въ разныхъ мѣстѣхъ изъ великаго понедѣльнаго росту больше тысячи рублевъ“[3]). Въ 1646 г. оно, какъ мы видѣли выше, сдѣлало сразу заемъ въ 2275 р.; займы въ 400, 600 рублей не рѣдкость для этого земства.

Условія займовъ, на которыя соглашались земства, были очень тяжелы. Кабала обыкновенно писалась на сумму вдвое, а иногда и втрое большую истины, т.-е. количества денегъ, на самомъ дѣлѣ полученнаго въ долгъ, и не потому ли цифра дѣйствительно взятаго займа и называлась „*истиной*“ сравнительно съ той вздутой *ложной* цифрой, которая писалась въ кабалѣ? Такъ цѣловальникъ Лальской волости, занимая у А. и Д. Паламошныхъ 60 р., выдалъ на этотъ заемъ двѣ кабалы: въ 80 и въ 40 р., всего, слѣдовательно, на 120 рублей. Цѣловальникъ Устьянской Соденской волости

---

[1]) Пр. Д. 1633 № 13; Пр. Д. 1636 № 81.
[2]) Пр. Д. 1638 № 70.
[3]) Пр. Д. 1626 № 15.

М. Сухоносовъ, посланный изъ волости въ Москву съ данными и оброчными деньгами, занялъ въ Москвѣ на мірскую издержку у своего земляка, тоже устьянца Чадромской волости Д. Пономарева 4 р., выдавъ ему при этомъ кабалу на 8 рублей[1]). Упоминавшійся выше посыльщикъ Утмановской волости, занявшій на Устюгѣ у четырехъ лицъ деньги въ суммахъ: 15 р., 10 р., 4 р. и 2 р., выдалъ на себя три двойныя кабалы, а одну въ $2^1/_2$ раза больше „истины“, именно въ 30, 20, 10 и 4 руб. Обвинскій земскій цѣловальникъ, взявшій взаймы у чердынскаго воеводы 100 р., выдалъ кабалу на 300 р. Тѣ же явленія и при займахъ уѣздныхъ земствъ. Устюжскій земскій міръ, занимая въ 1633 г. у Кирилла Босого 600 р., выдалъ ему кабалу на 1200 р.[2]). Точно такъ же двойная кабала на 200 р. была дана тѣмъ же міромъ Архангельскому монастырю въ 1649 году при займѣ въ 100 р., а при займѣ у гостиной сотни Исаака Ревякина въ 1643 году въ 150 р. кабала была написана даже на 400 рублей[3]). Двойныя кабалы писались обычно и при частныхъ займахъ того времени, и этотъ обычай писать кабалу съ двойною валютою возводится въ норму судебникомъ 1589 г., гдѣ читаемъ: „а кабалы писати на крестьянъ вдвое“. Происхожденіе такого обычая можно объяснить, припомнивъ общепринятый тогда размѣръ процента при долгосрочныхъ займахъ, „на пять шестой“ — 20%, размѣръ, о которомъ говоритъ судебникъ 1589 г. и который затѣмъ былъ установленъ закономъ 1626 года[4]). И судебникъ, и законъ разрѣшаютъ взимать такой ростъ только въ теченіе пяти лѣтъ, т.-е. до тѣхъ поръ, пока „истина“ удвоится, „какъ истина съ ростомъ сравняется“. Очевидно, что эта удвоенная истина и обозначалась въ валютѣ кабалы, которую судебникъ предписываетъ взыскивать съ должника, подразумѣвая пятилѣтній срокъ займа: „а въ чемъ кабала писана, то и справити“[5]). Взимать 20%-ный ростъ

---

[1]) Пр. Д. 1641 № 86.

[2]) Пр. Д. 1634 № 29, л. 11—18: „И земскіе судьи... съ нами съ мірскими людьми деньги заняли у Кирила Босого 600 р. денегъ, а дали на себя кабалу въ двунадцати стахъ рублехъ“.

[3]) Пр. Д. 1649 № 8; 1655 № 52.

[4]) Суд. Θед. Іоан., ст. 23. „А ростъ правити за пять лѣтъ, а далѣ пяти лѣтъ росту не правити; а кабалы писати на крестьянъ вдвое, а ростъ правити на пять шестой, а въ чемъ кабала писана, то и справити“. А. И. III № 92, XIV: „134 г. марта въ 8 д... указали: объ ростѣхъ, какъ истина съ ростомъ сравняется въ пять лѣтъ, и ростъ имать на пять лѣтъ, а затѣмъ сверхъ пяти лѣтъ росту не имать“.

[5]) Ср. Уставн. грам. Лузской Пермцы Сольвыч. у. времени Ивана Грознаго: „А ростъ бы всякимъ людемъ указывати по кабаламъ, которыя были кабалы писаны съ тѣхъ мѣстъ, какъ въ судъ положатъ, *за пять лѣтъ* или меньши. И которыя кабалы писаны съ тѣхъ мѣстъ далѣ пяти лѣтъ, а ростъ будетъ въ нихъ хотя и написанъ, и по тѣмъ кабаламъ росту далѣ пяти лѣтъ на отвѣтчикахъ не указывати“. Чт. О. И. Др. 1907 кн I, смѣсь, стр. 44. Иное объясненіе 23-й статьѣ судебника 1589 г. даетъ проф. Владимірскій-Будановъ, видящій въ ней почему-то нелѣпость. „Есть здѣсь же“, пишетъ онъ, „и третье

сверхъ пяти лѣтъ, т.-е. взыскивать съ должника болѣе двойной суммы долга, воспрещалось.

Монастыри давали земствамъ деньги по узаконенному %, на пять шестой на долгіе сроки. Такъ напр. Архангельскій монастырь, ссудивъ Вондокурскому стану въ 1633 г. 300 рублей изъ роста на пять шестой, предъявляетъ ему взысканіе именно черезъ пять лѣтъ въ 1638 г., и такъ какъ часть долга была уже погашена станомъ, то ищетъ остальныхъ недоплаченныхъ истины и роста въ размѣрѣ 430 р.[1]). При займахъ, заключаемыхъ у частныхъ лицъ, въ кабалѣ прописывается тотъ же размѣръ %, напр.: „а сколько за мною заимщикомъ деньги побудутъ, и ростъ давать на пять шестой“, какъ читаемъ въ кабалѣ посыльщика Ратмировской волости Сольвычегодскаго уѣзда[2]). Но при краткосрочныхъ займахъ % былъ гораздо выше. Разсчетъ на пять шестой въ этой ратмировской кабалѣ былъ упомянутъ на тотъ случай, если бы деньги не были возвращены долгое время; но посыльщикъ бралъ ихъ на короткій срокъ, какъ это можно видѣть изъ сдѣланной на кабалѣ ниже ея текста замѣтки: „кабала писана вдвое (на 84 р. вмѣсто 40 р. истины), росту сулено по 2 деньги на день“, разумѣется на рубль, т.-е. 1% въ день. Другая отмѣтка на той же кабалѣ показываетъ, во-первыхъ, что въ самомъ дѣлѣ расплата была учинена скоро: заемъ былъ сдѣланъ 20 октября и уже погашенъ 11 декабря того же 140 года, и во-вторыхъ, что условія, на которыхъ былъ сдѣланъ дѣйстви-

---

новшество, но совершенно непонятное, быть можетъ по испорченности текста, именно: на крестьянъ кабалу предписывается писать вдвое. Въ буквальномъ смыслѣ этотъ текстъ представляетъ только нелѣпость; но авторъ имѣлъ въ виду что-то сказать о спеціальныхъ особенностяхъ кабалы на крестьянъ“. *Владимірскій-Будановъ*, Судебникъ 1589 г., его значеніе и источники, стр. 53.

[1]) Пр. Д. 1638 № 70.

[2]) Пр. Д. 1638 № 70: „Се язъ Павелъ Анисимовъ сынъ Смиреного, Ратмеровскіе волости посыльщикъ, занялъ есми по своей посыльной на ямскіе отпуски Бажену прошлому старостѣ во всю Ратмеровскую волость у Василья Ѳедорова сына Соловьева, Соли Вычегодской у посадскаго человѣка, 84 рубля денегъ московскихъ ходячихъ октября въ 20 день. А сколько за мною заимщикомъ деньги побудутъ, и ростъ давать на пять шестой. Почнусь заимщикъ платить за приставомъ, и всѣ убытки кабальныя на мнѣ на заимщикѣ. А гдѣ меня заимщика кабала застанетъ, подъ которымъ судомъ ни буди, тутъ по ней судъ и правежъ съ убытки и съ волокитою. А кто за сей кабалою станетъ, тотъ ей истецъ. На то послуси: Иванъ Антоновъ сынъ Шкулевъ да Баженъ Ивановъ сынъ Бѣлобородовъ. Кабалу писалъ всеуѣздный ямской дьячекъ Пашка Ѳедосѣевъ сынъ Поповъ. Лѣта 7140“. *Другою рукой*: „Кабала писана вдвое, росту сулено по 2 деньги на день.

На оборотѣ: „послухъ Иванко Шкулевъ руку приложилъ“.—

„140 г. декабря въ 11 день выкупилъ кабалу посыльщикъ заимщикъ Павелъ мірскими сборными деньгами, истины платилъ 40 руб. да росту на полосьмы недѣли два рубли восемь гривенъ. У платежу были: Баженъ Гавриловъ Нечаевъ да Семенъ Филипповъ. Подписалъ на кабалѣ Петрушка Григорьевъ Соловьевъ, а выкупилъ тѣми деньгами, что занялъ у Бажена Курбатова“.

тельный разсчетъ, были не согласны съ тѣми, какія были посулены: % разсчитаны были понедѣльные, а не дневные. „Истины платилъ", замѣчаетъ посыльщикъ, 40 р. да росту на полосьмы недѣли два рубля восемь гривенъ", слѣдовательно разсчетъ былъ сдѣланъ изъ 48% годовыхъ. По другой кабалѣ той же Ратмировской волости, по которой было занято 10 рублей, при обозначенной въ кабалѣ валютѣ въ 20 руб., цѣловальникъ заплатилъ 10 р. истины, „да росту понедѣльнаго на всякой рубль на всякую недѣлю по 4 деньги, итого 1 р. 4 д.", слѣдовательно заемъ былъ по 2% въ недѣлю и погашенъ былъ черезъ пять слишкомъ недѣль[1]). „Занялъ на мірскую издержку въ кабалы 12 рублевъ денегъ", читаемъ въ челобитной цѣловальника Утмановской волости Сольвычегодскаго уѣзда въ 1627 году, „а кабалы давалъ двойныя и тройныя и на тѣ деньги сулилъ ростъ понедѣльный по алтыну на рубль"—3% въ недѣлю, слѣдовательно 156% годовыхъ[2]). Итакъ, условіе о ростѣ на пять шестой вносилось въ кабалы на случай ихъ просрочки, обращенія займа въ долгосрочный и взысканія по суду, который не допустилъ бы бо́льшаго процента, по крайней мѣрѣ съ 1626 г. Нужда въ средствахъ побуждала сѣверныя земства въ XVII в. прибѣгать къ краткосрочному кредиту, „суля" за него огромные понедѣльные и даже дневные проценты. Отсюда понятны постоянныя жалобы земствъ на дороговизну кредита, на разорительные „великіе понедѣльные росты", на которые они принуждены были соглашаться. Въ 1630 году, какъ мы видѣли выше, устюжскій всеуѣздный міръ искалъ выхода изъ этого затрудненія, возбудивъ ходатайство передъ правительствомъ о разрѣшеніи брать безпроцентныя ссуды изъ мѣстнаго устюжскаго таможеннаго и питейнаго управленія на короткіе сроки. Ходатайство было уважено, такъ что устюжская таможенная изба получила значеніе какъ бы отдѣленія государственнаго банка. Но государственный кредитъ земствамъ, очевидно, не былъ распространеннымъ явленіемъ; иначе имъ незачѣмъ было бы прибѣгать къ частному.

Перейдемъ теперь къ вопросу о финансовой отчетности мірскихъ властей.

Обязанность завѣдывавшихъ финансами земскихъ властей представлять міру отчетъ въ ихъ финансовой дѣятельности, отбывъ срокъ своей службы, возлагается на нихъ въ избирательныхъ спискахъ. Съ своей стороны міръ, получая отчетъ отъ выборныхъ, давалъ имъ „счетъ", „считалъ" ихъ, т. е. повѣрялъ ихъ отчетность. Эта повѣрка могла происходить и на собраніи схода; но обыкновенно для ея производства міръ, волостной или всеуѣздный, избиралъ особую спеціальную комиссію, члены которой носили названіе мірскихъ счетчиковъ, счетныхъ людей. Приведемъ примѣры. Такъ хлыновскаго посадскаго цѣловальника 1621—22 г. считала комиссія изъ 5 посадскихъ людей[3]). Комиссія, считавшая въ

---

[1]) Пр. Д. 1638 № 70. Мірскія кабалы Ратмировской волости.
[2]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 241.
[3]) Пр. Д. 1623 № 32.

1625 г. прошлаго земскаго цѣловальника Сухопогостской волости Комарицкаго стана Устюжскаго уѣзда, состояла изъ четырехъ лицъ[1]). Отчетъ разрубного цѣловальника 1624—25 г. Городищенской волости того же уѣзда по окончаніи года его службы провѣряла комиссія изъ трехъ лицъ „по мірскому совѣту во всѣхъ крестьянъ мѣсто“, слѣдовательно, избранная мірскимъ сходомъ и дѣйствовавшая по его полномочію[2]). Въ 1622 г. вслѣдствіе жалобы хлыновцевъ на злоупотребленія земскаго старосты воеводѣ предписано было изъ Москвы распорядиться о счетѣ. Для этого всеуѣздное собраніе должно было избрать комиссію изъ лицъ, „кому они всѣмъ посадомъ и уѣздомъ въ томъ мірскомъ счетѣ вѣрятъ... Да кого они“, продолжаетъ грамота воеводѣ, „всѣмъ посадомъ и уѣздомъ къ тому счету выберутъ, и ты бъ... тѣмъ выборнымъ людемъ велѣлъ бы еси земскаго ихъ старосту и цѣловальниковъ по ихъ мірскимъ приходнымъ и расходнымъ книгамъ счести въ приходѣ и въ расходѣ вправду“. На этихъ выборныхъ членовъ счетной комиссіи воевода долженъ былъ взять у собранія избирательные списки, выборы за руками[3]). Въ составѣ комиссіи, считавшей устюжскихъ ямскихъ старостъ за 135 (1626—27) г., можно различить два элемента, изъ которыхъ одинъ принимаетъ въ ней участіе по правительственному порученію, другой по выбору всеуѣзднаго земскаго собранія. Первый составляли двое лицъ: устюжане торговые люди Ив. Я. Усовъ и Ѳ. Матв. Печатцынъ, оба видные устюжскіе коммерсанты—Усовъ считался притомъ членомъ московской гостиной сотни. Вторымъ элементомъ были „выборные люди“, съ достаточной полнотой представлявшіе составъ устюжскаго всеуѣзднаго собранія, именно: уполномоченный отъ устюжскаго посада, затѣмъ старецъ Ивановскаго монастыря, какъ представитель устюжскаго монастырскаго землевладѣнія и семеро волостныхъ посыльщиковъ отъ разныхъ волостей устюжскаго уѣзда[4]). Въ 1624 г. учреждена была

[1]) Пр. Д. 1626 № 44.

[2]) Пр. Д. 1631 № 56.

[3]) Пр. Д. 1622 № 20.

[4]) Пр. Д. 1628 № 74. „Лѣта 7136 декабря 20 д. по государевѣ царевѣ... грамотѣ за приписью государева дьяка Михайла Смывалова Устюга В. торговые люди Иванъ Якимовъ сынъ Усовъ, Ѳедоръ Матвѣевъ сынъ Печатинъ, да выборные люди: *устюжскаго посаду* Иванъ Емельяновъ сынъ Ходутинъ, да *Ивановскаго монастыря* старецъ Никонъ, да волостные посыльщики: *Черевковскіе волости* Томило Ананьинъ сынъ Дмитрова, да *Пермогорскіе волости* Незговоръ Семеновъ сынъ Чудиновъ, *Ягрышскіе волости* Леонтій Аѳанасьевъ сынъ Пинежанинъ, *Бѣлые Слуды* Терентій Никифоровъ сынъ Дѣдова, *Комарицкаго стану* Василій Михайловъ Старцовъ, *Кивокурскіе волости* Иванъ Ѳоминъ сынъ Шемякинъ, *Вохомскіе волости* Иванъ Аѳанасьевъ сынъ Масленикъ взяли у устюжскихъ у земскихъ судей у Дементья Михайлова сына Раидина съ товарищи на счетъ прошлаго 135 года ямскія приходныя и расходныя книги ямскихъ старостъ Ивана Игумнова да Луки Брилкина, да Бобровскаго яму ямщика Ивана Рычкова, да Ягрышскаго яму ямщика Леонтья Соболева, да Усть-Евдскаго ямщика Харитона Созонова за руками. И по счету счетчиковъ Ивана Якимова да Ѳедора Печатина съ товарищи сочтено у устюжскихъ у ямскихъ старостъ у Ивана Игумнова да у Луки Брилкина приходу и т. д.

на Устюгѣ счетная комиссія для ревизіи устюжскихъ земскихъ судей, старостъ и сборщиковъ разныхъ податей за время съ 127 по 133 г. Въ комиссію вошли гостиной сотни Алексѣй Босой „съ товарищи“, среди которыхъ вмѣстѣ съ представителями посада дѣйствовали также и представители волостей. Въ 1631 г. посадъ представлялъ правительству въ челобитной, что ранѣе участвовали въ счетной комиссіи и волостные люди, которые теперь заниматься въ ней перестали и просилъ привлечь ихъ опять къ работѣ, заявляя, что имъ, посадскимъ людямъ, этого дѣла безъ членовъ отъ волостей исполнить нельзя, „безъ волостныхъ людей считать не умѣть“ [1]). Тотемскій всеуѣздный міръ, ходатайствуя въ 1629 г. передъ правительствомъ о счетѣ бывшаго тотемскаго ямского старосты, предуказываетъ въ этой челобитной и составъ будущей ревизіонной комиссіи; въ нее должны войти представители посада и волостей [2]).

Работа счетной комиссіи заключалась въ провѣркѣ представленнаго земскими должностными лицами матеріала: приходныхъ и расходныхъ книгъ казеннымъ и мірскимъ сборамъ, издержечныхъ росписей, куда день за днемъ заносились траты на мірскія нужды, заемныхъ кабалъ, мировыхъ записей и вообще всякаго рода оправдательныхъ документовъ. Результатъ работы выражался въ „счетной“, или „отчетной“ памяти, которую волостной или всеуѣздный міръ выдавалъ лицу, представлявшему отчетъ; этою памятью должны были ликвидироваться между міромъ и его уполномоченнымъ отношенія, начавшіяся съ „выбора за руками“. Вотъ для примѣра отчетная память, выданная въ мартѣ 1631 г. сольвычегодскимъ всеуѣзднымъ міромъ ямскому старостѣ 1629—30 г. Е. Д. Бояркину. Запись выдана по грамотѣ изъ Устюжской четверти и по приказу мѣстнаго воеводы и написана отъ имени всеуѣзднаго старосты, посадскихъ земскихъ цѣловальниковъ и посыльщиковъ 14 волостей, дѣйствовавшихъ „во всѣхъ Соли Вычегодской посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ мѣсто“, можно, слѣдовательно, думать — отъ имени всеуѣзднаго собранія. „Считали его, старосту Еремѣя“, гласитъ память, „въ приходѣ въ сборныхъ въ мірскихъ всеуѣздныхъ деньгахъ, что сбиралъ съ сохъ и т. д.... и всего сочли въ приходѣ... 3787 р. 10 алт. $4^1/_2$ д.“. Въ расходѣ у него оказалось 3643 р. 15 алт., да 98 р. ему не доплатили съ своихъ вотчинъ Строгановы. Такимъ образомъ недоставало для равновѣсія прихода съ расходомъ 45 р. слишкомъ. Послѣдняя сумма составила *начетъ* на старосту, который онъ долженъ былъ вернуть міру. За исключеніемъ этого недочета все остальное въ этомъ случаѣ оказалось въ порядкѣ, и отчетная заканчивается обоюднымъ обязательствомъ всеуѣзднаго міра и старосты не предъявлять другъ къ другу никакихъ претензій, не имѣть другъ до друга „никакихъ дѣлъ никоторыми дѣлы“ [3]). Въ такомъ взаимномъ обязательствѣ видны какъ

[1]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 120—122; л. 218—221; Пр. Д. 1631 № 80.

[2]) Пр. Д. 1630 № 70: „а ко счету, государь, вели взяти тотмянъ посадскихъ лучшихъ людей и волостныхъ крестьянъ, сколько человѣкъ пригоже“.

[3]) Пр. Д. 1632 № 30.

будто элементы двусторонняго акта, договора. Мірской счетъ, какъ и выборы, и другіе мірскіе акты, проникнутъ частнымъ правомъ; это не столько актъ контроля одного государственнаго учрежденія надъ другимъ, сколько разсчетная сдѣлка между хозяиномъ и его наемнымъ слугою.

Въ приведенномъ примѣрѣ счетъ прошелъ гладко: ямской староста уплатитъ начтенныя на него деньги, повидимому, имъ признанныя. Есть указанія, что операція мірского счета происходила иногда въ уютной, можетъ быть, даже располагающей къ гладкости счета обстановкѣ, сопровождалась производившимся на мірской счетъ угощеніемъ счетчиковъ. Среди оправдательныхъ документовъ, представленныхъ цѣловальникомъ Орловскаго оброчнаго стана въ Вятской землѣ, находимъ двѣ выданныя ему расписки: одну нѣкоей Афимьи Аѳанасьевой Сибиряковой въ томъ, что „взяла у него, цѣловальника, за пироги 10 алтынъ денегъ, что тѣ пироги ѣли на счетѣ, какъ считали его цѣловальника“; другую нѣкоего Якова Иванова Отрыгаева въ томъ, что „взялъ у него, цѣловальника 4 алтына за два плеча да за стегно за баранину, да за пироги, что онъ ималъ на счетѣ, кормилъ мірскихъ людей“ [1]). Однако часто счетъ былъ сопряженъ съ разнаго рода треніями и конфликтами, какъ предшествовавшими этому акту, такъ и слѣдовавшими за нимъ. Земскія выборныя должностныя лица уклоняются отъ отчета, и міры принуждены предъявлять къ нимъ иски объ отчетѣ, жаловаться на нихъ приказной власти, просить ея вмѣшательства и содѣйствія. Такъ въ 1622 г. Спенцынскій станъ Хлыновскаго уѣзда жалуется воеводѣ на своего цѣловальника, не желающаго дать отчетъ міру [2]). Въ 134 (1625—26) г. всеуѣздный устюжскій міръ за воровство отрѣшилъ отъ должности одного изъ ямскихъ старостъ В. Котельникова за полгода до окончанія срока его службы. Не давъ міру отчета въ ямскихъ деньгахъ, Котельниковъ уѣхалъ въ Сибирь торговать. Міръ обратился въ Устюжскую четверть съ просьбой о счетѣ, который и велѣно было произвести засѣдавшей тогда на Устюгѣ счетной комиссіи Ив. Усова и Ѳ. Печатцына [3]), занимавшейся вообще счетомъ бывшихъ ямскихъ старостъ. Въ 1654 г. устюжскій всеуѣздный міръ избралъ ревизіонную комиссію для счета ямского старосты С. Мыльникова съ товарищами и ружнаго старосты Калины Потапова. Но и ямскіе старосты, и ружный отъ счета уклонились и даже, не смотря на вмѣшательство воеводы, не представляли комиссіи своихъ книгъ. Міръ обратился въ приказъ, откуда пришла грамота о счетѣ старостъ въ комиссіи, въ составъ которой наряду съ выборными мірскими людьми назначены были также архимандритъ Игнатій и соборный устюжскій протопопъ Владиміръ, надо полагать въ качествѣ правительственныхъ уполномоченныхъ [4]). Въ 157 (1648—49) г. земскій судья и староста Никольскаго Шуйскаго погоста въ Заонежьѣ,

---

[1]) Пр. Д. 1645 № 66.
[2]) Пр. Д. 1922 № 20.
[3]) Пр. Д. 1631 № 31.
[4]) Д. А. И. III № 117.

призвавъ предъ себя бывшаго старосту 153 года Л. Пономарева, приказали ему представить приходо-расходныя книги и другіе документы для отчета міру; но Пономаревъ отчета не далъ, сказалъ, что приходо-расходныя книги онъ отвезъ къ воеводѣ, и другихъ документовъ никакихъ не представилъ. Судья и староста обращались на него съ жалобой въ Москву[1]).—Отбывшія должность лица обнаруживаютъ склонность замѣнять дачу подробнаго отчета *вѣрою*, т. е. присягою въ правильности своихъ операцій; но, видимо, такое предложеніе не всегда принимается охотно мірами. Въ 1631 г. Ротковская волость Чарондской округи жаловалась на окружского старосту, который, просидѣвъ на старощеньи четыре года, не былъ сочтенъ. Старосты остальныхъ чарондскихъ волостей согласились взять у него „въ отчета мѣсто вѣру“, причемъ у присяги онъ показалъ, что на немъ лежитъ земскаго долгу 70 р., и уплату этого долга остальныя волости приняли на себя. Но общество Ротковской волости удовлетвориться присягою вмѣсто отчета не согласилось, участвовать въ платежѣ долга за окружского старосту по разверсткѣ отказалось и предъявило къ нему въ Москвѣ въ Устюжской четверти искъ объ отчетѣ[2]). Та же волость отказалась принять показаніе подъ присягой вмѣсто отчета отъ своего волостного старосты, занимавшаго эту должность два года 147 и 148-й и собравшаго съ волости излишній поборъ по 4 гр. съ выти, не сданный имъ въ казну. Староста предлагалъ дать присягу; волость настаивала на отчетѣ, приводя два аргумента: во-первыхъ, опасеніе передъ могущимъ произойти клятвопреступленіемъ: „намъ, государь“, писалъ въ Москву новый волостной староста, „у него вѣры взяти не мочно мимо счетъ.... вѣдаючи за нимъ мірскія деньги, боимся Божія гнѣву“; во-вторыхъ, волость приводила то соображеніе, что въ данномъ этому старостѣ выборномъ спискѣ значилось, что онъ обязанъ дать въ приходѣ и расходѣ отчетъ и только въ томъ случаѣ, если бы счетъ оказался „смутенъ“, подтвердить его присягой. Однако смуты въ документахъ волость не находила; они ясно говорили противъ старосты; поэтому міръ и не пожелалъ удовлетвориться присягой[3]).

Но если отбывшіе службу земскіе выборные уклонялись иногда отъ отчета, то съ другой стороны случалось, что и міры медлили счетомъ своихъ агентовъ. Положеніе подотчетнаго, какого нибудь старосты, судейки или цѣловальника, окончившаго службу, но еще не сосчитаннаго, должно было быть не изъ легкихъ. Онъ былъ въ значительной мѣрѣ связанъ; онъ не могъ быть спокойнымъ за будущее и увѣреннымъ, что съ

[1]) Пр. Д. 1647 № 14. Ср. I, 306.

[2]) Пр. Д. 1631 № 56. „Милосердый государь... вели намъ, сиротамъ, дать свою государеву зазывную грамоту по прошлаго старосту по Ивана Калинина и вели его, государь, поставить на Москвѣ въ Устюжской четверти четырехъ годовъ съ розводными пріемными списками и съ расходными книгами, и съ мірскими съ выборами, и свой государевъ указъ учинить, что онъ намъ, сиротамъ, отчету не даетъ“.

[3]) Пр. Д. 1641 № 30.

него не станутъ взыскивать тѣхъ или другихъ начетныхъ денегъ и что съ него снимутъ кабалы по сдѣланнымъ имъ на мірскія нужды займамъ. И такое положеніе тянулось иногда годами. Отсюда становятся понятны жалобы, съ которыми земскіе выборные обращаются на недающіе имъ счета міры къ правительственной власти. Такъ напр. ямской староста, управлявшій по мірскому выбору Бобровскимъ ямомъ въ Устюжскомъ уѣздѣ въ 129 (1620—21) г., не былъ сосчитанъ еще и въ 136, когда онъ билъ челомъ въ Устюжской четверти и просилъ велѣть земскимъ людямъ счесть его по книгамъ и выкупить его изъ заключенныхъ имъ долговыхъ обязательствъ [1]). Ямскіе старосты самого Устюга В. того же 129-го года жаловались въ 132 г. на устюжскій всеуѣздный міръ, все еще не собравшійся ихъ счесть [2]). Разрубной цѣловальникъ Ильинскаго прихода Вилегодской волости 137 года былъ сосчитанъ только въ 141 г. Въ томъ же 141 г. онъ былъ избранъ міромъ въ посыльщики въ Сольвычегодскъ по разнымъ мірскимъ дѣламъ и по этой службѣ, по окончаніи ея, долго оставался безъ счета. Въ 144 г. онъ выхлопоталъ изъ Устюжской четверти указъ въ свою волость о счетѣ; но и указъ не подѣйствовалъ: мірскіе люди указа не послушали, учинились сильны, и только еще черезъ два года, въ 146 г. ему удалось, наконецъ, добиться, чтобы его сосчитали [3]). Земскій цѣловальникъ Киберской волости 143 года (1634—35) получилъ возможность сдать отчетъ только въ 145 г. и то только благодаря поддержкѣ, оказанной ему земскимъ судьею Сысольскихъ волостей, къ которому онъ прибѣгнулъ за содѣйствіемъ [4]). Такимъ образомъ правительственная власть призывается къ вмѣшательству въ земскія финансовыя дѣла и тою, и другой стороной, и земскими мірами, и ихъ выборными должностными лицами, и отсюда понятно, почему такъ часто мірской счетъ производится по указу изъ четверти и по приказу воеводы. И сами ревизіонныя комиссіи получаютъ поэтому иногда правительственный характеръ, о которомъ свидѣтельствуетъ присутствіе въ нихъ членовъ по назначенію отъ правительства, притомъ членовъ наиболѣе важныхъ и видныхъ, играющихъ въ комиссіи роль предсѣдателей. Такова была разсмотрѣнная выше устюжская комиссія для счета прежнихъ земскихъ и ямскихъ старостъ и сборщиковъ за нѣсколько лѣтъ. Учрежденіе этой комиссіи по указу отъ правительства, вѣроятно, и было слѣдствіемъ взаимныхъ жалобъ съ одной стороны міра, съ другой его изнывающихъ подъ отчетомъ агентовъ. Эта комиссія состояла такъ или иначе все же изъ мірскихъ людей; тѣ члены, которые назначались въ нее правительствомъ,—въ одномъ случаѣ члены гостиной сотни, въ другомъ архимандритъ мѣстнаго монастыря и соборный протопопъ—входили въ составъ устюжскаго міра, одни, именно члены гостиной сотни по принадлежности къ устюжскому посаду, другіе—духов-

---

[1]) Пр. Д. 1628 № 72.
[2]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 321.
[3]) Пр. Д. 1638 № 14.
[4]) Пр. Д. 1638 № 36.

ныя лица—по землевладѣнію ихъ учрежденій въ Устюжскомъ уѣздѣ. Но можно указать случаи, когда вызываемое жалобами міра или земскихъ выборныхъ вмѣшательство правительственной власти приводило къ упрощеннымъ формамъ счета, получавшаго уже болѣе приказный, чѣмъ мірской характеръ. Получивъ вышеупомянутую жалобу крестьянъ Спенцынскаго стана Хлыновскаго уѣзда на ихъ цѣловальника, уклонявшагося отъ отчета, воевода приказалъ счесть его въ своей канцеляріи, въ съѣзжей избѣ. Когда разрубной цѣловальникъ волости Юрьева Наволока Устюжскаго уѣзда 131 (1622—23) года Жданъ Слоевъ, отслуживъ свой годъ и не получая счета, подалъ о томъ челобитную воеводѣ, послѣдній предписалъ счесть его также въ съѣзжей избѣ комиссіи изъ двухъ лицъ: мірского посыльщика отъ Юрьева Наволока и приговорнаго цѣловальника съѣзжей избы[1]).

Въ томъ и въ другомъ случаѣ, и отлынивая отъ представленія отчета, и томясь его тщетнымъ ожиданіемъ, окончившія службу земскія власти вступали въ мировыя сдѣлки съ своими обществами по частямъ. Волостные выборные заключали такія сдѣлки съ отдѣльными членами волостного міра; всеуѣздные—съ юридическими лицами, волостными мірами, входившими въ составъ всеуѣзднаго. Искъ объ отчетѣ или объ убыткахъ при неправильномъ распоряженіи мірскими суммами могъ быть поднятъ противъ должностного лица не только міромъ въ совокупности, но и отдѣльными его членами или группой членовъ, а во всеуѣздномъ земствѣ одною или нѣсколькими волостями. Обвиненіе противъ вышеупомянутаго старосты Шуйскаго Заонежскаго погоста Л. Пономарева, предъявленное къ нему передъ земскимъ судьею и старостою, исходило отъ группы частныхъ лицъ. Обвиненіе противъ окружского старосты Чарондской округи, разсмотрѣнное выше, возбуждено было одною волостью, тогда какъ остальныя были старостою удовлетворены. Отсюда и стремленіе у мірскихъ выборныхъ разсчитываться и раздѣлываться съ мірами, если не въ цѣломъ, то по частямъ, и очевидно, что чѣмъ больше частей будетъ захвачено въ мировую сдѣлку, тѣмъ ближе такая сдѣлка подойдетъ къ полной ликвидаціи отношеній между міромъ и выборнымъ, къ отчетной записи. Если и въ отчетной записи сквозятъ черты частноправового акта, разсчета хозяина съ приказчикомъ, то мировая запись является всецѣло гражданскимъ договоромъ, цѣль котораго предотвратить взаимные иски. На характеръ такого договора указываетъ и самая форма мировой. Въ октябрѣ 125 (1616) г. группа крестьянъ Алексинскаго стана изъ 67 указанныхъ поименно человѣкъ, въ число которыхъ вошли между прочимъ и нѣкоторыя судебныя власти: данный цѣловальникъ, староста судецкій, судный цѣловальникъ и сотскій съ пятидесятскимъ, разсчиталась съ разрубнымъ цѣловальникомъ 123-го года и выдала ему счетную. Что это былъ не весь алексинскій волостной сходъ и не комиссія этого схода, а именно частная группа лицъ, показываетъ, во-первыхъ, отсутствіе обычныхъ для мірского приговора слѣдующихъ за именнымъ перечнемъ участниковъ схода формулъ: „да и

[1]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 63 и сл.

всѣ крестьяне“ или „и во всѣхъ крестьянъ мѣсто“, а затѣмъ тщательная оговорка въ актѣ, что сдѣлка касается только тѣхъ крестьянъ, „кои въ сей счетной писаны“. Въ этой мировой счетной названные крестьяне съ одной стороны и разрубной цѣловальникъ съ другой взаимно обязуются такъ же, какъ и въ офиціальныхъ счетныхъ, выдаваемыхъ отъ имени міра, не предъявлять другъ къ другу никакихъ претензій, не имѣть другъ до друга „никакихъ дѣлъ никоторыми дѣлы“. Но отличительными ея особенностями какъ мировой сдѣлки, какъ гражданскаго акта, является присутствіе упоминающихся въ ней свидѣтелей, а также составленіе ея въ двухъ экземплярахъ, вручаемыхъ каждому изъ контрагентовъ [1]). Въ 1624 г. устюжскіе ямскіе старосты 129-го (1620—21) года, не дождавшись всеуѣзднаго счета, мирились порознь съ отдѣльными волостями. Составлялись также въ присутствіи свидѣтелей мировыя записи съ каждой волостью въ двухъ экземплярахъ. Отъ Черевковской волости эту сдѣлку заключала съ ямскими старостами комиссія изъ восьми уполномоченныхъ съ земскимъ цѣловальникомъ во главѣ, дѣйствовавшая отъ имени міра „во всѣхъ крестьянъ мѣсто“. Комиссія обязывалась къ ямскимъ старостамъ никакихъ исковъ не предъявлять и не убытчить ихъ „никакъ, никоторыми дѣлы“ [2]).

Когда самая операція счета оканчивалась, выяснившіеся результаты могли быть въ свою очередь источниками новыхъ недоразумѣній, раздоровъ и пререканій міровъ съ отслужившими срокъ мірскими выборными и приводить къ искамъ и жалобамъ съ обѣихъ сторонъ. Міръ требуетъ уплаты начисленныхъ при счетѣ „начетныхъ“ денегъ и до уплаты не выдаетъ счетной; лица, занимавшія выборныя должности, протестуютъ противъ заключеній ревизіи, считаютъ себя обиженными міромъ, ищутъ съ міра недоплаченныхъ денегъ и жалуются на невыручку ихъ изъ долговыхъ обязательствъ, въ которыя они принуждены были вступать ради міра, на задержку въ выдачѣ счетной памяти, на всякаго рода другіе убытки, припоминая при этомъ обнадеживающія обѣщанія, данныя имъ міромъ и занесенныя въ выборный списокъ. Въ выборномъ моемъ спискѣ, жалуется напр. бывшій цѣловальникъ Уфтюжской волости Устюжскаго уѣзда Максимъ Мостовскій, было обѣщано, какъ годъ мой отойдетъ, считать меня въ правду по государеву крестному цѣлованію. „И тѣ крестьяне“, продолжаетъ онъ съ горечью, „садилися со мною, съ цѣловальникомъ Максимкомъ, считатися и... многую волостную издержку со счету у меня, у цѣловальника у Максимка, сметываютъ и считаютъ не по правдѣ и не по государеву крестному цѣлованью своею бездѣлицею... И тѣ крестьяне меня, твою государеву сироту Максимка, убытчатъ и волочатъ, и язъ... отъ тѣхъ крестьянъ въ ихъ нераздѣлкѣ и въ бездѣльномъ счетѣ, въ волокитѣ и въ проѣсти задолжалъ и подворьишка своего отсталъ, и женишко, и дѣтишка

---

[1]) Пр. Д. 1633 № 13. Приложеніе № 10.

[2]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 321: „списокъ съ мировые записи“; л. 322 тоже Кивокурскаго стана; л. 323—24—Вондокурскаго стана; лл. 325—40—другихъ волостей Устюжскаго уѣзда; Пр. Д. 1631 № 31.

мои Максимовы по дворамъ пошли“ [1]). Цѣловальникъ Городищенской волости Устюжскаго уѣзда 133 (1624—25) г. жалуется, что предсѣдатель и члены ревизовавшей его комиссіи представленные имъ документы со стола сбросили и не приняли ихъ во вниманіе при счетѣ [2]). „Сижу въ тюрьмѣ“, изображаетъ другой цѣловальникъ испытываемыя имъ послѣдствія счета, „животъ свой мучу и помираю голодною смертью, и на правежѣ замученъ на смерть“ [3]). Третій былъ уже сочтенъ, комиссія постановила уже выдать ему и счетную память; но вдругъ почему-то дѣло приняло иной оборотъ. Цѣловальнику было объявлено комиссіей, что „тотъ де счетъ не въ счетъ, еще де на тебѣ денегъ взять“—и взяли самовольно 22 рубля съ полтиной, а счетной всетаки не дали, заканчиваетъ свой разсказъ потерпѣвшій [4]). Нѣтъ, какъ видимъ, недостатка въ яркости тѣхъ выраженій, которыми описываются въ жалобахъ мірской счетъ и его послѣдствія, и если даже значительную долю этой яркости отнести на обычную реторику жалобъ, то все же нельзя не замѣтить, что изъ за реторики здѣсь сквозитъ сильное и искреннее раздраженіе, которое уносили съ собою другъ противъ друга обѣ стороны, расходясь со счета.

Казалось бы, наконецъ, что такой заключительный моментъ ревизіи, какъ выдача счетной памяти съ вносимымъ въ нее взаимнымъ обязательствомъ не имѣть болѣе другъ до друга „никакихъ дѣлъ никоторыми дѣлы“, долженъ былъ умиротворить и успокоить стороны, погасить всякія претензіи въ дальнѣйшемъ. И всетаки эти претензіи вспыхиваютъ даже и послѣ выдачи счетной. Послѣ счетной, выданной міромъ, какъ оказывается, не исключается еще возможность исковъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, не бывшихъ, можетъ быть, на собраніи или вообще почему либо не согласившихся съ рѣшеніемъ міра. Сольвычегодскій всеуѣздный староста 162 (1653—54) г. былъ сочтенъ и получилъ отъ имени всеуѣзднаго собранія счетную. Это не помѣшало видному сольвычегодскому воротилѣ Никифору Ревякину возбудить противъ старосты обвиненіе въ сборѣ излишнихъ денегъ сверхъ мірскихъ приговоровъ и вызвать его на судъ въ Москву въ Устюжскую четверть [5]).

Всѣ эти безпорядки въ земской отчетности: и уклоненіе отъ нея должностныхъ лицъ, и затягиваніе счета со стороны міра, и взаимное недовольство исходомъ счета — влекли за собою съ той и другой стороны обращеніе къ правительственной власти и настойчиво втягивали ее въ эту область земскаго дѣла. Вмѣшательство правительства въ ревизію земскихъ властей выражалось либо только въ ускореніи самой отчетности, въ побужденіи міра произвести эту операцію, либо въ болѣе интенсивномъ участіи въ самомъ производствѣ счета. Въ послѣднемъ случаѣ правитель-

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 178.
[2]) Пр. Д. 1628 № 72.
[3]) Пр. Д. 1623 № 32.
[4]) Пр. Д. 1626 № 44.
[5]) Пр. Д. 1656 № 87.

ственная власть поручала счетъ своей канцеляріи или мірской же комиссіи, но съ назначенными отъ правительства членами во главѣ, которые и разсматривались въ такомъ случаѣ, какъ уполномоченные правительства, а не міра. Такимъ образомъ участіе государства въ земской отчетности мѣняло ея характеръ, преобразуя ее изъ частно-правового договора, изъ разсчета нанимателя съ нанимаемымъ, который можно покончить полюбовной мировой сдѣлкой, въ публично-правовой актъ правительственной ревизіи при содѣйствіи выборныхъ лицъ изъ общества, актъ, исключающій возможность какой либо мировой сдѣлки и влекущій за собой уголовныя послѣдствія для виновныхъ.

Глава IX.

Судебная организація на сѣверѣ. Волостной судъ.

Поручая земскимъ мірамъ сборъ налоговъ, государство XVI вѣка возлагало на нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другую обязанность—отправленіе правосудія. Въ нашей научной литературѣ достаточно выяснены основныя черты судебной реформы, предпринятой въ серединѣ XVI вѣка, такъ называемой реформы Ивана Грознаго. Припомнимъ ихъ лишь вкратцѣ. Реформа прежде всего проводила на самое значеніе суда гораздо болѣе государственный взглядъ, сравнительно съ господствовавшимъ ранѣе. Судъ переставалъ теперь быть источникомъ дохода, уступаемымъ государствомъ въ пользованіе служилымъ людямъ кормленщикамъ и сталъ разсматриваться, какъ одна изъ важнѣйшихъ государственныхъ функцій, посредствомъ которой государство достигаетъ одной изъ основныхъ своихъ задачъ, внутренней безопасности. Осуществленіе этой функціи на мѣстахъ было поручено теперь избраннымъ мірами земскимъ людямъ. Въ рукахъ намѣстниковъ и волостелей-кормленщиковъ судъ, служившій для нихъ однимъ изъ средствъ кормленія, былъ все же скорѣе правомъ, чѣмъ обязанностью. Для земскихъ міровъ и ихъ выборныхъ отправленіе правосудія стало обязанностью, за исполненіе которой и выборные, и избирающіе ихъ міры несутъ суровую отвѣтственность передъ государствомъ. И если можно говорить о *правѣ* суда, данномъ земскимъ мірамъ реформою Грознаго, то, конечно, подъ этими словами надо понимать не право отправлять или не отправлять правосудіе съ возможностью переуступить его другимъ лицамъ, какъ это дѣлалось въ эпоху кормленій, а только освобожденіе отъ судебной власти мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ, только, такъ сказать, право исполнять обязанность правосудія черезъ своихъ выборныхъ, обходясь безъ правительственныхъ намѣстниковъ и волостелей. Вмѣстѣ съ такимъ направленіемъ правосудія къ его основной задачѣ, оно очищается отъ финансоваго своего нароста. Доходы отъ суда земскихъ выборныхъ въ видѣ судебныхъ штрафовъ и пошлинъ должны идти теперь въ государственное казначейство; но въ бюджетѣ XVI в. среди крупныхъ налоговъ судебные доходы составляли величину, которая не могла сколько нибудь сильно интересовать государство. Судъ важенъ для государства не доходомъ, который онъ доставляетъ, а торжествомъ права и безопасности, которому онъ содѣйствуетъ.

Съ проведеніемъ на судъ государственнаго взгляда расширяется и получаетъ болѣе значительное развитіе и примѣненіе тотъ видъ процесса, въ которомъ этотъ взглядъ находитъ себѣ выраженіе—слѣдственный процессъ, *сыскъ*. Онъ становится теперь рядомъ съ прежнимъ состязательнымъ процессомъ, *судомъ;* а затѣмъ все болѣе доминируетъ надъ нимъ и сообщаетъ ему свои элементы. Въ состязательномъ процессѣ, господствовавшемъ до реформы Грознаго, слишкомъ много догосударственной старины, онъ слишкомъ проникнутъ частнымъ правомъ. Въ этомъ процессѣ, начинающемся по иниціативѣ потерпѣвшаго и состоящемъ въ состязаніи сторонъ, роль судьи слишкомъ пассивна. Его дѣятельность сводится къ наблюденію за состязаніемъ сторонъ, первоначально состоявшимъ въ физической борьбѣ-поединкѣ, этомъ переживаніи самоуправства, которому впослѣдствіи стали придавать значеніе Суда Божія. Словесный споръ сторонъ на судѣ долгое время служитъ только предварительнымъ введеніемъ, какъ бы прелюдіей къ поединку. Въ слѣдственномъ процессѣ, сыскѣ, судья выступаетъ активно. Процессъ начинается не только потерпѣвшимъ, но и самимъ судьею, получившимъ о правонарушеніи извѣстіе путемъ доноса, оговора, заявленія и предпринимающимъ противъ заподозрѣннаго рядъ дѣйствій, которыя имѣютъ цѣлью раскрыть истину и доказать виновность. Таковы: допросъ, очныя ставки, повальный обыскъ и пытка. Въ состязательномъ процессѣ государство является пассивнымъ посредникомъ въ борьбѣ сторонъ, дѣйствуетъ болѣе въ частныхъ интересахъ тяжущихся, хотя не упускаетъ изъ вида и публичнаго интереса, поскольку для послѣдняго выгодна охрана частнаго права. Въ слѣдственномъ процессѣ—на первомъ планѣ публичный интересъ: охрана общественной безопасности. Цѣль состязательнаго процесса—рѣшеніе спора между тяжущимися; цѣль слѣдственнаго—выяснить истину, обнаружить виновнаго для принятія противъ него мѣръ, ограждающихъ общественную безопасность. Поэтому слѣдственный процессъ не сопряженъ ни съ какими финансовыми выгодами. Если за свои услуги по оказанію правосудія спорящимъ сторонамъ въ состязательномъ процессѣ государство взимаетъ нѣкоторую плату въ видѣ судебныхъ пошлинъ, то сыскомъ, какъ орудіемъ искорененія злодѣевъ, грозящихъ безопасности, оно дѣйствуетъ безвозмездно, такъ какъ дѣйствуетъ имъ по своей иниціативѣ, во имя своихъ основныхъ и существенныхъ интересовъ. Появленіе слѣдственнаго процесса—признакъ развитого, сознающаго свои цѣли и силу государства. Этимъ процессомъ, какъ орудіемъ борьбы съ преступными антиобщественными элементами и была вооружена та часть земскихъ выборныхъ, которая получила названіе *губныхъ*. Губныя учрежденія вводились первоначально для борьбы противъ наиболѣе вредныхъ, профессіональныхъ враговъ безопасности, вѣдомыхъ лихихъ людей, разбойниковъ. Ихъ юрисдикція расширяется съ теченіемъ времени; съ другой стороны по мѣрѣ того, какъ все большее количество правонарушеній входитъ въ кругъ государственнаго интереса, старинный состязательный процессъ вбираетъ въ себя элементы слѣдственнаго.

Итакъ, взглядъ на судъ, какъ на неотъемлемую государственную при-

надлежность, освобожденіе суда отъ финансовой примѣси, порученіе судопроизводства выборнымъ отъ земскихъ міровъ подъ ихъ личной отвѣтственностью и подъ коллективной отвѣтственностью міровъ за нихъ передъ государствомъ, снабженіе избираемыхъ земствами губныхъ учрежденій пріемами слѣдственнаго процесса—таковы общія черты судебной реформы середины XVI вѣка, выясненныя нашей литературой. Слабѣе изучены были ея конкретныя подробности, оставшіяся въ тѣни благодаря отсутствію документовъ практическаго характера. XVII-й вѣкъ съ введеніемъ новой судебной власти въ лицѣ воеводъ, съ изданіемъ Уложенія внесъ много перемѣнъ и въ судоустройство, и въ процессъ. Но, внося измѣненія, онъ не уничтожалъ окончательно тѣхъ судебныхъ порядковъ, какіе сложились послѣ преобразованій Грознаго. Изслѣдованіе судебной организаціи въ XVII в. на сѣверѣ на каждомъ шагу наталкивается на эти порядки подъ пластами новыхъ наслоеній. Путемъ своего рода раскопокъ можно изъ образованій XVII вѣка выдѣлить и возстановить старину XVI-го именно въ тѣхъ ея реальныхъ, конкретныхъ подробностяхъ и деталяхъ, которыя остаются до сихъ поръ тускло освѣщенными. Къ этимъ реальнымъ подробностямъ мы теперь и обратимся, и пусть читатель не поскучаетъ, когда мы поведемъ его по волостнымъ трапезамъ и суднымъ избамъ сѣвера, чтобы прислушаться къ разбираемымъ тамъ процессамъ и посмотрѣть на судебную дѣятельность волостныхъ земскихъ судей.

Отмѣняя управленіе намѣстниковъ и волостелей и передавая выборнымъ отъ земскихъ міровъ вмѣстѣ съ обязанностью сбора и доставки податей, также и отправленіе правосудія и полицію безопасности, уставныя грамоты XVI вѣка соединяли ту и другую дѣятельность, и финансовую, и судебно-полицейскую въ однихъ и тѣхъ же рукахъ. Одни и тѣ же выборныя лица, которыя становились на мѣсто отмѣняемыхъ намѣстниковъ и волостелей—напр. двѣ десятичленныя коллегіи излюбленныхъ головъ въ Важской землѣ по грамотѣ 1552 г. или двое такихъ же головъ въ Двинской землѣ по грамотѣ 1556 г.—должны были быть въ одно и то же время и сборщиками податей, и судьями. На практикѣ мы встрѣчаемъ какъ соединеніе обѣихъ функцій въ однихъ рукахъ, такъ и ихъ разчлененіе: судебная организація Поморья въ XVII в. отличалась не меньшимъ разнообразіемъ, чѣмъ другія стороны управленія. Въ однихъ уѣздахъ избиравшіеся по волостямъ земскіе судейки были спеціально судебными органами; финансовая дѣятельность возлагалась тамъ на особыхъ выборныхъ должностныхъ лицъ. Такъ было въ Заонежскихъ и Лопскихъ погостахъ, въ уѣздахъ Каргопольскомъ, Двинскомъ, Кеврольскомъ, Яренскомъ и Чарондской округѣ. Въ Заонежскихъ и Лопскихъ погостахъ и въ волостяхъ Чарондской округи финансовыя обязанности несутъ на себѣ особые погостскіе и волостные старосты; въ уѣздахъ: Двинскомъ, Кеврольскомъ и Мезенскомъ имъ соотвѣтствуютъ сотскіе; въ Яренскомъ уѣздѣ сборъ податей по волостямъ лежитъ на земскихъ цѣловальникахъ. Повсюду въ названныхъ уѣздахъ погостскіе и волостные земскіе судейки заняты спеціально отправленіемъ правосудія. Такимъ образомъ земское самоупра-

вленіе въ этихъ мѣстностяхъ выработало практически отдѣленіе судебной власти отъ административно-финансовой. Наоборотъ, въ другихъ мѣстахъ стоящіе во главѣ волостей земскіе судейки сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ и судебно-полицейскую, и финансовую власть. Такъ было въ уѣздахъ: Устюжскомъ, Сольвычегодскомъ и въ Устьянскихъ волостяхъ. Можно указать мѣстность со смѣшаннымъ характеромъ въ устройствѣ управленія, это—Тотемскій уѣздъ, гдѣ въ однихъ волостяхъ земскій судейка дѣйствуетъ какъ спеціально судебный органъ наряду съ финансовымъ агентомъ, волостнымъ старостой, тогда какъ въ другихъ судебныя обязанности соединяются съ административными въ вѣдомствѣ одного лица, судьи или старосты. Точно также въ Важскомъ уѣздѣ волости Кокшенгской четверти снабжены тѣмъ и другимъ выборнымъ персоналомъ, различнымъ для суда и для финансоваго управленія, земскими судьями, вѣдающими первый и сотскими, отправляющими второе; но въ Подвинской четверти волостные сотскіе выступаютъ въ роли и администраторовъ, и судей. Не ясною намъ осталась за отсутствіемъ документовъ судебная организація въ Вятской и Пермской земляхъ.

Посмотримъ прежде всего на составъ посадскихъ и волостныхъ трибуналовъ. Земскіе выборные судейки ведутъ судебныя разбирательства не единолично, а „съ товарищи“, въ коллегіальномъ присутствіи, предсѣдателями котораго они являются. Членами этихъ трибуналовъ были тѣ должностныя лица, которыя избирались въ волостяхъ и посадахъ въ помощь судьямъ по дѣламъ судебнымъ и полицейскимъ: судецкіе цѣловальники, сотскіе, пятидесятскіе. Въ избирательные списки этихъ должностныхъ лицъ, какъ припомнимъ, вносились параграфы, указывавшіе на ихъ обязанность сидѣть въ судѣ съ судьею, крестьянъ судить и всякую управу чинить и быть съ судьею за одинъ человѣкъ[1]). Такъ напр. въ составъ трибуналовъ въ Устьянскихъ волостяхъ вмѣстѣ съ земскимъ судьею входитъ обыкновенно земскій цѣловальникъ, который въ этихъ волостяхъ, какъ и судейка, соединяетъ съ судебными также и финансовыя функціи, и сотскій. Въ Введенскомъ Устьянскомъ стану, подраздѣляющемся на четыре волости, судебное присутствіе сложнѣе; оно состоитъ изъ двухъ земскихъ судеекъ, двухъ земскихъ цѣловальниковъ, одного или двухъ сотскихъ и одного пятидесятскаго. Можно указать случай, когда въ судѣ Введенскаго стана засѣдалъ также и десятскій[2]). Судецкихъ цѣловальниковъ, сотскихъ и пятидесятскихъ мы видимъ также и въ волостныхъ судахъ Сольвычегодскаго и Устюжскаго уѣздовъ. Въ устюжскомъ посадскомъ и въ устюжскихъ волостныхъ судахъ упо-

[1]) I, прилож. стр. 84—86, 88, 90—94, 101.

[2]) Пр. Д. 1629 № 24, л. 25. „А у суда сидѣли цѣловальники Незговоръ Петровъ сынъ Поздіева да Бутора Игнатьевъ сынъ Оносинъ, да сотскіе Иванъ Костянтиновъ сынъ Коржавинъ да Иванъ Родивоновъ сынъ Часнишина да пятидесятской Гость Прокопіевъ Темиревъ, да десятской Ортемій Третьяковъ. Судное дѣло писалъ земской дьячекъ Селиверстко Леонтьевъ сынъ Кокоринъ“. Въ другихъ процессахъ въ томъ же судѣ десятскій не присутствуетъ. Пр. Д. 1630 № 62; Пр. Д. 1631 № 9, л. 5; Пр. Д. 1631 № 31.

минается еще особое выборное должностное лицо, занимающее мѣсто непосредственно за судьею, это—*староста судецкій*[1]). Такимъ образомъ въ составъ судебнаго присутствія въ Устюгѣ на посадѣ входили трое земскихъ судей и староста судецкій, а въ составъ волостныхъ судовъ устюжскаго уѣзда—земскій судья, староста судецкій, двое судецкихъ цѣловальниковъ, сотскій и пятидесятскій. Иногда въ этихъ волостяхъ на судѣ вмѣсто судецкихъ цѣловальниковъ засѣдаютъ данные разрубные цѣловальники, соединяя, вѣроятно, обѣ функціи такъ же, какъ это было въ Устьянскихъ волостяхъ[2]). Судя по избирательнымъ спискамъ обязанности судецкаго старосты на судѣ ничѣмъ не отличаются отъ обязанностей другихъ членовъ присутствія[3]). То же подтверждается и документами практики. Судья даетъ ему вмѣстѣ съ цѣловальникомъ порученіе произвести какія либо вспомогательныя дѣйствія, напр. какой либо осмотръ на мѣстѣ, необходимость котораго выясняется во время судебнаго разбирательства[4]). Иногда онъ производитъ съ сотскимъ и пятидесятскимъ предварительное дознаніе[5]). Мы уже указывали случай, когда такой староста становится во главѣ судебнаго присутствія за отводомъ судьи[6]).

---

[1]) Упоминаніе о немъ въ составѣ посадскаго суда Пр. Д. 1626 № 15; Пр. Д. 1626 № 44; Пр. Д. 1627 № 27; Пр Д. 1630 № 72, л. 136—7; Пр. Д. 1634 № 29, л. 11—18; часть I, прилож. V, № 15; Пр. Д. 1635 № 21, лл. 12, 56—62; Пр. Д. 1635 № 97; А. Э. II № 112. Старосты судецкіе въ волостяхъ Устюжскаго уѣзда см. I, 275 и сл.

[2]) I, 278.

[3]) I, прилож. V, №№ 15, 17.

[4]) Пр. Д. 1632 № 2. Вохомская вол. Уст. у. „И земской судья Гаврило Семеновъ велѣлъ земскому старостѣ (судецкому) Мартемьяну Матѳіеву да и цѣловальнику Родіону Микитину, да и мужамъ посаженымъ.... на той пожнѣ досмотрить межъ".

[5]) Р. И. Б. XIV, 828 и сл.

[6]) I, 278. Кромѣ Устюжскаго уѣзда мы встрѣтили судецкаго старосту еще только въ двухъ мѣстахъ: въ Алексинскомъ стану Сольвычегодскаго уѣзда (I, 269) и въ Хлыновѣ. Календарь Вятской губ. на 1889 г. *Спицынъ*, Мѣстное и областное управленіе на Вяткѣ до XVIII в., стр. 172. „При появленіи въ Хлыновѣ городовыхъ приказчиковъ вмѣстѣ съ ними указываются какіе то судецкіе старосты". Въ другихъ сольвычегодскихъ волостяхъ и на сольвычегодскомъ посадѣ судецкаго старосты незамѣтно. Возможно, что Алексинскій станъ Сольвычегодскаго уѣзда, смежный съ Алексинскимъ станомъ Устюжскаго уѣзда, сохранялъ устюжское судебное устройство. Неяснымъ пока для насъ остается, какіе судьи назывались *приписными*. Мы ихъ встрѣтили въ волости Лузской Пермцѣ Сольвычегодскаго уѣзда. I, 266 прим. 1. Ср. Пр. Д. 1655 № 52. „Отъ царя и в. кн. Алексѣя Михайловича.... въ Усольской уѣздъ въ Лузскую Пермцу земскому судейкѣ Евдокимку Иванову да *приписнымъ* Кирилку Михайлову да Игнашкѣ Гаврилову"; Пр. Д. 1656 № 93: „вели, государь, дать свою в. г. грамоту въ Лузскую Пермцу къ земскому судейкѣ Трофиму Лобанову съ товарищи да *приписнымъ судейкамъ* Игнатью Безносовыхъ да Михайлу Чащиныхъ". Можетъ быть, въ Лузской Пермцѣ приписными судейками назывались

Въ однихъ волостяхъ составъ судебной коллегіи ограничивается профессіональными выборными должностными лицами: земскими судьями, старостами судецкими, земскими цѣловальниками, сотскими и пятидесятскими. Въ другихъ къ этимъ должностнымъ лицамъ присоединяется еще и непрофессіональный общественный элементъ въ видѣ засѣдателей, примыкающихъ къ судебному присутствію только для одного или, можетъ быть, для нѣсколькихъ разбирательствъ. Участіе такихъ засѣдателей въ судѣ выборныхъ земскихъ судей требовалось еще уставными грамотами важской и двинской[1]). Судебный протоколъ, или, какъ онъ называется, „судный списокъ", составлявшійся земскимъ дьячкомъ, обозначаетъ поименно составъ ведущаго процессъ трибунала, начиная обыкновенно этотъ личный перечень судей словами: „а съ судьею въ судѣ сидѣли" такіе то, и по этимъ судебнымъ протоколамъ видно, гдѣ судъ состоитъ изъ однихъ земскихъ властей и гдѣ къ земскимъ властямъ присоединяются особые засѣдатели. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ разные порядки иногда на очень близкихъ разстояніяхъ. Такъ въ серединѣ XVII в. въ Введенскомъ Устьянскомъ стану поземельныя и податныя тяжбы, какъ свидѣтельствуютъ документы практики, разсматривались присутствіемъ изъ двухъ земскихъ судеекъ, двухъ земскихъ цѣловальниковъ, одного или двухъ сотскихъ и пятидесятскаго, словомъ изъ выборныхъ властей, и такое отсутствіе на практикѣ засѣдателей изъ общества въ судѣ Введенскаго стана кажется тѣмъ болѣе

судейки отдѣльныхъ приходовъ, изъ которыхъ состояла волость. Приписные судейки упоминаются также въ Подосиновской волости Устюжскаго у. и въ Турчасовскомъ стану Каргопольскаго у. Пр. Д. 1642 № 35. 150 г. май. „По государеву указу память Подосиновскіе волости земскому судейкѣ Ивашку Алексѣеву да *приписному судейкѣ* Ивашку Ѳедорову"; Пр. Д. 1653 № 59. „И по моему.... челобитью по подписной челобитной за печатью воеводы Ивана Головленкова Турчасовскаго стану судейка Богданъ Борисовъ съ товарищи да *приписной* Осипъ Тимоѳеевъ сыскивали и опрашивали всякими сыски накрѣпко окольныхъ волостей крестьянъ про то сѣнное згодье". Въ двухъ случаяхъ приписной судейка сопоставляется съ прошлымъ, т. е. отбывшимъ срокъ своей должности. Пр. Д. 1627 № 67, л. 276. Пежемская Устьянская волость, іюль 1627 г.: „вели, государь, дать свою, государеву, грамоту.... къ *прошлому судьѣ* къ Степану Омельянову сыну Кулакову да *приписному судьѣ* къ Ждану Антипьеву и вели та земля смѣрить со всѣми складники". Пр. Д. 1633 № 13. Алексинскій станъ: „доложа *прошлаго* и выборнаго судьи Пятаго Мартемьянова сына Ваганскаго да *приписного судьи* Ѳедора Ѳедорова сына Петлина". Наконецъ, въ одномъ случаѣ подъ названіемъ приписныхъ судей разумѣются какіе-то чины воеводской канцеляріи, разсылавшіеся оттуда вмѣстѣ съ приставами. Пр. Д. 1638 № 14. „И тѣ крестьяне по наказнымъ памятемъ отбивалися, чинилися сильны. И я, сирота твой, билъ челомъ тебѣ, государю, и подалъ челобитную на Устюгѣ въ съѣзжей избѣ твоему государеву воеводѣ Максиму Ѳедоровичу Стрѣшневу. И воевода М. Ѳ. Стрѣшневъ по тѣхъ крестьянъ давалъ многихъ приставовъ и *приписныхъ судей*". Вопросъ требуетъ дальнѣйшихъ наблюденій.

[1]) А. Э. I, 236, 272.

страннымъ, что въ избирательномъ спискѣ судей этого стана мы встрѣчаемъ предписаніе „выборнымъ судьямъ къ суднымъ дѣламъ къ спорнымъ къ приговору садить добрыхъ людей, сколько человѣкъ пригоже“ [1]). Въ упоминаемыхъ въ составѣ суда этого стана земскихъ цѣловальникахъ отнюдь нельзя видѣть чего либо вродѣ присяжныхъ засѣдателей, подобныхъ цѣловальникамъ, присутствовавшимъ нѣкогда на судѣ намѣстниковъ и волостелей. Эти земскіе цѣловальники—обыкновенныя избиравшіяся на годъ вмѣстѣ съ судьями и сотскими должностныя лица. Но въ другихъ Устьянскихъ же волостяхъ къ коллегіи судей въ такихъ же поземельныхъ и податныхъ тяжбахъ присоединяются особые засѣдатели изъ общества подъ названіемъ „мужей“, „посаженыхъ мужей“, „добрыхъ людей“ или „добрыхъ людей посаженыхъ мужей“. Такъ напр. въ Ростовской волости дѣло крестьянъ деревни Каменной, споривших о тяглѣ съ крестьянами сосѣднихъ деревень, разсматривалось присутствіемъ, въ которомъ вмѣстѣ съ судьею, цѣловальникомъ и сотскимъ участвовало трое засѣдателей [2]). Въ Чушевицкой волости по дѣлу между крестьянами о порчѣ лошадей „съ судьею въ судѣ сидѣли: судецкій цѣловальникъ Пятой Автономовъ, Кондакъ Ивановъ, Анисимъ Аѳанасьевъ, Морозъ Васильевъ“. Послѣдніе трое и были „мужами“ [3]). Такіе же мужи, добрые люди засѣдаютъ въ судѣ Пежемской волости.[4]) Въ Никольскомъ приходѣ Вилегодской волости Сольвычегодскаго уѣзда въ 1629 г. поземельную тяжбу разсматриваетъ земскій судья съ цѣловальникомъ и съ добрыми людьми.[5]) Въ Вохомской волости Устюжскаго уѣзда по такому же дѣлу въ 1640 г., какъ свидѣтельствуетъ судный списокъ этого дѣла, „въ суду сидѣли съ земскимъ судьею земскій (судецкій) староста Мартемьянъ Матѳіевъ да земскій цѣловальникъ Родіонъ Микитинъ сынъ, да мужи посаженые: Тимоѳей Гавриловъ сынъ да Пахомъ Давыдовъ сынъ“.[6])

По тѣмъ наблюденіямъ, какія удалось сдѣлать, число этихъ присутствующихъ на судѣ мужей колеблется отъ двухъ до шести. Ихъ слѣдуетъ отличать отъ тѣхъ добрыхъ людей, которые присутствовали въ качествѣ *понятыхъ* при каждомъ официальномъ актѣ, совершаемомъ земскими властями, напр. при составленіи разнаго рода протоколовъ, осмотровъ, обысковъ, слѣдствій, дознаній, оцѣнокъ, отдачѣ на поруки и т. п. Добрые люди понятые были не болѣе, какъ свидѣтелями официальнаго дѣйствія; ихъ присутствіе при актѣ замѣняло собою болѣе древнее присутствіе цѣлаго міра, которое и сообщало актамъ публичный характеръ. Посаженые

---

[1]) I, прилож., стр. 92.

[2]) Пр. Д. 1633 № 5.

[3]) Пр. Д. 1634 № 47.

[4]) Пр. Д. 1638 № 33. 147 г. „А на судѣ были: судецкій цѣловальникъ Ларіонко Козловъ да люди добрые: Семенъ Самсоновъ Кубенинъ, Ѳедоръ Степановъ Поскотиннаго да Друганъ Прокопьевъ Третьяковъ“.

[5]) Пр. Д. 1630 № 77.

[6]) Пр. Д. 1632 № 2.

мужи имѣли также значеніе представителей міра, передъ которымъ въ его цѣломъ составѣ нѣкогда должны были происходить и судебные процессы. Но они были не случайно взятыми свидѣтелями акта, а членами судебной коллегіи съ правомъ голоса. Земскій судья во время хода процесса совѣщается съ ними, какъ теперешній предсѣдатель суда совѣщается съ членами.[1]) Изъ того, что судья руководится ихъ мнѣніемъ въ вопросѣ о томъ или другомъ направленіи процесса, о совершеніи тѣхъ или другихъ процессуальныхъ дѣйствій, необходимо заключить объ ихъ участіи въ рѣшеніи дѣла, которое ими направлялось, въ постановкѣ завершающаго процессъ приговора.[2]) Далѣе, понятые приглашались самою совершающею актъ властью, дѣйствующимъ официально должностнымъ лицомъ и брались изъ общества случайно. Посаженые мужи привлекались къ присутствію въ судебныхъ засѣданіяхъ земскимъ судьею, но приглашеніе предоставлялось также самимъ тяжущимся сторонамъ. Указаніе на такой способъ привлеченія мужей находимъ въ судебномъ протоколѣ вышеупомянутаго разбирательства въ Чушевицкой волости по дѣлу о порчѣ коней. „И судья", читаемъ въ этомъ протоколѣ, „челобитную (исковую, которою начинался процессъ) принялъ и *мужей съ обѣ стороны велѣлъ добыть*". Значитъ, распоряженіе пригласить засѣдателей исходитъ отъ судьи, но позаботиться о приглашеніи должны были уже сами стороны. Еще болѣе ясное указаніе на такой порядокъ привлеченія засѣдателей самими сторонами даетъ протоколъ, составленный по поводу эпизода, разыгравшагося во время одного изъ процессовъ о завладѣніи землею между крестьянами Пежемской волости Исачкомъ Антоновымъ и Мартемьяномъ Никифоровымъ въ качествѣ истцовъ и Григоріемъ Стрѣловымъ, Анфимкомъ Алексѣевымъ и Евсеемъ Трофимовымъ въ качествѣ отвѣтчиковъ. 4-го іюля 1641 г. земскій судья прибылъ для разбирательства на спорную землю. „А въ мужахъ", говоритъ протоколъ, „съ ихъ Григорьеву да съ Анфимову (отвѣтчики) сторону: Меркурій Мальцевъ да Власій Самсоновъ, да Павелъ Леонтьевъ, да Максимъ Юрьевъ Смирново. И послѣ суда", продолжаетъ тотъ же документъ, „Павелъ Леонтьевъ писать себя къ судному (списку) въ мужи не велѣлъ и руки де язъ не приложу", т. е. просилъ не вносить его имени въ личный перечень судебнаго присутствія и отказался скрѣпить протоколъ своею подписью. „И судья спрошалъ того Павла", читаемъ далѣе, „за что (зачѣмъ)

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 77, л. 5. „И выслушавъ судья сея.... челобитные и *посовѣтовалъ съ цѣловальникомъ и съ людьми добрыми* и дали пристава" и т. д.

[2]) Пр. Д. 1641 № 10, л. 31 об. „Лѣта 7132 генваря въ 26 день.... выборной земской судья Пежемскіе волости Иванъ Павловъ сынъ съ цѣловальникомъ съ мужи посаженными и людьми добрыми приговорили: по государеву цареву... указу истцовъ.... *оправили*, а отвѣтчиковъ.... *обвинили*.... а у приговору былъ судецкой цѣловальникъ Ѳедоръ Поскотинной да люди добрые: Баженъ Ѳедоровъ сынъ Григорьева, да Семой Андріевъ сынъ Дураковъ, да Сидоръ Андріевъ сынъ Кубенинъ, да Гаврило Ивановъ сынъ Куклинъ. А на судномъ спискѣ приговоръ подписалъ на стану на Пежмѣ никольской земской дьячекъ Васка Мироновъ. У приговору Баженко былъ и руку приложилъ".

ты въ мужахъ сидѣлъ, а къ судному въ записку писать себя не велишь?". Отвѣтъ П. Леонтьева о причинахъ его отказа и раскрываетъ намъ способъ приглашенія мужей сторонами. „И Павелъ сказалъ: потому де язъ не пишуся, что тотъ Григорій да Анфимъ, да Евсей *въ мужи меня къ суду посадили и мнѣ били челомъ*. А въ суду меня они жъ и послуховали, потому язъ не пишуся", т. е. отвѣтчики просили его быть въ судѣ мужемъ съ ихъ стороны, но во время процесса сослались на него, какъ на свидѣтеля; поэтому онъ и не считалъ себя въ правѣ быть засѣдателемъ, мужемъ. Въ судномъ спискѣ этого разбирательства отказавшійся Павелъ Леонтьевъ дѣйствительно не упомянутъ. Тамъ кромѣ судьи составъ разбиравшаго это дѣло судебнаго присутствія обозначенъ такъ: „А съ нимъ судьею у суда былъ судецкій цѣловальникъ Богданъ Михайловъ да посаженые мужи люди добрые: Григорій Ивановъ Петрова, да Кононъ Ивановъ Павлова, да сотской Пежемскаго стану Никонъ Васильевъ Тупицыныхъ, Власій Самсоновъ, Меркурій Максимовъ Мальцевъ, Максимъ Юрьевъ Смирново". Трое послѣднихъ были, какъ мы знаемъ „съ Григорьеву да съ Анфимову сторону", т. е. приглашены отвѣтчиками; надо слѣдовательно думать, что трое первыхъ и въ томъ числѣ сотскій, принимавшій въ этомъ засѣданіи участіе не по должности, а въ качествѣ суднаго мужа, были приглашены истцами. Очевидно, что мужи приглашались въ судъ самими сторонами, бившими челомъ этимъ мужамъ объ участіи въ судѣ, какъ объ одолженіи, и присутствіе мужей, указанныхъ сторонами, придавало земскому суду нѣкоторый характеръ третейскаго.[1]) О приглашеніи мужей сторонами говоритъ и судебникъ царя Ѳедора Ивановича, предписывающій судьямъ, устраняя родственниковъ обоихъ тяжущихся, „судити оприченными людьми, *кого полюбятъ* (изберутъ) оба истца".[2])

Участіе въ земскомъ судѣ общественнаго элемента въ видѣ судныхъ мужей не составляло исключительной особенности Поморья. Мы его встрѣчаемъ и за предѣлами этого края. Такъ въ 134 (1625—6) г. посадскій земскій судейка Устюжны Желѣзнопольской, оправдываясь въ медленности отправленія правосудія, писалъ, что по устюженской уставной грамотѣ, (до насъ не дошедшей), посадскіе земскіе судейки должны всякія дѣла судить съ земскими цѣловальниками и съ посадскими добрыми людьми, а безъ земскихъ цѣловальниковъ и безъ посадскихъ людей имъ производить судъ воспрещается, но что онъ не могъ никого изъ жителей посада привлечь въ посаженые мужи, такъ какъ на его призывъ всѣ отвѣчали отказомъ.[3])

Составъ посаженыхъ мужей въ земскомъ судѣ не представляетъ чего либо постояннаго. Онъ не только былъ различенъ для разныхъ процессовъ, но измѣнялся даже въ теченіе одного и того же процесса. Въ разные моменты процесса, въ разныхъ засѣданіяхъ присутствуютъ различные мужи.

---

[1]) Пр. Д. 1641 № 10.
[2]) Судебникъ Ѳедора Ивановича, ст. 155.
[3]) Пр. Д. 1627 № 65.

Упомянутое выше дѣло въ чушевицкомъ волостномъ судѣ о порчѣ коней разсматривалось въ трехъ засѣданіяхъ. Въ каждомъ изъ этихъ засѣданій присутствовало разное число посаженыхъ мужей, и это были все разныя лица. Именно, въ первомъ засѣданіи принимало участіе трое, во второмъ пятеро и въ третьемъ шестеро, причемъ только одно лицо принимало участіе въ двухъ первыхъ засѣданіяхъ и одно въ двухъ послѣднихъ. Остальныя лица участвовали только по разу.[1]) Коллегія судныхъ мужей не только, слѣдовательно, не была вообще постоянной, но не была постоянной даже и для одного процесса.

Отъ этихъ посаженыхъ мужей, приглашаемыхъ судьей или сторонами въ обыкновенномъ порядкѣ, слѣдуетъ отличать еще посаженыхъ мужей, замѣняющихъ собою членовъ судебнаго присутствія по должности, которые не могли быть на судѣ за отводомъ ихъ сторонами или по какимъ либо другимъ причинамъ. Уставная грамота Лузской Пермцѣ предписываетъ отводить изъ состава суда судеекъ, связанныхъ со стороною узами родства, дружбы или наоборотъ въ случаѣ враждебныхъ отношеній между судьею и стороной. Отведенныхъ должно высылать изъ засѣданія, а вести дѣло остальнымъ судейкамъ и цѣловальникамъ. Но если судеекъ и цѣловальниковъ за отводомъ останется слишкомъ мало, то грамота указываетъ вмѣсто отведенныхъ „прибавляти мужей и людей добрыхъ, которые бы были добры и душою прямы“ и не состояли бы ни въ какихъ отношеніяхъ и связяхъ съ тяжущимися сторонами.[2]) Въ 1631 г. земскій судейка Чадромской Устьянской волости съ товарищами разбиралъ поземельную тяжбу. Въ числѣ этихъ товарищей былъ земскій цѣловальникъ. „Да у нихъ же на судѣ“, какъ показывали судья съ цѣловальникомъ, вспоминая впослѣдствіи объ этомъ процессѣ, „сидѣлъ въ сотскаго мѣсто посаженый мужъ Софронъ Андреевъ сынъ Шанга“. Этотъ посаженый мужъ замѣнялъ собою волостного сотскаго, обязаннаго по должности быть на судѣ, но по какой то причинѣ не могшаго присутствовать.[3])

Перейдемъ теперь къ вопросу о компетенціи земскаго суда. Уставныя грамоты XVI вѣка обозначали ее въ очень широкихъ предѣлахъ. Уставная важская грамота 1552 г., замѣняя судъ намѣстниковъ судомъ выборныхъ десятичленныхъ коллегій, предоставляетъ этимъ коллегіямъ юрисдикцію по важнѣйшимъ дѣламъ: онѣ должны судить душегубство, татьбу и разбой съ поличнымъ и всякія другія дѣла. Уставная двинская 1556 г. учреждаемымъ ею выборнымъ земскимъ судьямъ Двинскаго уѣзда

---

[1]) Вотъ составъ этого трибунала: Пр. Д. 1634 № 47. Земскій судейка Никифоръ Архиповъ, земскій судецкій цѣловальникъ Пятой Автономовъ, посаженые мужи: а) въ первомъ засѣданіи: Кондакъ Ивановъ, Анисимъ Аѳанасьевъ, Морозъ Васильевъ в) во второмъ засѣданіи: Петръ Пантелѣевъ, Андрей Михайловъ, Иванъ Семеновъ Тѣстовъ, Семенъ Амосовъ, Анисимъ Аѳанасьевъ, с) въ третьемъ засѣданіи: Иванъ Яковлевъ, Яковъ Захаровъ, Осипъ Лазаревъ, Петръ Пантелѣевъ, Денисъ Васильевъ, Козьма Игнатьевъ.

[2]) Чт. О. И. Др. 1907 кн. 1, смѣсь.

[3]) Пр. Д. 1633 № 50.

даетъ право судить двинянъ посадскихъ и волостныхъ людей „во всякихъ дѣлѣхъ“. Но такая широкая компетенція предоставлялась высшимъ органамъ земскаго самоуправленія: двумъ десятичленнымъ коллегіямъ на Вагѣ и всеуѣзднымъ судьямъ въ Двинскомъ уѣздѣ. О компетенціи мелкихъ волостныхъ земскихъ органовъ эти двѣ грамоты не говорятъ. Грамота Устьянскимъ волостямъ 1555 г., подтвержденная въ 1622 г., не опредѣляетъ точно размѣровъ юрисдикціи выборныхъ волостныхъ судей, ограничиваясь указаніемъ, что они должны судить волостныхъ людей и чинить между ними управу по судебнику и по уставной грамотѣ безпосульно и безволокитно. Изъ компетенціи волостныхъ судей эта грамота выдѣляетъ разбойныя дѣла въ вѣдомство губныхъ старостъ. Грамота волости Лузской Пермцѣ времени Ивана Грознаго, „отписывая“, т. е. обособляя эту волость отъ вѣдомства сольвычегодскихъ приказныхъ людей, между прочимъ давала ей судебную автономію, заключавшуюся въ правѣ имѣть въ Лузской Пермцѣ „судъ свой и судебни земскія“. Санкціонируя въ волости институтъ выборныхъ земскихъ судеекъ, грамота предвидитъ, какъ къ нимъ пашенные волостные люди будутъ обращаться съ исками „по земляным дѣламъ и по кабальнымъ и безкабальнымъ долгамъ“, т. е. съ поземельными тяжбами и по спорамъ, возникающимъ изъ долговыхъ обязательствъ, скрѣпленныхъ документами или заключенныхъ безъ документовъ. Грамота имѣетъ въ виду небольшіе иски. Въ крупныхъ поземельныхъ дѣлахъ и въ крупныхъ тяжбахъ по долговымъ обязательствамъ, а также въ искахъ по дѣламъ о татьбѣ и разбоѣ юрисдикція волостныхъ судей ограничивается обязательнымъ докладомъ въ Москву. Однако въ виду, вѣроятно, склонности судей того времени устраняться отъ наиболѣе затруднительнаго момента въ процессѣ, какимъ является постановленіе приговора, и взваливать эту тяжесть на высшую инстанцію, а также, быть можетъ, и въ виду склонности сторонъ затягивать дѣло переносами, грамота дѣлаетъ оговорку, запрещающую посылать къ докладу въ Москву тѣ дѣла, которыя могутъ рѣшить волостные судьи, которыя имъ „вершить мочно“.

Значительными перемѣнами въ компетенціи земскаго суда должно было сопровождаться введеніе воеводской власти въ XVII вѣкѣ. Съ появленіемъ воеводъ компетенція этого суда неизбѣжно съузилась, такъ какъ судъ по крупнымъ дѣламъ, который вѣдали ранѣе всеуѣздные земскіе органы, теперь переходилъ къ воеводамъ. Всеуѣздныя земскія власти, какъ мы ихъ знаемъ въ XVII вѣкѣ, совершенно отстранены были отъ всякихъ судебныхъ функцій. И въ судебное значеніе волостныхъ властей появленіе воеводъ вносило перемѣну. Оставаясь по прежнему судьями по мелкимъ дѣламъ, земскіе выборные стали по отношенію къ воеводской власти подчиненными органами, дѣйствующими по воеводскимъ распоряженіямъ. Такъ именно и представляли себѣ значеніе волостныхъ судовъ въ приказѣ Устюжской четверти, когда въ апрѣлѣ 1640 г. писали оттуда въ Устюжскій уѣздъ, „что судейки въ волостяхъ судятъ по воеводскимъ памятямъ (предписаніямъ) и безъ памятей *не въ большихъ искахъ*“.[1]) Опредѣляя такъ компетенцію

[1]) Пр. Д. 1640 № 11.

волостныхъ судовъ и отношеніе ихъ къ воеводамъ, приказъ давалъ этимъ судамъ предписаніе о сборѣ по поступившимъ въ нихъ дѣламъ судебныхъ пошлинъ. Въ томъ округѣ Поморья, который въ XVII в. оставался свободнымъ отъ воеводской власти, въ Устьянскихъ волостяхъ компетенція земскихъ волостныхъ судеекъ, разумѣется, была шире. Съ юрисдикціей по искамъ они соединяли тамъ въ своихъ рукахъ и губное право, обязаны были не только „судомъ судить“ по челобитнымъ, но также и „сыскивать всякія дѣла: татины и разбойныя, и душегубныя“, какъ обозначаются ихъ судебныя полномочія въ избирательныхъ спискахъ.[1]) Они были снабжены, какъ видимъ, правомъ на производство обоихъ видовъ процесса: и *судебнаго*, состоявшаго въ состязаніи сторонъ, и „слѣдственнаго“, состоявшаго въ *сыскѣ*, т. е. въ рядѣ дѣйствій судьи относительно подсудимаго, имѣвшихъ цѣлью доказать его виновность. Компетенція устьянскихъ волостныхъ судеекъ ограничивалась сверху непосредственно приказомъ Устюжской четверти. Въ 1639 г. четверть обратилась въ Устьянскія волости съ грамотою, которую въ буквальномъ смыслѣ можно назвать циркулярною, такъ какъ единственный ея присланный изъ Москвы экземпляръ долженъ былъ передаваться по прочтеніи однимъ волостнымъ судейкою другому и такимъ образомъ обойти кругъ по всѣмъ волостямъ. Въ этомъ циркулярѣ четверть, выясняя обнаружившіеся въ волостныхъ судахъ недостатки по существу и формальные и давая соотвѣтствующія указанія на будущее время, опредѣляла компетенцію устьянскихъ волостныхъ судей. Имъ предписывалось, будучи у государева дѣла по мірскимъ выборамъ, судить устьянскихъ волостей крестьянъ „во всякихъ дѣлахъ“. Но большія спорныя дѣла, которыя самимъ судейкамъ вершить было бы „немочно“, они должны привозить въ приказъ къ докладу лично или присылать; въ послѣднемъ случаѣ непремѣнно въ подлинникѣ и за подписями своими или своихъ духовныхъ отцовъ.[2]) По такимъ дѣламъ волостные судьи, начавъ процессъ и доведя его до момента приговора, не постановляя приговора, посылали производство въ четверть, которая и давала рѣшеніе.

Быть можетъ, болѣе наглядное представленіе о компетенціи земскихъ судей дадутъ фактическія наблюденія надъ разбиравшимися у нихъ дѣлами. По двумъ практиковавшимся тогда видамъ процесса судебныя дѣла XVII вѣка естественнѣе всего подраздѣлять на двѣ категоріи: къ первой относить *исковыя дѣла,* начинавшіяся по частной иниціативѣ посредствомъ исковой челобитной, а ко второй—*слѣдственныя,* начинавшіяся по иниціативѣ самой судебной власти. Въ дѣлахъ перваго рода судья призывался на защиту частныхъ интересовъ; въ случаяхъ второго рода судебная власть дѣйствовала, какъ защитница публичнаго интереса. Но не забудемъ, что судебныя дѣла распредѣлялись тогда по этимъ категоріямъ частнаго и общаго интереса не такъ, какъ они распредѣляются по нимъ теперь, и что граница между интересами частнымъ и публичнымъ проводилась не тамъ, гдѣ она про-

[1]) I, прилож. V, № 10.
[2]) Пр. Д. 1647 № 30.

ходить въ наши дни. Многія правонарушенія, влекущія теперь за собою выступленіе государственнаго обвинителя, какъ представителя публичнаго интереса, тогда не выходили еще изъ сферы интереса частнаго. Поэтому насъ не должно удивлять, что исковымъ порядкомъ начинались и проходили такія дѣла, какъ дѣла о грабежахъ и убійствѣ, которыя велись совершенно такъ же, какъ и дѣла о какихъ либо взысканіяхъ по долговымъ обязательствамъ или по поземельнымъ спорамъ. На этихъ исковыхъ процессахъ, разсматривавшихся волостными судами мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Вотъ напр. нѣсколько исковъ по долговымъ обязательствамъ, кабаламъ. Крестьянинъ Никольскаго прихода Вилегодской волости Сольвычегодскаго уѣзда И. Арефьевъ ищетъ на Виледи на стану передъ земскимъ судьею съ товарищи на крестьянинѣ И. П. Крапивинѣ данныхъ ему взаймы по кабалѣ денегъ 6 рублей съ % за годъ. Отвѣтчикъ, явившись въ судъ, по кабалѣ повинился [1]). Крестьянинъ Объячевскаго прихода волости Лузской Пермцы того же Сольвычегодскаго уѣзда Р. Я. Лихачевъ ищетъ на В. А. Туголуковѣ займа по кабалѣ въ 5 рублей передъ земскимъ судейкой 143 (1634—5) г. съ товарищи. Отвѣтчикъ точно такъ же призналъ себя виновнымъ [2]). Въ Устьянскихъ волостяхъ передъ земскими судейками возбуждались иски по долговымъ обязательствамъ въ 2 р., 6 р., 36 р., иски о раздѣлѣ „животовъ“, т. е. движимаго имущества между складниками [3]). Въ то же время передъ тѣми же судьями былъ вчиненъ цѣлый рядъ исковъ о грабежахъ на разныя суммы: 10 р., 80 р., 230 р. съ полтиной, о грабежахъ, сопровождавшихся боемъ [4]). Въ особенности много судебныхъ разбирательствъ, какъ это и естественно ожидать въ сельской обстановкѣ волостныхъ міровъ, касалось земли: владѣнія пахотнымъ участкомъ, пользованія угодьями, поземельныхъ раздѣловъ, завладѣнія землей и продуктами: запашекъ, закосовъ, своза хлѣба и сѣна, причемъ обыкновенно подобныя столкновенія сопровождаются осложняющими обстоятельствами: боемъ, „лаей“, грабежами, поджогами, порчей скота, нанесеніемъ ранъ и увѣчій и разнаго рода злобными „похвальбами“ на противниковъ, словомъ всѣми проявленіями насилія въ его первобытной грубости, ярко рисующими намъ, благодаря живости изображенія въ судебныхъ документахъ, всѣ неприглядныя стороны нравовъ сѣверной деревни XVII вѣка.

Процессъ, начинавшійся исковою челобитной, получалъ форму состязанія между истцомъ и отвѣтчикомъ, которое и называлось *судомъ*. Источниками для изученія этого вида процесса служатъ для насъ составлявшіеся земскими дьячками протоколы этихъ состязаній, „судные списки“. Въ судномъ спискѣ можно различить два составныхъ элемента; это, во-первыхъ, отмѣтки о послѣдовательныхъ стадіяхъ судебнаго состязанія, за-

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 65.
[2]) Пр. Д. 1638 № 70.
[3]) Пр. Д. 1641 № 30; Пр. Д. 1639 № 44.
[4]) Пр. Д. 1641 № 30.

носимыя земскимъ дьячкомъ, нерѣдко передававшимъ съ полною драматизма живостью дѣйствія и слова судей, рѣчи обѣихъ споривших сторонъ и показанія свидѣтелей; во-вторыхъ, въ составъ суднаго списка входили документы, представляемые сторонами и разнаго рода составлявшіеся по порученію суда протоколы, касавшіеся отдѣльныхъ моментовъ процесса. Судный списокъ начинается обыкновенно указаніемъ времени разбирательства, мѣста и трибунала, причемъ въ началѣ списка поименовываются только земскіе судейки; остальные члены судебнаго присутствія указываются въ концѣ, послѣ словъ „а съ судьею“ или „съ судьями въ судѣ сидѣли“. По суднымъ спискамъ можно возстановить общую, такъ сказать, отвлеченную схему состязательнаго процесса въ волостныхъ судахъ. Стороны стоятъ передъ судьями въ трапезѣ или въ особой „судной избѣ“, а при разборѣ поземельныхъ тяжбъ на спорномъ, „обидящемъ“ мѣстѣ; отвѣтчикъ вызванъ къ суду самимъ истцомъ черезъ посредство взятаго отъ судьи пристава, отправлявшагося за отвѣтчикомъ съ „приставною памятью“, и получающаго за труды по установленной таксѣ „ѣздъ“ или „хоженое“, смотря по близости жительства отвѣтчика отъ суда. Процессъ начинается чтеніемъ дьячкомъ челобитной истца съ указаніемъ понесенныхъ имъ обидъ и убытковъ, съ обозначеніемъ предметовъ иска и назначеніемъ имъ цѣнъ. По окончаніи чтенія слово предоставляется отвѣтчику, который, выслушавъ челобитную, или признаетъ искъ, вполнѣ или отчасти, или представляетъ возраженія на этотъ разъ пока общаго только характера. Послѣ общаго возраженія слово опять переходитъ къ истцу, который долженъ подкрѣпить свою челобитную „уликами“, т. е. доказательствами. Въ качествѣ первой изъ такихъ „ссылокъ“ на улики истецъ приводитъ обыкновенно крестное цѣлованіе, указываетъ на свою готовность подтвердить справедливость своихъ жалобъ присягой, затѣмъ ссылается на разнаго рода представленные акты, записки, крѣпости, кабалы, на свидѣтелей, на протоколы осмотра поврежденій лицамъ или вещамъ и т. п. Судъ выслушиваетъ показанія свидѣтелей истца и чтеніе представленныхъ имъ документовъ. Иногда всѣмъ этимъ доказательствамъ, „ссылкамъ“, истецъ представляетъ особую перечневую роспись, „ссылочную память“. Выслушивая одну за другою улики истца, отвѣтчикъ высказываетъ о каждой изъ нихъ свое сужденіе; обыкновенно, если не признаетъ себя сразу виновнымъ, также съ своей стороны изъявляетъ согласіе на рѣшеніе дѣла крестнымъ цѣлованіемъ, затѣмъ признаетъ или отвергаетъ представленные истцомъ документы, на одни изъ нихъ соглашается ссылаться „изъ виноватаго“, т. е. выражаетъ готовность признать свою вину, если, окажется, что документъ говоритъ противъ него, на другіе ссылается „въ послушество“, не давая имъ такого рѣшающаго значенія и третьи, наконецъ, „лживитъ“, совсѣмъ не признавая ихъ подлинности. Точно также на однихъ свидѣтелей истца отвѣтчикъ готовъ сослаться „изъ виноватыхъ“, признать ихъ будущія показанія рѣшающими; показанія другихъ онъ отвергаетъ. Самъ отвѣтчикъ можетъ въ свою очередь представить документы и свидѣтелей, и эти выставляемыя имъ судебныя доказательства подвергаются такой же оцѣнкѣ со стороны истца. Этимъ обмѣномъ доказательствъ и

возраженій судъ, какъ состязаніе, заканчивается. Затѣмъ слѣдуетъ или приговоръ судьи, или заявленіе его о переносѣ разобраннаго дѣла на докладъ въ высшую инстанцію.

Чтобы вложить конкретное содержаніе въ эту отвлеченную схему, разберемъ для примѣра два судные списка по поземельнымъ тяжбамъ, намъ уже до нѣкоторой степени знакомые. 30 сентября 138 (1629) г. земскій судъ Введенскаго Устьянскаго стана, состоявшій изъ двухъ земскихъ судеекъ, двухъ земскихъ цѣловальниковъ, двухъ сотскихъ, пятидесятскаго и десятскаго, слушалъ тяжбу между истцомъ, крестьяниномъ того же стана деревни Левкино Харитономъ Захаровымъ сыномъ Шаляпинымъ, искавшимъ за себя и по уполномочію своихъ однодеревенцевъ, и отвѣтчиками, крестьянами Андреевскаго починка Савельемъ и Ѳедоромъ Васильевыми Илясовыми, состоявшими въ складническомъ союзѣ съ обитателями деревни Левкино. Въ исковой челобитной Х. Шаляпинъ точно указалъ предметы иска. Именно, во-первыхъ, онъ искалъ участка земли, присужденнаго ему и его однодеревенцамъ по предыдущему процессу съ тѣми же отвѣтчиками еще въ 137 г. и отмѣреннаго ему въ томъ же году цѣловальникомъ согласно съ приговоромъ; этого участка однако отвѣтчики насильно, вопреки приговору, не давали ему распахивать. Во-вторыхъ, онъ заявлялъ, что тѣмъ же судебнымъ приговоромъ 137 г. было постановлено оставшуюся за отмѣромъ землю истцамъ съ отвѣтчиками раздѣлить между собою повытно, но отвѣтчики на такой раздѣлъ не соглашались. Въ третьихъ, онъ обвинялъ Ѳ. Илясова въ насильственномъ свозѣ съ доставшагося ему, Шаляпину, по отмѣру участка пяти овиновъ ржи. Въ четвертыхъ, жаловался суду, что Ѳ. Илясовъ поставилъ свой дворъ на его участкѣ. Въ пятыхъ, требовалъ съ отвѣтчиковъ 10 рублей съ полтиной въ возмѣщеніе убытковъ, причиненныхъ ему всѣми этими захватами со стороны отвѣтчиковъ и ихъ отказами дѣлить землю. Наконецъ, въ шестыхъ, искалъ 15 рублей неустойки по мировой записи, заключенной съ отвѣтчиками еще въ 135 (1626—27) г., по которой послѣдніе обязались уступить добровольно тотъ участокъ, который и былъ затѣмъ предметомъ спора и отмѣра въ процессѣ 137 г. Такимъ образомъ Х. Шаляпинъ за себя и по порученію своихъ складниковъ искалъ на братьяхъ Илясовыхъ: отмѣреннаго ему въ 137 г. участка земли, раздѣла остальной неразмѣренной земли, пяти овиновъ свезенной ржи, сноса двора отвѣтчика съ принадлежавшей ему, истцу, земли, 10 р. съ полтиной вознагражденія за убытки и 15 руб. неустойки по неисполненной отвѣтчиками мировой 135 года.

Засѣданіе суда происходило на спорной землѣ, „на обидящемъ мѣстѣ“. Отвѣтчикъ Ѳ. Илясовъ, ставъ передъ судьями и выслушавъ исковую челобитную, сдѣлалъ на нее общее возраженіе, „въ отвѣтѣ сказалъ: дворомъ язъ стою на своей землѣ по путю, и путь у меня есть на ту землю“, причемъ въ качествѣ такого пути, т. е. крѣпостного документа представилъ купчую, копія съ которой и находится въ судномъ спискѣ. „А ржи не важивалъ“, продолжалъ онъ возражать по прочтеніи купчей, „а убытками и волокитою всѣмъ (истецъ) поклепалъ. а землю дѣлю во всѣхъ трехъ по-

ляхъ", и въ подкрѣпленіе своего возраженія отвѣтчикъ изъявилъ готовность рѣшить дѣло присягой, взявъ цѣлованіе креста на себя или предоставивъ его истцу: „а дамъ те въ семъ Божію правду, крестное цѣлованіе, самъ крестъ цѣлую и ему вѣрю". Этимъ общее возраженіе отвѣтчика на исковую челобитную закончилось. Судьи обратились къ истцу, „спрошали истца Харку: чѣмъ ты его уличаешь?" Истецъ началъ представленіе уликъ, прежде всего также выразивъ готовность на присягу. „Истецъ Харка уличалъ Божіею правдою, крестнымъ цѣлованіемъ", также соглашаясь либо самъ поцѣловать крестъ, либо предоставить сдѣлать это отвѣтчику. Рѣшеніе вопроса о томъ, кому цѣловать крестъ, совершенно согласно съ нормами судебниковъ, было вслѣдъ за этимъ заявленіемъ истца предоставлено на волю отвѣтчика, который и взялъ присягу на себя. „И судьи спросили отвѣтчика, самъ ли крестъ цѣлуешь, или истцу Харкѣ вѣришь? И отвѣтчикъ Ѳедка себѣ на душу взялъ крестъ цѣловати".

Истецъ продолжалъ затѣмъ представленіе уликъ и „положилъ въ судъ" мировую запись 135 года. Отвѣтчикъ согласился ссылаться на мировую. замѣтивъ вновь, что лишней землей онъ не владѣетъ и на раздѣлъ земли, оставшейся за отмѣромъ 137 г., согласенъ. Истецъ сослался далѣе на судный списокъ процесса 137 г. и на отводную, т. е. на грамоту объ отводѣ ему выигранной тогда земли. Эти бумаги по обычной практикѣ того времени, по которой выборныя земскія власти, отбывшія срокъ службы, хранили официальныя бумаги своего года у себя, оказались у бывшаго судьи М. Прожерина, и истецъ обѣщалъ предъявить ихъ суду, если этотъ бывшій судья согласится ихъ выдать. Отвѣтчикъ согласился признавать ихъ значеніе: „на судный списокъ слался, каковъ покажетъ, и на отводную слался, какову покажетъ". Слѣдующими уликами, на которыя сослался истецъ, были еще два документа: наказная память пятидесятскому, посланному съ суда 137 г. для отмѣра земли и актъ этого отмѣра, составленный пятидесятскимъ. Отвѣтчикъ призналъ оба документа, замѣтивъ, что у истца и находится во владѣніи именно та земля, которая ему отмѣрена. Въ подтвержденіе факта своза съ его поля пяти овиновъ ржи истецъ сослался на свидѣтелей В. Степанова и А. Старцова, очевидцевъ происшествія, „въ томъ", говорилъ истецъ, „что какъ они (отвѣтчики) рожь возили изъ моего поля, и они (свидѣтели) то видѣли, а язъ лежалъ въ концѣ живота, и попъ меня каялъ". Показанію этихъ свидѣтелей истецъ придавалъ относительно факта своза рѣшающее значеніе, ссылался на нихъ „изъ виноватаго". Отвѣтчикъ такого значенія ихъ показанію придать не пожелалъ и ссылался на нихъ только „въ послушество", замѣтивъ, что у нихъ есть связи съ истцомъ. Тогда въ подтвержденіе своза ржи истецъ сослался на церковнаго старосту Г. Логинова и на крестьянина О. Фатьянова, которымъ онъ подалъ „явку", т. е. предварительное заявленіе тотчасъ же вслѣдъ за событіемъ. Отвѣтчикъ и на этихъ лицъ согласился ссылаться также только въ послушество, приведя то соображеніе, что истецъ могъ сдѣлать умышленно лживое заявленіе: „воля ему являти ставомъ да нарядомъ". На этомъ покончилось препирательство истца съ первымъ отвѣтчикомъ. „И сверхъ того", читаемъ

въ судномъ спискѣ, „истецъ и отвѣтчикъ больше того ссылокъ и уликъ никоторыхъ не сказали". Тогда выступилъ второй отвѣтчикъ С. Илясовъ, объясненія котораго были, повидимому, столько же кратки, сколько и рѣшительны. Выслушавъ исковую челобитную, онъ въ отвѣтѣ сказалъ: „не знаю, не вѣдаю, убытками и волокитою (истецъ) поклепалъ, ржи не заживалъ, двора на землѣ нѣтъ, а дамъ те съ нимъ Божію правду крестное цѣлованіе, самъ крестъ цѣлую и ему вѣрю. А земли мы дѣлимъ и вервимъ черным дѣломъ, а зовемъ его, Харитона, земли дѣлить по вся дни". Далѣе, онъ согласился такъ же, какъ и братъ, принять крестоцѣлованіе на себя и заявилъ о готовности ссылаться на документы истца. Этимъ оба „суда", т. е. оба состязанія истца съ отвѣтчиками были закончены.

Но процессъ осложнился встрѣчнымъ искомъ, который былъ предъявленъ съ своей стороны Ѳ. Илясовымъ къ Харитону Шаляпину и къ его складникамъ-совладѣльцамъ Леонтію Микулину и Марьѣ Холодиловой. Ѳ. Илясовъ обвинялъ теперь отвѣтчиковъ въ завладѣніи и запашкѣ принадлежащей ему $^1/_8$ доли деревни Андреевскаго починка и взыскивалъ съ нихъ 10 рублей съ гривною за причиненные ему этимъ завладѣніемъ убытки. Дѣло было разсмотрѣно въ тотъ же день, тѣмъ же составомъ присутствія, также „на обидящемъ мѣстѣ, на землѣ Андреевскаго починка, на полѣ", вѣроятно подъ открытымъ небомъ. Роли перемѣнились. Харитонъ Шаляпинъ, теперь уже отвѣтчикъ, выслушавъ челобитную истца, сказалъ: „земли у него не отымывалъ и убытка ему не чинивалъ". Далѣе состоялся такой же какъ и въ первомъ процессѣ обмѣнъ уликами и возраженіями на нихъ. Въ качествѣ улики со стороны истца была представлена купчая. Отвѣтчикъ сослался на документы, представленные имъ по первому процессу и принялъ на себя крестоцѣлованіе. Дѣло не было рѣшено; судьи постановили перенести его въ докладъ въ Устюжскую четверть. Земскій доводчикъ, на обязанности котораго, какъ ее опредѣляютъ избирательные списки, была отдача крестьянъ на поруки, собралъ поруки по истцѣ и по отвѣтчикѣ въ томъ, что они явятся въ Москву въ Устюжскую четверть въ томъ же 138 г., какъ судьи поѣдутъ туда съ оброчными деньгами, значитъ къ Срѣтеньеву дню, такъ какъ это былъ срокъ привоза въ Москву податныхъ денегъ изъ Устьянскихъ волостей. Къ тому же сроку привозились или присылались въ четверть судные списки къ докладу. Объ отдачѣ на поруки доводчикъ составлялъ особые акты, „поручныя записи"[1]).

Вотъ другой поземельный процессъ въ томъ же родѣ, любопытный между прочимъ по одной изъ тѣхъ ссылокъ, которая была сдѣлана истцомъ и признана отвѣтчиками. Дѣло велось 28 сентября 149 (1640) г. передъ земскимъ судомъ того же Устьянскаго Введенскаго стана, засѣдавшимъ въ составѣ двухъ земскихъ судеекъ, земскаго цѣловальника и двухъ сотскихъ. Истцомъ былъ нѣкій попъ Василій Игнатьевъ сынъ Поповъ; отвѣтчиками явилась группа его складниковъ совладѣльцевъ Кузоверской деревни въ Никольской Волюской волости. Въ 147 (1638—39) г. попъ пріобрѣлъ

[1]) I, прилож. IV, № 1. Встрѣчный искъ Пр. Д. 1629 № 24, л. 17.

по купчей $^1/_{14}$ Кузоверской деревни со всѣми относящимися къ этой долѣ угодьями, „что къ тому повытью изстари потягло“. Однако складники встрѣтили новаго совладѣльца, видимо, недружелюбно. Въ исковой челобитной попъ жаловался, что складники выживаютъ его изъ деревни, завладѣли частью его земли, не допускаютъ его къ пользованію общими сѣнокосными угодьями, выгоняютъ его скотъ съ общаго пастбища и всѣми этими притѣсненіями причинили ему убытковъ на 50 рублей. Попъ и отыскивалъ принадлежащихъ ему по купчей земель и угодій и возмѣщенія убытковъ въ указанной суммѣ. Разбирательство происходило въ самой Кузоверской деревнѣ. Отвѣтчики „Пронка Ѳеоктистовъ и складники“, выслушавъ челобитную, возразили: „убытками насъ и волокитою, всѣмъ поклепалъ тотъ попъ Василій. Дай, государь“—обращеніе къ суду, въ другихъ случаяхъ „господине судья“—въ убыткахъ и въ поклепѣ, и въ нарядѣ его“, т. е. въ ложномъ обвиненіи, „Божію правду, крестное цѣлованіе съ государева докладу“. Значитъ, отвѣтчики готовы были рѣшить дѣло присягою, но требовали предварительнаго взноса дѣла въ докладъ въ Москву. Въ подтвержденіе своего возраженія они далѣе указали, что спорная земля была уже предметомъ судебнаго разбирательства, судный списокъ котораго хранится въ Москвѣ въ Устюжской четверти; поэтому, можетъ быть, они и соглашались на крестоцѣлованіе не иначе, какъ по докладѣ дѣла въ Москвѣ. Далѣе они замѣтили, что каждый изъ нихъ владѣетъ своимъ участкомъ Кузоверской деревни по своимъ купчимъ грамотамъ и крѣпостямъ и тутъ же сослались „изъ виноватаго“ на экземпляръ купчей грамоты, хранящійся въ церковной казнѣ у св. Николы, и эта грамота должна была, по ихъ словамъ доказать, что попъ владѣетъ именно тѣмъ, чѣмъ ему и слѣдовало. Судьи спросили истца: „чѣмъ ихъ уличаешь?“ Попъ подалъ „ссылочную память“, краткій перечень тѣхъ доказательствъ, которыя онъ выдвигалъ противъ складниковъ, и при памяти представилъ соотвѣтствующіе документы. Уликъ съ его стороны было семь. Прежде всего онъ уличалъ отвѣтчиковъ „Божіею правдою, жеребьемъ“, т. е. выражалъ готовность рѣшить споръ, бросивъ жребій, какъ духовное лицо, которому давать присягу воспрещалось. Отвѣтчики возразили, что попъ Василій—не служащій и поэтому продолжали настаивать на присягѣ послѣ доклада: „дай, государь, съ нимъ съ государева докладу вѣру, крестное цѣлованіе; подъ крестъ, государь, ему кладемъ скотиною и платьемъ по цѣнѣ, поцѣлуй тотъ попъ Василій“, т. е. предоставляли цѣловать крестъ истцу, соглашаясь положить подъ крестъ, какъ это тогда практиковалось при судебной присягѣ, имущество на исковую сумму. Истецъ сослался на прежнія относившіяся къ спорному участку купчія крѣпости. Отвѣтчики приняли эту ссылку даже изъ виноватыхъ, сказавъ, „что̀ онъ попъ Василій купилъ, тѣмъ онъ и владѣй, а мы его землею не владѣемъ сильно“. Попъ указалъ далѣе на явку, которую онъ сдѣлалъ въ прошломъ 148 (1639—40) г. о причиненныхъ ему складниками обидахъ сотскому В. Ергину, бывшему теперь какъ разъ въ составѣ судебнаго присутствія, и на записку, составленную тогда сотскимъ, прибывшимъ по этой явкѣ для осмотра спорныхъ мѣстъ. Отвѣтчики

согласились сослаться на названнаго сотскаго и на его записку, но только въ послушество, а не изъ виноватыхъ, потому что, какъ они замѣтили, „воля ему валять (?) и записки записывать, а на насъ нарядъ наряжать“, т. е. признавали записку сотскаго все же подлежащимъ оспариванію документомъ, составленнымъ, можетъ быть, завѣдомо ложно. Судьи обратились къ сотскому В. Ергину и, поставя его передъ собою, спрашивали: „звалъ тебя попъ Василій Игнатьевъ записки записывать въ Кузоверскую деревню въ земномъ дѣлѣ? И сотскій В. И. Ергинъ сказалъ по государеву крестному цѣлованію: записывалъ записку у попа Василья на землѣ, да грѣхомъ ее утерялъ, нѣтъ нынѣ у меня“. Этотъ допросъ сотскаго былъ занесенъ въ особый протоколъ, приложенный къ судному списку[1]).

Дальнѣйшія доказательства истца заключались въ ссылкахъ на сотную выпись изъ писцовыхъ книгъ, на квитанціи во взносѣ за принадлежащую ему долю деревни дани и оброка, на прежнюю мировую запись, касавшуюся этой доли. Отвѣтчики признали сотную и квитанціи, но относительно мировой записи замѣтили, что она заключена была не съ попомъ, что и имени его, попова, въ ней нѣтъ. Наконецъ, въ качествѣ послѣдней ссылки истецъ представилъ выписку изъ „государева указа, судебника“, которая оказывается выпиской 174-ой и 159-ой статей такъ называемаго судебника царя Ѳедора Ивановича 1589 г., и такимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что этотъ судебникъ былъ кодексомъ, обращавшимся въ рукахъ по крайней мѣрѣ жителей Устьянскихъ волостей. Противъ этой ссылки отвѣтчики не возражали и съ своей стороны ссылались на государевъ судебникъ, что характеризуетъ этотъ памятникъ, какъ признаваемый кодексъ. На этомъ судебный споръ былъ конченъ. Дѣло не было рѣшено земскимъ судомъ; затрудняясь постановить приговоръ, судъ направилъ дѣло къ докладу въ Устюжскую четверть. Земскій доводчикъ взялъ поручныя записи по истцѣ и по одномъ изъ отвѣтчиковъ, очевидно, уполномоченномъ отъ всей ихъ группы, обязавъ ихъ за поручительствомъ стать на Москвѣ въ Устюжской четверти на Срѣтеньевъ день къ *„такý“*. Этотъ „такъ“ или „такáнье“ состояло въ томъ, что по прочтеніи на докладѣ суднаго списка сторонамъ, онѣ должны были на вопросъ судьи высшей инстанціи: „таковъ ли или такъ ли имъ судъ былъ, какъ въ судномъ спискѣ написано?“ отвѣчать словами „таковъ“ или „такъ“, если они судный списокъ подтверждали. Въ мартѣ 1641 г. дѣло докладывалось дьяку Устюжской четверти Пантелѣю Чирикову. Дьякъ 31 марта постановилъ приговоръ, которымъ предписы-

---

[1]) Въ качествѣ свидѣтелей, бывшихъ съ земскими судьями при составленіи этого особаго протокола, поименованы уже два земскихъ цѣловальника: Иванъ Карповъ да Шестой Андроновъ и сотскій Таскай Аѳанасьевъ. Цѣловальникъ Шестой Андроновъ и сотскій Таскай Аѳанасьевъ были въ составѣ присутствія, которое начало процессъ. Они упомянуты въ судномъ спискѣ. Возможно, что другой цѣловальникъ, Иванъ Карповъ, не упоминаемый въ судномъ спискѣ, замѣнилъ при составленіи особаго протокола сотскаго В. Ергина, оказавшагося свидѣтелемъ по дѣлу. Пр. Д. 1641 № 19, л. 8, ср. л. 16.

валось: произвести разслѣдованіе о спорной землѣ попа съ складниками посредствомъ опроса сосѣдей, тутошнихъ и окольныхъ людей и старожильцевъ, а также по документамъ: сотной выписи и крѣпостямъ; сдѣлавъ такое разслѣдованіе—устроить раздѣлъ земли между попомъ и складниками согласно съ данными разслѣдованія: по показаніямъ сосѣдей, по сотной и по крѣпостямъ, а также соотвѣтственно долямъ лежащаго на сторонахъ тягла; вопросъ объ убыткахъ рѣшить, если попъ—служащій, жребіемъ, если—неслужащій, присягой. Исполненіе приговора возложено было на четверыхъ земскихъ судеекъ, двухъ новыхъ, которые вступили въ должность съ февраля 149 (1641) года и двухъ прошлыхъ 148—149 гг., которые вели этотъ процессъ въ волости. Судейки должны были, поставивъ передъ собою истца и отвѣтчиковъ, прочесть имъ приговоръ и затѣмъ приступить къ исполнительнымъ дѣйствіямъ. 10 іюля 149 (1641) г., исполняя приговоръ дьяка, земскіе судьи, новые и бывшіе, производили опросъ сосѣдей въ присутствіи настоящихъ и предыдущихъ земскихъ цѣловальниковъ и сотскихъ. Въ тотъ же день они приступили было и къ раздѣлу земли, но въ этомъ встрѣтили препятствіе, такъ какъ у истца съ отвѣтчиками на межахъ произошло столкновеніе, „учинился споръ великій“, какъ гласитъ составленный по этому случаю протоколъ, и развести землю оказалось невозможнымъ. 30 сентября 150 (1641) г. одинъ изъ новыхъ судей и одинъ изъ прежнихъ опять въ присутствіи новыхъ и прежнихъ цѣловальниковъ и сотскихъ и кромѣ того двоихъ „добрыхъ людей“ приступили было къ осмотру угодій Кузоверской деревни, но не могли выяснить, до сотной или послѣ нея огорожены были поля, и въ этомъ встрѣтили препятствіе къ производству раздѣла. На протоколѣ объ этомъ осмотрѣ дѣло попа Василія съ его складниками Кузоверской деревни обрывается. Намъ остается неизвѣстнымъ, доведено ли оно было до раздѣла земли между ними, или нѣтъ [1]).

Не всегда процессъ передъ земскими судьями начинается подачей исковой челобитной, подобной той, которую мы видимъ, напримѣръ, въ приведенной выше тяжбѣ Х. Шаляпина съ братьями Илясовыми. Встрѣчаемъ случаи, и довольно частые, когда истецъ прежде, чѣмъ подать такую челобитную въ земскій судъ, считаетъ необходимымъ предварительно обратиться въ Москву въ приказъ съ ходатайствомъ о выдачѣ ему такъ называемой *судимой грамоты*, т. е. грамоты къ земскимъ судейкамъ съ распоряженіемъ о производствѣ суда между истцомъ и указанными имъ отвѣтчиками. Просьбы о такихъ судимыхъ грамотахъ какъ будто свидѣтельствуютъ о нѣкоторой инертности мѣстнаго земскаго суда, если для того, чтобы привести его въ движеніе, требовалось спеціальное распоряженіе сверху. Укажемъ примѣры выдачъ судимыхъ грамотъ, продолжая этими примѣрами характеризовать дѣла, подлежавшія юрисдикціи земскихъ судовъ на сѣверѣ. Въ 136 (1627—8) г. обращается въ Устюжскую четверть за судимой гра-

[1]) Пр. Д. 1641 № 19. См. нашу замѣтку „Къ вопросу о судебникѣ 1589 г.“ Ж. М. Н. Пр. 1905 № 12.

мотой крестьянинъ Введенскаго Устьянскаго стана Гр. Лугвинъ, затѣвая процессъ противъ своихъ складниковъ, жителей нѣсколькихъ сосѣднихъ деревень, не желавшихъ дѣлить съ нимъ общихъ угодій, отчего онъ потерпѣлъ на 50 рублей съ полтиною убытковъ[1]). „Милосердый государь", заканчиваетъ онъ свою поданную въ приказъ челобитную, „дай на нихъ свой царскій судъ и указъ... да и свою царскую судимую грамоту". На челобитной его—помѣта дьяка: „дать грамота, велѣть дати судъ", и по этой помѣтѣ отправлена грамота „Устьянскихъ волостей Введенскаго прихода земскому судейкѣ Мишкѣ Алексѣеву съ товарищи". Крестьянинъ Устьянской Чадромской волости деревни Рубежной Т. П. Юркиныхъ за себя и за остальныхъ жителей той же деревни началъ дѣло противъ складниковъ двухъ сосѣднихъ деревень, не дѣлившихъ съ ними сѣнные покосы, просьбой въ Устюжской четверти о выдачѣ судимой грамоты[2]). Крестьянинъ Важскаго уѣзда Кокшенгской четверти Минской волости Гость Андреевъ, возбуждая искъ къ крестьянину Ростовской Устьянской волости Ст. Иванову, у котораго онъ жилъ въ половникахъ, пахалъ исполу снятый участокъ, и который не отдалъ ему причитающейся на его половину доли ржи, 25 овиновъ, и кромѣ того помѣшалъ засѣять разчищенныя имъ, половникомъ, новины, предварительно обратился въ Устюжскую четверть за судимой грамотой[3]). Судимая грамота, какъ видно по этому примѣру, бралась изъ приказа, къ вѣдомству котораго принадлежалъ отвѣтчикъ. Въ 137 (1628—9) г. крестьянинъ также Важскаго уѣзда Усть-Кулуйской волости К. Зайцевъ, собираясь судиться съ четырьмя крестьянами сосѣдней Чадромской Устьянской волости, которые завладѣли его землею и свезли къ себѣ тысячу копенъ его ржи по 15 сноповъ въ каждой, взялъ судимую грамоту по своей подсудности изъ приказа Большого Дворца, которому была подвѣдомственна Вага. Но отвѣтчики не пожелали явиться на судъ по этой грамотѣ, указавъ, что грамота взята не изъ Устюжской четверти[4]).

Судимая грамота какъ бы облекала судей новымъ авторитетомъ; получивъ ее, они дѣйствовали уже „по государеву цареву и великаго князя.... указу", выраженіе, которымъ начинаются иногда судные списки, и можетъ быть именно въ тѣхъ случаяхъ, когда судъ открывалъ свои дѣйствія не только по челобитной истца, но и по судимой грамотѣ. Безъ судимой авторитетъ земскаго суда часто не казался достаточнымъ, въ особенности для отвѣтчика, и истецъ принужденъ былъ обращаться за ней уже послѣ подачи въ земскій судъ челобитной именно потому, что отвѣтчикъ уклонялся отъ суда. Въ 150 (1641—42) г. крестьянинъ Пажгинскаго погоста Сысольской волости Яренскаго уѣзда Я. Семеновъ билъ челомъ сысольскому земскому судьѣ на сильныхъ людей Василья и Третьяка Меркурьевыхъ и Я. Титова,

---

[1]) I, 160, прим. 2.

[2]) Пр. Д. 1656 № 87.

[3]) Пр. Д. 1631 № 36. Помѣта: „Дать грамота, а велѣть ихъ въ томъ судить въ волости старостамъ и цѣловальникамъ".

[4]) Пр. Д. 1631 № 56.

которыхъ онъ имѣлъ основаніе подозрѣвать въ убійствѣ своего брата на рыбной ловлѣ. Отвѣтчики, вѣроятно, благодаря своему вліянію въ мѣстности, на судъ не пошли, учинились сильны, какъ жаловался истецъ, ходатайствуя вслѣдствіе этого въ Устюжской четверти о выдачѣ судимой грамоты, которая должна была ихъ сопротивленіе преодолѣть. И въ самомъ дѣлѣ случаи отказа отвѣчать передъ земскими судейками безъ судимой грамоты очень часты. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ, относящіеся къ земскому суду Пежемской Устьянской волости. Въ 141 (1632—33) г. крестьянинъ этой волости Баженъ Васильевъ Басовъ предъявилъ передъ пежемскимъ судейкою искъ къ родному своему брату Игнатію Васильеву о недоданной ему, истцу, долѣ движимости при семейномъ раздѣлѣ цѣною на 100 рублей. „И тотъ мой братъ“, пишетъ истецъ, обращаясь въ приказъ за судимой, „противъ моего челобитьишка не отвѣчалъ, учинился силенъ, а сказалъ: отвѣчаю по государевѣ судимой грамотѣ, а по той де я челобитной не отвѣчаю“. Дьякъ положилъ помѣту: „дать грамота къ судейкамъ, а велѣть ихъ въ волости въ томъ дѣлѣ судейкамъ судить и указъ учинить“[1]). Крестьянинъ той же волости Вахрамѣй Суховскій, повстрѣчавшись въ іюлѣ 1632 г. на погостѣ въ избѣ у церковнаго дьячка съ Л. Угрюмовымъ, которому онъ былъ долженъ, бросился въ раздраженіи на своего кредитора, схватилъ за горло, вырвалъ изъ рукъ кабалу и сорвалъ у него съ груди мѣшечекъ съ деньгами, которыхъ тамъ было 20 рублей. Кредиторъ подалъ жалобу земскому судейкѣ; но обидчикъ отказался отвѣчать, сказавъ: „отвѣчаю де я по государевѣ судимой грамотѣ, а по той де я челобитной не отвѣчаю“ [2]). 20 января 1634 г. пежемскій судья Ѳ. Кулаковъ поставилъ передъ собою Ѳ. П. Ѳедорова по иску М. Куклина „и велѣлъ дьячку челобитную честь. И отвѣтчикъ Ѳедка“, читаемъ въ протоколѣ, „сказалъ: „господине судья! не силенъ, отвѣтенъ (т. е. не сопротивляюсь, готовъ отвѣчать), [3]) да по государевѣ грамотѣ, когда тотъ Матвѣй нанесетъ государеву грамоту“. Въ іюлѣ 1639 г. судейкѣ подали челобитную крестьяне Ив. Первово и П. Шишеловъ на зятя своего Ларіона Карпова Келарева. Отецъ Ларіона Карпъ отписалъ по духовной дочерямъ своимъ, сестрамъ Ларіона и женамъ истцовъ половину своей деревни и движимаго имущества. Ларіонъ не исполнялъ духовнаго завѣщанія и не выдавалъ причитавшейся сестрамъ доли. Будучи вызванъ въ судъ и ставъ передъ судьею, онъ не далъ читать челобитной, „а сказалъ: отвѣчаетъ де онъ по государевѣ царской судимой грамотѣ“ [4]).

Тяжба, которая начиналась исковою челобитной и велась „судомъ“, состязаніемъ сторонъ, могла оканчиваться добровольнымъ соглашеніемъ спорящихъ, „мировою“ сдѣлкой между истцомъ и отвѣтчикомъ, дѣлавшими другъ другу уступки. Мировая могла быть заключена спорящими еще до начала судебнаго разбирательства, что выражалось формулой „не ходя въ

[1]) Пр. Д. 1631 № 36.
[2]) Пр. Д. 1632 № 36.
[3]) Пр. Д. 1632 № 36.
[4]) Пр. Д. 1639 № 44.

судъ, помирились". Но разъ была уже подана исковая челобитная или уже состоялось судоговореніе, мирящіяся стороны обязаны были о своемъ соглашеніи „доложить" судьѣ, и тогда мировая запись писалась „съ докладу судьѣ". Такъ напр. 10 ноября 1591 г. крестьяне Чадромской Устьянской волости складники деревень Прокопцовой и Павлицовой истецъ Артемій Заслонъ и отвѣтчики — группа изъ четырехъ лицъ, споривше о межевой изгороди между деревнями, „доложа выборнаго судьи Третьяка Васильева съ товарищи", помирились „съ суда" на томъ, что половину спорнаго огорода будетъ городить истецъ, а другую половину—отвѣтчики. Въ мировой упомянуто трое свидѣтелей, и самая запись писалась земскимъ дьячкомъ. Черезъ три года сынъ этого Артемія Заслона—Фролъ Артемьевъ Заслоновъ спорить о земельномъ участкѣ съ однодеревенцемъ своимъ Третьякомъ Чесноковымъ. Стороны стали уже передъ судьею съ товарищами, явившимися, какъ всегда въ поземельныхъ тяжбахъ на спорную землю, но, „доложа выборнаго судьи", въ спорной землѣ между собою помирились на томъ, что Третьяку снять со спорнаго участка два хлѣба, а затѣмъ земля поступитъ навсегда во владѣніе Фрола Артемьева.[1]) Мировою сдѣлкой могли кончаться не только иски о правѣ, но и дѣла по преступленіямъ, разъ они начинались частнымъ обвиненіемъ и велись исковымъ, суднымъ порядкомъ.

Если мирового соглашенія не происходило, дѣло заканчивается приговоромъ судьи. Приведемъ примѣръ такого закончившагося приговоромъ процесса; его намъ уже приходилось касаться. Въ 1634 г. въ Чушевицкой Устьянской волости четверо крестьянъ деревни Заболоцкой, Мартынъ Колосовъ съ товарищами, обвиняли двухъ крестьянъ деревни Пукиревской Третьяка и Кузьму Распутиныхъ въ злонамѣренной порчѣ зашедшихъ въ пукиревскія озими коней и искали на отвѣтчикахъ причиненныхъ этой порчей убытковъ—казусъ, предусмотрѣнный еще статьею Русской Правды: „а кто пакощами конь порѣжетъ". Дѣло слушалось въ трехъ засѣданіяхъ чушевицкаго волостного суда, составъ котораго образовали: земскій судья, земскій цѣловальникъ и судные мужи, мѣнявшіеся для каждаго засѣданія.[2]) Въ первомъ засѣданіи, дата котораго не извѣстна, такъ какъ начало дѣла утрачено, читалась исковая челобитная, выслушано было общее возраженіе отвѣтчиковъ, всецѣло отрицавшихъ обвиненіе и говорившихъ, что они коней не сѣкали и убытка истцамъ никотораго не учинили. Затѣмъ судъ перешелъ къ слушанію уликъ, представленныхъ истцами и возраженій на нихъ со стороны отвѣтчиковъ. По обыкновенію истцы прежде всего уличали отвѣтчиковъ Божіею правдою, требовали крестнаго цѣлованія, на которое отвѣтчики выражали согласіе не иначе однако, какъ съ московскаго доклада. Далѣе истцы сослались на явку о порчѣ коней, сдѣланную ими цѣловальнику П. Автономову и на обыскъ, имъ произведенный. Отвѣтчики оспаривали эту ссылку: „господине судья! на то цѣловальникъ выбранъ, что ему всякія дѣла принимати, былыя и небылыя". Слѣдующей

---

[1]) Пр. Д. 1653 № 1.

[2]) См. выше стр. 180—181.

ссылкой истцовъ было указаніе на явку, которую они сдѣлали встрѣчному крестьянину Дементію Иванову послѣ того, какъ обнаружили порчу коней. Отвѣтчики указывали на родственныя связи Дементія съ истцами: „тотъ де Дементій—имъ сватъ“. Наконецъ, истцы обратились къ суду съ просьбой дать цѣловальника и мужей для производства осмотра слѣдовъ на мѣстѣ, очевидно, имѣя въ виду этотъ осмотръ, какъ одну изъ ссылокъ. Обращаясь съ такой просьбой, они заявили суду, что у нихъ „еще рѣчи и въ трапезѣ будутъ, посмотря по осмотру“, т. е. обѣщали представить суду остальныя улики послѣ осмотра.

На осмотръ слѣдовъ были командированы цѣловальникъ П. Автономовъ и двое мужей.[1]) Цѣловальникъ, произведя осмотръ слѣдовъ, вернувшись, сдѣлалъ суду докладъ: „господине судья! слѣдъ съ полянки коневой есть и руда (кровь) по колодамъ есть же“. Отвѣтчики возразили: „господине судья! воля имъ слѣдъ прикладывати, собаку ли, пѣтуха ли засѣкли, да на насъ дѣло возводятъ, выживаютъ насъ изъ деревнишка!“ Въ протоколѣ произведеннаго цѣловальникомъ осмотра сказано, что онъ шелъ коневымъ слѣдомъ до Заболоцкой деревни, что, придя туда, освидѣтельствовалъ двухъ порѣзанныхъ лошадей, у которыхъ оказались сѣченыя раны на ногахъ. Кажется, докладомъ цѣловальника и подачею этого протокола первое засѣданіе окончилось.

Второе засѣданіе состоялось 21 сентября въ чушевицкой трапезѣ. Въ немъ судья, какъ гласитъ судный списокъ, поставивъ истцовъ и отвѣтчиковъ съ очей на очи, „спрошалъ у истца достальныхъ рѣчей“, т. е. пригласилъ указать ссылки, которыя они обѣщали сдѣлать послѣ осмотра. Ссылка, приведенная истцами, заключалась въ требованіи выдать имъ отвѣтчиковъ на пытку. „И Ѳедоръ“ (истецъ), читаемъ въ судномъ спискѣ этого засѣданія, „говорилъ: господине судья! дай мнѣ того Кузьму на пытку; самъ даюсь и его мнѣ дай. И судья спрошалъ отвѣтчиковъ: даетесь ли, Третьякъ и Кузьма на пытку? Отвѣтчики говорили: господине судья! даемся мы на пытку, да и его намъ дай. А даемся, господине, съ московскаго докладу; тотъ Ѳедоръ—кудесникъ, кнутъ его нейметъ“. Отсюда видно, что пытка, этотъ обычный пріемъ слѣдственнаго процесса, употреблявшійся въ немъ, какъ средство исторгнуть признаніе у обвиняемаго, примѣнялась нѣкогда и въ судномъ, состязательномъ процессѣ, какъ средство рѣшить споръ, выступая въ этомъ случаѣ съ значеніемъ судебнаго испытанія, ордаліи, суда Божія. Такое ея значеніе въ разбираемомъ процессѣ подтверждается и высказаннымъ отвѣтчиками опасеніемъ, что истецъ обладаетъ волшебной силой, помогающей ему выдержать испытаніе. Какъ извѣстно, обращеніе тяжущихся къ разнымъ чародѣйствамъ передъ судомъ Божіимъ, полемъ, было обыкновенно, и Стоглавъ свидѣтельствуетъ, что въ то время какъ тяжущіеся бьются на полѣ, „волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій посо-

[1]) Одинъ изъ нихъ, Морозъ Васильевъ, значится въ судномъ спискѣ перваго засѣданія, другой—Петръ Пантелѣевъ въ судныхъ спискахъ двухъ послѣднихъ засѣданій.

біе имъ творятъ, кудесы бьютъ и во Аристотелевы Врата, и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по планетамъ глядаютъ".[1]) Пытка, какъ ордалія въ судномъ процессѣ, производится, какъ видно, частными средствами сторонъ; истецъ самъ будетъ пытать отвѣтчика, отъ суда ему нужно только разрѣшеніе. Глубокая старина прозвучала въ тѣхъ словахъ, которыми обмѣнялись стороны въ настоящемъ дѣлѣ, и въ нашей памяти при этихъ словахъ всплываетъ неизбѣжно та статья Русской Правды, которая запрещаетъ смерду „мучить смерда безъ княжа слова", но которая, какъ ее слѣдуетъ договаривать, ничего не имѣетъ противъ такого „мученія" частными средствами съ разрѣшенія суда. Если предъявленныя сторонами просьбы о выдачѣ на пытку и не имѣли уже въ XVII в. реальнаго значенія, если онѣ были не болѣе, какъ словеснымъ переживаніемъ, утратившимъ дѣйствительный смыслъ архаическимъ обломкомъ въ процессѣ и не сопровождались никакими фактическими послѣдствіями, все же онѣ показываютъ, какъ живуча была идея ордалій въ юридическомъ сознаніи. Изъ вопроса судьи, обращеннаго къ отвѣтчикамъ, даются ли они на пытку, видно также, что пытка въ судномъ процессѣ разрѣшалась судомъ съ добровольнаго согласія обѣихъ сторонъ и при условіи взаимности. Если истецъ пыткой не уличитъ отвѣтчика, онъ самъ соглашается подвергнуться пыткѣ. Этою добровольностью пытка, какъ ордалія, отличается отъ принудительной пытки слѣдственнаго процесса, развившейся впрочемъ изъ тѣхъ же первоначальныхъ ордалій.

На этомъ требованіи пытки со стороны истцовъ и согласіи на нее отвѣтчиковъ подъ условіемъ доклада дѣла въ Москву окончилось второе засѣданіе. Послѣднее засѣданіе происходило послѣ довольно долгаго промежутка времени, 21 декабря того же года. Въ немъ и былъ произнесенъ приговоръ. Судья съ цѣловальникомъ и съ мужами посаженными, которыхъ на этотъ разъ было шестеро, выслушали вновь дѣло, т. е. предыдущіе судные списки и по выслушаніи ихъ приговорили дать истцамъ съ отвѣтчиками „вѣру", крестное цѣлованіе, мотивируя это постановленіе отсутствіемъ другихъ средствъ къ рѣшенію между ними спора: „потому имъ вѣра въ семъ дѣлѣ приговорена, что инымъ промежъ ими сыскать нечѣмъ". Какъ видимъ, въ этомъ случаѣ приговоръ заключалъ въ себѣ не рѣшеніе спора по существу, а только опредѣленіе того способа, которымъ споръ долженъ былъ рѣшиться. Способъ этотъ—судъ Божій; но судьи не согласились назначить тотъ видъ суда Божія, о которомъ просили стороны, пытку, и выбрали другой болѣе мягкій видъ—присягу. Столѣтіемъ раньше въ качествѣ такого способа былъ бы назначенъ судебный поединокъ, къ XVII в. вышедшій уже изъ употребленія. Такимъ образомъ судья не рѣшилъ дѣла, а только указалъ способъ рѣшенія. Рѣшеніе судебнаго спора по существу выходило за предѣлы компетенціи не только земскаго, но и вообще земного судьи и все еще предоставлялось суду Божію; состязательный процессъ еще и въ XVII в., въ тѣхъ его, по крайней мѣрѣ, случаяхъ, когда стороны не

[1]) Стоглавъ, 41.

могли представить достаточныхъ доказательствъ, продолжалъ хранить свои первобытныя черты; судоговореніе, которое въ немъ появилось, имѣло цѣлью не столько выяснить судьѣ, на чьей сторонѣ право, сколько установить и обозначить самый предметъ спора. Рѣшеніе самаго вопроса о правѣ съ судоговореніемъ не было логически связано, не вытекало изъ него, какъ необходимое заключеніе; оно давалось судомъ Божіимъ, къ которому судоговореніе было только словесной прелюдіей. Настоящимъ, дѣйствительнымъ *судомъ* и былъ тотъ актъ, черезъ посредство котораго судъ Божій проявлялся: въ глубокой древности — ордаліи, въ XIV—XVI вѣкахъ— „поле“, судебный поединокъ, въ XVII—присяга и жребій.

Но земскіе судейки XVII вѣка очень нерѣдко воздерживались отъ произнесенія самостоятельнаго приговора, даже и такого, который не рѣшалъ дѣла по существу, безъ доклада въ высшую инстанцію; поэтому докладъ былъ самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ волостныхъ судахъ. Изъ того, что правительство предписывало не переносить къ докладу тѣхъ дѣлъ, которыя могли рѣшить сами судьи, можно заключить, что послѣдніе злоупотребляли докладомъ и переносили дѣла, не превышавшія ихъ компетенціи, и не представлявшія вообще затрудненій для рѣшенія, такія, которыя имъ самимъ „вершить было мочно“. Докладъ въ высшую инстанцію приводилъ къ одному изъ двухъ результатовъ. Высшая инстанція, разсмотрѣвъ сдѣланное производство и иногда пересмотрѣвъ все дѣло, или сама постановляла приговоръ, или давала судьѣ указаніе, какъ рѣшить дѣло. Такимъ образомъ, въ первомъ случаѣ, когда приговоръ постановлялся въ высшей инстанціи, дѣятельность земскаго судейки имѣла подготовительный характеръ къ этому приговору. Во второмъ—высшая инстанція руководила судьею въ постановкѣ приговора. Вотъ для примѣра приговоръ волостного суда, вынесенный по указанію высшей инстанціи, приказа, куда дѣло восходило въ докладъ, и откуда „судный списокъ“ вернулся уже какъ „*подписной* судный списокъ“, т. е. съ помѣтою на немъ дьяка, давшаго руководящія указанія. Споръ шелъ между крестьянами Пежемской Устьянской волости, истцами Евсеемъ Михайловымъ и Максимомъ Антоновымъ и отвѣтчиками Савкой Тимоѳеевымъ и Первушкой Елизарьевымъ о пахотной землѣ и покосахъ, объ убыткахъ отъ завладѣнія и о грабежѣ. 26 января 1624 г. пежемскій волостной судъ, состоявшій изъ судьи, цѣловальника и четырехъ „добрыхъ людей“, „по судному докладному по подписному списку“ опредѣлилъ въ землѣ и въ убыткахъ истцовъ оправить, а отвѣтчиковъ обвинить, потому что въ этихъ вопросахъ право истцовъ было ясно доказано свидѣтелями и документами. Вопросъ же о грабежѣ въ размѣрѣ 2 рублей 28 алтынъ 3 денегъ судъ опредѣлилъ рѣшить крестнымъ цѣлованіемъ истцовъ съ обычнымъ при немъ обрядомъ положенія подъ крестъ исковой суммы [1]).

---

[1]) Пр. Д. 1641 № 10. „А въ грабежѣ..... дати вѣру крестное цѣлованіе, отвѣтчикомъ крестъ ставить, а подъ крестъ класть 2 р. 28 алт. 3 д. и истцомъ цѣловати“. Ср. Судебн. Ѳедора Іоанн. ст. 130.

Подведемъ итоги сказанному. Волостной судъ на сѣверѣ въ XVII в. въ однихъ мѣстахъ состоитъ только изъ выборныхъ судей, въ другихъ соединяетъ въ своемъ составѣ постоянный элементъ въ видѣ выборныхъ судей съ перемѣннымъ общественнымъ элементомъ, въ видѣ судныхъ мужей, входящихъ въ него только на одинъ процессъ и даже мѣняющихся въ разные моменты одного и того же процесса. Есть признаки участія самихъ сторонъ въ призывѣ этого общественнаго элемента на судъ, сообщающіе суду значеніе частнаго, третейскаго. Процессы, которые мы разсмотрѣли, даютъ намъ представленіе о компетенціи волостного суда, о тѣхъ дѣлахъ, которыя въ немъ разбирались. Все это тяжбы, отражающія на себѣ черты сѣвернаго сельскаго быта XVII вѣка. Здѣсь встрѣчаемъ споры о правѣ вещномъ и объ обязательствахъ, дѣла о пахотной землѣ и принадлежащихъ къ ней угодьяхъ, о складническихъ раздѣлахъ, о раздѣлахъ семейныхъ, о долговыхъ обязательствахъ, объ обязательствахъ между хозяевами и половниками, о семейныхъ раздѣлахъ по духовнымъ завѣщаніямъ и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ о завладѣніяхъ, о поврежденіяхъ чужой собственности, о грабежѣ и боѣ. Мы намѣтили далѣе начало, ходъ и завершеніе производившагося въ волостныхъ судахъ процесса, который, будучи состязательнымъ, воспринялъ уже нѣкоторыя черты слѣдственнаго, напр. провѣрку доказательствъ въ видѣ допросовъ и осмотровъ, имѣющихъ цѣлью выясненіе истины для судьи; но въ основныхъ чертахъ этотъ процессъ сохраняетъ еще характеръ древней судебной борьбы и завершается иногда судомъ Божіимъ. Затронувъ порядокъ доклада дѣлъ изъ волостного суда въ высшія инстанціи, мы подошли къ вопросу объ этихъ инстанціяхъ и объ отношеніи къ нимъ волостного суда. Къ этому предмету теперь и обратимся.

Глава X.

Судебная организація Поморья. Судебныя инстанціи.

Отношеніе къ волостному земскому суду высшихъ судебныхъ инстанцій и положеніе самого земскаго суда, какъ первой инстанціи, отличаются большою неопредѣленностью. Какія учрежденія и въ какой послѣдовательности имѣли значеніе высшихъ инстанцій для суда земскихъ судеекъ? Вопросъ этотъ яснѣе разрѣшается для той области, которая въ XVII в. пользовалась свободою отъ воеводскаго управленія, для Устьянскихъ волостей. Еще по уставной земской грамотѣ 1555 г. докладъ судебныхъ дѣлъ отъ устьянскихъ волостныхъ судеекъ, „въ чемъ будетъ имъ управити невозможно“, идетъ прямо въ Москву, куда направляется судный списокъ и присылаются тяжущіеся. Тотъ же порядокъ продолжаетъ дѣйствовать и въ XVII вѣкѣ. Между волостнымъ судомъ и приказомъ Устюжской четверти, которому были подвѣдомственны волости, нѣтъ никакой средней инстанціи, и дѣло изъ волостного суда переносится въ докладъ судьею или по жалобѣ сторонъ непосредственно въ четверть. Упомянутый выше[1]) циркуляръ Устюжской четверти по Устьянскимъ волостямъ отъ 30 іюля 1639 г., настаивая, чтобы волостные судейки сами рѣшали тѣ дѣла, которыя не выходятъ изъ ихъ компетенціи, предписываетъ большія спорныя дѣла, которыхъ волостнымъ судьямъ „вершить будетъ не умѣть“, присылать въ Москву въ четверть. Приведемъ факты. Въ апрѣлѣ 1639 г. передъ судомъ Соденской Устьянской волости С. Вировскій искалъ на М. И. Сухоносовѣ 26 рублей, взятыхъ послѣднимъ у него взаймы и 10 рублей съ полтиною убытковъ, причиненныхъ нерасплатою по займу въ срокъ. Отвѣтчикъ въ искомыхъ 26 рубляхъ повинился, представленной истцомъ записи не лживилъ, призналъ ее своею. Но потому ли, что онъ отказывался платить убытки, или почему либо иному, земскій судья съ товарищами, какъ гласитъ далѣе судебный протоколъ, „недогонулъ (?) въ томъ дѣлѣ указъ учинить въ волости, а срочилъ отвѣтчика М. Сухоносова къ Москвѣ въ Устюжскую четверть передъ государева дьяка Пантелѣя Чирикова“. Значитъ соденскій волостной судъ, затрудняясь рѣшить дѣло самъ, вноситъ его къ докладу въ Москву въ приказъ[2]). Къ докладу перенесено

[1]) Стр. 185.

[2]) Пр. Д. 1639 № 44.

было въ Москву изъ волостного суда Введенскаго Устьянскаго стана разсмотрѣнное нами выше дѣло попа Василія съ его складниками. Вотъ случаи другого рода переноса дѣлъ въ приказъ, переноса по жалобѣ стороны. Крестьянинъ Ефимъ Селиверстовъ, родомъ изъ Бѣлозерскаго уѣзда, но проживавшій въ Введенскомъ Устьянскомъ стану на работѣ по найму, подалъ жалобу въ волостной судъ на крестьянина деревни Жоховской И. Рыпакова въ бою и грабежѣ. Дѣло заключалось, какъ описывалъ истецъ, въ слѣдующемъ. Лѣтомъ 1626 г. въ Ильинъ день, когда истецъ проходилъ черезъ деревню Жоховскую, Исакъ Рыпаковъ съ зятемъ, выйдя изъ своего двора пьяные, привязались къ истцу, стали его „лаять всякими позорными лаями и хотѣли бить, невѣдомо за что. И я, сирота", продолжаетъ истецъ, „отъ него ушелъ. И тотъ Исакъ съ тѣмъ же своимъ зятемъ, сустигши меня, сироту твоего, на дорогѣ на Усть-Сенеги, били на смерть и ограбили, а грабежу взяли пять рублевъ денегъ, да крестъ серебрянъ—цѣна 10 алтынъ, да перстень серебрянъ—цѣна двѣ гривны, колпакъ подложенъ дорогами — цѣна полполтины, полотенце, шитое золотомъ и серебромъ и шолкомъ—цѣна 10 алтынъ, зипунъ сермяжный бѣлый—цѣна 20 алтынъ. И всего, государь, взяли грабежемъ живота моего на 6 рублей, на 26 алт., на 4 деньги. И отъ того, государь, бою я, сирота твой, лежалъ боленъ при смерти цѣлое лѣто, и которые, государь, моя братья работные люди въ тѣ поры работою своею добылися, а я, сирота твой всю дѣловую пору отъ того бою пролежалъ. И учинилось мнѣ въ томъ ихъ бою убытка четыре рубли" [1]). Такъ какъ судьи Введенскаго стана медлили разбирательствомъ, будучи, какъ истцу казалось, пристрастны къ отвѣтчику, то истецъ обратился въ Устюжскую четверть съ челобитьемъ о выдачѣ ему „зазывной" грамоты о вызовѣ отвѣтчика въ Москву къ суду самой четверти. Приказъ въ этомъ случаѣ всетаки обратилъ дѣло къ земскому суду, выдавъ челобитчику грамоту на имя земскаго судейки Введенскаго стана о производствѣ суда по этому дѣлу. Въ другихъ подобныхъ случаяхъ четверть производитъ судъ сама. Въ 139 (1630—31) г. въ Чадромской волости С. Т. Холзаковъ и Невѣжа Истоминъ искали передъ волостнымъ судомъ на грушѣ изъ четырехъ лицъ: Герасимѣ Михайловѣ, сынѣ его Вавилѣ, братѣ—Леонтьѣ Михайловѣ и на Я. С. Порошинѣ убытковъ, причиненныхъ насильственнымъ свозомъ сѣна. Отвѣтчики передъ земскимъ судейкою отвѣчать отказались, „просились къ Москвѣ". Тогда истецъ обратился съ исковой челобитной въ Москву, и судья перенесъ дѣло въ Устюжскую четверть, обязавъ явиться туда на Срѣтеньевъ день—срокъ, къ которому пріѣзжали въ Москву изъ Устьянскихъ волостей земскіе судейки съ собранными податями—одного изъ истцовъ и одного изъ отвѣтчиковъ. Въ этомъ случаѣ былъ, слѣдовательно, не пересмотръ суднаго списка по докладу волостного суда, а переносъ дѣла въ высшую инстанцію по жалобѣ истца, поданной послѣ отказа отвѣтчиковъ отвѣчать передъ земскимъ судьей [2]).

[1]) Пр. Д. 1627 № 65.
[2]) Пр. Д. 1633 № 50.

Порядокъ инстанцій опредѣлялся ясно также въ жалованной грамотѣ, данной еще Иваномъ Грознымъ волости Лузской Пермцѣ Сольвычегодскаго уѣзда и возобновленной царемъ Михаиломъ. По этой грамотѣ земскіе судейки Лузской Пермцы тѣ „судныя и сыскныя", т. е. разбираемыя судебнымъ и слѣдственнымъ порядкомъ дѣла, которыя имъ рѣшить было бы затруднительно, должны посылать къ докладу непосредственно въ Москву, минуя уѣздный правительственный центръ, „а къ Соли Вычегодской тѣхъ дѣлъ не посылати, чтобъ имъ въ томъ Вычегодскіе Соли отъ приказныхъ людей продажи и убытковъ не было"[1]). На дѣлѣ однако юрисдикція сольвычегодскихъ воеводъ распространялась въ XVII вѣкѣ и на Лузскую Пермцу[2]).

Какая послѣдовательность инстанцій установилась въ другихъ мѣстностяхъ Поморья, гдѣ дѣйствовала въ XVII вѣкѣ воеводская власть? Какой либо всеуѣздной земской выборной судебной инстанціи, наподобіе всеуѣздной административной инстанціи въ лицѣ всеуѣздныхъ земскихъ старостъ, нигдѣ не создалось. Тамъ, гдѣ уставныя земскія грамоты XVI вѣка учреждали всеуѣздную судебную власть, она предполагалась не какъ вторая, а какъ первая инстанція. Въ самомъ дѣлѣ Важская грамота 1552 г., вводившая для Важскаго уѣзда двѣ десятичленныя административно-судебныя коллегіи, Шенкурскую и Вельскую, разумѣла ихъ какъ первыя инстанціи въ мѣстности; второю, высшей инстанціей для нихъ долженъ былъ служить приказъ въ Москвѣ[3]). Двинская уставная грамота 1556 г. вводитъ всеуѣздную административно-судебную коллегію изъ двухъ излюбленныхъ судей, а по волостямъ предписываетъ выбрать не судебныхъ, а только полицейскихъ агентовъ въ лицѣ сотскихъ, которые должны задерживать преступниковъ и приводить ихъ на судъ къ всеуѣзднымъ выборнымъ судьямъ, такъ что всеуѣздный двинскій земскій судъ предполагается грамотой именно какъ судъ первой, а не второй инстанціи. Второю инстанціей для этого всеуѣзднаго суда былъ также приказъ въ Москвѣ. И на Вагѣ, и въ Двинскомъ уѣздѣ учрежденныя грамотами выборныя коллегіи унаслѣдовали судебную власть отъ намѣстниковъ и соотвѣтственно тому, какъ намѣстничій судъ былъ судомъ первой инстанціи для уѣзда, и судъ земскихъ коллегій сдѣлался судомъ первой инстанціи. Въ XVII в. въ обоихъ уѣздахъ дѣйствуетъ воеводская власть, появившаяся въ Двинскомъ еще съ

---

[1]) Чт. О. И. Др. 1907 кн. I, смѣсь.

[2]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 215.

[3]) Въ припискѣ, сдѣланной къ грамотѣ въ 1556 г., упоминаются въ Важскомъ уѣздѣ становые и волостные судейки. А. Э. I № 234, стр. 238: „И царь и великій князь Важскаго уѣзда *становымъ* и *волостнымъ* судьямъ по сей грамотѣ указалъ чинити" и т. д. Однако ничто не показываетъ, чтобы они были подчинены десятичленнымъ коллегіямъ, какъ судамъ высшей инстанціи. Можно думать, что коллегіи были судами первой инстанціи, только сравнительно съ волостными судейками надѣлены были болѣе обширной юрисдикціей, будучи снабжены еще губнымъ правомъ, котораго волостные судейки не имѣли.

80-хъ годовъ XVI столѣтія. Какъ отразилось ея введеніе на мѣстномъ судоустройствѣ? Въ Важскомъ уѣздѣ она заняла мѣсто обѣихъ коллегій, и шенкурской, и вельской, которыя съ тѣхъ поръ исчезаютъ. Но, унаслѣдовавъ юрисдикцію коллегій, важскіе воеводы вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли по отношенію къ волостнымъ судейкамъ значеніе высшей инстанціи, котораго коллегіи не имѣли. Въ Двинскомъ уѣздѣ, какъ припомнимъ, воевода въ концѣ XVI и въ самомъ началѣ XVII вѣка осуществляетъ свои судебныя функціи совмѣстно съ двинскими выборными судьями, т. е. съ старинной всеуѣздной административно-судебной коллегіей, установленной грамотой 1556 г. Воевода дѣлается какъ бы ея предсѣдателемъ. Но и такой порядокъ продолжался только до 1613 г., когда двинскій воевода Никита Пушкинъ „двинскимъ выборнымъ судьямъ земскимъ съ собою въ товарищахъ быть не велѣлъ“. Воеводская власть на Двинѣ въ судебныхъ дѣлахъ стала дѣйствовать единолично, а всеуѣздная коллегія двинскихъ излюбленныхъ головъ сохранила за собою административно-финансовую компетенцію; судебная ея власть была сокращена. Въ XVII вѣкѣ по волостямъ Двинскаго уѣзда наряду съ сотскими выбираются также и земскіе судейки спеціально для отправленія правосудія; они то и получаютъ значеніе первой инстанціи, отъ которой дѣла могутъ идти къ суду воеводы. Судебная же компетенція коллегіи излюбленныхъ головъ, вѣроятно, ограничивалась территоріей Холмогоръ и тѣхъ посадовъ, которыхъ нѣсколько было въ Двинскомъ уѣздѣ. Подъ предсѣдательствомъ осаднаго головы коллегія дѣйствовала въ Холмогорахъ въ лѣтніе мѣсяцы, на которые воеводы перебирались въ Архангельскъ[1]).

Въ другихъ уѣздахъ, гдѣ встрѣчаются всеуѣздныя власти: Устюжскомъ, Сольвычегодскомъ и Тотемскомъ, онѣ имѣли только административно-финансовое, а не судебное значеніе. Всеуѣздные старосты были сборщиками нѣкоторыхъ видовъ тягла.

Итакъ, въ Поморьѣ XVII в. надъ земскими *волостными* судами не было земскихъ же *всеуѣздныхъ* судовъ. Значеніе всеуѣзднаго судебнаго трибунала здѣсь получила воеводская власть, занявшая мѣсто между органами земскаго самоуправленія и московскими приказами. Разъ это такъ, казалось бы, что судъ воеводы долженъ былъ быть судомъ средней инстанціи между волостнымъ земскимъ судомъ и московскимъ приказомъ, и что судебный строй Поморья долженъ былъ сложиться изъ трехъ восходящихъ ступеней: волостного судейки, воеводы и приказа. На дѣлѣ такой строгой іерархіи этихъ ступеней мы не замѣчаемъ. Между воеводой и приказомъ въ судебномъ ихъ значеніи нѣтъ точно установленныхъ и опредѣленныхъ отношеній; эти отношенія какъ-то шатки и случайны. Дѣло идетъ отъ волостного судьи то къ воеводѣ, то непосредственно въ приказъ, и рѣшительно невозможно замѣтить, чтобы на выборъ высшей инстанціи вліяли какія либо опредѣленныя правила или, по крайней мѣрѣ, обычаи. Дѣло направляется, повидимому, соображеніями или вліяніями до-

[1]) I, 16.

вольно случайными. Вотъ процессъ, въ которомъ воевода вступилъ въ качествѣ высшей инстанціи въ дѣло, разбиравшееся въ волостномъ судѣ. Крестьянинъ Толшемской волости Тотемскаго уѣзда Томило Нехаевъ обвинялъ передъ волостнымъ судьею крестьянъ Ш. Шешукова, А. Богданова и Н. Романова съ ихъ дѣтьми и братьями въ завладѣніи принадлежавшимъ ему наволокомъ Анфилофьевымъ. Отвѣтчики оказали судьѣ сопротивленіе, отказались представить документъ, на которомъ основывали свое право, данную тотемскаго писца Фоки Дурова. Истецъ возобновилъ искъ передъ новымъ судьею, смѣнившимъ перваго, но такъ же безрезультатно. Тогда истецъ подалъ жалобу воеводѣ, который вытребовалъ одного изъ отвѣтчиковъ, какъ представителя ихъ группы, произвелъ ему допросъ и посадилъ въ тюрьму, такъ какъ и воеводѣ онъ оказалъ сопротивленіе, не соглашался предъявить данной. Только прибѣгнувъ къ такой мѣрѣ, воевода смогъ отобрать этотъ документъ у отвѣтчика и произвести его осмотръ. Въ немъ оказалась интерполяція между строкъ. Внеся этимъ осмотромъ необходимую поправку въ процессъ, воевода предписалъ земскому судейкѣ дать судъ истцу съ отвѣтчикомъ обыкновеннымъ порядкомъ, о чемъ и положилъ резолюцію на челобитной истца. Воевода дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, какъ высшая инстанція, исправляющая ходъ процесса и дающая указаніе низшей, какъ рѣшить дѣло [1]).

Вотъ другой процессъ, показывающій неопредѣленность въ отношеніяхъ воеводы и приказа, какъ высшихъ инстанцій надъ земскимъ волостнымъ судомъ. Осенью 1629 г. земскому судейкѣ Никольскаго прихода Вилегодской волости Сольвычегодскаго уѣзда подалъ челобитную Богданъ Саранцынъ на двоюроднаго своего брата Семена Саранцына. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. Когда Богданъ былъ посаженъ въ тюрьму на никольскомъ погостѣ за неуплату занятыхъ имъ у кого-то по кабалѣ 11 рублей, Семенъ высвободилъ его изъ заключенія, взявъ его на поруки въ уплатѣ этихъ денегъ. Поручительство было однако дано не изъ однихъ родственныхъ чувствъ; оно покупалось довольно дорогою цѣною. Богданъ принужденъ былъ передать Семену на время поруки не только документы на свои земельные участки: купчія и закладныя, но и самыя земли. Наконецъ, ему удалось расплатиться по кабалѣ; порука такимъ образомъ кончилась. Однако Семенъ не отдавалъ ни бумагъ, ни деревень, которыя онъ по словамъ истца во время своего пользованія ими запустошилъ и огноилъ. Истецъ искалъ на отвѣтчикѣ документовъ, деревень и причиненныхъ ихъ задержаніемъ убытковъ на сумму 45 руб. 25 алтынъ.

Отвѣтчикъ на судъ волостного судейки лично не явился. Передъ судьей предсталъ поручившійся за него въ явкѣ на судъ при вызовѣ половникъ его Григорій Ивановъ. Истецъ обратился къ суду съ рѣчью: „Господине судья! Тотъ Семенъ Саранцынъ владѣетъ деревнями моими сильно, невѣдомо почему, а хлѣбъ и сѣно съ нихъ снимаетъ и записывать не далъ, а нынѣ, испромысля хлѣбомъ, избѣгаетъ и, узнавъ онъ свою вину,

[1]) Пр. Д. 1631 № 56.

на станъ на никольскій по челобитной моей противъ меня къ отвѣту не ставаетъ. И язъ въ томъ загиблъ и задолжалъ, и убытки мнѣ отъ него чинятся великіе. Какъ язъ на него... челобитную подалъ, волочуся по четвертой недѣлѣ. А онъ далъ по себѣ поруку, а не ставаетъ, потому что владѣетъ деревнями моими безъ путей, чтобы ему нынѣ хлѣбомъ и сѣнами испромышлять". Такъ какъ отвѣтственность за неявку падала на поручителя, то послѣдній попросилъ у суда пристава, чтобы сходить за Семеномъ въ его деревню и привести его на никольскій станъ въ судную избу. Привести отвѣтчика однако не удалось. На слѣдующее засѣданіе 13 сентября не явились ни отвѣтчикъ, ни его поручитель. Посланный отвѣтчикомъ приставъ доложилъ суду, что по приказу суда онъ ходилъ въ Саранскую деревню по отвѣтчика по Семена Саранцына и нашелъ его на гумнѣ, рожь вѣетъ; что, захвативъ съ собою понятыхъ, онъ потребовалъ у Семена представленія поруки въ явкѣ на никольскій станъ въ судъ. „И тотъ Семейка", продолжалъ приставъ, „поруки по собѣ не далъ и отъ меня пристава отбился, учинился силенъ и сказалъ: поруку де язъ по себѣ дамъ къ Соли Вычегодской *стать передъ воеводою и подьячимъ въ съѣзжей избѣ* противъ того Богдашки къ отвѣту, а на станъ де на никольскій поруки по мнѣ нѣтъ". Значитъ, отвѣтчикъ почему то не желалъ выступать передъ волостнымъ судомъ, но непрочь былъ судиться по тому же дѣлу у воеводы. Приставъ попробовалъ захватить его и привести силой, но онъ оказалъ сопротивленіе. „И язъ де за него примался и во вторые, хотѣлъ его изымавъ и на станъ вести передъ васъ, судей. И тотъ де Семейка, выхватя у собя изъ ноженъ ножъ, да учалъ меня, пристава, махать ножемъ, хотѣлъ было зарѣзать, только бы де не понятой подхватилъ, и онъ бы де меня зарѣзалъ". 15 ноября судъ допросилъ по этому дѣлу бывшихъ съ приставомъ понятыхъ, которые подтвердили его показаніе. Тогда же состоялось и любопытное опредѣленіе суда: „и земскій судейка съ товарыщи сего неотвѣтнаго суднаго списка приговорити недогонули и реклися доложить *передъ государевыхъ приказныхъ бояръ и воеводъ въ Москвѣ или къ Соли Вычегодской*". Итакъ волостной судъ, затрудняясь самъ вынести рѣшеніе по процессу, въ которомъ отвѣтчикъ не явился—по неотвѣтному судному списку,—постановилъ взнести дѣло къ докладу или въ ту, или въ другую изъ высшихъ инстанцій, въ приказъ въ Москву или къ воеводѣ въ Сольвычегодскъ. Для судей это было безразлично; выборъ инстанцій въ разбираемомъ случаѣ, повидимому, зависѣлъ отъ сторонъ. Отвѣтчикъ уже высказалъ приставу свое желаніе стать къ суду воеводы и вновь подтвердилъ его суду въ томъ же засѣданіи 15 ноября черезъ своего поручителя, опять пришедшаго на этотъ разъ въ судъ. Но истецъ просилъ судей направить дѣло къ докладу въ Москву въ Устюжскую четверть, мотивируя просьбу тѣмъ, что въ приказѣ хранятся писцовыя книги послѣдней переписи И. С. Благово и подьячаго В. Архипова, по которымъ предстоитъ навести необходимыя справки. Въ выборѣ инстанцій стороны рѣшительно столкнулись и не уступали другъ другу. Истецъ настаивалъ на докладѣ въ Москву, отказываясь являться

къ воеводѣ; поручитель отвѣтчика, очевидно по его уполномочію, требовалъ переноса дѣла къ воеводѣ. Тогда отвѣтчикъ самъ обратился къ воеводѣ съ челобитной, и черезъ недѣлю послѣ засѣданія 15 ноября въ волости была получена изъ сольвычегодской съѣзжей избы наказная память съ предписаніемъ прислать судный списокъ въ Сольвычегодскъ. Но истецъ и въ этотъ моментъ отказался выдать по себѣ поручную запись о явкѣ на судъ воеводы, вновь заявивъ о своей готовности стать къ суду въ Устюжской четверти. Ясно изъ приведеннаго случая, что ни у судей, ни у тягавшихся сторонъ не было никакого представленія объ іерархической послѣдовательности между воеводой и приказомъ, какъ судебными инстанціями [1]).

Но не меньшую неопредѣленность видимъ и въ значеніи первой инстанціи. Мы склонны были бы ожидать, что по дѣламъ, подсуднымъ волостному земскому суду, не выходящимъ за предѣлы его компетенціи, этотъ судъ и будетъ выступать въ качествѣ первой инстанціи, въ которой такія дѣла должны будутъ начинаться, и что уже отсюда они будутъ восходить къ воеводѣ или въ приказъ по докладу судьи или по жалобѣ сторонъ. Но мы должны вообще совершенно отрѣшиться отъ прочно установившагося у насъ представленія о порядкѣ судебныхъ инстанцій, когда рѣчь идетъ о судѣ XVII вѣка. Оказывается, что и воевода, и даже приказъ могли выступать въ качествѣ первой инстанціи по дѣламъ, вполнѣ подсуднымъ волостному суду. Стоило только истцу подать жалобу не въ волостной судъ, а воеводѣ, воевода принималъ ее и начиналъ разбирательство, не возвращая дѣла въ волость. Такъ же поступали и въ приказѣ. И волостной судъ, и воевода, и приказъ одинаково, по совершенно тождественнымъ дѣламъ выступали въ качествѣ судовъ первой инстанціи, и дѣло попадало въ одинъ изъ нихъ не по какимъ либо установленнымъ и постояннымъ, общимъ для всѣхъ однородныхъ случаевъ нормамъ, а по индивидуальнымъ, каждый разъ особеннымъ соображеніямъ, для насъ теперь неуловимымъ и неподдающимся никакому обобщенію. Возможно, что при томъ или другомъ направленіи дѣла въ отдѣльныхъ случаяхъ принимались во вниманіе отношенія къ составу волостного суда, мѣстныя дружбы и вражды, не позволявшія ожидать отъ этого суда безпристрастія, связи въ воеводской канцеляріи, разсчетъ на протекцію въ приказѣ, необходимость отправиться въ уѣздный городъ или въ столицу по торговымъ или другимъ какимъ либо дѣламъ и удобство соединить съ такой поѣздкой и веденіе процесса, можетъ быть особенный разсчетъ выиграть дѣло вслѣдствіе неявки противника или, по крайней мѣрѣ, умыселъ отягчить для него процессъ дорогой, хлопотливой и непріятной поѣздкой въ уѣздъ или въ Москву по зазывной грамотѣ. Существовалъ тогда въ сѣверныхъ мірахъ даже особый прочно сложившійся типъ „ябедника“, изводившаго и разорявшаго своихъ противниковъ частыми и неосновательными вызовами въ столицу на судъ въ приказѣ, отъ которыхъ тѣ должны были откупаться большими

[1]) Пр. Д. 1630 № 77.

суммами. Словомъ, процессъ по дѣлу, вполнѣ подсудному волостному судьѣ, могъ быть начатъ въ одномъ изъ трехъ трибуналовъ.

Приведемъ наглядные примѣры. Крестьянинъ Вещеозерской волости Чаронской округи Иванъ Харитоновъ предъявилъ искъ о покраденыхъ животахъ къ крестьянину той же волости С. Поздѣеву прямо у чаронскаго воеводы. Предъявленіе этого иска случилось въ то самое время, какъ С. Поздѣевъ призывалъ къ себѣ въ деревню сотскаго составить протоколъ о кражѣ у него изъ житницы 50 руб. денегъ и нѣсколькихъ косяковъ свиного мяса, въ которой онъ подозрѣвалъ Иванова отца Харитона. Процессъ объ этой кражѣ онъ началъ непосредственно въ Устюжской четверти. Такимъ образомъ и тотъ, и другой истцы почему то обошли своего волостного земскаго судью[1]). Въ 1637 г. въ началѣ іюля въ Ротковской волости той же округи крестьяне деревни Подрянинской С. и М. Анофріевы да Ѳ. Гусевъ отгородили насильственно часть земли, принадлежавшей крестьянину деревни Гавриловской Василію Григорьеву. Василій подалъ земскому судейкѣ просьбу объ осмотрѣ, который и былъ судьею произведенъ. Заручившись протоколомъ осмотра, потерпѣвшій подалъ челобитную чаронскому воеводѣ А. Просовецкому, передъ которымъ „искалъ судомъ“ своей земли на отвѣтчикахъ. Воевода истца оправилъ, а отвѣтчиковъ обвинилъ и выдалъ истцу „наказную отводную память“, предписаніе земскому судейкѣ объ исполненіи приговора, т. е. объ отводѣ истцу присужденнаго ему спорнаго участка. Въ этомъ случаѣ, какъ видимъ, поземельная тяжба, вполнѣ подсудная земскому суду, начата была истцомъ у воеводы, который ее и разбиралъ, а земскій судья выступилъ только въ роли второстепеннаго полицейскаго агента, производящаго предварительное дознаніе и затѣмъ исполняющаго приговоръ воеводы[2]).

Лѣтомъ 1650 г. въ среду 10 іюля вечеромъ въ Колнобойской волости той же округи распространился слухъ о появленіи за рѣкою въ лѣсу разбойниковъ. Крестьяне многихъ деревень „для разбойнаго сполоху“ скрылись съ имуществомъ въ лѣсу. И попъ Порфирій Ѳоминъ также вынесъ коробью съ имуществомъ на поскотину и спряталъ въ лѣсу, откуда ее украли. Въ коробьѣ было „кузни, серегъ, перстней, платья и полотенъ, всего на 14 р. 2 алт. 2 д.“ Обнаруживъ кражу, попъ призвалъ земскаго судью и пятидесятскаго и съ понятыми людьми повелъ ихъ по слѣду, направлявшемуся отъ мѣста покражи къ деревнѣ Погорѣльской, жители которой Баженъ Игнатьевъ и Иванъ Тихоновъ, какъ жаловался потерпѣвшій, „слѣду сочить на свою землю не попустили и отъ слѣду отказали“. По статьѣ Русской Правды объ отвѣтственности за кражу того села, которое не отсочитъ отъ себя слѣда, они и должны были платить татьбу и продажу. Попъ подалъ челобитную воеводѣ, который вызвалъ обоихъ подозрѣваемыхъ. Изъ нихъ явился одинъ только И. Тихоновъ, но въ отказѣ отъ слѣда отперся. Воевода далъ ему очную ставку съ пятидесятскимъ,

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 36.
[2]) Пр. Д. 1653 № 64.

представившимъ „слѣдовую запись“, т. е. протоколъ о гоненіи слѣда, и съ понятыми, подтвердившими жалобу истца. Затѣмъ истецъ почему то обратился въ Устюжскую четверть съ просьбой о зазывной грамотѣ на отвѣтчиковъ, которая и была ему выдана 8 янв. 1651 г. Въ этомъ случаѣ земскій судейка былъ опять не болѣе, какъ полицейскимъ агентомъ. Судъ начался у воеводы, но затѣмъ истецъ перенесъ его въ приказъ[1]).

Въ Стрѣлицкой волости Тотемскаго уѣзда въ 1636 г. послѣ Петрова дня въ пятницу, когда Завьялъ Ѳедоровъ сталъ рубить въ своей поскотинѣ полевой лѣсъ въ подсѣку, появился на поскотину имѣвшій, очевидно, претензію на разчищаемую землю Ѳедоръ Яковлевъ съ третьими лицами, которымъ онъ сдѣлалъ „извѣтъ“, т. е. предварительное заявленіе о рубкѣ лѣса съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи сослаться на нихъ на судѣ. Затѣмъ онъ подалъ жалобу на захватъ Завьяломъ поскотины воеводѣ. Воевода, не произведя „ни суда, ни обыска“, выдалъ челобитчику „отводную память“ на спорный участокъ къ земскимъ судьямъ, которые тотчасъ же исполнили воеводскій приказъ по родству съ Ѳедоромъ, потому что были ему родъ и племя, какъ утверждалъ его противникъ. Тогда съ своей стороны Завьялъ подалъ въ Устюжскую четверть о выдачѣ ему зазывной грамоты на Ѳедора и возбудилъ противъ него въ приказѣ искъ объ убыткахъ въ 54 рубля съ полтиною, причиненныхъ ему исполненіемъ воеводскаго приговора. На челобитной дьякъ 3 марта 1637 г. положилъ обычную въ такихъ случаяхъ резолюцію: „дать грамота, а велѣть за порукою къ отвѣту прислать къ Москвѣ“. Такимъ образомъ обѣ стороны выступили въ этомъ конфликтѣ истцами и обѣ обошли земскую юстицію. Ѳедоръ, „не подымая земскаго суда“, какъ съ упрекомъ писалъ о его поступкѣ противникъ, обратился непосредственно къ воеводѣ, который, примѣнивъ какое-то очень суммарное производство, выдалъ ему отводную на землю, а Завьялъ обратился за судомъ непосредственно въ Устюжскую четверть, въ свою очередь не подымая земскаго суда и минуя также и воеводу. Къ земскому суду онъ не прибѣгалъ частію, вѣроятно, потому, что этотъ судъ былъ связанъ воеводскимъ распоряженіемъ, а частію, можетъ быть, потому, что земскіе судьи слишкомъ явно „норовили“ противной сторонѣ; воеводу же миновалъ, какъ принявшаго въ спорѣ рѣшеніе не въ его пользу. Завьялъ, подавая челобитную въ приказъ, не апелировалъ отъ воеводы въ четверть, такъ какъ суда у воеводы не было; онъ обращался туда, какъ въ судъ первой инстанціи, не надѣясь добиться правды въ судахъ волостномъ и уѣздномъ[2]).

При обращеніи непосредственно въ приказъ челобитчики не стѣснялись небольшими размѣрами исковой суммы. Крестьянинъ деревни Медвѣдевой волости Старой Тотьмы Никита Ѳоминскій обратился въ Устюжскую четверть съ жалобой на своихъ сосѣдей Ивана Левзинова и Степана Коробицына. „Въ прошломъ, государь, во 157 (1549 г.) іюля въ 21 д.“, пишетъ онъ въ челобитной, „былъ мой Микиткинъ меринъ саврасъ на пожнѣ у

[1]) Пр. Д. 1650 № 81.
[2]) Пр. Д. 1636 № 27.

стану на ужищѣ (веревкѣ) привязанъ къ колу. И они, Иванъ да Степанъ, шли съ своего стану на нашъ станъ и коней они нарочно пужали, и отъ того ихъ пужанья мой Микиткинъ меринъ тѣмъ ужищемъ горло у себя передавилъ, и съ того удаву въ тотъ день и умеръ. А цѣна, государь, моему мерину девять рублевъ. И мнѣ сиротѣ пашни было пахать не на чемъ, и мнѣ въ той деревенской недопашкѣ и въ хлѣбномъ недосѣвѣ убытку учинилось 6 руб. денегъ, да московскіе издержки и проѣсти, и волокиты учинилось 3 руб. съ полтиной". Челобитчикъ просилъ о выдачѣ ему зазывной грамоты по отвѣтчиковъ, съ тѣмъ, чтобы поставить ихъ за порукою къ отвѣту въ Москвѣ въ Устюжской четверти[1]). Просьба его была уважена.

Можно замѣтить, что земскому суду неподсудны были дѣла съ политическимъ отгѣнкомъ, а также дѣла, касавшіяся религіи; тѣ и другія передавались волостными судами воеводамъ. Но и воеводы не рѣшали ихъ сами и обыкновенно обращались за рѣшеніемъ въ Москву. Въ іюнѣ 1632 г. земскій судейка волости Шалги Большой Чарондской округи былъ приглашенъ въ деревню Карчичеву слободку произвести земельный раздѣлъ между Евдокимомъ Тимоѳеевымъ и Дмитріемъ Дороѳеевымъ. Пріѣхавъ въ деревню, судья просилъ Евдокима найти понятыхъ для присутствія при актѣ раздѣла, и онъ представилъ двухъ крестьянъ той же волости. Перваго изъ этихъ понятыхъ, Алешку Михайлова, Дмитрій Дороѳеевъ допустить въ качествѣ понятого согласился, „полюбилъ", а противъ второго, Панки Еремеева, заявилъ отводъ, сказавъ: „мнѣ де Панка къ той земляной мѣрѣ нелюбъ, потому что де того Панку Шалги Большіе крестьянинъ называлъ государевымъ измѣнникомъ". Эти слова были занесены въ протоколъ, который былъ земскимъ судьею немедленно отосланъ къ воеводѣ; туда же были отправлены и оказавшіяся прикосновенными къ дѣлу лица: Панка Еремеевъ, Дмитрій Дороѳеевъ и то лицо, отъ котораго послѣдній слышалъ объ измѣнѣ Панки—крестьянинъ Давидъ Михайловъ. Произведя имъ распросъ, воевода препроводилъ распросныя рѣчи въ Москву, откуда пришла резолюція: „велѣть того мужика Митку Дороѳеева бить батоги нещадно за то, что онъ государево слово затѣялъ на того Панку напрасно[2])". Вотъ случай, гдѣ дѣло шло о преступленіи религіознаго характера, „вѣдовствѣ"; оно разслѣдовалось въ съѣзжей избѣ, причемъ былъ приведенъ въ дѣйствіе механизмъ слѣдственнаго процесса съ очной ставкой и пыткой. 4 декабря 1631 г. устюжскому воеводѣ Дм. Львову крестьянинъ Бѣлослудскаго стана Аѳонка Шиловъ подалъ извѣтную челобитную, доносъ, на крестьянина того же стана Тимошку Кузьмина прозвищемъ Полоха, обвиняя его въ вѣдовствѣ. Воевода тотчасъ же послалъ въ станъ приставовъ съ предписаніемъ обвиняемаго захватить и привезти въ Устюгъ, а имущество его опечатать. Приведенный въ съѣзжую избу Тимошка былъ подвергнутъ допросу, на которомъ отрицалъ возводимое на него обвиненіе, заявляя, что никакого вѣдовства онъ не знаетъ. Тогда ему была дана очная

[1]) Пр. Д. 1653 № 61, л. 30—32.
[2]) Пр. Д. 1630 № 30.

ставка съ доносчикомъ, и послѣдній представилъ найденныя у Тимошки вѣдовскія письма. Обвиняемый былъ подвергнутъ пыткѣ и съ пытки признался, что письма—его руки, что писалъ онъ ихъ еще въ молодости, что научилъ его прохожій мужикъ, а какъ зовутъ мужика, не знаетъ и что никакого иного вѣдовства за нимъ нѣтъ. Эти показанія и письма[1]) были отосланы воеводою въ Москву въ приказъ. Но и Устюжская четверть не рѣшилась постановить приговора. Дѣло докладывалось самому государю 7 марта 1632 г.; государь указалъ „того мужика бить нещадно и, бивъ кнутомъ, дать на крѣпкія поруки, что ему впередъ никакимъ дурномъ и приговоромъ не промышлять“[2]). Осенью 1651 г. вятскому воеводѣ Ив. Соковнину былъ поданъ кабацкими старостами „извѣтъ“, т. е. доносъ, что передъ казеннымъ кабацкимъ погребомъ нѣкій каринскій вотякъ Андрюшка Бырдычевъ „поругался иконѣ, Спасову образу“, ударилъ образъ рукою. Воевода произвелъ допросъ виновному, который объяснилъ, что такое поруганье иконы онъ учинилъ въ пьяномъ видѣ и при этомъ, предвидя ужасныя послѣдствія своего поступка, подалъ воеводѣ челобитную о разрѣшеніи ему креститься, надѣясь, конечно, крещеніемъ избавиться отъ ожидавшей его кары. Воевода отправилъ о происшествіи отписку въ Москву. 18 сентября въ отвѣтъ на эту отписку была послана изъ приказа грамота къ воеводѣ съ предписаніемъ вотяка

---

[1]) Список с Тимошкина письма Полохова. Господи Боже бласловетче во имя Отца и Сына, и Святого Духа святый Труфанъ залучает с рѣк и съ озер, и с мел мя руженъ (sic) и тотъ же святый Труфанъ залучает ко мнѣ к рабу Божію имяреку мрку сыну со всехъ четырех сторон всякую утку к моим ко святым пленкамъ. У моихъ у святых пленок естьва сахарная, на моихъ кругах на мой выр (sic) питье медвяное и исти до сыта, и пити до пьянае (sic) земля всякому человѣку отецъ и мати, землею ся подопру, а небомъ ся отгорожу, зорею ся подпояшу красным сонцемъ от ведунъ одежуся от вѣдунов и от вѣдуньи отъ всяково конново волхва и ото всяково волхвина от белово, и от черново, от черньца и от черницы, от дѣвки головочески, от лихіе крови и от завидости.

Список же с Тимошкина письма Полохова. Сили же Боже бласловече во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Есть море акиян, на том море акияне стоит бѣл камень, на том белом каменѣ седит святый Власей на золотѣ стуле, держитъ золото блюдо, на блюде золоты ножицы держит святый Власей свои кормилицы. И тот же святый Власей постригает уроки и призоры, лихую порчу и белово, и черново, и красново, и рыжево, и черново отрока и отроковицы, и девки головочески, от черница и от черницы, и отъ лихіе крови. Есть святое море акиянъ, на томъ море акиянѣ стоитъ гора осионская, на той горе осионской стоит церковь святый Власей, и приходитъ Марья царица дѣвица и молитца, и покланяетца, и говорит Марья царица: осударь святый Власей и дай мнѣ царицѣ Марьи молока и густые сметаны, и красново масла на завтрак, и на обед, и на паужину, и на ужину по всякой день, по всякой час и по всякое время и на молоду, и на ветху, и на всякомъ мисяце и во весь годъ съ вѣликово четверга и до великово четверга.

[2]) Пр. Д. 1631 № 30, л. 165—168.

пытать, „для чего онъ и какимъ обычаи иконѣ Спасова образа наруганіе учинилъ, и съ кѣмъ онъ о томъ мыслилъ или кто его научилъ, и за что онъ ругался, и какъ смѣлъ дерзнути“. Воевода 26 декабря прислалъ показанія вотяка, „пыточныя рѣчи“, въ которыхъ тотъ повторялъ прежнее, что учинилъ поруганіе „съ пьяна, пьянственнымъ дѣломъ“, и что никто съ нимъ въ умыслѣ не былъ. Несчастный томился въ тюрьмѣ до весны. 22 февраля въ приказѣ вспомнили о его дѣлѣ и, справившись съ ст. 1 первой главы Соборнаго Уложенія, постановили „того вотяка за то его злое воровство сжечь“. 8 марта была отправлена на Вятку грамота, предписывавшая воеводѣ во исполненіе этой резолюціи послѣ великаго поста и свѣтлой недѣли въ торговый день собрать вятчанъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ и вотяковъ, и басурмановъ, чтобъ было людно, и при тѣхъ инородцахъ тому каринскому вотяку Андрюшкѣ за то его злое воровство сказать смертную казнь, а сказавъ велѣть его казнить смертью, сжечь [1]). Такимъ образомъ воевода въ этихъ случаяхъ не ведетъ процесса, а совершаетъ только исполнительныя дѣйствія, руководимый приказомъ.

Неподсудны были волостному земскому суду и дѣла объ убійствѣ. По нимъ земскіе судьи совершаютъ только разнаго рода предварительныя и вспомогательныя дѣйствія, необходимыя для суда: осмотры, опросы, отдачи на поруки и т. п.; самое же разбирательство производится воеводами въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ они были. Но и воеводы не вершили обыкновенно такихъ дѣлъ самостоятельно безъ сношеній съ приказомъ. Остановимся для иллюстраціи этого положенія на нѣсколькихъ конкретныхъ случаяхъ, любопытныхъ не только по чисто юридическимъ, но и по тѣмъ бытовымъ подробностямъ, которыя въ нихъ открываются, и опишемъ ихъ, по возможности близко держась текста памятниковъ, живо иногда рисующихъ обстановку, въ какой происходило дѣло.

Въ 1623 г. въ Устюжскомъ уѣздѣ въ Комарицкомъ стану Верхнемъ концѣ нѣкій Тренка Ушаковъ убилъ ямского старосту Ивана Дерягина. Съ заявленіемъ объ убійствѣ и съ просьбой о дознаніи, „о сыску“, отецъ убитаго обратился къ мѣстнымъ земскимъ властямъ, земскому судейкѣ и старостѣ судецкому. На произведенномъ ими дознаніи очевидецъ происшествія Ефимъ Косогоровъ сказалъ: „шелъ де я, Ефимко, дорогою съ Никольскаго погоста, и по конецъ де погостскаго никольскаго поля убилъ тотъ Тренка того старосту Ивана до смерти, да и меня тотъ Тренка хотѣлъ убить, что я, Ефимко, осмотрилъ (т. е. былъ очевидцемъ). И онъ де меня заклялъ комарицкимъ Николою и не велѣлъ мнѣ никому такого лихого дѣла сказывать: язъ де и тебя такъ же убью“. Произведя допросъ, судья со старостой написали „погонную память“, т. е. приказъ о преслѣдованіи и поимкѣ убійцы; но самое преслѣдованіе производится уже не властями, а частными лицами „погонщиками“, которымъ и выдана была погонная память. Убійцу удалось поймать и привести на станъ на Комарицу къ Николѣ Чудотворцу; а затѣмъ въ рѣкѣ Двинѣ подъ николь-

[1]) Пр. Д. 1651 № 58.

скимъ погостомъ отыскали и тѣло убитаго, оказавшееся съ отшибленною головою. И убійцу, и мертвое тѣло комарицкія судебныя власти: судья и староста отвезли на Устюгъ къ воеводѣ Ѳ. Боборыкину, которымъ и начатъ былъ слѣдственный процессъ [1]).

15 Марта 1632 г. крестьянинъ Царевской волости Тотемскаго уѣзда Дружина Шиховъ явился къ земскому волостному судейкѣ и позвалъ его къ себѣ въ деревню Павлецово „досматривать снохи его Дружинкины, Аленки, а сказалъ, что де она рѣзала себя ножемъ по горлу“. Судья съ понятыми произвелъ осмотръ; оказалось, что у Алены „горло рѣзано, а лежитъ у него, Дружинки, во дворѣ въ подклѣти подъ сѣнникомъ, а рѣчи у нея допрошаться не могли“. 18 марта на Тотьму въ съѣзжую избу къ воеводѣ было доставлено уже Аленино мертвое тѣло. Было произведено освидѣтельствованіе тѣла и составленъ протоколъ осмотра, „смотрѣная запись“, причемъ оказалось, что у Алены „горло перерѣзано, и по рукамъ, и по ногамъ, и по хребту бита, и битыя мѣста знать“. Такъ какъ возникло подозрѣніе объ убійствѣ, воевода началъ слѣдствіе. Свекоръ покойной Дружина Шиховъ былъ арестованъ и отданъ на поруки; въ Царевскую волость былъ командированъ разсыльщикъ съѣзжей избы для производства повальнаго обыска, заключавшагося въ опросѣ сосѣдей верстъ до десяти кругомъ по опредѣленной программѣ: какъ случилась смерть Алены, кто ее билъ и рѣзалъ или сама она себя рѣзала, и если такъ, то что было причиной самоубійства, не было ли ей утѣсненья отъ родни, не воровала ли она какимъ либо воровствомъ и не бѣгала ли отъ семьи. Уже долгое время спустя, 27 іюня, въ съѣзжую избу на Тотьмѣ къ воеводѣ явился игуменъ тотемскаго Суморинова монастыря Галактіонъ и сдѣлалъ показаніе, дававшее поводъ думать, что на лицо былъ дѣйствительно случай самоубійства, а не убійства. „Призывала де меня въ волость на Цареву“, показывалъ игуменъ, „Дружинкины снохи, Аленки, мати ея... и я де игуменъ ѣздилъ въ волость на Цареву для постриганія... и говорилъ де той Аленкѣ, для чего де хочешь постричись, а съ мужемъ не живешь? И та де Алена говорила мнѣ при матери своей да при свекрѣ при Дружинѣ Шиховѣ и при свекрови своей: съ мужемъ де мнѣ жить нельзя, потому что де меня одержитъ черный недугъ и живу де я съ нечистымъ духомъ, съ чертомъ. И я де, игуменъ, ее не постригъ, что де она была молода“. Все слѣдственное производство: протоколъ осмотра мертваго тѣла, показанія, данныя на повальномъ обыскѣ, и показаніе игумена были отосланы воеводой въ Устюжскую четверть [2]).

Въ 1636 г. въ Яхренской волости Устюжскаго уѣзда крестьянинъ Завьялъ Ивановъ Грибановъ сдѣлалъ словесное заявленіе старостѣ судецкому И. Тимоѳееву объ убійствѣ его брата Богдана Грибанова, причемъ высказалъ подозрѣніе на двухъ лицъ, на Алешку Чуковарзина и на Морозка Частикова, съ которыми Богданъ Грибановъ возвращался изъ Устюга

[1]) Пр. Д. 1626 № 44.
[2]) Пр. Д. 1631 № 30.

домой на лодкѣ. На допросѣ у судецкаго старосты подозрѣваемые показали, что, дѣйствительно, въ Троицынъ день въ вечерню поѣхалъ съ ними съ Устюга въ лодкѣ Богданъ Грибановъ, но что плылъ съ ними только до деревни Мокіева, гдѣ изъ лодки вылѣзъ, сказавъ, что пойдетъ въ Яхренскую волость. Этимъ допросомъ въ волостномъ судѣ дѣло ограничилось. 21 іюня оба заподозрѣнные были приведены яхренскимъ земскимъ старостою на Устюгъ передъ воеводу С. Хрущова и подьячаго Ив. Ключарева, передъ которыми они повторили данное въ волости показаніе. Завьялъ Грибановъ подалъ воеводѣ челобитную, въ которой просилъ подвергнуть ихъ пыткѣ. На „пристрастномъ“ допросѣ у пытки Морозъ Частиковъ признался, что Богдана во время путешествія убилъ ударомъ обуха въ голову Алешка Заварзинъ, но послѣдній съ пытки оговорилъ Мороза въ соучастіи, и въ умыслѣ, и въ исполненіи. Тогда Морозъ былъ также подвергнутъ пыткѣ, однако свое участіе въ убійствѣ отрицалъ. Приказавъ опечатать дворы и движимость подсудимыхъ въ ихъ деревняхъ, воевода и подьячій въ ноябрѣ того же года сообщили ходъ дѣла въ Москву отпиской, которую заканчивали словами: „а мы, холопи твои, такихъ убивственныхъ дѣлъ безъ твоего государева указу вершить не смѣемъ“. Изъ Устюжской четверти было предписано убійцъ пытать нещадно, доискаться, кто именно изъ нихъ совершилъ убійство или оно совершено обоими, и куда дѣвали они трупъ убитаго; разслѣдовавъ все это, опять сообщить полученныя свѣдѣнія въ Москву, подсудимыхъ держать въ тюрьмѣ, имущество ихъ описать и отдать на сохраненіе сосѣдямъ, причитающіеся съ нихъ податные платежи взыскивать изъ ихъ имущества. Такимъ образомъ по дѣламъ объ убійствѣ слѣдственный процессъ велся воеводой подъ руководствомъ приказа и не доводился до конца. За приговоромъ или точнѣе за указаніемъ, что постановить въ приговорѣ, воевода долженъ былъ обращаться въ приказъ [1])

Земскія судебныя власти въ этихъ случаяхъ отступали передъ воеводою на второй планъ; за ними оставалось производство перваго дознанія. Но даже и въ этомъ дѣлѣ онѣ уступаютъ мѣсто такимъ мелкимъ приказнымъ чинамъ, какъ разсыльщики воеводской избы и стушевываются передъ ними. Въ 1637 г. въ Сондогской волости Тотемскаго уѣзда въ ночь съ 23 на 24 іюня крестьянинъ Семенъ Ивановъ съ заявленіемъ объ убійствѣ отца его Ивана Талашева обращается къ находившемуся тогда въ волости по какимъ то дѣламъ разсыльщику и зоветъ его вмѣстѣ съ сондогскимъ земскимъ старостой „къ убитой головѣ“, т. е. къ осмотру тѣла. Разсыльщикъ и земскій староста, взявъ съ собою волостного приходскаго попа Архипа, земскаго дьячка, десятскихъ и понятыхъ, отправляются на мѣсто убійства. Мертвое тѣло лежитъ въ пустоши Никитинской, на поскотинѣ. Обнаружено, что убитый застрѣленъ изъ лука. Допросъ окрестныхъ крестьянъ ведетъ разсыльщикъ. Изъ ихъ показаній вскрылась кончившаяся трагическимъ исходомъ обычная сельская ссора. Убитаго, повидимому какъ

[1]) Пр. Д. 1636 № 27.

охотника и любителя собакъ, позвали дѣти крестьянина Ѳомы Дмитріева, у которыхъ звѣрь задралъ корову. „И собаки де“, какъ показывалъ одинъ изъ допрошенныхъ свидѣтелей, „разгрызлись, и онъ де Ивашка молвилъ Ѳомкинымъ дѣтямъ, чтобъ собакъ его не били, пуще де ему собаки ихъ коровы. И Ѳомкинъ де сынъ Микитка стрѣлилъ его Ивашка изъ лука стрѣлою. А съ нимъ де Микиткою были его братья родные Сенка да Захарко, и стрѣлу де изъ него, Ивашка, вынулъ Захарко. Братья послѣ убійства скрылись. Актъ допроса былъ переданъ разсыльщикомъ воеводѣ, и дѣло пошло обычнымъ ходомъ слѣдственнаго процесса. Воевода командировалъ въ волость губного цѣловальника съ предписаніемъ разыскать и привести убійцу съ братьями. Посланному удалось найти одного изъ братьевъ—Захара; другіе не были найдены, и поэтому были заарестованы и приведены къ воеводѣ ихъ жены. Допросивъ приведенныхъ, воевода обращается за указаніемъ и руководствомъ въ приказъ, откуда шлютъ предписаніе убойца Микитку сыскивать, а когда найдутъ, въ томъ убійствѣ „разспросить и пытать накрѣпко, за что онъ того Ивашка убилъ и по какой недружбѣ, и кто съ нимъ былъ въ думѣ; тѣхъ, кого онъ оговоритъ, разспросить на очной съ нимъ ставкѣ и также пытать, а послѣ пытки вкинуть въ тюрьму и обо всемъ отписать въ приказъ. Отца и жену убійцы велѣно было, пока его не отыщутъ, также держать въ тюрьмѣ. Пойманный убійца съ пытки показывалъ, что застрѣлилъ Ивана Талашева нечаянно, когда они стерегли звѣря и у него положены были на тетиву двѣ стрѣлы. Въ дѣлѣ нѣтъ конца; но движеніе его такое же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Руководимый указаніями изъ Устюжской четверти воевода снимаетъ допросы, даетъ очныя ставки, подвергаетъ заподозрѣннаго пыткѣ и несомнѣнно обратится въ приказъ за приговоромъ [1]).

Дѣла объ убійствахъ въ Устьянскихъ волостяхъ, гдѣ не было воеводъ, направляются прямо въ Устюжскую четверть, которая разбираетъ ихъ непосредственно. Истцы и отвѣтчики для суда по такимъ дѣламъ должны являться въ Москву; туда же приводятся изъ волостей схваченные и арестованные убійцы. 8 декабря 1634 г., какъ читаемъ въ одномъ изъ такихъ дѣлъ, „въ Устюжскую четверть передъ дьяка Пантелѣя Чирикова *привелъ* изъ Устьянскихъ волостей Шангальской сошки крестьянинъ Ѳедка Ивановъ Михеевъ мужика, а сказалъ, что тотъ мужикъ зарѣзалъ брата его родного Панфилка Михеева до смерти“. Дьякъ Пантелѣй Чириковъ началъ слѣдствіе допросомъ приведеннаго: „какой онъ человѣкъ, и какъ его зовутъ, и чей слыветъ, и коимъ обычаемъ того Панфилка зарѣзалъ, и по какому умышленью или по чьей накупкѣ, и кто съ нимъ имены товарищей были, и что какого живота у того Панфилка взяли, и гдѣ тотъ животъ дѣли“. Обвиняемый показалъ, что зовутъ его Ѳедькою Томиловымъ Варлыгинымъ, что, проживая въ Шангальской Устьянской волости, онъ кормился наемною работою у тамошнихъ крестьянъ; что въ день убійства 6 ноября онъ позванъ былъ на пиръ къ крестьянину Ивану Вахрамѣеву, гдѣ сидѣли и

[1]) Пр. Д. 1637 № 14, л. 130.

пили еще двое крестьянъ: Андрюшка Лукинъ и Русинко Михайловъ и мѣстный шангальскій приходскій попъ Парѳенъ. Компанія, „запоя его, Ѳедку, и загрозя великою угрозою“, подговорила его зарѣзать Панфила Михеева, который съ братомъ Ѳедоромъ также былъ въ числѣ гостей на попойкѣ у Вахрамѣева. Было извѣстно, что братья Михеевы, промышлявшіе мѣховой и суконной торговлей, отправляются на Соденгу въ Ростовскую волость и на Кокшенгу, чтобы закупить для отправки въ Москву сукно и мѣховые товары: лисицъ, куницъ, бѣлокъ, овчинъ и что при нихъ есть деньги, которыхъ съ ними дѣйствительно и было 210 рублей съ полтиною. За убійство Ѳедору Варлыгину посулено было 10 рублей. „И онъ де Ѳедка“, читаемъ далѣе въ его показаніи, „съ тѣмъ Панфилкомъ да съ ними Русинко Михайловъ пошли отъ Ивана Вахрамѣева пьяны въ деревню Нагорскую для питья же. И, вышедъ де на поля, товарищъ его Русинко Михайловъ того Панфилка ухватя учалъ держать, а ему де Ѳедкѣ велѣлъ того Панфилка рѣзать. И онъ де Ѳедка пококолъ того Панфилка ножемъ въ брюхо. И тотъ де Панфилка вырвался у Русинка изъ рукъ и побѣжалъ въ деревню Нагорскую. И въ той деревнѣ учалъ быти шумъ, и они де Ѳедко и Русинко исторопясь разбѣжались, чтобъ ихъ не переимали. И послѣ де того на третій день пріѣхавъ того Панфиловъ братъ Ѳедка (Михеевъ) съ понятыми его, Ѳедку, поймали въ деревнѣ Шоломѣ... и привели его къ мертвому Панфилкову тѣлу“. Такимъ образомъ поимка и арестъ убійцы производится частными лицами. „А зарѣзалъ де онъ, Ѳедка“, такъ заканчивается показаніе, „того Панфилка по наученью Ивана Вахрамѣева съ товарищи хмельнымъ дѣломъ за ихъ угрозою, что де они хотѣли посадить его въ воду, будетъ онъ того Панфилка не зарѣжетъ“. Выслушавъ показаніе, дьякъ распорядился заключить подсудимаго въ тюрьму. Въ мартѣ 1635 г., коснувшись опять этого дѣла, онъ велѣлъ приписать въ наказъ отправлявшемуся тогда въ Устьянскія волости для производства переписи дворянину Д. Овцыну особую статью, которою ему поручалось произвести на мѣстѣ подробный розыскъ объ этомъ дѣлѣ, собрать показанія сосѣдей, арестовать остальныхъ участниковъ убійства, допросить ихъ и прислать ихъ со снятыми допросами въ Москву. Такимъ образомъ слѣдствіе на мѣстѣ и арестъ причастныхъ лицъ были возложены на агента, командируемаго въ волости совсѣмъ не по судебнымъ дѣламъ[1]).

Въ дѣлѣ объ убійствѣ Панфила Михеева можно найти много чертъ, указывающихъ на остатки частнаго права и въ процессѣ, и въ самомъ взглядѣ на убійство. Начать съ того, что поимка и арестъ убійцы производится не уполномоченными на то агентами власти, а частнымъ лицомъ, братомъ убитаго въ присутствіи имъ же приглашенныхъ понятыхъ. Все это, кажется, недалеко отъ процессуальныхъ формъ Русской Правды. Тотъ же братъ убитаго, арестовавъ убійцу и, очевидно, продержавъ его нѣкоторое время въ заключеніи, приводитъ его въ Москву въ приказъ, и, конечно, на немъ же лежали заботы о караулѣ, о томъ чтобы убійца не сбѣжалъ

[1]) Пр. Д. 1634 № 59.

съ дороги. Онъ же выступаетъ истцомъ и начинаетъ процессъ объ убійствѣ въ Устюжской четверти; такъ какъ возбужденіе иска сопряжено было всегда съ немалыми хлопотами и расходами, то онъ обратился за помощью къ женѣ убитаго, оставшейся съ малолѣтнимъ сыномъ. Но жена не могла дать ему „подмоги и покруты на тяжу“, т. е. средствъ на возбужденіе иска, предпочитая не участвовать въ искѣ, отдавъ „то дѣло Богу судить“. Въ своей исковой челобитной онъ къ оцѣнкѣ убытковъ, причиненныхъ ему отвѣтчиками, ихъ насильствомъ и грабежомъ, а также волокитой по дѣлу, остановкой въ торгу и въ обработкѣ земли—„въ безторжицѣ и въ деревенской недопашкѣ“, всего въ количествѣ $266^1/_2$ рублей, присоединилъ еще искъ „о зарѣзаной головѣ“, предоставляя самому суду оцѣнить эту голову: „да на нихъ же ищемъ зарѣзаные головы.... а въ зарѣзаной головѣ, что ты, государь, укажешь“. Процессъ въ Устюжской четверти по этому дѣлу ведется смѣшаннымъ порядкомъ, судебнымъ и слѣдственнымъ. Его медленный ходъ ускоряется новою челобитною истца. Въ числѣ ссылокъ истецъ между прочимъ указалъ на пытку, обратился къ суду съ просьбой пытать отвѣтчиковъ Андрюшку Лукина и Ѳедьку Варлыгина и въ свою очередь самъ соглашался отдаться на пытку. „А слался онъ (истецъ) Ѳедка“, читаемъ въ дѣлѣ, „на его Андрюшкину кожу и на убойцеву на Ѳедкину кожу Варлыгина. А будетъ у нихъ не допытается, и онъ, Ѳедка, въ томъ на пытку дается“ [1]). Наконецъ, начатое искомъ дѣло объ убійствѣ могло привести, какъ и во всякомъ другомъ искѣ, къ примиренію сторонъ. Такъ и закончилось настоящее дѣло истца съ однимъ изъ отвѣтчиковъ Андрюшкою Лукинымъ; послѣ судоговоренія они подали въ четверть заключенную между собою мировую запись. Любопытно, что подобная мировая запись могла прекратить обвиненіе въ убійствѣ до начала процесса въ судѣ, „не ходя въ судъ“. Такъ напр. въ тѣхъ же Устьянскихъ волостяхъ въ 1636 г. Иванъ Еремеевъ Кречетъ возбудилъ передъ земскими судьями и губными старостами Введенскаго стана противъ Гр. Попоежина и Гостя Жданова обвиненіе въ убійствѣ своего сына Спиридона. Подана была челобитная, произведено было предварительное слѣдствіе: обыскъ и осмотръ убитаго. Но затѣмъ истецъ помирился съ отвѣтчиками. „Доложа выборнаго губного старосты и судьи“, значится въ ихъ мировой записи, „не ходя въ судъ межъ собою помирилися вовсе и въ животѣ (имуществѣ), и въ *головѣ*, что хотѣлъ искать головы сына своего Спиридона, дѣло объ убійствѣ ему простилъ, а отдалъ то дѣло въ головѣ Богу судить“. Истецъ обязался по мировой впредь вновь этого дѣла не начинать и иска о головѣ къ отвѣтчикамъ не предъявлять, обезпечивъ это обязательство неустойкой въ размѣрѣ 100 рублей, съ тѣмъ чтобы половину неустойки, если бы договоръ былъ нарушенъ, внести въ казну, а половину отдать отвѣтчикамъ [2]). Итакъ въ серединѣ XVII вѣка, несмотря на существованіе уже публичнаго преслѣдованія убійцъ, можно было за недостаткомъ средствъ

---

[1]) Ср. *Дмитріевъ*, Исторія судебн. инстанц. 420.

[2]) Пр. Д. 1642 № 59.

отказаться отъ иска объ убійствѣ,—и оно въ такомъ случаѣ могло и не дойти до судебныхъ учрежденій; можно было простить убійство, предоставивъ дѣло волѣ Божіей и помириться съ убійцей, разумѣется получивъ съ него выкупъ за голову.

Наряду съ указанными остатками частнаго права въ процессѣ объ убійствѣ, каковы: задержаніе виновника частными средствами, начало дѣла искомъ, веденіе его формами состязательнаго процесса съ просьбой о примѣненіи ордаліи, возможность прекратить обвиненіе въ убійствѣ мировою сдѣлкой, можно видѣть яркій слѣдъ частнаго права и въ нѣкоторыхъ случаяхъ взысканія въ XVII столѣтіи *виры* за убійство, и при томъ виры въ размѣрѣ, какой полагался по Русской Правдѣ, въ 4 рубля, т. е. въ 40 гривенъ. Въ этомъ именно размѣрѣ въ избирательныхъ спискахъ устьянскіе земскіе судейки уполномочиваются взыскивать виру съ душегубцевъ[1]). По Русской Правдѣ, если убійца не найденъ, вира падаетъ на общину, на территоріи которой лежитъ мертвое тѣло, и община обязана или отыскать виновнаго, или заплатить виру. Значеніе такой общины земскій судейка Пежемской волости 134 (1625—6) г. придавалъ двору, въ которомъ оказалось мертвое тѣло. „Въ прошломъ, государь, въ 134 г.“, пишетъ въ челобитной, поданной въ Устюжскую четверть, крестьянинъ Пежемской волости Б. Савельевъ, „назавтрее Николина дни вешняго учинилось грѣховное дѣло во пьянѣ брату моему Матвѣю Савельеву сыну: испилъ, государь, пива, Николина кануну до пьяна и вышелъ на дворъ ввечеру поздно о потемкѣ. И по грѣхомъ свалился передъ избою съ мосту и ушибся до смерти; а убойцы, государь, брату моему нѣтъ никого, учинилась грѣховная смерть. И нынѣ, государь, на мнѣ правитъ прошлой земской судья Пежемскіе волости.. за ту голову *вѣрныя* деньги и взялъ по мнѣ поручную запись въ тѣхъ вѣрныхъ деньгахъ.“ Судья предполагалъ въ разсматриваемомъ случаѣ убійство; но такъ какъ убійцы не было найдено, то онъ и наложилъ виру на хозяина двора, гдѣ оказалось тѣло. косвенно побуждая его предпринять поиски убійцы. Значитъ судья считалъ эти поиски обязанностью частнаго лица. Челобитчикъ просилъ освободить его отъ платежа виры на основаніи, которое предусматривалось древними уставными грамотами—не взыскивать виры въ тѣхъ случаяхъ, когда смерть произойдетъ отъ какого либо несчастія, когда кто утонетъ, замерзнетъ, будетъ съѣденъ звѣремъ, задавленъ возомъ или „отъ своихъ рукъ утеряется“. Просьба была уважена приказомъ[2]), предписавшимъ „не взыскивать съ челобитчика денегъ, если дѣйствительно погибшій самъ убился.

По отношенію къ воеводамъ и приказу волостные земскіе судьи имѣютъ значеніе низшихъ исполнительныхъ судебныхъ органовъ, совершающихъ разнаго рода предварительныя, вспомогательныя и исполнительныя дѣйствія по предписаніямъ свыше. Еще до начала процесса у воеводы или въ приказѣ земскіе судьи производятъ предварительныя дознанія, опросы

---

[1]) I, 309.

[2]) Пр. Д. 1627 № 65.

и осмотры, составляя при этомъ протоколы и разнаго рода записки, которые и будутъ затѣмъ фигурировать при разборѣ дѣла въ судѣ воеводы или приказа. Вотъ для примѣра эпизодъ, характеризующій такого рода предварительную дѣятельность земскихъ судей. 25 марта 1634 г. на проѣзжей дорогѣ при впаденіи р. Пежмы въ Вагу подверглись нападенію и грабежу крестьяне Пежемской волости братья Баженъ и Игнатій Басовы. Игнатій былъ убитъ, а Баженъ израненъ. 26 марта жены потерпѣвшихъ подали явки и челобитныя пежемскому земскому судьѣ. „Бьетъ челомъ и являетъ“, читаемъ въ одной изъ нихъ, „Каптелинка Баженова жена Басова выборному земскому судьѣ Пежемскіе волости Антону Иванову Ѳедорова съ товарищи, а являю, господине, въ томъ: рѣзанъ и грабленъ мой, Каптелинкинъ, мужъ Баженъ Басовъ. И ты, господине судья, Антонъ Ивановъ съ товарищи, пріѣдь къ намъ на Ивашковецъ и той рѣзаной головы мужа моего... допроси, кто его рѣзалъ и грабилъ и ранъ досмотри, и записку допросную учини. А я тебѣ челомъ бью“. Подобную же явку и челобитную о пріѣздѣ и объ осмотрѣ мертваго тѣла мужа подала судьѣ и жена Игнатія Басова—Настасья. Въ тотъ же день судья отправился на мѣсто происшествія. „Лѣта 7142 (1634) марта въ 26 день“, повѣствуетъ протоколъ допроса и осмотра Бажена Басова, „выборный земскій судья.... пріѣхалъ... на Ивашковецъ къ рѣзаной головѣ, а та рѣзаная голова Баженъ лежитъ у себя въ избѣ. И выборный судья Антонъ тое рѣзаные головы Бажена спрошалъ: чѣмъ ты лежишь боленъ, чѣмъ неможешь? И рѣзаная голова Баженъ сказалъ: поѣхали было мы съ братомъ своимъ Игнатьемъ къ Вагѣ съ деньгами ржи купить и привернули есмя къ Усть-Кулую къ обѣднѣ, и послѣ обѣдни поѣхали было опять къ Вагѣ отъ Усть-Кулуя отъ погоста вверхъ по Вагѣ рѣкѣ. И сугонили насъ Данило Ѳедоровъ Поскотинный съ товарищи, а товарищи... насъ задержали. А тотъ Данило брата моего Игнатья тутъ ножемъ и на смерть зарѣзалъ. И язъ Баженъ того душегубца Данила учалъ было имать, ...и онъ и меня ножемъ рѣзалъ. И выборный судья Антонъ той рѣзаной головы Бажена и съ людьми добрыми досматривалъ: ино въ крыльца возлѣ лѣвое плечо ножемъ рѣзано и крови много“. На допросѣ и осмотрѣ съ судьей былъ земскій цѣловальникъ и добрые люди въ количествѣ 8 человѣкъ. Покончивъ съ допросомъ Бажена, судья поѣхалъ на осмотръ „зарѣзаной головы“ Игнатія, „а та зарѣзаная голова Игнатій“, какъ записано было въ протоколѣ осмотра, „лежитъ повыше Усть-Кулуя вверхъ на Вагѣ рѣкѣ на льду мертвъ, ножемъ зарѣзанъ, *а у ноги нѣтъ никого*“. Послѣднія слова указываютъ на практиковавшійся обычай привязывать пойманнаго убійцу къ трупу убитаго, подобно тому какъ вообще всякое поличное привязывалось узломъ къ вору [1]). Произведя въ присутствіи добрыхъ людей осмотръ тѣла, причемъ оказалось, что ударъ ножемъ былъ нанесенъ „противъ сердца съ правую сторону“, судья опросилъ близь живущихъ крестьянъ: „видали ли вы, или

[1]) Судебникъ царя Ѳедора Іоанновича, ст. 102. „А приведутъ кого съ поличнымъ впервые съ узломъ“.

отъ кого слыхали, кто Игнатія Басова зарѣзалъ и за что его зарѣзали?“ Нашлись свидѣтели, которые были также на Усть-Кулуѣ у обѣдни и, отправившись по той же дорогѣ вверхъ по Вагѣ, были очевидцами преступленія, видѣли, какъ Данило Поскотинный „Игнатія Басова ножемъ зарѣзалъ, а брата его Бажена рѣжетъ же, а поймать его, душегубца Данилка, не могли“. Руководясь добытыми данными, показаніемъ, „язычной змовкой“ Бажена Басова и отвѣтами очевидцевъ, судья тотчасъ же отъ мертваго тѣла отправился ко двору отца убійцы Ѳедора Поскотиннаго, и тутъ произошелъ между ними живо переданный новымъ протоколомъ діалогъ. Судья „спрошалъ Ѳедора Поскотиннаго: сынъ твой Данило съ тобою вмѣстѣ ли живетъ? И Ѳедоръ сказалъ: сынъ де мой Данило со мною и съ дѣтьми моими вмѣстѣ живетъ. И судья Антонъ спрошалъ Ѳедора Поскотиннаго: сынъ твой Данило у себя ли живетъ? И Ѳедоръ сказалъ: сынъ де мой Данило сшелъ къ Усть-Кулую къ Благовѣщенію Пречистой Богородицы молитъся, да и по сю пору не бывалъ. И судья сказалъ: намъ до него по государеву указу и по язычной змовкѣ Бажена Васильева Басова дѣло есть: брата его Игнатія Васильева ножемъ зарѣзалъ до смерти, а его Бажена ножемъ рѣзалъ же; дай по себѣ поруку съ записью, что тебѣ поставить на станъ на Пежму душегубца сына своего Данила къ суду противъ истцовъ по челобитнымъ, и дворъ свой и животъ до государева указу печатать даешь ли? И Ѳедоръ государева указу не послушалъ, выборному земскому судьѣ Антону двора своего и животовъ печатать и поруки по себѣ на станъ на Пежму въ томъ не далъ, учинился силенъ“. Потерпѣвъ эту неудачу у двора убійцы, судья поѣхалъ въ другую деревню, Тупицыну, гдѣ жили указанные Баженомъ сообщники душегубца Гнѣвашъ и Андрей Башкардины и ихъ спросилъ, „есть ли они у собя, намъ до нихъ дѣло есть. И домовитые ихъ сказали передъ людьми добрыми, что де ихъ дома нѣтъ, а сами передъ судьею не стали, а отъ него сбѣжали и поруки по себѣ и двора печатать не дали“. 30 марта судья допрашивалъ новыхъ свидѣтелей, которые подтвердили показанія первыхъ. Наконецъ 14 декабря убійца былъ пойманъ и приведенъ на Пежемскій станъ. Судья по ходатайству потерпѣвшаго Бажена потребовалъ отъ него представленія поручителей въ томъ, что станетъ къ отвѣту въ Москву въ Устюжской четверти. Данило Поскотинный дать по себѣ такое поручительство отказался, отъ судьи „отбился“. „И я, судейка“, какъ записано далѣе въ этой „отбойной запискѣ“, протоколѣ о сопротивленіи, „у пежемскаго сотскаго Ивана Сидорова Хамтолина и у мірскихъ людей того же Пежемскаго стану, которые тутъ были, на того душегубца Данилка прошалъ тюрьмы и сторожей. И сотскій Иванъ Сидоровъ и мірскіе люди тюрьмы и сторожей мнѣ, судейкѣ, на того Данилка не дали и крѣпить его до государева указу не пособляли“. Отказомъ міра стеречь убійцу дѣло не кончилось. Вечеромъ того же дня, въ то время, „какъ тѣ мірскіе люди учали съ стану расходиться“, пріѣхалъ на станъ отецъ Данилы Ѳедоръ съ двумя другими своими сыновьями, Данилу у судьи отбили, а судью били, грабили и обезчестили, какъ свидѣтельствуетъ та же отбойная записка [1]). На этомъ документы обрываются,

[1]) Пр. Д. 1636 № 70.

и неизвѣстно, удалось ли потерпѣвшему Бажену добиться появленія отвѣтчика убійцы въ Устюжскую четверть. Итакъ, пріемъ явокъ, осмотръ тѣлъ убитыхъ, осмотръ и опросъ другихъ потерпѣвшихъ, оставшихся въ живыхъ, опросъ свидѣтелей, поимка подозрѣваемыхъ, лишеніе ихъ свободы или отдача на поруки, какъ мѣры для обезпеченія явки ихъ въ Москву, въ приказъ къ отвѣту—таковы акты, совершаемые волостными судьями по дѣламъ объ убійствѣ.

Во время движенія самаго процесса въ воеводскомъ судѣ или въ судѣ приказа земскимъ судьямъ шлются распоряженія о принятіи на мѣстѣ тѣхъ или другихъ вызываемыхъ процессомъ мѣръ, каковы также производство допросовъ и обысковъ, производство большихъ повальныхъ обысковъ, доставленіе разнаго рода справокъ, осмотръ какихъ либо документовъ, при поземельныхъ тяжбахъ осмотръ спорныхъ земель, ихъ обмежеваніе и составленіе такому обмежеванію „списка“, протокола[1]). Предписанія приказа о вспомогательныхъ для процесса дѣйствіяхъ въ тѣ уѣзды, гдѣ были воеводы, даются этимъ послѣднимъ. Въ Устьянскія волости они обращены непосредственно къ земскимъ судейкамъ. Такъ напр. въ 1631 г. въ Устюжской четверти разбирается поземельная тяжба между крестьянами деревень Солицкой и Шастовскаго починка Чадромской волости. 24 мая дьякъ П. Чириковъ предписываетъ чадромскому земскому судейкѣ: обыскать про спорную землю тутошними и окольными людьми и поданныя на этомъ обыскѣ „сказки“, записи показаній, прислать въ Мо-

---

[1]) Пр. Д. 1698—1615. По наказной памяти отъ сольвычегодскаго воеводы С. К. Голенищева... Антропьевой слободы земскому судейкѣ Завьялу Володимирову сыну Грихневу, „какова прислана по судному дѣлу истца, Антропьевой слободы крестьянина Архипка Прютова съ Митрофанкомъ Чебаевскимъ въ пожнѣ Красавкѣ. А по той памяти велѣно вамъ, взявъ съ собою сотскихъ и пятидесятскихъ, и добрыхъ людей... идти на спорное мѣсто на пожню Красавку, да передъ тѣми людьми велѣти истцу Архипку, взявъ у отвѣтчика своего у Митрофанка образъ Пречистые Богородицы идти по спорному мѣсту, куды онъ Архипка пойдетъ. Да по которому мѣсту пожню Красавку истецъ Архипко отведетъ, и вамъ тѣ межи велѣно написати на списокъ, да тотъ списокъ за руками и съ того дѣла государевы пошлины 25 алтынъ, на комъ ся доведутъ, велѣно взявъ прислати къ намъ къ Соли тотчасъ“; Пр. Д. 1649 № 103: „И въ прошломъ, государь, во 156 г. по твоему государеву указу и по наказной памяти воеводы (каргопольскаго) В. И. Жукова.... земскій судейка (Порожской волости) Миня Лукинъ съ товарищи сыскивалъ и допрашивалъ старожиловъ про тотъ тяглой наволокъ Лѣтникъ возлѣ Вондугу рѣку“; Пр. Д. 1653 № 59: „И я, сирота, билъ челомъ тебѣ, государю, а въ Каргополѣ воеводѣ Ивану Головленкову подавалъ челобитную о повальномъ обыску окольными сторонними волостными крестьянами про то сѣнное згодье. И по моему, сироты твоего, челобитью, по подписной челобитной за печатью воеводы Ивана Головленкова Турчасовскаго стану судейки Богданъ Борисовъ съ товарищи да приписной Осипъ Тимоѳеевъ сыскивали и опрашивали всякими сыски накрѣпко окольныхъ волостей крестьяны про то сѣнное згодье, чье то бывало изстари владѣніе“.

скву въ приказъ; сдѣлать и прислать соотвѣтствующее извлеченіе изъ сотной выписи; взыскать съ одного изъ отвѣтчиковъ, принимавшаго участіе въ процессѣ въ Москвѣ въ качествѣ представителя всей ихъ группы, „волокитныя“ деньги въ пользу истца за самовольную отлучку изъ Москвы до окончанія процесса, разсчитавъ по 3 деньги за каждый день; наконецъ, въ искѣ объ убыткахъ, причиненныхъ истцамъ свозомъ сѣна, въ которомъ между прочимъ обвинялись отвѣтчики, дать сторонамъ крестное цѣлованіе. Судья исполнилъ эти распоряженія, однако не всѣ: произвелъ опросъ сосѣдей и старожильцевъ, сдѣлалъ выписку изъ сотной, доправилъ съ отвѣтчика и отдалъ истцамъ волокитныя деньги, которыхъ пришлось всего взять 30 алтынъ, предложилъ истцамъ „поставить крестъ“ отвѣтчикамъ; однако истцы отказались приступать къ крестоцѣлованію въ искѣ о сѣнномъ свозѣ ранѣе рѣшенія главнаго иска о спорной землѣ. Съ другой стороны и сдѣланный судьею опросъ сосѣдей былъ обжалованъ отвѣтчиками, которые указывали, что судья поступалъ пристрастно въ этомъ опросѣ, привлекая къ нему только родъ и племя истцовъ. 2 іюня 1632 г. дьякъ, принявъ эту жалобу во вниманіе, предписалъ чадромскому судейкѣ произвести новый и на этотъ разъ уже большой повальный обыскъ о спорной землѣ „всею волостью, всякими людьми безъ отводу“ и безъ всякой поноровки. Этотъ обыскъ былъ судьею исполненъ, и сказки были посланы въ Москву[1]). На земскій судъ возлагалось также исполненіе приговоровъ, произведенныхъ высшими инстанціями. Въ поземельныхъ тяжбахъ такое исполненіе заключалось или въ отводѣ спорной земли выигравшей ее сторонѣ, или въ раздѣлѣ земли между истцами и отвѣтчиками. Судьѣ предписывалось въ такихъ случаяхъ, вызвавъ ту и другую сторону, поставивъ ихъ передъ собою, объявить, „сказать“ имъ приговоръ, а сказавъ, приступить уже къ фактическому отводу или раздѣлу. Объ исполненіи приговора судьею также составлялся особый протоколъ[2]).

---

[1]) Пр. Д. 1633 № 50; Пр. Д. 1631 № 56.

[2]) Пр. Д. 1653 № 64. „И по твоему государеву указу воевода (чарондскій) Андрей Просовецкой по тому судному списку и по сыскомъ... меня Васку (истца) оправилъ въ той землѣ.... что они (отвѣтчики) пригородили, а ихъ повинилъ. И противъ судного списка и приговору воевода... далъ мнѣ сиротѣ наказную отводную память, а велѣно имъ новой отсѣкъ разчистить сейчасъ... И по той наказной по отводной памяти земскіе судьи (Ротковской волости) велѣли имъ новой отсѣкъ разчистить сейчасъ“ и т. д.; Пр. Д. 1627 № 67, л. 272; Пр. Д. 1631 № 9, л. 8—9: „139 г. марта въ 10 д. дьякъ Михайло Смываловъ сего суднаго дѣла слушавъ, приговорилъ: истцу Томилкѣ Фрязинову съ отвѣтчикомъ съ Ивашкомъ Ѳедоровымъ въ его Томилковѣ иску въ убыткахъ въ 15 рубляхъ съ полтиною дати вѣра, крестное цѣлованіе. А въ спорной землѣ развести ихъ по общей ссылкѣ купчею. И по государеву... указу земскому судейкѣ (Введенскаго Устьянскаго стана) Филькѣ Попову съ товарищи, поставя передъ собою истца и отвѣтчика сей приговоръ и сказати. А сказавъ приговоръ, велѣти отвѣтчику Ивашку на тое свою землю положити купчую, какову ему далъ Томилко Фрязиновъ, да по той купчей въ той ихъ

Нельзя все же не замѣтить, что земскіе судьи Устьянскихъ волостей въ этой вспомогательной и исполнительной дѣятельности по отношенію къ приказу играютъ болѣе выдающуюся и самостоятельную роль, чѣмъ другіе волостные судьи тѣхъ уѣздовъ, гдѣ были воеводы. Въ дѣлахъ объ убійствѣ по особымъ распоряженіямъ приказа имъ поручалось производство слѣдствія съ пыткой, такъ что ихъ положеніе въ этихъ случаяхъ до нѣкоторой степени соотвѣтствуетъ положенію воеводы въ другихъ уѣздахъ. Приведемъ примѣръ. 23 апрѣля 1641 г. складники деревни Баламутовской Пежемской Устьянской волости подали земскому судьѣ заявленіе о томъ, что 19 апрѣля зарѣзанъ ножемъ до смерти въ ихъ волости кузнецъ Дмитрій Іевлевъ, родомъ холмогорецъ, что убилъ его Савка Васильевъ изъ Чарондской округи, что мертвое тѣло лежитъ въ той ихъ Баламутовской деревнѣ на улицѣ противъ Ефимова двора, а у ноги лежитъ привязанъ душегубецъ Савка. По этой извѣтной челобитной судья съ товарищами и съ добрыми людьми пришелъ на мѣсто происшествія и произвелъ рядъ обычныхъ въ такомъ случаѣ дѣйствій. Прежде всего осмотрѣлъ „зарѣзаную голову“ и допросилъ душегубца, который показалъ, что съ убитымъ они встрѣтились на переправѣ, возвращаясь домой изъ за рѣки, что между ними произошла ссора, и что онъ убилъ кузнеца одинъ, своимъ умышленіемъ, безъ всякихъ соучастниковъ. Составивъ протоколъ осмотра и допросовъ, судья поручилъ стеречь душегубца до государева указа пежемскимъ крестьянамъ. За этимъ указомъ онъ и обратился съ отпиской въ Устюжскую четверть, прибавляя къ изложенію случившагося оговорку, что здѣсь на Пежмѣ „мѣсто не градское, ни посадское, деревнишки стоятъ врознь, и того душегубца стерегчи опасно“. Отписка была подана въ приказѣ 2 сентября. Значитъ убійца просидѣлъ подъ стражей все лѣто. По полученіи отписки въ Устюжской четверти составлена была справка о прежнихъ распоряженіяхъ въ подобныхъ случаяхъ, и изъ справки выяснилось, что въ прошлые годы по отпискамъ *отъ воеводъ* посылались имъ изъ приказа грамоты съ предписаніемъ: убійцъ разспрашивать и пытать накрѣпко, за что кто кого убилъ или зарѣзалъ, и по какой недружбѣ, и кто съ тѣми убійцами были товарищи; оговоренныхъ людей предписывалось сыскивать и разспрашивать, протоколы допросовъ и показаній съ пытокъ присылать въ приказъ, убійцъ послѣ пытки заключать въ тюрьму, а имущество ихъ опечатывать, поручая его охрану сосѣдямъ. Относительно самаго рѣшенія дѣлъ справка указывала, что „убійственныя дѣла вершатся, до чего которое дѣло по сыску дойдетъ“, т. е. соотвѣтственно съ добытыми слѣдствіемъ данными; но привести какія либо болѣе подробныя указанія относительно вершенія дѣлъ составитель справки видимо затруднялся, ссылаясь на от-

---

спорной землѣ развести въ правду безо всякіе поноровки. А въ убыткахъ истцу Томилку съ отвѣтчикомъ съ Ивашкомъ дать вѣру, крестное цѣлованіе. А какъ по купчей землю отведутъ и на чемъ они у крестнаго цѣлованія раздѣлаются и то все записати подъ симъ суднымъ дѣломъ впередъ для спору“; Пр. Д. 1631 № 44; I, прилож. IV № 3; Пр. Д. 1653 № 84.

сутствіе въ четверти государева уложенія объ убійственныхъ дѣлахъ. Руководясь справкой, дьякъ примѣнительно къ тому порядку, котораго держались въ четверти по дѣламъ такого рода въ сношеніяхъ съ воеводами, предписалъ грамотой отъ 17 сентября пежемскому судейкѣ душегубца разспросить съ пыткой, разспросныя рѣчи прислать въ Москву, а его самого держать въ тюрьмѣ, взявъ къ тюрьмѣ волостныхъ сторожей съ порукою, „чтобъ у тюрьмы въ день и въ ночи сторожа была крѣпка и воромъ бы изъ тюрьмы утечки не было“. Допросъ съ пыткой судья производилъ въ присутствіи цѣловальника, сотскаго, церковнаго старосты и 10 добрыхъ людей. „Пыточныя рѣчи“, показанія данныя Савкой съ пытки, были отосланы въ Москву. На право устьянскихъ земскихъ судеекъ пытать татей, разбойниковъ и душегубцевъ указываютъ, какъ припомнимъ, избирательные списки нѣкоторыхъ изъ Устьянскихъ волостей, въ которыхъ говорится объ обязанности волостного міра содержать тюрьму и давать судьямъ „заплечнаго мастера“. Приговоръ по дѣламъ объ убійствѣ четверть оставляла, какъ и тамъ, гдѣ слѣдствіе производилось воеводами, за собою. Самостоятельная расправа судеекъ съ убійцами разсматривалась, какъ превышеніе власти. Въ 1635 г. были привлечены къ отвѣтственности земскій судейка Шангальской Устьянской волости Ив. Вахрамѣевъ съ товарищами за то, что безъ сношеній съ четвертью, безъ государева указа повѣсили трехъ разбойниковъ и разбойничьяго пристанодержателя, мѣстнаго крестьянина Карпика Кота[1]).

[1]) Пр. Д. 1634 № 59; Пр. Д. 1649 № 81, Пр. Д. 1633 № 37.

Глава XI.

Губныя учрежденія въ Поморьѣ. Подчиненныя судебно-полицейскія власти.

Затронутый въ предыдущей главѣ вопросъ о направленіи дѣлъ по убійствамъ приводитъ насъ естественно къ вопросу объ учрежденной еще въ XVI столѣтіи губной организаціи, о томъ, въ какомъ положеніи находилась эта организація въ XVII вѣкѣ.

По устьянской уставной земской грамотѣ 1555 г., подтвержденной при царѣ Михаилѣ въ 1622 г., въ Устьянскихъ волостяхъ предполагаются губные старосты, которые должны волостныхъ людей „судить и управливать“ въ разбойныхъ дѣлахъ. Какъ мы знаемъ, въ дѣйствительности особые губные старосты, цѣловальники и сотскіе параллельно съ земскими судейками, цѣловальниками и сотскими выбирались только въ Введенскомъ стану до 1637—38 г. Въ остальныхъ Устьянскихъ волостяхъ и ранѣе, а въ Введенскомъ стану съ этого времени, губнымъ правомъ были облечены земскіе судьи, обязанные дѣйствовать „и въ губныхъ старостъ мѣсто“. Губные старосты Устьянскихъ волостей, это, очевидно, тѣ губные старосты изъ крестьянъ, за безчестіе которыхъ такъ называемый судебникъ царя Ѳедора Ивановича назначаетъ пеню въ пять рублей.[1]) Въ своихъ офиціальныхъ актахъ, какъ и въ обращенныхъ къ нимъ частныхъ челобитныхъ устьянскіе земскіе судейки титулуются иногда двоякимъ названіемъ: земскихъ судей и губныхъ старостъ,[2]) а самое присутствіе ихъ, станъ,

---

[1]) Судебникъ Ѳедора Іоанновича, ст. 60: „А старосте церковному безчестія пять рублевъ, а жене его вдвое; а губному тоже, а жене его вдвое“. Выше, стр. 192, мы видѣли, что на судебникъ царя Ѳедора Ивановича стороны ссылались въ 1640 г. въ введенскомъ устьянскомъ волостномъ судѣ. Въ цитируемой статьѣ судебникъ отражаетъ губную организацію Устьянскихъ волостей. Нельзя ли пріурочить и мѣсто возникновенія этого судебника къ Устьянскимъ волостямъ? Волости не имѣли воеводскаго управленія и потому болѣе другихъ мѣстностей могли нуждаться въ особомъ кодексѣ, приспособленномъ къ ихъ земскимъ порядкамъ.

[2]) Пр. Д. 1631 № 30; „Чадромскіе волости выборной земской судейка и губной староста Марко Онтуфьевъ“; Пр. Д. 1639 № 44: „Устьянскихъ волостей Чадромскіе волости земскіе судейки и губные старосты Никифорко Чесноковъ да Сидорко Леонтьевъ съ товарищи.“

называется иногда *губою*.[1]) Въ составъ губной дѣятельности земскихъ судей по опредѣленію ея, дававшемуся въ устьянскихъ избирательныхъ спискахъ, входили прежде всего чисто полицейскія обязанности: предупрежденіе преступленій, принятіе мѣръ къ тому, чтобы въ волостяхъ татей и разбойниковъ не было; затѣмъ поимка преступниковъ и, наконецъ, „сыскъ и судъ“ надъ ними, сообразно съ судебникомъ, а впослѣдствіи съ соборнымъ уложеніемъ, уставной губной грамотой и наказами изъ разбойнаго приказа. Какъ мы только что видѣли, устьянскимъ земскимъ судейкамъ поручалось веденіе по душегубнымъ дѣламъ слѣдствія въ полномъ объемѣ, включая и допросы съ пытками. Такъ бывало однако не всегда, и слѣдствіе, если подозрѣваемые доставлены прямо въ приказъ, производится иногда непосредственно въ самомъ приказѣ. Смертные приговоры, о которыхъ говорятъ обыкновенно губныя грамоты, въ губную компетенцію устьянскихъ судей, какъ было выяснено выше, не входили“ [2]).

Въ Важскомъ уѣздѣ упоминается губной староста изъ служилыхъ людей Петръ Шараповъ, который занимаетъ тамъ эту должность нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ началѣ 1630-хъ годовъ, постоянно ссорясь и сталкиваясь съ крестьянами и земскими властями сосѣднихъ съ Вагой Устьянскихъ волостей. Онъ ведетъ дѣятельныя сношенія съ Разбойнымъ приказомъ и въ своихъ отпискахъ туда указываетъ, что ему велѣно вѣдать на Вагѣ дѣла по воровству, разбоямъ и убійствамъ; что, благодаря смежности Важскаго уѣзда съ Устьянскими волостями, многіе воровскіе люди, тати и разбойники собираются и составляютъ шайки въ этихъ волостяхъ, появляются оттуда въ Важскій уѣздъ, совершаютъ грабежи и убійства и затѣмъ благополучно укрываются въ волостяхъ, населеніе которыхъ отказывается ихъ выдавать; что нѣкоторые жители волостей занимаются разбоемъ, какъ постояннымъ лѣтнимъ промысломъ: лѣтомъ ходятъ на разбои, а зимой спокойно проживаютъ въ Устьянскомъ Введенскомъ приходѣ. Онъ, староста, въ 1631 г., чтобы искоренить эти разбойничьи гнѣзда въ Устьянскихъ волостяхъ, принужденъ былъ предпринять туда цѣлую экспедицію, составивъ отрядъ изъ наемныхъ волонтеровъ, гулящихъ людей, причемъ этотъ отрядъ, чтобы застигнуть разбойниковъ врасплохъ, долженъ былъ изъ Важскаго уѣзда направиться въ Введенскій станъ не той конной объѣзжей дорогой, по которой туда ѣздили обычно, такъ какъ по ней было слишкомъ далеко до волостей, верстъ 300, а пробираться кратчайшимъ путемъ верстъ 50 глухимъ лѣсомъ подъ предводительствомъ „вожа“, проводника. Отрядъ, подкравшись къ Введенскому приходу ночью, неожиданно напалъ на дворы, гдѣ скрывалась часть указанныхъ разбойниковъ и захватилъ ихъ; но устьянскіе крестьяне подали вѣсть остальнымъ, которые успѣли скрыться, а когда захваченныхъ повезли изъ Устьянскихъ волостей на

---

[1]) Пр. Д. 1639 № 44: „И тотъ выборной судья (Ростовской Устьянской волости) душегубцевъ сыскалъ... и съ обыскныхъ рѣчей намъ списокъ далъ и въ губу тѣхъ душегубцевъ привелъ“.

[2]) I, 290, 308.

Вагу, то крестьяне стали ихъ отбивать. Разбойный приказъ сносился съ Устюжскою четвертью, чтобы изъ четверти было послано предписаніе Устьянскимъ волостямъ важскаго губного старосту во всемъ слушать, требуемыхъ имъ разбойниковъ и оговоренныхъ людей безпрекословно выдавать и самимъ, задерживая лихихъ людей, татей и разбойниковъ, отводить къ нему въ губу, а имущество ихъ опечатывать. Этими грамотами изъ Москвы, обращавшими Устьянскія волости въ его губной округъ, энергія старосты была подогрѣта, и онъ въѣзжаетъ въ волости самъ или шлетъ земскимъ судейкамъ требованія въ родѣ напр. слѣдующаго: „Господамъ выборнымъ судейкамъ и всѣмъ крестьянамъ Соденскіе волости губной староста Петръ Шараповъ челомъ бьетъ. Въ прошломъ 139 (1630—31) г. ушелъ изъ Шенкурска, подрѣзавъ тюрьму, воръ, разбойникъ Чадромской волости Ивашко Саларовецъ. А слухъ дошелъ, что тотъ Ивашко живетъ въ Соденской волости на Большомъ Дору у Аѳонки Абросова. И вамъ бы, господа, того разбойника вора сыскать тотчасъ, а сыскавъ отдать разсыльщикамъ и стрѣльцамъ, которые къ вамъ для того посланы. Да и того поймавъ прислать же, у кого тотъ воръ жилъ. А о томъ къ вамъ государева грамота изъ Устюжской четверти за приписью дьяка Пантелѣя Чирикова на Устью ко всѣмъ выборнымъ людямъ прислана, чтобы вы воровъ сыскивали и отдавали въ губу мнѣ. И самому мнѣ ѣздить велѣно жъ. И вамъ бы однолично того вора сыскавъ прислать. А что у него животовъ есть, и то переписавъ прислать съ нимъ же Ивашкомъ“ [1]). Однако грамота Устюжской четверти была встрѣчена въ волостяхъ сильнымъ протестомъ; требованія старосты находили отпоръ; самъ онъ при въѣздахъ въ волости наталкивался на сопротивленіе. Когда онъ въ 140 (1631—32) г. пріѣхалъ въ Шангалу на станъ для поимки оговоренныхъ захваченными разбойниками людей, то шангальскіе крестьяне предварительно избивъ и ограбивъ сопровождавшихъ его разсыльщиковъ, собрались на станъ толпою человѣкъ въ полтораста, „лаяли“ его всякою неподобною лаей, грозили посадить въ воду и, не давъ ему лошадей, „выбили“ его съ разсыльщиками изъ волости пѣшихъ [2]).

Съ другой стороны отъ волостей были посланы въ Москву депутаціи съ челобитьями, въ которыхъ въѣзды губного старосты изображались въ иныхъ чертахъ, чѣмъ въ его донесеніяхъ. Волости жаловались, что отрядъ старосты, съ которымъ онъ появился въ 139 г., состоялъ изъ ярыжныхъ голей и всякаго сброда, которые однако были вооружены розданными старостою саблями и пищалями и производили въ волостяхъ насилія и безчинства: били и грабили крестьянъ, а награбленное имущество отправляли къ самому старостѣ. Староста съ корыстными цѣлями захватываетъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, будто бы оговоренныхъ сидящими въ шенкурской тюрьмѣ разбойниками, бьетъ ихъ и мучитъ, заковы-

[1]) На оборотѣ: „Господину выборному земскому судейкѣ Невѣжѣ Еремееву и всѣмъ крестьянамъ“.

[2]) Пр. Д. 1627 № 20; 1631 № 30; 1634 № 42.

ваетъ въ цѣпи и „въ дымъ вѣшаетъ“. Устьянцы ссылались въ челобитныхъ на свою жалованную уставную грамоту 1622 г., по которой въ ихъ волостяхъ приказнымъ людямъ быть не велѣно, а управленіе въ волостяхъ и судъ по татинымъ и разбойнымъ дѣламъ предоставленъ выборнымъ земскимъ судьямъ; указывали, что никогда „отъ вѣку“ Устьянскія волости не были подсудны шенкурской администраціи, на Вагу въ Шенкурскій городъ ни по какимъ дѣламъ „присудны и приданы не были“, и просили и впредь не лишать ихъ губной автономіи, не велѣть отдавать ихъ, устьянцевъ, ни на Устюгъ, ни на Тотьму, ни на Вагу, ни въ иныя губы; а губнымъ старостамъ этихъ губъ не велѣть въѣзжать въ волости. Ходатайства волостей въ Москвѣ были, повидимому, не безъ успѣха. Есть признаки, что П. Шараповъ опасался ихъ результата, слѣдилъ за дѣйствіями устьянскихъ депутатовъ въ Москвѣ и старался оказать имъ препятствіе[1]). Въ 1637 г. въ Устьянскія волости посылался для преслѣдованія татей и разбойниковъ особый губной сыщикъ изъ Москвы, и въ связи съ этой посылкой, можетъ быть, и перестали выбирать особыхъ губныхъ властей въ Введенскомъ Устьянскомъ стану. На Вагѣ послѣ П. Шарапова губныхъ старостъ мы не замѣчаемъ, и губное дѣло переходитъ тамъ къ земскимъ судьямъ. Въ сентябрѣ 1650 г. въ Устюжскую четверть доносилъ шенкурскій земскій судейка, что въ Шенкурской четверти появилось много разбойниковъ, которые замучили и убили многихъ крестьянъ и даже хвалятся идти на самый Шенкурскій острогъ и что онъ, судейка, собравъ крестьянъ Шенкурской четверти и снабдивъ ихъ изъ шенкурской казны ружьями, порохомъ и свинцомъ, посылалъ ихъ въ погоню за разбойниками. 23 іюля въ Тарненской волости произошелъ бой между разбойниками и этимъ отрядомъ, причемъ были убитые съ обѣихъ сторонъ, но захватить хотя бы одного разбойника „для языка“, т. е. для показаній, отряду не удалось. Въ отвѣтъ на это донесеніе правительство командировало на Вагу для поимки разбойниковъ особаго сыщика Матвѣя Шишкина, предписавъ дать ему отрядъ стрѣльцовъ съ Устюга[2]).

Спеціальную губную организацію въ Поморьѣ въ XVII в. мы только и встрѣтили въ двухъ упомянутыхъ случаяхъ: въ Устьянскихъ волостяхъ въ видѣ порученія губного дѣла волостнымъ выборнымъ властямъ и на Вагѣ въ видѣ всеуѣзднаго губного старосты изъ служилыхъ людей. Въ другихъ мѣстахъ губное дѣло входило обыкновенно въ компетенцію воеводы или въ экстренныхъ случаяхъ возлагалось на особыхъ временно командируемыхъ изъ Москвы въ уѣзды, гдѣ усиливались разбои, „сыщиковъ по губнымъ дѣламъ“. Такъ въ Устюгѣ В. губное дѣло было обязанностью воеводы, который и несъ отвѣтственность за безопасность уѣзда. Когда въ 1626 г. устюжскій таможенный и кабацкій голова М. Нестеровъ жаловался на упадокъ на Устюгѣ торговли, на сокращеніе таможенныхъ сборовъ и на уменьшеніе продажи питья на кабакѣ и объяснялъ эти при-

---

[1]) Выше, стр. 63.
[2]) Пр. Д. 1650 № 78.

скорбныя для него явленія умноженіемъ разбойниковъ, которые безпрепятственно ходятъ по всему Устюжскому уѣзду, на донесеніи въ приказѣ была положена резолюція: „отписать къ воеводѣ, почему о томъ не пишетъ; то было его дѣло, и будетъ есть (разбойники) и для чего надъ ними не промышляетъ и попенять гораздо". Воевода въ своемъ отвѣтѣ оправдывался, писалъ, что онъ постоянно разсылалъ по уѣзду небольшіе отряды стрѣльцовъ, которые однако нигдѣ никакихъ разбойниковъ не нашли; что такъ какъ стрѣльцовъ на Устюгѣ очень мало и они всѣ заняты разными посылками и порученіями, то онъ предписывалъ земскимъ судейкамъ, старостамъ и цѣловальникамъ всѣхъ волостей ссылаться между собою и, если провѣдаютъ гдѣ про разбойниковъ, преслѣдовать ихъ и надъ ними промышлять, „скопяся всѣми волостьми, сколько Богъ помочи подастъ"; но и отъ волостныхъ властей ни откуда пойманныхъ разбойниковъ не присылали[1]). Время отъ времени въ Устюгъ командировались губные сыщики. Такъ съ 139 (1630—31) г. по 146 (1637—8) г. дѣйствовали тамъ сыщики: В. С. Беклемишевъ, кн. М. В. Бѣлосельскій, Ив. Францбековъ[2]). Намъ уже приходилось говорить, какъ въ 1637 г. правительство составило проектъ устройства выборной губной организаціи на Устюгѣ, и какъ этотъ проектъ не встрѣтилъ сочувствія въ устюжскомъ обществѣ и по ходатайству земства не былъ осуществленъ на практикѣ. Губное дѣло осталось въ рукахъ воеводъ[3]).

Въ вѣдѣніи воеводъ находилось въ XVII вѣкѣ губное дѣло также въ Сольвычегодскомъ и Тотемскомъ уѣздахъ. И въ эти уѣзды временно командировались губные сыщики. Такъ въ 135 (1626—27) г. въ Сольвычегодскѣ дѣйствуетъ сыщикъ кн. Д. П. Горчаковъ, въ 145 (1636—7) г. общій съ Устюжскимъ уѣздомъ сыщикъ Ив. Францбековъ, а въ 146 (1637—38) г. также общій для нѣсколькихъ уѣздовъ Матв. Зубовъ. Въ Чарондскую округу въ 134 (1625—6), 145 (1636—7) и 159 (1650—51) гг. командировались сыщики П. Полѣновъ, Ѳ. Плещеевъ и кн. П. Ухтомскій. Пріѣзжая въ уѣздъ, сыщикъ учреждалъ „губу", формировалъ временный штатъ губного управленія, для чего обращался съ требованіемъ къ всеуѣздному міру о выборѣ къ нему въ помощь нѣсколькихъ губныхъ цѣловальниковъ. Такъ чарондскій сыщикъ П. Полѣновъ, прибывъ въ округу, потребовалъ себѣ отъ чарондскаго всеуѣзднаго съѣзда 10 человѣкъ цѣловальниковъ[4]). Затѣмъ начинался особаго рода повальный обыскъ, заклю-

---

[1]) Пр. Д. 1626 № 41, л. 92.

[2]) Пр. Д. 1631 № 30; 1637 № 14, л. 173. Матв. Зубовъ, командированный на Устюгъ, Вятку, въ Сольвычегодскъ, вверхъ по Вычегдѣ до Вымскаго волока и на Холмогоры.

[3]) Стр. 79—80; Д. А. И. V, № 62.

[4]) Повидимому, старшій изъ этихъ цѣловальниковъ при П. Полѣновѣ носилъ названіе „губного старосты". Пр. Д. 1626 № 41, л. 22 и сл. „И я, холопъ твой", доноситъ Полѣновъ въ Москву, „того часу взявъ съ собою выборнаго губного старосту Ивашка Калинина да губныхъ цѣловальниковъ (четырехъ человѣкъ), да судеекъ (четырехъ человѣкъ) и губного дьячка" и т. д. Сы-

чавшійся въ томъ, что сыщикъ созывалъ спеціальный всеуѣздный съѣздъ жителей, отличный отъ обыкновеннаго всеуѣзднаго земскаго собранія и отъ этого съѣзда требовалъ обыскныхъ сказокъ по волостямъ, что извѣстно о разбояхъ и разбойникахъ въ каждой. Сыщикъ Ѳ. Плещеевъ собиралъ для этой цѣли на Чаронду изъ волостей приходскихъ волостныхъ поповъ, земскихъ дьячковъ, старостъ, земскихъ судеекъ и крестьянъ по человѣку „съ дыма“, такъ что, какъ жаловались чарондцы церкви по всей округѣ, пока тянулся этотъ съѣздъ, три недѣли стояли безъ пѣнья. Кн. П. Ухтомскій въ 159 (1650—51) г. собиралъ поповъ, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ. Послѣ собранія сыщикъ съ отрядомъ стрѣльцовъ производилъ самоличный объѣздъ волостей. Требованія поставки губныхъ цѣловальниковъ и вызовъ въ уѣздный центръ, объѣзды сыщиковъ, для которыхъ жители должны были выставлять большое количество подводъ, были тяжелы и разорительны для населенія; оно жаловалось на сыщиковъ въ Москву и ходатайствовало объ ихъ отозваніи и о порученіи губного дѣла по прежнему воеводамъ [1]).

Посмотримъ теперь на дѣятельность второстепеннаго судебнаго и судебно-полицейскаго выборнаго персонала, частію входившаго въ составъ судебныхъ волостныхъ присутствій, частію являвшагося только подчиненнымъ исполнительнымъ органомъ волостного суда. По тѣмъ документамъ судебной практики, которыми пришлось уже пользоваться, мы въ значительной мѣрѣ знакомы съ этими должностными лицами и ихъ обязанностями. Слѣдуетъ теперь привести эти свѣдѣнія въ нѣкоторую систему, перечисливъ составъ этого персонала и указавъ значеніе каждой должности на практикѣ.

Судецкій староста тамъ, гдѣ онъ былъ, прежде всего входилъ въ качествѣ члена въ составъ судебнаго присутствія, занимая въ немъ мѣсто непосредственно послѣ земскихъ судей. Но встрѣчаемъ случай, когда судецкій староста участвуетъ въ производствѣ предварительнаго дознанія по дѣлу объ убійствѣ, производитъ осмотръ трупа и допросъ свидѣтелей [2]).

Судецкій цѣловальникъ также входитъ въ составъ волостного суда. Въ Устьянскихъ волостяхъ, какъ мы знаемъ, вмѣстѣ съ судебною своею дѣятельностью онъ соединяетъ также и финансовую: раскладку и сборъ податей; въ другихъ мѣстахъ судецкіе цѣловальники несутъ именно только судебныя обязанности. По устьянскимъ избирательнымъ спискамъ цѣловальникъ долженъ засѣдать вмѣстѣ съ судьею при разборѣ всякихъ дѣлъ, причемъ списки Чадромской волости упоминаютъ о его спеціальной обязанности наблюдать за правильностью составленія земскимъ дьячкомъ суднаго списка: „рѣчи велѣти писать вправду“ [3]). Онъ долженъ также содѣйство-

---

щикъ не назвалъ бы старосту уменьшительнымъ именемъ, если бы староста былъ изъ служилыхъ людей.

[1]) Пр. Д. 1626 № 41, л. 19 и сл.; Пр. Д. 1636 № 27; Пр. Д. 1650 № 28.

[2]) Р. И. Б. XIV, 828 и сл.

[3]) I, прилож. стр. 86.

вать судьѣ въ поимкѣ татей и разбойниковъ, принимать участіе въ слѣдствіи по такого рода дѣламъ, присутствовать при разспросахъ и пыткахъ, словомъ, дѣйствовать съ судьею „за одинъ“. Кромѣ того, нѣкоторые устьянскіе выборные списки подробнѣе говорятъ о вспомогательной и исполнительной дѣятельности судецкаго цѣловальника, уполномочивая его принимать у крестьянъ явки о правонарушеніяхъ, производить по челобитью потерпѣвшихъ предварительныя слѣдствія на мѣстѣ и составлять протоколы по дѣламъ „земляным и протравнымъ“, т. е. въ случаяхъ поземельныхъ столкновеній между деревенскими жителями[1]). Съ своей стороны и документы практическаго характера рисуютъ намъ волостного судецкаго цѣловальника именно съ чертами члена суда, принимающаго участіе въ его засѣданіяхъ и сверхъ того исполняющаго вспомогательныя дѣйствія по отношенію къ суду. Онъ, дѣйствительно, принимаетъ отъ потерпѣвшихъ заявленія о правонарушеніяхъ и по ихъ просьбамъ отправляется на мѣста для производства дознаній и составленія протоколовъ. Въ августѣ 1646 г. въ Ратмировскомъ стану Сольвычегодскаго уѣзда у крестьянина Ив. Родіонова съ его пожни на р. Лузѣ свезъ сѣно монастырскій половникъ Леванидовы пустыни Д. Елисѣевъ. Потерпѣвшій, явившись на станъ въ Ратмирово, „прошалъ у земскаго судьи у Ив. Михайлова на то обидящее мѣсто цѣловальника, пристава и людей того мѣста пожни и сѣна, куда везено, досмотрѣть и досмотря записать“. Командированный судьею ратмировскій судецкій цѣловальникъ, прибывъ на мѣсто произшествія съ приставомъ, взявъ четверыхъ добрыхъ людей понятыхъ, ходили на спорную пожню, досматривали слѣды своза сѣна и шли по слѣду, приведшему именно къ стогамъ отвѣтчика. Отвѣтчикъ былъ подвергнутъ допросу. Всѣмъ этимъ своимъ дѣйствіямъ цѣловальникъ составилъ протоколъ[2]). Иногда съ самаго судебнаго засѣданія во время хода судоговоренія судецкій цѣловальникъ посылается для производства осмотровъ и опросовъ[3]). Его отправляютъ также вмѣстѣ съ сотскимъ для принудительнаго привода отвѣтчиковъ въ судъ[4]).

Сотскій—въ волостяхъ Двинскаго уѣзда и Подвинской четверти Важскаго уѣзда стоитъ во главѣ другихъ земскихъ волостныхъ властей. Самыя волости въ этихъ мѣстностяхъ, какъ припомнимъ, носили названіе сотенъ. При такомъ сотскомъ земскій судейка занимаетъ здѣсь второй планъ. Сотскій завѣдуетъ сборомъ податей, заключаетъ мірскіе займы, созываетъ волостной сходъ, являясь вообще главнымъ представителемъ во-

---

[1]) I, прилож., стр. 85.

[2]) Протоколъ былъ написанъ, очевидно, уже по возвращеніи цѣловальника въ Ратмирово земскимъ дьячкомъ. Пр. Д. 1646 № 63. „Записку писалъ въ Ратмировѣ земскій дьячекъ Калинка Васильевъ Максимовъ; Пр. Д. 1633 № 50, л. 55—57.

[3]) Пр. Д. 1634 № 47; выше, стр. 197; Пр. Д. 1631 № 56: для осмотра поземельныхъ крѣпостныхъ актовъ.

[4]) Пр. Д. 1634 № 59.

лостного міра[1]). Но такое значеніе сотскаго—исключительная особенность только указанныхъ двинскихъ и важскихъ волостей. Въ другихъ уѣздахъ онъ выступаетъ съ значеніемъ или члена волостного суда и вмѣстѣ съ тѣмъ судебно-полицейскаго агента, или только съ однимъ послѣднимъ значеніемъ. Функціи члена волостного суда и полицейскаго органа онъ соединяетъ въ Устьянскихъ волостяхъ и въ Сухонскомъ стану Устюжскаго уѣзда. Избирательные списки земскихъ властей въ этихъ мірахъ уполномочиваютъ сотскаго сидѣть въ судѣ и быть у приговоровъ съ выборными судьями, т. е. принимать участіе въ засѣданіяхъ волостного суда въ качествѣ его члена[2]). Протоколы судебныхъ разбирательствъ, судные списки показываютъ, что сотскій осуществлялъ это полномочіе на практикѣ, дѣйствительно бывалъ въ Устьянскихъ волостяхъ членомъ волостного суда, товарищемъ земскаго судьи. Въ другихъ мѣстностяхъ его участіе въ самомъ составѣ судебной коллегіи не такъ замѣтно; на первый планъ выступаетъ его дѣятельность, какъ судебно-полицейскаго агента, и среди другихъ земскихъ властей сотскій является преимущественно съ полицейскими обязанностями, которыя преобладаютъ у него надъ всякими другими. Когда во Введенскомъ Устьянскомъ стану существовала особая губная организація, параллельная общей, тамъ помимо земскихъ сотскихъ выбирались еще спеціально губные сотскіе. Но затѣмъ, когда выборы спеціальныхъ губныхъ должностей въ этомъ стану прекратились, на земскаго сотскаго стало возлагаться губное дѣло. То же значеніе земской власти по дѣламъ вообще полицейскаго и въ частности губного характера онъ имѣетъ и въ другихъ поморскихъ волостяхъ, гдѣ не существовало въ XVII в. отдѣльныхъ губныхъ организацій. Полицейскій агентъ по преимуществу, сотскій вѣдаетъ въ волости полицію безопасности, преслѣдуетъ и ловитъ разбойниковъ. Деревенскіе жители, заслышавъ о разбойничьемъ приходѣ, тотчасъ же извѣщаютъ сотскаго, и онъ организуетъ погоню, собираетъ вооруженныхъ крестьянъ, идетъ съ ними за разбойниками по слѣду, разсылаетъ „грамотки“ къ сотскимъ сосѣднихъ волостей, привлекая ихъ населеніе къ этому дѣлу[3]). Совмѣстно съ судьею и цѣловальникомъ сотскому въ усть-

---

[1]) I, 257, 297.

[2]) Пр. Д. 1640 № 59; I, прилож. V, №№ 4, 10, 11, 13, 16.

[3]) Пр. Д. 1626 № 41, л. 27—28. „И какъ тѣ разбойники пришли въ ихъ деревни (Колнобойской волости Чарондской округи) и учали ихъ дворишка разбивать.... и того жъ де часу къ сотскому къ Ивашкѣ Степанову вѣсть пришла, и тотъ сотской того жъ часу грамотки послалъ въ волости въ Шалгу Бодунову да на Короткое къ сотскимъ и къ крестьянамъ“; Пр. Д. 1627 № 20. Чарондская округа Пунемская волость: „Въ прошломъ де во 135 г. августа въ 30 д. съ четверга на пятницу въ ночи приходили къ нему Ѳедотку на домъ лихіе люди разбойники и его, Ѳедотка, саблею сѣкли и животъ его разбоемъ поимали. И послѣ де ихъ, разбойниковъ, онъ Ѳедотко созвалъ къ себѣ сотскаго тое жъ Пунемскіе волости и десятскихъ и за тѣми разбойниками слѣдомъ ходили, слѣдъ де довели до Вологодскаго уѣзда“; Пр. Д. 1631 № 41. Сотскій Тягинской волости Чарондской округи, получивъ въ сентябрѣ 140 г. отъ

янскихъ избирательныхъ спискахъ поручается надзоръ, „чтобы въ волости не было татямъ приходу и разбойникамъ пріѣзду“, а также корчмы и зерни. Въ завѣдываніи сотскаго находится волостная тюрьма и заключенные въ ней[1]). Округомъ сотскаго была обыкновенно волость; въ иныхъ волостяхъ, какъ напр. въ Царевской Тотемскаго уѣзда встрѣчаемъ двухъ сотскихъ.

Въ качествѣ судебно-полицейскаго агента сотскій или исполняетъ различныя порученія суда, напр. командируется судомъ сопровождать судецкаго цѣловальника для осмотра спорной земли, для привода въ судъ отвѣтчика, для поимки подозрѣваемаго церковнаго татя и т. п.[2]), или открываетъ свои дѣйствія по челобитьямъ и заявленіямъ отъ самого населенія или и по собственной иниціативѣ, по какимъ либо дошедшимъ вѣстямъ о преступленіи, даже при отсутствіи жалобы отъ потерпѣвшихъ. Являясь на мѣсто преступленія, онъ производитъ дознаніе и составляетъ протоколъ. Такъ напр. въ мартѣ 1624 г. сотскіе Царевской волости Тотемскаго уѣзда, получивъ извѣстіе о томъ, что кто-то причинилъ „порчу“ нѣкоей жившей на царевскомъ церковномъ погостѣ у мѣстной просвирни вдовѣ Домнѣ Басиной, пришли къ ней съ понятыми и произвели ей допросъ: „слухъ до насъ дошелъ, что де ты больна и порчена де икотою и сколотою, а намъ ты про то не извѣщаешь; и ты скажи намъ, кто тебя испортилъ и гдѣ испортилъ, и въ которой деревнѣ, и у кого во дворѣ или на пиру, и нынѣ ты тою болѣзнью больна ли“. „И вдова Домна“, продолжаетъ составленная сотскими записка, „въ разспросѣ сказала, что она и нынѣ тою болѣзнію больна икотою и сколотою, а испортили меня въ деревнѣ Гридинской на пиру у Юрья Панкратова о праздникѣ Рождества Пречистые Богородицы въ нынѣшнемъ же въ 132 (1623—24) г., а того не вѣдаю, кто меня испортилъ. И та меня порча, икота и сколота и нынѣ ломаетъ по вся дни“. Въ апрѣлѣ того же года сотскіе производили вторичный допросъ вдовы, на этотъ разъ по приказу тотемскаго воеводы, къ которому было направлено дѣло о ея отравленіи[3]). Безъ сотскаго, какъ представителя полицейской власти, сосѣди, которымъ дѣлается явка о поджогѣ, отказываются ее принять[4]). Сотскій является по заявле-

крестьянина Савинской деревни О. Нечаева извѣстіе о нападеніи разбойниковъ, „собрався со крестьяны, за тѣми убойцы ходили слѣдомъ, и тотъ ихъ слѣдъ изъ нашіе волости вышелъ въ Вологодскій уѣздъ“.

[1]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 6.; Пр. Д. 1636 № 70.

[2]) Пр. Д. 1650 № 81: „бьетъ челомъ твой, государевъ, сирота Чадромскіе волости крестьянинъ Невѣжка Силуяновъ сынъ Перегудовъ. Жалоба, государь, мнѣ тое жъ Чадромскіе волости на прошлаго земскаго судью на Илью Сергіева Лосева въ таковѣ дѣлѣ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 159 г. ноября въ 21 д. послалъ тотъ судья Илья Сергіевъ товарищевъ своихъ: *сотскаго* Захара Иванова да земскаго дьячка Панфила Иванова къ намъ въ Шастовскую деревню къ отцу моему ко двору въ ночи, и меня, Невѣжку, поймали *безъ узла и безъ поличнаго*“. Ср. Судебникъ царя Ѳедора Ивановича, ст. 103.

[3]) Пр. Д. 1633 № 21, л. 30, 31.

[4]) Р. И. Б. XIV, 523. „И язъ, господине, билъ челомъ на извѣтъ су-

нію потерпѣвшаго на мѣсто кражи и арестуетъ подозрѣваемаго вора. Въ 1631 г. крестьянинъ деревни Паршутина Вещезерской волости Чарондской округи Харитонъ Константиновъ жаловался на крестьянина той же волости деревни Тимоѳеевской Замятню Ѳедорова въ ложномъ доносѣ. „Дѣялось, государь", пишетъ челобитчикъ, „въ нынѣшнемъ во 139 (1631) г. за недѣлю до Петрова дни и Павлова съ субботы противъ недѣли. Умыслилъ, государь, тотъ Замятня ябедничествомъ да сказалъ у себя покрадену житницу и прислалъ по меня пристава, и велѣлъ меня привести къ себѣ въ деревню, и учалъ мнѣ говорить: ты де у меня, Харя, съ дѣтьми своими житницу покралъ, а взялъ де ты изъ житницы 50 рублевъ денегъ... да два мѣста мяса. И подалъ, государь, на меня выпись сотскому, а назвалъ меня татемъ, а невѣдомо почему: ни слѣдомъ, государь, ко мнѣ не приходили, ни поличнаго у меня не вынимывали, ни на шею не вязывали [1]). И сотской, государь, меня отдалъ пятидесятскому безъ поличнаго и свели меня на Чаронду къ воеводѣ [2])". На сотскаго и на его протоколъ въ дѣлѣ о кражѣ тяжущіяся стороны ссылаются, какъ на общее доказательство, на общую правду [3]). Сотскій производитъ по жалобѣ потерпѣвшаго отъ кражи выемку похищеннаго [4]). Въ поземельныхъ спорахъ сотскому подается явка

сидямъ ближнимъ... И они, господине, на извѣтъ не пошли: безъ сотскаго де мы не идемъ".

[1]) Ср. Судебникъ царя Ѳедора Ивановича, ст. 103.

[2]) Пр. Д. 1631 № 56. Пр. Д. 1631 № 36; Пр. Д. 1633 № 31; I, 153, слѣдствіе по заявленію крестьянина Чушевицкой волости о покражѣ у него имущества; Пр. Д. 1639 № 44: „Царю государю... бьетъ челомъ нищей твой царской богомолецъ Тотемскаго уѣзду Толшемскіе волости попъ Евдокимъ Титовъ сынъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 147 г. мая въ 25 д. покрали меня, богомольца твоего невѣдомые тати и вынесли изъ клѣти приголовашекъ съ кованымъ желѣзомъ, а цѣна, государь, тому головашку 45 алтынъ, а въ немъ было живота моего, собинишки моей, 17 руб. денегъ да два портища пуговицъ серебряныхъ, сканное дѣло,цѣна два рубли, да волосникъ золотомъ шитъ, да подзатыльникъ серебромъ шитъ..., да перевязка золотомъ шита, цѣна 2 руб. съ полтиною, да нашивка шелкова гвоздишная, цѣна полтина, да полки, да воротничекъ соболій, цѣна полтина, да платно ручное шелкомъ шито на 6 алт. 2 ден., да всякія мелкія рухляди на 5 руб., да ставленая грамота и новоставленая и митрополичьи данныя отписи, да кабала на Парѳена Григорьева сына Попова въ дву рублехъ во 6 алт. въ 4 деньгахъ, да Григорья Агаѳонова кабала въ пяти рубляхъ, пути мои и дѣловыя записи, и всякія крѣпости было въ томъ же приголовашкѣ. Да изъ клѣти вынесена пищаль, цѣна $1^1/_2$ руб. И всего, государь, живота моего покрали на 37 руб. на 24 алт. на 4 ден., окромѣ ставленой грамоты и путей моихъ. И я, богомолецъ твой, попъ Евдокимъ билъ челомъ тебѣ, государю, словесно, звалъ *сотскаго* Толшемскіе волости Шумила Иванова въ деревню Терентьевскую для сыску своей гибели. И тотъ сотской пришелъ съ понятыми съ невеликими людьми въ деревню Терентьевскую и спрошалъ меня попа Евдокима, что де твоя гибель" и т. д.; Р. И. Б. XIV, 159—161.

[3]) Пр. Д. 1633 № 31, л. 2 и сл.

[4]) Пр. Д. 1633 № 21, л. 21—28.

о завладѣніи землей, и онъ обязанъ отправляться для производства осмотра на мѣстѣ, „на земли и на записки ходить“, по выраженію избирательнаго списка Чадромской Устьянской волости[1]). Онъ принимаетъ, далѣе, всякаго рода явки о совершенныхъ правонарушеніяхъ и о намѣреніи ихъ совершить и присутствуетъ при разнаго рода публичныхъ актахъ, совершаемыхъ высшими земскими властями, старостами и судьями, напр. при отказѣ земельнаго участка[2]), при осмотрѣ спорнаго участка[3]), при оцѣнкѣ казеннаго имущества, производимой всею коллегіей волостныхъ земскихъ властей по требованію воеводы[4]), при составленіи земскими судьями всякихъ протоколовъ, въ томъ числѣ о сопротивленіи суду: неотвѣтныхъ и отбойныхъ записей[5]), при приводѣ новаго судьи къ присягѣ. Въ случаѣ отсутствія высшихъ земскихъ властей онъ упоминается въ приговорахъ во главѣ участниковъ волостного схода и, надо думать, руководитъ тогда сходомъ.

Пятидесятскій—въ Введенскомъ Устьянскомъ стану, въ Сухонскомъ Нововышломъ, можетъ быть, и въ другихъ засѣдаетъ въ качествѣ члена въ составѣ судебнаго присутствія[6]); но болѣе обычна для него роль подчиненнаго сотскому полицейскаго агента. Онъ исполняетъ отдѣльныя порученія сотскаго, сопровождаетъ его на осмотры спорной земли, присутствуетъ при составленіи протоколовъ. Какъ и сотскій онъ призывается потерпѣвшими отъ правонарушеній и производитъ дознаніе[7]).

Десятскій—низшій полицейскій агентъ, выбираемый иногда на волостномъ сходѣ вмѣстѣ съ сотскимъ и пятидесятскимъ[8]), иногда же въ своемъ „десяткѣ“, мелкомъ округѣ, на которые дробится сотня, какъ полицейская единица. Десятокъ образуютъ нѣсколько деревень. Такъ мы уже видѣли въ Тотемскомъ уѣздѣ въ волости Старой Тотьмѣ волостку Нижнюю Еденгу, бывшую въ полицейскомъ отношеніи десяткомъ и состоявшую изъ 8 деревень, въ которыхъ по писцовой книгѣ 1620-хъ годовъ числилось 20 крестьянскихъ дворовъ[9]). Десятскіе подчинены сотскому, доносятъ ему о происшествіяхъ въ своихъ десяткахъ, сопровождаютъ его, исполняютъ его порученія, находятся при немъ при слѣдствіяхъ, при совершеніи отказовъ на землю и вообще при тѣхъ актахъ, гдѣ замѣчается присутствіе сотскаго[10]).

---

[1]) I, прилож. V, № 4; Пр. Д. 1639 № 44; Р. И. Б. XIV, 223.

[2]) Пр. Д. 1636 № 16, л. 6—7, 16.

[3]) Ibid. л. 36.

[4]) Пр. Д. 1636 № 66: именно при оцѣнкѣ казеннаго таможеннаго двора въ Коротецкой волости Чарондской округи въ 1635 г.

[5]) Пр. Д. 1638 № 25; Пр. Д. 1639 № 44.

[6]) I, прилож. V, №№ 13, 16.

[7]) Пр. Д. 1636 № 16, л. 36; Пр. Д. 1652 № 101; Пр. Д. 1639 № 44; Пр. Д. 1650 № 81.

[8]) I, прилож. стр. 86.

[9]) I, 209.

[10]) Р. И. Б. XIV. 159: «Лѣта 7110 апрѣля въ 29 день по явкѣ Никиты

Однако можно указать случаи самостоятельной дѣятельности десятскаго. Такъ напр. въ Шольской волости Устюжскаго уѣзда въ 150 (1641—42) г. десятскій является въ деревню по приглашенію одного изъ складниковъ раздѣлить между ними землю[1]). Приведемъ дѣло, въ которомъ десятскіе выступаютъ въ качествѣ полицейскихъ агентовъ, производящихъ первое дознаніе. Въ глухую осеннюю пору 1627 г. была обнаружена кража въ церкви св. Николая на Приводинѣ въ Ярокурскомъ стану Устюжскаго уѣзда. Въ ночь на 9 ноября никольскій пономарь Спиридонъ, отблаговѣстивъ еще до разсвѣта къ заутренѣ, вошелъ съ фонаремъ въ церковную трапезу. Двери въ самый храмъ были заперты, однако замокъ оказался испорченъ. Отперевъ двери и войдя въ храмъ, пономарь замѣтилъ на скамьѣ коробью, въ которой хранилась никольская церковная казна и которая обыкновенно стояла въ алтарѣ. Вокругъ была разбросана писчая бумага, валялся кусокъ полотна, а у самой коробьи былъ прорѣзанъ уголъ. Тотчасъ же пономарь позвалъ священника Дмитрія и нѣсколько мѣстныхъ жителей, вѣроятно, бобылей съ церковнаго погоста и имъ являлъ о случившемся. Послали за десятскимъ. Десятскій Пятый Прокофьевъ, взявъ понятыхъ изъ погостскихъ жителей и окольныхъ крестьянъ, съ зажженными свѣчами осмотрѣлъ храмъ, допросилъ трапезника Бориса и затѣмъ отправился въ сопровожденіи понятыхъ „слѣду татина искати“. По слѣду шли съ фонаремъ. Очевидно уже по снѣгу слѣдъ шелъ сначала отъ церкви дорогою, переходилъ черезъ поле, направлялся далѣе къ удимской проѣзжей дорогѣ (по р. Удимѣ), по этой дорогѣ обозначался до принадлежавшей къ Вондокурскому стану деревни Шибнево и здѣсь терялся. Обойдя деревню кругомъ, десятскій съ понятыми не могли найти продолженія слѣда, и жители деревни отъ себя его не отвели. Такимъ образомъ мѣстопребываніе татя было найдено. Десятскій вошелъ въ избу Михаила Вологжанина и въ присутствіи тѣхъ же понятыхъ подвергъ его допросу: „Гдѣ ты, Михайло, вчера былъ? въ подворьѣ ли у себя, или ты куда отъѣзжалъ? И Михайло“, продолжаетъ протоколъ, „сказалъ: язъ де вчера былъ на Вондокурскомъ на новостѣ; отецъ мой Иванъ посылалъ меня по деревнѣ податей платить. И десятскій Пятой у Михайла спрошалъ: да гдѣ ты изъ Вондокурьи былъ? И Михайло сказалъ: язъ де изъ Вондокурьи шелъ на городокъ на Вотложемецъ къ Михаилу Архангелу, а съ городка де язъ шелъ въ ночи. И десятскій Михайла спрошалъ: какъ де ты съ городка пошелъ, и кто де тебя видѣлъ, какъ де ты пошелъ? И Михайло сказалъ: видѣлъ де меня складникъ нашъ Миня, какъ я пошелъ, да видѣлъ де меня какъ я пошелъ и Ульянъ Ивановъ сынъ, кабацкій дьячекъ; язъ де съ нимъ на городкѣ на кабакѣ сидѣлъ“. Тогда десятскій обратился къ Михайловой женѣ: „мужъ де твой рано ли къ себѣ на подворье пришелъ? И жена Михайлова сказала: мужъ де мой пришелъ къ себѣ на подворье въ ночи до пѣтуховъ“. Десятскій велѣлъ Михайлѣ предъявить обувь, въ которой онъ ходилъ на Вондокурье

Остафьева сотской Михайло Павловъ и съ десятскими сѣли на взыскъ. И спрошалъ сотскій» и т. д; Пр. Д. 1636 № 16, л. 6—7.

[1]) Пр. Д. 1650 № 81.

и, взявъ эту обувь, „коты ветчаные, оба съ подплаты, четыре заплаты пришиты“, повелъ его на дорогу прикладывать обувь къ слѣду. „И Михайло съ десятскимъ и съ понятыми на дорогѣ коты въ слѣдъ клалъ, и слѣдъ въ слѣдъ пришелъ, которымъ слѣдомъ отъ Николина теплаго храму шли до деревни Шибнева“. Подозрѣваемый пытался было показать другую дорогу, которою будто бы онъ возвращался изъ Вондокурья, но тамъ слѣдовъ по его сапогамъ не оказалось. Произведя эти дѣйствія, десятскій Пятый Прокофьевъ послалъ за десятскимъ Вондокурскаго стана Жданомъ Михайловымъ, такъ какъ деревня Шибнево входила въ составъ этого стана. Оба десятскихъ вновь провѣрили слѣдъ на дорогѣ, а затѣмъ пришли на Приводино на погостъ, „и которые слѣды отъ храму татебные шли, и коты Михайловы на тѣ слѣды прикладывали, и слѣдъ въ тѣ коты сошелся“. Вторично произведенъ былъ обоими десятскими осмотръ храма и коробьи, причемъ выяснены были размѣры похищеннаго: вынуто было изъ коробьи 17 руб. 28 алт. 2 ден., да изъ алтаря съ блюда свѣчныхъ денегъ 9 алт. 4 ден., да медовыхъ денегъ 3 алт., да молебенныхъ денегъ 8 алт. Этимъ дознаніе было закончено. Всѣмъ указаннымъ выше дѣйствіямъ составлена была записка. Возникло дѣло о святотатствѣ, долго тянувшееся потомъ въ Устюжской четверти[1]).

Земскій доводчикъ — низшій выборный служитель при волостныхъ судьяхъ. Онъ избирается волостнымъ сходомъ. Въ избирательныхъ спискахъ Устьянскихъ волостей указывается при упоминаніи объ избраніи доводчика его двоякая обязанность: вызовъ въ волостной судъ и отдача на поруки тѣхъ крестьянъ, которые должны въ судъ явиться. „А въ доводчики выбрали и полюбили къ судьямъ... кому у нихъ на поруки насъ, крестьянъ, давать и на судъ ставить“ — вотъ формула, которою эти списки опредѣляютъ дѣятельность доводчика. Практика съ такимъ опредѣленіемъ вполнѣ совпадаетъ. Доводчикъ вызываетъ въ судъ отвѣтчика[2]) и свидѣтелей[3]) и отдаетъ вызываемыхъ на поруки въ томъ, что явятся къ сроку[4]).

---

[1]) Пр. Д. 1628 № 38.

[2]) Пр. Д. 1644 № 53 (въ концѣ). „152 г. ноября въ 29 д. по государеву указу Устьянской волости Введенскаго стану выборной земской судья Якимъ Карповъ съ товарищи послалъ земскаго доводчика Митрофана Матѳіева съ наказною памятью по истцовѣ челобитной Юдки Макарова срочить отвѣтчика Фатимку Аѳанасьева къ отвѣту на станъ къ Введенью предъ выборныхъ судей Якима Карпова съ товарищи на срокъ послѣ Введеньева дни недѣлю спустя нынѣшняго 152 г. въ иску и въ убыткахъ въ трехъ рубляхъ съ полугривною. И пришедъ доводчикъ Митроша предъ судью, сказалъ по государеву крестному цѣлованію: отвѣтчикъ Фатимко лежитъ боленъ“.

[3]) Пр. Д. 1632 № 2. Вохомская вол. Тотемскаго у. „И земской судья Гаврило Семеновъ велѣлъ земскому доводчику Михею Яковлеву сыну поставить передъ себя правду на ссылку... И земской доводчикъ поставилъ правду на ссылку“.

[4]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 207; Пр. Д. 1631 № 56. „Лѣта 7140 декабря въ 14 д. по государеву... указу выборные земскіе судейки Устьянскіе волости

За свои труды онъ получалъ, какъ и другія мірскія должностныя лица наемную плату [1]). Близкою къ доводчику и, можетъ быть, иногда совпадавшею съ нею была должность *земскаго пристава*. Въ выборѣ волостныхъ властей Чадромской Устьянской волости на 1642—43 г. читаемъ: „а въ доводчиково мѣсто выбрали въ приставы Ивана Онфилова сына“, такъ что въ этой волости приставъ исполняетъ обязанности доводчика. Приставъ также посылается земскимъ судьею для отдачи вызываемыхъ лицъ на поруки [2]). Приставъ сопровождаетъ судью и судецкаго цѣловальника въ ихъ служебныхъ поѣздкахъ и исполняетъ ихъ порученія [3]). Его можно разсматривать какъ служителя при земскомъ судьѣ.

Таковы были въ волости второстепенныя судебныя и полицейскія должности и низшіе служители при судьяхъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что обязанности земскихъ судей и второстепеннаго персонала не отличаются строгимъ разграниченіемъ, и земскій судья нерѣдко самъ исполняетъ тѣ именно дѣйствія, для которыхъ выбирались міромъ спеціальные второстепенные судебные и полицейскіе чины. Можно указать напр. случаи, когда судья самъ выѣзжаетъ для слѣдствія и осмотра по жалобамъ о нанесеніи побоевъ. Такъ въ іюлѣ 1645 г. по жалобѣ властей Троицкаго Гледенскаго монастыря земскій судейка Верхняго конца Ярокурскаго стана съ церковнымъ старостою и приставомъ отправился въ деревню Герасимово для осмотра монастырскаго посельскаго старца Галактіона, избитаго крестьянами деревни Исаковской. Прибывъ къ старцу и найдя его лежащимъ въ клѣти, судья обратился къ нему съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ вопросомъ: „чѣмъ лежишь боленъ?“ Старецъ „по ангельскому чину“ показалъ, что 23 іюля пришелъ онъ на троицкую монастырскую пожню смотрѣть

Введенскаго стану Василій Амосовъ да Филиппъ Григорьевъ съ товарищи посылали земскаго доводчика Рычка Григорьева сына Чистякова съ наказною памятью, а велѣли дати на поруки съ записьми Антонка Дмитріева сына Тверитинова къ отвѣту по государевѣ грамотѣ истца Амоска Михайлова“.

[1]) Пр. Д. 1634 № 84, л. 59. „Се язъ Томило Ѳедоровъ сынъ Мурашкинъ далъ есмь память прошлаго 142 г. цѣловальнику Юрьева Наволока Никитѣ Тимоѳееву въ томъ: взялъ язъ Томило у него у Никиты годового найму своего съ Юрьева Наволока 15 алтынъ, что былъ язъ Томило у земскаго судьи у Василья Иванова съ товарищи по мірскому выбору въ судецкихъ доводчикахъ. Въ томъ ему цѣловальнику Никитѣ память далъ. Память писалъ Ѳедотко Васильевъ. Лѣта 7143 февраля въ 18 д.“.

[2]) Пр. Д. 1639 № 44. Отписка. „Государю царю... Устьянскихъ волостей Пежемскіе волости выборной и земской судейка Гришка Ивановъ Петровъ челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, государь, во 147 г.... на завтрее Велика дни въ понедѣльникъ на Ростовскомъ погостѣ... велѣлъ было язъ, Гришка, приставу своему земскому на площади въ міру Василья Моисеева Прокопьева въ государевѣ дѣлѣ въ дворцовыхъ деньгахъ на поруки давати и срочить на станъ на Пежму“ и т. д.

[3]) Пр. Д. 1646 № 63. „... и прошалъ у земскаго судьи у Ивана Михайлова на то обидящее мѣсто цѣловальника и пристава“. Ратмировск. станъ Сольвыч. у.

монастырское сѣно, и тутъ напали на него крестьяне деревни Исаковской съ косами, съ пищалями и кольями, бранили его всякою непотребною бранью и стали бить кольями и косами рѣзать, шапку съ головы и мантію сбили и изодрали и нутро ему стоптали". Судья осматриваетъ нанесенныя старцу раны и составляетъ протоколъ[1]). Судья отправляется иногда самъ составить такой протоколъ, который обыкновенно составляется низшими полицейскими чинами: сотскимъ, пятидесятскимъ или десятскимъ. 20 октября 1642 г. къ земскому судейкѣ Шарженской и Халезской волости Устюжскаго уѣзда пришелъ крестьянинъ Никольской слободки И. И. Оботуровскій съ жалобою, что у него сожгли копну ржи въ 20 овиновъ и звалъ судью „на свою гибель". Судья тотчасъ же пришелъ въ деревню Оботурово съ понятыми, „и его Ивашкова копна горитъ, а онъ, Ивашко, намъ бьетъ челомъ о запискѣ. И судья спрошалъ Ивашка: гибель твою видимъ; на кого именемъ бьешь челомъ или не на вѣдомаго вора? Ивашко сказалъ: бью де челомъ Пятого Теплякова на дѣтей на Семена да на Романа, что въ прошломъ во 149 (1641) г. августа въ 18 день стрѣлами стрѣляли брата моего Григорья, да и на животъ нашъ и на насъ похвалялись. Въ той ихъ похвальбѣ у насъ на нихъ явки даваны: они де у насъ и копну сожгли"[2]). Очевидно, что направленіемъ жалобы отъ потерпѣвшихъ къ земскимъ властямъ руководили скорѣе соображенія удобства и возможности, чѣмъ различіе компетенціи. Съ жалобой обращались къ той земской власти, которая была ближе или которая находилась налицо въ то время, какъ другія отсутствовали. И сами эти власти исполняли одни и тѣ же полицейскія дѣла безъ какого либо различія компетенціи.

---

[1]) Р. И. Б. XII, 243. Пр. Д. 1634 № 59, л. 39—40. „Чадромскіе волости земской судейка Семой Тимоѳеевъ Холзаковъ пріѣхалъ въ деревню Тарасовскую въ наволокъ къ битой головѣ... Тимоѳею Леонтьеву Пуляеву. Аже Тимоѳей лежитъ въ избѣ у отца своего Леонтья. И земской судья передъ цѣловальникомъ и передъ понятыми людьми добрыми спрошалъ у Тимоѳея: чѣмъ ты лежишь боленъ, чѣмъ неможешь? И Тимоѳей сказалъ" и т. д.; Пр. Д. 1644 № 53. Земскій судейка отправляется освидѣтельствовать отвѣтчика, не явившагося въ судъ по болѣзни.

[2]) Пр. Д. 1645 № 46.

Глава XII.

Земскій судъ и общество на сѣверѣ.

Очертивъ составъ, устройство и дѣятельность земскаго суда въ Поморьѣ въ XVII в., познакомимся съ отношеніемъ къ этому суду со стороны мѣстнаго общества. Казалось бы съ нашей теперешней точки зрѣнія, что, обладая такою цѣнною автономіей, какъ судебная, общество должно было дорожить ею; въ дѣйствительности мы видимъ совершенно обратное. Въ сѣверныхъ документахъ XVII в. на каждомъ шагу встрѣчаешь яркіе слѣды пренебреженія и неуваженія къ волостной юстиціи и склонность обращаться къ другимъ, хотя бы и далекимъ трибуналамъ. Со стороны истцовъ пренебрежительное отношеніе къ волостному суду выражается въ обходѣ его, въ возбужденіи исковъ непосредственно въ высшей инстанціи; со стороны отвѣтчиковъ неуваженіе къ суду выражается прежде всего въ безбоязненномъ уклоненіи отъ суда, въ открыто заявляемомъ нежеланіи передъ нимъ отвѣчать. Среди немалочисленныхъ прочитанныхъ нами судебныхъ дѣлъ мы встрѣтили только одинъ случай, когда волостному суду было выражено предпочтеніе передъ высшей инстанціей. Отвѣтчикъ, крестьянинъ Пежемской Устьянской волости И. Н. Чертовъ, отъ котораго земскій судейка потребовалъ поручительства въ явкѣ его въ Устюжскую четверть къ разбирательству съ вызывавшимъ его туда зазывною грамотой истцомъ Лукой Нечаевымъ, отказался исполнить требованіе судьи и подалъ ему письменное заявленіе, „письменныя рѣчи“. „Государю я не силенъ“, пишетъ онъ въ этихъ рѣчахъ, „да и тебѣ, судьѣ Прокофію Захаровичу. А противъ того Луки отвѣчаю я здѣсь передъ тобою, судьею Прокофіемъ, потому что преже сея (зазывной) грамоты передъ судьями здѣся на Пежмѣ отъ Луки на меня, Иванку, челобитья не бывало. А къ Москвѣ мнѣ поруки дать немочно потому—человѣченко одинокой, женишка и дѣтишекъ кормити некому, и пашнишка и деревнишка запустѣетъ, и государева тягла отбыти. А государю я не силенъ, то мои и рѣчи“. Значитъ, отвѣтчикъ, заявляя, что онъ не сопротивляется государю и суду, мотивируетъ свой отказъ дать поручительство въ явкѣ въ четверть и свое предпочтеніе къ волостному суду формально тѣмъ, что истецъ вчинилъ искъ прямо во второй инстанціи, минуя волостную, а по существу скудостью средствъ и разорительностью московской поѣздки[1]). Но это—исключительный случай. Обыкновенно же

[1]) Пр. Д. 1638 № 70.

отвѣтчикъ, явившись въ волостной судъ, открыто заявляетъ о своемъ нежеланіи отвѣчать передъ этимъ судомъ. Иногда онъ укажетъ мотивы такого заявленія, напр. что не будетъ отвѣчать безъ судимой грамоты изъ Москвы[1]), что не будетъ отвѣчать передъ старымъ судьею, когда уже избранъ новый, который началъ отправленіе своихъ финансовыхъ обязанностей[2]), или заявитъ, что будетъ отвѣчать только въ высшей инстанціи передъ воеводой или приказомъ[3]). Иногда же отвѣтчикъ не считаетъ нужнымъ привести какіе либо мотивы отказа и ограничивается однимъ, съ нашей точки зрѣнія, довольно наглымъ заявленіемъ. „150 (1642) г. мая 15 дня", читаемъ мы въ одной изъ такихъ „неотвѣтныхъ" записокъ, „на стану на Пежмѣ выборный земскій судья Петръ Прокопьевъ Третьяковъ велѣлъ приставу Доронкѣ Хамтолину поставить передъ себя отвѣтчика Аѳонку Лаврентьева Лапшина и велѣлъ дьячку челобитную честь. А отвѣтчикъ Аѳонка сказалъ: не вели де ты честь и челобитные, передъ тобою де язъ не судимъ, что ты мнѣ не судья. И судья Петръ спрашивалъ Аѳонку до трижды и приставу за него велѣлъ приматься и самъ за него примался. И Аѳонка опять сказалъ тѣ жъ рѣчи: одно язъ тебѣ сказалъ, что тебѣ до меня дѣла нѣтъ. И Аѳонка по челобитной передъ судьею передъ Петромъ не отвѣчалъ, учинился силенъ"[4]). А между тѣмъ отвѣтчикъ, крестьянинъ Пежемской волости, былъ вполнѣ подсуденъ земскому судейкѣ.

Отказы отвѣчать передъ волостнымъ судомъ вызывали репрессивныя мѣры. Предусматривая случаи такихъ отказовъ, уставная земская грамота Лузской Пермцы предписываетъ земскимъ судьямъ не обращать на нихъ вниманія, не прерывать по этой причинѣ судебнаго разбирательства и ставить рѣшеніе самимъ, не перенося дѣла изъ за отказа отвѣчать въ высшую инстанцію[5]). Управлявшій Устюжскою четвертью дьякъ Пантелѣй Чириковъ приказывалъ земскимъ судейкамъ взыскивать на неотвѣтчикахъ за отказъ отвѣчать проѣсти и волокиты, т. е. судебныя издержки истца, причиненныя ему поѣздкой въ Москву съ жалобой на неотвѣтъ, а иногда

---

[1]) Пр. Д. 1632 № 36.

[2]) Пр. Д. 1655 № 34. Неотвѣтная. „162 г. февраля въ 22 д. ... И судья велѣлъ дьячку челобитную честь. И отвѣтчики... сказали: судья де Яковъ, не вели челобитные чести, передъ тобою де, судья Яковъ, не отвѣчаемъ, будутъ де рѣчи у насъ передъ новымъ судьею, что де у насъ въ Пежемской волости выбранъ новый судья, что де мы государевы подати дань и оброкъ заплатили».

[3]) Пр. Д. 1647 № 14; Пр. Д. 1624 № 8. Лузская Пермца. „И тѣ де крестьяне... по той (исковой) челобитной не отвѣчали и подъ судъ не далися, а хотѣли отвѣчать на Москвѣ"; Пр. Д. 1633 № 50, л. 21. „И онъ Герасимъ... передъ земскимъ судьею (Чадромской волости) не отвѣчалъ и просился къ Москвѣ"; Пр. Д. 1641 № 31. „И отвѣтчикъ Баженко... челобитные честь не велѣлъ, а сказалъ: язъ по той челобитной ищеѣ отвѣчаю на Москвѣ въ Устюжской четверти".

[4]) Пр. Д. 1641 № 30.

[5]) Чт. О. И. Др. 1907 кн. 1 смѣсь, стр. 43.

даже грозилъ за неотвѣтъ батогами[1]). Однако эти угрозы не имѣли, повидимому, никакого значенія, и „неотвѣтныя записи“, т. е. протоколы объ отказѣ отвѣчать передъ волостнымъ судомъ попадаются въ поморскихъ судебныхъ дѣлахъ постоянно[2]).

Неотвѣтная запись составлялась, когда отвѣтчикъ отказывался отвѣчать, явившись всетаки въ волостной судъ. Но нерѣдко онъ вовсе и не являлся въ судъ, будучи вызванъ и при этомъ въ однихъ случаяхъ уклонялся отъ суда, хотя предварительно представлялъ посланному за нимъ земскому доводчику или приставу поручительство въ прибытіи на судъ къ сроку[3]); въ другихъ—не давалъ и такой поруки, скрывался отъ судебныхъ агентовъ или даже оказывалъ имъ вооруженное сопротивленіе. Въ такихъ случаяхъ, вернувшись изъ посылки съ пустыми руками, земскій доводчикъ или приставъ докладывалъ суду, что онъ согласно предписанію ходилъ въ такую то деревню давать отвѣтчика на поруки, но что отвѣтчикъ государева указу не слушаетъ, къ отвѣту передъ судей не становится, чинится силенъ, избѣгаетъ, изойти (найти) его нѣтъ мочи[4]) или что, хотя онъ отвѣтчика и нашелъ, но тотъ рѣшительно отказывается дать по себѣ поруки въ явкѣ въ срокъ къ суду. Вотъ примѣръ такого отказа. Въ 1642 г. въ Шангальской Устьянской волости разыгралось романическое дѣло, предусмотрѣнное статьями церковныхъ уставовъ о похищеніи женщинъ и о связяхъ между родственниками: крестьянинъ Алексѣй Коптяевъ увезъ жену у своего роднаго племянника и бѣжалъ съ нею вверхъ по Устьѣ рѣкѣ, причемъ ее мучилъ, билъ, безвѣчилъ и безчестилъ и насильствомъ сотворилъ съ нею содомъ, какъ описывалъ это произшествіе дядя пострадавшей крестьянинъ той же волости деревни Дубровской Рычко Симоновъ. Изъ этого невольнаго путешествія похищенная вернулась во дворъ къ своей матери; но отпустивъ ее, похититель не оставлялъ ее въ покоѣ и, видимо будучи не въ силахъ преодолѣть свое чувство, являлся по ночамъ къ ея жилищу, грозя ее убить. Тогда упомянутый ея дядя вмѣшался въ дѣло и предъявилъ къ похитителю двойной искъ: во-первыхъ, о возвратѣ приданаго въ размѣрѣ 6 рублей, даннаго имъ за племянницей при вступленіи ея въ бракъ, который онъ вслѣдствіе произшедшаго склоненъ былъ считать расторгнутымъ и, во-вторыхъ, о возмѣщеніи убытковъ, причиненныхъ ему, по его выраженію, „Алешкинымъ головоуводствомъ и содомомъ, что онъ уводилъ живую голову,

---

[1]) Пр. Д. 1641 № 30; Пр. Д. 1641 № 10, л. 4: „149 г. марта въ 31 д. дьякъ Пантелѣй Чириковъ, слушавъ истцовыхъ.... челобитенъ и судейкины неотвѣтные записки, приговорилъ... въ ихъ (истцовъ) иску и въ убыткахъ.... на отвѣтчиковъ дать судъ въ волости судейкамъ на той землѣ, что въ челобитной написано. А будетъ отвѣтчики учинятся сильны, отвѣчать не учнутъ и ихъ за непослушаніе и за неотвѣтъ бити батоги, чтобъ, на то смотря, инымъ такъ ослушаться было неповадно“.

[2]) Пр. Д. 1636 № 16, л. 68; Пр. Д. 1641 № 30, въ концѣ столбца челобитныя и „неотвѣтныя“.

[3]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 206.

[4]) Пр. Д. 1631 № 56.

содомничалъ", въ размѣрѣ 20 рублей съ полтиной. Искъ былъ предъявленъ въ судѣ Введенскаго стана, въ составъ котораго входила Шангальская волость. 17 сентября 1642 г. земскіе судьи С. Батуринъ да Незговоръ Леонтьевъ приказали доводчикамъ Семихѣ Калистратову да Василью Друганову поставить отвѣтчика къ суду съ очей на очи съ истцомъ. Но предпріимчивый романистъ и назойливый поклонникъ своей племянницы отказался явиться въ судъ. „И земскіе доводчики", читаемъ въ дѣлѣ, „пришедъ предъ судей сказали по государеву крестному цѣлованью: ходили мы по того Алешку срочить къ суду, и тотъ Алешка поруки по себѣ не далъ, къ суду не пошелъ передъ васъ судей, учинился силенъ, твоего государева указу не послушалъ"[1]).—Если доводчикъ или приставъ станетъ за отвѣтчика „приматься", т. е. обнаружитъ намѣреніе захватить его силой, тотъ сопротивляется, грозитъ убить доводчика[2]). Точно такой же отказъ дать на себя поруку встрѣчали земскіе судьи со стороны отвѣтчика и въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ вызывался въ Москву въ приказъ и когда судьи, сообщая ему о такомъ вызовѣ, требовали отъ него поручительства, какъ гарантіи его явки[3]).

Такимъ же сопротивленіемъ, какъ и вызовъ къ суду, встрѣчалось исполненіе судебныхъ рѣшеній, окончательныхъ приговоровъ или даваемыхъ еще во время процесса отдѣльныхъ предписаній суда. Судъ напр. постановитъ обязать отвѣтчиковъ не свозить скошеннаго сѣна съ спорной пожни, о которой идетъ дѣло; послѣдніе отказываютъ въ порукѣ пришедшимъ исполнить приказъ суда доводчикамъ. Судъ даже и не волостной, а московскій приказъ вынесетъ приговоръ о раздѣлѣ спорной земли между

---

[1]) Пр. Д. 1641 № 30.

[2]) Пр. Д. 1630 № 77.

[3]) Пр. Д. 1639 № 44. „Лѣта 7148 ноября въ 17 д. по государеву... указу и по грамотѣ изъ Устюжскіе чети..... Устьянскихъ волостей Пежемскаго стана выборной земской судья Григорій Ивановъ Петровъ спрошалъ Богдана Михайлова Гущина: дай по себѣ поруку съ записью, что тебѣ стать и съ дѣтьми... на Москвѣ въ Устюжской чети... по зазывной грамотѣ противъ истца Гришки Лобанова къ отвѣту въ иску его на срокъ на Срѣтенье Господне 148 г. И Богданко Гущинъ поруки по себѣ не далъ, учинился силенъ, отъ судьи Григорья отбился"; Ibid.: „Лѣта 146 февраля въ 6 д. по государеву... указу и по грамотѣ изъ Устюжскіе четверти... выборной земской судья Пежемскіе волости Аѳанасій Никитинъ Тупицынъ пришелъ на Пескишеву Гору ко двору Незговора Пескишева и поставилъ передъ себя Ермолку Пескишева, спрошалъ: у собя ли отецъ твой Незговоръ? И Ермолка сказалъ: отца де моего нѣтъ дома, весну-сь сплылъ къ Холмогорамъ да и по ся мѣсть домой не бывалъ. И судья спрошалъ того Ермолки: дай по себѣ по государевѣ грамотѣ поруку, что тебѣ за порукою въ отцово мѣсто стати на Москвѣ въ Устюжской четверти передъ дьякомъ Пантелѣемъ Чириковымъ противъ истца Гришки Лобанова. И Ермолка сказалъ: господине судья! мнѣ поруки по себѣ въ отцово мѣсто дать невозможно, потому что язъ у отца своего холопъ. И судья спрошалъ того Ермолки и до трижды. И Ермолка сказалъ тѣ жъ рѣчи, а поруки по себѣ по государевѣ грамотѣ судьѣ Аѳанасью не далъ"; Пр. Д. 1655 № 52.

складниками. Земскій судья является на мѣсто исполнить рѣшеніе приказа, вызоветъ истца и отвѣтчика, велитъ прочесть имъ грамоту изъ Москвы; но та или другая изъ сторонъ отказывается подчиниться и приступить къ раздѣлу земли[1]). До какой степени неповиновеніе суду было обычнымъ явленіемъ, показываетъ отписка въ Устюжскую четверть земскаго судейки Соденской Устьянской волости 145—146 (1637—38) г. Аксачка Іевлева, который пишетъ, что онъ избранъ въ судьи и по данному ему мірскому выбору, а также по указамъ изъ Устюжской четверти уполномоченъ судить крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, какъ въ татиныхъ и разбойныхъ, такъ и въ спорахъ по обязательствамъ: по кабаламъ и по записямъ; но что многіе соденскіе крестьяне, не желая слушать государева указа и хотя быть „безсудны и самовольны“, оказываютъ ему, судьѣ, сопротивленіе, во всѣхъ дѣлахъ отъ него отбиваются, несмотря на то, что дали ему выборъ за рукой своего отца духовнаго и за своими руками и тѣмъ обязались быть ему подсудны. Судейка указывалъ на недостатокъ въ судебникѣ и въ жалованной устьянской грамотѣ постановленій, которыя бы опредѣляли кару за неповиновеніе земскимъ судьямъ и просилъ руководства изъ приказа на такіе случаи впредь, подкрѣпляя свою просьбу ссылкой на трудность для потерпѣвшихъ истцовъ по небольшимъ дѣламъ возбуждать иски прямо въ Москвѣ за тысячу верстъ слишкомъ отъ волостей, къ чему они однако бываютъ принуждены въ виду безсилія мѣстнаго суда и безнаказанности нежелающихъ ему повиноваться отвѣтчиковъ. Въ качествѣ доказательства судья прислалъ при этой отпискѣ нѣсколько протоколовъ о сопротивленіи[2]). Въ борьбѣ съ такимъ зломъ приказъ ограничивался отдѣльными мѣрами, предписывалъ въ отдѣльныхъ случаяхъ сопротивляющихся суду за то, „что они противъ государева указу земскому судейкѣ учинилися не въ послушаньѣ, учинить наказанье при многихъ людяхъ, велѣть

---

[1]) Пр. Д. 1630 № 62; Пр. Д. 1627 № 67, л. 272; Пр. Д. 1634 № 42. „Лѣта 7142 октября въ 14 д. по государеву... указу и по грамотѣ изъ Устюжскіе чети за приписью государева дьяка Пантелѣя Чирикова выборные земскіе судьи Пежемскаго стану Осипъ Юрьевъ да Ѳедоръ Омельяновъ Кулаковъ съ товарищи пріѣхали въ Никифорову деревню и стали на спорную землю, и велѣли приставу своему Дороѳейку Левонтьеву истца Пименка Власова да отвѣтчика Матюшку Куклина поставить съ очей на очи и велѣли дьячку государеву грамоту вычесть. И дьячекъ государеву грамоту вычелъ, и судьи спрошали истца Пименка Власова: поди по государевѣ грамотѣ земли мѣрить. И Пименко сказалъ: земли язъ мѣрить нейду, учинился силенъ, на мѣру не пошелъ и государева указу не послушалъ. И судьи спрошали того Пименка и до трижды. И Пименко сказалъ однѣ рѣчи. А у записки былъ прошлой судейской цѣловальникъ Іевъ Андріевъ Дураковъ, да нынѣшняго году цѣловальникъ Ѳеопемтъ Стефановъ Поскотиннаго, да прошлой земской дьячекъ Василій Мироновъ, да Григорій Ивановъ Петровъ, да Григорій Друганъ Ѳедоровъ Бѣляевской, Семенъ Романовъ да Василій Ивановъ Голубинъ. Записку писалъ земской дьячекъ Акинфейко Григорьевъ“.

[2]) Пр. Д. 1637 № 14, л. 25—26.

бить батоги нещадно“ да на нихъ же взыскивать убытки истцовъ, причиненные сопротивленіемъ[1]). Но такія угрозы не страшили, и число „отбойныхъ записей“, протоколовъ о сопротивленіи суду такъ же велико въ поморскихъ судебныхъ дѣлахъ XVII вѣка, какъ и число неотвѣтныхъ.

Формы такого сопротивленія могли быть различны. Отвѣтчикъ отбивается самъ или его отбиваютъ родные и близкіе; сопротивленіе носитъ то болѣе пассивный, то болѣе активный характеръ. 26 января 1644 года судецкій цѣловальникъ Пежемской Устьянской волости Ѳ. Аѳанасьевъ съ приставомъ были посланы съ наказною памятью отъ земскаго судейки съ приказомъ о приводѣ въ судъ Василья Алфимова по иску къ нему И. Антонова о 40 рубляхъ убытковъ. Пріѣхавъ къ его двору и взявъ понятыхъ, они спросили отвѣтчикова отца Алфима: „дома ли твой сынъ Василій? И Алфимъ“, гласитъ составленная объ этомъ случаѣ отбойная запись, „съ своими дѣтьми съ Васильемъ да съ Михеемъ вышли на улицу, тотъ Алфимъ съ ослопомъ: что де вамъ дѣло до сына моего Василья?“ Встрѣча не предвѣщала для судебныхъ чиновъ ничего добраго. „И цѣловальникъ“, продолжаетъ запись, „спрошалъ того Василья: дай по себѣ поруку, что тебѣ за порукою стати на станъ на Пежму передъ судью Ѳедора Степанова противъ истца своего Исака Антонова. И Алфимъ съ дѣтьми сказали: какая тебѣ порука! сегодня тебѣ поруки по сынѣ моемъ нѣтъ! И цѣловальникъ велѣлъ приставу за него, Василья, приматься. И Алфимъ со своими дѣтьми опять сказалъ: станешь де приматься, расшибемъ лобъ, дѣла де вамъ до насъ сегодня нѣтъ, поѣдьте отъ насъ съ улицы безъ увѣчья прочь! А поруки по себѣ тотъ Василій цѣловальнику не далъ, учинился силенъ“. Дѣло на этомъ не остановилось. Поправлять неудачу цѣловальника отправился 29 января самъ судья. Дворъ отвѣтчика оказался запертъ. Судья, подойдя съ понятыми подъ окно, „спрошалъ у домовитыхъ: дома ли де Алфимъ или сынъ его Василій. И домовитые сказали, его Алфимова сноха: Алфима де и сына его Василья нѣтъ дома, невѣдомо куда сошли. И судья спрошалъ: ты де насъ пусти во дворъ. И сноха его Алфимова Иринія сказала: таки де вамъ и во дворѣ дѣла нѣтъ, во дворъ де васъ не пустимъ и воротъ не отопремъ, дѣла де вамъ нѣтъ. И судья сказалъ: намъ де Василья давать на поруки отъ истца Исака Антонова, а онъ избѣгаетъ и по памятемъ поруки по себѣ не даетъ, государева указу не слушаетъ. И сноха его Алфимова Иринія судьи и людей добрыхъ во дворъ не пустила и воротъ не отперла, и Алфима и Василія дома не сказала: не вѣдаемъ, куда сошли“. Носитель судебной власти принужденъ былъ отступить передъ непреклонностью женщины, обратился съ разспросами къ сосѣдямъ отвѣтчика и сталъ укорять одного изъ нихъ, оказавшагося мѣстнымъ десятскимъ, въ томъ, что онъ не исполнилъ многократныхъ судейскихъ предписаній объ отдачѣ отвѣтчика на поруки и о доставкѣ его на станъ въ судъ. Но десятскій и сосѣди сказали, что приказанія судьи они пытались исполнить, но что Василій поруки по себѣ не далъ, чинился

[1]) Пр. Д. 1650 № 81.

силенъ, „государева указу и твоихъ судейскихъ памятей не слушаетъ“. Судьѣ пришлось вернуться отъ отвѣтчикова двора, оказавшагося недоступнымъ для судебной власти, также ни съ чѣмъ[1]). Но сопротивленіе судьѣ иногда не ограничивалось пассивнымъ упорствомъ или угрозами и переходило въ открытое насиліе надъ нимъ. 23 апрѣля 1637 г., разсказываетъ одна изъ „отбойныхъ“, присланныхъ въ приказъ знакомымъ уже намъ соденскимъ земскимъ судейкою А. Іевлевымъ, пришли въ Соденскую волость на станъ къ Спасу передъ земскаго судью съ товарищами Мартынъ Лукинъ и съ нимъ еще 15 человѣкъ съ ослопами и палками и отбили двухъ задержанныхъ судьею отвѣтчиковъ, къ которымъ были предъявлены: обвиненіе въ убійствѣ и рядъ исковъ по денежнымъ и хлѣбнымъ займамъ, причемъ отвѣтчики съ выручавшими ихъ людьми судейку „били и бранили неподобными рѣчами“ въ присутствіи цѣловальника, сотскаго, церковнаго старосты и семерыхъ добрыхъ людей, упомянутыхъ въ отбойной[2]).

Оскорбленіе судьи словами и даже дѣйствіемъ вовсе не рѣдкость въ поморскомъ быту. Правда, можно указать нѣкоторые знаки оказываемаго земскому судьѣ почета. Такой знакъ можно, напр., видѣть въ самомъ томъ выраженіи, какимъ обозначался призывъ судьи для производства слѣдствія, допроса, осмотра и т. д. Его „подымаютъ“, какъ величину важную и солидную, и этотъ „подъемъ“ сопровождается подарками и угощеніемъ, устройствомъ стола и варкой пива. „А у меня, сироты, онъ Матвѣй (судья) съ товарищи подъемъ взяли и столъ на нихъ рядилъ и пиво варилъ“, заявляетъ крестьянинъ Устьянской Чадромской волости, призвавшій волостныхъ судей къ себѣ въ деревню для разсмотрѣнія поземельнаго спора его съ сосѣдомъ[3]). Его приглашаютъ, какъ почетнаго гостя, но тутъ же быстро забываютъ о его служебномъ положеніи и должномъ ему почетѣ. Послушаемъ напр. собственный разсказъ земскаго судейки Шевденицкой волости Важскаго уѣзда Калины Митинскаго о тѣхъ почестяхъ, которыхъ онъ былъ предметомъ во время пріѣзда его въ деревню Новгородовскую, куда онъ въ ноябрѣ 1609 г., будучи только что выбранъ въ земскіе судьи, отправился къ волостному сотскому взять у него „излюбъ“, т. е. избирательный протоколъ своихъ выборовъ. Судью въ поѣздкѣ сопровождалъ „дѣтина“, работникъ Девятко Овсюковъ. „И язъ пріѣхалъ въ ту деревню“, пишетъ о себѣ судья въ составленной имъ явкѣ, „ажно... у Василья у Мальцова пьютъ вино продажное.... и тотъ Василій созвалъ меня къ себѣ въ избу да и лошадь велѣлъ у меня выпречи... И былъ со мною человѣкъ, Девяткою зовутъ Овсюковъ. И Девятка тому Василью говорилъ: есть де у насъ въ саняхъ рухлядь, и ты де, Василій, вели вынесть“. Но хозяинъ успокоилъ гостей, обѣщая беречь ихъ имущество, какъ свое: „рухлядь де ваша не пропадетъ, то де не ваша, моя. И язъ, господине“, разсказываетъ далѣе судья, „на то понадѣялся, да вина испилъ. Тутъ меня люди добрые почтили, и Герасимъ Ки-

---

[1]) Пр. Д. 1650 № 81.
[2]) Пр. Д. 1637 № 14, л, 27—28.
[3]) Пр. Д. 1656 № 93.

риловъ меня созвалъ хлѣба ѣсть, и язъ, господине, ходилъ къ Ярасиму да хлѣба у него ѣлъ. Да опять пришелъ къ Василію, и у Василья столъ приспѣлъ. И посадилъ меня за столъ да принеслъ мнѣ ковшикъ вина кленовикъ, и мы у него хлѣба отъѣли". Пиръ однако былъ омраченъ совершенно неожиданнымъ и непріятнымъ для судьи произшествіемъ. Родственникъ угощавшаго его хозяина Вторко Порошинъ, задумавъ воспользоваться пребываніемъ судьи въ деревнѣ и сорвать подъ видомъ судейской взятки нѣкоторый кушъ съ жены крестьянина Кузьмы Медвѣдева, пришелъ къ ней въ избу, „учалъ ее бить и тружать, а говорить тѣ рѣчи: меня де послалъ судья, давай де ты судьѣ бѣлку да хмель. А язъ, господине", пишетъ судья въ явкѣ, „его не посылывалъ, тѣмъ меня облыгаетъ, у меня былъ свой дѣтина, кого послать. И та Кузьмина жена прибѣжала къ тому Василью въ избу, да мнѣ учала жаловаться, а говоритъ тѣ рѣчи: ты ли де послалъ Второго Порошина? меня де бьетъ и тружаетъ, да правитъ де на мнѣ твоимъ словомъ хмелю да бѣлки! А язъ его, господине, не посылывалъ", еще разъ подчеркиваетъ судья въ своемъ разсказѣ. По жалобѣ потерпѣвшей онъ поспѣшилъ на мѣсто произшествія, захвативъ съ собою тутъ же съ пира троихъ понятыхъ. „Да пришелъ къ Кузьмѣ въ избу съ понятыми съ Ярасимомъ съ Кириловымъ да съ Пилатомъ Мальцовымъ, да съ Сергіемъ Брагинымъ, да того Вторка избранилъ: на что де ты моимъ словомъ пролыгаешь? Се да изъ избы его вышихнулъ. Да опять мы пришли въ Васильеву избу съ тѣми жъ понятыми. И тотъ Вторка пригонился за мною съ ножемъ да хотѣлъ меня поколоть, ино схватили его тѣ жъ понятые, уколоть меня не дали. И язъ было велѣлъ его схватить да связать, и тотъ Василій (хозяинъ пира) у меня его отбилъ, связать не далъ. Этимъ эпизодомъ злоключенія судьи однако не кончились. Послѣдствія пира дали себя знать. „И язъ, господине", пишетъ далѣе судья, „лѣзлъ въ избу да хмель меня измалъ, леглъ спать, а тѣ понятые легли жъ спать. Во время сна, вѣроятно, тяжелаго подъ дѣйствіемъ опьяненія, блюститель закона— судья и его „дѣтина" оказались обобранными до чиста, такъ что судья, по его собственнымъ словамъ, поѣхалъ съ Васильева двора „душею и тѣломъ". Гостепріимный хозяинъ, почтившій судью виномъ и обѣдомъ и его корыстолюбивый, запальчивый родственникъ оказались форменными грабителями, раздѣли судьина работника Девятку, сняли съ него кафтанъ, шапку и епанчу и отняли 20 рублей денегъ да ножи, висѣвшіе у него на бедрѣ; съ лошади сняли узду да изъ саней вынули ту рухлядь, за которую работникъ такъ опасался и среди которой были топорокъ да сумка судьи съ служебными бумагами: кабалами, записями и памятями. „Дѣтина", видимо, сталъ сопротивляться; хозяева покушались его удавить. Заслышавъ вопли своего работника, судья, оказавшійся не храбраго десятка, „забоялся, какъ бы чего и надъ нимъ самимъ не размыслили", заложилъ лошадь и уѣхалъ съ Васильева двора, предоставивъ слугу его собственной участи. Проѣзжая Тарнажскимъ городкомъ, онъ подалъ церковному старостѣ городка изложенную явку о произшедшемъ [1]).

[1]) Р. И. Б. XIV, 598.

Званіе и положеніе земскаго судьи не предохраняли сами по себѣ отъ обидъ и оскорбленій, и обиженный не при исполненіи обязанностей судья долженъ былъ добиваться удовлетворенія за безчестье исковымъ, частнымъ порядкомъ. Въ 1650 г. судейка Вѣкшенской слободки Тотемскаго уѣзда Иванъ Евдокимовъ предъявилъ передъ тотемскимъ воеводою искъ къ крестьянамъ Пронкѣ и Якункѣ Корытовымъ о вознагражденіи за нанесенные ему побои и за грабежъ. Судейка сказалъ братьямъ Корытовымъ, съ которыми встрѣтился въ Покровъ 1649 г. на пиру у Я. Елизарьева, что они владѣютъ бобыльскими дворами, а оброку съ нихъ по писцовымъ книгамъ не платятъ и что ему, судейкѣ, велѣно этотъ оброкъ съ нихъ доправить. Въ отвѣтъ на эти слова братья его, судейку, „били по щекамъ и бороду драли, и шубу изодрали, а цѣна той шубѣ $1^1/_2$ рубля“, да сорвали у него съ шеи денегъ 3 рубля съ полтиною. Судья жаловался, что и впередъ они похваляются на него боемъ и грабежемъ и что благодаря ихъ насильству онъ, будучи въ судейкахъ, никакихъ дѣлъ дѣлать не смѣетъ. Воевода отвѣтчиковъ обвинилъ потому, что при разбирательствѣ „общая правда“, свидѣтели, на которыхъ сослались обѣ стороны изъ виноватыхъ, показали, что они видѣли, какъ отвѣтчикъ Якунка метался на судейку съ камнемъ, и что отвѣтчикъ Пронка, когда судья вышелъ изъ избы на мостъ, бранью его хотя и не бранилъ, но все же нанесъ ему оскорбленіе, показывая ему непристойные знаки. Воевода присудилъ взыскать съ Корытовыхъ въ пользу судьи за безчестье два рубля, руководясь при назначеніи размѣра платы соображеніемъ, что ранѣе судья былъ тотемскимъ посадскимъ человѣкомъ, а искъ о разодранной шубѣ приговорилъ рѣшить крестнымъ цѣлованіемъ [1]).

Разсказанные случаи могутъ быть отнесены къ частной жизни, къ частнымъ отношеніямъ земскаго судейки; но постоянно наталкиваемся на оскорбленіе его и при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, даже въ той самой церковной трапезѣ, гдѣ онъ засѣдалъ, отправляя правосудіе. Раздраженіе противъ судьи выражается иногда лишь словами, когда отвѣтчикъ или истецъ, недовольный оборотомъ, который принимаетъ для него судебное дѣло, начнетъ бранить судью „неподобною бранью“ и назоветъ и самое присутствіе волостного суда „воровскимъ приказомъ“—эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ декабрѣ 1648 г. въ Спасскомъ Кижскомъ погостѣ въ Заонежьѣ [2]). Но отъ словъ недалеко и до дѣйствій непривыкшей сдерживаться руки. Намъ какъ то странно читать эти многочисленныя бумаги органовъ земской юстиціи съ жалобами на нанесенные имъ на судѣ побои и на причиненныя увѣчья, на то, что отвѣтчики, которымъ предъявлено было требованіе о представленіи поручительства въ явкѣ въ Москву, требуемой поруки по себѣ не дали, учинились сильны, отъ судеекъ отбились, одного изъ судеекъ безчестили и били вязьемъ, другого—били же и обезчестили, а у сотскаго руку отшибли до крови и во всемъ судейкамъ отка-

[1]) Пр. Д. 1650 № 4.
[2]) Пр. Д. 1647 № 14.

зали[1]); или: отвѣтчики „судейку бранили неподобною позорною бранью, да браня почали бить и грабить", и онъ обращается въ Москву съ просьбой о принятіи какихъ нибудь мѣръ, чтобъ и впредь имъ, судейкамъ, отъ сильныхъ людей вопреки государеву указу и мірскому выбору позорнымъ не быть[2]). Судейки Введенскаго Устьянскаго стана въ 1639 г. пишутъ, что отвѣтчики М. И. Родинъ да Л. Поторочинъ, которымъ они объявили зазывную грамоту о вызовѣ ихъ въ Москву, учинились сильны, государева указу не послушали и судеекъ при составленіи записки объ этомъ отказѣ избили[3]). Судейка Спасскаго Кижскаго погоста Филиппъ Максимовъ въ одной изъ своихъ отписокъ въ Новгородскую четверть доноситъ, что по дѣлу о нападеніи кижскаго крестьянина Богдана Клина съ сообщниками на мѣстнаго приходскаго попа, причемъ буйная ватага, выломавъ двери и ворвавшись въ его избу, попа избила, а попадью драла за косы и косы у нея выдрала, онъ, судья, не могъ ничего сдѣлать, такъ какъ „тотъ Богдашка родомъ своимъ и совѣтомъ, и заговоромъ ополчася", ему, судьѣ, во всемъ отказали и отвѣчать передъ нимъ не стали; а въ другой отпискѣ онъ сообщаетъ, что при разбирательствѣ дѣла по иску Андрюшки Александрова къ крестьянамъ Е. Наумову и Кир. Ѳедосѣеву истецъ съ пріятелями его, судейку, убили до мертва, и что онъ чуть живъ лежитъ въ концѣ живота, почему и судное дѣло остается невершеннымъ[4]). Съ нашей теперешней точки зрѣнія, при нашемъ уваженіи къ суду, впечатлѣніе непостижимаго скандала производятъ составляемые сотскимъ протоколы осмотра побоевъ, нанесенныхъ земскому судьѣ при исполненіи судебныхъ обязанностей, гдѣ значится напр., что судья Григорій лежитъ у себя „боленъ, битъ и изувѣченъ", что онъ, сотской, той битой головы судьи Григорія досматривалъ съ людьми добрыми: ино лицо у него, Григорія, все бито, и по животу ослопами и весь битъ и окровавленъ[5]). Въ отвѣтъ на отписку о такомъ произшествіи съ приложеннымъ къ ней протоколомъ изъ Москвы пришлютъ иногда грамоту съ приказаніемъ виновныхъ крестьянъ „велѣть бить батоги нещадно, чтобы на то смотря инымъ неповадно было такъ воровать, государева указу ослушаться и судеекъ бить". Иногда предпишутъ подвергнуть безчинниковъ и болѣе суровому взысканію. Въ мартѣ 1655 г. земскому судейкѣ Сысольскихъ волостей Я. Куликову усть-сысолянинъ В. О. Савинъ подалъ жалобу на К. Митряхина въ томъ, что послѣдній причинилъ ему, Савину, увѣчье „зубояденіемъ", искусалъ у него персть зубомъ. Состоялось разбирательство. Къ объявленію приговора отвѣтчикъ пришелъ съ своими братьями и вмѣстѣ съ ними „почали судейку бранить, а истца Вавилку почали бить тутъ же въ приказѣ, изувѣчивъ его до полусмерти". Въ этой свалкѣ пострадалъ и бросившійся разнимать дерущихся цѣловальникъ:

---

[1]) Пр. Д. 1639 № 44, Чадромская Устьянск. вол. 145 г. авг.
[2]) Пр. Д. 1639 № 44. Пежемская Устьянск. вол. 147 г.
[3]) Пр. Д. 1639 № 44.
[4]) Пр. Д. 1647 № 14. Ср. I, 204.
[5]) Пр. Д. 1639 № 44; Пр. Д. 1636 № 70.

у него вырвана была борода. Отвѣтчикъ отказался исполнить приговоръ. Изъ Москвы прислана была грамота уже къ новому судейкѣ съ предписаніемъ разслѣдовать дѣло и, если окажется, что названныя лица дѣйствительно сопротивлялись судьѣ и учинили надъ нимъ насиліе и при немъ въ избѣ нанесли побои истцу, то виновныхъ бить нещадно кнутомъ, чтобъ на то глядя инымъ такъ дѣлать было неповадно[1]). Недаромъ еще Псковская судная грамота запрещала „лѣзть въ судебницу", т. е. входить въ судебное присутствіе какимъ либо постороннимъ лицамъ кромѣ самихъ тяжущихся, грозя суровымъ наказаніемъ тому изъ постороннихъ, кто ворвется туда силою[2]). Эти насильственныя вторженія въ сѣверныя судебни XVII в. родственниковъ и друзей судящихся, вступавшихъ въ дѣло и ополчавшихся „скопомъ и заговоромъ" на противную сторону и на судей, были однимъ изъ главнѣшихъ золъ, отъ которыхъ страдало земское правосудіе.

Надо, впрочемъ, сказать, что если земскіе судьи имѣли много поводовъ жаловаться на общество, въ которомъ волостной судъ не пользовался должнымъ уваженіемъ и со стороны котораго онъ постоянно встрѣчалъ сопротивленіе, а иногда прямое оскорбленіе и даже насиліе, то въ свою очередь и общество высказывало сѣтованія на дѣятельность этого суда и имѣло также не мало причинъ быть ею недовольнымъ. Жалобы на волостныхъ судей—документъ, попадающійся въ архивахъ управлявшихъ Поморьемъ приказовъ не менѣе часто, чѣмъ жалобы судей на общество. Анализируя эти жалобы на судей, находимъ прежде всего указаніе на отказъ въ правосудіи, на нежеланіе судьи произвести судебное разбирательство, несмотря даже на привезенную истцомъ изъ Москвы судимую грамоту[3]). Если судъ все же начался, нареканія вызывала медленность производства[4]), волокита, общій недостатокъ суда того времени. Если судья долженъ былъ выступить въ качествѣ исполнительнаго органа приказа, раздавались жалобы на неисполненіе имъ распоряженій изъ Москвы вовсе или высказывалось недовольство его исполнительными дѣйствіями, которыя почему либо казались неправильными. Изъ четверти по тому или другому судебному дѣлу приходитъ въ волость грамота съ приговоромъ о производствѣ раздѣла земли между деревенскими складниками—въ четверть идутъ челобитныя о томъ, что судьи въ спорную деревню пріѣзжали, но земли по государевой гра-

---

[1]) Пр. Д. 1655 № 36.

[2]) Ст. 58.

[3]) Пр. Д. 1632 № 36:... бьетъ челомъ устьянецъ Соденскіе волости Посничко Леонтьевъ сынъ Зыковъ. Въ прошломъ, государь, во 141 г. ималъ язъ, сирота твой, твою государеву судимую грамоту изъ Устюжскіе четверти на Ѳедку Еремеева сына Вровскаго по кабаламъ: кабала въ 8 руб., а другая въ 3 руб. да въ убыткахъ въ 5 руб. съ полтиною. А по той твоей государевѣ грамотѣ велѣно судить тое жъ Соденской волости выборному земскому судейкѣ Сенкѣ Пѣтухову съ товарищи. И тотъ выборной земской судейка съ товарищи мнѣ, сиротѣ, по твоей государевѣ грамотѣ суда не далъ".

[4]) Пр. Д. 1627 № 65.

мотѣ не досматривали и не мѣрили и сѣнныхъ покосовъ не развели или что они произвели раздѣлъ, да неправильно, или что совсѣмъ не пріѣзжали. Судьѣ Чадромской волости по земельному дѣлу истцовъ Семена Холзакова и Невѣжи Ѳедорова съ отвѣтчиками Ѳедоровыми предписано было изъ Устюжской четверти произвести на мѣстѣ повальный обыскъ. Отвѣтчики остались обыскомъ недовольны, указывали, что чадромскіе судья, цѣловальникъ, сотскій и земскій дьячекъ производили обыскъ неправильно, вызывали для допроса все людей, связанныхъ съ истцами либо родственными отношеніями, либо долговыми обязательствами—„родъ да племя“ истцовъ, ихъ „братью родную и двоюродную, кумовство и сватовство и ихъ должныхъ людей, а кромѣ показаній этихъ пристрастныхъ къ истцамъ, близкихъ имъ и зависимыхъ отъ нихъ людей, никакихъ показаній отъ жителей окольныхъ деревень не слушали и не принимали[1]). Свое недовольство чадромскими властями отвѣтчики выразили въ оригинальной формѣ явки, поданной ими на имя земскихъ властей другой Устьянской же волости, Шангальской; впослѣдствіи такая явка должна была имъ послужить однимъ изъ доказательствъ, на которое они сослались бы, если бы возбудили къ чадромскимъ судьямъ искъ объ убыткахъ, причиненныхъ имъ неправильно произведеннымъ обыскомъ.

Черезъ всѣ подобнаго рода жалобы тяжущихся на отказъ въ правосудіи, на волокиту и на неправильныя дѣйствія судебнаго персонала проходитъ одинъ и тотъ же общій мотивъ: указаніе на отсутствіе безпристрастія у волостныхъ судей, на ихъ „поноровку“ противной сторонѣ, вызванную корыстными побужденіями или близкими отношеніями. Истецъ въ одномъ случаѣ пишетъ, что судьи суда ему не дали, норовя отвѣтчику, потому что отвѣтчикъ человѣкъ семьянистый и сильный, а онъ, истецъ, человѣкъ зашлый (пришлый), молодшій и безсемейный[2]); въ другомъ, потерпѣвъ въ волостномъ судѣ неудачу съ своимъ искомъ къ убійцамъ брата, онъ отчаивается совсѣмъ въ возможности найти въ волости правосудіе и жалуется въ Москву, что убійцы его брата люди богатые и что на Пежмѣ ему на нихъ „суда добиться не умѣть“[3]); въ третьемъ—жалуется, что судьи сноровили отвѣтчику по родству или свойству, суда на мѣстѣ не учинили, суднаго дѣла къ Москвѣ не послали, отыскиваемыхъ денегъ съ отвѣтчика не взыскали и т. д.[4]). Припомнимъ, что населеніе

---

[1]) Пр. Д. 1633 № 50, л. 69; Пр. Д. 1634 № 42: Истецъ Пименко Власовъ жалуется, что пежемскіе судейки „обыскивали не противъ государевы грамоты, норовя отвѣтчику Матюшкѣ Куклину, его Матюшкинымъ родомъ и племенемъ и заговорщики, и хлѣбоящцы, а лучшими крестьяны не обыскивали, и отъ обыску отсылали и утраживали, а иныхъ писали въ обыскъ заочи и писали тѣ обыскныя рѣчи ложно по скупу Матюшки Куклина“.

[2]) Пр. Д. 1627 № 65.

[3]) Пр. Д. 1639 № 44.

[4]) Пр. Д. 1627 № 65; Пр. Д. 1627 № 67, л. 13, л. 151; 1628 № 13 въ концѣ, Сольвыч. у.; 1628 № 59. Устьянскія вол.; 1628 № 64: „бьетъ челомъ Сысольскіе земли Васка Родіоновъ на тое жъ земли Вотчинскіе волости

мелкихъ сѣверныхъ волостей, та среда, изъ которой выбирались и въ которой дѣйствовали земскіе судейки, вся была переплетена запутанными нитями родства и свойства, знакомства, дружбы и вражды. Поморскіе крестьяне въ XVII в. не живутъ большими нерасходящимися семьями; семья охотно дѣлится и разселяется отдѣльными хозяйствами, и иногда изъ такого разселенія родственниковъ возникаетъ цѣлая волость. Но узы родства оказываются прочнѣе хозяйственныхъ узъ; онѣ продолжаютъ сохранять свое значеніе долго послѣ разрыва хозяйственной связи. Родство помнятъ и считаются имъ жители разныхъ деревень, экономически мало связанныхъ между собою. Вотъ почему земскій волостной судья, опутанный сѣтью родственныхъ отношеній, не могъ удерживаться, чтобы въ свою публичную служебную дѣятельность не вносить частныхъ, родственныхъ интересовъ, которые онъ хорошо помнилъ и свято соблюдалъ. Обязательство „другу не дружить, а недругу не мстить“, прописываемое въ судейскихъ избирательныхъ спискахъ, и оставалось не болѣе, какъ прописною моралью, легко забывавшеюся, коль скоро въ судьѣ заговаривало то или другое, дружественное или враждебное чувство, передъ которымъ замолкало чувство гражданскаго долга. Съ другой стороны въ томъ маленькомъ міркѣ, какимъ была сѣверная волость, невозможно было выбрать судью, который бы не оказался родственникомъ или свойственникомъ кому либо изъ тяжущихся, „своимъ человѣкомъ и кумомъ подкрестнымъ“ по заявленію одной челобитной[1]), или своякомъ— „за ними сестрёнки родныя, какъ ему не норовить свояку“, по жалобѣ другой[2]). Въ числѣ причинъ отказа судиться передъ волостнымъ судьею отвѣтчики выставляютъ родственныя связи судьи съ противною стороною, заявляя: „отвѣчаю де язъ да передъ инымъ судьею, а передъ тобою язъ не отвѣчаю, ты ему (истцу) свой человѣкъ, боюсь родства и поноровки“[3]). Этими словами отвѣтчикъ высказываетъ необходимость отвода судьи за родствомъ; но возможно ли осуществить отводъ, когда новый судья, который явится отводимому на смѣну, не менѣе тѣсно привязанъ родственными узами къ жителямъ волости, чѣмъ предыдущій? Гдѣ въ волости могъ быть отысканъ человѣкъ, такими отношеніями ни съ кѣмъ не связанный, когда напр. сотскому для составленія протокола трудно было пригласить въ понятые чужихъ лицъ, несвязанныхъ съ тѣми, которыхъ касался протоколъ, и когда понятыми неизбѣжно оказывались все „родъ да племя,

---

на судью и т. д.; 1628 № 72. Комарицкій станъ Устюжскаго у.: судья „стакался“ съ отвѣтчицею; Утман. вол.: судья, взыскавъ деньги съ отвѣтчика, не отдаетъ ихъ истцу; 1629 № 27: жалобы на сысольскаго выборнаго земскаго судейку, взявшаго посулъ съ отвѣтчика и т. д.; Пр. Д. 1649 № 103. Каргоп. у. Порожская вол.: „земскіе судейки, норовячи имъ, того суднаго дѣла не вершили и тѣ полосы вопчей пожни отдѣлили.... къ Чемодановской деревнѣ“.

[1]) Пр. Д. 1645 № 46.

[2]) Пр. Д. 1647 № 14 (въ концѣ).

[3]) Пр. Д. 1644 № 53 въ концѣ; Пр. Д. 1639 № 44, Чадромск. вол.: „и земской судья спрошалъ: почему предо мною не отвѣчаете? и они сказали: судья ему *дядя*, Еремею“ (истцу).

кумовство да сватовство" заинтересованныхъ лицъ, и внѣ этихъ связей нельзя было найти сосѣдей[1])? Какимъ развитымъ гражданскимъ чувствомъ надо было обладать земскому судейкѣ, человѣку, который происходилъ изъ той же волостной среды, выдвигался изъ нея только на годъ своей должности и затѣмъ снова въ нее погружался, смѣшиваясь съ массой,— чтобы при отправленіи правосудія безпристрастно и спокойно возвышаться надъ мутнымъ водоворотомъ мелкихъ дрязгъ и борьбы, симпатій и антипатій, надъ всѣмъ этимъ родствомъ и свойствомъ, кумовствомъ, сватовствомъ и „хлѣбояжствомъ", изъ которыхъ сплетались волостныя отношенія! И какъ отъ многихъ надо было бы требовать такого высокаго сознанія гражданскаго долга при томъ множествѣ лицъ, которое благодаря краткосрочности земскихъ должностей черезъ нихъ проходило!

Очень возможно, что въ этихъ жалобахъ поморскаго общества на своихъ выборныхъ судей не обходилось безъ преувеличеній, легко объяснимыхъ недовольствомъ сторонъ, проигрывающихъ дѣло или вообще неуспѣвающихъ въ процессѣ. Во всякомъ случаѣ однако онѣ свидѣтельствуютъ объ отсутствіи въ обществѣ уваженія къ земскому суду и вѣры въ его силу, справедливость и безпристрастіе. И дѣйствительно, наряду съ разсмотрѣнными жалобами на пристрастіе судей встрѣчаемъ и другія съ указаніями на превышеніе власти и на явныя злоупотребленія волостныхъ судей. Въ ноябрѣ 1650 г. въ Чадромской волости былъ захваченъ крестьянинъ Невѣжа Силуяновъ Перегудовъ по подозрѣнію въ святотатствѣ, основанному на оговорѣ его нѣкіимъ Гаврилою Ляпинымъ. Чадромскій земскій судейка подвергъ его на стану пыткѣ, „на огонь вздымалъ и кнутомъ билъ на смерть", не принявъ во вниманіе просьбы подозрѣваемаго предварительно произвести о немъ повальный обыскъ, который могъ бы доказать его непричастность къ дѣлу, и не подвергнувъ въ то же время пыткѣ, какъ это требовалось Уложеніемъ, самого оговаривающаго „языка". Потерпѣвшій возбудилъ искъ противъ судейки въ Устюжской четверти и просилъ о выдачѣ на него „зазывной" грамоты. Грамота была ему выдана, и такимъ образомъ нарушившій правила судопроизводства судья долженъ былъ стать въ приказъ къ отвѣту[2]).

Вотъ далѣе случай, когда неисполненіе судьею своихъ служебныхъ обязанностей и его корысть вызываютъ жалобу уже не со стороны потерпѣвшихъ, а со стороны одного изъ его ближайшихъ товарищей по службѣ— пятидесятскаго. Въ четвергъ 6 ноября 1634 г. въ Шангальской Устьянской волости случилось убійство. Судью звали, пишетъ пятидесятскій, „къ зарѣзаной головѣ", досмотрѣть голову и написать опросную записку. „И судья", продолжаетъ пятидесятскій, „душегубцамъ сноровилъ для ради бездѣльной корысти своей, опросные записки не писалъ и головы не осмотрѣлъ". Жалоба пятидесятскаго была вызвана его опасеніемъ раздѣлить съ судьею гражданскую отвѣтственность за его дѣянія и „въ конецъ загинуть"

[1]) Пр. Д. 1639 № 44.
[2]) Пр. Д. 1650 № 81.

отъ истцовъ, которые предъявятъ къ судьѣ искъ объ убыткахъ, причиненныхъ имъ его отказомъ. Пятидесятскій вообще готовъ былъ сложить съ себя свои судебныя полномочія, указывая на корысть и лихоимство судьи. „Да и впредь мнѣ, пятидесятскому“, заключаетъ онъ свою извѣтную челобитную, „съ тѣмъ судьею въ суду сидѣть немочно, что онъ барыши емлетъ себѣ и бездѣльную корысть получаетъ“ [1]).

За „барыши и корысть“ судья могъ не только не исполнить своей обязанности по составленію протокола объ убійствѣ и не принять мѣръ къ розыску убійцъ, но иногда не прочь былъ отпустить на волю даже и пойманныхъ убійцъ, какъ это сдѣлалъ напр. одинъ изъ волостныхъ судеекъ Устюжскаго уѣзда, который, будучи позванъ по поводу произшедшаго убійства „къ убитой головѣ“, съ пойманнаго уже душегубца взялъ „скупъ“ и далъ ему свободу, не отвезя на Устюгъ къ воеводѣ, какъ долженъ былъ сдѣлать [2]). Наконецъ, если волостные судейки постоянно жалуются на насиліе надъ ними со стороны общества, то и наоборотъ общество страдало иногда не меньше отъ насилія судей, происходившаго иногда также въ самомъ судебномъ присутствіи, т. е. въ церковной трапезѣ или судной избѣ. Попадаются жалобы на то, что судья, призвавъ тяжущагося къ своему столу и не выслушавъ его, сталъ его „бить и безвѣчить на смерть“. Судья былъ членомъ того же общества, человѣкомъ тѣхъ же взглядовъ и привычекъ, пускавшимъ въ ходъ, когда могъ, тѣ же пріемы, отъ которыхъ и самому приходилось не мало страдать. Арестъ подозрѣваемаго по какому нибудь дѣлу, если сюда вносилось враждебное чувство, месть или корысть судьи, обращался въ вымогательство и мучительство. Въ 1637 г. послѣ Покрова въ другой вторникъ утромъ пежемскій земскій судья явился съ цѣловальникомъ, съ земскимъ дьячкомъ и приставомъ ко двору Гр. Лобанова, чтобы арестовать его брата Никиту. Судья былъ, повидимому, за что то золъ на Никиту. „Пріѣхали они пьяные“, описываетъ это произшествіе въ своей жалобѣ Гр. Лобановъ, „и брата моего поймали и вязали, и вязавъ его били и мучили, и бивъ его, государь, привязавъ у лошади своей ко стремени и волочили за собою Никиту по грязямъ и водамъ, и черезъ Пежму рѣку“. Судья посадилъ арестованнаго у себя во дворѣ, держалъ его тамъ на цѣпи три недѣли и вымучилъ съ него 30 рублей денегъ. Никита отъ этихъ истязаній заболѣлъ и, пролежавъ нѣкоторое время, умеръ [3]).

Жалобы на волостныхъ судей, которыми сопровождались разбиравшіеся ими процессы, вызывали двоякую отвѣтственность судей: публичную или гражданскую. Отвѣтственность въ публичномъ порядкѣ заключалась въ наложеніи на судей взысканія по указу сверху, причемъ провѣрка жалобы путемъ разслѣдованія поручалась новымъ судьямъ, и они же должны были приводить въ исполненіе и самое наказаніе, которое обыкновенно состояло во взысканіи съ бывшаго судьи въ пользу жалобщика „проѣстей

---

[1]) Пр. Д. 1634 № 59, л. 4.
[2]) Пр. Д. 1645 № 46. Явка церковному старостѣ Никольской слободки.
[3]) Пр. Д. 1639 № 44.

и волокитъ", т. е. расходовъ, понесенныхъ имъ вслѣдствіе медлительности или неправильныхъ дѣйствій судьи. Обыкновенно проѣсти и волокиты вычислялись въ установленномъ размѣрѣ по 3 деньги за каждый напрасно потерянный день [1]), и такимъ образомъ и публичная отвѣтственность, поскольку она направлена была къ удовлетворенію интересовъ жалобщика, заключала въ себѣ нѣкоторый гражданскій элементъ.—Другой родъ отвѣтственности былъ уже чисто гражданскаго характера. Жалобщикъ не ограничивался доведеніемъ до свѣдѣнія высшей власти о тѣхъ или другихъ допущенныхъ судьей неправильностяхъ; онъ возбуждалъ искъ къ судьѣ объ убыткахъ, причиненныхъ ему неправильными дѣйствіями и упущеніями судьи, и такой искъ влекъ за собою между жалобщикомъ и судьей судебное разбирательство въ обыкновенныхъ его формахъ съ приведеніемъ доказательствъ, съ крестнымъ цѣлованіемъ и т. д. Вотъ конкретный примѣръ такого иска. Въ 1626 г. передъ земскимъ судейкой Лоемскаго прихода волости Лузской Пермцы крестьянинъ Карпъ Емельяновъ искалъ на братѣ своемъ Софронѣ 7 рублей денегъ по дѣловой. Софронъ повинился, и судья взыскалъ съ него эти деньги въ пользу Карпа, а Карпа обязалъ выдать брату дѣловую запись. Однако Карпъ этого обязательства не исполнилъ и записи брату не выдалъ. Тогда Софронъ возбудилъ искъ къ судьѣ, по окончаніи послѣднимъ должности о семи рубляхъ съ убытками, такъ какъ на судьѣ лежала обязанность взыскать дѣловую и выдать ее Софрону. Дѣло разбиралось сперва на мѣстѣ въ Лузской Пермцѣ, но затѣмъ отправлено было въ Москву въ Устюжскую четверть къ докладу. Въ четверти, когда процессъ доведенъ былъ до момента крестнаго цѣлованія, бывшій судья помирился съ жалобщикомъ, удовлетворивъ его въ требуемой суммѣ [2]) Можно замѣтить разницу въ самомъ характерѣ тѣхъ убытковъ жалобщика, которые удовлетворялись публичною и гражданскою отвѣтственностью судьи. Первая имѣла цѣлью возмѣстить только тѣ расходы потерпѣвшаго, которые понесены были имъ для исправленія неправильно веденнаго процесса, именно расходы на самую поѣздку въ Москву и проживаніе тамъ; вторая—должна была удовлетворить его за всѣ вообще причиненные ему неправильными дѣйствіями судьи убытки: не только за проѣсти и волокиты, но и за убытки въ „безторжицѣ, безпромыслицѣ и въ деревенской недопашкѣ", т. е. за вызванное веденіемъ процесса разстройство хозяйственныхъ дѣлъ жалобщика. Этотъ гражданскій видъ отвѣтственности очень древняго происхожденія; ей подвергались еще кормленщики XV в. намѣстники и волостели, къ которымъ по окончаніи ими должности предъявлялись иски потерпѣв-

---

[1]) Пр. Д. 1638 № 70. Помѣта на жалобѣ на судью Ростовской Устьянской волости въ понаровкѣ отвѣтчику: „147 г. іюня 20. Дать государева грамота, а велѣть то дѣло взяти и указъ учинити по государеву указу. А будетъ судейка того дѣла не взялъ и учинилъ волокиту, и на судейкѣ доправить проѣсти и волокиты на три мѣсяца на день по 3 деньги за ослушанье, а въ убыткахъ велѣть дать судъ по государеву указу и указъ учинить".

[2]) Пр. Д. 1627 № 67, л. 215.

шими отъ ихъ управленія мірами и отдѣльными лицами, и обиліе этихъ исковъ было, какъ извѣстно, одною изъ главныхъ причинъ, побудившихъ Ивана Грознаго отмѣнить самыя кормленія. Съ отмѣной управленія намѣстниковъ и волостелей та же отвѣтственность переходитъ на замѣнившіе ихъ органы земскаго самоуправленія, и къ земскимъ властямъ по окончаніи срока службы предъявляется едва ли меньшее количество исковъ, чѣмъ раньше къ намѣстникамъ и волостелямъ. Гражданская отвѣтственность земскихъ судей въ видѣ удовлетворенія потерпѣвшихъ по ихъ искамъ объ убыткахъ, причиненныхъ неправильными дѣйствіями суда, была на сѣверѣ въ XVII в. самымъ обыкновеннымъ и распространеннымъ явленіемъ, такъ что одну резолюцію Устюжской четверти въ 1627 г., освобождающую отъ нея волостного судью, надо, кажется, разсматривать, какъ исключеніе, подтверждающее правило. Въ 1625 г. въ Вилегодской волости Сольвычегодскаго уѣзда передъ земскимъ судьею Т. Зыковымъ крестьянинъ Ив. Арефьевъ искалъ на крестьянинѣ Ив. Крапивинѣ займа 6 руб. по кабалѣ, которую онъ и представилъ въ судъ. Несмотря на то, что отвѣтчикъ въ этомъ долгѣ винился, судья, какъ жаловался истецъ въ Устюжскую четверть, сноровилъ отвѣтчику, денегъ съ него не взыскалъ, чѣмъ причинилъ ему убытковъ на 4 руб. съ полтиной. Истецъ просилъ въ приказѣ выдать ему судимую грамоту къ новымъ судьямъ на отвѣтчика о взысканіи съ него долговой суммы и на бывшаго судью Т. Зыкова о взысканіи съ него показанныхъ убытковъ. Приказъ удовлетворилъ его просьбу только по первому пункту, выдавъ судимую только на отвѣтчика, а по второму пункту отказалъ, приведя такой мотивъ отказа: „а на судью давать суда не доведется, что судью они же выбираютъ“ [1]). Въ этомъ рѣшеніи проводился, слѣдовательно, взглядъ, что земскій выборъ судьи избавляетъ его отъ необходимости отвѣчать въ гражданскомъ порядкѣ. Съ этой точки зрѣнія довѣріе, оказанное судьѣ выборомъ, гарантируетъ его отъ возбужденія противъ него частныхъ исковъ, и, избирая судью, члены волостного міра какъ бы тѣмъ самымъ берутъ за него отвѣтственность на себя, что и лишаетъ ихъ уже затѣмъ возможности предъявлять къ нему претензіи. Но это единственный, встрѣченный нами случай. Обыкновенно же судимая грамота на бывшаго судью, на котораго приносится жалоба, выдается приказомъ безъ всякихъ затрудненій. Объ отвѣтственности земскихъ судей въ гражданскомъ порядкѣ говоритъ и судебникъ царя Ѳедора Ивановича. Повторяя статью царскаго судебника о годовомъ срокѣ для предъявленія исковъ къ съѣхавшимъ съ кормленій намѣстникамъ и волостелямъ, судебникъ Ѳедора Ивановича устанавливаетъ безсрочную отвѣтственность для отбывшихъ должность земскихъ судей [2]).

Частно-правовой характеръ отвѣтственности земскихъ судей на сѣверѣ

---

[1]) Пр. Д. 1627 № 65.

[2]) Судебникъ царя Ѳедора Ивановича, ст. 38. „А на судей давати судъ после его году, доколе и живъ будетъ, кроме того, кого государь пожалуетъ, не велитъ на кого суда дати“. Ср. ст. 37 судебника царя Ѳедора Ивановича и ст. 24 царскаго судебника.

вполнѣ гармонируетъ съ тѣми чертами частно-правового ихъ положенія, какія встрѣчаемъ въ ихъ избирательныхъ спискахъ, напоминающихъ, какъ мы уже видѣли, договоры найма. Какъ вполнѣ частно-правовое явленіе, отвѣтственность судей переходитъ по наслѣдству: искъ къ судьѣ за его смертью направляется къ его наслѣднику. Въ 1639 г. крестьянинъ Соденской Устьянской волости Савва Пронинскій искалъ на своемъ одноволощанинѣ М. Сухоносовѣ 26 рублей по записи передъ волостнымъ судейкою Вторымъ Порошинымъ съ товарищами. Деньги съ отвѣтчика были взысканы; но судъ почему то удержалъ ихъ, не возвращая истцу. Послѣдній возбудилъ тогда въ 1640 г. искъ ко всему составу суда, а такъ какъ судья Второй Порошинъ уже умеръ, то вмѣсто него въ числѣ отвѣтчиковъ по этому дѣлу наряду съ прошлыми цѣловальникомъ и сотскимъ долженъ былъ явиться сынъ Второго Порошина Семенъ[1]). Гражданская отвѣтственность судей соединялась иногда съ публичной. По жалобѣ на бывшаго судью приказъ предписываетъ по провѣркѣ жалобы взыскать съ него за проѣсти и волокиты въ пользу потерпѣвшаго по казенной таксѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ потерпѣвшему отыскивать свои убытки съ судьи исковымъ процессомъ. Такъ въ 1632 г. крестьянинъ Устьянскаго Введенскаго стана Амосъ Деминъ подалъ въ Устюжскую четверть жалобу на прошлый составъ введенскаго земскаго суда, судейку В. Ревякина съ товарищами въ поноровкѣ отвѣтчику Антону Тверитинову, съ котораго Амосъ взыскивалъ два рубля долга по кабалѣ и рубль съ гривною убытковъ. Отъ этой судейской поноровки, заявлялъ истецъ въ своей челобитной, ему сверхъ прежнихъ убытковъ рубля съ гривною, причиненныхъ неуплатою долга отвѣтчикомъ, учинилось еще новыхъ убытковъ „въ устьянскихъ и московскихъ проѣстяхъ и волокитахъ“, т. е. въ расходахъ на хлопоты въ мѣстномъ земскомъ судѣ и въ Москвѣ въ четверти, а также „въ деревенской хлѣбной недопашкѣ и въ безпромыслицѣ“—2 рубля съ полтиною, каковую сумму онъ и просилъ взыскать съ судей. Приказъ отправилъ грамоту новымъ введенскимъ судьямъ, въ которой предписывалъ: если окажется вѣрнымъ, что бывшій составъ суда, В. Ревякинъ съ товарищами, дѣйствительно сноровили отвѣтчику, то доправить съ нихъ за такую поноровку въ пользу Амоса московскую проѣсть за два мѣсяца по три деньги на день, всего 30 алтынъ; а въ убыткахъ, о которыхъ заявляетъ истецъ, дать ему съ бывшими судьями „судъ“. Распоряженіе приказа было исполнено. 27 декабря 1632 г. въ введенскомъ земскомъ судѣ происходило разбирательство, въ которомъ истцомъ выступилъ Амосъ Деминъ, а отвѣтчиками бывшіе члены того же суда: судейка В. Ревякинъ, двое цѣловальниковъ и двое сотскихъ. Истецъ сначала потребовалъ съ нихъ и того рубля съ гривною, котораго онъ требовалъ за убытки съ своего должника А. Тверитинова. По этому иску они отвѣчать категорически отказались; относительно же предъявленнаго къ нимъ иска о 2 руб. съ полтиной заявили, что считаютъ его напраснымъ, отрицали свою поноровку и соглашались рѣшить

[1]) Пр. Д. 1639 № 44.

дѣло крестоцѣлованіемъ, выразивъ готовность сами поцѣловать крестъ или повѣсить спорныя деньги подъ крестъ, предоставляя цѣлованіе истцу. Истецъ согласился самъ цѣловать крестъ по докладѣ дѣла въ Москвѣ. Покончивъ съ этимъ судебнымъ разбирательствомъ по иску о 2 руб. съ полтиной и взявъ поруки по истцѣ и отвѣтчикахъ въ явкѣ ихъ въ Москву на докладъ дѣла, земскій судъ исполнилъ и первое предписаніе Устюжской четверти, взыскалъ на В. Ревякинѣ съ товарищами 30 алтынъ за ихъ поноровку и отдалъ ихъ истцу Амосу, взявъ съ него расписку [1]). Судебное разбирательство между бывшимъ судьею и потерпѣвшимъ, который приносилъ на него жалобу, могло происходить на мѣстѣ, въ томъ же волостномъ трибуналѣ передъ новымъ составомъ судей, по исковой челобитной, сопровождаемой обыкновенно судимой грамотой изъ Москвы—таковъ и былъ только что разсказанный случай [2]). Или же въ другихъ случаяхъ потерпѣвшій, подавая жалобу въ Москвѣ въ приказѣ, бралъ оттуда „зазывную“ грамоту и вызывалъ отвѣтчиковъ—судей на судъ въ Москву [3]).

Гражданская отвѣтственность судей, ничѣмъ не ограничиваемая и неумѣряемая, должна была быть очень чувствительной и тяжелой. Она становилась особенно тяжелой, когда судья вызывался къ отвѣту въ Москву. Она могла стать совершенно разорительной, если число исковъ къ бывшему судьѣ оказывалось велико. Положеніе волостныхъ судей, принужденныхъ отвѣчать по искамъ, обращеннымъ къ нимъ по окончаніи срока ихъ должности было одинаковымъ съ положеніемъ земскихъ властей, завѣдывавшихъ финансами, когда тѣ по окончаніи срока службы состояли подъ

---

[1]) Пр. Д. 1631 № 30; Пр. Д. 1638 № 70.

[2]) Ср. также Пр. Д. 1627 № 67, л. 215; Пр. Д. 1639 № 44; Пр. Д. 1655 № 52.

[3]) Пр. Д. 1638 № 70. Жалоба крестьянина Соденской волости на прошлаго судью Ѳедора Самсонова въ поноровкѣ пойманному татю. Резолюція приказа: прислать бывшаго судейку за поруками къ Москвѣ; Пр. Д. 1639 № 44. Помѣта: „148 г. декабря въ 27 день. Дать государева грамота къ новымъ выборнымъ судейкамъ, а велѣть того судейку и тѣхъ душегубцевъ (которымъ онъ сноровилъ) сыскавъ за поруками къ отвѣту прислать къ Москвѣ“; Пр. Д. 1639 № 44: „146 г. сентября въ 30 д. Дать государева грамота зазывная къ судейкамъ, а велѣть изъ нихъ двухъ человѣкъ (какъ представителей всей ихъ группы) за поруками къ отвѣту прислать къ Москвѣ“; Пр. Д. 1649 № 81: „И какъ къ тебѣ (новому земскому судейкѣ Введенскаго стана) ся наша грамота придетъ, и ты бъ прошлаго года земскаго судейку Омельку Игнатьева и сотскаго Степанка Рудакова въ томъ.... иску далъ на поруки съ записью, а за поруками учинилъ срокъ стати къ отвѣту на Москвѣ въ Устюжской четверти“; Пр. Д. 1650 № 81. Вызовы бывшихъ судей на судъ въ Москву сопровождались иногда случаями „отбоя“, сопротивленія со стороны вызываемыхъ, какъ это бывало и въ тяжбахъ съ обыкновенными отвѣтчиками. Пр. Д. 1636 № 16, л. 90: „и тѣ прошлые судейки Сенка Тетеринъ да Гришка Моисеевъ съ товарищи.... учинилися сильны, по твоей государевѣ зазывной грамотѣ поруки по себѣ московскіе не дали, отъ насъ судеекъ отбилися“. Пр. Д. 1639 № 44.

отчетомъ и также принуждены бывали отвѣчать по искамъ. Можетъ быть, перспектива такой отвѣтственности служила иногда для судьи тормазомъ при уклонѣ съ пути правосудія и побуждала его исправно исполнять обязанности. Но съ другой стороны отсутствіе гарантіи противъ неосновательныхъ исковъ должно было отпугивать отъ занятія судебныхъ должностей лучшіе элементы волостного общества, обращало судебную службу въ непочетную тяжелую повинность и лишало судью самостоятельности. Опасаясь такихъ исковъ впослѣдствіи, судья не имѣлъ достаточно храбрости рѣшить дѣло самъ, безъ доклада въ высшую инстанцію, избавлявшаго его отъ отвѣтственности.

Глава XIII.

Земство и приказная администрація въ XVII в. на сѣверѣ.

Временемъ наибольшей самостоятельности и разцвѣта земскаго самоуправленія въ Московскомъ государствѣ надо считать столѣтіе, простирающееся приблизительно съ половины XVI до половины XVII вѣка. Выростивъ абсолютную верховную власть и подъ ея руководительствомъ выходя изъ феодальнаго строя, Московское государство въ развитіи своей правительственной формы проходитъ двѣ послѣдовательныя стадіи, различающіяся тѣми орудіями, при помощи которыхъ дѣйствуетъ самодержавная власть. Въ періодъ, заключающійся въ указанныхъ выше хронологическихъ рамкахъ, Московское государство можетъ быть названо *самодержавно-земскимъ*. Съ половины XVII в. оно становится *самодержавно-бюрократическимъ*. Въ первомъ періодѣ, сохраняющемъ еще много феодальныхъ чертъ, на вершинѣ управленія абсолютная власть дѣйствуетъ вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ, на которомъ, какъ и вездѣ въ средніе вѣка въ Европѣ, засѣдаютъ представители тѣхъ чиновъ, изъ которыхъ слагается свободное населеніе. Въ низахъ государственнаго зданія мы видимъ безчисленное множество самоуправляющихся земскихъ единицъ, въ которыя организовано общество и которымъ верховная власть, уничтоживъ феодальныя кормленія, делегировала важнѣйшія государственныя функціи. Весь государственный строй, съ земскимъ соборомъ на вершинѣ и съ самоуправляющимися уѣздами и волостями въ основаніи, проникнутъ началомъ земскаго самоуправленія; весь онъ связанъ этимъ началомъ, и земскій соборъ на верху покоится на уѣздныхъ и волостныхъ самоуправленіяхъ, какъ на необходимомъ фундаментѣ. Земское представительство въ центрѣ служило неизбѣжнымъ завершеніемъ мѣстныхъ, уѣздныхъ и волостныхъ автономій; но въ свою очередь эти автономіи были для него безусловно необходимой опорой. Событія въ исторіи самоуправленія подтверждаютъ вѣрность такого наблюденія. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстныя автономіи стали даваться съ 30-хъ годовъ XVI в.; съ начала 50-хъ мѣстное самоуправленіе получаетъ особенно широкое развитіе, и въ результатѣ такого развитія областного самоуправленія появляются по крайней мѣрѣ съ 1566 г. земскіе соборы въ центрѣ. Наоборотъ послѣ Смутнаго времени, когда мѣстное самоуправленіе начинаетъ приходить въ упадокъ, прекращаются съ половины XVII в. и земскіе соборы. Очевидно, что представительство въ центрѣ, даже въ томъ его

слабомъ видѣ, въ какомъ оно осуществлялось соборомъ, было также естественно связано съ самоуправленіемъ мѣстности, какъ цвѣтокъ съ корнями. Корни самоуправленія давно уже существовали *въ землѣ;* но они были придавлены сверху системой служилыхъ кормленій. Какъ только съ устраненіемъ этого препятствія ихъ скрытыя силы получили нѣкоторую свободу, на стеблѣ появился хотя и довольно чахлый цвѣтокъ. Продержавшись столѣтіе, онъ свалился послѣ того, какъ корни были подрублены усиливающеюся приказной администраціей.

Съ половины XVII в. правительственнымъ орудіемъ, черезъ которое дѣйствуетъ въ государствѣ верховная власть, все замѣтнѣе становится *бюрократія.* Подъ бюрократіей мы разумѣемъ власть особаго общественнаго класса, для котораго занятіе управленіемъ за плату въ разныхъ сферахъ и на разныхъ ступеняхъ является спеціальнымъ промысломъ, источникомъ существованія. Бюрократія нараждается вездѣ въ Европѣ одновременно съ развитіемъ капитализма, денежнаго хозяйства, съ разложеніемъ феодальнаго быта, появленіемъ абсолютной власти и крупныхъ регулярныхъ армій. Параллельно съ тѣмъ, какъ государство начинаетъ вербовать за жалованье военную силу, регулярные полки, смѣнившіе собою прежнія феодальныя ополченія, поставка которыхъ была повинностью вассаловъ, параллельно съ этимъ оно начинаетъ содержать также на жалованьи особую армію чиновниковъ, устроенную на началахъ дисциплины, не меньшей, чѣмъ военная. Эта чиновничья армія составляетъ механизмъ гражданскаго управленія и суда, являясь въ рукахъ верховной власти такимъ же легкимъ и послушнымъ исполнительнымъ орудіемъ, какъ и построенная въ ряды и колонны армія солдатъ.

Появленіе бюрократіи становится замѣтнымъ въ Московскомъ государствѣ еще очень задолго до XVII в. Спеціалисты приказные дьяки занимаютъ вліятельное положеніе и при Иванѣ III, и при Василіи III, а Грозному, какъ извѣстно, Курбскій ставилъ въ вину наряду съ истребленіемъ бояръ также и то правительственное значеніе, которое царь предоставилъ дьякамъ, набираемымъ „изъ поповичей и простого всенародства". Бюрократическій классъ такимъ образомъ въ XVI в. можно считать уже народившимся. Впослѣдствіи въ XVII в. въ его составъ вошло созданное въ значительной мѣрѣ Грознымъ мелкое дворянство, спеціальнымъ занятіемъ котораго была военная и гражданская служба, вознаграждаемая жалованьемъ, сначала земельнымъ, а съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе денежнымъ.

Механизмъ бюрократическаго управленія представляетъ собою іерархически построенную систему должностныхъ лицъ, основанную на подчиненіи низшихъ высшимъ и всю проникнутую недовѣріемъ высшихъ къ подчиненнымъ. Отсюда необходимыми принадлежностями этого порядка является отчетность и контроль въ письменной формѣ; каждый шагъ подчиненнаго долженъ оставить за собою слѣдъ на бумагѣ, подлежащій обозрѣнію и повѣркѣ. Развивается бумажное дѣлопроизводство, которое требуетъ значительнаго спеціально владѣющаго перомъ персонала и

размножаетъ классъ дьяковъ и подьячихъ, формируемый изъ указанныхъ Курбскимъ худородныхъ элементовъ. Итакъ, мелкое дворянство и приказный людъ изъ духовнаго сословія, какъ наиболѣе грамотнаго и даже изъ всенародства—таковы элементы, составляющіе тотъ общественный классъ, который служитъ орудіемъ управленія въ бюрократическомъ государствѣ.

Въ этомъ классѣ соотвѣтственно особенностямъ его соціальнаго состава развивается и своеобразное настроеніе, отличающее его отъ того правительственнаго класса, которому онъ приходилъ на смѣну. Въ XV и XVI вѣкахъ государство правилось боярствомъ. Хорошо извѣстно, что въ составѣ московскаго боярства преобладали титулованныя фамиліи, потомки государей, князей великихъ и удѣльныхъ, глядѣвшіе на себя, какъ на прирожденныхъ правителей государства, какъ на правителей по самому своему происхожденію, такъ сказать, Божіею милостью. Наоборотъ, начинающіе въ XVII в. играть все бо́льшую роль выслуживающіеся приказные дѣльцы—бюрократы возвышались государевой милостью, выходили въ правители своими личными заслугами. Вотъ почему прирожденный наслѣдственный правитель бояринъ не придаетъ особаго значенія своимъ личнымъ качествамъ и талантамъ; не имъ онъ обязанъ значеніемъ правителя и, еслибъ даже былъ совсѣмъ лишенъ ихъ, то все равно по самому своему происхожденію занималъ бы подобающее ему въ правительствѣ мѣсто. Личныя достоинства и таланты онъ не цѣнитъ потому, что не они, а порода создаетъ ему положеніе въ правящихъ верхахъ. Онъ поэтому, можетъ быть, и не гонится за тѣмъ, чтобы считать себя разумнѣе и талантливѣе другихъ. Наоборотъ, выслужившійся приказный своимъ возвышеніемъ до правительственнаго верха обязанъ именно своимъ личнымъ свойствамъ и дарованіямъ, которыя не могутъ не имѣть значенія въ его глазахъ. Всецѣло имъ обязанный, онъ склоненъ ихъ переоцѣнивать, смотрѣть свысока на людей, ими не обладающихъ, и отсюда та самоувѣренность и самомнѣніе, та привычка считать себя единственнымъ обладателемъ знанія и умѣнья, то высокомѣріе къ остальному обществу, которыя отличаютъ приказнаго дѣльца. Онъ имѣетъ исключительное право на знаніе, онъ готовъ считать себя всевѣдущимъ. Общество, надъ которымъ онъ такъ высоко взлетѣлъ, кажется ему темной массой, которою онъ призванъ руководить съ своего высокаго верха, куда голосъ общества до него не долетаетъ. Онъ требуетъ себѣ полнаго повиновенія, и такъ какъ вокругъ него и подъ нимъ все молчитъ, а раздается только его самоувѣренный голосъ, то ему начинаетъ казаться, что это дѣйствительно онъ всѣмъ руководитъ; у него появляется вѣра въ собственное всемогущество. Самомнѣніе, увѣренность въ собственномъ всевѣдѣніи и всемогуществѣ—вотъ черты бюрократіи, какъ класса.

Взглядъ бюрократіи на самоуправленіе, въ особенности на сѣверное всецѣло крестьянское самоуправленіе, становится высокомѣрнымъ и презрительнымъ и проявляется въ томъ пренебрежительномъ тонѣ, въ которомъ ея представители объ этомъ самоуправленіи говорятъ. Съ точки зрѣнія приказныхъ дѣльцовъ это—мужичьи міры, не заслуживающіе уваженія

и довѣрія. „И ты то дѣлаешь негораздо“, пишутъ изъ Устюжской четверти тотемскому воеводѣ, „что *мужичьей сказкѣ* вѣришь, а самъ того не разсматриваешь“, а этою невнушающей довѣрія мужичьей сказкой былъ приговоръ всеуѣзднаго тотемскаго земскаго собранія! Собственное бюрократическое разсмотрѣніе или усмотрѣніе ставится выше показанія земскаго міра[1]). Дворянинъ В. Золотаревъ, посланный въ Заонежскіе погосты для сыска и своза на прежнія мѣста бѣжавшихъ крестьянъ, судя по его перепискѣ дѣльный и даровитый бюрократъ, не можетъ скрыть своего пренебрежительнаго отношенія къ онежскимъ земскимъ порядкамъ, съ которыми онъ познакомился во время своей командировки, къ той вольности и къ тому шуму мірской жизни, которые онъ тамъ замѣтилъ. „И у нихъ, у старостъ и у крестьянъ“, читаемъ мы неоднократно въ его отпискахъ въ Новгородскую четверть, „всякъ судитъ, ни старосты, ни судейки не знаютъ, всякъ у нихъ большой самовольствуетъ отъ перваго и до послѣдняго[2]). Даже такая приказная мелкота, какъ какіе нибудь подьячіе устюжской воеводской избы, и тѣ полны сознанія своего служилаго превосходства надъ „мужикомъ“ и при ссорѣ съ устюжскимъ посадскимъ кричатъ на него: „ты, мужикъ, съ нами споръ держишь, а съ нами на Устюгѣ и лучшіе люди мало говорятъ!“[3]) Большое значеніе бюрократія придаетъ однообразной формѣ, потому что, уничтожая индивидуальныя отличія, такая форма нивеллируетъ общество, стираетъ его шероховатость и обращаетъ его въ мягкую, послушную и удобную для управленія массу, а самый административный механизмъ она дѣлаетъ болѣе исполнительнымъ и точнымъ правительственнымъ орудіемъ. Формализмъ—болѣзнь бюрократіи, и какъ рано, уже въ XVII в. не по формѣ написанная бумага вызываетъ раздраженіе въ приказѣ, а канцеляріи сѣверныхъ земствъ, эти сельскіе церковные дьячки съ требованіями формы не всегда знакомы и ихъ нарушаютъ. Въ 150 (1642) г. отправлялся изъ Устюжской четверти въ Устьянскія волости приставъ Ив. Алабинъ съ разными важными порученіями, касавшимися выдачи новой жалованной грамоты волостямъ, доставки ими замедленныхъ податей и др. Въ данномъ ему наказѣ между прочимъ было написано, что собранныя на текущій 150 г. данныя, оброчныя и стрѣлецкія деньги были присланы при отпискахъ и челобитныхъ, составленныхъ и сложенныхъ не по формѣ. Намъ даже трудно теперь разобрать и понять, какія именно отступленія отъ формы задѣвали бумажную щепетильность приказа. „А сложены тѣ отписки и челобитныя“, читаемъ въ наказѣ, „малы, что посыльныя грамотки. А на подпискѣ подписано, какъ въ челобитныхъ государево имя пишутъ, а въ свершенье написано, кто писалъ того имя дьячка, а не такъ, какъ въ челобитныхъ пишутъ. А на иной челобитной подписано государево имя наисподѣ около печати, какъ бы у посыльной грамотки“. Эти нарушенія формы были признаны столь

[1]) Пр. Д. 1625 № 34.
[2]) Пр. Д. 1647 № 26.
[3]) Пр. Д. 1628 № 13.

существенными, что управлявшій тогда четвертью дьякъ Дмитрій Карповъ счелъ нужнымъ войти о нихъ съ докладомъ къ государю. Докладъ состоялся „въ комнатѣ“ 18 апрѣля 1642 г., и государь указалъ, какъ читаемъ въ томъ же наказѣ Алабину, „тѣхъ дьячковъ, которые тѣ отписки писали непопригожу, велѣть бить батоги нещадно, а впредь велѣть имъ отписки къ государю писати, какъ и изъ иныхъ городовъ пишутъ всякіе приказные люди“ [1]). При такой суровости взысканія за нарушеніе формы не удивительно, что земскія выборныя власти, не боявшіяся иногда, когда дѣло шло о защитѣ мірскихъ интересовъ, выходить противъ правительственныхъ агентовъ во главѣ взбунтовавшейся толпы, трепетали при поврежденіи офиціальной бумаги, если это поврежденіе касалось строкъ, заключавшихъ царское имя и готовы были переусердствовать и перестараться въ этомъ случаѣ. Въ 134 (1625—6) г. церковный дьячекъ у св. Спаса на Усть-Пыльямѣ Тренка, переписывая наказную память приставовъ, ѣздившихъ по Сольвычегодскому уѣзду для сбора денегъ, прожегъ нечаянно первыя строки, гдѣ помѣщался обыкновенно царскій титулъ; „писалъ онъ“, какъ онъ объяснилъ земскому судьѣ въ допросѣ, „съ наказные памяти съемъ у себя въ избѣ, и на наказную память уголь отъ лучины прянулъ, и въ наказной памяти верхнія строки прогорѣло“. Пустякъ былъ земскими властями раздутъ въ политическое дѣло. Сольвычегодскіе земскіе судейки Богданъ Шулѣповскій съ товарищами арестовали виновнаго дьячка, а въ Москву съ донесеніемъ о происшествіи былъ отправленъ нарочный разсыльщикъ. Изъ Устюжской четверти пришелъ отвѣтъ, полный презрѣнія къ проявленной въ этомъ дѣлѣ земскими властями „мужичьей“ глупости. „И то усольскій судейка Богдашко Шулѣповской съ товарищи“, говорилось въ отвѣтѣ, „учинили негораздо, писали къ намъ съ нарочнымъ гонцомъ не о дѣлѣ и тѣмъ нашей казнѣ въ прогонныхъ деньгахъ своею глупостью истерю чинять. А то дѣло учинилось не хитростью, что у наказныя памяти первыя строки прожжено“. Дьячка велѣно было освободить изъ подъ ареста, а на земскихъ судейкахъ взыскать штрафъ въ размѣрѣ прогоновъ на двѣ подводы отъ Сольвычегодска до Москвы и обратно и содержанія гонцу за время поѣздки по 3 деньги на день, „чтобъ тѣмъ мужикамъ впередъ неповадно было такъ глупать, не съ дѣломъ нарочно гонцовъ къ намъ присылать“ [2]).

Складывающаяся въ XVII в. бюрократическая система управленія начинаетъ оттѣснять, подавлять и унижать самоуправленіе. Было время, когда предметомъ самоуправленія общественныхъ союзовъ—міровъ была неширокая область мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ и интересовъ, въ которой міръ пользовался значительной самостоятельностью. Въ серединѣ XVI вѣка верховная власть, ломая послѣдніе феодальные остатки, борясь съ непокорнымъ боярствомъ и уничтожая поддерживавшія боярство кормленія, расширила область земскаго самоуправленія и предоставила мірамъ сверхъ завѣдыванія ихъ собственными дѣлами также и нѣкоторыя госу-

---

[1]) Пр. Д. 1642 № 159, л. 28; Пр. Д. 1641 № 38.
[2]) Пр. Д. 1626 № 1; Пр. Д. 1626 № 2.

дарственныя дѣла: полицію, судъ и сборъ дани, обязавъ ихъ отвѣтственностью за исправное веденіе этихъ государственныхъ дѣлъ, надѣливъ ихъ зато самостоятельностью. Однако такая самостоятельность длилась не долго. Міры освободились въ серединѣ XVI в. отъ давленія кормленщиковъ только для того, чтобы въ XVII в. встрѣтиться съ новой все возрастающей силой—бюрократіей, и эта встрѣча оказалась не къ выгодѣ для міровъ. Въ XVII в. мѣстное самоуправленіе стало подъ близкій надзоръ и воздѣйствіе мѣстнаго правительственнаго агента, на котораго переносятся предоставленныя ранѣе мірамъ и ихъ выборнымъ функціи. Все болѣе оно теряетъ признаки права, все болѣе становится повинностью и повинностью узкою, сводящеюся къ обязанности поставлять и содержать подчиненный правительственному агенту-воеводѣ выборный исполнительный персоналъ для разнаго рода государственныхъ надобностей. Такія черты получаетъ мѣстное самоуправленіе въ XVII в., вдвигаясь въ общую бюрократическую систему въ качествѣ не противорѣчащаго ей, подчиненнаго исполнительнаго орудія. Появленіе воеводъ въ мѣстности и подчиненіе земскихъ міровъ ихъ власти служитъ выраженіемъ развитія бюрократизма. Въ руки воеводъ вновь возвращаются тѣ государственныя порученія, которыя даны были самостоятельно дѣйствующимъ мірамъ, а выборныя власти міра низводятся до значенія состоящихъ въ распоряженіи воеводы, покорныхъ ему орудій. Къ воеводской власти въ Поморьѣ и къ ея взаимоотношенію съ земскимъ самоуправленіемъ мы теперь и должны обратиться.

Въ литературѣ вопроса въ достаточной мѣрѣ были уже выяснены ближайшія причины, вызвавшія въ XVII в. повсемѣстное появленіе воеводъ въ уѣздахъ. Отмѣчено было назначеніе ихъ въ различныя, преимущественно окраинныя мѣстности уже въ предыдущемъ столѣтіи[1]). Смутное время, вызвавшее необходимость сильной, вооруженной военными полномочіями правительственной власти на мѣстахъ для борьбы съ разсѣявшимися по всему пространству государства чужеземными непріятельскими отрядами и собственными разбойничьими шайками, содѣйствовало обращенію института воеводской власти изъ окраиннаго въ повсемѣстный и изъ чрезвычайнаго въ обыкновенный. Революція начала XVII вѣка, взволновавъ русское общество и замутивъ его въ самыхъ глубинахъ, подняла на его поверхность грязную пѣну, которая долго потомъ замѣтна была на расходящихся уже и утихающихъ волнахъ и для уничтоженія которой общество должно было прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Для борьбы съ внѣшними врагами и съ своими домашними потерявшими всякую сдержку анархическими и уголовными элементами, можетъ быть, еще болѣе антиобщественными, чѣмъ внѣшніе враги, всѣ уѣзды государства были теперь поставлены на то военное положеніе, на которомъ ранѣе были только находившіеся подъ угрозой непріятельскаго нападенія пограничныя мѣстности, и управленіе ими было передано военной власти, *воеводамъ*, такъ какъ ранѣе назначавшіяся по городамъ гражданскія власти въ лицѣ горо-

[1]) *Градовскій*, Сочиненія, II, 382 и сл.

довыхъ приказчиковъ, а равно и земскія выборныя власти въ лицѣ судей и губныхъ старостъ не обладали для борьбы достаточной силой. „Со 121 (1613) году", читаемъ въ одной разрядной росписи, „при государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всея Русіи въ городѣхъ учинены воеводы и приказные люди; а до 121 году при боярѣхъ (т. е. въ 1610—13 гг.) и при царѣ Васильѣ въ тѣхъ городѣхъ воеводы были жъ; а при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ и при царѣ Борисѣ по 113 (1605) годъ по Разстригинъ приходъ въ тѣхъ городѣхъ воеводъ не было, а были въ нихъ судьи, и губные старосты, и городовые приказчики"[1]). Во время Смуты и въ ближайшіе годы за нею одною изъ главныхъ задачъ правительства, требовавшей отъ него гораздо болѣе заботъ, чѣмъ прежде, было доставленіе обществу внѣшней и внутренней безопасности; воеводская власть на мѣстахъ и должна была служить средствомъ для достиженія этой цѣли.

Другимъ обстоятельствомъ, содѣйствовавшимъ развитію воеводской власти въ XVII в., было то чрезвычайное финансовое напряженіе, которое государство переживало послѣ Смуты и которое частію было послѣдствіемъ разоренія, причиненнаго Смутой, частію вызывалось новымъ направленіемъ внѣшней политики. Революція разстроила въ конецъ хозяйственныя силы страны и опустошила государственное казначейство. Какъ только послѣднее стало пополняться, аггрессивная политика, которую повело государство, едва оправившись отъ Смуты, потребовала новыхъ жертвъ и затратъ. Правительство вынуждено было повышать и расширять обложеніе, прибѣгать къ экстреннымъ налогамъ и вводить новыя податныя единицы. Справиться со всѣми этими финансовыми операціями при помощи прежнихъ орудій въ видѣ земскихъ міровъ и выборныхъ земскихъ властей оно не разсчитывало; эти орудія не обладали достаточной силой, чтобы оказать то интенсивное давленіе на общество, которое нужно было для выжиманія изъ него новыхъ и новыхъ средствъ. Въ частности, выборныя земскія власти слишкомъ близко стояли къ обществу и слишкомъ тѣсно были съ нимъ связаны, чтобы дѣйствовать въ интересахъ финансоваго управленія въ его новомъ масштабѣ. Во-первыхъ, онѣ не обладали достаточно внушительнымъ авторитетомъ и достаточными рессурсами, чтобы оказывать надлежащее воздѣйствіе на плательщиковъ; а затѣмъ, все же интересы плательщиковъ, ихъ избирателей, той среды, съ которою земскіе выборные были связаны сотнею нитей, были имъ ближе и дороже интересовъ государственнаго казначейства. Притомъ и сами они, всѣ эти старосты, сотскіе и судьи были плательщиками казенныхъ налоговъ. Вотъ почему для новыхъ финансовыхъ требованій государства, для крупныхъ новыхъ сборовъ, появляющихся съ XVII вѣкомъ, сталъ уже недостаточнымъ земскій выборный механизмъ XVI-го столѣтія, и вотъ почему воевода не только получилъ военную и полицейскую власть для охраны безопасности, но и оказался правительственнымъ агентомъ по финансовому управленію. Его сильная рука должна была не только грозить непріятелю и разбойнику,

[1]) Временникъ О. И. Д. Р. III, смѣсь, 6.

охранять общество отъ внѣшняго и отъ внутренняго врага, но и властно выколачивать недоимки изъ подвѣдомственнаго ему населенія, и съ этой точки зрѣнія она разсматривалась какъ лучшая гарантія своевременнаго и полнаго поступленія доходовъ въ государственное казначейство, болѣе дѣйствительная, чѣмъ всякая отвѣтственность органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Установленіе безопасности и порядка и болѣе вѣрное обезпеченіе своевременнаго и полнаго поступленія средствъ въ казну—таковы были государственныя потребности, создавшія и развивавшія воеводскую власть на мѣстахъ. Это были причины появленія въ XVII в. воеводской власти, дѣйствовавшія сверху, со стороны государства. Были и еще причины того же самаго явленія, которыя оказывали свое дѣйствіе снизу, со стороны самого общества и даже той самой земской организаціи, въ какую общество сформировалось. Объ этихъ причинахъ, дѣйствовавшихъ снизу, мы скажемъ позже, въ слѣдующей главѣ. Теперь же сначала ближе всмотримся въ дѣятельность поморскихъ воеводъ въ XVII в., направленную къ тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ они появились.

Въ упомянутой выше разрядной росписи поморскіе города отнесены къ тѣмъ, гдѣ „напередъ сего воеводъ не было жъ“ и куда они стали посылаться со времени царя Василія Шуйскаго, хотя, какъ мы знаемъ, на Двину воеводы назначались еще съ 1585 г. Послѣ Смуты вездѣ въ поморскихъ уѣздахъ дѣйствуютъ воеводы за исключеніемъ Заонежскихъ погостовъ, гдѣ съ 139 г. по 144 (1630—1636) и съ 155 по 157 (1646—1649) были перерывы въ назначеніи воеводъ, и за исключеніемъ Устьянскихъ волостей, куда до 1622 г. посылался „приказный человѣкъ“. Съ этого года посылка приказнаго человѣка прекратилась, и волости стали единственнымъ округомъ, гдѣ самоуправленіе не знало надъ собою власти мѣстнаго правительственнаго агента и подчинялось непосредственно центральной власти. Въ постоянно попадающихся среди бумагъ Устюжской четверти росписяхъ съ обозначеніемъ, „сколько въ Устюжской чети вѣдомо городовъ и кто въ нихъ имены воеводъ и приказныхъ людей“, отмѣчается, что „въ Устьянскихъ волостяхъ вѣдаютъ и судятъ выборные судейки по годамъ, а воеводамъ и приказнымъ людемъ быть не велѣно“, и не разъ втеченіе столѣтія правительство грозило волостямъ опять посылать въ нихъ „приказнаго человѣка“, если устьянцы не будутъ своевременно доставлять положенные на нихъ сборы, прибавляя, что „то имъ будетъ самимъ отъ себя“, т. е. что въ томъ будутъ сами они виноваты [1]).

Воеводы по поморскимъ уѣздамъ назначались тѣми приказами, которымъ эти уѣзды были подвѣдомственны; слѣдовательно, въ Важскій уѣздъ воевода отпускался изъ Большого дворца; изъ Новгородской четверти получали назначеніе воеводы въ Заонежскіе погосты, въ Колу, въ Каргополь и Турчасово, на Двину, въ Кевролу и на Мезень, на Вымь въ Яренскій городокъ, въ Пустозерскъ, на Вятку и въ Пермь, а изъ Устюжской чет-

---

[1]) Временникъ О. И. Д. Р. III, смѣсь, 8; Пр. Д. 1635 № 97; 1638 № 10; 1639 № 45; 1641 № 42, 1647 № 26.

верти—въ Устюгъ В., Тотьму и Чаронду. Въ Устюжской четверти кромѣ поморскихъ городовъ вѣдались еще нѣсколько городовъ Замосковнаго края, какъ Бѣжецкій Верхъ, Веневъ, Епифань, Можайскъ, Вязьма, Звенигородъ и др.; но воеводъ назначала четверть только въ поморскіе и въ Устюжну; въ остальные же ея города воеводы назначались изъ Разряда, и это показываетъ особенно тѣсную связь съ четвертью именно поморскихъ городовъ, составлявшихъ ея ближайшее вѣдомство [1]). Намъ уже приходилось на первыхъ страницахъ этой книги отмѣчать перемѣны, происходившія втеченіе XVII в. въ распредѣленіи воеводскихъ округовъ. Такъ въ 1620-хъ годахъ въ Каргополь и Турчасовскій станъ назначались отдѣльные воеводы, но затѣмъ каргопольскій воевода правитъ всѣмъ уѣздомъ одинъ. Въ Вятской землѣ въ первой половинѣ вѣка въ особый воеводскій округъ выдѣлялись уѣзды Слободской и Шестаковскій; но во второй половинѣ вся Вятская земля составляетъ одинъ воеводскій округъ. Въ Пермской землѣ до 1636 г. въ каждый изъ трехъ ея уѣздовъ назначался особый воевода; съ этого времени Чердынскій и Соликамскій уѣзды соединились въ одинъ округъ съ воеводской резиденціей въ Соликамскѣ [2]).

Смотря по важности и значенію города различался составъ воеводской администраціи, знатность и рангъ воеводъ. Такъ на Двину съ воеводою назначали дьяка; бывали случаи назначенія туда двухъ воеводъ и при нихъ дьяка. Притомъ въ воеводахъ на Двинѣ мы видимъ представителей знатнѣйшихъ княжескихъ фамилій, напр. Ростовскихъ-Пріимковыхъ, Долгорукихъ, Пронскихъ, Хилковыхъ, Пожарскихъ, Черкасскихъ, Хованскихъ, Ромодановскихъ, а изъ нетитулованныхъ родовъ: Вельяминовыхъ, Пушкиныхъ, Львовыхъ, Шереметевыхъ. Со второй половины XVII в. на Двину назначаются лица не только аристократическаго происхожденія, но и очень высокаго служебнаго ранга: бояре, окольничіе, думные дворяне, а въ самомъ концѣ вѣка должность двинскаго воеводы занимаютъ близкіе къ царю люди: молодой Матвѣевъ, Андрей Артамоновичъ (1692—94),

---

[1]) Пр. Д. 1638 № 10. 1638 г. Роспись, сколько въ Устюжской чети вѣдомо городовъ и кто въ нихъ имены воеводъ и приказныхъ людей.

Устюгъ В. Стольникъ и воевода князь Матвѣй княжъ Васильевъ сынъ Прозоровской да подьячей Орефа Башмаковъ.

Соль Вычегодская. Воевода князь Аѳанасій княжъ Григорьевъ с. Козловской.

Тотьма. Воевода Титъ Ивановъ с. Дубровинъ.

Чаронда. Воевода Яковъ Яковлевъ с. Вороновъ.

Устюжна Желѣзнопольская. Воевода Иванъ Наумовъ с. Елизаровъ.

Устьянскія волости. Въ Устьянскихъ волостяхъ вѣдаютъ и судятъ выборные судейки по годамъ, а воеводамъ и приказнымъ людемъ быть не велѣно.

Въ Устюжской четверти вѣдомы городы, а воеводъ и приказныхъ людей въ тѣ городы посылаютъ изъ Розряду: Бѣжецкой Верхъ, Городецко (sic), Венева, Епифань, Можаескъ, Дмитровъ, Пошехонье, Звенигородъ, Луки В., Старица, Гремячей, Ржева Володимірова, Руза, Вязьма, Клинъ, Кляземское городище, Погорѣлое городище".

[2]) I, глава I.

а затѣмъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, оба въ чинахъ „ближнихъ стольниковъ“. Въ 1650-хъ и 60-хъ годахъ послѣ того, какъ Олонецъ обращенъ былъ въ крѣпость, которая должна была служить защитой отъ шведовъ и базой военныхъ дѣйствій противъ нихъ, въ Заонежье стали посылаться воеводы въ чинахъ окольничихъ и думныхъ дворянъ; въ концѣ вѣка, впрочемъ, здѣсь большею частью правятъ стольники. Въ чинѣ стольниковъ назначались обыкновенно воеводы въ Устюгъ В.; при нихъ бывали подьячіе „съ приписью“, т. е. съ правомъ подписывать исходящія изъ воеводской канцеляріи бумаги. Къ концу столѣтія бывали стольники и въ Сольвычегодскѣ. На Тотьму и Чаронду назначались дворяне невидныхъ фамилій и неважныхъ чиновъ [1]).

Самый порядокъ назначенія на воеводскую должность, начинавшійся просьбой кандидата и оканчивавшійся выдачей ему наказа, слишкомъ хорошо выясненъ въ нашей литературѣ, чтобы еще разъ на немъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что назначеніе воеводъ въ поморскіе города не отличалось какими либо особенностями отъ другихъ назначеній. Такъ какъ насъ главнымъ образомъ интересуетъ дѣятельность воеводъ, то мы познакомимся прежде всего съ содержаніемъ дававшихся имъ и опредѣлявшихъ кругъ ихъ дѣятельности наказовъ, сравнивая результаты анализа наказовъ, рисующихъ компетенцію воеводъ, такъ сказать, въ идеалѣ, съ данными документовъ, изображающихъ воеводское управленіе на практикѣ. При этомъ ближайшимъ образомъ насъ будетъ занимать отношеніе воеводской власти къ земскому самоуправленію.

По внѣшнему своему виду воеводскій наказъ не имѣетъ значенія общей, одинаковой для всѣхъ воеводъ нормы, а представляетъ собою лишь индивидуальную инструкцію, выдаваемую такому-то опредѣленному воеводѣ. Онъ касается не воеводской должности вообще, а имѣетъ цѣлью регулировать поведеніе того лица, которому данъ, и содержитъ въ себѣ наставленія именно этому только лицу. Каждому посылаемому въ одну и туже мѣстность воеводѣ выдавался свой особый наказъ, и преемникъ кончавшаго срокъ воеводы, являвшійся ему на смѣну, не наслѣдовалъ отъ него наказа, а привозилъ съ собою новый. Только уже при Петрѣ В.—и это было однимъ изъ нововведеній его областной реформы—инструкція провинціальному воеводѣ получила характеръ общей нормы, общаго регламента, относящагося ко всѣмъ провинціямъ и содержащаго въ себѣ общіе принципы воеводскаго управленія. Это управленіе въ XVII в. такой однообразной регламентаціи не знало; воеводы въ своей дѣятельности должны были довольствоваться индивидуальными инструкціями, различавшимися одна отъ другой и по времени, и по мѣстностямъ. Въ наказъ слѣдующему воеводѣ могли быть внесены новые параграфы, которыхъ не было въ наказѣ предыдущему, разъ появились новыя обстоятельства и надо было дать вновь назначенному воеводѣ какія либо новыя порученія, не дававшіяся его предшественнику. Съ другой стороны оказывало вліяніе различіе мѣстныхъ

[1]) *Барсуковъ*, Списки городовыхъ воеводъ.

обстоятельствъ: устюжскому воеводѣ могли даваться порученія, которыхъ не было нужды давать тотемскому и кеврольскому. Но все же, наблюдая наказы, можно сказать, что эти различія по времени и мѣсту не велики, и обыкновенно наказъ вновь назначаемому воеводѣ механически списывался съ перемѣной только именъ и датъ съ наказа его предшественнику, а различіе мѣстностей сказывалось всего въ какихъ либо одной, двухъ статьяхъ. Такъ напр. устюжскіе наказы отличаются отъ тотемскихъ статьей, поручающей устюжскому воеводѣ командованіе устюжскимъ стрѣлецкимъ отрядомъ, тогда какъ въ Тотьмѣ не было стрѣлецкаго гарнизона, почему соотвѣтствующій параграфъ въ тотемскомъ наказѣ и опущенъ. Въ чарондскомъ наказѣ нѣтъ обычной для наказовъ статьи о сдачѣ и пріемѣ артиллеріи и артиллерійскихъ запасовъ, такъ какъ на Чарондѣ не было крѣпости, „города“. Такимъ образомъ различія между разными поморскими наказами не значительны, и при чтеніи наказовъ, относящихся къ разнымъ мѣстностямъ, нетрудно въ основѣ ихъ текста замѣтить какъ бы общую модель, слегка только измѣняемую по мѣсту и по времени. Можно также замѣтить, что въ каждомъ приказѣ была выработана своя модель, которая и лежитъ въ основѣ всѣхъ наказовъ, выдававшихся изъ этого приказа, и можно установить два типа поморскихъ наказовъ: типъ Устюжской и типъ Новгородской четвертей. Различія между этими типами однако совершенно несущественны, касаются болѣе внѣшней формы и расположенія статей, чѣмъ внутренняго содержанія; они такъ неважны, что ими можно пренебречь при обзорѣ наказовъ.

Поморскіе наказы, какъ и вообще воеводскіе наказы всѣхъ другихъ мѣстностей начинаются статьями, касающимися, такъ сказать, предварительныхъ дѣйствій воеводъ, которыми должно сопровождаться вступленіе воеводы въ должность. Воеводѣ указывается срокъ, когда онъ долженъ смѣнить своего предшественника. Вступая въ должность, онъ обязанъ „расписаться“ съ предыдущимъ воеводой, взявъ у него роспись казенному имуществу: деньгамъ, хлѣбу, оружію, свинцу, всякимъ артиллерійскимъ запасамъ, а также роспись всякимъ дѣламъ въ съѣзжей избѣ, вершенымъ и невершенымъ, провѣривъ наличность всего передаваемаго по росписи. Начиная управленіе, воевода долженъ къ нему нѣсколько подготовиться; для этого ему предписывается пересмотрѣть всѣ государевы грамоты, присланныя къ прежнимъ воеводамъ, „чтобы ему во всемъ государевъ указъ былъ вѣдомъ. Точно такъ же ему вмѣняется въ обязанность познакомиться съ приходо-расходными книгами воеводства.

Какъ обладающій военной властью, воевода, вступая въ должность, въ тѣхъ городахъ, гдѣ были крѣпости, принималъ отъ предшественника „городовые ключи“. На него возлагалась забота о крѣпостной артиллеріи, „нарядѣ“, о снабженіи наряда достаточнымъ персоналомъ и о бережномъ храненіи всякихъ пушечныхъ запасовъ. Если въ городѣ находился стрѣлецкій гарнизонъ, воеводѣ поручалось произвести ему смотръ, провѣрить личный его составъ и вооруженіе, наблюдать за его поведеніемъ, смотрѣть, чтобъ стрѣльцы никакимъ воровствомъ не воровали, никого не били и не

грабили, зернью не играли и не бражничали, ружья и платья съ себя не проливали и не закладывали, не отлучались бы изъ города и по волостямъ самовольно не ѣздили. Но стрѣлецкіе гарнизоны стояли только въ немногихъ городахъ Поморья: въ Колѣ, Олонцѣ, Архангельскѣ и Устюгѣ В. Въ послѣднемъ находился стрѣлецкій отрядъ въ 100 человѣкъ съ подчиненнымъ воеводѣ сотникомъ во главѣ.

Содержаніе поморскихъ воеводскихъ наказовъ проникнуто двумя основными чертами: узко-фискальнымъ стремленіемъ и бюрократическимъ недовѣріемъ. Остановимся на каждой изъ нихъ подробнѣе.

Цѣль воеводскаго управленія по наказамъ исключительно фискальная—искать во всемъ государевой *прибыли*. Воевода, руководясь наказомъ и особыми спеціальными на каждый случай предписаніями изъ Москвы, а также и собственнымъ разумѣніемъ, примѣняясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, „смотря по тамошнему дѣлу“—долженъ „промышлять, какъ бы государевѣ казнѣ и государевымъ дѣламъ было прибыльнѣе“. И эта прибыль понималась отнюдь не въ какомъ-нибудь широкомъ смыслѣ благосостоянія государства, а въ самомъ буквальномъ смыслѣ полноты государственнаго казначейства. Къ этой цѣли и должна направляться вся, казалось бы по наказамъ довольно разнообразная, дѣятельность воеводы; эта цѣль сообщала разнообразію воеводской дѣятельности строгое единство. О чемъ бы ни заговорилъ наказъ, какого бы рода дѣлъ онъ ни коснулся, онъ всегда свернетъ на свой излюбленный фискальный припѣвъ: „чтобы государевой казнѣ было прибыльнѣе.“ Наставленія, касающіяся сбора тягла, занимаютъ въ наказахъ главное и наиболѣе значительное по объему мѣсто. Вновь назначеннаго воеводу наказы обязываютъ по пріѣздѣ на мѣсто службы прежде всего обревизовать прежняго воеводу, „счесть его во всякихъ сборахъ, расписаться съ нимъ во всемъ отъ него полученномъ и документы этой ревизіи: счетъ и расписной списокъ отправить въ Москву. Новый воевода долженъ произвести сборъ податей за текущій годъ, добрать недобранное старымъ, взыскать накопившіяся за прошлые годы недоимки и собранныя деньги отправлять въ соотвѣтствующіе приказы. На будущее время ему предписывалось собирать по грамотамъ изъ Москвы непремѣнно весь окладъ сполна и въ недоимку ничего не оставлять. На него возлагается далѣе наблюденіе за разнаго рода казенными доходными статьями, за тѣмъ, чтобы участки, отданные писцами на льготу, по минованіи срока льготы привлекались своевременно къ тяглу и за тѣмъ, чтобы никто не пользовался безоброчно государственными землями и водами, пашнями, сѣнокосами, мельницами, рыбными ловлями и другими угодьями. Объ отношеніи воеводы къ главнымъ косвеннымъ сборамъ, таможеннымъ и питейнымъ, наказы Новгородской и Устюжской четвертей даютъ различныя предписанія. Первые содержатъ цѣлый рядъ параграфовъ, касающихся таможеннаго и питейнаго управленія. Во-первыхъ, воевода долженъ позаботиться о полнотѣ и пригодности необходимаго для сборовъ служебнаго персонала; ему рекомендуется смотрѣть, чтобы посадъ выбиралъ въ таможенные и кабацкіе цѣловальники людей честныхъ и имущественно обезпе-

ченныхъ, или, какъ тогда говорилось, собою добрыхъ, душою прямыхъ и животами прожиточныхъ, не воровъ и не бражниковъ. Передъ выборами воевода долженъ былъ выступить съ увѣщаніемъ къ избирателямъ, чтобы ставили въ цѣловальники людей достойныхъ довѣрія, указывать, что въ противномъ случаѣ допущенные непригоднымъ персоналомъ недоборы придется покрывать имъ же самимъ, мірскимъ людямъ. На избранныхъ кандидатовъ воевода долженъ былъ взять отъ общества избирательные списки, „выборы за руками“ и затѣмъ самихъ кандидатовъ привести къ присягѣ. Второю обязанностью воеводы въ отношеніи таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ по наказамъ Новгородской четверти былъ надзоръ за дѣйствіями таможенныхъ и питейныхъ головъ съ цѣловальниками, чтобы они государевой казною не корыстовались, а наоборотъ заботились о казенной прибыли, чтобы таможенные чины взимали таможенныя пошлины вправду, по уставной грамотѣ, чтобы купцы тайно, не предъявивъ своихъ товаровъ въ таможнѣ, не проѣзжали; чтобы кабацкіе головы и цѣловальники сами даромъ не пили и родственникамъ и друзьямъ не раздавали. Каждые три мѣсяца воевода требуетъ отъ таможенныхъ и кабацкихъ головъ собранныя ими деньги, ревизуетъ ихъ отчетность и отправляетъ оказавшіяся на лицо суммы въ Москву.

Наказы изъ Устюжской четверти ставятъ воеводу въ иное положеніе къ таможенному и кабацкому управленію. Такъ тотемскій наказъ 1645 г. предписываетъ воеводѣ оберегать таможеннаго и кабацкаго голову и цѣловальниковъ отъ всякихъ обидъ и насильствъ, чтобы „у таможеннаго и у кабацкаго сбору быть имъ безстрашно“. Къ этому предписанію устюжскій наказъ 1645 г. и сольвычегодскій 1646 г. прибавляютъ запрещеніе воеводѣ вступаться въ таможенныя и кабацкія дѣла, подтверждая самостоятельность таможеннаго и кабацкаго головы и независимость его отъ воеводы словами: „а таможенной и кабацкой сборъ положенъ на таможенныхъ и на кабацкихъ головахъ и на цѣловальникахъ. Въ этихъ наказахъ выражается опасеніе, какъ-бы, если воевода станетъ вмѣшиваться въ эту отрасль управленія, не произошло таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ какой нибудь „порухи“. Изъ этого разнорѣчія наказовъ видно, что отдѣльные приказы каждый по своему смотрѣли на предѣлы воеводской компетенціи, не заботились о согласованіи своихъ распоряженій, и въ то время какъ Новгородская четверть давала своимъ воеводамъ самыя широкія полномочія въ таможенномъ и питейномъ управленіи, Устюжская—запрещаетъ своимъ вмѣшиваться въ эту сферу. Но и то, и другое, и предоставленіе широкихъ полномочій воеводѣ, и запрещеніе всякаго вмѣшательства вызвано однимъ и тѣмъ же стремленіемъ: сдѣлать таможенные и кабацкіе сборы прибыльнѣе; только приказы разно понимали причины этой прибыльности; одинъ считалъ благопріятнымъ для нея условіемъ расширеніе, другой наоборотъ— ограниченіе воеводской власти.

Не удивительно, разумѣется, что тѣ статьи наказовъ, которыя касаются прямыхъ и косвенныхъ казенныхъ сборовъ, проникнуты фискальнымъ направленіемъ и ставятъ цѣлью мѣстной администраціи увеличеніе казенной

прибыли. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ наказахъ зайдетъ рѣчь о судебной или полицейской дѣятельности воеводъ, фискальные интересы стоятъ на первомъ планѣ. Говоря о воеводскомъ судѣ, наказъ не забудетъ упомянуть объ аккуратномъ сборѣ судебныхъ пошлинъ, точно указывая ихъ размѣры.[1]) Къ числу полицейскихъ обязанностей, возлагаемыхъ на воеводу наказами, относится обезпеченіе безопасности. Воеводѣ дается предписаніе, хотя и въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ, всякихъ людей отъ воровства унимать, чтобъ они не крали, не разбивали, татямъ и разбойникамъ у себя пристанища не давали и татиною и разбойною рухлядью не промышляли. Но, въ чемъ должны были заключаться мѣры для такого униманія, ближайшимъ образомъ наказы не выясняютъ. Въ случаяхъ татьбы и разбоя по жалобамъ потерпѣвшихъ и по ихъ просьбамъ о посылкѣ пристава для выемки поличнаго воевода долженъ чинить указъ немедленно. При появленіи въ какой либо мѣстности уѣзда разбойниковъ воевода по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ долженъ принимать мѣры къ ихъ поимкѣ и между прочимъ предписывать волостнымъ старостамъ, цѣловальникамъ и крестьянамъ, чтобы они организовали погоню за разбойниками, составляя для этой цѣли отряды изъ вооруженныхъ людей. Сольвычегодскіе наказы обязываютъ воеводъ кромѣ только что указанныхъ мѣръ также устраивать совѣщанія, „совѣтовать“ съ выборными земскими судейками и соотвѣтственно съ принятыми на такихъ совѣщаніяхъ рѣшеніями ограждать посадскихъ и уѣздныхъ людей отъ разоренья и ловить разбойниковъ, какъ только появятся. Наказы изъ Устюжской четверти предписываютъ воеводамъ поступать съ разбойниками, руководясь „статейною книгой“, разосланной изъ четверти по городамъ въ 131 (1622—23) г. О тѣхъ случаяхъ, которые этой книгой не предусмотрѣны и въ которыхъ воевода затруднился бы постановить рѣшеніе самъ, онъ долженъ писать въ четверть. Наказы Новгородской четверти по разбойнымъ дѣламъ предписываютъ воеводамъ ограничиваться только производствомъ сыска, а затѣмъ, посадивъ обвиняемыхъ въ тюрьму, за рѣшеніемъ дѣла, за „указомъ“ обращаться въ Москву. Вообще воевода долженъ былъ блюсти безопасность въ мѣстности, охранять населеніе, „во всемъ беречь“ его, оказывать ему попеченіе. Но цѣль такой заботливости объ обереганіи населенія—узко-практическая: не благосостояніе жителей въ общемъ и широкомъ смыслѣ, а интересы казначейства, своевременное поступленіе сборовъ и успѣшное взысканіе недоимокъ. Эта цѣль открыто и высказывается въ наказахъ. Населеніе надо оберегать для того, чтобы „посада и уѣзда не запустошить, и государевы бы сборы за тѣмъ не стали, и изъ доимки бъ доимочныя деньги выбрать“.

[1]) Именно: во-первыхъ, «съ рубля по гривнѣ», т. е. 10% съ исковой суммы, а во-вторыхъ, «пересудъ и правый десятокъ» по 7 алт. 2 д. «съ суда», т. е. процесса. Такой размѣръ пересуда и праваго десятка встрѣчаемъ въ наказахъ и изъ Устюжской, и изъ Новгородской четвертей, кромѣ вятскихъ наказовъ, гдѣ для этихъ пошлинъ устанавливаются иные размѣры, именно: для пересуда по 6 алт. 4 д., а для праваго десятка по 4 д. «съ суда».

Во всѣхъ поморскихъ наказахъ находимъ далѣе полицейское предписаніе, являющееся обычнымъ для всѣхъ вообще воеводскихъ наказовъ XVII вѣка: статью о примитивныхъ противопожарныхъ мѣрахъ на посадахъ. Воевода долженъ объявлять, чтобы лѣтомъ въ жаркіе и вѣтреные дни въ городѣ и на посадѣ обыватели избъ и мыленъ не топили, по вечерамъ въ избахъ съ огнемъ не сидѣли, а пищу бы варили въ печахъ, устроенныхъ глубоко въ землѣ на пустыхъ мѣстахъ и огородахъ, и чтобы на крышахъ домовъ держали кади съ водою на случай пожара [1]). Вятскіе наказы содержатъ также предписаніе воеводѣ организовать нѣчто въ родѣ пожарной полиціи—выбрать изъ посадскихъ лучшихъ людей „объѣзжаго голову", дать ему инструкцію и откомандировать въ его распоряженіе разсыльщиковъ, пушкарей и ходоковъ для надзора за соблюденіемъ противопожарныхъ правилъ. Кажется, безопасность отъ огня, о которой долженъ былъ заботиться воевода, цѣнится наказами сама по себѣ, безотносительно къ прибылямъ казначейства; однако и въ статьяхъ о противопожарныхъ правилахъ сквозитъ иногда исключительно казенный интересъ. Такъ тотемскіе наказы, говоря о воспрещеніи топить печи въ лѣтніе дни, простираютъ это воспрещеніе только на тѣ дворы, „которые близко города и лавокъ", т. е. которые расположены по сосѣдству съ казенными зданіями—городскою стѣной и лавками въ рядахъ. До остальныхъ дворовъ, не грозящихъ такою непосредственною опасностью пожара казенному имуществу, ограниченіе топки, повидимому, не касается. Уже всецѣло фискальнымъ интересомъ диктуется полицейская статья наказовъ, которою воеводы уполномочиваются пресѣкать подрывающее казенные доходы корчемство и смотрѣть, чтобы на посадахъ и въ волостяхъ никто дома вина не курилъ, продажнаго питья и никакой посуды для вина дома у себя не держалъ. Наказы Новгородской четверти развиваютъ этотъ параграфъ болѣе подробно, устанавливая размѣры пени за корчму [2]) и уполномочивая воеводу выдавать разрѣшеніе на варку пива и меда въ малыхъ количествахъ, по четверти или по двѣ по поводу домашнихъ событій: свадебъ, родинъ или поминковъ со взятіемъ и въ этихъ случаяхъ пошлинъ въ казну съ пива съ четверти, а съ меду съ пуда по алтыну.

---

[1]) Этотъ параграфъ воеводскихъ наказовъ казался стѣснительнымъ и могъ вызывать иногда раздраженіе въ мѣстномъ обществѣ и его представителяхъ. Когда въ сентябрѣ 1626 г. устюжскій воевода П. Волынскій послалъ приговорнаго цѣловальника съ стрѣльцомъ запечатать въ острогѣ и на посадѣ бани, чтобы ихъ не топили, земскій судейка Жданъ Пушкаревъ, вѣроятно, находя такое запрещеніе въ сентябрѣ несвоевременнымъ, у одной изъ бань печать сорвалъ, а «цѣловальника и стрѣльца лаялъ и съ указомъ», за что подвергся жестокому наказанію, передъ съѣзжей избой былъ битъ батоги, посаженъ въ тюрьму на недѣлю и долженъ былъ уплатить 2 р. 4 алт. $1^1/_2$ д. пени на государя. Пр. Д. 1626 № 2.

[2]) Очень высокіе, именно: за первый случай 2 р. 4 алт. $1^1/_2$ ден. да на питухахъ по полуполтинѣ; во второй разъ на корчемникахъ и на питухахъ вдвое; за третій разъ съ питуховъ взыскивалось втрое, а корчемниковъ предписывалось подвергать торговой казни и конфискаціи имущества.

Итакъ основная и главная задача воеводскаго управленія сквозитъ въ каждой статьѣ наказовъ. Не благосостояніе мѣстности, не общее благо населенія имѣютъ въ виду всѣ эти многочисленныя, иногда нескладно выраженныя и по нѣскольку разъ въ одномъ и томъ же наказѣ повторенныя предписанія, а исключительно только интересы фиска, казенную прибыль, своевременное поступленіе сборовъ, отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, наименьшіе размѣры недоимокъ. Параллельно съ этимъ узко-фискальнымъ взглядомъ на дѣятельность мѣстной администраціи въ наказахъ повсюду виденъ чисто бюрократическій духъ недовѣрія высшихъ органовъ власти къ низшимъ, начальствующихъ къ подчиненнымъ. Подчиненный лишенъ всякой самостоятельности, связанъ по рукамъ и ногамъ, шагу не можетъ ступить безъ разрѣшенія высшей инстанціи. Земскіе міры связаны поставленной надъ ними воеводской властью. Въ свою очередь и воевода связанъ приказомъ, безъ разрѣшенія котораго онъ ни копѣйки не можетъ издержать на мѣстныя надобности. Вооруженный широкими полномочіями относительно сбора доходовъ, наблюдая за окладными и неокладными, прямыми и косвенными сборами, воевода былъ лишенъ всякой самостоятельности въ расходованіи рессурсовъ на мѣстныя нужды. Всѣ собранныя деньги онъ долженъ былъ пересылать въ Москву и безъ особой грамоты изъ приказа не могъ произвести ни одного расхода. Обо всѣхъ своихъ финансовыхъ операціяхъ воевода обязанъ давать отчетъ приказу. Ежегодно онъ долженъ присылать въ Москву „смѣтный списокъ“ съ обозначеніемъ въ немъ, сколько денегъ и за какіе годы у него было въ сборѣ, сколько изъ нихъ отправлено въ Москву и сколько израсходовано на мѣстѣ. Судебная власть воеводы ограничена докладомъ въ приказъ, куда онъ долженъ присылать спорныя большія дѣла, которыхъ ему самому вершить немочно. Бюрократическое недовѣріе, пропитывающее собою наказы, проявляется въ нихъ въ примитивной, грубой, мелочно-обидной формѣ; оно порождаетъ на каждомъ шагу оскорбительную подозрительность. Съ точки зрѣнія наказа всякое облеченное властью, все равно по правительственному ли полномочію или по земскому выбору, лицо непремѣнно и прежде всего недобросовѣстно. За нимъ въ каждый моментъ его дѣятельности надо смотрѣть; его надо на каждомъ шагу контролировать и ревизовать; его нельзя ни на минуту предоставить самому себѣ, иначе отъ него неизбѣжно жди какого либо „воровства“, какой-нибудь корысти и убытка казнѣ. При такой подозрительной точкѣ зрѣнія, при которой каждый должностной чинъ, правительственный или земскій прежде всего—воръ, благополучнымъ считается результатъ его управленія, если онъ благодаря тщательности надзора за нимъ не украдетъ и вообще не сможетъ проявить своихъ отрицательныхъ качествъ, а положительныхъ за нимъ въ наказахъ не подразумѣвается. Прежній воевода, оканчивающій срокъ службы, долженъ быть внимательно, съ мелочными подробностями обревизованъ новымъ, вступающимъ въ должность. Разные временно появляющіеся въ мѣстности и проѣзжающіе въ другія мѣста правительственные агенты заранѣе уже разсматриваются, какъ притѣснители и разори-

тели, отъ которыхъ населенію надо обезпечивать такую же безопасность, какъ и отъ разбойниковъ. Тотемскіе, устюжскіе и сольвычегодскіе наказы спеціально говорятъ объ охранѣ жителей отъ проѣзжающихъ въ Сибирь и обратно изъ Сибири воеводъ, которые ѣздили съ большими свитами и при остановкахъ на пути въ поморскихъ городахъ дозволяли себѣ всякія своеволія. Отъ разбойниковъ воевода долженъ былъ защищать населеніе, „совѣтуясь“ съ земскими властями и принимая мѣры при ихъ содѣйствіи; но въ тоже время самихъ этихъ земскихъ выборныхъ онъ долженъ разсматривать, какъ чрезвычайно подозрительныхъ агентовъ, отъ которыхъ всегда грозятъ избравшимъ ихъ обществамъ, разные „лишніе поборы“, „утѣсненіе молодшихъ“ и розореніе и отъ которыхъ воеводѣ поручается также оберегать жителей. Не даромъ въ статьѣ наказовъ, говорящей объ этомъ обереганіи, земскіе старосты и цѣловальники поставлены наряду съ „горланами“, отъ притѣсненій которыхъ воевода также долженъ быть защитникомъ общества. Но, наконецъ, и самъ этотъ являющійся въ городъ и уѣздъ воевода, которому поручается такой разнообразный контроль, защита и обереганіе—наказы и на него смотрятъ самымъ подозрительнымъ взглядомъ. И отъ него прежде всего ожидаются всякаго рода злоупотребленія и притѣсненія. По наказамъ онъ—защитникъ и охранитель населенія отъ всякихъ другихъ злодѣевъ; однако и ему самому предписывается прибыли государю искать „не насильствомъ и не грабежемъ“, посадскимъ людямъ и волостнымъ крестьянамъ никакого насильства и убытковъ не чинить, ямскихъ денегъ себѣ не имать, поборовъ никакихъ на себя сбирать не велѣть, для своей корысти никакихъ дѣлъ не затѣвать. Онъ—блюститель интересовъ казны; но и его самого не оставляютъ безъ унизительныхъ воспрещеній курить вино на своей поварнѣ и брать его съ казеннаго кабака по заготовительной цѣнѣ. Наказы XVII в. первая, примитивная форма выраженія бюрократическаго недовѣрія. При Петрѣ духъ недовѣрія къ подчиненному останется тотъ же; но въ его инструкціяхъ и регламентахъ онъ будетъ выражаться все же въ болѣе деликатной, менѣе обидной формѣ.

На воеводу по наказамъ возлагается то же самое государево дѣло, тѣ же самыя финансовыя, судебныя и полицейскія обязанности, которыя лежали также и на органахъ земскаго самоуправленія; поэтому естественно, что земское самоуправленіе заняло второстепенное и подчиненное положеніе относительно представителя правительственной власти. Воеводѣ порученъ наказами надзоръ и за земскими выборами, и за самой дѣятельностью земствъ. Онъ долженъ заботиться, чтобы земскіе міры выбирали добрыхъ людей, не воровъ, не горлановъ и не ябедниковъ; чтобы на выборахъ не проходили лица, стремящіяся занять должности изъ своекорыстныхъ видовъ и подбирающія себѣ путемъ подкуповъ партію. Однако въ выборахъ мірамъ предоставляется полная самостоятельность; выборы по выраженію наказовъ даются „на ихъ мірскую волю“, лишь бы избирался тотъ, кто собою добръ и душею прямъ. Воеводѣ воспрещается мѣшаться въ выборы и самому безъ участія міра „выбирать“ цѣловальниковъ къ

какимъ либо дѣламъ. Извѣстно, что подъ такимъ воеводскимъ „выборомъ“ разумѣлось назначеніе кандидатовъ воеводскою властью, причемъ воевода впослѣдствіи взыскивалъ съ міра на назначеннаго кандидата „выборъ за руками“, т. е. избирательный протоколъ за подписями членовъ міра, какъ будто бы избраніе дѣйствительно состоялось. Избирательный протоколъ въ этихъ случаяхъ взыскивался съ міра для того, чтобы переложить на міръ отвѣтственность за назначеннаго кандидата.—Воеводѣ ввѣрялся также и надзоръ за дѣятельностью земскихъ властей. Подробно предметы этого надзора обозначаютъ наказы Новгородской четверти. Воевода долженъ наблюдать, чтобы на выборныхъ должностяхъ никто больше года для своей корысти не засиживался, чтобы выборная служба начиналась 1-го сентября и черезъ годъ къ 1 сентября заканчивалась, чтобы къ этому сроку пріурочивалась финансовая отчетность земскихъ властей и чтобы эта отчетность велась обстоятельно. На дѣятельность земскихъ властей наказы смотрятъ, какъ на „государево дѣло“, близко затрогивающее казенные интересы; съ этой стороны они его и касаются. Но и собственное финансовое хозяйство міровъ ставится подъ контроль воеводы. Если обнаружится необходимость въ земскомъ самообложеніи для неотложныхъ мѣстныхъ расходовъ, оно не можетъ быть установлено безъ утвержденія воеводы, и такимъ образомъ принадлежавшее мірамъ право самообложенія ограничивается. Воевода долженъ также смотрѣть, чтобы земскія власти не устанавливали никакихъ поборовъ въ свою пользу или кому-нибудь на взятки. Въ наказахъ Устюжской четверти статья о воеводскомъ надзорѣ за дѣятельностью земскихъ властей лаконичнѣе; она ограничивается предписаніемъ воеводѣ оберегать жителей отъ земскихъ властей, „старостамъ и цѣловальникамъ, и горланамъ посадскихъ и уѣздныхъ людей середнихъ и молодшихъ обидѣть не велѣть и налогъ имъ никакихъ и продажъ не чинить, и поборовъ съ нихъ лишнихъ не сбирать[1])“.

Впрочемъ, подчиненіе земскихъ органовъ воеводской власти не возведено еще въ наказахъ въ принципъ, который бы послѣдовательно проводился. Такъ въ наказахъ не установленъ порядокъ сношеній органовъ самоуправленія съ центральной властью. Воевода занимаетъ среднее мѣсто между ними, и, казалось бы, сношенія центра съ земствами должны были идти черезъ него. Такъ это на самомъ дѣлѣ и бывало; однако на практикѣ встрѣчаемъ исключенія. Воевода въ постоянной перепискѣ съ центромъ; онъ получаетъ изъ приказа множество грамотъ, содержащихъ распоряженія, которыя онъ долженъ исполнить, запросы, на которые онъ долженъ отвѣтить или наоборотъ отвѣты на представленные имъ запросы. Черезъ него идутъ и распоряженія, касающіяся земскаго самоуправленія; но въ то же время можно въ любомъ уѣздѣ, гдѣ дѣйствуетъ воеводская власть, замѣтить и непосредственныя сношенія приказа съ земскими органами помимо

---

[1]) Наказы воеводамъ поморскихъ городовъ: Устюжск. четверти Пр. Д. 1636 № 57; 1641 № 39; 1644 № 25; 1650 № 93, Новгородской четверти Пр. Д. 1646 № 88; 1649 № 112.

воеводы. Въ свою очередь и земства обращаются въ приказъ по своимъ дѣламъ то черезъ воеводу, то непосредственно, минуя его. Отсутствіе послѣдовательно проведеннаго порядка въ этомъ случаѣ объясняется практическими соображеніями и удобствами, не отступившими еще передъ требованіями бюрократической стройности. Бюрократическая формалистика только еще заводилась; она еще не пропитала собою правительственный механизмъ настолько, чтобы формы и порядокъ цѣнились сами по себѣ, безотносительно къ сути дѣла. Пока „государево дѣло“ въ мѣстности шло гладко, центральное правительство обходилось безъ посредства воеводской власти; только когда въ немъ случалась заминка, власть выступаетъ съ своимъ могущественнымъ воздѣйствіемъ, какъ необходимое посредствующее звено управленія.

Воздѣйствіе воеводской власти на земское самоуправленіе было наиболѣе интенсивно въ дѣлахъ, касавшихся отбыванія тягла. Вопросы тягла составляютъ главный предметъ переписки воеводы съ приказами. Получивъ распоряженіе о сборѣ и доставкѣ податей денежныхъ и хлѣбныхъ, воевода доноситъ, что онъ посадскимъ и уѣзднымъ старостамъ и цѣловальникамъ государевъ указъ сказалъ и что деньги и хлѣбные запасы велѣлъ имъ собирать тотчасъ, а затѣмъ сообщаетъ, что съ посада и со всего уѣзда требуемыя подати собралъ, на ослушникахъ доправилъ и, собравъ безъ недобору, послалъ государю. На указъ объ избраніи земствомъ цѣловальниковъ къ какому либо казенному дѣлу воевода увѣдомитъ, что онъ такихъ цѣловальниковъ выбрать велѣлъ и что они выбраны. Если міръ оказываетъ сопротивленіе, воевода донесетъ о предпринятомъ имъ нещадномъ правежѣ, о томъ, что онъ „на старостѣ денегъ правилъ, въ день держалъ на правежѣ, а къ ночи металъ въ тюрьму“ или что онъ разослалъ по уѣзду разсыльщиковъ или иныхъ уполномоченныхъ для подобныхъ же экзекуцій. Если въ приказѣ найдутъ воеводу не въ мѣру уступчивымъ, а дѣйствія его слишкомъ мягкими, то на его донесеніи положатъ резолюцію съ предписаніемъ болѣе крутыхъ и рѣшительныхъ мѣръ: „велѣть ослушниковъ, имая по деревнямъ, приводить въ городъ и бить въ съѣзжей избѣ батоги нещадно за ослушанье и тѣ государевы доимочныя деньги править безъ пощады.... а никому въ государевыхъ податѣхъ не норовить и сроковъ не давать“. Иногда недоборъ денегъ, недоставка ихъ въ срокъ или проявленное воеводой снисходительное отношеніе къ плательщикамъ вызовутъ со стороны управляющаго приказомъ дьяка на воеводской отпискѣ рѣзкую помѣту съ выговоромъ: „отписать.... съ опалою отъ государя: дѣлаетъ негораздо своею дуростью и нерадѣньемъ, норовя мужикамъ для своей бездѣльной корысти, государевыхъ податей не присылаетъ и государева указу ослушается, и за то быть отъ государя въ великой опалѣ и въ наказаньѣ, и нынѣ тотчасъ велѣти добравъ тѣ государевы деньги сполна и прислать къ Москвѣ“. Отъ краснорѣчія и искусства въ слогѣ подьячаго, который будетъ составлять грамоту къ воеводѣ, будетъ зависѣть развить эту короткую резолюцію и придать ей широковѣщательную и грозную форму, наполнивъ ее подходящими къ случаю укоризнами и бранными словами. Но

недобрыя послѣдствія для воеводы, проявившаго собственную неаккуратность или излишнюю поноровку плательщикамъ, могли и не ограничиться только бумагой съ подьяческимъ упражненіемъ въ устрашающей реторикѣ. За недоимки воеводѣ самому грозилъ правежъ въ очень реальной формѣ. Въ 142 (1633—34) г. на Устюгъ и въ Сольвычегодскъ былъ отправленъ дворянинъ Ив. Мачехинъ съ предписаніемъ доправить на воеводахъ и на подьячихъ за прошлые годы и за текущій недоставленныя ими данныя и оброчныя деньги. Мачехинъ, пріѣхавъ въ Сольвычегодскъ, „почалъ воеводу Якова Милославскаго да подьячаго Ивана Аѳанасьева звать на правежъ". Воевода и подьячій должны были выдать ему на экзекуцію правежа своихъ крѣпостныхъ людей, а изъ приказа слали грозныя грамоты къ Мачехину съ предписаніями не ослаблять экзекуціи[1]). Отвѣтственность самого воеводы за сборы съ уѣзда, получавшая такія ощутительныя для него формы, должна была усиливать его воздѣйствіе на мірскія власти въ вопросахъ, касавшихся сбора податей. Въ какой мѣрѣ осуществлялись на практикѣ параграфы наказовъ о воеводскомъ надзорѣ за самообложеніемъ міровъ и за ихъ расходами на свои мѣстныя нужды? Можно замѣтить, что самообложеніе въ земствахъ практикуется постоянно; но вовсе не каждый разъ міры обращались по этому поводу къ воеводѣ за утвержденіемъ, хотя напр. Чарондская округа, избирая окружского старосту, предписываетъ ему въ избирательномъ спискѣ „розводити на наши на мірскіе расходы, *доложа воеводы*"[2]). И въ этомъ случаѣ также, до тѣхъ поръ, пока внутри земства дѣло шло гладко, пока самообложеніе не вызывало недовольства и не приводило къ конфликтамъ, воевода не вмѣшивался во внутреннюю жизнь міра, и она текла по старому обычаю.

Облеченный судебной и полицейской властью воевода оттѣснялъ земскія учрежденія, поскольку они также осуществляли эти виды власти, на второй планъ. Наказы Новгородской и Устюжской четвертей, предписываютъ воеводамъ судить посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ и расправу между ними чинить вправду, а не по посуламъ, безволокитно, виноватаго правымъ, а праваго виноватымъ не ставить. Но они не опредѣляютъ точно отношенія воеводской судебной власти къ земскимъ выборнымъ судьямъ, и, какъ мы видѣли выше, воеводы дѣйствуютъ то въ качествѣ высшей инстанціи надъ земскими судьями, то въ качествѣ первой инстанціи. Такимъ образомъ воеводская юрисдикція врѣзалась клиномъ въ юрисдикцію земскихъ властей. Принимая дѣла къ разбору въ первой инстанціи, воевода отстранялъ земскіе суды; многіе процессы и притомъ по важнѣйшимъ дѣламъ стали поступать непосредственно къ воеводѣ, минуя земскихъ властей; выступая же въ качествѣ высшей инстанціи, воевода тѣмъ самымъ придавалъ земскимъ судебнымъ властямъ значеніе инстанціи, ему подчиненной. При этомъ посадская земская юрисдикція пострадала больше уѣздной, такъ какъ для жителей посада вслѣдствіе большей къ нимъ близости

---

[1]) Пр. Д. 1635 № 97.
[2]) Пр. Д. 1614 № 2, л. 7—8.

воевода чаще могъ быть судьею первой инстанціи и даже принимать къ своему разбору самыя мелкія дѣла. Въ сосѣдней съ поморскимъ краемъ Устюжнѣ-Желѣзнопольской юрисдикція посадскихъ земскихъ судей была въ 1631—32 г. совсѣмъ упразднена и передана воеводѣ[1]). Если, можетъ быть, въ поморскихъ посадахъ дѣло и не получило такого рѣзкаго оборота, то все же судебная власть воеводы должна была развиваться въ томъ же направленіи на счетъ компетенціи посадскихъ земскихъ судей. Губная власть воеводъ въ Поморьѣ поглотила губную власть земскихъ органовъ; послѣдніе становятся не болѣе, какъ исполнительными орудіями воеводы по губнымъ дѣламъ[2]). Припомнимъ, что когда правительство обнаружило намѣреніе даровать устюжскому земству губную самостоятельность, земство отклонило отъ себя это право, указывая на вполнѣ удовлетворительную дѣятельность воеводъ по охранѣ безопасности въ уѣздѣ. По всѣмъ этимъ государевымъ дѣламъ, финансовымъ, судебнымъ и полицейскимъ, поморскія земства въ XVII в. оказались въ подчиненіи у воеводъ, и земское самоупра-

---

[3]) Пр. Д. 1644 № 25. „И въ прошломъ же во 140 г. декабря въ 31 д. дьякъ Пантелѣй Чириковъ докладывалъ государя царя:... на Устюжнѣ земскому суду по государевымъ жаловальнымъ прежнимъ грамотамъ быть ли и посадскихъ людей судить земскимъ ли цѣловальникомъ, или государь укажетъ посадскихъ людей судить на Устюжнѣ приказному человѣку, и присудныя пошлины 18 р. 19 алт. съ нихъ съ посадскихъ людей сложить ли и впередъ изъ окладу выложить ли? И государь царь...., слушавъ устюженцевъ посадскихъ людей челобитья и изъ государевыхъ прежнихъ жаловальныхъ грамотъ выписки, указалъ впередъ со 140 году на Устюжнѣ посадскихъ людей судити приказному человѣку такъ же, какъ и въ иныхъ городѣхъ посадскихъ людей судятъ воеводы и приказные люди. А что имъ даваны прежнихъ государей жаловальныя грамоты, что у нихъ на Устюжнѣ быти земскому суду, и тѣ де имъ государевы грамоты даваны для того, что у нихъ въ тѣ поры на Устюжнѣ воеводъ и приказныхъ людей не было, а были устюженскіе земскіе судейки. А что они устюженцы посадскіе люди платилй судныхъ пошлинъ по 18 р. по 19 алт. на годъ и о тѣхъ пошлинахъ указалъ государь дьяку Пантелѣю Чирикову доложить себя государя временемъ.

..... А на докладной выпискѣ помѣта дьяка Пантелѣя Чирикова: 140 г. іюня въ 17 д. по сей выпискѣ дьякъ Пантелѣй Чириковъ докладывалъ государя.... за переградою на рундукѣ, и государь царь... выслушавъ выписки, указалъ: что платили устюженцы посадскіе люди съ судныхъ дѣлъ по писцовымъ и по приходнымъ книгамъ пошлинъ по 18 р. 19 алт. на годъ, и впередъ устюженцемъ тѣхъ пошлинныхъ денегъ съ четвертными доходы не платить и изъ окладу тѣ деньги впередъ выложить для того, что земскому суду по государеву указу у нихъ быть не велѣно, а ихъ вѣдать и судить во всякихъ дѣлахъ и расправа межъ ими чинить, и съ судныхъ дѣлъ пошлины сбирать со 140 г. приказнымъ людемъ такъ же, какъ и въ иныхъ городѣхъ судятъ посадскихъ людей и пошлины съ судныхъ дѣлъ собираютъ воеводы и приказные люди. И о томъ послать на Устюжну государева грамота. И по сему государеву указу іюля во 2 д. послана государева грамота на Устюжну.

[2]) Д. А. И. IV № 130.

вленіе по этимъ дѣламъ было сведено только къ праву выбора лицъ для исполненія правительственныхъ порученій подъ командой воеводы. Право выбора лицъ къ казеннымъ службамъ и въ XVI в., въ эпоху губныхъ и земскихъ грамотъ, можно скорѣе понимать, какъ обязанность; но тогда въ самомъ исполненіи этихъ службъ земствамъ предоставлена была широкая самостоятельность, обусловленная отвѣтственностью передъ высшимъ правительствомъ. Въ XVII в. ихъ самостоятельность съужена тѣмъ, что самая служба поставлена была подъ тяжелый надзоръ воеводы. Правда, воевода сталъ теперь раздѣлять отвѣтственность за нее съ земствомъ, и такимъ образомъ нѣкоторая доля отвѣтственности съ земства снималась; но, выигрывая въ отвѣтственности, земство проигрывало въ самостоятельности. Въ XVII вѣкѣ оно уже не корпорація, на которую возложено полностью государево дѣло, оно въ значительной мѣрѣ—лишь общественная организація для поставки персонала въ распоряженіе воеводы. Государево дѣло возложено теперь на воеводу; земство же стало только его вспомогательнымъ орудіемъ. Подчиненіе земскихъ властей воеводѣ постоянно выражается въ самой фразеологіи актовъ, вѣрно схватывающей дѣйствительныя отношенія. Выбирая окружского земскаго старосту на 125 (1616—17) г., чарондское земство въ избирательномъ спискѣ откровенно пишетъ: „быть ему на Чарондѣ на посадѣ у государева царева.... воеводы у Якова Ѳедоровича Шушерина въ земскихъ старостахъ“,[1]) правильно передавая суть дѣла и понимая, что съ появленіемъ въ уѣздѣ воеводы такое важное въ уѣздномъ самоуправленіи лицо, какъ окружской, или всеуѣздный староста, есть не болѣе, какъ „состоящій при воеводѣ“. Коллегія устюжскихъ посадскихъ земскихъ судей дѣйствуетъ „по приказу“ воеводы, какъ обозначаются ея дѣйствія въ протоколахъ[2]). Въ 1630 г. устюжанинъ Д. Мозоловъ жаловался воеводѣ на своего сосѣда Н. Пыхова, что тотъ „наставился на его землю“, т. е. занялъ строеніемъ часть его дворовой земли. „И потому, государь“, пишетъ отвѣтчикъ Н. Пыховъ, „его ложному челобитью воевода Обросимъ Лодыженской да подьячій Василій Архиповъ *посылали* земскаго судью.... того мѣста досматривать“—вѣдь это все равно, какъ если бы въ наше время губернаторъ сталъ посылать куда либо городского голову![3]) Въ 1634 г. на Устюгъ пріѣхала коммиссія для сбора пятинныхъ денегъ, состоявшая изъ двухъ лицъ: гостиной сотни М. Волкова и московскаго посадскаго слободы Большихъ Лужниковъ Б. Левашева. Приступивъ къ дѣлу, коммиссія обратилась къ воеводѣ съ просьбой „къ пятинному дѣлу для окладу *дать*.... отъ государева дѣла изъ земской избы *земскихъ судеекъ* (устюжскаго посада) не на долгое время, недѣли на двѣ... И мы, холопи твои“, доноситъ воевода, „тѣхъ судеекъ имъ, Михайлу и Богдану, *дали на время*, чтобъ твоему государеву пятинному дѣлу мотчанья не было“[4]). Ясно, какое

---

[1]) Пр. Д. 1614 № 2.
[2]) Пр. Д. 1630 № 22, л. 1.
[3]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 227—8.
[4]) Пр. Д. 1637 № 97.

положеніе относительно воеводы занимали мірскіе избранники, земскіе судейки, если воевода могъ ихъ *посылать* или *давать* по постороннему требованію недѣли на двѣ.

Воеводскіе наказы предписываютъ воеводѣ оберегать мѣстное населеніе отъ всякихъ сторонихъ людей, которые могли ему вредить, въ особенности отъ служилыхъ же людей, присылаемыхъ въ мѣстность по разнымъ дѣламъ изъ приказа, вѣдавшаго мѣстность или изъ иныхъ приказовъ. И на практикѣ, дѣйствительно, встрѣчаются случаи, когда воевода, исполняя эту статью наказа, оказываетъ населенію защиту и когда само населеніе обращается къ нему за охраной. Служилый человѣкъ, притомъ, можетъ быть, не безъ связей въ Москвѣ, воевода былъ сильнѣе земскихъ выборныхъ властей и могъ оказать болѣе существенную помощь и поддержку обиженнымъ и притѣсненнымъ, чѣмъ мірская администрація. Просматривая переписку воеводъ съ Москвою, можно найти отписки, въ которыхъ воевода является заступникомъ за жителей своего округа, посада и уѣзда и ходатаемъ передъ правительствомъ объ ихъ нуждахъ и недостаткахъ. Въ 131 (1622—23) г. чарондскій воевода Ѳ. С. Стрѣшневъ вступается передъ правительствомъ за чарондскихъ крестьянъ, которыхъ сильно притѣсняли ихъ сосѣди бѣлозерскіе помѣщики.[1]) Къ воеводской помощи и защитѣ прибѣгаютъ и цѣлыя крестьянскія общества, и отдѣльныя лица. Такъ въ 137 (1628—29) г. воеводѣ В. Ив. Полтеву билъ челомъ крестьянинъ Чарондской округи волости Шалги Большой Лучка Ѳедоровъ „о обереганіи“ его отъ бѣлозерскаго помѣщика Истомы Стогова, который хвалился „вывести его, Лучку, за себя своимъ самовольствомъ, грабежомъ со многими людьми, изгономъ“. Воевода приказалъ земскимъ старостѣ и судейкѣ волости Шалги Большія принять мѣры къ охранѣ Лучки[2]). Однако староста и волостной міръ просили воеводу въ виду того, что имъ, пашеннымъ людямъ, оберегать Лучку и драться съ помѣщиками, „оруженными людьми“, невозможно— отписать объ ихъ бѣдности въ Москву и быть тамъ за нихъ ходатаемъ. Въ 134 (1625—26) г. чарондскій же воевода Ѳ. М. Извольскій жалуется въ приказъ на присланнаго въ Чаронду по губнымъ дѣламъ сыщика П. Полѣнова и указываетъ на разоренія, чинимыя отъ него чарондцамъ[3]). Съ такой же жалобой обращается въ 1631 г. каргопольскій воевода Ѳ. Пушкинъ на присланнаго строить городъ въ Каргополѣ кн. Дм. Сеитова[4]), въ 141 (1632—33) г. тотемскій воевода М. Головачевъ на присланнаго доправить недоставленныхъ съ тотемскаго уѣзда посошныхъ людей дворянина Замятню Кондырева[5]). Присоединяясь къ хору голосовъ направляемаго

---

[1]) Пр. Д. 1623 № 9.

[2]) Пр. Д. 1628 № 74.

[3]) Пр. Д. 1626 № 41, л. 19—21.

[4]) Пр. Д. 1630 № 94.

[5]) Пр. Д. 1633 № 4. Ср. Пр. Д. 1631 № 56 — воевода Устюжны Желѣзнопольской жалуется въ Москву на притѣсненія жителямъ отъ губного старосты.

въ Москву земскаго челобитья, сильный голосъ воеводы могъ оказать челобитью значительную поддержку. Мы указывали уже случай, когда земство просило не смѣнять воеводу раньше срока, такъ какъ цѣнило въ немъ оберегателя отъ разнаго рода притѣснителей: отъ воровъ, ябедниковъ и проѣзжихъ служилыхъ людей. Это—ходатайство сольвычегодскаго всеуѣзднаго міра въ 1644 г. объ оставленіи на воеводствѣ кн. М. А. Кольцова-Масальскаго [1]).

Но этотъ случай можно разсматривать, какъ исключеніе, подтверждающее правило. Отрицательныя свойства воеводской администраціи достаточно выяснены въ нашей литературѣ. Новая бюрократическая власть, появляясь въ мѣстности, скоро входила тамъ въ старую проторенную вѣковымъ обычаемъ колею, не успѣвшую изгладиться за время самостоятельной дѣятельности земскихъ учрежденій. Администраторъ въ новомъ духѣ, посылаемый въ мѣстность ради высшихъ государственныхъ цѣлей, воевода повсемѣстно втеченіи всего XVII вѣка сохраняетъ черты стариннаго кормленщика, и любая „издержечная“, расходная книга земскаго старосты тотчасъ же переноситъ насъ при ея чтеніи какъбы вновь въ эпоху намѣстничьихъ и волостелиныхъ, петровскихъ, рождественскихъ и великодневныхъ кормовъ, точно за два столѣтія не случилось никакой перемѣны въ характерѣ мѣстной администраціи. Декабря 2-го пріѣхавъ къ Устюгу“, пишетъ въ своей издержечной книгѣ староста волости Юрьева Наволока Устюжскаго уѣзда за 142 (1633—34) г., приведшій на Устюгъ собранныхъ съ волости даточныхъ людей, „объявился воеводѣ Михайлу Ѳедоровичу, несль хлѣбъ и калачъ, приворотнику далъ 2 деньги; дьяку Дмитрію Ключареву несль хлѣбъ и калачъ, приворотнику его далъ 2 деньги. Съ посошными деньгами (поборъ въ пользу воеводы) къ воеводѣ ходилъ, несль хлѣбъ да калачъ. Посошныхъ денегъ несль по рублю съ сошки. Итого съ Юрьева Наволока и съ Погостца дано 4 р. 16 алт. 4 д. Дѣтямъ его тремъ сыномъ далъ 20 алтынъ. Людямъ его на весь дворъ дано 7 алт. 4 д. Деньщику и приворотнику дано 8 денегъ.... Къ дьяку Дмитрію Ключареву съ посошными деньгами ходилъ, несль и т. д. Праздничнаго воеводѣ несль полть мяса, цѣна дано 13 алт. 2 ден. Дѣтямъ его дано 5 алт.; людямъ его дано 3 алт. 2 ден. Приворотнику 2 ден“. Въ 144 г. (1635—36) г. сидитъ на Устюгѣ уже другой воевода Ст. Л. Хрущевъ, но отношенія къ земству не мѣняются, и земство такъ же должно его кормить, какъ оно кормило и предыдущаго. „И пріѣхавъ на Устюгъ В.“, продолжаетъ записывать тотъ же волостной староста, „купилъ къ празднику къ Петрову дни праздничнаго барана, далъ 8 алт. 2 ден., несль воеводѣ;.... къ тому же празднику купилъ другого барана, далъ 8 алт. 2 ден., несль подьячему“. Подношеніе воеводѣ дѣлалось старостой въ присутствіи четырехъ ассистентовъ, членовъ того же волостного міра. „И воевода Ст. Л. Хрущевъ“, продолжаетъ книга, „звалъ насъ всѣхъ пятерыхъ хлѣба ѣсть, и мы ходили всѣ пятеро къ нему хлѣба ѣсть, и несль язъ... за всѣхъ за пятерыхъ 5 алтынъ денегъ“ [2]).

[1]) Пр. Д. 1644 № 25.

[2]) Пр. Д. 1634 № 84, л. 82.

То же самое въ издержечной книгѣ тотемскаго всеуѣзднаго земскаго старосты самаго конца XVII в., 1691—92 г. Всеуѣздный старроста, представитель всеуѣзднаго міра, наиболѣе близко стоитъ къ воеводской власти; на немъ и лежитъ обязанность ежедневнаго кормленія мѣстной приказной администраціи; приношенія волостныхъ старостъ—это какъ бы случайные подарки „въ почесть“. Тотемская издержечная состоитъ изъ двухъ частей: часть первая—„книга воеводская“, часть вторая—„книга подьяческая“. Открываемъ первую, начинающуюся почему то мѣсяцемъ декабремъ. „Декабря въ 1-й день“, записываетъ староста, „стольнику и воеводѣ Василью Ивановичу Кошелеву несено рыбы палтусины на 11 алтынъ на 4 деньги, куплена у Василья Губы; да семги на 7 алтынъ, трески... на 5 алтынъ, щука... на 2 алт. на 4 ден., рѣпы на 5 алт... толокна полпуда... дано 3 алт., палтусины сухіе на 2 алт. на 2 ден... У покупки и у носки были“—названо трое цѣловальниковъ. Декабря 2-го опять палтусина, семга, треска, налимы и другая рыба, мука, крупа и т. д., и въ томъ же родѣ каждый день. 17 декабря воевода давалъ обѣдъ „ямщикамъ“, вѣроятно, ямскимъ старостамъ—несено было ему рыбы палтусины пудъ, а равно и другіе продукты были доставлены въ этотъ день въ значительно увеличенныхъ порціяхъ. Въ сочельникъ 24 декабря доставлены были къ воеводскому столу иные припасы, столъ былъ постный безъ рыбы: „несено пшеницы на кутью на 2 алтына на 4 деньги, сѣмени коноплянаго на 2 алт., гороху полчетверика... дано 5 алт., меду въ кутью 6 фунтовъ... дано 5 алт.“ Но зато въ самый день Рождества Христова воеводѣ „несенъ задъ говядины—дано 20 алт., туша свиная—16 алт., баранья туша—4 алт., гусь—3 алт. 2 ден., двѣ утки—2 алт. 2 ден., 4 тетерева—по 8 ден. пара, студень—2 алт. 4 ден., масла коровья—25 фунтовъ, дано 16 алт. 4 ден., луку на 10 ден., муки пшеничной полчетверика—4 алт. 2 ден.“ На третій день праздника 27 декабря воевода далъ обѣдъ земскому старостѣ съ цѣловальниками, „звалъ воевода хлѣба ѣсть—несено ему въ бумажкѣ 16 алт. 4 ден., боярынѣ—8 алт. 2 ден., сыну—3 алт. 2 ден., дочери большой—3 алт. 2 ден., двумъ дочерямъ малымъ—3 алт. 2 ден., племяннику—6 ден., боярскимъ боярынямъ (приживалкамъ)—10 ден., людямъ на весь дворъ—3 алт. 2 ден., жильцамъ—10 ден., позовнаго (за приглашеніе, воеводскому слугѣ, приходившему приглашать)—4 деньги“. Въ уменьшенныхъ размѣрахъ такіе же расходы и во второй, „подьяческой“ части книги[1]). Итакъ, изо дня въ день земскій староста аккуратно заноситъ въ расходную книгу, какіе припасы были куплены для воеводы, у кого куплены, сколько заплачено за каждый предметъ и какіе земскіе цѣловальники были съ нимъ „у покупки и у носки“. Переводя эти явленія на наши теперешнія понятія, представимъ себѣ предсѣдателя и членовъ губернской земской управы ежедневно въ составѣ не менѣе четверыхъ закупающими на рынкѣ продукты къ губернаторскому столу! Питаніе воеводы становится однимъ изъ

[1]) Чт. О. И. Д. 1908, IV, смѣсь, 21 и сл.

главнѣйшихъ занятій такого казалось бы важнаго органа земскаго самоуправленія, какъ коллегія всеуѣзднаго старосты съ цѣловальниками.

Всѣ подобнаго рода производящіеся вопреки всякимъ наказамъ и указамъ расходы спокойно разсматриваются, какъ нормальный, освященный давностью обычай, никого не волнующій, ни въ комъ не вызывающій никакихъ недоумѣній. Вѣроятно, обычаемъ были выработаны и установлены по разнымъ мѣстамъ самые размѣры приношеній, и пока воевода ими довольствуется, отношенія между нимъ и населеніемъ гладки, онъ можетъ жить съ земствомъ душа въ душу. Содержаніе воеводы въ глазахъ міра— покоящаяся на обычномъ правѣ повинность. Протесты и конфликты начинаются, когда воевода дѣлаетъ поползновеніе брать сверхъ мѣры. Міръ терпѣливо выжидаетъ; улуча моментъ жалуется въ Москву; по окончаніи воеводой срока службы возбуждаетъ противъ него процессъ. Но иногда не хватаетъ терпѣнія ждать, и накопившееся недовольство разражается взрывами противъ поборовъ и другихъ злоупотребленій воеводской власти. Тогда міръ припомнитъ воеводѣ пироги и калачи, и деньги въ бумажкѣ, ношенные на его дворъ. Таковы были извѣстные бунты въ Устюгѣ и въ Сольвычегодскѣ въ первые годы царствованія Алексѣя[1]). Но взрывы, хотя и не въ столь значительныхъ размѣрахъ бывали и раньше. Въ 1632 г. посадскіе люди Устюга В., собравшись въ земской избѣ во главѣ съ земскимъ цѣловальникомъ, приходили въ съѣзжую избу, какъ пишетъ воевода, „шумомъ и заговоромъ“, воеводу хотѣли убить, „лаяли его всякою неподобною лаей“. Воевода бѣжалъ изъ съѣзжей избы на свой дворъ, гдѣ и просидѣлъ нѣсколько дней въ осадѣ, не смѣя показываться въ съѣзжую избу[2]). Сольвычегодскій воевода Ѳ. Головачевъ жаловался въ Москву, что посадскіе люди по наущенію видной мѣстной посадской семьи Гогуниныхъ съ земскимъ старостою и цѣловальниками во главѣ 12 февраля 1636 г. составили заговоръ на его жизнь, рѣшили его, воеводу, убить, а занимаемый имъ дворъ сжечь, оформивъ это рѣшеніе будто-бы составленіемъ официальнаго акта, „одинашной записи“, которую скрѣпили своими руками. Для исполненія замысла заговорщики наняли 60 человѣкъ разнаго сброда, „посадскихъ безмѣстныхъ людей, ярыжекъ“. 13 февраля послѣ обѣдни, писалъ воевода, ударили у Климента Чудотворца во всѣ колокола въ набатъ, и нанятые посадскіе люди пришли къ воеводскому двору „съ луки, съ пищали и съ ослопы, и съ каменьемъ, и съ бревны, и съ соломою, и съ огнемъ, и съ топоры и у двора ворота выломили“, дворъ зажгли, воеводу взяли въ плѣнъ, а имущество его все пограбили и разнесли. Позже одинъ изъ очевидцевъ произшествія давалъ о немъ на допросѣ изобразительное показаніе. Дѣйствительно, „у Соли Вычегодской мірскіе люди въ колоколъ били“, и его, свидѣтеля, взяли съ собой Андрей да Петръ Строгановы и привели къ воеводѣ Ѳедору Головачеву на дворъ, „и у него де у Ѳедора на дворѣ у воротъ и за вороты многіе люди шумятъ и вопятъ на него на Ѳедора,

---

[1]) *Соловьевъ*, Ист. Росс., X, гл. 2.

[2]) Пр. Д. 1637 № 14, л. 51.

а иные межъ себя, и Ѳедора де иные многіе лаютъ, а иные де безумные люди хотятъ его, Ѳедора, и убить". Съ своей стороны сольвычегодскій всеуѣздный міръ представлялъ дѣло въ другомъ свѣтѣ. Воевода, жаловался міръ, государевыхъ грамотъ не слушалъ, міру чинилъ великія насильства и весь Сольвычегодскій уѣздъ запустошилъ; въ 1635 г. при въѣздѣ своемъ на управленіе взялъ съ міра 430 руб.; вмѣшивался въ земскіе выборы, самъ назначалъ выборныхъ къ разнымъ казеннымъ службамъ, не соображаясь съ мірскою очередью, приказывая мірскимъ людямъ прикладывать къ такимъ выборамъ руки насильно въ съѣзжей избѣ, грозя батогомъ, и бралъ съ такихъ выборныхъ откупного рублей по 5 и больше. Посадскаго цѣловальника, отказавшагося подписать счетный списокъ, потому что находилъ его неправильно составленнымъ, „убилъ на правежѣ и ноги ему переломалъ"; при отправкѣ въ Москву данныхъ и оброчныхъ денегъ взималъ въ свою пользу по 3 деньги съ рубля; бралъ себѣ насильно деньги за дрова, за лучину и за сѣно, хотя земскій староста доставлялъ ему эти припасы въ натурѣ. Ежедневно бралъ себѣ у старосты „повседневные многіе харчи во весь годъ хлѣбомъ и калачами, и рыбою, и живыми быками", приказывая старостѣ харчи эти въ расходныя книги расписывать на проѣзжавшихъ черезъ Сольвычегодскъ сибирскихъ воеводъ; учредилъ у себя на дворѣ пивныя вари, для которыхъ солодъ и хмель требовалъ у міра и т. д. Возникъ процессъ между воеводою Ѳ. Головачевымъ и сольвычегодскимъ всеуѣзднымъ міромъ совершенно въ стилѣ тѣхъ процессовъ, которые нѣкогда велись между земскими мірами, страдавшими отъ кормленщиковъ и этими послѣдними, заявлявшими Грозному, что мірскіе люди „подъ судъ имъ не даются и ихъ бьютъ". Головачевъ предъявилъ къ міру искъ о разграбленномъ скарбѣ, списокъ котораго онъ приложилъ къ челобитной. Міръ представилъ съ своей стороны длинный списокъ воеводскихъ злоупотребленій. Тяжба велась въ Устюжской четверти. Въ старину процессы намѣстниковъ и волостелей съ мірами, если не заканчивались міровой сдѣлкой, рѣшались иногда судебнымъ поединкомъ—дракой между намѣстниками и уполномоченными земскихъ міровъ. И въ этомъ процессѣ послѣ того, какъ попытка Ѳ. Головачева помириться съ сольвычегодцами на 400 рубляхъ, которые онъ имъ предлагалъ, не увѣнчалась успѣхомъ, обѣ стороны обратились въ приказъ съ просьбой рѣшить дѣло ордаліей, пыткой. Ѳ. Головачевъ предлагалъ пытать представителя сольвычегодцевъ П. Гогунина въ грабежѣ и покушеніи на убійство, обѣщая заплатить ему за безчестье и увѣчье, если не допытается, а П. Гогунинъ съ своей стороны просилъ дать на пытку Ѳ. Головачева въ поклепѣ. Дѣло докладывалось государю, который указалъ о злоупотребленіяхъ Головачева произвести на мѣстѣ большой повальный обыскъ[1]). XVII-ое столѣтіе недалеко ушло въ этомъ случаѣ отъ старины XV и начала XVI вѣковъ.

---

[1]) Пр. Д. 1635 № 66.

Глава XIV.

Упадокъ земства на сѣверѣ.

Воеводская власть появилась въ XVII в. съ двумя назначеніями: во-первыхъ, ради защиты мѣстностей; во-вторыхъ, ради усиленнаго воздѣйствія на мѣстное общество въ интересахъ государственнаго казначейства. На сѣверѣ она пріобрѣла преимущественно этотъ послѣдній, фискальный характеръ. Въ Поморскомъ краю—которому мало грозили внѣшніе непріятели и который сравнительно меньше, чѣмъ центральныя мѣстности, страдалъ и отъ внутреннихъ враговъ и потому менѣе нуждался въ военной защитѣ—воевода дѣйствовалъ главнымъ образомъ, какъ правительственный агентъ по финансовымъ дѣламъ, имѣвшій своей задачею побуждать населеніе къ отбыванію тягла и наблюдать за его отбываніемъ. Финансовыя потребности государства, такъ разросшіяся въ XVII вѣкѣ, когда установленъ былъ цѣлый рядъ новыхъ крупныхъ сборовъ, ложившихся ощутительной тяжестью на населеніе, вызвали на мѣстахъ необходимость появленія новаго вида правительственной власти, обязанной усиленно работать на центръ. Самостоятельная дѣятельность міровъ, разстроенныхъ притомъ въ значительной степени Смутой, признавалась уже недостаточной для новыхъ крупныхъ платежей; у міровъ не хватало для этого силы и авторитета, а главное, ихъ дѣятельность лишена была той быстроты, которая нужна была правительству XVII в. въ сборахъ средствъ: финансовъ, матеріальныхъ рессурсовъ и людей для арміи. Все равно для ускоренія дѣятельности міровъ по сбору тягла приходилось въ уѣзды и волости командировать время отъ времени служилыхъ людей; вмѣсто этихъ экстренныхъ посланцевъ и сталъ теперь дѣйствовать въ уѣздѣ постоянный воевода. Такимъ образомъ установленіе воеводской власти въ уѣздахъ было послѣдствіемъ увеличенія тягла, шедшаго изъ уѣздовъ; тягло и было тѣмъ условіемъ, которое создавало воеводу, какъ орудіе, болѣе пригодное для удовлетворенія общегосударственныхъ потребностей, съ тѣхъ поръ какъ государству стали нужны обширная все болѣе подходящая къ регулярному строю армія и крупные финансы.

Эти новыя государственныя потребности были причиной возникновенія новой власти бюрократическаго характера на мѣстахъ, какъ и вообще онѣ обусловливали переходъ государства къ бюрократической системѣ управленія. Онѣ поддерживали бюрократическую систему въ цѣломъ и въ частности ея мѣстныя, уѣздныя звенья—воеводъ, дѣйствуя, такъ сказать, *сверху*,

изъ центра. Но то же самое тягло, подъ которымъ мы подразумѣваемъ обязанность отбывать въ пользу государства совокупность повинностей и податей, оказывалось силой, содѣйствовавшей росту бюрократіи также и *снизу*, со стороны самихъ земскихъ міровъ. Разсмотримъ ближе и подробнѣе это послѣднее положеніе.

Отбываніе въ пользу государства податей и повинностей само по себѣ не могло быть интересомъ, созидающимъ мѣстное самоуправленіе или содѣйствующимъ его развитію. Мѣстное самоуправленіе создается и поддерживается интересомъ мѣстнаго общества къ своимъ мѣстнымъ дѣламъ и нуждамъ, для которыхъ это общество готово жертвовать своимъ временемъ, силами и средствами. Когда затрачиваемыя обществомъ на самоуправленіе силы и средства могутъ принести видимые, близкіе и конкретные плоды, которые живо и ощутительно отражаются на благосостояніи края, энергія самоуправляющагося общества растетъ; оно начинаетъ поддерживать самый институтъ самоуправленія и дорожить имъ. Но когда силы и средства общества направляются не на близкія и ощутимыя мѣстныя нужды, а уходятъ куда-то вдаль на не для всѣхъ замѣтныя и не всѣмъ понятныя общегосударственныя цѣли и задачи, видимые результаты которыхъ къ тому же, можетъ быть, наступятъ только въ далекомъ будущемъ и ими будутъ пользоваться только отдаленныя будущія поколѣнія, самоуправленіе, существующее для такихъ цѣлей, едва ли окажется живымъ и прочнымъ. Оно будетъ представлять собою лишь мѣстную организацію для исполненія казенныхъ повинностей. Въ такія организаціи древне-русское земство и превращалось подъ дѣйствіемъ тягла. Выросши органически изъ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ, самоуправляющіяся корпораціи въ XVI в. получили открытое признаніе со стороны государства; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ были приспособлены государствомъ къ своимъ цѣлямъ, къ казенному финансовому и судебно-полицейскому управленію, и это управленіе онѣ должны были отбывать какъ повинность. Въ XVII в. казенное тягло приняло громадные размѣры и задало мѣстнымъ обществамъ непомѣрную работу. Всецѣло поглотивъ все вниманіе этихъ обществъ, оно не только отодвигало на второй планъ всѣ мѣстные интересы, но совершенно ихъ душило и потому убивало въ обществѣ всю необходимую для самоуправленія энергію.

Но мало того, что тягло, положенное на земскіе союзы, не могло созидать и развивать самоуправленія; оно было для самоуправленія разрушительной силой. Свою разрушительную работу эта сила производила въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, тягло сталкивало между собою отдѣльные цѣлые міры, а внутри міра разлагало составляющіе его общественные элементы, обостряя происходившую во внутренней жизни міра соціальную борьбу; во-вторыхъ, оно ослабляло сѣверныя земства потому, что вообще оно истощало и пустошило Поморскій край, стѣсняло свободу и подтачивало богатство его населенія А въ томъ и въ другомъ случаѣ, разлагая и ослабляя самоуправленіе, тягло вызывало усиленіе правительственной бюрократической власти. Разберемъ указанныя явленія по порядку.

Выше неоднократно намъ приходилось наблюдать ту борьбу, которая

происходила между земскими мірами, какъ цѣлыми, тѣ столкновенія, которыя случались между крупными и мелкими земскими единицами, между отдѣльными уѣздами, посадами и уѣздами, между всеуѣздными мірами и волостными, между отдѣльными волостями, наконецъ, внутри волостей между еще болѣе мелкими подраздѣленіями, какими нибудь концами, волостками и улусцами. Изъ этихъ пререканій и столкновеній, изъ этого раздраженія и недовольства міровъ другъ на друга, изъ взаимнаго ихъ отталкиванія складывался тотъ процессъ дифференціаціи земскихъ міровъ на сѣверѣ, который можно замѣтить, слѣдя за ними на протяженіи всего XVII вѣка. Но если присмотрѣться поближе къ причинамъ этой дифференціаціи и если спросить себя, какіе источники питали центробѣжную силу, разъединявшую и разобщавшую міры, то отвѣтъ будетъ одинъ: это—казенное тягло, изъ за распредѣленія котораго спорили и сталкивались между собою сѣверныя земства. Изъ за податей и повинностей подымалась бо́льшая часть конфликтовъ, приводившихъ къ обособленію волостки отъ волости, волости отъ уѣзда, къ разобщенію волостей когда то слитыхъ; бо́льшая часть взаимныхъ жалобъ и направленныхъ другъ противъ друга ходатайствъ, представляемыхъ правительству сѣверными мірами, касались такъ или иначе тягла. Тягло ссорило и сталкивало земскіе міры XVII вѣка съ тою остротой, какой не знаютъ въ своихъ взаимныхъ пререканіяхъ современныя намъ земства [1]).

Но кромѣ взаимной борьбы земскихъ міровъ, какъ цѣлыхъ, идетъ борьба еще внутри каждаго міра между составляющими его общественными элементами; кромѣ разъединенія по вертикальной линіи между цѣлыми однородными по общественному составу союзами, внутри каждаго міра происходитъ разчлененіе также въ горизонтальномъ направленіи; міръ распластывается по тѣмъ соціальнымъ слоямъ, изъ которыхъ онъ сформированъ. Борьба общественныхъ элементовъ въ земствахъ XVII вѣка вызывалась, разумѣется, не однимъ только тягломъ; она была присуща земской жизни, поскольку она является необходимымъ процессомъ во всякой общественной жизни, и развѣ возможно представить себѣ безъ нея какое либо живое общество? Иногда ее надо подразумѣвать подъ спокойной и сухой оболочкой разнаго рода офиціальныхъ протоколовъ общественныхъ собраній; чувствуется, что дѣло не проходило такъ дружно, какъ изображается въ протоколѣ. Иногда эта борьба вскроется наружу и отразится даже въ офиціальномъ актѣ. Раздѣленіе на партіи, соревнованіе между ними, смѣна партій въ преобладаніи—все это показатели здороваго состоянія общества, нормальнаго движенія его впередъ. Но тягло, врѣзаясь во внутреннюю жизнь земскихъ міровъ XVII вѣка, слишкомъ уже рѣзко дѣлило общество, чрезмѣрно обостряло борьбу въ немъ, придавая ей болѣзненныя, гибельныя формы. Доведенное до высшей степени напряженія, дѣлаясь наиболѣе важнымъ, ребромъ поставленнымъ вопросомъ мѣстной жизни, отодвигавшимъ и подавлявшимъ всѣ остальные, оно получало характеръ болѣзнетворнаго, вносившаго въ общество разложеніе начала, заставлявшаго

[1]) I, 43—45; II, глава V.

общество гнилостно распадаться на составныя части и такимъ образомъ разрушаться.

Намъ приходилось уже ранѣе[1]) указывать довольно рѣзкое экономическое разслоеніе поморскаго общества. Отношенія между экономическими группами богатыхъ и бѣдныхъ, ихъ естественную и законную взаимную борьбу тягло своею остротою извращало въ губительную для обоихъ элементовъ распрю. Подати и повинности XVII вѣка при своихъ громадныхъ размѣрахъ отличались еще тѣмъ существеннымъ для соціальныхъ отношеній несовершенствомъ своей конструкціи, благодаря которому онѣ всею своею тяжестью падали преимущественно на низшіе, экономически обездоленные классы, тогда какъ экономически сильнымъ людямъ всегда болѣе или менѣе удавалось отъ нихъ избавляться. Въ недостаткахъ этой конструкціи и крылось одно изъ тѣхъ болѣзнетворныхъ началъ, которыми тягло XVII вѣка такъ разрушительно дѣйствовало на общество; слишкомъ давя и пригибая маломочную массу, оно озлобляло ее противъ обезпеченнаго класса, умѣвшаго отъ тягла такъ или иначе увернуться. Мы уже видѣли, что земства XVII вѣка разъѣдались ожесточенною борьбой, шедшей между крупными и мелкими общественными элементами, между хозяевами-предпринимателями и трудовою массою, между монастырями и „деревенскими владѣльцами“ съ одной стороны, земли которыхъ обрабатывались чужимъ половническимъ трудомъ, и между крестьянами владѣльцами небольшихъ, лично воздѣлываемыхъ ими участковъ съ другой. Борьба эта велась, какъ мы припомнимъ, именно изъ-за тягла, которое крупные собственники не желали нести въ рядъ съ міромъ, и кончалась для нихъ, если не освобожденіемъ отъ тягла, то, по крайней мѣрѣ, обособленіемъ ихъ отъ земскаго міра въ его отбываніи. Такимъ образомъ монастыри и болѣе крупные свѣтскіе землевладѣльцы выходили изъ земства. Выходъ крупныхъ экономическихъ силъ вообще ослаблялъ земскіе міры; но мало того, онъ сопровождался еще переваливаніемъ доли ихъ тягла, отъ котораго они освобождались, на міръ, а это увеличеніе тягостей еще болѣе обостряло отношенія въ мірахъ между оставшимися тамъ и также экономически разслаивающимися элементами. Повсюду въ поморскихъ земствахъ идетъ борьба „середнихъ и худыхъ“ или „охудалыхъ и бѣдныхъ“ съ „прожиточными людьми“. Такъ напр. „середніе и молодшіе“ люди Чадромской Устьянской волости въ 1616 г. посылаютъ въ Москву своихъ уполномоченныхъ бить челомъ на „прожиточныхъ“ людей той же волости въ томъ, что эти прожиточные крестьяне въ государственныхъ податяхъ и въ мірскихъ сборахъ слишкомъ тяжело окладываютъ бѣдныхъ[2]). Недаромъ въ воеводскихъ наказахъ и затѣмъ въ отдѣльныхъ грамотахъ къ воеводамъ правительство предписывало имъ слѣдить, „чтобъ прожиточные крестьяне тягла съ себя не сбавливали и на мелкихъ на молодшихъ крестьянъ лишняго тягла, затѣявъ собою, ничего не накладывали“[3]), знакъ, что съ такими фактами приходилось

[1]) I, 152, 189—190.
[2]) Пр. Д. 1633 № 5.
[3]) Пр. Д. 1637 № 35.

постоянно встрѣчаться въ дѣйствительности. Въ Заонежскихъ погостахъ въ серединѣ XVII вѣка наблюдались обостренныя отношенія между сельской демократіей и аристократіей, между бѣднотой и прожиточными крестьянами, прибиравшими къ рукамъ земельные участки маломочныхъ. Въ 1647 г. представители послѣднихъ въ Шунскомъ погостѣ подали знакомому уже намъ командированному въ погосты дворянину В. Золотареву челобитную съ горькими жалобами на прожиточныхъ; въ челобитной они писали, что тѣ „міроѣды“ тѣснятъ ихъ разверсткой и сборомъ податей; сами ничего не платя, отстраняютъ ихъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, „ни къ какому мірскому дѣлу не припускаютъ, изъ деревень ихъ выживаютъ и, словомъ, заканчиваетъ челобитная, „выпили изъ нихъ кровь“. Указанные въ челобитной факты дворянинъ Золотаревъ подтверждалъ, донося при этомъ въ Москву, что „молодшіе люди всегда у нихъ погибаютъ, а на нихъ же бѣдныхъ тягла прибавливаютъ“. Онъ, какъ мы уже видѣли, принялъ самъ мѣры къ болѣе равномѣрной раскладкѣ тягла, приказавъ снять съ молодшихъ людей излишніе наложенные на нихъ 200 рублей и распредѣлить эту сумму между прожиточными [1]).

Тѣ же явленія и въ восточной части Поморья. Посланный въ 1647 г. съ разными казенными порученіями въ Тотемскій и Устюжскій уѣзды дворянинъ Л. Микулинъ писалъ оттуда, присмотрѣвшись къ мѣстной жизни, что „у мелкихъ крестьянъ съ лучшими людьми бываютъ споры и брани великіе, потому что лучшіе люди на мелкихъ крестьянъ накладываютъ большія тягла“ [2]). Лучшую и наиболѣе подробную характеристику соціальныхъ отношеній въ Устюжскомъ уѣздѣ нѣсколькими годами раньше далъ также встрѣчавшійся уже намъ подьячій П. Давыдовъ, по своей служебной дѣятельности на Устюгѣ человѣкъ, видимо, хорошо знакомый съ краемъ. Мѣстные устюжскіе богачи, разсказываетъ онъ, хотя и записанные въ гостиную сотню въ Москвѣ, но на самомъ дѣлѣ продолжая жить и промышлять на Устюгѣ, закладами и покупками за безцѣнокъ стягиваютъ въ свои руки крестьянскіе участки, закрѣпощая ихъ владѣльцевъ себѣ въ половники. Въ волостяхъ Устюжскаго уѣзда есть зажиточные крестьяне, ведущіе въ Архангельскѣ и въ Сибири большіе отъѣзжіе торги съ оборотами тысячъ до пяти—шести и больше; тѣмъ не менѣе они не платятъ податей ни съ посадскими, ни съ волостными людьми. Такіе сильные люди захватили въ свои руки все мѣстное самоуправленіе; на мѣста волостныхъ земскихъ судей и цѣловальниковъ они проводятъ, подбирая партію, своихъ должниковъ, которые и облегчаютъ ихъ и свою партію въ платежахъ. Сами богатѣя безъ мѣры и не платя государевыхъ податей, середнихъ и мелкихъ людей всегда они бьютъ на правежѣ на смерть. Забитая маломочная масса не смѣетъ поднимать противъ нихъ голоса и жаловаться потому, что больше половины посада и уѣзда закабалены въ разныхъ промыслахъ и укрѣплены записями тѣмъ же богачамъ. Давыдовъ приводитъ любопытныя стати-

---

[1]) Пр. Д. 1647 № 83. Ср. I, 189—190.
[2]) Пр. Д. 1646 № 52.

стическія данныя объ этихъ общественныхъ группахъ, высчитывая, что тогда какъ богачей изъ гостиной сотни и разныхъ горлановъ и ябедниковъ не наберется и двухсотъ человѣкъ, середнихъ и мелкихъ будетъ больше тридцати тысячъ. Свѣдѣнія, сообщенныя имъ въ письменномъ донесеніи въ Москву, онъ затѣмъ подтвердилъ устными показаніями на допросѣ въ Устюжской четверти, добавивъ, что богачи захватили посадскій выгонъ и всѣ лучшія оброчныя статьи въ уѣздѣ, платя за нихъ чрезмѣрно легкую оброчную плату, не давая и двадцатой доли того, что бы слѣдовало платить за эти угодья, а середніе и мелкіе люди не смѣютъ конкуррировать съ ними въ арендѣ оброчныхъ статей[1]). Стряпчему Е. Н. Хрущеву, производившему на Устюгѣ въ 1670 г. слѣдствіе о раскладкѣ и сборѣ податей, нѣкоторые крестьяне говорили, что имъ, среднимъ и молодшимъ людямъ, отъ богатыхъ людей бываютъ обиды и налоги, богатые неправильно собираютъ данныя и оброчныя деньги, не равняются съ ними въ податяхъ, притѣсняютъ ихъ, среднихъ и молодшихъ людей, выборами въ службы не въ очередь, а составляя мірскіе приговоры, вписываютъ ихъ заочно[2]). Итакъ въ Поморьѣ XVII вѣка въ посадахъ и волостяхъ идетъ острая борьба между аристократіей и демократіей, между прожиточными и маломочными. Прожиточные угнетаютъ маломочныхъ, держатъ отъ себя въ долговой зависимости экономически слабую массу, завладѣваютъ землями путемъ покупки и закладa, обращая прежнихъ владѣльцевъ земельныхъ участковъ либо въ своихъ крѣпостныхъ половниковъ, либо совсѣмъ въ „скитающихся межъ дворъ“ бездомныхъ пролетаріевъ, забираютъ въ свои руки лучшія оброчныя угодья, захватываютъ самоуправленіе, не допуская массу къ общественнымъ дѣламъ, а при податномъ окладѣ и сборахъ—и это злоупотребленіе вызываетъ наиболѣе громкія жалобы—всю тяжесть податей сваливаютъ съ себя на недостаточныхъ.

Иногда жалобы утѣсненныхъ въ поморскихъ волостяхъ направлены на небольшую группу зажиточныхъ притѣснителей, захватывающихъ въ свои руки богатство и власть. Такая своего рода волостная олигархія изъ нѣсколькихъ опредѣленно называемыхъ лицъ дѣйствуетъ, опираясь на партію, состоящую изъ родственниковъ и приверженцевъ, изъ „роду, племени, сватовъ, потаковщиковъ и заговорщиковъ“, съ помощью которыхъ она вертитъ по своему всѣми дѣлами на волостномъ сходѣ. Волостными заправилами бывали очень часто „деревенскіе владѣльцы“, посадскіе люди капиталисты, пріобрѣтавшіе себѣ деревни въ волостяхъ. Но такими же сильными людьми оказывались и обыкновенные волостные крестьяне, и члены клира, и разбогатѣвшіе земскіе дьячки. Такъ Орловская волость Устюжскаго уѣзда въ 1620-хъ годахъ страдала отъ трехъ братьевъ Шадриковыхъ Никиты, Семена и Истомы, „отвиливавшихся“ по выраженію челобитной отъ участія въ мірскихъ платежахъ[3]). Въ Спасскомъ приходѣ

---

[1]) Пр. Д. 1646 № 154. Ср. I, 111.
[2]) Пр. Д. 1652 № 101.
[3]) Пр. Д. 1628 № 72.

волости Лузской Пермцы въ 1630-хъ годахъ заправляла общественными дѣлами компанія, во главѣ которой стоялъ „горланъ и ябедникъ“, бывшій церковный дьячекъ Гаврило Васильевъ Поповъ. Изъ группировавшихся вокругъ него лицъ трое названы его шурьями, въ томъ числѣ спасскій попъ Яковъ, одинъ—сватомъ и одинъ „заговорщикомъ“. Компанія тѣснила приходъ, „испродавала“ крестьянъ выборами не въ очередь въ таможенные и кабацкіе цѣловальники и большими выкупами за избавленіе отъ этихъ тяжелыхъ и разорительныхъ должностей; захватила въ свои руки все финансовое управленіе прихода, не давая отчета міру и сама, конечно, не платя податей; производила даже открытыя насилія и безчинства: члены ея на общественныхъ пирахъ у церкви Божіей, какъ жаловались крестьяне, били ихъ, грабили и саблями сѣкли[1]). Въ 1636 г. чердынскій воевода доносилъ въ Москву, что весь Гаенскій погостъ Чердынскаго уѣзда разбѣжался „отъ горлана Дружинки Тимоѳеева съ товарищи да отъ данныхъ окладчиковъ.... что де тотъ Дружинка, стакався промежъ себя съ горланы и съ окладчики съ себя государеву подать сбавливали, а на нихъ на молодшихъ на многихъ бѣдныхъ крестьянъ накладывали подать не въ силу и тою накладною непосильною податью ихъ и разогнали“[2]). Въ Сысольской волости дѣйствовали ябедники Томилка и Безсонъ Поповы, Тришка Нифонтовъ и Калина Ѳедоровъ, богатые деревнями, не платившіе съ міромъ податей и чинившіе насильства надъ волощанами[3]). Въ 1640 г. крестьяне Вохомской волости Устюжскаго уѣзда жаловались на вліятельную группу бывшихъ земскихъ судеекъ и цѣловальниковъ, указавъ поименно шесть человѣкъ, прибравшихъ къ своимъ рукамъ всѣ волостныя дѣла. Этотъ волостной нобилитетъ, бывшіе судейки и цѣловальники, по заявленію крестьянъ, „выбираютъ во всякую службу своихъ родимцевъ и потаковщиковъ составомъ и заговоромъ въ земскіе судейки и въ старосты, и въ цѣловальники мимо ихъ крестьянскаго совѣту и въ совѣтъ ихъ, мірскихъ людей, тѣ земскіе судейки ни въ какой не призываютъ“[4]).

Въ иныхъ волостяхъ, какъ ядовитое порожденіе создаваемыхъ податной системой нездоровыхъ условій, возникала настоящая тираннія, единоличное господство міроѣда, порабощавшаго себѣ всю волость и распространявшаго свою высасывающую дѣятельность далеко за ея предѣлы. Закабаляя лихвеннымъ ростомъ и опутывая сѣтью темныхъ финансовыхъ операцій и судебныхъ кляузъ то того, то другого изъ волощанъ, „міропродавецъ и ябедникъ“ являлся для волости, пожалуй, бо́льшимъ разорителемъ и худшимъ зломъ, чѣмъ разбойникъ, нападавшій все же открыто; а истощаемая тягломъ маломочная масса лишена была силы оказывать ему сопротивленіе. Типъ такого мірского паука заводился въ XVII вѣкѣ повсюду въ Поморьѣ. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ крестьянъ Усть-Мошскаго

---

[1]) Пр. Д. 1636 № 27.
[2]) Пр. Д. 1636 № 81.
[3]) Пр. Д. 1629 № 27.
[4]) Пр. Д. 1639 № 61.

стана душилъ непомѣрными ростами и двойными кабалами міропродавецъ Мартынъ Максимовъ [1]). Колнобойская волость Чарондской округи жаловалась на ябедника Пятого Иванова, который многихъ людей „продаетъ и убытчитъ, и волочитъ ложно, не по дѣлу, умышляючи своимъ ябедническимъ умышленіемъ и поклепы ставитъ великіе". Съ жалобой на дѣятельность этого Пятого обращалась въ Москву и вся Чарондская округа, указывая, что отъ его наговоровъ присланному въ округу губному сыщику многіе крестьяне бредутъ врознь [2]). Сухонскіе станы Устюжскаго уѣзда, Черный и Нововышлый, били челомъ въ 1658 г. на міропродавца, „вѣдомаго вора" Алексѣя Дмитріева Хабарова. Хабаровъ уже за прежнее многое воровство, горланство и ябедничество лѣтъ пять—шесть тому назадъ по челобитью міра Ивановскаго погоста былъ подвергнутъ воеводою наказанію, которое полагалось за ябедничество, битъ кнутомъ и „выбитъ", т. е. административно высланъ изъ погоста; къ такимъ рѣшительнымъ хирургическимъ операціямъ при помощи правительственной власти должны были прибѣгать міры въ своей борьбѣ съ этими злокачественными наростами земской жизни. Несмотря на все, что пришлось потерпѣть, Хабаровъ оказался сильнѣе міра. Оттягавъ у крестьянъ Котовальской волостки участокъ земли и водворившись въ этой волосткѣ, онъ принялся опять за свою прежнюю работу, затѣвая „всякія напрасныя бездѣлья" на попа и волостныхъ крестьянъ и привезъ изъ Москвы зазывныя грамоты въ ложныхъ искахъ [3]). Намъ часто приходилось указывать на столкновенія волостныхъ міровъ съ посадскими людьми, владѣвшими въ волостяхъ землею и не желавшими раздѣлять съ волостными мірами тягла. Но встрѣчаемъ и обратный случай, когда посадъ страдаетъ по тому же поводу отъ волостного крестьянина. Въ 1650 г. тотемскій посадъ билъ челомъ на крестьянина Окологородной волости Дементія Плюгина. Дементій промышлялъ посадскимъ промысломъ, былъ видный торговецъ, скупщикъ хлѣба, скупавшій въ тотемскихъ волостяхъ у крестьянъ рожь, ячмень и овесъ, державшій въ своихъ рукахъ весь тотемскій хлѣбный рынокъ, капиталистъ настолько сильный, что могъ пріостановить привозъ хлѣба изъ волостей на Тотьму, чѣмъ посадскихъ людей „оголодилъ", какъ говорилось въ челобитной. Въ 1647 г. онъ выстроилъ себѣ на посадѣ дворъ со всякими хоромами, но ни съ промысловъ, ни съ двора посадскихъ податей не платилъ и ни въ какихъ посадскихъ службахъ участія не принималъ. Надо впрочемъ сказать, что челобитная, указывая на стѣсненіе отъ него посаду, не называетъ его ни міропродавцемъ, ни другимъ изъ подобныхъ нелестныхъ эпитетовъ и замѣчаетъ только, что онъ—человѣкъ „изможный", подкупаетъ расположеніе къ себѣ воеводъ, которые и не выдаютъ его міру. Можно думать, что Дементій былъ кулакъ, сильный энергіей и капиталомъ, но дѣйствовавшій открыто и не прибѣ-

---

[1]) Пр. Д. 1653 № 59.
[2]) Пр. Д. 1627 № 71, л. 22; Пр. Д. 1626 № 41, л. 19—21.
[3]) Пр. Д. 1653 № 4.

гавшій къ темнымъ ростовщическимъ или ябедническимъ махинаціямъ[1]). Въ избирательныхъ протоколахъ по выборамъ на мірскія должности во Введенскомъ Устьянскомъ стану втеченіе ряда лѣтъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ въ перечнѣ избирателей встрѣчается непремѣнно оговорка: „опричь міропродавца и ябедника Герасимка Шаляпина“[2]). То былъ знаменитый міропродавецъ, отъ котораго долгое время житья не было крестьянамъ Введенскаго стана. Еще отъ декабря 1625 г. сохранилась отказная память, выданная ему мѣстными земскими судейками по указу изъ Устюжской четверти, по которой ему, Герасиму, отводилась во владѣніе рѣчка Порша отъ вершины и до устья съ впадающими въ нее по обѣ стороны притоками, съ рыбными ловлями, сѣнными покосами и новыми розчистями по берегамъ. По тону грамоты, запрещающей крестьянамъ сосѣднихъ съ владѣніями Шаляпина деревень вступаться въ угодья по рѣчкѣ Поршѣ, можно понять, что онъ пріобрѣлъ ихъ не безспорно, оттягалъ у сосѣдей. Дѣйствительно, послѣ отказной идутъ столкновенія съ сосѣдними деревнями, которыя посылаютъ даже ходока въ Москву жаловаться на Герасима, какъ на „вѣдомаго вора“, ложными исками отнимающаго рѣчку Поршу у ея настоящихъ владѣльцевъ. Шаляпинъ однако выигралъ дѣло и въ январѣ 1637 г. получилъ новую отводную на спорную рѣчку. Но успѣхъ на судѣ его все же не успокоилъ, да и отношенія съ сосѣдями, видимо, не уладились; по крайней мѣрѣ, въ 1639 г. онъ затѣваетъ противъ нихъ новый процессъ передъ земскими судейками Введенскаго стана, обвиняя ихъ въ свозѣ съ его поженъ 520 возовъ сѣна и ища 115 руб. за причиненные ему убытки. Обвиняемые, жители деревень Наумовской и Старцовской, отказываясь отвѣчать по этому иску, съ своей стороны подали земскому суду „сысковую“ челобитную, т. е. просьбу произвести о Шаляпинѣ повальный обыскъ, чтобы разыскать „про его Герасимово Шаляпина воровство и ябедничество и про ложное его челобитье, что міръ продаетъ и добрыхъ людей клеплетъ“. За отказомъ отвѣтчиковъ отвѣчать по иску, разбирательство не состоялось. Тогда Шаляпинъ перенесъ дѣло въ 1640 г. въ Москву, возбудивъ искъ противъ входившихъ въ составъ судебнаго присутствія земскихъ судеекъ и добился вызова этихъ судеекъ въ Устюжскую четверть за поруками. Неугомонный сутяга истощилъ терпѣніе міра. Въ мартѣ 1641 г. подана была въ Москвѣ мірская челобитная всего Введенскаго стана съ жалобами на Шаляпина. Въ этой челобитной міръ припоминаетъ нѣкоторыя данныя изъ его біографіи; оказывается, что еще гораздо раньше по ходатайству міра Шаляпинъ за ябедничество высылался административнымъ распоряженіемъ изъ Устьянскихъ волостей въ Пермогорскую волость Устюжскаго уѣзда. Пробывъ нѣсколько времени въ ссылкѣ, Шаляпинъ въ 1623 г. вновь вернулся въ родныя мѣста, „добилъ челомъ міру“ и заключилъ съ волостью мировую запись, по которой обязался „впредь быть смиреннымъ въ міру“, никого изъ своихъ однообществен-

[1]) Пр. Д. № 1650 30.

[2]) I, приложеніе, 93, 95. Ср. Пр. Д. 1640 № 59; 1643 № 37, лл. 53—55.

никовъ ябедами не продавать, подати со всѣми крестьянами платить вмѣстѣ и „жить съ міромъ совѣтно“. Въ 1636 г. мы видимъ его даже въ цѣловальникахъ, отвозящимъ въ Москву подати[1]). Но примирившись съ введенскимъ обществомъ, продолжаетъ челобитная, Шаляпинъ принялся за прежнее свое сутяжничество, клеплетъ понапрасну крестьянъ, приноситъ на нихъ изъ Москвы зазывныя и судимыя грамоты, разоряетъ и убытчитъ, захватываетъ земли, а впредь грозитъ поджогами и убійствами. Въ подкрѣпленіе своихъ жалобъ міръ ссылался на данныя повальнаго обыска о Шаляпинѣ, произведеннаго въ 1639 г. по просьбѣ его соперниковъ, результатомъ котораго и было, повидимому, ограниченіе Шаляпина въ правахъ, недопущеніе его къ мірскимъ выборамъ. „И въ выборы судецкіе“, какъ писалъ міръ въ той же челобитной, „его, Герасимка, всѣмъ міромъ не принимаютъ за его воровство“. Это ограниченіе и упоминается въ устьянскихъ избирательныхъ спискахъ[2]).

Такъ нездоровыя экономическія отношенія, сложившіяся въ сѣверныхъ посадскихъ и крестьянскихъ обществахъ, порождали тройкій типъ мірского эксплуататора, чаще впрочемъ встрѣчающійся въ смѣшанномъ, чѣмъ въ чистомъ видѣ. Это, во-первыхъ, ростовщикъ, кулакъ, скупщикъ земель, давящій окружающихъ силой своего капитала; или это хитрый сутяга ябедникъ, изводящій міръ лживыми разорительными процессами, или, наконецъ, третій типъ, какъ его называютъ документы, „мужикъ—горланъ“, земскій ораторъ XVII вѣка, человѣкъ, если и не обладающій обширными матеріальными средствами, то одаренный достаточнымъ запасомъ наглости и беззастѣнчивости и умѣющій повліять на толпу силой своего зычнаго голоса. Дѣйствительность давала всѣ возможныя сочетанія этихъ трехъ типовъ. Вызываемая, какъ вездѣ и всегда, экономическими отношеніями борьба классовъ въ Поморьѣ XVII в., подымавшаяся главнымъ образомъ изъ за земли, доводилась до болѣзненнаго напряженія и обострения неуклюжей податной системой, слишкомъ давившей неимущіе классы и слишкомъ льготной для имущихъ. При томъ разореніи необезпеченныхъ группъ общества, которое несла съ собой эта система и которое дѣлало ихъ нестойкими въ экономической борьбѣ, могли свободно возникать разные виды кулачества и міроѣдства, возбуждавшіе противъ себя одинаково раздраженное отношеніе массы. Можетъ быть, всѣ эти Хабаровы и Шаляпины далеко не были такими злодѣями, какъ рисуютъ ихъ мірскія челобитныя; однако во всякомъ случаѣ развѣ тѣ краски, которыми челобитныя ихъ изображаютъ, не свидѣтельствуютъ о накопившемся противъ нихъ озлобленіи въ обществѣ? И развѣ это озлобленіе не говоритъ намъ въ свою очередь о томъ, что борьба стала непримиримой и не брезгающей никакими средствами!

Къ явленіямъ того же самаго разлада въ земствахъ, вносимаго прежде всего чрезмѣрной тяжестью и грубымъ устройствомъ обострившей

---

[1]) Пр. Д. 1638 № 21.
[2]) Пр Д. 1636 № 16.

соціальную борьбу податной системы, а затѣмъ недостаточной самостоятельностью и несовершенствами мірской судебной организаціи, слѣдуетъ отнести непрерывной цѣпью тянущіеся и рѣшительно повсюду происходящіе конфликты между земскими выборными властями съ одной стороны и между выбиравшими ихъ мірами, отдѣльными общественными группами въ средѣ міровъ и даже отдѣльными лицами съ другой. Казалось бы, что, выбирая своихъ членовъ на мірскія должности и снабжая ихъ разнаго рода полномочіями, міръ долженъ былъ облекать ихъ довѣріемъ, достаточнымъ, чтобы покрывать возможныя неудовольствія и міра въ цѣломъ, и отдѣльныхъ лицъ. Мірской избиратель, участвовавшій въ выборахъ должностного лица: старосты, судьи, цѣловальника, подписывая избирательный протоколъ, тѣмъ самымъ долженъ былъ бы заранѣе соглашаться въ значительной мѣрѣ съ дѣятельностью своего избранника и заранѣе примиряться съ послѣдствіями этой дѣятельности, хотя бы и невыгодными для его личныхъ интересовъ. Избранникъ все же осуществляетъ волю избирателей, и безъ нѣкотораго запаса общественнаго довѣрія, безъ такого не всегда выражаемаго открыто, но всегда подразумѣваемаго предварительнаго соглашенія подчиниться дѣйствіямъ избираемаго, сколько нибудь самостоятельная дѣятельность послѣдняго невозможна. Но въ томъ то и дѣло, что подъ вліяніемъ системы тягла дѣятельность земскихъ выборныхъ властей въ XVII в. теряла характеръ земской дѣятельности и получала значеніе казенной службы. Сборъ податей и повинностей сталъ главнымъ дѣломъ земскихъ властей, занявшимъ всецѣло ихъ вниманіе и далеко отодвинувшимъ въ этомъ вниманіи всѣ мѣстные земскіе интересы. Земскій выборный оказывался не распорядителемъ и устроителемъ мѣстныхъ дѣлъ, не созидателемъ мѣстнаго благополучія, а низшимъ казеннымъ агентомъ, предъявляющимъ къ обществу самыя непріятныя требованія, слишкомъ чувствительно задѣвающія интересы общества и даже разрушающія его благосостояніе. Отсюда и объясняется недружелюбное и недовѣрчивое отношеніе земства къ своимъ же выборнымъ и то раздраженіе, которое въ мѣстности встрѣчала ихъ направленная исключительно въ интересахъ казеннаго сундука дѣятельность. Они становились чуждыми обществу; послѣднее перестало разсматривать ихъ, какъ исполнителей своей воли. Связь ихъ съ обществомъ сдѣлалась чисто механической; они выбирались не для осуществленія воли избирателей, а для исполненія другой, исходившей сверху воли. Мірской избранникъ былъ только *земскимъ выборнымъ у государева дѣла* и по преимуществу у государева *казеннаго* дѣла, передъ которымъ отступали и которымъ поглощались спеціально земскія дѣла. Отправленіе обязанностей земскаго выборнаго стало считаться скорѣе за несчастіе, чѣмъ за почетъ, пріобрѣтало значеніе тяжелой казенной повинности, которую надо отбывать, распредѣляя это отбываніе по справедливой очереди между членами міра, и такимъ образомъ очередь отбыванія непріятной казенной повинности замѣнила собою довѣріе, необходимое для общественной дѣятельности. Избирая должностное лицо, міръ ставилъ какъ бы рекрута на государственную службу, считаясь при этомъ только съ механическимъ порядкомъ очереди. Самые выборы

теряли характеръ сообщенія полномочій; избирательный списокъ обращался въ документъ ручательства міра за поставленное на службу лицо. Земская власть, дѣйствующая не во имя мірскихъ интересовъ, не опирающаяся на общественное довѣріе, отбываемая членами міра по очереди, была въ глазахъ общества возможностью всякаго рода злоупотребленій, и отсюда готовность общества ожидать ихъ отъ всякаго, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась, и склонность подозрѣвать ихъ въ каждомъ шагѣ земскаго выборнаго. Съ другой стороны земская власть по казеннымъ дѣламъ, если и была для кого нибудь привлекательна, если и манила къ себѣ, то именно возможностью злоупотребленій, которую она открывала, потому что, пользуясь ею, можно было дѣйствовать въ личныхъ видахъ. Людей, не шедшихъ на сдѣлку съ совѣстью, она едва ли привлекала. Она была сопряжена съ такою тяжелою матеріальною отвѣтственностью передъ казною, сопровождалась такими чувствительными матеріальными потерями должностныхъ лицъ, съ которыхъ государство взыскивало недочеты и недоплаты представляемыхъ ими міровъ, что вполнѣ понятнымъ становится раздраженіе земскихъ выборныхъ противъ избирателей, недоплачивающихъ казенныхъ денегъ и не возмѣщающихъ имъ понесенныхъ ими на земскихъ должностяхъ убытковъ. Всѣмъ этимъ создавались странныя на нашъ взглядъ, проникнутыя подозрительностью и злобой, обостренныя отношенія между земскими мірами и ихъ исполнительными агентами, въ которыхъ не было ничего похожаго на сотрудничество земскаго собранія съ земской управой. Да и возможно ли было такое сотрудничество, когда не было того труда, который бы возбуждалъ интересы и соединялъ силы земскихъ собраній и ихъ исполнительныхъ органовъ? Развѣ сборъ тягла, ставшій главнымъ предметомъ дѣятельности земскихъ властей, могъ привлекать къ себѣ сочувствіе? Вообще, разъ что отбываніе тягла дѣлалось главной задачей мірской организаціи, оно какъ и всякое отбываніе повинности, скорѣе отталкивало, чѣмъ привлекало, вызывало стремленіе именно *отбыть*, уклониться отъ досадной тягости земскаго дѣла. Міру свой же братъ, земскій староста или цѣловальникъ, его же ставленникъ, былъ ненавистенъ, когда дѣйствовалъ въ качествѣ сборщика тяжелыхъ казенныхъ налоговъ, производительность которыхъ для міра не была замѣтна; земскому выборному міръ былъ всегда подозрителенъ, какъ возможный виновникъ взысканій и правежей, непогашенныхъ займовъ на мірскія нужды и невозмѣщенныхъ убытковъ, запущеннаго хозяйства, „деревенской недопашки“, заброшенныхъ торговъ и промысловъ, безконечныхъ и безчисленныхъ судебныхъ процессовъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ золъ, которыми въ XVII в. всегда грозила закончиться служба по земскимъ выборамъ.

И она, дѣйствительно, слишкомъ часто заканчивалась именно такъ. Постоянно міръ выступаетъ передъ правительственной властью съ жалобами на своихъ выборныхъ и съ обвиненіями ихъ въ недобросовѣстномъ исполненіи должности, въ неправильной разверсткѣ податей и въ излишнихъ сборахъ, въ насиліяхъ и притѣсненіяхъ, въ неправосудіи, корысти и лихоимствѣ[1]). Волостные міры обвиняютъ при этомъ не только своихъ

[1]) Приложеніе № 11, I.

волостныхъ выборныхъ, но и всеуѣздныхъ, если послѣдніе нарушаютъ волостные интересы[1]). Иногда съ подобными жалобами обращаются къ правительству отдѣльныя общественныя группы, на которыя раскалывается міръ, и въ этихъ выступленіяхъ звучатъ также отголоски раскалывающей міръ соціальной борьбы. Такъ напр. въ 131 (1622—33) г. изъ пермской воеводской канцеляріи сообщалось въ Москву, что въ Чердыни къ воеводѣ съ подьячимъ „многіе крестьяне бѣдные приходятъ.... и бьютъ челомъ со слезами, что земскіе старосты и цѣловальники емлютъ съ нихъ великіе поборы, а на какіе расходы даютъ, того де они не вѣдаютъ; а они де отъ тѣхъ податей бредутъ розно“[2]). Въ 1636 г. пермскій же воевода доноситъ, что „молодшіе городовые и уѣздные крестьяне“ били ему челомъ на старостъ и цѣловальниковъ прошлаго 143 (1634—35) г. и просили произвести имъ въ поборахъ счетъ, обвиняя старостъ въ томъ, что они собранными государевыми деньгами корыстовались[3]). Въ приведенныхъ примѣрахъ противъ земскихъ властей выступаютъ „молодшіе люди“, и возможно предположить, что въ этихъ случаяхъ земскія должности были въ рукахъ зажиточныхъ элементовъ, дѣйствовавшихъ слишкомъ въ своихъ интересахъ и въ ущербъ маломочной массѣ. Но встрѣчаются и обратныя явленія, когда недовольство дѣйствіями земскихъ властей выражаютъ сильные люди деревни. Такъ напр. на волостныхъ старостъ Орловской, Варженской, Енанской, Кичменской и другихъ волостей Устюжскаго уѣзда жалуется владѣвшій въ этихъ волостяхъ деревнями посадскій человѣкъ И. Ю. Усовъ, обвиняя старостъ въ излишнихъ поборахъ и въ корыстномъ пользованіи собранными деньгами[4]). Наконецъ, жалобы на земскихъ выборныхъ, какъ на состоящихъ въ должностяхъ, такъ и на окончившихъ службу, со стороны недовольныхъ ими отдѣльныхъ лицъ неисчислимы. Если земскій выборный, отбывъ срокъ, не возбудилъ никакого неудовольствія противъ себя со стороны правительства, далъ во всемъ отчетъ міру и распрощался съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, не вызвалъ на себя никакихъ мірскихъ челобитій, это не значило еще, что онъ можетъ чувствовать себя совершенно спокойнымъ; на него еще и къ воеводѣ, и въ Москву въ приказъ могутъ поступить частныя жалобы и къ нему могутъ быть предъявлены частные иски. Мірскія власти отправляли службу, можно сказать, подъ тройкой отвѣтственностью: передъ правительствомъ, которое взыскивало съ нихъ всякіе поборы; передъ міромъ, который придирчиво требовалъ отъ нихъ отчета въ каждой мірской копѣйкѣ и, наконецъ, передъ отдѣльными лицами, которыя возбуждали противъ нихъ иски въ частномъ порядкѣ, когда считали свои интересы нарушенными. Эта тройкая отвѣтственность ставила старосту или судейку въ очень трудное положеніе. Если онъ усердно и въ точности исполнялъ требованія правительственной

---

[1]) Ibid. II.
[2]) Пр. Д. 1623 № 31.
[3]) Пр. Д. 1636 № 81.
[4]) Пр. Д. 1630 № 72, л. 131.

власти, не давалъ пощады своимъ избирателямъ, сполна и своевременно доставлялъ собранныя подати, ничѣмъ не вызывалъ гнѣва правительства, онъ становился ненавистенъ мірскому обществу, требовавшему отъ него сбора повинностей съ мягкостью, уступчивостью, съ „поволкой“, по выраженію одного ходатайства. Наоборотъ, если онъ разными способами мирволилъ своему обществу, онъ навлекалъ на себя гнѣвъ со стороны правительства за недоимки, недоборы или доставку податей не во время; такъ что онъ долженъ былъ идти или съ правительствомъ противъ міра, или съ міромъ противъ правительства. Но въ томъ и другомъ случаѣ, какъ бы онъ искусно ни балансировалъ между правительствомъ и міромъ, ему было не избѣжать еще третьей отвѣтственности: передъ отдѣльными частными лицами. Каждый мірской выборный уходилъ съ должности, травимый цѣлой сворой жалобщиковъ и истцовъ, укусы которыхъ порой онъ чувствовалъ не менѣе больно, чѣмъ преслѣдованія отъ цѣлаго общества или со стороны правительственной власти. Если это было должностное лицо, соприкасавшееся съ финансовымъ управленіемъ, на него сыпались жалобы за излишніе поборы[1]). Если это былъ судейка, къ нему предъявлялись обвиненія въ отказѣ въ правосудіи, въ неисполненіи предварительныхъ судебныхъ дѣйствій: арестовъ, осмотровъ, дознаній, въ неисполненіи приговоровъ, постановленныхъ другими инстанціями, въ подкупѣ и взяткахъ, въ пристрастіи и поноровкѣ противной сторонѣ, въ корыстномъ присвоеніи взысканныхъ по суду денегъ[2]). Того и другого вызывали къ воеводѣ или въ Москву, гдѣ имъ приходилось выступать отвѣтчиками по возбужденнымъ противъ нихъ процессамъ, оправдываться передъ властями, удовлетворять обиженныхъ, мириться съ истцами или платить по проиграннымъ дѣламъ и иногда совершенно разориться отъ этой волокиты.

Но съ своей стороны и земскіе выборные, отбывъ должность, проявляли неудовольствіе на міры обращеніемъ къ правительственной власти съ жалобами, а свои убытки стремились взыскивать посредствомъ исковъ. Такіе иски окончившихъ службу земскихъ властей къ мірамъ встрѣчаются не менѣе часто, чѣмъ претензіи міровъ къ своимъ избранникамъ, и по количеству тѣхъ и другихъ можно, кажется, съ большой вѣроятностью заключить, что рѣдко когда отношенія между оканчивавшимъ должность выборнымъ и міромъ бывали гладки. Жалобщиками на міры и истцами къ нимъ являлись преимущественно земскіе выборные, которымъ приходилось имѣть дѣло съ финансами, всего болѣе разрубные данные цѣловальники, затѣмъ спеціальные сборщики отдѣльныхъ податей, цѣловальники, съ которыми сборы отправлялись въ Москву, мірскіе посыльщики по разнымъ мірскимъ дѣламъ въ уѣздный городъ, мірскіе посыльщики въ Москву, всеуѣздные и волостные старосты, земскіе судейки, если имъ приходилось собирать подати, ямскіе старосты, таможенные и кабацкіе головы и цѣловальники, старосты, избранные состоять при писцахъ и раз-

[1]) Приложеніе № 11, III.

[2]) Ibid. IV.

ные другіе земскіе выборные люди. Отвѣтчиками по такимъ искамъ и жалобамъ оказывались тѣ юридическія лица, которыя выступали истцами и жалобщиками въ предыдущихъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ: всеуѣздные и волостные міры, а также группы волостныхъ міровъ. Обиженный всеуѣздный староста могъ предъявить претензію къ всеуѣздному міру въ цѣломъ или къ отдѣльной волости, или къ нѣсколькимъ волостямъ, неисполненіемъ своихъ финансовыхъ обязательствъ причинившимъ ему убытки. Точно также приходилось мірскимъ властямъ искать убытковъ и на отдѣльныхъ общественныхъ группахъ, и на отдѣльныхъ лицахъ, за податную неисправность которыхъ властямъ случалось нести отвѣтственность своимъ карманомъ. Предметы этихъ исковъ и жалобъ сосредоточиваются главнымъ образомъ около взиманія казеннаго тягла и мірскихъ сборовъ и отчетности по нимъ. Міры не уплачиваютъ или недоплачиваютъ податей, которыя правительство взыскиваетъ съ выборныхъ должностныхъ лицъ, причемъ эти послѣднія принуждены бываютъ для взноса требуемыхъ казною суммъ занимать частнымъ образомъ деньги и обязываться кабалами, а міры затѣмъ не принимаютъ такихъ кабалъ къ уплатѣ и вообще не „вынимаютъ“ выборнаго изъ убытковъ, которые ему случается потерпѣть по должности, и такимъ образомъ нарушаютъ тѣ статьи „выборнаго списка“, гдѣ міръ обязывается за своего избранника стоять, изъ убытковъ его „вынимать и ни въ чемъ его не подать“. Неисполненіе этихъ обязательствъ и давало мірскимъ должностнымъ лицамъ основаніе для жалобъ. Особенно частымъ поводомъ къ претензіямъ служила отчетность передъ міромъ, которою завершалась выборная служба. Міръ замедляетъ принятіемъ отчетности, не считаетъ выборнаго, не выдаетъ ему счетной памяти, служившей свидѣтельствомъ полной ликвидаціи финансовыхъ отношеній между міромъ и выборнымъ, или неправильно его считаетъ. Встрѣчаемъ также жалобы на выборы къ должностямъ не въ очередь, на неуплату „подмоги“ или „найма“—того содержанія, которое міръ обязывался выдавать должностному лицу[1]).

Не всегда устанавливались дружныя отношенія и внутри самихъ выборныхъ земскихъ коллегій и, судясь съ своими избирателями, члены этихъ коллегій выступаютъ другъ противъ друга со взаимными обвиненіями въ правонарушеніяхъ, какъ по финансовымъ, такъ и по судебнымъ дѣламъ. Разрубной цѣловальникъ доноситъ на земскаго судейку, что тотъ, собравъ казенныя деньги, „проворовалъ ихъ и пропилъ“; одинъ изъ членовъ судебнаго присутствія обвиняетъ остальныхъ въ томъ, что они сноровили подсудимому, намѣренно не помогли его задержать, не взыскали съ него денегъ и т. п. Пререканія происходятъ и во время исполненія службы, и въ особенности по окончаніи ея срока, и процессы между бывшими сотоварищами по земскимъ должностямъ ведутся параллельно съ процессами между мірами и ихъ выборными[2]).

---

[1]) Приложеніе № 11, V.

[2]) Приложеніе № 11, VI.

Весь этотъ разладъ сѣверной земской жизни, эти повсемѣстные безконечные конфликты между мірами и между частями міровъ, внутри міра между общественными классами и группами, между обществомъ и земскими властями и, наконецъ, внутри самихъ земскихъ исполнительныхъ коллегій, вся эта борьба, раскалывавшая земскій строй и въ вертикальномъ, и въ горизонтальномъ направленіи—приводила неизбѣжно къ одному результату. Унимать раздирающія земство распри и рѣшать возникавшіе тамъ споры призывалась третья сила—правительственная власть. Такимъ образомъ слагавшіяся въ сѣверныхъ мірахъ соціальныя отношенія, вызывая раздоръ и борьбу земскихъ элементовъ, влекли за собою вмѣшательство правительственной власти во внутреннюю жизнь земствъ. Государство, во-первыхъ, неизбѣжно должно было вступаться въ мірскія дѣла потому, что отъ происходившихъ въ мірахъ раздоровъ страдали казенные интересы; затѣмъ оно въ лицѣ своихъ органовъ: приказа или воеводы принуждено было выступать въ качествѣ посредника между враждующими сторонами въ земствѣ, которыя сами обращались къ правительству при своихъ столкновеніяхъ. Къ правительству взываютъ обездоленные и угнетенные, ища у него защиты противъ притѣснителей изъ своей же братіи; къ нему же, иногда другимъ путемъ и, такъ сказать, съ чернаго хода пробираются и притѣснители, идя не съ пустыми руками, неся соблазнительные подкупы, которые должны склонить вниманіе воеводы или приказа въ ихъ пользу. Но тѣмъ ли, или инымъ путемъ обѣ стороны ищутъ помощи только отъ правительства, только на него возлагаютъ свои надежды, только въ немъ видятъ источникъ всякой силы и могущества, а въ свои собственныя силы теряютъ всякую вѣру; шагу не могутъ ступить безъ правительства, хотя заглаза и бранятъ его одинаково. Выигрываетъ тотъ, на чью сторону оно станетъ. Безъ властной дѣйствующей съ верху руки, все устраивающей и все направляющей, общество начинаетъ чувствовать себя безпомощнымъ. Самоуправленіе требуетъ бодрости духа и вѣры въ свои силы—безъ этихъ свойствъ оно становится невозможнымъ. Развѣ не скандаломъ для самоуправленія является обращеніе къ правительству *крестьянскаго общества* Спасскаго прихода Лузской Пермцы, вмѣстѣ съ жалобой на мѣстныхъ кулаковъ просившаго прислать въ приходъ для защиты отъ нихъ *сына боярскаго*, служилаго человѣка[1])? Истерзанное междоусобіями земство взываетъ о служиломъ человѣкѣ, носителѣ правительственной власти, безъ него чувствуетъ себя безсильнымъ сладить съ разъѣдающимъ его зломъ, а самоуправленіе недостаточнымъ для того средствомъ. Не повтореніе ли это задовъ родной исторіи, не есть ли это своего рода призваніе варяговъ въ XVII вѣкѣ? Просьбой прислать дворянина для улаженія возникшихъ неурядицъ земское самоуправленіе выдавало себѣ свидѣтельство своего безсилія. Призываемая безсильнымъ обществомъ приказная бюрократія начинаетъ сознавать свое

[1]) Пр. Д. 1636 № 27. „Милосердый государь.... вели, государь, на того горлана и на ябедника, и на поклепцу, и на его шурьяковъ, и сватовъ, и на заговорщиковъ *дать сына боярскаго съ наказомъ*“.

превосходство и компетентно входить въ мелочи мѣстной жизни. Развѣ не звучитъ это сознаніе въ самоувѣренно-горделивыхъ распоряженіяхъ приказа: присылать въ Москву на рѣшеніе тѣ дѣла, по которымъ на мѣстѣ „указъ учинить будетъ *не умѣютъ*“? Мѣстныя способности ограничены; въ Москвѣ въ приказѣ все знаютъ и все умѣютъ. Проникаясь бюрократической вѣрой во всеобъемлющее значеніе и во всемогущество своей власти, правительство становится хозяиномъ положенія въ мѣстныхъ дѣлахъ.

Обращеніе земскаго общества къ правительству заключалось или въ жалобѣ ему и въ ходатайствѣ передъ нимъ, или въ призывѣ его судебнаго посредничества. Соотвѣтственно съ этимъ и дѣйствіе правительственной власти, вызванное такими обращеніями, проявлялось въ двоякой формѣ: административной и судебной. Изъ приказа шлютъ административныя распоряженія: взыскать недобранныя деньги, возмѣстить указанные въ жалобѣ убытки, произвести „счетъ“, пересмотрѣть счетъ уже произведенный и т. п., причемъ исполнить эти распоряженія уполномочиваются земскіе органы; но чаще помѣта, налагаемая на челобитныя, начинается словами: „дать грамота къ воеводѣ“, и воевода является исполнительнымъ орудіемъ правительства, болѣе надежнымъ и сильнымъ, чѣмъ земскіе органы. Въ другихъ случаяхъ разрѣшеніе земскихъ конфликтовъ идетъ судебнымъ порядкомъ. Выдается „судимая грамота“ къ органамъ земской юстиціи, къ которымъ затѣмъ и обращается подкрѣпленный авторитетомъ такой грамоты истецъ; но чаще судебное разбирательство производится тою властью, къ которой именно спорящія стороны и прибѣгаютъ: воеводой или приказомъ. Выданная приказомъ „зазывная грамота“, перенося процессъ въ столицу, удаляетъ его отъ водоворота мѣстныхъ вліяній, интригъ, происковъ и тяготѣній, ставитъ его въ болѣе спокойную обстановку, лишаетъ подлежащій разрѣшенію вопросъ его конкретной, сохраняющей слѣды мѣстныхъ волненій оболочки и придаетъ ему болѣе отвлеченное и принципіальное значеніе. Дѣло идетъ уже не столько между такими то всѣмъ хорошо извѣстными, пріятными или непріятными лицами, друзьями и врагами, сколько разбирается самый юридическій казусъ. Чуждая мѣстнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, стоящая на высотѣ, съ которой становятся менѣе замѣтными мѣстныя отношенія, до которой слабѣе доносится шумъ и не долетаютъ брызги расходившихся страстей, правительственная власть кажется и самимъ земствамъ болѣе способной спокойно, безпристрастно и справедливо разрѣшить ихъ внутреннія столкновенія и неурядицы.

Такъ установившаяся въ Московскомъ государствѣ послѣ Смуты податная система разстраивала земское самоуправленіе, изгоняя изъ земскихъ міровъ наиболѣе крѣпкіе и сильные общественные элементы, раскалывая и разслаивая земство и доводя въ немъ борьбу между этими расколотыми частями и слоями до болѣзненнаго, разлагающаго обостренія. Всѣмъ этимъ она въ то же время усиливала дѣятельность правительственной власти на мѣстахъ, выдвигая ее, какъ болѣе пригодное и могущественное орудіе управленія и сообщая ей вліятельное значеніе посредницы въ томъ разладѣ, который разъѣдалъ земство.

Но московскій финансовый строй разрушалъ земство еще другими болѣе внѣшними, прямыми и непосредственными путями. Во-первыхъ, онъ разорялъ мѣстное общество, вытягивая изъ него непомѣрное количество средствъ. Будучи оставлены въ мѣстныхъ карманахъ, эти средства могли все же держать благосостояніе мѣстныхъ обществъ на достаточномъ уровнѣ; вытягиваніе ихъ въ центральную казну вело къ образованію на мѣстахъ значительнаго общественнаго осадка въ видѣ совершенно непригоднаго для самоуправленія скитающагося „межъ дворъ“ и питающагося Христовымъ именемъ пролетаріата. Во-вторыхъ, московская податная система въ значительной мѣрѣ разгоняла мѣстное общество, пустошила земскіе міры, заставляя ихъ членовъ покидать родныя мѣста, расходиться въ разныя стороны изъ своихъ деревень, отрывала такимъ образомъ ихъ отъ земскихъ союзовъ, въ которые они входили и тѣмъ расшатывала эти хирѣвшіе отъ безлюдья союзы. Отовсюду изъ Поморья въ XVII в. слышатся жалобы на уходъ крестьянъ съ черныхъ земель подъ давленіемъ тяжести податей. Въ Москву доносятъ, что отъ тяжелаго непомѣрнаго обложенія „многіе государевы крестьянишка деревни свои пометали и разбрелись розно по государской вотчинѣ“ [1]); что „и достальные крестьяне врознь разбрелися, хлѣбъ вызябъ и скотина выпала“ [2]); что „изъ иныхъ изъ многихъ волостей крестьянишка бредутъ врознь, а иные примерли да и достальные волостные крестьянишка отъ хлѣбнаго недороду и отъ ознобу, и отъ ямской гоньбы, и отъ скотскаго падежу бредутъ врознь и съ голоду помираютъ [3])“. Иногда внимательный административный взглядъ застигнетъ бѣглецовъ въ самый моментъ побѣга, иногда даже во время приготовленія и сборовъ къ нему, когда крестьянинъ, выведенный изъ терпѣнія нуждою и тягостью податей, выбившись изъ силъ въ борьбѣ съ ними, готовъ двинуться въ путь. „Правлю всякіе доходы прошлыхъ годовъ и нынѣшняго 149 (1640—41) г. безъ пощады“, доноситъ сольвычегодскій воевода кн. Ив. Шаховской, „а у Соли, государь, посыльщики Ратмировской волости и Антропьевы слободы, и Лальской, и Учецкой, и Вилегодской волостей сказываютъ мнѣ, холопу твоему, что де въ ихъ волостяхъ многіе крестьяне ко 150 г. ржи не сѣютъ, а дожидаются зимняго пути и хотятъ бѣжать. А Лузскіе Пермцы Объячевскаго и Ношульскаго приходовъ посыльщики извѣщали мнѣ въ іюлѣ въ 3 число, что де изъ ихъ волостей выбѣжало крестьянъ семей съ двадцать и больше, и за тѣми де крестьяны гонялись изъ Лузскіе Пермцы крестьяне, и они де изъ луковъ отстрѣлялись и ушли въ Вятскій уѣздъ“ [4]).

Конечно мірскія челобитныя, какъ и воеводскія отписки, по понятнымъ причинамъ могутъ сгущать краски, описывая запустѣніе волостей и разбродъ крестьянъ. Міры стремились выхлопотать разнаго рода податныя

[1]) Пр. Д. 1637 № 18.

[2]) Пр. Д. 1638 № 27. Отписка земскихъ судеекъ Введенскаго Устьянскаго стана 147 г.

[3]) Пр. Д. 1646 № 61. Всеуѣздное ходатайство Тотемскаго уѣзда 154. г.

[4]) Пр. Д. 1641 № 42. Ср. Пр. Д. 1646 № 52. Доѣзды приставовъ, разосланныхъ по волостямъ Сольвычегодскаго уѣзда.

льготы; воеводы могли допускать преувеличенія для того, чтобы избѣгнуть отвѣтственности за неаккуратное поступленіе сборовъ. Въ 1638 г. волости Яхренская, Пушемская, Шольская и Сухонскій Нововышлый станъ Устюжскаго уѣзда жаловались на уходъ крестьянъ, пометавшихъ свои деревни впустѣ. Въ 1640 г. устюжскій воевода М. Спѣшневъ писалъ въ Москву, что въ Устюжскомъ уѣздѣ во всѣхъ волостяхъ многія деревни пусты, крестьяне бредутъ врознь, и собирать государевыхъ податей сполна не съ кого. Воевода ссылался при этомъ на собственное наблюденіе, писалъ, что при проѣздѣ черезъ Шольскую, Подосиновскую и Верхопушемскую волости видѣлъ въ нихъ большую пустоту[1]). Но знакомый уже намъ устюжскій подьячій П. Давыдовъ, служившій на Устюгѣ какъ разъ съ этимъ воеводой М. Спѣшневымъ, въ своемъ письменномъ донесеніи въ Москву и въ устныхъ разъясненіяхъ, сдѣланныхъ въ Устюжской четверти, утверждалъ, что въ Устюжскомъ уѣздѣ волостей впустѣ немного; что, хотя посадскіе люди и бьютъ челомъ государю, будто бы у нихъ на посадѣ пустота есть, однако у нихъ пустоты нѣтъ, а наоборотъ много дворовъ прибыло послѣ писцовыхъ книгъ; что въ Шольской волости пустоты нѣтъ и десятаго, а въ Подосиновской и пятаго жеребья, т. е. $^1/_{10}$ и $^1/_5$, и что „тѣхъ волостей мужики многія лѣта въ государеву казну никакихъ податей не платили, били челомъ государю, будто тѣ ихъ волости пусты всѣ, въ томъ имъ и льгота была учинена“ [2]). Принявъ къ свѣдѣнію эти показанія знающаго устюжскія обстоятельства дѣльца, приходится недовѣрчивѣе отнестись къ жалобной реторикѣ мірскихъ челобитныхъ и воеводскихъ отписокъ. Но поправка, вносимая подьячимъ, не можетъ однако опровергнуть самаго факта опустѣнія волостей. И самъ онъ его не отрицаетъ, убавляетъ только его степень. На запустѣніе многихъ устюжскихъ волостей въ 144 (1635—6) указываетъ кромѣ воеводы и самихъ волостныхъ міровъ еще одинъ свидѣтель—устюжскій Архангельскій монастырь, владѣвшій деревнями въ уѣздѣ. Монастырь видитъ одну изъ причинъ ухода крестьянъ въ разореніи ихъ незаконными поборами, которые сверхъ казенныхъ податей собираются земскими властями на мірскія нужды, идутъ между прочимъ на содержаніе воеводамъ и подьячимъ и вводятъ волостные міры въ большую задолженность. „И отъ ихъ, государь“, писалъ монастырь, „прирубныхъ лишнихъ денегъ и отъ воеводскихъ и подьячихъ посошныхъ, и отъ двойныхъ кабалъ, и отъ ростовъ многіе крестьяне въ тѣхъ станахъ и волостяхъ, пометавъ свои деревни впустѣ, разбрелися врознь“ [3]). Но есть доказательства опустѣнія деревень и передвиженія крестьянъ на сѣверѣ, совсѣмъ уже не реторическаго характера. Само правительство втеченіе XVII вѣка въ разныя мѣстности Поморья командируетъ особыхъ сыщиковъ или свозчиковъ, которые должны были собирать справки о бѣжавшихъ съ черныхъ земель крестьянахъ, разузнавать о мѣстахъ, гдѣ они поселились и возвращать ихъ

---

[1]) Пр. Д. 1640 № 59.
[2]) Пр. Д. 1646 № 154.
[3]) Пр. Д. 1636 № 76.

на прежніе ихъ участки. Такъ въ Заонежскіе погосты въ концѣ 1640-хъ годовъ былъ посланъ извѣстный намъ дворянинъ Василій Золотаревъ, ретивая дѣятельность котораго по сыску заонежскихъ крестьянъ въ сосѣднихъ уѣздахъ Новгородскомъ и Каргопольскомъ, откуда онъ возвращалъ ихъ опять въ Заонежье, вызвала протесты въ двухъ челобитныхъ: во-первыхъ, дворянства всѣхъ пятинъ новгородскаго уѣзда, а затѣмъ каргопольскаго всеуѣзднаго міра. И тѣ, и другіе, и новгородскіе помѣщики, и каргопольское земство жаловались, что Золотаревъ вывозитъ заонежскихъ крестьянъ, поселившихся въ новгородскихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ и въ Каргополѣ на посадѣ и въ уѣздѣ, не сообразуясь ни съ какою давностью, „лѣтъ за сорокъ и за пятьдесятъ, и больше“. Дворяне въ своей челобитной указывали, что „отъ напрасные сыщицкіе вывозки“ ихъ помѣстья разорены и запустѣли. Правительство въ отвѣтъ на новгородское ходатайство 10 октября 1647 г. предписало Золотареву, продолжая самый тщательный сыскъ бѣжавшихъ крестьянъ, соблюдать однако давность и вывозить крестьянъ „за пятнадцать лѣтъ или малымъ чѣмъ больше“ со всѣми ихъ животами, причемъ съ дворянъ и дѣтей боярскихъ никакихъ сверхъ того „доходовъ“, т. е. пожилыхъ денегъ, не взыскивать; но монастыри должны были въ такихъ случаяхъ платить еще пожилыя деньги. Въ отвѣтѣ на каргопольское ходатайство также сдѣлано было различіе между двумя категоріями земель: черными и церковными. Для черныхъ устанавливалась давность; предписывалось свозить съ нихъ только тѣхъ заонежскихъ крестьянъ, которые поселились на нихъ не далѣе, какъ за 15 лѣтъ; тѣхъ же изъ нихъ, которые застарѣли на черныхъ каргопольскихъ земляхъ, трогать было не велѣно. Для церковныхъ земель никакой давности не полагалось, и поселившіеся на нихъ заонежскіе крестьяне подлежали свозу, сколько бы времени на нихъ ни прожили[1]). Каргопольское ходатайство изобразительно рисуетъ намъ и самую операцію правительственнаго сыска и своза черныхъ крестьянъ. В. Золотаревъ изъ Заонежья пріѣхалъ въ Каргополь 8 апрѣля 1648 г. съ внушительной силой на 37 подводахъ со многими людьми, съ подьячими, стрѣльцами и „съ заплечными мастеры“, палачами. Подобнымъ же сыщи-

---

[1]) Пр. Д. 1647 № 83; Пр. Д. 1647 № 103. Новгородское челобитье. Помѣта: „156 г. октября въ 10 д. Дать грамота къ Василью Золотареву и къ Костянтину Кайсарову, велѣть про крестьянъ всякими сыски сыскивать накрѣпко и выводить крестьянъ за пятнадцать лѣтъ или малымъ чѣмъ больше со всѣми ихъ животы. А за прошлые годы на дворянехъ и на дѣтехъ боярскихъ никакихъ доходовъ не имать, а съ монастырей имать. А неправдою и мимо государевъ указъ ни у кого не имать и ничѣмъ никого не тѣснить и убытка никому ни въ чемъ не чинить“. Пр. Д. 1648 № 39. Каргопольское ходатайство. Помѣта: „Послать грамота въ Каргополь, а велѣть крестьянъ Заонежскихъ погостовъ, которые сошли не въ давнихъ лѣтѣхъ въ пять, шесть и въ десять или въ пятнадцать, высылать на старыя ихъ житья. А которые застарѣли, а живутъ за государемъ на тяглыхъ земляхъ, тѣхъ не высылать потому (неразобрано)..., а которые живутъ за монастыри или за властьми, и тѣхъ высылать всѣхъ тотчасъ“. Ср. Улож. гл. XI, ст. 1.

комъ и свозчикомъ черныхъ крестьянъ на Тотьмѣ въ 1632—33 г. былъ дворянинъ Михайло Бороздинъ, а въ 1646—47 гг. туда же на Тотьму и въ Устюжскій уѣздъ посылался дворянинъ Левъ Микулинъ. Иногда обязанность своза возлагалась не на экстренно командируемыхъ чиновъ, а на мѣстныхъ воеводъ; тѣ и другіе перелагали ее на волостные міры, предписывая имъ сыскивать и созывать бѣглыхъ крестьянъ на ихъ старые участки. Задерживать своихъ бѣглецовъ и возвращать ихъ на старыя мѣста было конечно въ интересахъ волостныхъ и посадскихъ міровъ, такъ какъ бѣгство однихъ членовъ міра усугубляло податную тягость другихъ, остающихся, принужденныхъ платить и за себя, и за бѣжавшихъ, не только за жилыя, но и за пустыя выти по выраженію актовъ того времени. Но такія операціи мірамъ были не подъ силу. Въ связи съ командировкой на Устюгъ Льва Микулина устюжское всеуѣздное земство ходатайствовало объ освобожденіи міра отъ обязанности посылать за бѣглецами посадскихъ и уѣздныхъ людей съ своими подводами, такъ какъ не всегда бываетъ точно извѣстно, куда сошли и гдѣ поселились бѣглецы, живы ли они или нѣтъ въ то время, когда за ними посылаютъ; иногда бѣглецы переселяются въ отдаленные сибирскіе уѣзды, и поѣздка туда и обратно должна потребовать продолжительнаго времени, лѣтъ десяти и больше[1]). Въ концѣ концовъ содѣйствіе самихъ міровъ правительственнымъ агентамъ по свозу крестьянъ ограничивалось сообщеніемъ имъ свѣдѣній о бѣглыхъ съ указаніемъ бѣжавшихъ и мѣста ихъ новаго поселенія[2]). Трудность сыска и возвращенія бѣглыхъ усугублялась еще сопротивленіемъ принимавшихъ ихъ обществъ. Если міру, изъ котораго вышелъ бѣглецъ, было важно его вернуть, чтобы не платить за него податей, то міръ, въ который онъ вошелъ, старался его всячески укрыть и удержать, цѣня въ немъ податную силу и дольщика въ отбываемомъ тяглѣ, и между мірами возникала такая же конкурренція изъ за крестьянъ, какая шла между помѣщиками. Вотъ почему случалось, что командируемыхъ въ волости воеводами для сыска и вывоза бѣглыхъ крестьянъ разсыльщиковъ, приставовъ и цѣловальниковъ встрѣчала возбужденная толпа, грозила имъ и отнимала у нихъ захваченныхъ бѣглецовъ[3]).

На бѣгство крестьянъ указываютъ также и тѣ данныя о пониженіи населенія въ уѣздахъ Тотемскомъ, Сольвычегодскомъ и Двинскомъ отъ 20-хъ годовъ къ серединѣ и къ концу XVII столѣтія, которыя мы уже приводили. Припомнимъ, что въ Тотемскомъ уѣздѣ пониженіе отъ 20-хъ годовъ къ 40-мъ выражается 13-ю %, въ Сольвычегодскомъ и Двинскомъ отъ 20-хъ годовъ къ 70-мъ—18-ю % и 5-ю %. Это пониженіе вовсе не обозначаетъ убыли населенія на сѣверѣ вообще; оно только свидѣтельствуетъ о передвиженіи его изъ однихъ мѣстъ въ другія. Процессъ колонизаціи сѣвера далеко еще не закончился въ XVII вѣкѣ. Мы уже видѣли, что

---

[1]) Пр. Д. 1646 № 52.
[2]) Пр. Д. 1647 № 27.
[3]) Пр. Д. 1647 № 27.

струя колонизаціи направляется въ юго-восточный уголъ Поморья, въ края Вятскій и Пермскій, и въ то время, какъ уѣзды срединнаго Поморья пустѣютъ или пополняются слабѣе естественнаго прироста, Вятка и Пермь дѣлаютъ быстрые и значительные успѣхи. На Вятку какъ разъ и пошли тѣ крестьяне—переселенцы изъ Лузской Пермцы, которые отстрѣлялись изъ луковъ отъ своихъ погнавшихся было за ними одноволощанъ и о которыхъ сообщалъ въ Москву сольвычегодскій воевода. Населеніе Соликамскаго уѣзда въ предѣлахъ переписей 20-хъ и 70-хъ годовъ XVII вѣка увеличилось вчетверо; населеніе Чердынскаго уѣзда съ 40-хъ годовъ по 70-е возросло на 80 %. Особенно печальнаго въ этомъ перемѣщеніи населенія изъ одного угла Поморья въ другой ничего не было; напротивъ, пустынные и, можетъ быть, болѣе удобные для культуры края начинали оживать, суля значительныя выгоды въ будущемъ. Но все же передвиженіе не могло не сопровождаться разстройствомъ въ земскихъ мірахъ тѣхъ мѣстъ, изъ которыхъ шла эмиграція, въ особенности когда уходъ крестьянъ принималъ обширные размѣры. Съ другой стороны должно было протекать немалое время, пока налаживалось устройство новыхъ міровъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда шла иммиграція. Въ общемъ итогѣ земская организація, разстроенная на покидаемыхъ мѣстахъ и не успѣвшая еще сложиться на новыхъ, проигрывала[1]).

Но уходъ крестьянъ изъ міровъ обусловливался не только дѣйствовавшимъ процессомъ колонизаціи. И въ жалобахъ земствъ на уходъ населенія, и при командировкахъ сыщиковъ и свозчиковъ рѣчь шла не только о передвиженіи населенія вообще, но и о выходѣ его съ *черныхъ земель* на болѣе льготныя земли, монастырскія, епископскія, церковныя и частновладѣльческія: служилыя, принадлежавшія Строгановымъ и другимъ поморскимъ вотчинникамъ, вышедшимъ изъ земства и не принимавшимъ участія въ разверсткѣ тягла по круговой порукѣ. На разбродъ крестьянства съ черныхъ земель на церковныя и частновладѣльческія указываетъ переписка свозчиковъ съ приказами. Въ этомъ переходѣ съ черныхъ земель на бѣлыя выражалось стремленіе крестьянъ перемѣнить болѣе тяжелыя повинности на болѣе легкія. Церковная и частновладѣльческая вотчина наносила, слѣдовательно, ударъ земскому міру не только тѣмъ, что выходила изъ его состава, освобождалась отъ участія въ мірскомъ тяглѣ, но и тѣмъ, что переманивала къ себѣ личный составъ міра. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, куда направлялось колонизаціонное движеніе, куда населеніе притекало, можно замѣтить то же явленіе: съ черныхъ земель оно стремится перейти на церковныя и частновладѣльческія. Въ своемъ ходатайствѣ крестьяне Гаенскаго погоста Чердынскаго уѣзда пишутъ о бѣглыхъ изъ погоста, что „тѣ, государь, крестьянишка отъ твоихъ государевыхъ всякихъ непомѣрныхъ налоговъ и сибирскихъ безпрестанныхъ отпусковъ, и отъ великихъ немѣрныхъ правежевъ, и отъ великія бѣдности, и отъ частыхъ сборовъ всѣ разбрелись врознь въ твою же государеву отчину *во льготныя мѣста*, въ

[1]) I, 130.

сибирскіе городы и въ Строгановы слободы, пометавъ свои всякія отчинишка, пашнишка, и сѣнные покосы, и подворьишка всѣ впустѣ". Въ то же время соликамскій воевода, изчисляя въ своей отпискѣ количество бѣглыхъ посадскихъ съ соликамскаго посада въ 123 человѣка, а уѣздныхъ въ 99 человѣкъ, указывалъ, что бѣглецы живутъ въ вотчинахъ Троицкаго Сергіева, Пыскорскаго и Вознесенскаго монастырей, на соляныхъ промыслахъ гостя Григорія Микитникова и Парѳенія Веневитинова, во владѣніяхъ Строгановыхъ и Елисѣева и въ сибирскихъ городахъ. Воеводѣ было предписано свозить бѣглыхъ, соображаясь съ инымъ срокомъ давности, чѣмъ въ Заонежскихъ погостахъ—за десять лѣтъ[1]). Задача сыщика и заключалась въ пополненіи именно черныхъ міровъ возвращеніемъ ихъ тяглецовъ на старыя мѣста; сыскъ крестьянъ, бѣжавшихъ съ церковныхъ и частновладѣльческихъ земель не входилъ въ ихъ обязанность; ихъ посылали устраивать только государственное крестьянство.

Допустимъ всеже, что дѣятельность такого сыщика оказывается успѣшной, что онъ принимаетъ всѣ мѣры къ розыску бѣжавшихъ крестьянъ, извѣщается объ ихъ уходѣ, провѣдываетъ про новыя мѣста ихъ жительства, благополучно привозитъ ихъ оттуда и водворяетъ ихъ на старые участки—какъ эта дѣятельность должна была отражаться на успѣхахъ мѣстнаго самоуправленія? Для его процвѣтанія и успѣха важнѣйшими, кажется, условіями являются привязанность къ мѣстности, отъ которой происходитъ преданность мѣстнымъ интересамъ и хотя нѣкоторая доля свободы, необходимая для самостоятельной дѣятельности самоуправляющихся. Но въ какое положеніе попадалъ возвращаемый на старый жеребій членъ земскаго міра? Могъ ли онъ быть пригоднымъ для самоуправленія элементомъ? Если и можно говорить о *привязанности* его къ мѣстности, то только въ буквальномъ смыслѣ слова, потому что его, возвращая, дѣйствительно, привязывали къ старому мѣсту, отдавая на крѣпкія поруки съ записью, что ему впредь никуда изъ своей волости не сбѣжать. Иногда возвращеннаго крестьянина, если прежній его участокъ оказывается занятымъ, сажаютъ на другой участокъ, даже совсѣмъ въ другой волости[2]). Насильно посаженный и прикрѣпленный поручительствомъ къ своему прежнему обществу, съ которымъ

---

[1]) Пр. Д. 1636 № 81.

[2]) Пр. Д. 1646 № 52. Отписка съ Устюга дворянина Льва Микулина 155 г.: „А мая въ 28 д. прислана ко мнѣ, холопу твоему, твоя государева.... грамота изъ Устюжскіе четверти за приписью твоего государева дьяка Мини Грязева, а велѣно бѣглыхъ крестьянъ, которые въ волостяхъ во крестьянствѣ и въ стрѣльцахъ, и въ ямщикахъ сысканы и впредь сыщутся, сажать на старые ихъ жеребьи, гдѣ кто жилъ. А будетъ на которыхъ жеребьяхъ бѣглыхъ крестьянъ жильцы есть, и тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ велѣно сажать въ тѣхъ же волостяхъ на пустыхъ жеребьяхъ съ порукою, что имъ впередъ изъ тѣхъ волостей не бѣгать; а будетъ которымъ бѣглымъ сыскнымъ крестьянамъ пустыхъ жеребьевъ въ тѣхъ волостяхъ, въ которыхъ они напередъ сего жили, не будетъ, и тѣхъ крестьянъ сажать въ иныхъ волостяхъ, въ которыхъ есть пустыя деревни".

онъ въ иныхъ случаяхъ давно уже порвалъ всякія отношенія, а иногда и къ новому чужому обществу, съ которымъ у него не было никакихъ связей, такой подневольный жилецъ могъ ли ощущать преданность интересамъ опостылѣвшей ему волости, могъ ли онъ быть дѣятелемъ мѣстнаго самоуправленія? Даже и на прочно, повидимому, сидѣвшихъ на своихъ мѣстахъ черныхъ крестьянъ, никуда не уходившихъ и, можетъ быть, и не собиравшихся уйти, правительство XVII в., предполагая въ нихъ замыселъ побѣга, смотрѣло тревожными глазами, какъ на птицъ, готовыхъ встрепенуться и улетѣть при первомъ удобномъ случаѣ. Въ одной изъ грамотъ тотемскому воеводѣ А. Головину изъ Устюжской четверти въ 155 (1646—47) г. предписывалось сбирать всѣ подати сполна на всѣхъ крестьянахъ и не только уже возвращенныхъ бѣглецовъ, но и *всѣхъ крестьянъ*, даже и никогда не бѣгавшихъ, „подавать на крѣпкія поруки съ записьми, что имъ самимъ никуда не убѣжать и свою братью бѣглыхъ крестьянъ сыскивать и провѣдывать и, провѣдавъ про нихъ, гдѣ они живутъ, сказывать тебѣ“ [1]). Естественно было такихъ птицъ покрѣпче запирать въ ихъ податныя клѣтки; ихъ и связываютъ теперь сѣтями двоякой поруки. Во-первыхъ, все волостное общество скрѣплено было общею круговою порукой, гарантировавшей уплату обществомъ податей за неплательщиковъ; во-вторыхъ, если впрочемъ подобные только что приведенному указы исполнялись, волощане должны были связываться между собою системой частныхъ сосѣдскихъ поручительствъ, переплетавшихъ все общество и обезпечивавшихъ самое пребываніе его членовъ на мѣстѣ. Юридическое положеніе черныхъ крестьянъ не было опредѣлено какою нибудь общею нормой. Старинные крестьяне не были крѣпостными, такъ какъ не давали на себя никому никакихъ письменныхъ крѣпостей; но и о свободѣ ихъ можно вести рѣчь только съ большими оговорками. Вышеприведенные указы о поручительствѣ и о свозѣ сошедшихъ съ своихъ участковъ черныхъ крестьянъ изъ за монастырей, даже безъ ограниченія какою-либо давностью, свидѣтельствуютъ о лишеніи ихъ одного изъ самыхъ существенныхъ видовъ свободы, свободы передвиженія и, слѣдовательно, о прикрѣпленіи ихъ къ волостнымъ обществамъ, въ составъ которыхъ они входили. Кажется, состояніе черныхъ крестьянъ въ XVII в. можно обозначить, какъ состояніе крестьянъ, живущихъ на черной государственной землѣ, прикрѣпленныхъ къ волостнымъ обществамъ и обязанныхъ самоуправляться въ интересахъ государственнаго казначейства. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣли на нихъ въ правительственныхъ сферахъ XVII вѣка. Но неволя—плохая основа самоуправленія; оно и вырождалось въ принудительно наложенную на общество фискальную организацію. Посадскіе люди и черные крестьяне не *пользовались* самоуправленіемъ, а его *отбывали*, какъ тяжелую повинность, подобно куріаламъ въ Римской имперіи, возвращаемымъ изъ бѣговъ и прикрѣпляемымъ къ общинамъ. Естественно, что надъ этой казенной организаціей стала выситься бюрократическая власть воеводы.

---

[1]) Пр. Д. 1647 № 27.

Задавленныя тягломъ, лишенныя свободы, какъ необходимой основы самоуправленія, истерзанныя внутреннимъ разладомъ и борьбой, пустѣющія и хирѣющія сѣверныя земства—безпомощны и безсильны. Они не въ состояніи безъ поддержки правительственной власти сладить съ самымъ мелкимъ мѣстнымъ затрудненіемъ; ихъ представители способны только, колѣнопреклоненно окружая тронъ, протягивать къ нему дрожащими руками жалобныя челобитныя. Эти челобитныя, при всемъ томъ вліяніи, которое онѣ оказывали на направленіе правительственной дѣятельности, все же служатъ доказательствомъ слабости самого земства, не могущаго шагу ступить безъ правительства. Даже сама все растущая и все усиливающаяся втеченіе вѣка бюрократія начинаетъ, наконецъ, съ тревогой смотрѣть на упадокъ мѣстныхъ самоуправленій, нужныхъ ей въ качествѣ фискальныхъ орудій. При всѣхъ своихъ успѣхахъ она все же не настолько еще многочисленна, чтобы покрыть всю территорію государства до мельчайшихъ его ячеекъ развѣтвленной сѣтью чиновничества, чтобы обойтись безъ земскихъ организацій. Вотъ почему въ концѣ вѣка правительство начинаетъ принимать мѣры къ поддержкѣ разрушающагося самоуправленія и ограничиваетъ власть воеводъ сначала въ финансовомъ управленіи: и въ области косвенныхъ налоговъ, устраняя ихъ отъ таможенной и питейной администраціи, и въ области прямыхъ, изъявъ изъ ихъ вѣдомства вновь введенную въ 1679—81 гг. стрѣлецкую подать[1]). Затѣмъ въ самомъ концѣ вѣка оно лишаетъ воеводъ по отношенію къ черному тяглому населенію и судебной власти. Таковъ былъ смыслъ городской реформы Петра 1699 г., учреждавшей земскія избы съ выборными бурмистрами по посадамъ. Но на сѣверѣ на почвѣ давняго однороднаго соціальнаго состава посада съ уѣздомъ и благодаря вѣковой всеуѣздной организаціи самоуправленія эти земскія избы получали не посадское, а всеуѣздное значеніе[2]). Освѣженное этой реформой мѣстное самоуправленіе на сѣверѣ продолжаетъ существовать при Петрѣ, и его дѣятельность ясно можно различить подъ оболочкой заведенной Преобразователемъ бюрократической администраціи. Но оно все же вырождается. Въ XVII в. изъ состава земскихъ міровъ вышло крупное землевладѣніе: частное и монастырское. Въ XVIII в. съ изданіемъ учрежденія о губерніяхъ и городового положенія Екатерины II города окончательно обособились отъ уѣздовъ; прежнія широкія всеуѣздныя организаціи разрушились, и волостные земскіе міры обратились въ чисто сословныя волостныя самоуправленія государственныхъ крестьянъ. Къ этому же времени пало и экономическое значеніе Поморья. Основаніе Петербурга, какъ извѣстно, подорвало поморскую торговлю, отвлекло торговое движеніе отъ Бѣлаго моря къ Балтійскому, и этотъ нѣкогда кипѣвшій жизнью край, сохранявшій на своемъ строѣ печать новгородской вольности, на долгое время замеръ.

---

[1]) А. И. V № 274.

[2]) См. нашу статью „Разборъ сочиненія г. Кизеветтера Посадская Община въ Россіи XVIII ст.“ Отчетъ объ XI присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова. Чт. О. И. Д. Р. 1906 г. кн. 4, стр. 25, 26.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Пр. Д. 1632 № 30.

Списокъ съ посыльные слово въ слово. Лѣта 7140 г. іюня въ 3 д. Соли Вычегодской уѣзда Пачеозерскіе волости Княжесельскіе стороны земской розрубной цѣловальникъ Данило Григорьевъ сынъ Лобанцовъ да Княжесельскіе стороны крестьяне Михайло Васильевъ сынъ Ватолинъ, да Степанъ Егуповы дѣти Щербаковы, Игнатъ Ядрихинскихъ, Третьякъ Гавриловъ Чирковъ, Осипъ Ивановъ Бѣльской, Иванъ Трифоновъ Кадцынъ, Василей Семеновъ Чер....., Степанъ Алексѣевъ Ильиныхъ, Михайло Андреевъ сынъ Ушаковъ, Тимоѳей Кондратьевъ Макаровскихъ, Тимоѳей Ивановъ сынъ Савиновъ, Зеновій Григорьевъ сынъ Вологжениновъ, Михайло Швецовъ, Антипа Качаловъ, Девятой Петровъ Рудаковъ, Иванъ Панкратовъ Большой, Трифонъ Аникіевъ Бѣлыхъ, Сава Харитоновъ Ильиныхъ, Семенъ Фроловъ сынъ Кондратовыхъ, Леонтей Михайловъ сынъ Захѣевъ, Иванъ Андреевъ сынъ Крошихина, Аѳанасей Анисимовъ сынъ Мелентьевыхъ и всѣ крестьяне Пачеозерскіе волости Княжесельскіе стороны приговорили есмя въ посыльщики къ Москвѣ бити челомъ государю царю..... о (всяк)ихъ мірскихъ нужахъ и бѣдностехъ, каковы челобитья они пошлютъ съ посыльщикомъ Михайломъ Ивановымъ сыномъ..... новымъ или каковы челобитные они Пачеозерскіе волости Княжесельскіе стороны цѣловальникъ и крестьяне къ Москвѣ пришлютъ и противъ прошлаго старосты Еремея Бояркина къ отвѣту по порушной московской, и за міръ ему, Михайлу посыльщику, во всемъ стояти. А на мѣсяцъ ему, посыльщику московскому Михайлу, ряжено по полутора рубля мірскихъ денегъ, сколько онъ, посыльщикъ Михайло, за мірскимъ дѣломъ на Москвѣ ни живетъ. А на подводахъ ему, посыльщику Михайлу, къ Москвѣ и съ Москвы ѣхать на своихъ и наймовати своими деньгами, и перевозы и мостовое платити своими деньгами изъ своего помѣсячнаго. А какъ онъ, Михайло, съ Москвы пріѣдетъ, и ему въ московской издержкѣ во всемъ именно цѣловальнику и всѣмъ крестьяномъ Княжесельскіе стороны и отчетъ дать. А живучи ему на Москвѣ все пить и ясти и дорогою ѣдучи не изъ мірскихъ денегъ да и пошлины по городомъ платити своими же деньгами. А живучи ему за мірскимъ на.... и за дѣломъ на Москвѣ, о своемъ дѣлѣ ни о какомъ не бить челомъ. А

буде на Москвѣ Усольскаго уѣзда изъ волостей посыльщики о какихъ мірскихъ всеуѣздныхъ дѣлахъ станутъ бить челомъ государю, и ему, Михаилу, съ ними тожъ о мірскихъ всякихъ бѣдностехъ бити жъ челомъ государю. А писати ему, Михайлу, всякая московская издержка на память именно порознь по статьямъ. А будетъ у него, Михайла, мірскихъ денегъ не достанетъ, и ему на Москвѣ какъ мошно по дѣлу смотря займовати, а намъ, цѣловальнику и крестьяномъ Княжесельскіе стороны съ него, Михайла, снимати то мірскими сборными деньгами. Въ томъ ему посыльную дали. Посыльную писалъ по мірскому (приговору) Княжесельскіе стороны крестьянъ Пачеозерской (дьячекъ?) Ивашко Ивановъ сынъ Матушкинъ. А позади..... Къ сей посыльной Ивашко Андреевъ руку приложилъ.—Аѳоня Анисимовъ Мелентьевъ руку приложилъ.

№ 2.

Пр. Д. 1637 № 18.

Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу..... бьютъ челомъ богомольцы твои государевы Устюга Великаго соборные церкви протопопъ Василей съ братьею да Троицкаго монастыря игуменъ Іона съ братьею, Ивановскаго монастыря черной попъ Измайло съ братьею, да сироты твои Устюга жъ посаду земскіе судейки Тренка Пушниковъ съ товарищи и всего Устюжскаго уѣзда судейки и цѣловальники, и всѣ посадскіе люди и волостные крестьяне. Съ прошлаго, государь, 121 г. по 129 г. на Устюгѣ посадѣ и во всемъ Устюжскомъ уѣздѣ твою государеву таможенную пошлину и кабацкую прибыль сбирали на тебя, государя, устюжскіе таможенные и кабацкіе выборные головы, а цѣловальниковъ, государь, съ ними было въ таможнѣ и на кабакѣхъ только по 12 человѣкъ; а имали, государь, пошлину съ товаровъ и съ торговыхъ людей по твоему государеву указу и по уставной грамотѣ дяди твоего государева блаженной памяти царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всея Русіи. А собиралось, государь, всего тогда таможенныхъ и кабацкихъ денегъ на посадѣ и въ уѣздѣ по 129 г. но 2000 руб., а кабаковъ, государь, было на посадѣ и въ уѣздѣ только три кабака. Да мы жъ, богомольцы твои и сироты, въ тѣ годы платили съ посаду и съ уѣзду твоихъ государевыхъ данныхъ и оброчныхъ, и ямскихъ денегъ, и всякихъ податей тысячъ по шести и по семи, и по осми на годъ. И такова, государь, твоя таможенная и кабацкая служба и твои государевы всякія подати были намъ, сиротамъ твоимъ, вмочь и не въ изгоню. И во 129 г. по твоему государеву указу присланъ съ Москвы на Устюгъ въ таможенные и въ кабацкіе головы гость Михайло Смываловъ, а велѣно ему твоя государева таможенная пошлина и кабацкая прибыль сбирать на тебя, государя, вправду по твоему государеву крестному цѣлованью; а онъ, Михайло, забывъ твое государево крестное цѣлованье и дѣлалъ не по твоему государеву указу своимъ самовольствомъ, хотя отъ тебя, госу-

даря, быть въ жалованьи и въ милости, и въ чести и учинилъ въ Устюжскомъ уѣздѣ многіе прибавочные кабаки и цѣловальниковъ въ таможню и на кабаки взялъ съ посаду и съ уѣзда при прежнихъ годѣхъ втрое больши: тридцать человѣкъ и велѣлъ твою государеву таможенную пошлину съ насъ, сиротъ твоихъ, съ товаровъ и съ плотишковъ, которые плаваютъ съ хлѣбомъ къ Холмогорамъ и которые пріѣзжаютъ изъ волостей на Устюгъ съ продажнымъ хлѣбомъ для окупу и платежу всякихъ твоихъ государевыхъ податей имать при прежнемъ со всякихъ товаровъ и съ хлѣба пошлину вдвое и втрое и собралъ онъ тѣхъ лишнихъ денегъ при прежнихъ годѣхъ съ пять тысячъ рублевъ. И послѣ, государь, гостя Михайла Смывалова по твоему государеву указу по вся годы учали присылать съ Москвы таможенныхъ и кабацкихъ головъ и по нынѣшнее время, и въ тѣ, государь, прошлые годы присыланы на Устюгъ многія твои государевы грамоты въ съѣзжую избу и въ таможню къ головамъ, а велѣно твою государеву пошлину и кабацкую прибыль сбирать и дѣлать такъ, какъ гость Михайло Смываловъ. И послѣ гостя Михайла Смывалова тѣ головы, будучи на Устюгѣ, стали заводить кабаки на посадѣ и въ уѣздѣ многіе вновь безъ твоего государева указу для кабацкія прибыли, а себѣ хотя видѣти отъ тебя, государя, за тое службу милость и жалованье и годъ отъ году учали таможенныхъ и кабацкихъ цѣловальниковъ имати съ посаду и съ волостей при Михайловѣ году Смывалова втрое и больше и твою государеву таможенную пошлину имать неправдою немѣрную, что съ кого замѣрятъ, то и возьмутъ, а не противъ твоихъ государевыхъ указовъ и уставныхъ грамотъ и прибирали сверхъ гостя Михайла Смывалова на всякой годъ тысячъ по шести и по семи и больши, выслуживаючи отъ тебя, государя, милостиваго слова и жалованія, а насъ, сиротъ твоихъ, въ конецъ губячи и прибавили, государь, сверхъ Михайловыхъ кабаковъ Смывалова въ уѣздѣ больши двадцати кабаковъ. А таможенныхъ, государь, и кабацкихъ цѣловальниковъ нынѣ послѣ Михайлова году емлютъ больши 70 человѣкъ въ годъ, а сбирается, государь, нынѣ таможенныхъ и кабацкихъ денегъ больши 13.000 р. И тѣ таможенные и кабацкіе головы велятъ тѣмъ цѣловальникомъ на посадѣ и въ уѣздѣ на питуховъ питье наметывать сильно. Да сверхъ, государь, тѣхъ кабаковъ тѣ головы затѣяли собою безъ твоего государева указу своимъ самовольствомъ для своей къ тебѣ, государю, выслуги, а насъ губячи, учали посылать съ посаду и съ волостныхъ кабаковъ кабацкихъ цѣловальниковъ по волостемъ и по деревнямъ съ гуляями кабаки съ твоимъ государевымъ питьемъ. И пріѣхавъ они, цѣловальники, въ волости ко крестьяномъ въ домишка съ питьемъ сильно, а съ собою привозили многихъ голышей кабацкихъ ярыжныхъ и на крестьянъ кабацкое питье наметывали сильно жъ, и въ кабацкія росписи тѣ цѣловальники на многихъ крестьянъ написывали многія лишнія деньги рублевъ по десяти и по двадцати, и по 30, и больши. А у тѣхъ, государь, росписей въ ихъ крестьянъ мѣсто ничьихъ рукъ нѣтъ. И на тѣхъ крестьянехъ головы по тѣмъ росписемъ деньги правили сильно немѣрнымъ правежемъ, которой крестьянинъ отъ роженія на кабаки не ходитъ, и на тѣхъ написываютъ и правятъ сильно, а побить

челомъ тебѣ, государю, головы къ Москвѣ тѣхъ крестьянъ не отпустятъ, держатъ за приставы скованыхъ и въ тюрьмѣ морятъ многое время. А инымъ бѣднымъ крестьяномъ до Москвы доволочися нечѣмъ. А на Устюгѣ твои государевы воеводы въ томъ указу не чинили, потому что, государь, имъ въ таможенное и въ кабацкое дѣло вступатися отнюдь не велѣно. И тѣ, государь, головы что хотятъ, то и дѣлаютъ. А послѣ году тѣ головы таможенныхъ и кабацкихъ цѣловальниковъ считаютъ въ кабацкомъ питьѣ по вся годы и начитаютъ на нихъ сверхъ роздаточнаго питья на цѣловальника рублевъ по семидесяти и по осмидесяти, и по 100, и больши и тѣ лишнія деньги правятъ немѣрнымъ правежемъ. А на которомъ цѣловальникѣ не могутъ доправити они упустя, а правятъ на выборныхъ людехъ на волостныхъ крестьянехъ и тѣми своими наметы и правежи насъ, сиротъ твоихъ, разорили и разогнали. Да съ тѣхъ же, государь, цѣловальниковъ со всѣхъ 70 человѣкъ головы емлютъ себѣ на московской отвозъ рублевъ по пяти и больши.

Да въ прошлыхъ же, государь, годѣхъ въ 131 и во 132, и 133, и 134 по твоему государеву указу были на Устюгѣ писцы Никита Вышеславцевъ да Агей Ѳедоровъ и пріѣхавъ почали они съ насъ, сиротъ, просити себѣ многихъ запросовъ и почестей великихъ, что было имъ написать Устюгъ посадъ и уѣздъ при прежнемъ съ убавкою. А мы, сироты, имъ били челомъ, чѣмъ наша мочь ся могла, а не по ихъ великимъ немѣрнымъ запросомъ. И тѣ, государь, писцы, ріяся на насъ, сиротъ твоихъ, забывъ твое государево крестное цѣлованье, дѣлали не по твоему государеву указу, мѣрили и писали лѣсы и болота, и непашенныя мѣста въ пашенныя, а писали, государь, и наши пашенныя земли противъ твоихъ государевыхъ верховыхъ городовъ письменными четвертьми. А у насъ, государь, во многихъ деревняхъ и засѣвныхъ четей противъ письменныхъ четьи нѣтъ. И тѣ, государь, засѣвныя чети въ писцовыхъ книгахъ писаны противъ твоихъ государевыхъ верховыхъ городовъ противъ письменныхъ четьи въ большія сохи, а прибавили на насъ сошнаго письма противъ прежняго вдвое соху на соху. И по тѣмъ, государь, ихъ писцовымъ книгамъ присланы съ Москвы изъ Устюжскіе чети сотныя книги за приписью дьяка Михайла Смывалова, а въ тѣхъ сотныхъ написано Устюгъ посадъ съ уѣздомъ сошнаго письма 241 сошка малыхъ. И по тѣмъ сотнымъ съ сохъ велѣно всякіе твои государевы денежные доходы, данные и оброчные, и московскимъ стрѣльцомъ на жалованье, и ямскія и солдатскія деньги, и сибирской запасъ сбирать. И мы, сироты твои, съ посаду и съ уѣзду на прошлые на 140 и 141, и на 142, и на 143, и 144 годъ сбирали и отпущали въ сибирскіе городы служилымъ людемъ на жалованье деньгами на всякой годъ по 2204 р. 30 алт. и тѣхъ всѣхъ денегъ отпустили 11.224 руб.. А для, государь, тѣхъ сибирскихъ денегъ правежу пріѣзжали въ тѣ годы съ Москвы нарочно дворяне: во 141 г. Андрей Сухотинъ, а во 142 г. Иванъ Милославской и посылали въ волости многихъ приставовъ и стрѣльцовъ, и привозили изо всякіе волости крестьянъ человѣкъ по 10 и больши и изъ тѣхъ денегъ били немѣрнымъ большимъ правежемъ, и имали отъ

того съ насъ себѣ посулы и поминки великіе. И мы, сирота, не претерпя ихъ великаго правежу, занявъ деньги, платили съ великою нужею. И отъ тѣхъ, государь, денегъ многія волости стали пусты. А во 145 и въ нынѣшнемъ 146 году по твоимъ государевымъ грамотамъ велѣно намъ, сиротамъ твоимъ, тотъ твой сибирской запасъ везти на Верхотурье вмѣсто денегъ хлѣбомъ противъ отпуска 132 году 1830 чети безъ третника и полтретника муки ржаной, да за крупу и за толокно 402 чети и пол-третника ржи на годъ. И мы, сироты твои, обдолжали въ конецъ, испродавъ свои достальныя животишка. А тотъ твой государевъ сибирской хлѣбной запасъ отпущали на Верхотурье съ цѣловальники, а ставилася, государь, намъ всякая четверть запасу и съ провозомъ съ Устюга до Верхотурья больши пяти рублевъ. И за два, государь, годы за тѣ хлѣбные запасы отъ насъ вышло денегъ 20.040 р. А ставилась, государь, того запасу четверть дорого, потому что Устюгъ отъ Верхотурья удалѣлъ больши 2000 верстъ, а учинился того запасу отпускъ скорой, что твоя государева грамота прислана на Устюгъ поздно и отпущали тотъ хлѣбной запасъ по самому зимнему послѣднему пути въ великой постъ. А на Верхотурьѣ, государь, запасныхъ цѣловальниковъ и извозчиковъ таможенной и кабацкой голова Данило Обросьевъ съ товарищи задерживалъ долгое время, а пріималъ тѣ запасы невскорѣ для своей корысти и посуловъ. А съ верховыхъ, государь, со всѣхъ городовъ и съ иныхъ съ поморскихъ городовъ: съ Колмогоръ, съ Кевроли, съ Мезени, съ Устьянскихъ волостей, съ Ваги, съ Тотьмы, съ Чаронды, съ Каргополя того сибирскаго запасу ни хлѣбомъ, ни деньгами не сбираютъ и въ Сибирь не отпускаютъ, въ томъ имъ передъ нами твоя государская милость и легкость, а намъ бѣднымъ тягость, отъ того мы въ конецъ погибаемъ. Да въ прошломъ, государь, во 140 г. по твоему государеву указу пріѣзжалъ на Устюгъ дворянинъ Михайло Гурьевъ, а велѣно ему на насъ, сиротѣ, доправить по писцовымъ книгамъ за солдатскіе кормы 12000 рублевъ. И тотъ Михайло пріѣхавъ посылалъ въ волости для правежу приставовъ и стрѣльцовъ и тѣхъ денегъ правилъ на насъ и себѣ великія почести немѣрнымъ правежемъ и изъ волостей насъ, сироту, ималъ на правежъ многихъ людей. Тѣ мы твои государевы деньги съ великаго правежу ему, Михайлу Гурьеву, платили, займуючи деньги, помѣстишка и головы свои иззакладывали.

Да въ прошломъ, государь, во 141 г. присыланъ съ Москвы на Устюгъ тихвинской игуменъ Сергій да дворянинъ Ѳома Квашнинъ, да подьячей, а велѣно имъ сбирати на тебя, государя, съ торговыхъ и съ промышленныхъ людей пятая деньга, а съ пашенныхъ крестьянъ тѣхъ пятинныхъ денегъ сбирать не велѣно, и тѣ, государь, пятинщики мимо твой государевъ указъ своею затѣйкой съ насъ съ пашенныхъ крестьянъ имали пятую деньгу, на комъ сколько укажутъ своимъ произволомъ. И послѣ, государь, тѣхъ пятинщиковъ въ прошломъ во 142 и во 143 году присыланъ на Устюгъ гостиной сотни Михайло Волковъ для другихъ пятинныхъ денегъ, а велѣно было ему сбирати другія пятинныя деньги съ торговыхъ же и съ промышленныхъ людей. И тотъ Михайло Волковъ учинилъ насильство пуще преж-

нихъ пятинщиковъ, насъ, сиротъ твоихъ, пашенныхъ крестьянъ, разорилъ до основанія, посылалъ въ волости многихъ окладчиковъ и приставовъ, и стрѣльцовъ и велѣлъ насъ, пашенныхъ крестьянъ, окладывати пятою деньгою съ хлѣба и съ животины, а иныхъ крестьянъ самъ окладывалъ, смѣтя, кто сколько можетъ и тѣ наши всѣ животишка ималъ на тебя, государя, и велѣлъ насъ тѣмъ приставомъ и стрѣльцомъ мучити, на погостехъ въ колоды садить и подъ колокольни и въ амбары запирати человѣкъ по 50 и больши и на правежѣ бити немѣрнымъ большимъ правежомъ на смерть. А на комъ, государь, тѣхъ пятинныхъ денегъ въ волостехъ доправити не могли и тѣхъ крестьянъ велѣлъ привозити на Устюгъ и садилъ въ тюрьмы и держалъ многое время, а изъ тюрьмы выводя велѣлъ бити на правежѣ ослопы съ утра и до вечера человѣкъ по сту и больши и тѣмъ онъ, Михайло, насъ, сироту, разорилъ до основанія. И о томъ, государь, его великомъ насильствѣ воевода Максимъ Стрѣшневъ къ тебѣ, государю, писалъ къ Москвѣ. А собрали, государь, тѣ обои пятинщики пятинныхъ денегъ съ Устюга съ посаду и съ уѣзду больши 12000 руб.

Да въ прошломъ же, государь, во 141 г. по твоему государеву указу имано съ насъ, сиротъ и богомольцевъ твоихъ, съ Устюга съ посаду и съ уѣзду на твою государеву службу подъ Смоленскъ посошныхъ людей 130 человѣкъ съ лошадьми и со всякою подъ нарядъ посошною снастію. И стояли подъ Смоленскомъ больши году, а тѣхъ посошныхъ людей мы, сирота, наймовали, давали всякому человѣку на годъ по 60 руб. и больши, и вышло на нихъ ратныхъ денегъ больши 8000 руб. И въ томъ, государь, подъемѣ посошныхъ людей мы, сирота, до конца обнищали.

Да въ томъ же, государь, во 141 году по твоему жъ государеву указу дѣлали мы на Устюгѣ посадѣ городъ зимнею порою, лѣсъ купили и плотниковъ наймовали дорогою цѣною, и на то, государь, городовое дѣло вышло денегъ больши 8000 руб.

Да въ прошломъ же, государь, году со 130 г. приходятъ лѣтнею порою въ Устюжской уѣздъ на Югъ и на Двину, и на Сухону изъ вятскихъ пригородковъ и съ рѣки Волги многіе воры разбойники, крестьянъ мучатъ и огнемъ жгутъ, и головы сѣкутъ, и животы грабятъ, и деревни и хлѣбы, и сѣна жгутъ, разоряютъ до основанія, и многихъ лучшихъ и середнихъ крестьянъ въ Устюжскомъ уѣздѣ посѣкли и пожгли и животы пограбили, разорили до основанія. И съ прошлаго, государь, 140 г. и по нынѣшней 146 годъ для того разбойнаго сыску присыланы были на Устюгъ сыщики князь Михайло Бѣлосельской, Василій Беклемишевъ, Иванъ Францбековъ да съ ними подьячіе. И тѣ, государь, сыщики по волостемъ сами ѣздили съ людьми своими и со стрѣльцы. И которыхъ разбойниковъ мы жъ крестьянишка имали и къ нимъ, сыщикомъ, приводили, и тѣ сыщики ихъ розспрашиваютъ, и тѣ разбойники насъ же, сиротъ, оговаривали волостныхъ пашенныхъ крестьянъ и клепали ріяся, потому что ихъ крестьяня имаютъ. И тѣ сыщики, пріѣхавъ въ волости съ палачемъ, и многихъ крестьянъ мучили и напрасную многую кровь проливали, и животишка себѣ имали за мукою. Да съ насъ же, сиротъ твоихъ, имали себѣ и людемъ своимъ,

и лошадемъ кормы и посулы, и поминки великіе, и сбирали посошныя многія на себя деньги. А которые, государь, разбойники переиманы и тѣ всѣ нынѣ на Устюгѣ сидятъ въ тюрьмѣ, да на насъ же, сиротъ твоихъ, затѣиваютъ, подавали сыщикомъ извѣтныя челобитныя въ твоихъ государевыхъ дѣлахъ, избывая своея смерти, какъ бы имъ изъ тюрьмы вышедъ насъ же крестьянъ мучити и разоряти. И тѣ, государь, сыщики намъ, сиротамъ твоимъ, чинили убытки и продажи великія. А тѣхъ воровъ они сыщики въ прежніе годы не вершили. А твои государевы указы къ нимъ были, что ихъ вершить. И тѣ разбойники небреженіемъ сторожей изъ тюрьмы уходятъ и насъ розбиваютъ и пуще стараго.

Да по твоимъ же, государь, указнымъ грамотамъ велѣно намъ, сиротамъ твоимъ, платить съ Устюга посаду и съ уѣзда московскимъ стрѣльцомъ за хлѣбное жалованье и съ навальныхъ писцовыхъ сохъ съ 29 сохъ по 120 руб. И мы, сироты твои, испродавъ свои достальные животишки и скотъ, и хлѣбъ и тѣ деньги въ прежніе годы платили по 3451 р. 30 алт. на годъ и до 145 году. И для, государь, того сбору присыланы съ Москвы изъ стрѣлецкаго приказу сотникъ стрѣлецкой Леонтей Баландинъ и жилъ на Устюгѣ долгое время, больши дву годовъ, и по насъ, сиротъ твоихъ, на посадѣ и въ волости посылалъ многихъ приставовъ и стрѣльцовъ и на правежѣ держалъ, и въ тюрьмы металъ, иималъ себѣ посулы и почести великіе и убытки чинилъ.

Да мы жъ, сирота, по тѣмъ же писцовымъ книгамъ платимъ по вся годы съ 139 году твоихъ государевыхъ данныхъ и оброчныхъ денегъ по 5942 р. 10 алт. Да съ насъ же, сиротъ твоихъ, сбирали ямскіе старосты ямскіе отпуски и на всякіе расходы съ сохъ тысячей по 10 и больши по вся годы. Да насъ же, сиротъ твоихъ, посадскихъ людишекъ и достальныхъ крестьянишекъ, по твоему государеву указу велѣно посылать на твои государевы отъѣзжія дальныя службы въ сибирскіе городы въ заставочные головы изъ лучшихъ людей по пяти человѣкъ. И та твоя государева дальная великая служба намъ, сиротѣ, пришла не въ мѣру въ великую тягость, что тѣ головы живутъ на тѣхъ службахъ годы по четыре, и по пяти, и больши. А впредь, государь, въ такія великія дальныя службы намъ съ посаду и изъ волостей выбирать и посылать некого по..... ѣзду лучшіе и середніе люди по твоему государеву указу взяты къ Москвѣ въ гостиную и въ суконную сотни, а остались всѣ худые и молодшіе люди. И твоя государева вотчина Устюгъ посадъ и съ уѣздомъ отъ многихъ кабаковъ и отъ таможенные немѣрные пошлины, и отъ головъ, и отъ цѣловальниковъ, и отъ частыхъ служебъ, и отъ писцовыхъ книгъ въ немѣрныхъ податехъ, и отъ ямщины, и отъ пятинщиковъ, и отъ разбойниковъ, и отъ сыщиковъ почалъ пустѣть со 140 г., что всякія подати наложены не въ мѣру не въ противъ твоихъ государевыхъ иныхъ верховыхъ городовъ и поморскихъ, и многія, государь, волости и деревни, и на посадѣ дворы запустѣли и нынѣ пустѣютъ. И объ тѣхъ, государь, пустотахъ, видя нашу великую скудость и до конца погибель, прежніе воеводы Максимъ Стрешневъ, Степанъ Хрущевъ и твой государевъ стольникъ и воевода князь Матѳій Васильевичъ Прозоровской

да Иванъ Ключаревъ къ тебѣ, государю, писали многажды именно и наше, сиротъ твоихъ, тебѣ, праведному государю, въ прошлые годы объ томъ челобитье было, и тѣ, государь, воеводскія отписки и наши, сиротъ твоихъ, челобитныя до тебя, милостиваго государя, не дохаживали и твоего государева къ намъ бѣднымъ милостиваго призрѣнія и никакого указу и по нынѣшней по 146 годъ не бывало. А Устюгъ, государь, и съ уѣздомъ отъ часу пустѣетъ, посадскіе люди и волостные крестьяне бредутъ врознь. А мы бѣдные достальные крестьянишка въ тѣ во всѣ прежніе годы животъ свой мучили отъ такихъ великихъ немѣрныхъ податей и отъ насильствъ. И въ нынѣшнемъ, государь, во 146 г. присланы на Устюгъ Великій твои государевы.... многія грамоты за приписью дьяка Пантелѣя Чирикова къ стольнику и воеводѣ князю М. В. Прозоровскому да къ Ив. Ключареву, а по тѣмъ твоимъ государевымъ грамотамъ велѣно на насъ доправити съ посаду и съ уѣзду твои государевы всякія четвертныя доимочныя деньги прошлыхъ лѣтъ; да по твоимъ же, государь, грамотамъ велѣно собрать, а на ослушникѣхъ доправити опричь тѣхъ старыхъ доимокъ данныхъ и оброчныхъ денегъ по окладу 5942 р. 10 алт. да съ сорока дворовъ даточнымъ людемъ на жалованье по 14 руб. 31 алт. 4 д. и тѣхъ денегъ будетъ по сотнымъ книгамъ больше 3000 р. А довелися тѣ деньги взяти на прошлые да на нынѣшней 146 г. московскимъ стрѣльцомъ на жалованье съ большіе сохи противъ прежняго вдвое съ сохи по 240 руб., итого по окладу доведется доправити 6053 р. 31 алт. А на прошлой 145 г. столько же да за солдатскіе кормы на прошлые четыре годы донять 6064 р. 11 алт. 3½ д., да украинныхъ городовъ на строеніе, что отъ татарскаго приходу четвертныхъ денегъ съ большія сохи по 120 руб., итого 3451 р. 32 алт. 3 д. Да по твоимъ же государевымъ грамотамъ велѣно съ насъ же собрати ратнымъ людемъ на жалованье съ двора по два рубли и тѣхъ, государь, денегъ велѣно собрать 15546 р. И въ тѣхъ, государь, во всѣхъ твоихъ государевыхъ денежныхъ доходѣхъ на прошлые годы и на нынѣшней 146 годъ мы, сирота, посадскіе и волостные крестьянишка на Устюгѣ у съѣзжіе избы стоимъ на правежѣ во весь день, животъ свой мучимъ, бьютъ на смерть, а къ ночи мечутъ насъ въ тюрьмы. Да на насъ же, сиротѣ, выбираетъ и правитъ прошлаго 145 году таможенной и кабацкой голова Костянтинъ Парѳеніевъ съ товарищи ямскія и напойныя кабацкія деньги. Да на нынѣшней 146 годъ правитъ ямскихъ же денегъ таможенной голова Павелъ Денисовъ съ товарищи по 15 р. съ сошки, итого 3600 руб., да ружныхъ денегъ 800 руб. И всего, государь, велѣно на насъ доправить на нынѣшней 146 г. всякихъ доходовъ и съ тѣмъ, что указано было взять въ прошлыхъ годѣхъ съ 40 дворовъ и солдатомъ на кормъ, опричь старой доимки и съ сибирскимъ запасомъ больши 60.000 руб. И въ тѣ, государь, доходы мы бѣдные достальные крестьянишка, не перетерпя немѣрнаго правежу, отъ самыя великія скудости уплатили, а въ достальныхъ твоихъ государевыхъ доходѣхъ на прошлые годы и на нынѣшней 146 годъ и по сю пору стоя на правежѣ, животъ свой мучимъ безпрестани, а искупитися намъ бѣднымъ отъ того платежу невозможно, да и нечѣмъ, потому что въ

прежніе годы животишка свои и скотъ, и хлѣбъ въ твои государевы подати испродали и отъ кабаковъ, и отъ немѣрные пошлины, и отъ всякихъ денежныхъ доходовъ, и отъ разбойниковъ, и отъ сыщиковъ, и отъ писцова навалу, и отъ всякихъ насильствъ обнищали въ конецъ; многія волости и деревни и на посадѣ дворы запустѣли и нынѣ пустѣютъ, многіе крестьяне достальные бредутъ врознь и деревни мечутъ впустѣ. А иныя волости до конца запустѣли. Да у насъ же, сиротъ твоихъ, въ прошломъ 145 г. хлѣбъ всякой не родился. Да въ нынѣшнемъ же, государь, 146 г. многимъ посадскимъ людемъ и конечное разоренье, что грѣхъ ради нашихъ вешнею водою рѣкою Сухоною посаду нижній конецъ и за рѣкою Сухоною на Дымковѣ Петровскаго и Семеновскаго, и Пятницкаго, и Дмитріевскаго приходовъ берегъ подмыло поперекъ больше 20 саженъ и дворы посадскіе сломало и снесло до наслѣдка больши 150 дворовъ. А которые, государь, дворишка нынѣ по берегу и остались, и тѣмъ впредь отнюдь не устоять же, что съ прошлаго 144 году, какъ подмыло и снесло городовую осыпь, и Сухона рѣка пошла впредь на посадъ, а крѣпить, государь, отнюдь не.... и невозможно, и перенесть и ставити посадскимъ людемъ дворишковъ негдѣжъ, что кругъ посадишку облегли кругомъ земли монастырскія и Усольскаго уѣзда Пятницкаго сельца за лучшими людьми гостиныя сотни пашенныя мѣста. А по Двинѣ, государь, рѣкѣ и по Югу въ Устюжскóмъ уѣздѣ въ волостѣхъ многія пашенныя мѣста и сѣнные покосы, и дворы водою смыло жъ и отъ того многіе люди и до конца погибли. Такова, государь, наша стала скудость и большая погибель, а объ насъ тебѣ, великому государю, объ такой нашей великой бѣдности и о писцахъ, и о всякихъ налогахъ, и о нужахъ извѣстить некому, потому что, государь, у насъ лучшіе и середніе люди по твоему государеву указу взяты на житье къ Москвѣ въ гостиную и въ суконную сотни и они съ нами никакихъ твоихъ государевыхъ службъ не служатъ и тягла не тянутъ. И нынѣ мы бѣдные посадскіе и достальные крестьянишка о тѣхъ о всѣхъ своихъ великихъ нужахъ и о послѣднемъ своемъ житьѣ послали къ тебѣ, праведному государю, бить челомъ и милости просить челобитчиковъ, чтобы ты, праведный государь, надъ нами бѣдными надъ достальными крестьянишками умилился, велѣлъ бы о всемъ свой государевъ милостивый указъ учинить и вотчину свою дозрити. А которыя, государь, деревни въ Устюжскомъ уѣздѣ во многихъ волостяхъ разбойныхъ дѣлъ сыщики запечатали и нынѣ стоятъ запечатаны пусты, и всякихъ твоихъ государевыхъ доходовъ съ тѣхъ деревень платить некому, а правятъ съ тѣхъ деревень всякихъ твоихъ государевыхъ податей на насъ же достальныхъ крестьянишкахъ. Милосердый государь,..... пожалуй насъ своихъ государевыхъ богомольцовъ и достальныхъ сиротъ своихъ, призри милостиво, не вели, государь, насъ на правежѣ до смерти побить и вели, государь, въ тѣхъ своихъ государевыхъ податехъ намъ бѣднымъ польготить, а на Устюгъ, государь, таможеннымъ головамъ вели дати свою государеву таможенную уставную грамоту и волостные, государь, кабаки изъ Устюжскаго уѣзда прикажи свесть и впредь не вели быть, а твои государевы всякія подати впредь прикажи платить по старымъ писцовымъ книгамъ письма и мѣры пис-

цовъ Мина Нестерова съ товарищи за приписью дьяка Елизарья Вылузгина, чтобъ намъ бѣднымъ въ твоемъ государскомъ милостивомъ призрѣніи на старыхъ своихъ жеребьишкахъ и съ женишками, и съ дѣтишками побыть не въ разореніи и достальныхъ бы своихъ деревень впустѣ не покинути, а тое, государь, нашу пустоту и что водою смыло на посадѣ и въ уѣздѣ, въ томъ что ты, государь, укажешь. Царь государь, смилуйся.

Къ сей челобитной игуменъ Іона руку приложилъ.

—протопопъ Василей р. п.

—черной попъ Измаилъ р. п.

—протодіаконъ Гаврилъ р. п.

—ключарь попъ Аѳанасей р. п.

—соборный попъ Родіонъ р. п.

—Устюга Великаго земской судейка Васка..... въ Котельниковъ и вмѣсто товарища своего Тренки Пушникова.

—соборной попъ Никита.

—соборной попъ Савва.

—соборной дьяконъ Иванъ.

—Рожественской попъ Андрей и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ.

—Прокопьевской попъ Георгій.

—Происхоженской попъ Григорей р. п.

—Вознесенской дьяконъ Демидъ.

—Происхоженской дьяконъ Михайло.

—Воскресенской попъ Василей и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п.

—Воскресенской попъ Мокей.

—Семеновской попъ Онисифоръ и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ.

—Покровской попъ Василей вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ.

—Спасской попъ Петръ.

—Устюга Вел. розрубной цѣловальничишко Ортемко Оноховской и вмѣсто товарищевъ своихъ р. п.

—вмѣсто устюжанина посадскаго человѣка Ивана Ходутина по его велѣнью Никитка Васильевъ р. п.

—старостишка судецкой Дениско Матѳѣевъ р. п.

—Покровской попъ Осифъ вмѣсто дѣтей своихъ р. п.

—Прокопьевской попъ.....

—Никольской попъ Антонъ и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п.

—Леонтьевской попъ Петръ и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п.

—Вознесенской попъ Михайло вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п.

—Пятницкой попъ Максимъ р. п. и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ.

—(по склейкѣ) Ѳедка Ивановъ.

—Мироносицкой попъ Григорей вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п.

—устюжанинъ Гришка Юрьевъ р. п.

—Прокопьевской дьяконъ Кирило р. п.

—Ильинской попъ Елисѣй вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п.

—Митка Бѣлого р. п.

—устюжанинъ Максимко Шемякинъ.
—Ѳедка Демидовъ.
—Происхоженской попъ Семіонъ и вмѣсто дѣтей своихъ духовныхъ р. п.
—Ивашко Романовъ.
—Иванко Емельяновъ.
—Пятунка Далматовъ.
—посыльщикъ Вондокурскіе волости судей и цѣловальниковъ по ихъ велѣнью Никитка Подсикинъ р. п.
—вмѣсто Юрьева Наволока посыльщика Андрюшки Иванова сына Ковалевыхъ по его велѣнью Степанко Низовцевъ р. п.
—Покровской дьяконъ Семенъ.
—Ивановскіе волости земской дьячекъ Якунка Филипповъ вмѣсто тояжъ волости розрубного цѣловальника Козьмы Трофимова по его велѣнью р. п.
—Ѳедка Безсоновъ р. п.
—Семейка Шапошникъ р. п.
—Павликъ Кабаковъ.
—Петрушка Микитинъ.
—Степанко Копыловъ.
—вмѣсто Бѣлослуцкаго стану посыльщика Пятаго Зашихина по его велѣнью Ивашко Степановъ р. п.
—Лучка Торокановской р. п.
—Аѳонка Михайловъ р. п.
—Тренка Ивановъ р. п.
—вмѣсто Леонтья Суслова по его велѣнью Сергѣйко Васильевъ р. п.
—Петрушка Дмитріевъ.
—вмѣсто Пермогорскіе волости посыльщика Семена Иванова по его велѣнью Ивашко Степановъ р. п.
—вмѣсто Уфтюской волости посыльщика Семена .....лева по его велѣнью Ивашко Степановъ р. п.
—Гришка Клементьевъ.
—Ивашко Яковлевъ.
—Никитка.....
—Ивашко Степановъ.
— . . . . . *(не разобрано)*
—Ѳедка Григорьевъ.

Помѣта. Государь пожаловалъ, велѣлъ о томъ выписать и по выпискѣ велѣлъ доложить себя, государя.

146 г. Августа въ 5 д. выписать, что по окладу всякихъ доходовъ съ нихъ взято и что въ доимкѣ.....

На выпискѣ по еклейкамъ помѣта думныхъ дьяковъ Ив. Гавренева да Мих. Данилова. Она же приведена и въ концѣ отпуска грамоты, гдѣ читаемъ:

147 г. сент. въ 21 д. .....сее выписки слушавъ, устюжанъ посадскихъ

людей и волостныхъ крестьянъ всего Устюжскаго уѣзду пожаловали для ихъ крестьянской скудости и для нашихъ податей, и для хлѣбнаго недороду Устюжскаго уѣзда съ Вондокурскаго стану и съ Орловской, и съ Шолской, и съ Ентальской, и съ Кѣлчанской, и съ Верхопушемской, и съ Утмановской, и съ Шарженской, и съ Халеской, и съ Вохомской волостей, и съ Никольской слободки за кабаки откупныхъ наметныхъ и таможенныхъ денегъ вѣрнаго бранья и съ пустыхъ, и въ которыхъ волостяхъ торговъ и проѣздовъ нѣтъ съ Шолской, съ Яхренской, съ Кичменской, съ Варженской, и съ Брусенской, и съ Городищенской, и съ Опотской (?) всего съ 18 волостей таможенныхъ и кабацкихъ денегъ вѣрнаго бранья всего 936 руб. 10 алт. $4^1/_2$ д. имати не велѣли и въ тѣхъ волостяхъ тѣ тамги и кабаки велѣли свесть, а указали быть тамгамъ и кабакомъ, и банѣ на Устюгѣ В. на посадѣ четырмя тамгамъ да четырмя кабакомъ, да въ Устюжскомъ уѣздѣ въ 8 волостяхъ въ Комарицкомъ стану въ трехъ волостяхъ тремъ тамгамъ, да тремъ кабакамъ, да въ Уфтюской волости двумъ кабакомъ да двумъ тамгамъ, въ Пермогорской и въ Кивокурской, и въ Ягрышской волостяхъ тремъ кабакомъ да тремъ тамгамъ, въ Черевковской волости тамгѣ и кабаку и всего 13 кабакомъ да 13 тамгамъ. А данныя и оброчныя деньги прошлыхъ лѣтъ по нынѣшней 147 годъ велѣли есмя розвести и платить имъ въ четыре года. А съ 40 дворовъ за даточныхъ людей 2905 р. 5 алт. 5 д. да солдатскихъ кормовыхъ денегъ на прошлые годы 6064 р. 8 алт. $1^1/_2$ д. имать не велѣли и въ солдатской приказъ о томъ послать память, и въ приходныхъ книгахъ нашъ указъ записать. А о стрѣлецкихъ деньгахъ велѣли есмя нашъ указъ на выпискѣ помѣтить думному нашему дьяку Михайлу Данилову. А въ помѣтѣ думнаго нашего дьяка Михайла Данилова написано: 147 г. сент. въ 21 д... сеѣ выписки слушавъ, пожаловали есмя устюжанъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ, стрѣлецкихъ доимочныхъ денегъ со 136 по 141 годъ имать не велѣли, а со 141 г. по 146 взять тѣ деньги, розвытя въ четыре года, а что они платили стрѣлецкихъ денегъ со 136 году по 141 г. и тѣ имъ деньги зачесть въ платежъ со 141 г. по 146. И сей нашъ указъ записать въ четверти въ приходную книгу, а въ стрѣлецкой приказъ послать память.

№ 3.

Пр. Д. 1637 № 18.

Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу,... бьютъ челомъ твои государевы богомольцы Устюга В. Троицкаго монастыря съ Гледена игуменъ Іона съ братьею, да соборныя церкви Успенья Пречистыя Богородицы протопопъ Василій съ братьею, Ивановскаго монастыря черной попъ Измайло съ братьею и сироты твои Устюга В. посадскіе судейки Левка Толстоуховъ съ товарищи, и всего уѣзда земскіе судейки и старосты, и цѣловальники, и всѣ посадскіе люди и волостные крестьяне. Въ прош-

ломъ, государь, во 146 г. били мы челомъ тебѣ, государю, о всѣхъ своихъ большихъ нужахъ и подавали челобитную за руками, что на насъ бѣдныхъ писцы Микита Вышеславцевъ да подьячей Агей Ѳедоровъ накинули не въ мѣру сошное письмо. И мы, платячи съ того большого сошнаго письма всякіе твои государевы доходы многіе годы, въ конецъ погибли и обнищали. Да на насъ же были накинуты солдатскіе кормы и сороковыя, и подымныя деньги, и украинныхъ городовъ ратнымъ людемъ на жалованье. Да у насъ же, государь, на Сухонѣ и на Югу были многіе кабаки и тамги опрочь твоихъ двинскихъ кабаковъ, и отъ тѣхъ кабаковъ и отъ немѣрныхъ таможенныхъ сборовъ и досталь мы бѣдные погибли, и многія волости до остатка запустѣли, а въ которыхъ, государь, волостяхъ достальные жильчишка есть нынѣ и то немногіе, и тѣ бѣдные обнищали, платячи всякія твои государевы подати и за сбѣглыхъ крестьянъ, а иное отъ хлѣбныхъ недородовъ, и отъ кабаковъ, и отъ таможеннаго неправаго сбору. И по той, государь, нашей мірской челобитной твоя государская милость надъ нами бѣдными взыскалась: солдатскихъ и сороковыхъ денегъ править на насъ не велѣлъ и кабаки и тамги съ Сухоны и съ Югу свесть велѣлъ, и тому твоему государскому жалованью всѣ мы бѣдные обрадовались, а данныя, государь, и оброчныя и стрѣлецкія деньги прошлыхъ лѣтъ до 146 г. указалъ ты, государь, платить намъ въ четыре года. А тѣхъ, государь, на насъ данныхъ и оброчныхъ доимочныхъ денегъ опричь прошлаго 146 году 2402 р. 16 ал. $1^1/_2$ д.; да московскимъ стрѣльцомъ за хлѣбные запасы да за сибирской запасъ московскимъ стрѣльцомъ донять 3976 р. 26 алт. $4^1/_2$ д. Да на 146 г. данныхъ и оброчныхъ денегъ донять 936 р. 30 алт. съ 1 д., московскимъ стрѣльцомъ допять 3115 р. 20 алт. $2^1/_2$ д.; съ двора по два рубля недоплатныхъ денегъ 10720 руб.; украинныхъ городовъ ратнымъ людемъ на жалованье недоплаты же 709 р. 30 алт. 2 д. И всего, государь, твоихъ государевыхъ всякихъ доходовъ на насъ бѣдныхъ прошлыхъ годовъ 21865 р. 4 алт. $5^1/_2$ д., опрочь того, что съ насъ же указаны взять всякіе твои государевы доходы и сибирскіе запасы на 147 г. И въ тѣхъ, государь, во всѣхъ доходѣхъ и за пустыя волости стоимъ на правежѣ мы, сироты твои, посадскіе людишка и достальные крестьянишка, безпрестани во весь день, а къ ночи мечутъ въ тюрьму потому, что и порукъ по себѣ ото многихъ податей не добудемъ. А большая, государь, намъ бѣда и разоренье и крестьянемъ оскудѣнье отъ кабаковъ и отъ т... что въ Устюжскомъ уѣздѣ на Двинѣ по волостемъ 13 кабаковъ да 13 тамогъ, и на тѣ, государь, двинскіе на кабаки ярыжки съ тѣхъ..... сводныхъ съ сухонскихъ и съ южскихъ перешли, и воровство отъ нихъ учало быть большое, татьбы и разбои, и пожеги многіе. А которые, государь, крестьянишка, не мога претерпѣти многаго правежу, и сберутъ денегъ на твои государевы подати въ уплату, и кабацкіе ярыжные у нихъ вымучиваютъ и до Устюга съ деньгами не допущаютъ. А которые, государь, крестьяне хотя и малое что пропьютъ, и на нихъ цѣловальники по приказу головъ написываютъ напойныя деньги впятеро и вшестеро, и больше, и тѣ приписныя деньги на нихъ правятъ немѣрнымъ правежемъ, и за тѣми,

государь, деньгами и твоихъ государевыхъ податей взять не на комъ. А которые, государь, кабацкіе цѣловальники питье сами пропьютъ или деньгами кабацкими завладѣютъ, и тѣ, государь, деньги кабацкіе головы правятъ на волостяхъ мимо ихъ, цѣловальниковъ, потому что въ выборы по нихъ пишутся волостьми и пошлину емлютъ не противъ твоихъ государевыхъ прежнихъ уставныхъ грамотъ. Да Устюгомъ же, государь, посадомъ и уѣздомъ платимъ сибирской многой запасъ и въ Сибирь на Верхотурье отвозимъ собою, а ставится, государь, намъ всякая четверть съ отвозомъ по 10 руб. и больши. Да мы жъ, государь, отпущаемъ подводы подъ твои государевы казны и подъ воеводъ и дьяковъ, и головъ, и гонцовъ, и подъ всякихъ посланниковъ, которые ѣздятъ съ Москвы въ Сибирь и ко Архангельскому городу, и въ иные городы, и изъ тѣхъ городовъ къ Москвѣ. Да въ Устюжскомъ же, государь, уѣздѣ прежніе разбойные сыщики Василій Беклемишевъ и князь Михайло Бѣлосельскій, и Иванъ Францбековъ по язычнымъ молкамъ у многихъ крестьянъ животишка переписали и запечатали, а ихъ пересажали въ тюрьму, а подати съ ихъ жеребьевъ, что они тянули оплачиваемъ мы жъ бѣдные. А которые, государь, животишка ихъ и хлѣбъ описанъ, и то все погибло, и животишко всякое съ безкормицы попадало. А иныхъ, государь, городовъ важане, и двиняне и кеврольцы и чаронжане сибирскихъ запасовъ не платятъ и не отвозятъ, и подводъ черезъ Вагу не отпущаютъ. И въ томъ намъ бѣднымъ передъ ними тягость. Да въ прошломъ, государь, во 143 г. по твоему государеву указу ѣхали съ Холмогоръ Прохоръ Даниловъ да голова стрѣлецкой Ондрей Кубасовъ съ сотниками и съ рядовыми стрѣльцы пятьсотъ человѣкъ въ сибирскіе городы на Тюмень съ женами и съ дѣтьми своими. И въ Устюжскомъ уѣздѣ на Ягрышскомъ яму и въ Кивокурской волости имали подводы, и сверхъ подводъ голова Андрей Кубасовъ и съ сотниками вымучили себѣ сильно у мірскихъ сборщиковъ твоихъ государевыхъ данныхъ и оброчныхъ сборныхъ мірскихъ денегъ 362 р., и отъ того ихъ насильства многіе крестьяне обнищали и въ твоихъ государевыхъ данныхъ и оброчныхъ деньгахъ и по се число искупитись не можемъ и животъ свой мучимъ на правежѣ безпрестани. Милосердый государь..... вели, государь, на Устюгъ къ таможеннымъ головамъ дати свою государеву таможенную уставную грамоту и волостные достальные кабаки и тамги изъ Устюжскаго уѣзда съ Двины, что головы вновь учинили безъ твоего государева указу, прикажи, государь, свесть и впредь не вели, государь, быть; и въ сибирскомъ хлѣбномъ запасѣ вели, государь, намъ бѣднымъ польготить, чтобъ намъ, сиротамъ твоимъ, въ твоемъ государскомъ милостивомъ призрѣніи на старыхъ своихъ жеребьишкахъ съ женишками и съ дѣтишками побыти не въ разореніи и достальныхъ бы своихъ деревнишекъ впустѣ не покинуть. И зимними пути вели, государь, по прежнему ѣздить черезъ Вагу къ Колмогорамъ и съ Колмогоръ. И въ Устюжскомъ уѣздѣ пустоты дозрить кому ты, государь, укажешь, чтобъ намъ бѣднымъ достальнымъ крестьянишкамъ за тое пустоты на правежѣ побитымъ не быть, и головы Андрея Кубасова съ сотниками въ насильствѣ свой царской указъ учинить. Царь государь, смилуйся.

Къ сей челобитной игуменъ Іона р. п.
—протопопъ Василей р. п.
—Ивановскаго монастыря черной попъ Измаилъ р. п.
—земской судейка Левка р. п.
—земской судейка Насонка и въ товарища своего Меньшого Захарьева р. п.
—староста судецкой Безсонко Аѳанасьевъ р. п.
—цѣловальничишко Кирилко р. п.
—Ивашко Романовъ р. п.
—Андрюшка Кондратьевъ вмѣсто Ягрышской волости выборнаго человѣка Микиты Харитонова, ... волости Сергѣя Козьмина, Пермогорской волости .... Петрова по ихъ велѣнью р. п.
—Ивашко Степановъ р. п.
—Ѳедка ....цынъ р. п.
—Савка Ивановъ р. п.
—вмѣсто Юскіе трети выборнаго человѣка Савы Розницына по его велѣнью Петрушка Дмитріевъ р. п.
—вмѣсто Комарицкаго стану цѣловальниковъ Семена Иванова По....кина, Луки Григорьева Коновалова, Пятаго Фокина по ихъ велѣнью Ѳедотко Ѳедоровъ р. п.
—Еремка Григорьевъ р. п.
—Васка Емельяновъ р. п.
—Миша Никифоровъ р. п.
—Якуня р. п.
—Васка Батаковъ
—Иванко р. п.
—Ивашко Пестеревъ р. п.
—Якушка Ивановъ Ширяевыхъ р. п.
—Ивашко Емельяновъ р. п.
—Якунка Ивановъ р. п.
—вмѣсто Нововышлаго стану земскаго судейки Микиты Козьмина по его велѣнью Гришка Ѳоминъ р. п.
—Степанко Низовцевъ р. п.

На челобитной помѣта думнаго дьяка Михаила Данилова: 147 Апр. въ 9 день государь пожаловалъ, велѣлъ имъ уставную грамоту дать, примѣрясь къ инымъ городомъ, а о кабакахъ и о сибирскомъ хлѣбѣ, и о зимнемъ пути, какъ ѣзживали черезъ Вагу къ Холмогорамъ, велѣлъ выписать и доложить себя, государя.

№ 4.

Пр. Д. 1641 № 30.

Списокъ съ засетки слово въ слово, а въ ней пишетъ.

Лѣта 7147 году ноября въ д. По государеву... указу Соли Вычегодскіе посадскіе земскіе розрубные цѣловальники Иванъ Меньшой Даниловъ сынъ Бояркинъ, да Семенъ Евтихѣевъ сынъ Солодениковъ, да Ѳедоръ Исаковъ сынъ Оглобля, да Суханъ Ѳедоровъ сынъ Пинежанинъ, да Соли жъ Вычегодскіе посадскіе люди Василій Ивановъ Шертемцовъ, Григорей Никитинъ Корытовъ съ братьею, Иванъ Ивановъ Ямского, Иванъ Лукояновъ Протопоповъ, Степанъ Ивановъ Левонтьевъ, Петръ Даниловъ Гогунинъ съ братомъ, Дмитрій Ѳедоровъ Пивоваровъ, Семенъ Яковлевъ Стрекаловской, Иванъ Даниловъ Большой Бояркинъ, Иванъ Кузьминъ Щукинъ, Иванъ Емельяновъ Князевъ, Богданъ Тимоѳеевъ Шулеповскаго, Василій Ѳоминъ Шертемцовъ съ братомъ, Пятой Сергѣевъ Жаравлевъ, Семенъ да Ондрей Пшеничниковы, Кирило Ивановъ Комлевъ съ братьями, Дмитрій Юрьевъ Жилкинъ съ братьями, Василій Гавриловъ Фереферовъ, Трофимко ..... съ братьею, Матвѣй Ѳедоровъ Аврамовъ, Ларивонъ Васильевъ Пивоваровъ, Тимоѳей Кривоносовъ, Семенъ Воронкинъ, Дмитрей Ѳерапонтовъ, Логинъ Ивановъ, Трофимъ Мясникъ, Терентей Ивановъ, Орефа Сафоновъ, Иванъ Пантелѣевъ, Максимъ Омельяновъ, Василій Соловьевъ, Гаврило Звягинъ, Степанъ Шеинской, Стахия Ивановъ, Никита Кожуховъ, Алексѣй Черницынъ, Иванъ да Степанъ Гогунины, Василей да Михайло Костромины, Тимоѳей Сидоровъ, Сава Стрекаловскихъ, Иванъ Бушуй съ дѣтьми, Семенъ Еремеевъ, Дмитрій Михайловъ Бебяковъ съ братомъ, Герасимъ Карповъ Соснинъ, Михайло Курлаковъ, Иванъ Коротановъ съ братомъ, Ѳедоръ Старишего, Иванъ Семенчинъ, Ѳедоръ Гнусинъ, Ермола Ефимовъ, Симонъ Кузнецъ, Михайло Тѣстовъ, Василій Сыромятниковъ, Семенъ Евтихіевъ, Леонтей съ братомъ Серебряники, Иванъ Шаршинъ, Иванъ Ушаковъ, Аѳанасей Микифоровъ, Михей Фотѣевъ, Матвѣй да Сергѣй Мелентьевы, Семенъ да Нечай Ѳедосіевы, Петръ да Гаврила Худяковы, Лука Колычевъ, Жданъ Костянтиновъ, Андрей Яровой, Петръ Сахаровъ, Емельянъ Осиповъ, Михайло Вышеславской, Василій Бачурихинъ, Иванъ Пономаревъ съ братьями, Иванъ Кривоносовъ, Фалелей Семеновъ съ братомъ, Меньшикъ Ивановъ, Михайло Стрекаловъ, Девятой Трескинъ, Третьякъ Шумиловъ съ братьею, Марко Поротовъ, Яковъ да Андрей Вешняковы, Иванъ Сѣдельниковъ, Аѳанасей Колокольникъ съ братомъ, Пятой Плотникъ, Семенъ Пивоваровъ, Власъ Пушникъ, Евсевей Пинежанинъ, Степанъ Замятнинъ, Петръ Охлопковъ, Степанъ Мурошкинъ, Алексѣй Ѳоминъ, Аникій Софоновъ, Иванъ Федяевъ, Аникей Рекишъ, Василей Мезенецъ съ дѣтьми, Алексѣй Ивановъ, Иванъ Ларивоновъ, Иванъ Мокѣевъ, Никита Мосѣевъ, Борисъ Аѳанасьевъ, Володимеръ Стрижиковъ, Жданъ Капустинъ, Григорей Овчинникъ съ братомъ, Григорей да Ларивонъ Галкины, Яковъ Кочневъ, Иванъ Матренинъ, Иванъ Мелентьевъ, Мосей извощикъ, Жданъ Олисовъ, Ѳедоръ Поваровъ, Петръ Дьяконовъ, Семенъ Мелентьевъ, Алексѣй Денисовъ,

Максимъ Стрекаловской, Кузьма Ошурковъ, Семенъ Игнатьевъ, Ярофей Игнатьевъ да и всѣ Соли Вычегодскіе посадскіе лучшіе и середніе, и молодшіе люди засѣли есмя государеву..... дань и оброкъ, и всякія государевы и мірскія подати розрубать и поводить намъ всѣмъ посадскимъ людемъ государева дань по себѣ по животомъ и по промысломъ, и по торгомъ, и по семьямъ, и по лавкамъ, и по дворовымъ, и по лавошнымъ, и по онбарнымъ мѣстомъ, и по полянкамъ, и по пожнямъ, кто чего стоенъ въ Божію правду по государеву крестному цѣлованію другу не дружити, а недругу не мстити. А класть дань государева, какъ на кого доведется по земскому мірскому приговору, что приговорили всѣмъ міромъ тянути государева дань съ 80 руб. бѣлка. А на данной розрубъ приходить намъ всѣмъ посадскимъ людемъ государевы дани розрубать изъ семей по одному человѣку, которые писаны въ окладныхъ книгахъ, а не семьями. А буде которые посадскіе люди на данной розрубъ учнутъ приходити одное семьи человѣка по два или по три, и намъ всѣмъ посадскимъ людемъ тѣхъ людей изъ избы вонъ высылати безпенно для того, чтобъ въ государевѣ въ данномъ окладѣ мірскимъ людемъ никому ни въ чемъ никоторые порухи не было. А на должныхъ людей класти государева дань вполы по сыску по мірскому приговору со 160 руб. бѣлка, которой у него животъ въ промыслу есть. А у которыхъ у посадскихъ людей отданы деньги для росту въ кабалы, и на тѣ кабальныя деньги класть по сыску по мірскому приговору, что приговорятъ всѣмъ міромъ, съ кабальныхъ денегъ тянути такожъ съ 80 рублевъ бѣлка. А у которыхъ у посадскихъ людей промыслы, а животовъ у нихъ нѣтъ, а хлѣбомъ сыти, и на тѣхъ класти государева дань по ихъ промысломъ. А на данномъ окладѣ образъ Пречистые Богородицы поставити на поклонъ и молитись всѣмъ православнымъ крестьяномъ. А на данномъ окладѣ считатись всѣмъ міромъ, всякой животъ и деньги, и дворы, и лавки, и полянки, и пожни, и кузнь серебряная, и платье доброе и середнее, у кого что есть, и порядня мѣдная и желѣзная, и деревянная добрая и середняя, что по мірскому приговору пригодится во счетъ положить, ино класть. А въ утаеномъ животѣ во всякомъ и въ деньгахъ приложитись ко образу Пречистой Богородицы на томъ, что у него больши того живота нѣтъ. А послѣ образа Пречистые Богородицы кто приложится и того человѣка не учитати. А счетъ и верста промежъ собою кто на кого найдетъ двумъ или тремъ человѣкамъ съ однемъ. И одному съ двѣма или съ тремя человѣки на данномъ окладѣ, какъ государеву дань розрубаютъ, давати предъ образомъ Пречистые Богородицы приложитись. А какъ приложится, и тому человѣку счетомъ и верстою ни на кого не находить и на него счету и версты не давать. А что они на данномъ окладѣ другъ на друга начтутъ въ прибавку и та у нихъ прибыль въ міръ не имати, а верстати та прибыль промежъ собою другъ съ другомъ. А которой человѣкъ былъ преже сея засетки у образа Пречистые Богородицы и учтенъ и утаенымъ животомъ уличенъ, и тому человѣку нынѣ и впредь счету и версты ни съ кѣмъ не давати. А что на него впредь всѣмъ міромъ положатъ, то ему и тянуть. А которые посадскіе люди, искупя себѣ деревни,

да живутъ въ своихъ деревняхъ, а животы свои съ посаду розвозили по своимъ деревнямъ, избываючи посадскихъ податей, а посадскими всякими торги торгуютъ и промышляютъ и на тѣхъ людей государева дань и оброкъ класти, и что на нихъ міромъ положатъ по ихъ торгомъ и по промысломъ, то имъ и тянуть. А которые посадскіе люди живутъ на посадѣ, въ волостяхъ искупили пожни и на тѣхъ посадскихъ людей на тѣ ихъ купленыя пожни по купленой цѣнѣ по сыску, которая пожня чего стойна, государева подать класти. На государевы четвертные всякіе подати розрубать, лучшихъ и середнихъ, и молодшихъ людей на данномъ окладѣ не проходить никакого человѣка, окладывать рядомъ всѣхъ посадскихъ людей. А послѣ даннаго розрубу счету и версты ни съ кѣмъ никому не давати. А которой человѣкъ въ отъѣздѣ, а на данномъ окладѣ не былъ и тому человѣку счетъ и верста.... дать предъ образомъ Пречистые Богородицы. Да имъ же, посадскимъ цѣловальникомъ Ѳедору Оглоблѣ съ товарищи, брать государева дань и оброкъ и съ Вычегды рѣки съ рыбныхъ ловель съ Усть-Виляди и до Нижного ....расу и съ Терюшкина болота съ дровъ, и съ сѣнныхъ покосовъ, и съ лавокъ, и съ онбаровъ, и съ харчевыхъ избушекъ, и съ лавочныхъ, и съ онбарныхъ мѣстъ, и съ кузницъ, и съ хлѣбныхъ и съ калачныхъ полковъ, и съ саней по государевой сотной по мірскому приговору безпенно, а намъ, посадскимъ людемъ, тѣхъ земскихъ посадскихъ цѣловальниковъ Ивана Бояркина и Семена Евтихеева, и Ѳедора Оглоблю, и Сухана Ѳедорова во всякихъ государевыхъ податехъ и въ дѣлѣхъ, и въ данной поклатдкѣ (sic), что на кого міромъ положатъ, и въ погорѣлыхъ дворовыхъ и лавочныхъ мѣстѣхъ и онбарныхъ въ пустыхъ, и въ кабальныхъ мірскихъ займѣхъ, и въ ростахъ, и въ памятехъ убытка не привести никотораго. И для государева и земскихъ всякихъ дѣлъ на приговоры приходить и цѣловальниковъ ни въ чемъ не ослушатись. А которой насъ, посадскихъ людей, учнетъ цѣловальниковъ своихъ ослушатись или бранить и на приговоры не приходить, и намъ, посадскимъ людемъ, тѣхъ огурныхъ людей съ цѣловальники съ приговору мірского, доложа государева воеводы, садить въ тюрьму безпенно до государева указу. А намъ, цѣловальникомъ, безъ мірскихъ людей никакого дѣла не дѣлати, а міру посадскихъ людей слушати. А намъ, посадскимъ людемъ, за цѣловальниковъ и за посадскаго пристава за Мишку Старцова стоять, отъ сильныхъ людей отъ пустограевъ и отъ горлановъ отъ всякаго насильства оборонять и ни въ чемъ не выдавать въ государевѣ и въ земскомъ дѣлѣ. А ему, Мишкѣ, цѣловальниковъ слушать во всемъ, куда пошлютъ, ходить безъ ослушанія. И на огурныхъ, и на невыплатныхъ людей намъ, посадскимъ людемъ, съ цѣловальники и съ приставомъ стояти вмѣстѣ и правити государева дань и оброкъ, и всякіе мірскіе розметы безпенно по мірскому окладу и убытка не привесть къ цѣловальникомъ въ государевѣ дани и оброкѣ, и въ московскомъ, и въ сибирскомъ запасѣхъ, и въ ямскихъ посошныхъ и повытныхъ деньгахъ, и во всякомъ мірскомъ дѣлѣ никоторыми дѣлы. А пьянымъ людемъ на данный розрубъ не приходить, а кто придетъ пьянъ и того вонъ садить безпенно. А которой посадской человѣкъ у Соли на посадѣ, а не въ отъ-

ѣздѣ, а на данной разрубъ со дни съ поранья не придетъ и на того человѣка государевы дани и оброку прибавить безпенно за ослушанье, что на него ни положатъ міромъ, то ему и тянуть; и цѣловальникомъ посадскимъ и всѣмъ міромъ въ данномъ окладѣ, что на кого міромъ прибавятъ по сей засеткѣ и отъ того человѣка цѣловальниковъ и мірскихъ людей не подать ни въ чемъ и убытка не учинить никотораго. А которые посадскіе люди нынѣ и впредь не учнутъ государева указу слушать и цѣловальниковъ станутъ ослушатца, какъ на мірской всякой совѣтъ позовутъ, и не учнутъ приходить государевыхъ податей розрубать и для всякихъ земскихъ и обыскныхъ дѣлъ, и по тѣхъ огурниковъ и ослушниковъ посылать приставовъ изъ хоженаго и въ избылыхъ безъ податей никому не быти и для государевыхъ и земскихъ дѣлъ ходить, и цѣловальниковъ и посадскихъ людей ни въ чемъ не ослушатца. А на боярскіе дворы имъ, цѣловальникомъ, почести носить на пріѣзды и на владычни праздники. А въ простые дни, о чемъ доведется побить челомъ, ино почести носить со всего мірского совѣту съ мірскими людьми вмѣстѣ. А въ кабалы денегъ безъ мірского совѣту не займовати, а буде въ государевыхъ четвертныхъ въ денежныхъ доходѣхъ въ которыхъ нибуди или въ запасѣхъ учнутъ ставить цѣловальниковъ на правежъ, а денегъ у нихъ не будетъ или деньги будетъ въ невыборѣ и имъ, цѣловальникомъ, тѣхъ невыплатныхъ людей ставить на правежъ въ свое мѣсто. А невыплатныхъ людей не будетъ и денегъ у цѣловальниковъ нѣтъ же, и намъ, посадскимъ людемъ, съ ними, цѣловальниками, ставитца на правежъ всѣмъ вмѣстѣ за одинъ человѣкъ до измыслу. А буде кто учнетъ на нихъ цѣловальниковъ бить челомъ государю о данномъ окладѣ или о иномъ какомъ нибудь о мірскомъ дѣлѣ, и намъ, посадскимъ людемъ, за нихъ, цѣловальниковъ, стояти и ни въ чемъ ихъ никотораго не подать и убытка имъ, цѣловальникомъ, не учинить. А какъ имъ, цѣловальникомъ, въ службѣ годъ отойдетъ и новыхъ цѣловальниковъ въ ихъ мѣсто поставятъ, и имъ, цѣловальникомъ, въ приходѣ и въ расходѣ отчетъ дать имянно вправду передъ Спасовымъ образомъ. А намъ, посадскимъ людемъ, послѣ сроку ихъ сочесть тотчасъ и отчетныя памяти по счету имъ дать безо всякаго спору и безволокитно и убытка имъ за отчетомъ не учинить никотораго. А буде имъ, цѣловальникомъ, въ нашемъ посадскомъ мірскомъ дѣлѣ какой въ чемъ ни будетъ убытокъ учинится и намъ, посадскимъ людемъ, тѣ ихъ убытки по сей засеткѣ подымать все сполна мірскими сборными посадскими деньгами. Въ томъ имъ, цѣловальникомъ, со всего мірского посадскаго совѣту сію засетку дали. Засетку писалъ по цѣловальниковъ и мірскихъ людей велѣнью земской посадской дьячекъ Максимко Тимоѳеевъ. А у подлинные засетки позади пишетъ руки мірскіе и на склейкахъ.

Къ сей засеткѣ Семейка Яковлевъ р. п.
— Васка Ивановъ Поповъ р. п.
— Митка Ивановъ.
— Ѳетка Аѳанасьевъ Старишево.
— Миша Стрекаловъ.
— Митюша Бебяковъ.
— Митка Ѳерапонтовъ.
— Петрушка Сахаровъ.
— Иванко Матфѣевъ.
— Мишка Павловъ.

— Агаѳонко.
— Петруша Гогунинъ.
— Мишка Павловъ.
— Сергѣйко Яковлевъ.
— Филка Семеновъ.
— Аѳонка Ивановъ Савина р. п.
— Ѳедка Гавриловъ.
— Андрейко Дмитріевъ р. п.
— Микитка Ѳоминъ.
— Максимко Ивановъ.
— Ивашко Федяевъ.
— Олеша Денисовъ.

№ 5.

Пр. Д. 1652 № 101, лл. 103—105.

Лѣта 7161-го ноября въ 29 день по государеву цареву и великого князя Алексѣя Михаиловича всеа Русиі указу и по подписнои челобитнои за помѣтою Тимоѳия Кузмина велено Варженскои волости земскому судьѣ Климу Павлову, церковному старосте Прокопью Полиектову, Василью Артемиеву, Ивану Митроѳанову, Ивану Никиѳорову верстат Варженскои волости крестиян вытьми добрыми против добрых вытеи, а середние против середних, а худые против худых, а верстатца самим меж себя вправду перед образом Спасовым. И земскои судья Климъ Павлов с товарыщи в тои волости выти верстали прямо вправду по государеву цареву и в. к. Алексѣя Михаиловича всеа Русиі крестному целованью с тяжелых деревень збавливали, а на легкие прибавливали и в том написали поверстнои список, а у поверстки с судьею и с выборными людьми были крестияне Иван Леонтиев, Харитон Ѳедоров, Ѳедор Яковлев, Ѳилипъ Захаров, Прокопеи да Яков Ивановы, Михаило Иванов, Антон Аноѳрѣевъ, Третякъ Даниловъ, Дмитреи Шипицын, Пантелии Григоревъ, Иван Ѳедотов, Семен Иванов, Семен Малцов, Иля Ѳилатов, Семен Ѳерапонтов, Михаило Григоревъ, Василеи Яковлев, Логин Ѳедоров, Гуреи Некрасов, Зиновеи Евсиевъ, Пантелии Евсиевъ, Лука Козминъ, Евсивеи Ѳедоров, Игнатеи Василевъ, Оѳонасеи Троѳимов, Тихон Мосиев, Иван Семенов, Нестор Оноѳимов, Архипъ Семенов, Дороѳеи Алѳимов, Леонтеи Семеновъ, Кирило Ѳедоров, Матвии Василевъ, Бажен Лукин, Ѳедор Прокопиевъ, Улян Ѳедоров, Игнатеи Михаилов, Ларионъ Сидоров, Ѳедор Василевъ, а поверстав выти и розрубили земскому судьѣ Климу Павлову собрат с Варженскои волости государевы данные и оброчные денги и с отвозом против прошлого 160-го году с выти по полтретя рубли, а собрав ему заплатит въ государеву казну да и впред всякие государевы доходы збират, а нам крестияномъ платит по сеи поверстнои докуды миром поволят, а тое поверстная подклеена под сею памятю за руками. Писал по мирскому велѣнью земскои дьячек Ѳетка Жерихин.

Саково Костянтину (Горбищево Дмитрею 3 ос.) (Прокопю) [1]) Третяку

[1]) Обозначенное скобками въ подлинникѣ зачеркнуто.

6 ос., Окулово Бажену, Григорю, Овдоте, Третяку, Дмитрею, Тимоѳию пол 5 ос., Онтоново Агапе, Бажену, Лазарю 4 ос., Улиткина Харе, Панку, Митке, Сенке, Мише пол 6 ос., Иверенево Козмѣ, Климу, Семену, Сысою, Михаилу, Ѳетку, Сенке, Пашку пол 4 ос., Ѳевцово Ивану з детми полвыти, Берсенево Ивану, Исаку, Евсивю чет выти, Пашино Овдоте, Василю, Семену пол 5 ос., Малиново Ивану, Семену выт, Стрюково Андрѣю, Григорю, Ивану, Матвию, Полаве пол 7 осмины, Макарова Зотику, Богдану, (Макару) Бажѣну з братом 5 ос. и чет ос., Митихино Пыховым Семену, Василю 6 ос., Ондроново Ѳеоилу, Игнатю, Ареѳе, Овдокиму, Евсивю 5 ос. и чет ос., Марилово Евсивю, Алѳиму (Алимку) 5 ос., Ареѳинскои починокъ Епиѳану, Семену, Алексѣю, Михаилу, Алексию пол 6 ос., Пасная Аносу, Ларіону (Ивану, Ивану) 4 ос., Чистяково Ѳедору, Ѳомѣ, Василю, Павлу, Ивану, Лукѣ, Епиѳану пол. 2 ос. и чет ос., (Заимище Игна.... Овдокиму трет ос.), Якимовское заимище Анисиму, Климу, Василю, Ларіону, Семену, Соѳонку, Козмѣ полвыти, Дрокино Григорю, Игнатю, Василю, Григорю, Ѳедосю, Емеляну 8 ос., (Третница Артемью, Емельяну, Павлу, Михаилу, Ивану оброку рубль). Двѣ трети Мякилницына Аѳонасю, Ѳилипу, Власу, Воробю полвыти, Удачино Якиму, Степану, Богдану, Василю (Андрѣю) выт, Смолниково Пыховым 5 ос., Спицыно Василю, Третяку з братом, Ларіону, Андрѣю, Логину пол 5 ос., Борисово Ивану, Игнатю, Семену, Василю, Трене пол 3 ос., Минино Самоилу, (Петру) Якову, Семену 5 ос., Качалово Климу, Яроѳию, Михаилу, Василю полвыти и чет ос., Юрцово Ивану, Пантелию чет выти, Степановскои починокъ Игнатю, Семену, Захару, Максиму, Саве, Ермоле, Ждану пол 5 ос., Насоново Ѳедору Пыховым, (Ульяну) пол 4 ос., Онтушево Бажѣну, Василю, Елесию, Ильѣ 2 ос. и 3 чети ос., Соболево Титу, Климу, Игнатю, Зиновю, Семену пол 7 ос., Старина Ивану, Игнатю, Семену пол 4 ос., Смолниково Сысою, Михаилу, Климу 3 ос., Козмино Сысою, Михаилу, Семену 5 ос., Микляево Сысою, Михаилу, Климу, Семену, Якову пол 6 ос., Ковыкино Овдоте пол 6 ос., Тропыгино Ильѣ, Игнатю, Аѳонасью, Ивану, Тихону, Лазарю з братом пол 4 ос., Климовская Аѳонасю, Ивану, (Тихону) полвыти, Володинская Ивану, Савину, Илѣ, Игнатю, (Ѳедору) 5 ос., Кочюрино Михаилу, Антону, Тимоѳию (Ѳедосию, Козьмѣ) полвыти, Пожарово и Зарубино Усовым, Соболеву, (Крику), Харитону, Ивану, Василю полторы выти съ осминою, Митино (Бажену), Ѳилипу, Харитону, Ивану выт с осминою и пол ос., Третяково Ивану, Юрию, Нестеру 3 ос., Осиево Василю, Гуре 3 ос. и 3 чети ос., Косарево Ивану, Василю, Сысою, Ивану 2 ос. и 3 чети ос., Щетинино им же да Игнатю чет выти и чет ос., Оксеново Ивану, Евсивю, (Спиридону) 3 ос., Тиунцево Кирилу, Козмѣ, Ивану, Семену, (Якову, Ларіону) полвыти,.....[1]) Упирево и Трохино Раменье Максиму, Нехорошку, Саве, Оске 7 ос., Загаре Прокопю, Парѳеню, Елкѣ, Васке 6 ос., (Луково полосмины), Тонково (Ильѣ), Матвию, Дорохе, Васке пол 6 ос., Некрасово

[1]) Строка вычеркнута.

(..сте), Андрѣю, Ѳилипу пол 5 ос., Аистово Григорѣю, Ивану, Ильѣ, Елесию, Павлу, Ѳеонѣ выт, Щекотово Ивану, Михаилу, Якову, Якову 5 ос., Бутусово Володимеру, Сидору, Петру 5 ос., Будрико Володимеру, Максиму 7 ос., Урюпино Архипу (Левѣ, Овдоте) 5 ос., Мохнаткино Якиму, Ѳедору, Логину, Перѳирю, Прокопию, Ѳилипу, Якову пол 6 ос., Тихоново Ѳедору, Пантелию пол 5 ос., Нечаиково Андрию, Антропу, Митке, Саве полвыти, Чернцово Обраму, Ѳедору чет выти, Гашковская и Кузнецыха Прокопию, Якову, Бажѣну пол 6 ос., Белозерово Володимеру, Петру чет выти и чет ос.

Остров Удачинскои оброку рубль 20 алтынъ. Якушино и здорки оброку и с пошлинами полтора рубли 3 алтына, Михалцово ос. Воробеи.

(Гостинои сотни Ивана Якимова Усова з братею деревни Селиваново выт, Кѣкур чет выти, Трет Биричева чет выти и пол ос., Скороходово выт, Дреставище 6 осмин выти.

Деревни гостинои-ж сотни Якова Алексѣева Усова Парѳеново, Матуево, двѣ трети Биричева полторы выти.)

На оборотѣ: К сеи повер(ст)нои памети вмѣсто суди с товарыщи и всѣх крестьянъ по их велѣнию Богословскои поп Зиновеи руку приложилъ.

К сеи поверстнои Якушко Иванов Белогов.

К сеи поверьстнои и розрубному списку вьмѣсто выборных людеи и крестьян, кои в поверстьнои писаны, по их велѣню выборнои человѣкъ Васка Обухов и за себя руку приложил.

Василеи... руку приложил.

№ 6.

Пр. Д. 1634 № 84, лл. 65—68.

Лѣта 7142-го октября въ 15 де. се яз данной целовальникъ Юрьева Наволока Евды и Устьевды Никита Тимоѳѣевъ Тарасовъ да тѣх же волостеи крестьяне Харитон да Козма Игнатьевы дѣти Созонова, Ждан Оникиевъ Блудов, Григореи Ивановъ Верзилов, Пятои Ѳедоров Колпашниковъ, Андрѣи да Кирило Ивановы дѣти Панова, Павел Лукияновъ Ворышаевых, Рычко Михаиловъ Мистрюковъ, Поспѣл Ивановъ Марковъ, Иван Калинников Копыл, Василеи Ивановъ Миструковъ, Иван Пороѳеевъ Мурашкин, Петръ Ортемьевъ Мурашкин, Никита Ермолин Колодников, Пятои Селивановъ, Оброс Третьяков, Девятои Жуковъ, Томило Киселевъ, Меркуреи Соѳронов, Ждан Леонтьевъ, Оверя Пугвишникъ, Гриша Власовъ, Незнаха Семенов, Пятои Шестаковъ и во всех крестьян место Евды и Усть (sic) розрубили есмъ на Устюг Великии ямским старостам Василью Игнатьеву с товарыщи на нынѣшнои на 142-и год ямских денег в первои побор по 15 рублевъ с сошки да в посошное воеводе Максиму Ѳедоровичю Стрешневу и дияку Дмитрею Ключареву по 2 рубля с сошки да ратным дву человѣкомъ в

наемъ на полгода по 10-и рублевъ с сошки, да на становую издершку по рублю с сошки, да въ въ 10 человѣкъ ратным людем, что довелос с Устюга Великого и со всего Устюжеского уѣзда итого розрубили на полгода по рублю с сошки, да за перехожые четверти пашни за даточных людеи с которые четверные пашни посошного человѣка не довелося и по государеву указу с тѣх пашен доправит велено деньгами по росчету во сто рублевъ за человѣка и тѣх денег довелос во сто рублевъ с сошки по 14 алтынъ и тѣх всех денегъ довелося с сошки по 29 рублев по 14 алтын, а всех денег розрубили на белку по рублю по 14 алтын по 2 де.

Дрв. Завотежица на Васке Исакове 7 н., на Пятом Селиванове 2 белки, на Θедуле Семенове 1 де. н., на Стеθане Иванове по Вотежеце бѣлка, на Нехорошем Ананьине бѣлка пол н., на Калинѣ Гибанинѣ пол 8 н., на Ондрѣи Ивановѣ бѣлка пол н., на Михаиле Калининѣ 5 н., па Поспеле Богданове пол 7 н., на Миките Колодникове 7 н., дрв. Володинские на Томилке Киселеве белка пол н., дрв. Власовская на Девятом Жукове пол 7 н., на Обросе Третяткове белка пол н., на Оθонасье Калининѣ бѣлка пол 2 н., на Вознесенскои земле 5 н., на Обросе да на Максиме бѣлка 6 н., Оксенъ уплатил 1, на Даниле Ондрѣеве бѣлка 3 н., Троеимовское на Семене Шестакове бѣлка 3 н., на Спиридоне Михаилове бѣлка пол 4 н., Пенье на Даниле Поспелове бѣлка 2 н., на Миките Тимоθѣеве пол 4 н., на Тимохе Михаилове 3 н., дрв. Лукинское на Якове Павлове пол 4 н., на Якове Власове пол 4 н., Относнои двор Вознесенская земля 6 н., дрв. Потылинское на Сидоре Михаилове белка без н., на Ивашке Григорьеве 3 н., дрв. Огаθоновское на Тимоθие Опекине белка 2 н., на Иване Логинове 1 де., на Пятом Логинове 5 н., дрв. Городишеньское на Василье Мистрюкове 5 н., на Томке Θедякове 5 н., Телѣгова монастыря земля бѣлка пол 4 н., на Пятом Михаилове бѣлка пол н., Ершевская Козме Иванове з братьями 3 бѣлки без полу н.; деревня Ильинское на Рычке Михаилове бѣлка 2 н., на Шестаке Маркове бѣлка пол 2 н., дрв. Марковское на Поспеле Маркове белка 2 н., на Исаке Ковалеве бѣлка 2 н., на Пятомъ Колпашникове бѣлка 2 н., на Θедке Копылове по Глубокому ручью 1 де., дрв. Долгое Болшее на Павле Шестакове 2 бѣлки с полу н., на Пятом Васильеве бѣлка пол 7 н., на Васке Шере пол 10 н., на Даниле Поспелове пол 10 н., да с Пихтовицы н., на Даниле-ж Поспелове бѣлка пол 3 н., дрв. Долгое Меншее на Варваре бѣлка н., на Аннѣ Волчихе 7 н., дрв. Прокудинское на Козмѣ Пятого 4 бѣлки., дрв. Мальцовская на Василие Гниде бѣлка с полу н., на Козме Игнатьеве бѣлка со н., на Харитоне Игнатьеве бѣлка бес полу н., на Григорье Иванове бѣлка бес полу н., Прокопьевская земля 7 н., Маноиловская на Даниле Михаилове 5 н., Прокопьевская земля 4 н., Пихтовица Перша Мурашкин 3 н., на Завьяле Караулове 3 н., дрв. Новое на Ждане Блудове бѣлка 2 н., Ждан Игнатьев пол деньги, на Григорье Игнатьеве деньга, дрв. Ермолинское на Пятомъ Колпашникове бѣлка 3 н., на Иване Колпашникове бѣлка 3 н., на Порохе Мурашкине 7 н., дрв. Шеинское на Миките Тимоθѣеве бѣлка, на Кириле Панове пол 7 н., на Порохе

Мурашкинѣ бѣлка с полу н., на Ондрѣе Панове бѣлка, Гнѣздовская Василеи Гнида и по Новинке пол 4 бѣлки, Лабцозерское полденьги, Осиновои Петръ Мурашкин пол 7 н., на Максимовых дѣтех бѣлка без полу н., на Θедке Ондрѣеве 5 н., на Петре Григорьеве пол 7 н., (Кичакино на Грише Власове пол 3 н.), Оверя полвосмы н., пономар Пантелеи 4 н., Митя Чюлков 6 н., Ждан Павловъ деньга, Незнаха Евдокимов 3 н., Ждан Проскурнин 7 н., Кичакино Василеи Гнида 5 бѣл. без н., Пятои Соболевъ пол 6 н., (Оска Чермнои н., Федоско н.), Давыдко пол 2 н., Меркуреи Соѳронов 2 бѣлки без н., на Θоме белка пол 2 н., дрв. Залебежье Девятои Костянтиновъ бѣлка впусте, Рудакъ Костянтинов деньга впусте, Пятои Шестаков з братьями 2 бѣлки безъ полуторы н., Сава Малышевъ 2 бѣлки пол 2 н., впусте, (Кекуръ) Заболотье поп Потапъ пол 1 де., Иван Шуигин пол 6 н., старецъ Саватѣи 2 бѣлки, Леонтеи Крюковъ бѣлка пол 2 н., Василей Гнида бѣлка пол 2 н., дрв. Омельяновская Ивашко пол 6 н., Оѳоня Θедотов 3 бѣлки 3 н., Ероѳеи Игнатьевъ пол 2 бѣлки впусте, Семои Григорьев пол 6 н., деревня Заимкино Архипъ Тимоѳиевъ 4 н., Степанко Потѣха пол 3 н., Жеребцов 5 н., дрв. Пермиково Тимоѳеи Волынецъ бѣлка без н. впусте, Яков Глинскои бѣлка без полу н. впусте, Гришкино Леонтеи Соболевъ бѣлка 5 н., Пантелѣевы дѣти бѣлка 7 н., впусте, Исакъ Ковалевъ 2 бѣлки 5 н., Θедор Лобан бѣлка впусте, попъ Павелъ 2 бѣлки с полу н., Ісачково Ивана Олександрова 2 бѣлки, Козминское Ондрѣи Ивановъ полторы деньги впусте, крестияновы дѣти полторы бѣлки, монастырская Кочюровская и Шыбановская 4 бѣлки с четвертью, Кепышевское бѣлка, Лукинское Оѳонасеи Θедотовъ бѣлка впусте, дрв. Юрьевская Оѳонасеи Θедотовъ пол 3 бѣлки н., Меншыкъ Серков бѣлка 3 н., дрв. Щипцовская Θедор Щапов бѣлка пол 4 н. впусте, Иван Таскаевъ бѣлка безъ н. впусте, Гласково Ерема Захаровъ пол 2 белки, Стариково Архангльского монастыря и з Биричевым и с Относным дворомъ 2 бѣлки с полу н, с Полупестовских пожен полденьги, Пороха Павловъ и з Биричевымъ бѣлка 2 н., впусте, Телѣгова монастыря Стариково 3 бѣлки без н., Бегнинскои и Олѳеровское 7 н., Серковское пол 2 деньги, с Полушнирихи н., Θедуловское и Сем...овское 3 бѣлки безъ н., с Полупестовских полденьги, Кирило Новиков с Полушнирихи н., Бирючево церковная земля н., Роспашъ Семчино Мишка Тверяков деньга впусте.

На оборотѣ: Брати по сему розрубнику целовальнику Никитѣ Тимоѳѣеву на белку по рублю по 14 алтын по 2 деньги, а кто денег не почнет платити по сему розрубнику или почнетъ избегат и на том збеглом изымав правити деньги нещадно и на женах и на дѣтех и хто на Печищих живет, а пристав ему целовальнику дан для правежу и призывати крестьян з деньгами Леонтеи Ивановъ сын Мистрюковъ.

На полях: Уплатил Нехорошеи $\frac{|\,|}{|\,а|}$ Стеѳан уплатил, $\frac{к|г|}{|\,|}$

Оброз уплатил $\frac{к|з|}{|\,|}$ Яков уплатил $\frac{г|\,|}{|\,|}$ Максим уплатил $\frac{|\,s|д|}{|\,а|}$

№ 7.

Пр. Д. 1634 № 84, лл. 62—64.

Лѣта 7143-го году августа въ 9 день се яз Юрьева Наволока и Евды, и Устьевды даннои розрубной покладнои целовальникъ Аброс Омосов сынъ Вершинских, да яз Козма да Харитон Игнатевы дети, да Григореи Иванов сынъ Верзилов, да яз Пятои Ѳедоров сынъ Колпачников, да яз Андри да Кирило Ивановы дети Панова, да яз Рычко Михаилов Мистрюков, да Павел Лукоянов сынъ Ворыпаевъ, да Ждан Левонтиевъ сынъ Проскурнин, да Иван Логинов Брюхан, да Григореи Власов сынъ Ѳоѳанов, да Иван Пороѳиевъ Мурашкин, да Осипъ Михаилов сынъ Исподочник, Девятои Василевъ Жуков, да Петръ Арьтемьевъ сынъ Мурашкинъ, да Щеснои Устинов сынъ Маръков, да Козма Иванов Марков же и всех крестьян место Юрьева Наволока и Евды, и Устьевды розрубили есмя прошлому целовальнику 142 году Миките Тимоѳиеву сыну Тарасову государевы данные и оброчные деньги за пустые деревни на прошлои на 142-и год по жилым деревнямъ по нам крестьянем, а розрубили мы крестьяне те государевы данные и оброчные денги по государеву указу за печатю воеводы Степана Лукояновича Хрущова за приписю Григорѧ Самсонова, розрубили мы крестьяне за Паршаков остров, что Ждан Слоев оброчил да за Плесца, что Ѳедор Слоев оброчил, да за Горин островок и за Вострецову веретею, итого по розводу довелосе 3 рубля и Луке Андриеву сыну Панову за переходъ в 2 рубля, да устюжескому приставу Саве Заеву в рубль, и всех тех денег розрубили на бѣлку по восми алтынъ по 2 денги, и те ему денги собрати целовалнику Никите по нас крестьянех и заплатити в государеву казну на Устюге Великом воеводе Стеѳану Лукояновичу Хрущову да Григорю Самъсонову, а которои нас крестьян не станет у тех денег платити и огуряца, и намъ крестьяном на огурника и на неплатежных крестьян стояти за един человѣкъ съ нимъ целовальником с Микитою вмисте, да на пристава Оську и на зборщика по 2 денги на бѣлку; деревня Завотежица Васка Исаков 7 н, Пятои Селиванов 2 бѣлки, Ѳедулко Семенов 5 н., деревня Вотежица Ондрико Иванов белка с полу н., Степанко Иванов бѣлка, Нехорошеи Ананинъ белка с пол н., Калинка Степанов пол 8 н., деревня Лысая Гора Поспелко Богданов пол 7 н., Никита Колодников 7 н., деревня Томило Селиванов бѣлка, деревня Власовская Девятко Жуков пол 7 н., Оѳонасеи Калининъ белка со н., Вознесенская земля обѣ деревни бѣлка пол 3 н., деревня Троѳимовская Спиридон Михаиловъ бѣлка пол 4 н., Семион Ѳомин бѣлка пол 3 н., деревня Пене Данилко Поспелов бѣлка пол 2 н., Никита Тимоѳиев 3 н., Тимоха Михаилов 3 н., Збулда Григоревъ 5 н., Максим Третяков 6 н., Аброс Третяков бѣлка с полу н., Данилко Ондриев бѣлка 3 н., деревня Лукинская Яков Павлов пол 4 н., Девятко Жуков пол 4 н., деревня Потылицынская Ивашко Григоревъ 3 н., деревня Огаѳоновская Тимоѳии Огякин бѣлка 2 н., Иванко Логинов денга, Пятунка Логинов 5 н., дрв. Городишинская Васка

Иванов 5 н., Томилко Θедяков 5 н., Телегова монастыря земля бѣлка пол 4 н., Пятои Михаилов бѣлка с пол н., дрв. Ерѣшевская Козма Иванов з братом 3 бѣлки без пол н., дрв. Ильинская Сидор Михаилов бѣлка пол 2 н., Шестак Марков бѣлка пол 2 н., дрв. Марковская Поспелко Марков бѣлка 2 н., Исак Ковалев бѣлка 2 н., Пятои Колпачников бѣлка 2 н., Θетко Копылов по Глубокому ручью деньга, дрв. Долгое Болшее Павел Шестаков 2 белки, Пятои Васильевъ белка пол 7 н., Васка Шера пол 6 н., Данилко Поспѣлов пол 6 н., Спихто Ватицы ѡ н., (sic) Данилко Поспелов белка 2 н., Спихто Ватицов дрв. Долгое Меньшее Варвара бѣлка с осминою, Какшии Ниѳантовъ 7 н., дрв. Прокудинская Козма Пятого белка, Иванко Порѳиев белка, Яков Карпов 2 белки, дрв. Малцовская Козма Игнатьев белка со н., Харитон Игнатьевъ белка без пол н., Григореи Иванов белка без пол н., Прокопьевская земля 7 н., дрв. Маноиловская Данило Михаилов пол 6 н., Прокопьевская земля 4 н., дрв. Пихто Ватица Перша Мурашкин 3 н., Никита Караулов 3 н., дрв. Новая Ждан Аникиевъ белка 2 н., Григореи Игнатьевъ н., дрв. Ермолинская Пятои Колпачников белка 3 н., Иван Колпачников белка пол 3 н., Пороха Мурашкин 7 н., дрв. Шеинская Никита Тимоѳиев белка, Кирилко Панов пол 6 н., Ондри Панов бѣлка, дрв. Кичакино Григореи Власов пол 3 н., Оверя Пугвичник пол 8 н., Пантелеи 4 н., Незнаха Евдокимов 3 н., Жданко Проскурнин 7 н., дрв. Кичакино Костя Попапов 7 н., Пятои Соболев пол 6 н., Оска Чермнои пол 2 н., дрв. Мошаны Θома Савин 6 н., Мерькуреи Соѳронов 2 бѣлки без н., дрв. Заболотье поп Потап пол 2 н., Девятои Шуигин пол 6 н., дрв. Залебежье Пятои Шестаков з братом 2 бѣлки без пол 2 н., Рудак Созонов денга, дрв. Омельяновская Ивашко пол 6 н., Оѳонасей Θедотов 3 белки 3 н., Семои Горяев пол 6 н., дрв. Заикино Архипко Тимоѳиевъ пол 5 н., дрв. Гришкино Левонтеи Соболев бѣлка 5 н., Исак Иванов 2 бѣлки 5 н., дрв. Исачьково Ивана Александрова 2 белки, дрв. Козминское крестьяниновы дети полторы белки, дрв. Меньшиковская Серкова 4 н., дрв. Гласково Ема Захаров пол. 2 бѣлки, дрв. Стариково Архангильского монастыря и з биричевым с относным двором 2 белки с пол н., с Полупестовских пожен 2 н., Телегова монастыря с Полушныриха ѡ н., (sic) с Полпестовских пожен 2 н., Юрьева наволока церковная земля Биричево ѡ н. (sic), а разрубнои список писан с Обросова розрубника Юрьева наволока данново целовальника нынѣшняго 143 году, а розрубнои список писал по мірскому веленью Силка Власов.

№ 8.

Пр. Д. 1627 № 67, л 391—393.

Списокъ съ выбора слово въ слово, а въ выборѣ пишетъ.

134 году декабря въ 5 д. Коротецкіе волости староста Леонтей Александровъ да земскіе судьи Филиппъ Клементіевъ да Андрей Васильевъ, да крестьяня Василей Кѣминъ, Игнатъ Филиппьевъ, Дмитрей Никоновъ, Семенъ Елисѣевъ, Мелентей —левъ, Василей Стефановъ, Василей Захарьевъ, Петръ Малиевъ, Завьялъ Васильевъ, Федоръ Сычуговъ, Иванъ Ми—, Иванъ Сидоровъ, Малій Диевъ, Пятой Леонтьевъ да и всѣ крестьяне Коротецкіе волости выбрали есмя и излюбили у себя въ волостѣ къ деревенской поверсткѣ промежъ собою суднаго цѣловальника Григорья Иванова да крестьянъ Михаила Кѣмина, Дмитрія Андреева сына Кузнеца, Третьяка Спиридонова, Исака Дмитріева, Мик.... Никитина, Первово Емельянова, Пятово Козьмина, Ерему Алексѣева, Сергія Иванова, Власа Аѳанасьева въ томъ, что имъ поверстати въ Божію правду.... прежъ сего верстали въ тяглѣ смотря по землѣ и .... дьямъ съ тяжелыхъ деревень класти на легкія а ..... елѣли написать Короцкіе волости земскому ....ку Семейкѣ Алексѣеву сыну Попову, а позади .... злюба руки отца ихъ духовнаго ильинскаго попа Григорья Алексѣева да суднаго цѣловальника Гри.... Иванова.

Снимокъ съ излюбленные поверстные записки слово въ слово.

Лѣта 7134 году декабря въ 5 день приговорили есми промежъ собя и излюбили въ Короцкой волости староста Леонтей Александровъ да земскіе судьи Филиппъ Клементьевъ да Андрей Васильевъ, да и всѣ крестьяне Короцкіе волости поверстатись деревнями по писцовымъ книгамъ Алексѣя Игнатьевича Зубова, да подьячаго Михаила Невѣрова. А платить намъ по сей поверстной всякіе государевы доходы и мірскіе росходы сполна.

(др.) Погостище полторы выти 2 алтына.

д. Зуевская выть	4	деньги.
д. Скуратова	2	алтына.
д. Басарыгино	6	алт.
д. Олютинская	20	алт. 4 алтына (sic)
д. Загорье	34	алтына.
д. Спѣлова	29	алт.
д. Лукинская	10	алтынъ и со льготною 20 алт.
д. Васисина	6	алт.
д. Васюкова	24	алт.
д. Ивашкова	3	алт. 3 денги.
д. Шамоева	16	алт.
д. Бохтенга	13	алт. 3 д.
д. Соколья	13	алт.
д. Сорокино	13	алт.
д. Марковская	30	алт. 10 ден.

д. Зыковская 14 алт.
д. Скребинская 30 алт. 6 ден.
д. Ромашева 20 алт.
д. Андреева 25 алт. 3 д.
д. Баракова 25 алт. 3 д.
д. Старая Спицына 16 алт. 4 д.
д. Кокорина 6 алт.
д. Киселева и со льготной 22 алт.
д. Бовыкинская 34 алт.
д. Головинская 25 алт. 3 д.

А позадѣ сеѣ излюбленные поверстные записки рука отца ихъ духовнаго ильинскаго попа Григорья Алексѣева да рука суднаго цѣловальника Григорья Иванова.

№ 9.

Пр. Д. 1647 № 14, лл. 556—562.

Выписка из розводного списка. Лѣта 7153-го году июня въ 20 де. памят Шуиского погоста целовальником Остаѳю Ѳедорову да Степану Мелентиеву, да Гордѣю Мокиеву, Карпу Наумову, Григорю Гаврилову, Давыду Ларивонову, да Перхи Микиѳорову, Григорю Игнатеву, Ѳедору Дороѳѣеву, Ѳедору Третякову в том, кому что денег окладывали волосную харчь въ 247 рублев 20 ал. Обложили мы целовалники тѣ денги вправду по сыску по государеву цареву и великого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русиі кресному цѣлованю, отворя церковные двери у Николы Чудотворца, лицо свое перекрестя, сметя по животом кто чего достоит долгом и слободою. Дрв. в Сувисари Немерко Евтехиев 30 ал. без гривны, Зотик Семенов 20 ал. с полугривною, Павша Пянтелиев пол третятцат алтын, Семен да Панѳил Тарасовы 20 ал. с полугривною, Насонко Богданову 4 гривны, Степану Микиѳорову рубль, Григорю Конакову 2 гривны, Климко Троѳимов полтина, Сенка Степанов 3 рубли, Гаврила Тарасов 3 рубли, Тиѳон Бобыл 4 гривны, Сенка Лукерин 4 гривны, Перха Микиѳоров полтретя рубля; дрв. в Ялгубе Кондраш Марков 10 ал., Пятуша Сидоров 13 ал. 2 де., Еѳим Сидоров 2 рубля, Михалка Онуѳрѣев 10 ал., Василеи Панѳилов 20 ал., Ѳилка Онуѳрѣев з братеи рубль з гривною, Григорю Игнатеву 3 рубля, Петрушки Овсѣеву 2 рубля без 10-и алтын з братею, Третяку Иванову гривна, Терентиевым братям полпята рубли, Томилы Юреву полтина, Ивашко Олехин гривна, Неждану Сидорову 2 рубли з двуми гривны, Богдан Нежданов полтина, а Пахом Иванов рубль, Тит Нежданов 20 ал. 2 гривны, Ереміи Нежданов рубль, Овсѣю Ѳедорову 30 ал., Андрѣи Исаков 3 рубли без дву гривен, Корша Микифоров 3 рубли; дрв. в Деревянном Бажен Григорев 20 ал., Ждан Демидов 20 ал., Нестер Осипов полтретятцат алтын, Ѳедор Демидов рубль, Ивашко Иванов полтина, Давыд Ларивонов 3 рубли, Григореи Самсонов полтора рубли,

Дементіи Ильинъ с племянником с Онуѳрѣем рубль, Микита Терентиевъ 20 ал., Яковъ Терентиев полтора рубли, Конашова вдова полтина, Козмина вдова 2 гривны, Корнила Логинов 10 ал., Третякъ Родивонов 2 рубля, Поздѣи Омозов рубль, Трешка Минин 5 ал.; дрв. в Лососинномъ Ивашко Григоревъ полтора рубли, Павша Иванов 10 ал., Василевы дѣти 20 ал., Ивашко Онисимов 20 ал., Гриши Варламову 20 ал., вдовы Сысоевы 10 ал., Самсону Дружинину 3 рубля, Селюшки Макоеву 10 ал., Симоевым дѣтем Мирошки да Юшки рубль; дрв. Бесовец Костя Конанов полтина, Ѳилишко Ларивонов 10 ал., Козма Конанов 10 ал., Мишка Родивонов рубль 2 гривны, Ероѳѣико Елкину 10 ал., Ивашко Елкин 10 ал., вдова Елкина 2 гривны, Левонтіи Иванов рубль, Родивон Ѳилипов 30 ал., Иван Сулгоев 3 рубли, Олешка Сулгоевъ рубль, Сергушка Зубака 2 рубли с четю, Иван Ларивонов 40 алтын, Иван Титов 2 рубли; дрв. Навиданы Прошка Иванов рубль, Захар Кондратев 4 гривны, Юри Кондратев 20 ал., Андрѣи Гаврилов рубль, Бажен Микитин 10 ал., Григорю Гаврилову 40 ал., Юря Степанов полтина, Сенка Яковлев 30 ал., Мишка Василевъ полтина, Ванша Климов 2 гривны, Гриша Родивонов 10 ал., Тимошка Кузмин 20 ал., Бажен Ѳефилов 40 ал., Елеика Петров полтина, Ларка Тимоѳѣев рубль, Исачко Бобыл гривна, Ѳефилко Ѳедоров полтина, Ѳедор Алексѣев 30 ал., Тимошка Тимоѳѣев 60 ал., Микитка Семенов полтора рубли, Самоила Мартуков 2 рубли, Кондрашко Мартуков рубль 20 ал., Ивашко Мартуков 40 ал.; дрв. на Пялозери Якуш Провин 4 рубли, Петрушки Григореву 3 рубля, Гаврилка Юревъ рубль, Мартюша Мелентиев полтора рубли, Онушка Тароев 20 алтын, Костя Тарасев 10 ал., Оѳронку Петрову 10 ал., Ондрѣю Василеву рубль з гривною, Терентіи Василевъ полтина, Прошка Василев полтина; дрв. на Мунозери Степан Махонин 2 рубля, Томила Минин 20 ал., Ѳилип Овдокимов полтора рубли, Третякъ Олексѣев 2 рубли, Якову Пестрикову 4 гривны, Мишка Куриев полтора рубли, Гришка Лукин 10 алтынъ, Клим Еѳимов 2 рубля без чети, Ѳефил Савелев 40 ал., Спирку Яковлеву рубль без чети, Омелки Климову 25 ал., Козма Яковлев полтина, Козма Григорев 10 ал., Кондраш Омозов 25 ал., Ѳилки Савину 4 гривны, Климко Иванов 4 гривны, Ѳедор Ѳомин 4 гривны, Ортюша Кирилов 6 ал., Окул Кирилов 7 ал., Минка Терентиев 2 рубли с четю, Маркъ Троѳимов 20 ал., Игнаш Андрѣев 6 ал., Васка Климентиев 30 ал., Мартуша Михиев полтора рубли, Первуша Дмитриев 2 рубля з гривнои, Ондрюша Данилов пол 2 рубля, Осип Игнатевъ пол 2 рубля, Иван Ѳомин 3 рубли з двуми гривны, Лунбица Иванов гривна, Ортем Ѳомин 12 ал., Карпъ Наумов 30 алтын; деревня на Перть наволоки Илюшка Левонтиев полтина, Яшуков сын 5 ал., Ѳилипко Поташев 10 ал., Иван Ѳекнастов 20 ал., Тит Савелев 4 гривны, Дмитръ Поздѣев 2 рубли с четю, Мишка Савелев полтина, Соѳром Ларивонов 2 рубли, Назар Григорев 3 рубли, Исаико Онисимов 4 гривны, Степанко Посов 4 гривны, Дороѳѣико Посов 4 гривны, Лучка Левонтиев 4 гривны, Савка Власов 4 гривны, Левошкина вдова 10 ал., Насонко Левонтиев полтина; дрв. на Кончезери Петрушка Окулов 20 ал., Ивашко Лукин пол полтины, Степашко

Иванов 4 гривны, Баженко Михаилов 2 гривны, Томила Мокиев 40 ал., Гордѣи Мокиев рубль, Сава Мокиев 10 ал., Ромашко Кондратевъ 20 ал., Степашко Еѳимов 25 ал., Гришка Иванов 10 ал., Иван Колмаков 2 гривны, Олексѣи Ивкоев 2 гривны, Томила Григоревъ 2 рубли без 2 гривен, Михалка Петрушин 25 ал., Дмитреи Якимов 25 ал., Сенка Омеляновъ рубль, Иван Рязин 2 рубли, Пахом Семенов 4 рубли; дрв. в Намоевы Иван Ѳедосов полтретятцат алтын, Степан Мелентиев рубль, Ѳедор Иванов 20 ал., Зулею 40 алтын з гривною, Матвѣю Денисову рубль, Дорошка Андрѣев гривна, Игнатишко Посников полтора рубли, Сидору да Терех 20 ал., Василеи Окулов 40 ал. без гривны, Игнатю Окулову рубль 5 алтын, Василеи Семеновъ 2 рубля 2 гривны, Петрушка Кондрашов гривна; дрв. по Шуе Баженко Савелев полтина, Томила Еѳимов 10 ал., Олешка Еѳимов 2 гривны, Баженко Самсонов 3 рубли, Елисѣи Ларивонов 40 ал., Микитка Ѳедоров 2 гривны, Якову Волкову полчетверта рубли, Дорошка Дементиев пол полтины, Якушко Ротя 10 ал., Агапитка Насонов 2 рубли, Тимоѳѣи Осипов 3 рубля, Спирко Третяков рубль, Тимоѳѣи Григоревъ 2 рубля, Якуш Симакин 4 гривны, Поздеи Савин 10 ал., Остаѳи Ѳедоров рубль, Сидору Левину рубль, Онтипко Сидоров 2 рубли, Андрѣи Карпов 60 ал., Терешка Удувкин 10 ал., Сидор Михаилов 20 ал., Харка Михаилов 30 ал., Сенка Иванов полтора рубли, Лазар Мартемянов рубль, Иван Григорев 10 ал., Михии Ѳедотов 2 гривны, Гордѣи Иванов 10 ал., Олексѣи Яковлев 40 ал. з гривною, Микита Максимов 3 рубли, Гаврила Савелев 2 рубли с четю, Микита Андрѣев полтина, Данила Андрѣев полтретя рубли, Клим Ѳедоров рубль, Ѳедот Федоров 20 ал., Ѳилка Ероѳѣев 30 ал., Ѳедор Дороѳѣев 20 ал., Симашко Онуѳриев 30 ал., Степашко Павлов 12 ал. без коп., Сергии Василевъ 4 гривны, Григореи Андрѣев 10 ал., Пянтуша Андрѣев 5 ал., Ивашко Василев 10 ал., Ермакова вдова 2 гривны, Архипко Пастух гривна, Июда Патракиев рубль, Ерошка Еремиев 23 ал. 2 де., Тихон Микитин 2 рубля без чети, Ѳедор Патракиев з гривною 2 рубли, Михаила Патракиев без гривны пол 2 рубли, Яков Сидоров 5 рублев, Володка Лукин рубль, Ѳедор Иванов без гривны полтора рубли, Трешка Еѳимов полтретя рубли, Оксенку Прокопеву 2 рубли с полтиною, Стенюковым братям Осипку 10 ал., Кюрша 4 гривны, Михалка четверть рубли, Ѳенко Микиѳоров 10 ал., Лучка Старицин 2 гривны, Васка Болтун 5 ал., Дениско Ларивонов 2 гривны. По сему окладу правит денги зборщику Осташки Ѳедорову без недобору, а хто не учнет по сему окладу денег платит и на ослышников стоят всим миром старостою и с волосными людми, а брав денги, ему зборщику отдавати старосты Луки Иванову, а старосты выкупат кабалы волосные.

153-го году іюня въ ... де памят Николского Шуиского погоста старосты Луки Иванову и всим волосным людем кабалным дентам, кому что по кабалам денег платит. Кабала Григорю Алексѣеву да Андрѣю Иванову Чюсову с товарыщи в девяносто рублех, кабала Архипку Прокопеву въ 17 рублех с полтиною, кабала подячим в 10-ти рублех, кабала Тарасю Гаврилову в полуторых рублех, да Якиму Ѳедорову кабала в 3-х рублех,

кабала Муганзию и Ивану въ 2 рублех, кабала Григорю Алексѣеву в 3-х рублех с алтыном, кабала Сергию Василеву в 11-и рублех, кабала Петру Иванову во 60 ал. 2 гроши, кабала старосты Луки Иванову в полтретя рубли, да ему-ж за хмел 20 ал., дано хмел Овдокиму Семенову да он же дал Ивану Ѳѳонасеву на Ошту поедучис рубль, Карпъ Наумов дал на Ошты будучись 6 рублев, кабала Тихону Микитину въ 40 алтын, Игнашко Посников дал в смет 3 рубля, кабала Тихону Яковлеву в 4 рублех при сметным денгам старосты Луки Иванова во 153-м году при Григори Аигустове и при Кулибакине староста Лука Иванов дал своих денегъ 30 ал. 6 де. да на волоснои розход положено 4 рубли, Назар Григоревъ дал в смет на Ошты будучис рубль, Кирила Меншиков с Ялгубы на Ошты будучис в смет дал 10 ал., Иван Ѳомин на Ошты будучис дал в смет 2 рубли с полугривною, Степан Мелихов дал 10 ал., Мина Терентиев дал Гордѣю Мокиеву на Ошты будучис рубль 11 коп., Карпъ Наумов дал на Ошты будучис стрелцом на кормъ старосты Луки 30 ал. да за приставом будучис дано 22 человѣка 2 рубли 2 гривны, у Евсѣя Ѳедорова дано в смет Микиты Кирилову 7 коп., Кирила Микиѳоров дал в смет Ми.... Кирилову 3 ал., у Гордѣя Мокиева дано на Ошты будучис 20 ал., 8 коп., староста Лука дал Дранникову на вино 16 ал. без коп., да у него-ж на кабакъ отдат за вино 12 ал. взято вина при Григори Аигустове Давыдку Курицину за писмо кабатцкои выбор писал староста дат своих денег 2 ал., да Козмы губному староста-ж дал 2 ал., у Гордѣя дано 10 ал., да старосты ставленои рубль, да какъ ездил Ѳетка Дранников на Кузаранскои кабакъ целовалника выбират на староста Лука дал своих денегъ с приезду Ѳетки Дранникову 8 ал. 2 де., Аков (sic) Провин дал на вино 9 алтын, Спир Третяков 2 гроши, Дмитръ Поздѣев дал на вино, 4 ал., Гриша Пуминов дал на вино 10 де., Иван Сулгоев дал на вино 4 ал. с коп., Устенко Нигустровец дал на вино 4 де., Карпъ Наумов коп., Ѳетка Нигостровец дал на вино 3 ал., Мина Терентиев дал на вино гривну, Родюга Ѳилячев 6 де., Устелко Нигьостровец дал в смет в дворовые денги полгривны, Игнашко Посников в дворовые денги 2 ал., Степан Андрѣев в дворовые денги гривну, Поздеи Омозов в дворовыи денги полгривны, Данила Андрѣев дал в смет 20 ал., Иван Сулгоев дал в смет 10 ал., Григореи Гаврилов дал в дворовые денги 4 ал., сувисарец Перха Микиѳоров дал в смет гривну, Гаврила Савелев дал в смет в дворовые денги 8 коп., Степан Мелихов дал в смет полгривны, Томила Шмаков дал в смет в дворовые денги 8 ал. с коп., Томила Мокиев дал в смет в дворовые денги 2 гривны, Сергии Митроѳанов дал в смет в дворовые денги гривну, Бажан Самсонов 20 ал., Иван Титов гривну, Июда Патракиев дал в смет гривну, Ѳедор Иванов Третяков дал в смет в дворовые денги 20 ал. с коп., Яков Иванов Волков дал в смет в дворовые денги 10 ал., Гриши Понамареву за постоялое при Григори Аигустове гривна, Елесѣи Ларивонов дал в смет в дворовые денги 9 ал., Яков Терехов Деревянец дал в смет в дворовые денги 2 гривны, Гриша Варламов дал в смет в дворовые денги гривну, Григореи Игнатевъ дал в смет в дворовые денги

4 ал., Тихон Яковлев дал в смет в дворовые денги пол полтины, Тимоѳѣи Григоревъ дал в смет в дворовые денги 2 ал., Михалка Онуѳриев дал в смет 8 коп., Яков Симакин дал в смет пол гривны, Дементии Ѳедоров Деревянец дал в смет полгривны, Иван Сулгоев дал в смет полгривны, Дементии Ѳедоров Гаврила Тарасевъ дал в смет алтын, Васка Панѳилов дал в смет коп., Баженко Самсонов дал в смет на вино при Дранниковы 4 ал., Яков Провин дал в смет 6 ал., Яков Назарев дал в смет гривну, Дорошки Дементиеву посулили заходу (sic) в Кондопогу и в Нигостров наима 3 ал., у Тимоѳѣя Григорева дано хлеба на гривну, да у него-ж взято двѣ лососи цѣна 2 гривны, понамарю Гуляю за лососи 9 ал., да Насону за лососи полтина, да у него взято в смет при Григори Аигустове 12 ал. Булеевых денег 4 гривны, да тих заемных денег у Ева полтина, у Тита Нежданова взято 8 ал., Давыд Ларивонов дал в смет 8 коп., у Трешки Нигостровского взято 5 ал., Мунозерские волости крестьяне дали в смет денег Василеи Климентиев дал в смет 5 ал., Иван Ѳомин дал в смет 2 ал., Яков Провин дал в смет 10 ал., Мина Терентиев дал в смет полгривны, Дмитръ Савелевъ дал в смет 13 ал. с коп.; Виданские волости Тимошки Кузмину староста Лука Иванов посулил наима по діячка ходит во Святозера наима 2 ал., Федор Дороѳѣев дал в смет при Григори Аигустовы на Ошты будучис 7 ал. да за рож 4 ал., Иванко Веляминов 2 ал., понамарю Гуляю за 2 лососи 2 гривны, у Ѳедора Третякова дано 5 лососеи цена 7 ал., Июды Патракиеву за лососи 17 ал. с коп., у Марины Сидоровои жены хлеба на 11 коп., Ѳедору Третякову за рож 2 ал., у Остаѳя Ѳедорова 3 ал. да у него за рож 2 ал., у Григоря Гаврилова на Ошты будучис хлеб дано 2 ал., да смет дано 2 ал., Оксенко Нигостровец дал Григорю Аигустову 8 коп., Степан Мелентиев дал старосты Луки при Григори Аигустовы четвертину вина цена пол полтины, да у него же Степана староста Лука взял порутчикомъ четвертину вина цена 4 гривны, да діячку Баженку Семенову за писмо и за бумагу, и за петровщину 40 ал. з гривною, да довотчику Васки Кондратеву за всю мирскую ходу полтину, Ондрюшки Микулину за постоялое и за кормъ при Григори Аигустове и при россылщики Ѳетки Дранникове 10 ал., Григорю Алексѣеву да Ондрею Чюсову двоим за ходу 20 ал., целовалником 10-и человѣком по 10-и алтын, Давыд Ларивонов Деревянец дал в смет пол полтины, у Ѳедора Третякова дано грош, дано Овдокиму Павлу Понамареву за постоялое при Григори Аигустове гривна, Карпъ Наумов дал 2 ал., Тихон Яковлев дал 2 лососи цена 2 грив., у Перхи Микиѳорова да у Гаврилы Тарасева, да у Перхи Микиѳорова, да Семена Степанова за корехи Григорю Алексѣеву 2 гроши, у Ѳедора Третякова дано на Ошты будучис 2 ал. за рож, Козмы Савилову губному боярину дано 4 ал., дал денги староста Игнатеи Посников дал в смет при Кулибакине 20 ал., Июда Патракиев дал в смет 2 ал. 2 де., Самоила дал в смет рубль, Микитка Семенов 5 ал., Юри Пепетов 10 ал., Иван Рязин 10 ал., Ленгачев 5 ал., Булеи 5 ал., Иев гривну, Григореи Гаврилов 11 ал., у Тита да у Иева принято за вес Ялгубскои конецъ и сувисарскои всклад 4 рубли

с полтиною, да у нихъ-ж принято 10 ал., с Мунозера у Дубши да у Минки принято денегъ 2 рубля, Семен Степанов, да Гаврила Тарасов, да Перха Микиѳоровъ дали в смет 3 рубля, с Нигьострова Оксенко рубль, Степан Андрѣев дал 5 ал., да у виданцов взято всклад 4 рубля 14 ал. 4 де., да у Григоря Гаврилова дано на Ошты будучис, принял староста в смет рубль, у Григоря Игнатева староста принял в смет рубль, у Игнатя Посникова дано в смет 16 ал., Семен Степанов дал в смет рубль, Карпъ Наумов 10 ал., да он же дал 5 ал., да он же дал грош, да двум дiячком пищего 8 коп., да он же дал за судно 8 ал., да в брусни стрелцом 7 ал., Семешки Иванову дат пол полтины, понамарю Оштинскому дат Богдану Иванову 2 рубля, Давыд Ларивонов дал Деревянец при Григори Аигустове гривну, Трешки Родивонову гривну, Демешки Илину полгривны, Микиты да Якову 2 ал., Баженку Григореву полгривны, Поздѣю Омозову полгривны, Григорю Самсонову алтын, Ѳедору Демидову полгривны, Ивашку Ларивонову алтын, Нестеру Осипову полгривны, Ждану Демидову алтын, Гриши Леницину дат за судно празхи 7 ал., Андрѣю Чюсову за бумагу полгривны, да зборщику наима 40 алтын, Олексѣю Яковлеву за лососи 9 ал., старосты Луки Иванову за бумагу 2 ал., Петрушки Иванову за ходу в Кончезеро да в Намоево и за озеро наима гривна, старосты Луки Иванову при Григори Аигустове за поварню и за сол, и за постоялое, и за крупу, и за денщичество, и за лучину на смык издержали и за дрова за мелкую протор положили рубль, у Петра Иванова дано рыбы при Григори Аигустове на 11 ал., да он же кормил с приходу стрелцов ден 12 человѣкъ стрелцов и проводников за корм 15 ал., старосты Луки Иванову за Оштинскую ходу да при Григори Аигустове и за всю волокиту, и что збирал кормы в Шуи 2 недѣли и на Ошты ходячис 2 недѣли, и при Суими волочилис и за то наима ему Луки рубль, Ивану Понамареву за Оштинскую ходу наиму 20 ал., да староста Лука дал при Дранiниковы на вино 11 ал., Ивану Понамареву за рогозы и за веревки дал 6 ал., староста Лука дал Гаврилки Попова 20 ал., у старосты Луки Иванова стрелцом Аигустовым взяли на дорогу хлебов на 10 алтын с коп., да у него-ж взяли четверть ржы стрелцом на кормъ, а цена 4 алтына да соли въ 2 недѣли здержали при Аигустовых стрелцах рыбу солили лососи на 3 двора на 5 алтын, да у него-ж подвода до Суны взад и вперед с проводником наиму посулили 5 ал. с коп., да у старосты Луки Иванова дано целовальником на рыбу 8 коп., да у него-ж дано при Дранiникове в послѣднеи рубль в подачю 8 коп., да у него же здержали стрелцом Аигустовым крупы на 3 двора четверикъ, а цена алтына да целовальники взяли на окладе будучис полушку ржи цена полполтины, Лучки Старицину за денщичество гривна, у Ондрѣя Чюсова к розводу взяли бумаги десть цена полгривны, у Ондрюшки Олексѣева дано 3 лососи цена 10 ал., а розводнои список писал Шуискои земскои дьячекъ Баженко Семеновъ.

№ 10.

Пр. Д. 1633 № 13, л. 11—17.

Се язъ данной покладной цѣловальникъ Ларіонъ Андріевъ Путанниковъ да староста судецкой Остафей Оксентьевъ сынъ Касаминской, да судной цѣловальникъ Гаврило Павловъ сынъ Буторіевской, да сотской Семенъ Семеновъ сынъ Махинъ, да пятидесятской Девятой Ивановъ сынъ Малетинской, да люди добрые того жъ Олексинскаго стану (*62 человѣка*) сочлись есми по государевѣ царевѣ и великаго князя Михаила Ѳедоровича вся Руси грамотѣ, доложа прошлаго выборнаго земскаго судьи Пятого Мартемьянова сына Ваганскаго да приписного судьи Ѳедора Ѳедорова сына Петлина съ товарищи съ прошлымъ съ даннымъ съ покладнымъ съ розрубнымъ цѣловальникомъ Спиридономъ Овдѣевымъ сыномъ Низовцовымъ полюбовно по его по даннымъ по розрубнымъ книгамъ по приходнымъ и по расходнымъ памятемъ за свои выти, что въ сей счетной имена писаны въ томъ, что тотъ Спиридонъ былъ у насъ въ Олексинскомъ стану въ прошломъ въ 123 г. въ данныхъ въ покладныхъ въ розрубныхъ цѣловальникѣхъ и розрубалъ по насъ крестьяномъ въ Олексинскомъ стану 6 розрубовъ. И по тѣмъ по шти розрубомъ всего ялось на бѣлку во весь годъ по 6 руб. 25 алт. 2 д. А семой розрубъ розрубалъ по насъ жъ крестьянехъ государевъ вытной оброкъ по 2 руб. съ выти. И намъ, крестьяномъ, кои въ сей счетной писаны, до цѣловальника до Спиридона Низовцева по тѣмъ по шти розрубомъ, а по семому вытному розрубу и въ сѣнномъ оброкѣ въ его году и въ цѣловальничествѣ по его по даннымъ по розрубнымъ книгамъ по приходнымъ и по росходнымъ памятемъ, и по отписемъ, и по записемъ, и по всякимъ отписемъ, и по порушнымъ записемъ, и по мировымъ памятемъ, что онъ мирился съ ратными людьми въ переходѣ, а ходили тѣ ратные къ Вологдѣ по государеву наказу въ сходъ ко государеву князю къ Борису Михайловичу Лыкову, и по покладошнымъ памятемъ и по книгамъ по кло.... нимъ по всякимъ письменнымъ путемъ дѣла нѣтъ никакого никоторыми дѣлы. А мнѣ, цѣловальнику Спиридону, до всѣхъ крестьянъ Олексинскаго стану, кои въ сей счетной писаны въ своемъ году и въ цѣловальничествѣ по своему выбору и по своимъ по даннымъ, по розрубнымъ книгамъ, по приходнымъ и по расходнымъ памятемъ, и по отписемъ, и по записемъ, и по ямскимъ отписемъ, и по порушнымъ записемъ, и по міровымъ памятемъ, что язъ мирился за весь Олексинской станъ съ ратными людьми въ переходѣ и по покладочнымъ памятемъ, и по книгамъ по клошнымъ (sic), и по старостинымъ по Григорьевымъ Ветошкина по отпускнымъ книгамъ, и по всѣмъ памятемъ по издержн...., что тотъ Григорей отпущалъ въ мое мѣсто изъ села изъ Олексина по подорожнымъ государевыхъ посланниковъ и усольскихъ розсыльщиковъ волостными жъ деньгами и моего цѣловальникова займу по кабаламъ по выкупнымъ и по не выкупнымъ, что язъ цѣловальникъ займовалъ въ своемъ году и въ цѣловальничествѣ денегъ для волостного земскаго дѣла одинъ или съ волостными людьми и въ томъ во всемъ мнѣ, цѣловальнику, до крестьянъ дѣла нѣтъ никакого никоторыми жъ дѣла. А что начли на меня, цѣловальника,

тѣ крестьяне по даннымъ по розрубнымъ книгамъ по приходнымъ и по росходнымъ по всѣмъ памятемъ моего цѣловальничества 225 руб. 22 алт. 2 д. и въ тотъ начетъ язъ, цѣловальникъ, отдалъ тѣмъ крестьяномъ въ міръ двѣ выписки съ невыборовъ на неплатежныхъ крестьянъ. И по тѣмъ выпискамъ денегъ 41 рубль 22 алт. 2 д., а выписка письма Первушки Максимова сына Протопопова, а другая выписка письма земскаго дьячка Ларки, а матицъ невыборовъ цѣловальникъ на счетъ не клалъ. И по тѣмъ по дву выпискамъ деньги собрати имъ тѣмъ крестьяномъ мимо меня, а мнѣ до тѣхъ денегъ дѣла нѣтъ. А кто будетъ выложитъ противъ тѣхъ выписокъ отпись на мое цѣловальниково имя, и мнѣ, цѣловальнику, противъ тѣхъ отписей стоять самому, ко крестьяномъ въ томъ убытка не привести. А противъ тѣхъ отписей спорныхъ деньги дать мнѣ, цѣловальнику, въ міръ свои, а понадобятца къ дѣлу невыборы противъ выписки и мнѣ, цѣловальнику, тѣхъ невыборовъ не таить и въ міръ выкладывати, съ которыхъ невыборовъ въ міръ выписка дана, а достальными начетными деньгами мнѣ, цѣловальнику, Спиридону выкупить кабала у Соли Вычегодскіе у воеводы Степана Васильевича Голенищева во стѣ руб. Да мнѣ жъ выкупить кабала у Ждана Шергина да у Ивана Шкулева въ 14 руб., что они займовали у Гаврила Вязгина на волостное дѣло въ моемъ году въ Олексинской станъ. И всѣхъ тѣхъ кабалъ, гдѣ будетъ я, цѣловальникъ, займовалъ деньги на волостное дѣло одинъ или съ волостными людьми и тѣ всѣ кабалы выкупать мнѣ цѣловальнику своими деньгами, а до крестьянъ по тѣмъ кабаламъ по выкупнымъ и не по выкупнымъ мнѣ дѣла нѣтъ и убытка имъ въ томъ не привести никотораго. А что кабала у Пятого Судницына съ товарищи на меня жъ, цѣловальника, въ пяти руб. и та кабала выкупить намъ крестьяномъ, а къ цѣловальнику въ той кабалѣ убытка не привести. А что за двумя выписками у меня, цѣловальника, невыборовъ осталось моего году на крестьянъ по всѣмъ по шти розрубомъ, а по семому вытному и въ поженномъ оброкѣ и по тѣмъ по всѣмъ по достальнымъ невыборомъ деньги сбирати мнѣ, цѣловальнику, самому и съ росты и съ убытки, а къ платежнымъ крестьяномъ въ то убытка не привести. А намъ, крестьяномъ, до тѣхъ его достальныхъ невыборовъ дѣла нѣтъ. А что тѣмъ крестьяномъ учинится убытка по кабаламъ по выкупнымъ и не по выкупнымъ моего займу цѣловальникова и по достальнымъ невыборомъ, и по приходнымъ, и по росходнымъ, и по покладочнымъ по мірскимъ памятемъ и мнѣ, цѣловальнику, тѣ убытки со крестьянъ снимати все сполна. А счетчи мы, крестьяне, цѣловальника Спиридона да и книги данные и приходные и всѣ издержечные памяти его цѣловальничества по счету отдали ему жъ, цѣловальнику Спиридону. А написали есмя промежъ собою двѣ счетныхъ: у насъ крестьянъ счетная, а у цѣловальника у Спиридона такова жъ слово въ слово, дьячекъ писалъ одинъ и послуси одни. А на то послуси Первой Максимовъ сынъ Протопоповъ, Ярокурскаго стану земской дьячекъ да Степанъ Ивановъ сынъ Щукинъ, да Жданъ Ѳедоровъ сынъ Куниловской, Ярокурскаго стану крестьяне, да Калина Сидоровъ сынъ Шергинъ, земскій приставъ Олексинскаго стану. Счетную писалъ Олексинскаго стану земской дьячекъ Ларка Герасимовъ сынъ Дьяковъ лѣта 7124 окт. въ 20 д.

№ 11.

I. Пр. Д. 1621 № 9. Челобитье Двинской земли на заказныхъ выборныхъ старостъ; Пр. Д. 1622 № 20. Жалоба Спенцынскаго стана на цѣловальника; Пр. Д. 1624 № 16. Жалоба Лальской волости на земскаго судейку, „норовящаго“ сильному человѣку Д. А. Паломошному; Пр. Д. 1628 № 64. Жалоба вятскаго міра на цѣловальника, отправлявшаго на Верхотурье хлѣбные запасы на жалованье сибирскимъ служилымъ людямъ; Пр. Д. 1628 № 64. Жалоба Мошенской волости Каргопольскаго у. на старосту Е. Поспѣлова, который искалъ въ свою очередь съ міра передъ воеводою своихъ убытковъ 70 руб.; Пр. Д. 1628 № 74. Жалоба Утмановской вол. Устюжскаго у. на цѣловальника и другихъ выборныхъ; въ ней между прочимъ читаемъ: „И отъ тѣхъ старостъ и цѣловальниковъ, и отъ судеекъ, и отъ денежныхъ сборщиковъ та наша Утмановская волостишка запустѣла“; Пр. Д. 1631 № 36. Жалоба Пунемской волости Чарондской округи на бывшаго старосту 134 г., не выкупающаго кабалъ, которыя онъ обязался выкупить на счетѣ и учинившаго тѣмъ міру убытковъ на 12 руб. съ полтиною. Помѣта: „141 г. Генв. 15. Дать грамота, а велѣть ихъ воеводѣ въ томъ дѣлѣ судити“; Пр. Д. 1639 № 44. Жалоба церковнаго старосты и прихожанъ Чадромской Устьянской волости на сотскаго, который норовитъ отвѣтчику въ земельной тяжбѣ прихода съ Я. П. Гнѣвашевымъ; Пр. Д. 1641 № 30. Жалоба Ротковской волости Чарондской округи на прошлаго старосту 147 и 148 гг. Осипа Юрьева: „былъ у насъ въ Ротковской волости въ старостахъ, сбиралъ съ насъ, крестьянъ, твои государевы доходы и мірскіе росходы и сверхъ твоихъ государевыхъ доходовъ и мірскихъ росходовъ собралъ съ насъ, крестьянъ, лишній сборъ по 4 гривны съ выти“ и т. д.

II. Пр. Д. 1631 № 56. Челобитная Ротковской волости Чарондской округи на прошлаго окружского старосту 135—139 гг.; Пр. Д. 1641 № 42. Жалоба Никольскаго и Пречистенскаго приходовъ Вилегодской волости на сольвычегодскихъ всеуѣздныхъ ямскихъ старостъ прошлыхъ годовъ; Пр. Д. 1644 № 53. Жалоба Верхопушемской волости на устюжскихъ ямскихъ старостъ; А. Э. III № 254. Жалоба Ныробскаго погоста на чердынскихъ земскихъ старостъ, нарушившихъ привилегіи погоста.

III. Пр. Д. 1626 № 44. Искъ крестьянина Комарицкаго стана С. О. Ветезева къ разрубному цѣловальнику 133 г. объ убыткахъ въ 10 руб. съ полтиной, причиненныхъ тѣмъ, что цѣловальникъ норовилъ въ сборахъ лучшимъ людямъ, за которыхъ пришлось платить менѣе состоятельнымъ. Просьба о выдачѣ судимой грамоты. Помѣта: „134 г. августа въ 11 д. дать грамота, велѣть дать судъ“; Пр. Д. 1627 № 67, л. 1; Пр. Д. 1627 № 67, л. 206, л. 378 и сл.; Пр. Д. 1628 № 72.: „бьетъ челомъ сирота твой, государевъ, Устюга В. уѣзду Быкокурскаго стану крестьянинъ Исачко Ивановъ сынъ Филиппова. Жалоба, государь, мнѣ того жъ Быкокурскаго стану на прошлаго судейку на Степанка Смолина да на цѣловальника на Трифонка Филиппова. Въ прошломъ, государь, во 134 г. правилъ, государь, на

насъ тотъ судейка и цѣловальникъ своимъ насильствомъ воровски безъ твоего государева указу деньги въ писцовы кормы (т. е. на содержаніе писцамъ) и въ подводы съ нашихъ... деревнишекъ съ полусошки съ вытнаго письма. И мы, государь, искали на нихъ на томъ судейкѣ и на цѣловальникѣ на Устюгѣ В. передъ Емельяномъ Евсеевымъ по челобитной тѣхъ своихъ денегъ. И по суду, государь, и по сыску того судейку и цѣловальника въ томъ ихъ насильствѣ Емельянъ Евсеевъ повинилъ, а меня Исачка оправилъ... и велѣлъ тѣ мои деньги на томъ судейкѣ и на цѣловальникѣ 9 р. 3 алт. 2 д. устюжскому приставу Ерофейку Рогову доправить. И тѣ, государь, люди учинились сильны и править на себѣ тѣхъ моихъ денегъ тому приставу не дали и отъ пристава отбилися ... . А мнѣ, государь, въ томъ отъ нихъ учинилось убытку 7 руб. съ полтиною"; Пр. Д. 1632 № 36. Исковая челобитная крестьянина Пачезерскаго стана Сольвычегодскаго у. Ив. Хар. Мудѣнова къ бывшему земскому цѣловальнику 139 г. объ убыткахъ въ $55^1/_2$ руб.; цѣловальникъ взыскивалъ съ челобитчика „по своему разводу, а не по писцовымъ книгамъ насильствомъ" и не далъ квитанцій; Пр. Д. 1638 № 70. Жалоба деревенскаго владѣльца Е. З. Билибина „Усольскаго уѣзда, Антропьевы слободы да Ратмировской волости на прошлыхъ судей и на старостъ, и на цѣловальниковъ, и на денежныхъ сборщиковъ" съ 137 по 147 г. въ излишне взятыхъ съ его деревень, не по писцовымъ книгамъ, деньгахъ; Пр. Д. 1643 № 44. Искъ тотмича посадскаго человѣка къ тотемскому земскому старостѣ и цѣловальникамъ объ убыткахъ въ 34 р. 20 алт. 5 д., причиненныхъ ему завладѣніемъ его пустымъ дворомъ, взятымъ на мірскія нужды; Пр. Д. 1649 № 81. Искъ устюжанина посадскаго человѣка къ устюжскимъ земскимъ судьямъ съ 147 по 156 г. Въ эти годы истецъ былъ таможеннымъ головою въ Мангазеѣ, а судьи на это время незаконно отводили его дворъ на Устюгѣ для постоя проѣзжимъ посланникамъ, воеводамъ и др.; Пр. Д. 1652 № 101. Жалобы отдѣльныхъ крестьянъ Устюжскаго уѣзда ревизовавшему уѣздъ въ 1670 г. стряпчему Е. Н. Хрущеву на злоупотребленія волостныхъ старостъ въ поборахъ.

IV. Пр. Д. 1627 № 65. Жалоба крестьянина Вилегодской вол. Спасскаго прихода на земскаго судью, не поѣхавшаго на осмотръ „рѣзаной головы"; Пр. Д. 1627 № 67, л. 57, 94; Пр. Д. 1628 № 13. Жалоба на судью Тавельской волости Чарондской округи 135 г. и на земскаго дьячка... „вели, государь, на того судью на Мосея и на дьячка Дружину въ ихъ поноровкѣ, что земли не мѣрили.... въ убыткахъ и въ волокитѣ, и въ проѣстяхъ въ 15 р. дать свой государевъ царской судъ и управу. Рез: „136 г. февр. въ 28 д. дать грамота (къ земскимъ судейкамъ) и велѣть судъ дать"; Пр. Д. 1628 № 72. Искъ къ судейкѣ Андреевской вол. Сольвычегодскаго у., который „сноровилъ" противной сторонѣ, „поруки по немъ не взялъ, стакався заговоромъ по скупу". Убытокъ оцѣненъ въ 25 р. съ полтиною. Судъ у воеводы; Пр. Д. 1628 № 59 (въ концѣ). Явка на выборныхъ судей Введенскаго Устьянскаго стана 134, 135 и 136 гг. въ поноровкѣ отвѣтчикамъ по поземельному дѣлу; Пр. Д. 1628 № 64. Жалоба В. Родіонова на судью

Вотчинской волости Сысольской земли въ поноровкѣ отвѣтчику; Пр. Д. 1628 № 72. Жалоба крестьянина Комарицкаго стана Устюжскаго уѣзда на судью, старосту и цѣловальника, „стакавшихся“ съ отвѣтчицей; жалоба крестьянина Утмановской волости на прошлаго земскаго судейку, который, доправивъ деньги съ отвѣтчика, не отдаетъ ихъ ему, истцу; Пр. Д. 1629 № 27 въ концѣ. Жалоба сысолянина Т. Муруева на сысольскаго выборнаго земскаго судейку И. Кузиванова въ неуправѣ вслѣдствіе взятія посуловъ; Пр. Д. 1630 № 72, л. 227—8; Пр. Д. 1631 № 30. Жалоба на судеекъ Антропьевой слободы въ составленіи ложныхъ обысковъ по подкупу противной стороны. Вызовъ ихъ на судъ въ четверть; Пр. Д. 1631 № 36: б. ч. „сирота твой Устьянскіе волости Введенскіе сошки Амоско Михайловъ с. Демина. Въ нынѣшнемъ, государь, во 140 г. февраля въ 1 д. выдалъ мнѣ, сиротѣ твоему, Никольскіе волости крестьянинъ Гостко Моисеевъ за долгъ Устьянскіе волости на крестьянина на Романа Григорьева сына Котырина кабалу въ 4 рубля. И тотъ, государь, Романъ по той кабалѣ тѣхъ денегъ мнѣ не платитъ. А прошлые, государь, судьи тому Роману норовили, по той кабалѣ суда на него не дали“; Пр. Д. 1631 № 56. Жалоба на прошлаго суднаго цѣловальника Спасскаго прихода Вилегодской волости 138 г. въ непроизводствѣ осмотра и дознанія о грабежѣ и нанесеніи ранъ; Пр. Д. 1632 № 36. Жалоба на прошлаго земскаго судью Чушевицкой Устьянской волости 141 г., который съ противною стороною „животомъ здѣлился“ и суда не далъ; Пр. Д. 1634 № 42. Жалоба на прошлаго земскаго судейку Пежемской Устьянской волости 141 г., который по поноровкѣ противной сторонѣ не далъ суда жалобщику. Выдача зазывной грамоты въ Москву; Пр. Д. 1634 № 42. Искъ къ прошлому судейкѣ Пежемской Устьянской волости 136 г. Аѳанасью Нестерову, который, стакався съ противною стороной по свойству, а жалобщика „захотя тѣмъ изволочить и испродать напрасно, подворные и полевые земли не раздѣлилъ и не размѣрилъ“. Просьба о зазывной. Помѣта: „143 г. іюля въ 21 д. Дать грамота къ судейкамъ, а велѣть того прошлаго судейку и его товарищей за порукою къ отвѣту прислать къ Москвѣ“; Пр. Д. 1634 № 59, л. 2—3; Пр. Д. 1638 № 33. Жалоба на Пежемскаго судейку Прокопія Захарова въ поноровкѣ отвѣтчикамъ. Пр. Д. 1638 № 70. Жалоба въ томъ же на прошлаго судейку Чушевицкой волости 147 г.; Пр. Д. 1637 № 14, л. 1—2; 1638 № 14. Жалобы на прошлыхъ судеекъ Чадромской вол. и Введенскаго Устьянскаго стана; Пр. Д. 1638 № 70. Жалоба на прошлаго судью Пежемской волости 147 г. съ товарищами: „прислана твоя государева грамота къ тому судьѣ къ Прокофью съ товарищи, а велѣно, государь, по той твоей государевѣ грамотѣ того Ивана Чертова да Михаилова брата Игнатья (обвиняемыхъ въ грабежѣ) прислать за поруками къ отвѣту къ Москвѣ нынѣшняго 147 года на Срѣтеньевъ день. И тотъ судья Прокофій съ товарищи, норовячи тѣмъ Ивану да Михайлу, да Игнатью по твоей государевѣ грамотѣ указу не учинилъ для своей бездѣльной корысти и для своихъ посуловъ и поминковъ и къ Москвѣ ихъ не прислалъ, хотя то мое дѣло волокитою изволочить“; Пр. Д. 1639 № 44: б. ч. „Устьянецъ Ростовскіе волости крестьянинъ

Васка Яковлевъ сынъ Рѣзановыхъ. Жалоба мнѣ, государь, тое жъ Ростовскіе волости на выборнаго судью на Левонтія Максимова съ товарищи.... и онъ (судья) тѣмъ душегубцамъ (убійцамъ брата жалобщика) сноровилъ, потому что они, душегубцы, съ нимъ, судьею, и его товарищи животомъ нашимъ здѣлились и на волю тѣхъ душегубцевъ спустилъ"; Пр. Д. 1642 № 159, л. 1, 2; Пр. Д. 1649 № 81. „Отъ царя.... въ Устьянскія волости въ Введенской станъ земскому судейкѣ Логинку Ожегину. Билъ намъ челомъ Устьянскихъ волостей Введенскаго стану крестьянинъ Омоско Михайловъ на прошлаго земскаго судейку на Омельку Игнатьева да на сотскаго на Степанку Рудакова, а въ челобитной его написано: въ прошлыхъ де годѣхъ искалъ онъ, Омоска, на Васкѣ Драчковѣ иску своего соляной свозки на 15 руб. съ полтиною; и отвѣтчикъ де Васка въ томъ иску на судѣ винился, и земской де судейка Омелька, дружа ему Васкѣ того своего иску на немъ не доправилъ для своей бездѣльные корысти.... И въ той его Омелькинѣ поноровкѣ стало ему отъ него убытковъ пять рублевъ .... И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ прошлаго года земскаго судейку Омельку Игнатьева и сотскаго Степанка Рудакова въ томъ его Амосовѣ иску далъ на поруки съ записью, а за поруками учинилъ срокъ стати къ Москвѣ въ Устюжской чети февраля въ 2 день нынѣшняго 158 года"; Пр. Д. 1650 № 81. Нѣсколько жалобъ на земскихъ судеекъ разныхъ Устьянскихъ волостей, напр.; „онъ судья, Ѳеофанъ, (Чадромской вол. 158 г.) съ товарищи тому Григорью сноровилъ: по скупу суда на него не далъ. И мнѣ, государь, въ его сноровкѣ учинилось убытковъ въ писчемъ и въ хоженомъ, и въ проѣсти, и въ волокитѣ, и въ деревенской недопашкѣ, и во всякой безпромыслицѣ 5 руб. съ полтиною" и т. д.; Пр. Д. 1650 № 81. Жалоба на земскаго судейку Шангальской Устьянской волости; Пр. Д. 1651 № 95. Жалоба на прошлаго судью 135 г. Варженской волости Устюжскаго у., подана въ 159 г.; Пр. Д. 1652 № 101. Жалобы на судей, приносимыя разслѣдовавшему злоупотребленія въ земствахъ Устюжскаго у. въ 1670 г. стряпчему Е. Н. Хрущову, между прочимъ: „А *не по очереди* они, богатые люди, *въ службы выбирали*; судейка Васка Ивановъ взялъ съ Артюшки Ульянова сына Добровицына ведро вина, что де его помѣтилъ на Устюгъ В. въ третчики. Да судейка жъ Алешка Буторовъ Нестерка Ефимова билъ на правежѣ до полусмерти за то, что де онъ Нестерко ему Алешкѣ не далъ вина отъ того, что онъ его помѣтилъ въ денежные сборщики. Да судейка жъ Юрка Семеновъ взялъ съ Гришки Филиппова деньгами на полведра на вино, что де его помѣтить на Устюгъ В. въ кабацкые цѣловальники"; Пр. Д. 1656 № 93. Жалобы и просьбы о судимыхъ грамотахъ а) кр. Андрюшки Шмакова на судью Введенскаго стана Дмитріевской волости b) Лузской Пермцы Спасскаго прихода крестьянина Д. Вязова на прошлаго земскаго судью Спасскаго прихода на Аѳанасья Ѳедотова Р. И. Б. XIV, 125, 593.

V. Пр. Д. 1629 № 27. Искъ къ Мошенской волости Каргопольскаго у. Е. Поспѣлова, выбраннаго отъ волости на Каргополь въ заказные старосты; Пр. Д. 1623 № 32. Жалоба вятскихъ цѣловальниковъ, отвозившихъ

въ Москву денежные и бѣлочные сборы; въ Москвѣ они „займовали деньги на мірской расходъ“, но міръ не выкупаетъ ихъ изъ кабалъ; Пр. Д. 1628 № 64. Хлыновскій оброчный староста 128 г. предъявляетъ искъ къ хлыновскимъ оброчнымъ станамъ, не платящимъ по выданнымъ имъ кабаламъ; Пр. Д. 1629 № 27. Прошлый чердынскій земскій староста 129 г. ищетъ своихъ убытковъ на нѣкоторыхъ погостахъ, не уплатившихъ денегъ для разсчета по выданнымъ имъ кабаламъ; Пр. Д. 1628 № 64. Искъ къ кайгородскому всеуѣздному міру кайгородскаго мірского посыльщика, отправленнаго въ Москву съ ходатайствомъ о сошной поверстѣ. Міръ не выкупаетъ его изъ кабалъ по сдѣланнымъ въ Москвѣ на мірскія нужды займамъ; Пр. Д. 1649 № 39. Земскій староста 153 г. ищетъ на группѣ крестьянъ убытковъ, причиненныхъ ему неуплатой ими ихъ доли податей; Пр. Д. 1632 № 36. Пр. Д. 1640 № 38. Искъ сольвычегодскаго ямского старосты 134 г. къ сольвычегодскому всеуѣздному міру о выдачѣ счетной и объ убыткахъ, причиненныхъ нерасплатой по его кабаламъ. Искъ сольвычегодскаго прошлаго посадскаго цѣловальника къ посаду, не вынимающему его изъ убытковъ; Пр. Д. 1628 № 13. Искъ цѣловальника Пятницкаго села къ пятницкому міру, не платящему по его кабаламъ; Пр. Д. 1627 № 67, л. 241. Жалоба разрубного цѣловальника Утмановской волости; Пр. Д. 1627 № 65. Искъ всеуѣзднаго ямского старосты 128 г. къ сольвычегодскому всеуѣздному міру; Пр. Д. 1628 № 72. Искъ пыелдинскаго и усть-пыелдинскаго ямскихъ старостъ къ сольвычегодскому всеуѣздному міру о счетѣ. Пр. Д. 1638 № 14. Искъ мірского посыльщика Ильинскаго прихода Вилегодской волости, отправлявшагося по мірскимъ дѣламъ къ Соли Вычегодской и занимавшаго тамъ на мірскія нужды деньги, которыхъ міръ ему не возвращаетъ; Пр. Д. 1638 № 14. Искъ прошлаго разрубного цѣловальника 137 г. Ильинскаго прихода Вилегодской волости на крестьянъ, не платившихъ ему денегъ по мірской счетной; *Устюгъ В.*: Пр. Д. 1627 № 67, л. 22—23; Пр. Д. 1628 № 72. Искъ къ нѣсколькимъ волостямъ В. Гниды, бывшаго по выбору всеуѣзднаго міра сборщикомъ денегъ по 2 р. съ сошки для выкупа мірскихъ всеуѣздныхъ кабалъ; Пр. Д. 1631 № 31; Пр. Д. 1632 № 36; Пр. Д. 1634 № 29. Искъ къ устюжскому всеуѣздному міру Савки Пинегина, бывшаго мірскимъ всеуѣзднымъ посыльщикомъ въ Москву; Пр. Д. 1626 № 44. Искъ къ всеуѣздному устюжскому міру таможеннаго головы Н. Шадрикова, выбраннаго съ обязательствомъ покрыть міромъ недоборъ, если случится. Недоборъ однако не былъ покрытъ міромъ; Пр. Д. 1650 № 81. Искъ къ устюжскому посаду посадскаго А. Миронова объ убыткахъ, причиненныхъ ему выборомъ въ разрубные цѣловальники на 155 годъ не въ очередь, потому что онъ былъ уже сборнымъ цѣловальникомъ въ 154 г.; Пр. Д. 1631 № 56. Искъ бывшаго разрубного цѣловальника Городищенской вол. 133 г. объ уплатѣ ему денегъ, причитающихся ему по мірской счетной; Пр. Д. 1628 № 72. Жалоба прошлаго разрубного цѣловальника Ярокурскаго стана 124 г. на неплательщиковъ податей въ стану—деревенскихъ владѣльцевъ и келаря Ивановскаго монастыря; Пр. Д. 1631 № 30. Искъ бывшаго земскаго судейки 139 г. къ поручителямъ по

„всѣхъ крестьянѣхъ Ярокурскіе волости“ въ томъ, что имъ „поднимать всѣ убытки“ земскаго судейки; Пр. Д. 1630 № 72, л. 277—8. Жалоба прошлаго разрубного цѣловальника Вондокурскаго стана 137 г. на міръ, который по окончаніи его года не считаетъ его и не даетъ ему отчетной; Пр. Д. 1631 № 36. Такая же жалоба прошлаго разрубного цѣловальника Шемогодской волости; Пр. Д. 1628 № 72. Искъ крестьянина Вотложемской волости къ волостному міру объ убыткахъ, причиненныхъ выборомъ въ службу „не по чередамъ, своимъ насильствомъ“; Пр. Д. 1634 № 42. Жалоба крестьянина Вотложемской волости А. П. Хохлова на волостной міръ въ томъ, что его на 142 г. не въ очередь, „хотя его въ конецъ погубить“, выбрали на Устюгъ въ таможенные цѣловальники, не смотря на то, что онъ въ 141 г. былъ въ пятинныхъ цѣловальникахъ. Помѣта: „143 г. апр. въ 11 д. Дать грамота къ воеводѣ и къ подьячему, а велѣть изъ нихъ (т. е. изъ состава волостного міра) двухъ человѣкъ за поруками прислать къ Москвѣ“; Пр. Д. 1627 № 67, л. 83. Жалоба прошлыхъ разрубныхъ цѣловальниковъ волости Юрьева Наволока 133 и 134 гг. на невыплатныхъ крестьянъ, которые не платили по разрубнымъ спискамъ. Просьба о выдачѣ судимой грамоты; Пр. Д. 1628 № 72. Искъ прошлаго разрубного цѣловальника Юрьева Наволока 134 г. къ мірскимъ сборщикамъ, не внесшимъ ему собранныхъ ими денегъ и ко всѣмъ крестьянамъ Шеломенской сохи, не уплатившимъ ему податей; Пр. Д. 1628 № 72. Жалоба мірского посыльщика Пермогорской волости, отправленнаго на Устюгъ по мірскимъ дѣламъ, занявшаго тамъ на мірскую издержку деньги, которыхъ міръ ему не возвращаетъ; судебное разбирательство у воеводы; Пр. Д. 1631 № 36. Жалоба прошлаго разрубного цѣловальника Пермогорской волости 130 г. на то, что міръ по окончаніи его года не считаетъ его. Помѣта: „141 г. Іюня 12. Дать грамота къ воеводѣ и дьяку, велѣть изъ нихъ одному или двумъ человѣкамъ (sic) къ отвѣту за поруками прислать къ Москвѣ, какъ пашенная пора минетъ“; Пр. Д. 1637 № 14, л. 46—47. Такая же жалоба прошлаго разрубного цѣловальника Пермогорской волости 144 г. Пр. Д. 1626 № 44. Искъ прошлаго цѣловальника Двинской трети Устюжскаго уѣзда 128 г., отвозившаго сибирскій хлѣбный запасъ на Верхотурье, къ Черевковской волости, недоставившей все причитавшееся съ нея количество хлѣбнаго запаса; Пр. Ц. 1630 № 70. Жалоба прошлаго разрубного цѣловальника Черевковской волости 136 г. на неправильный счетъ его; Пр. Д. 1631 № 30. Искъ къ Черевковской волости Б. Тверитинова, бывшаго мірскимъ посыльщикомъ въ Москвѣ, а затѣмъ въ 134 г. выбраннаго волостью въ таможенные и кабацкіе цѣловальники на Устюгъ, объ убыткахъ, причиненныхъ нерасплатою міра по сдѣланнымъ имъ займамъ; Пр. Д. 1627 № 67, л. 354—355. Искъ крестьянина Яхренской волости С. Кокорина, избраннаго въ 128 г. въ старосты къ писцамъ Ю. Стромилову съ тов., къ волостному міру, не покрывшему сдѣланныхъ имъ издержекъ на содержаніе писцовъ; Пр. Д. 1638 № 14. Искъ В. Гурьева къ Яхренской волости. Въ 138 г. волость посылала его на Устюгъ В. считать прошлаго

сборнаго цѣловальника И. Есипова, которому онъ заплатилъ за волость причитающіеся ему по этому счету 30 р. съ полтиною. Этихъ денегъ съ убытками онъ и искалъ въ 146 г. съ волости. Помѣта: „146 апр. 29. Дать грамота къ воеводѣ, а велѣть тѣхъ крестьянъ сыскавъ поставить съ истцомъ съ очей на очи и въ тѣхъ долгѣхъ и убыткахъ судить“ и т. д. Пр. Д. 1628 № 74. Жалоба сборщика на невыплатныхъ крестьянъ Яхренской волости, не платящихъ по разрубнымъ спискамъ; Пр. Д. 1627 № 67, л. 99. Искъ къ Утмановской волости сборщика московскаго запаса и ямскихъ денегъ 129 г. Ѳ. Ногина, котораго по окончаніи года міръ не считаетъ и изъ кабалъ не вынимаетъ. „Милосердый государь“, заканчивается челобитная, „пожалуй меня, сироту свою, вели, государь, меня изъ кабалъ вынять и, вынявъ изъ кабалъ, вели, государь, меня *воеводѣ Петру Васильевичу Волынскому въ приходѣ и въ расходѣ счесть*; Пр. Д. 1630 № 72, л. 2—3; Пр. Д. 1631 № 30. Жалоба городчика Сосновца-городка на Утмановскую волость, не платящую ему подмоги. Пр. Д. 1630 № 73. Жалоба Утмановской волости прошлаго земскаго судейки Н. Шемяткина на крестьянъ той же волости, не выплатившихъ данныхъ и оброчныхъ денегъ по разрубному списку. Помѣта: „138 г. марта въ 3 д. Дать грамота къ воеводѣ, велѣть дати судъ и сыскъ. Пр. Д. 1627 № 20. Процессъ передъ воеводою между прошлымъ цѣловальникомъ Енанской волости 130 г. и міромъ, „не стоявшимъ за него противъ невыплатныхъ крестьянъ“ и этимъ причинившимъ ему убытки; Пр. Д. 1627 № 67, л. 174. Искъ прошлаго земскаго старосты Енанской волости 130 г. къ двумъ крестьянамъ, не выплатившимъ ему денегъ по разрубному списку; Пр. Д. 1628 № 74. Жалоба прошлаго земскаго цѣловальника Енанской волости 136 г. на волостной міръ, который его не считаетъ и изъ кабалъ не выкупаетъ; Пр. Д. 1634 № 42. Искъ крестьянина Кильченской волости къ волостному міру, нанявшему его въ посошные подъ Смоленскъ и недоплатившему найма за 3 мѣсяца; *Тотьма*: Пр. Д. 1631 № 36. Искъ къ тотемскому всеуѣздному міру мірскихъ посыльщиковъ, ѣздившихъ въ Москву М. Кубасова, И. Литвинова и Т. Памфилова; Пр. Д. 1628 № 72. Искъ къ Тиксненской волости С. П. Савина, выбраннаго отъ волости въ таможенные и кабацкіе цѣловальники, которому волость не возмѣстила понесенныхъ имъ убытковъ; Пр. Д. 1631 № 36. Искъ ѣздившаго въ Москву къ отвѣту мірского посыльщика Ив. Иванова къ группѣ крестьянъ Чаловой горы Толшемской волости, которые не присылаютъ ему должныхъ денегъ; *Устьянскія волости*: Пр. Д. 1628 № 72. Искъ цѣловальника Соденской волости 132 г., отвозившаго въ Москву стрѣлецкія деньги, къ волостному міру. Деньги были отправлены съ нимъ не сполна; недостатокъ онъ внесъ въ приказъ изъ своихъ средствъ. Пр. Д. 1641 № 86. Такой же искъ цѣловальника той же волости 145 г.; Пр. Д. 1651 № 67. Искъ сборщика Введенскаго стана, сбиравшаго въ 143 г. дворцовыя деньги по 18 алт. 4 ден. съ двора къ Введенскому попу, писавшему ему выписку изъ сотной и при этомъ пропустившему 4 деревни, за которыя сборщику и пришлось заплатить собственными деньгами; *Чаронда*: Пр. Д. 1637 № 14, л. 29.

Искъ всеуѣзднаго мірского посыльщика, ѣздившаго въ Москву съ челобитной, къ нѣсколькимъ волостямъ, которыя не дали ему подмоги за 4 мѣсяца, не считали его и взыскали съ него безъ суда и сыска 20 руб.; Пр. Д. 1639 № 44. Искъ бывшаго Чарондскаго окружского старосты 144 г. къ уполномоченнымъ отъ міра счетчикамъ, не принявшимъ при счетѣ его во вниманіе погашеннаго имъ займа и т. д.

VI. Пр. Д. 1627 № 67, л. 47; Пр. Д. 1650 № 81. Жалоба земскаго судейки 154 г. Введенскаго Устьянскаго стана на своихъ товарищей по судебному присутствію; Пр. Д. 1632 № 36. Искъ устюжскаго ямского старосты 141 г. къ наслѣдникамъ его товарища о растраченныхъ послѣднимъ въ бытность ямскимъ старостой деньгахъ; Пр. Д. 1633 № 60. Столкновеніе между московскими посыльщиками Устьянскихъ волостей; Пр. Д. 1634 № 29. Процессъ мірского устюжскаго посыльщика Савки Пинегина съ бывшимъ устюжскимъ земскимъ судейкою Ив. Завалинымъ, собравшимъ деньги на выкупъ посыльщика изъ кабалъ, но не выкупившимъ его; Пр. Д. 1637 № 10. Искъ цѣловальника Шангальской Устьянской волости, отвозившаго въ 144 г. въ Москву подати къ прошлому земскому судейкѣ того года О. Гр. Волову, не отправившему съ нимъ денегъ за Чушевицкое пусто, которыя однако съ него взыскали въ Москвѣ.

БИБЛІОТЕКА

Указатель географическихъ именъ.

А.

Авнюга рѣка, I, прилож. 51.
Аистово дер., I, 181; прилож. 78.
Азопольская вол., I, прилож. 27.
Акинина пустошь, I, 158.
Александрова пустынь, I, прил. 7.
Александровъ Ошевенскій монастырь, I, 75.
Александровъ Свирскій мон., I, 68; прил. 7,
А(о)лексинскій станъ, I, 22, 47, 94, 96, 102, 105, 106, 113, 236, 240, 269, 273; прилож. 45, 46. II, 20, 147, 156, 157, 159, 161, 170, 178, 179; прил. 36, 37.
Алексѣевъ станъ, I, 16, 199; прил. 20. II, 13, 105.
Анданга р., I, 1.
Андома р. I, прил. 5.
Андомскій Никольскій пог. I, 98, 175, 249, 250. II, 64, 96, 111.
Андреева гора, I, 22; прил. 47.
Андреева дер., II, прил. 30.
Андреева Нива, I, 158.
Андреевская волость, I, 107, 168, 202, 220, 240, 269, 270, 271; прил. 47. II, 20, 43, 78, 85, 89, 119; прил. 39.
Андреевскій городокъ, I, 116.
Андреевскій починокъ, I, 161, 186; прил. 71—73.
Андреевскій станъ, I, 22, 45; прил. 47.
Андреяновъ станъ, I, 16, 254; прил. 20. II, 13.
Андроновская дер., I, 86.
Анисимовъ погостъ, I, прил. 40.
Антоніевъ Сійскій монастырь, I, 63, 68, 70, 86, 93, 94, 95, 96, 256; прил. 6, 24. II, 160.
Антропьева слобода вол., I, 22, 30, 105, 112, 215, 216, 240, 269; прил. 47. II, 84, 85, 144, 221, 304; прил. 39, 40.
Анфалецъ островъ II, 13.
Арза волостка, I, прил. 62.
Архангельская волость, I, 163.
Архангельская, Архангелогородская губернія, I, 7, 8, 164; прил. 7, 9.
Архангельскій монастырь, I, 68, 71, 72, 81, 84, 85—87, 94—96, 106, 110, 135, 233, 234, 283; прил. 46. II, 13, 157, 160—163, 305; прил. 28.
Архангельскій посадъ, I, 95.
Архангельскій приходъ, I, 277; Каргопольск. у., I, прил. 12; Сольвыч. у. Пачеоз. вол., II, 31.
Архангельскъ г., I, 6, 16, 60, 71, 77, 115, 118—123, 125, 152; прил. 20, 66. II, 12, 75, 92, 95, 100, 115, 123, 204, 271, 291; прил. 16.
Аѳанасовская волость, I, 7; прил. 60, 62.
Аѳанасьевская дер., I, 94.

Б.

Бабаевская дер., I, 86.
Бабиничи погостъ, I, прил. 8.
Бабуровская дер., II, 138.
Бабье озеро, I, 77.
Бабьеозерская пустынь, I, 72.
Баламутовская дер., II, 223.
Баракова дер., II, прил. 30.
Бараниха дер., II, 138.
Басайлова гора дер., I, 153.
Басарыгино дер., II, прил. 29.
Баскачій станъ, I, 22, 23, 103; прил. 46, 49. II, 132.
Баскачье село, I, 22, 32, 125; прил. 46.
Батищо гор. (см. Лальскій).
Бережная дер., I, 153, 160.
Березникъ вол., I, прил. 23.
Березницкая вол., I, прил. 61.
Березовая пожня, I, прил. 75.
Березовецъ вол. I, 47, 277; прил. 53, 55.
Березовое устье р. Двины, II, 115.
Березовская дер., II, 140.
Березовская слобода, I, 240.
Березовскій станъ, I, 103, 262; прил. 34.
Березовъ г., II, 124.
Березовъ наволокъ слобода, I, прил. 57.
Берніевскій починокъ, Панковщина тожъ, II, 8.
Бечевка пожня, I, 171.
Биричевская вол., на **Биричевѣ**, I, прил. 15.
Біюкони погостъ, I, 46; прил. 30.
Благовѣщенскій приходъ, I, 45, 202, 240, 269, 270, 271, 277; прил. 47, 62. II, 20.
Блохина гора, I, 76.
Блудогорская вол., I, прил. 60.
Бобино, Никольское, село, I, прил. 34.
Бобинскій станъ, I, 37, 65, 262; прил. 34.
Бобровая вол., II, 90.
Бобровка рѣка, I, прил. 49, 55.
Бобровская вол., I, 241, 243; прил. 49.
Бобровскій наволокъ, I, 171.
Бобровскій ямъ, I, 144; прил. 49. II, 94, 122, 123, 169.
Бовыкинская дер., II, прил. 30.
Богородицкій погостъ, I, 46; прил. 44.
Богородская вотчина устюжск. успенск. собора, II, 66.
Богоявленская пустынь, I, 75.
Богоявленскій мон., I, 82.
Богоявленскій прих. Вилегодск. вол., I. 267, 268; прил. 48.
Богоявленскій Ухтостровскій приходъ-волость, I, 43; прил. 22.
Богословскій мон., I, 7.
Большая Волостница рѣка, I, 20.
Большая Шалга вол. I, прил. 14. II, 43.
Большая Шалекушка дер., I, 32.
Большое (Емецкое) село, I, 15, 116, 124; прил. 23.
Бондюга дер., I, прил. 41.
Борецкая вол., I, 7; прил, 61, 62.
Борисовская Спировская дер., II, 11.
Борисоглѣбская Матигорская вол., II, 86.
Борисоглѣбскій Матигорскій приходъ, I, 43, 257; прил. 21.
Боровая р., I, прил. 43.
Боровичахъ (въ) волость, I, прил. 36.
Боровская вол., I, 240, 285, 294; прил. 60.
Борокъ вол., I, 5, 24, 285; прил. 57.
Бохтенга дер., II, прил. 29.
Боярская дер., I, прил. 20.
Боярскій островъ, I, прил. 20. II, 105.
Брагинскій починокъ, I, 131, 137.
Бритовская вол., I, 19; прил. 33.
Брусеница, Брусенка рѣка, I, 23, 24; прил. 48, 49.
Брусенская вол., I, 117, 137, 237, 241, 243; прил. 49. II, прил. 14.
Брусенскій городокъ, I, 116.
Буба р., I, прил. 32.
Булатовъ погостъ, I, прил. 45.
Бучеева слободка, I, 24, прил. 50.
Буянскій наволокъ, I, прил. 75.

Быкокурскій станъ, I, 22, 24, 39, 72, 92, 94, 95, 165, 170, 239, 271, 277, 278, 279; прил. 52. II, прил. 38.
Быстрая Курья р., I, прил. 22.
Быстрица р., I, 46, 138; прил. 33, 34, 36.
Быстрокурская, Быстрокурье вол., I, 6; прил. 22.
Бѣгичи, I, 263.
Бѣлая слуда, Бѣлослудскій погостъ, станъ, I, 23, 24, 39, 89, 151, 239, 276, 279; прил. 49, 50. II, 165; прил. 13.
Бѣлое море, I, 1, 2, 3, 5—7, 11, 17, 32.
Бѣлозерскій уѣздъ, I, 12, 27, 28, 36, 141 II, 74, 85, 202.

В.

Вавчуга р., I, 15, 107.
Вага, I, 2, 4, 5, 7, 10, 15, 24, 25, 28, 40, 93, 152, 153, 207, 214, 215, 227, 296, 297; прил. 20, 54, 57, 58, 60—62. II, 69, 72, 95, 99, 194, 203, 219, 220, 226, 228; прил. 7, 16, 17.
Вадья волость, I, 18; прил. 14, 28.
Ваенга, Ваенская вол., I, прил. 62.
Важгортъ погостъ, I, 46, 260; прил. 31.
Важена р., I, прил. 7.
Важенскій погостъ, I, 41, 44, 98, 248, 249; прил. 7. II, 111.
Важскій уѣздъ, I, 2, 5, 23, 28, 40, 48, 49, 73, 77, 114, 172, 173, 195, 227, 246, 294, 297; прил. 48, 59, 60. II, 9, 20, 28, 43, 47—51, 59, 94, 99, 122, 129, 130, 176, 177, 194, 203, 204, 226, 231, 246, 267.
Вазеницы волостка, I, прил. 17.
Ваймуга, I, 6; прил. 23.
Ваймуша вол., I, прил. 25.
Валаамскій мон., I, 67.
Ванинская дер. II, 144.
Варжа вол., I, 277.
Варженга, Варженская вол., I, 94, 105, 179, 216—218; прил. 52, 78, 79, 81. II, 136—138, 142, 151, 156, 299; прил. 14, 22.
Варзогоры волостка, I, прил. 19.
Варзуга, I, 6, 13, 15, 64, 66, 71, 73; прил. 20, 24. II, 152.
Варламова (Троицкая) пустынь, I, 95.
Варминская вол., I, прил. 61.
Васильева гора, I, 94.
Васильевская боярщ., I, прил. 60.
Васильевская дер., I, 211.
Васисина дер., II, прил. 29.
Васковская дер., I, 160.
Васюкова дер., II, прил. 29.
Вахрамѣевская слоб., I, 24; прил. 51.
Вашертъ погостъ, I, 46; прил. 31.
Вашка (Удора) р., I, 17, 18; прил. 27, 28, 31.
Введенская волость, сошка, I, 25, 222, 291, 292; прил. 59, 93, 95.
Введенскій (Сольвычег.) мон., I, 71, 87, 93, 233, 234,
Введенскій погостъ на р. Яйвѣ, I, 46; прил. 43.
Введенскій приходъ, I, 141, 160, 294,
Введенскій (Устьянскій) станъ, I, 152, 158, 172, 186, 203, 215, 217, 222, 226, 291, 292, 298, 302, 307, 308, 311, 313, 316—318; прил. 59, 70, 71, 72, 91—94, 97, 104. II, 3, 20, 30, 86, 148, 177, 179, 188, 190, 194, 202, 222, 225, 226, 232, 235, 237, 238, 243, 249, 257, 258, 295, 304; прил. 39—41, 44, 45.
Вездынь погостъ, I, 42, прил. 29.
Векшенга р., I, 2, 24; прил. 54, 55. II, 74.
Векшенгская вол., I, 240; прил. 56.
Великая губа, **Великогубскій** конецъ, I, прил. 4.
Великая дер., I, 153.
Великая курья, I, 6,
Великая р., I, прил. 33, 35.
Великій Дворъ дер., I, 207, 284.

Великокурскій островъ, II, 11.
Великорѣцкая вол., I, 37; прил. 35.
Великорѣцкій станъ, I, 19, 37, 46, 262; прил. 35.
Великосельская вол., I, прил. 60.
Велоцкій станъ, II, 99.
Вель, 2, 10, 25, 28; прил. 58, 62.
Вельскій погостъ, I, 5.
Вельскій посадъ, **Вельскъ**, I, 28, 296; прил. 62.
Вельскій округъ, станъ, уѣздъ, I, 4, 28, 246, 296; прил. 62. II, 51
Венденга погостъ, I, прил. 31.
Веретея село, I, 108, 111.
Веригипская дер., II, 4.
Веркола, I, 146.
Веркольская вол., I, 16, 146; прил. 26.
Вертусъ р., I, прил. 22.
Верхней Чюрьюгѣ (на) вол., I, прил. 11.
Верхніе Ряжки р., I, 36.
Верхній Боръ, вол., I, прил. 12.
Верхній Зеленецъ дер., I, прил. 33.
Верхній конецъ (Койдокурск. вол.), I, 43, 46; прил. 21.
Верхній конецъ (Комарицк. ст.), I, 24, 89, 276, 278. II, 56, 138, 212, 237.
Верхній конецъ (Турчасовск. ст.), I, 253.
Верхній конецъ (Шарденской вол.), I, прил. 52.
Верхній конецъ (Ярокурск. ст.), II, 238.
Верхняя Мошкурья, I, 23, 24, 279.
Верхняя Тойма р., I, 28.
Верхняя Еденга, I, 201.
Верховская вол., I, прил. 36, 63.
Верховажская вол., I, прил 62.
Верховажье посадъ, I, 28; прил. 62. II, 99.
Верховскій станъ, I, 37; прил. 61.
Верхококшенгская вол., I, прил. 36.
Верхолецкая слоб., I, прил. 61.
Верхопаденская вол., I, прил. 61.
Верхопушемская вол., I, прил. 53. II, 24, 83, 151, 305; прил. 14, 38.
Верхосуланская вол., I, прил. 61.
Верхотоемская вол., I, 5; прил. 62.
Верхотурье, I, 19. II, 93, 116; прил. 7, 16, 43.
Верхъ-Боровая погостъ, I, прил. 42.
Верхъ-Уролка дер., I, прил. 42.
Верхъ-Усолки пог., I, 46; прил. 43.
Верхъ-Язва нижняя р, I, прил. 41.
Вершинская вол., I, прил. 62.
Верюга р., I, 161, II, 3.
Верюгинская дер., I, 161.
Веслена р., I, прил. 30.
Весленой пог., I, прил. 30.
Ветлуга р., I, 23; прил. 54.
Вешкурская, Вешкурья вол., I, 24, 56, 279. II, 138.
Вешкурскій пог., I, 24; прил. 50.
Вешкурья р., прил. I, 50.
Вещеозеро, I, прил. 59.
Вещеозерская вол., I, 28, 42, 43, 239, 294, 298; прил. 59. II, 208, 234.
Видлица р., I, 41; прил. 3.
Видлоозеро, I, прил. 3.
Видьна вол., I, прил. 4.
Визенга р. и пог., I, прил. 32.
Вилегодская вол., I, 21, 22, 37, 43, 44, 64, 102, 106, 205, 216, 239, 240, 265, 267, 268; прил. 45, 48. II, 3, 20, 21, 84, 140, 142, 156, 159, 160, 169, 180, 186, 205, 256, 304; прил. 39, 40, 42.
Вилегодская Пермца, I, 268; прил. 48.
Виледь пос., II, 186.
Виледь р., I, 21, 22, 54, 112; прил. 45, 48.
Виледь станъ, I, 268. II, 186.
Вильва погостъ, I, 42.
Вильгорская полуторасошка, I, 263.
Вильгортъ погостъ, I, 46, 125, 263; прил. 32, 40.
Випицкій погостъ, I, 41, 249; прил. 6. II, 111.
Вирма, I, 8, 12; прил. 4.
Вишера р. и погостъ, I, 21, 58, 107, 259, 260; прил. 31, 33.

Владычнѣ (на) Ордомскій погостъ, I, прил. 15.
Власовская дер., II, прил. 25.
Водла р., I, прил. 5.
Водлица, I, прил. 6.
Водлозерская вол., I, 14, 36; прил. 13.
Водлозерскій пог., станъ, I, 39, 40, 249, 250.
Водлоозеро, I, 14; прил. 5.
Водская пятина, I, 12, 13.
Воеозеро, I, 15.
Вожбала вол., I, 285.
Вожбальская вол., I, 125, 240; II, 90.
Вожга р., I, прил. 59, 60.
Вожеская вол., I, 42, 293; прил. 60.
Воже озеро, I, 10, 27; прил. 59, 60.
Вожемскій городокъ, I, 118.
Вожемъ пог., I, прил. 30.
Вожма р., I. прил. 4.
Вожмо-Салмская дер., I, прил. 4.
Возгрецовская вол., I, 159, 184.
Воздвиженскій мон., I, 72.
Вознесенскій мон., I, 73, 111. II, 309.
Воиринжи дер., I, прил. 4.
Воймонга р., I, 76.
Волдокурская вол., I, 42.
Волковица р., I, 214.
Волковскій станъ, I, 262; прил. 10, 35.
Вологда, I, 2, 70. II, 94, 95, 99, 123; прил. 36.
Вологодская губ., I, 171.
Вологодскій уѣздъ, I, 4, 24, 27, 28, 54, 77, 169. II, 74, 85, 232.
Володимерская боярщ., I, прил. 60.
Волоко-пинежская вол., II, 12.
Волоко-пинежскій прих., II, 113.
Волокъ-пинежскій, I, 16, 42, 77, 258; прил. 24.
Волосовская вол., I, прил. 12.
Волостница р. и вол., I, 21, 263; прил. 39.
Волошка р., I, прил. 12, 14, 59, 60.
Волховъ р., I, 66.
Волюга р., I, 10, 25; прил. 58, 59.
Волюская вол., I, 25; прил. 59. II. 190.
Вонгода р. и вол., I, 24; прил. 50. II, 90.
Вонгуда р. и вол., I, 14; прил. 18.
Вондуга р., I, 221.
Вондокурская вол., I, 101, 237. II, прил. 13, 14.
Вондокурскій станъ, I, 22, 23, 75, 85, 94, 133, 276, 278; прил. 49. II, 40, 83, 156, 157, 160, 163, 171, 236, 237.
Вондокурское село (Баскачье), I, прил. 46, 49.
Воронецъ пог., I, прил. 8,
Ворково, I, 263.
Воскресенскій пог., I, 249.
Воскресенскій прих., I, 28, 42, 294; прил. 62.
Вотежица дер., II, 139; прил. 27.
Вотложемецъ гор., II, 236.
Вотложемская вол., I, 23, 37, 65, 75, 133, 238, 276, 278; прил. 49. II, 24, 84; прил. 43.
Вотложемскій гор., I, 116, 118; прил. 49.
Вотча волостка, I, 47, 285. II, 47, 251
Вотча городище, I, 118, 285; прил. 54—56.
Вотчинская вол., I, 76, 109, 238, 240. II, прил. 40.
Вотчинское городище, II, 47.
Вохма р., I, 23; прил. 54.
Вохомская вол., I, 278; прил. 54. II, 165, 178, 180, 237, 293; прил. 14.
Вохтолица вол., I, прил. 14.
Вочеозеро, I, прил. 17.
Вочъ р., I, прил. 54.
Воя р., I, 46; прил. 35, 56.
Всувисари дер., II, 141.
Выгозеро, I, прил, 4.
Выгозерскій ст. и пог., I, 39, 40, 249, 250; прил. 4. II, 91, 111.
Выгостровъ, I, прил. 4.
Выгъ р., I, 8, 11, 12; прил. 3, 4.
Вымская земля, I, 18. II, 129.
Вымскій волокъ, II, 229.

Вымь, I, 17, 18, 19, 46, 64, 109, 225, 259, 260; прил. 28, 30, 31. II, 26, 129, 267.
Вытегорскій пог., I, 249. II, 64, 78, 111.
Вытегра р., I, прил. 6.
Вычегда р., I, 4, 17, 18, 21—24, 32, 42, 64, 71, 75, 96, 102, 196, 225, 260; прил. 28—31, 33, 45, 48. II, 26, 229.
Вычегодская земля, I, 18.
Выя р., I, 5, 16, 17, 259; прил. 26.
Вѣйгора, Вѣйгорскія дер., I, 158. II, 3.
Вѣкшенга, Вѣкшенгская вол., I, 42, 47, 284.
Вѣкшенгская слоб., I, 42. II, 248.
Вѣкшенгскій улусецъ, I. 42.
Вяжицкій мон., I, 89; прил. 5.
Вятка, I, 1, 2, 3, 8, 19, 20, 46, 57, 260—262; прил. 33—38. II, 93, 124, 229, 267, 308.
Вятская губ., I, 20, 170.
Вятская земля, I, 2, 19, 20, 29, 34, 38, 45, 50, 57, 63, 65, 72, 81, 100, 103, 115, 116, 118, 123, 129, 137, 143, 147, 260; прил. 33, 64. II, 20, 57, 83, 91, 93, 116, 117, 129, 156, 167, 177, 268.
Вятскій волокъ, I, 58.
Вятскій уѣздъ, I, 34, II, 304.
Вяткина гора, I, 158.

Г.

Гаенская полусош., I, 95.
Гаенскій (Гайна) погостъ, I, 47; прил. 42. II, 43, 91, 293, 308.
Гака ручей, I, прил. 7.
Гакуйская вол., I, 175.
Галицкій уѣздъ, I, 77,
Гамъ пог., I, 42; прил. 29.
Гарья пог., I, прил. 32.
Георгіевскій пог., I, прил. 44.
Герасимово дер., II, 238.
Гидаевская вол., I, 262.
Гидаевъ пог., I, прил. 39.
Гимала пог., I, прил. 8.
Глинскій пос., I, 119
Глотаевская дер., II, 3.
Глотова гора, I, прил. 32.
Глотова слоб., I, 18, 260.
Глотовица р., I, 167, 171, 172. II, 3.
Глухая Вильва р., I, прил. 41, 42.
Говорливая р., I, 58.
Голецъ островъ, II, 13.
Головинская дер., II, прил. 30.
Гончинчи дер., I, прил. 6.
Гордѣевская дер., I, 209, 210.
Горка дер., I, 212. II, 51.
Горловская волостка, I, прил. 36.
Городишна р., I, 36; прил. 49, 55.
Городищенская вол., I, 36, 118, 237. 241, 243; прил. 49. II, 90, 147, 156, 157, 165, 172; прил. 14, 42.
Городищенская дер., II, прил. 27.
Городищѣ (на) пог., I, прил. 43.
Городокъ вол., I, прил. 37.
Городокъ Рагонимавъ вол., I, прил. 15.
Горы село, I, прил. 3.
Гостевская вол., I, прил. 37.
Гридинская дер., II, 233.
Грихневскій наволокъ, I, 170.
Гробова вол., I, прил. 51.
Груздовская вол., I, 7, прил. 70.
Грунчевская дер., I, 161.
Губдорское оз., I, прил. 41.
Губдоръ пог., I, 47, 263; прил. 41, 42.
Гундорская полусоха, I, 263.

Д.

Давыдова слоб., I, 24, прил. 50.
Данилова дер., I, 210.
Данславль на Озеркахъ вол., I, прил. 16.
Двина Сѣверная р., I, 1—8, 14—16, 21—24, 28, 40, 41, 70—72, 74, 76, 86, 89, 90, 94, 96, 118, 256, 258, 269, 297; прил. 8, 10, 20—23, 45, 46, 48—51, 62. II, 3, 11, 12, 23, 61, 71, 75, 92, 105, 114, 115, 122,

123, 152, 204, 212, 217; прил. 8, 11, 15, 16.
Двинница р., I, прил. 56.
Двинская губа, I, 15, 74; прил. 20.
Двинская земля, I, 3—6, 8, 17, 40, 246, 252, 254—258. II, 91, 92; прил. 38.
Двинская треть, I, 40, 94, 278, 279.
Двинскій уѣздъ, I, 2, 5, 6, 13—16, 30—32, 38, 40, 41, 43, 46, 48, 50, 63, 64, 66, 67, 70, 71, 82, 89, 90, 96, 100, 101, 107, 115, 116, 119, 122—124, 129, 130, 133, 138, 139, 143, 147, 150, 174, 150, 174, 199, 225, 255, 257, 258, 297; прил. 20, 24, 64. II, 2, 3, 11, 12, 14, 19, 21, 30, 37, 38, 83, 86, 87, 95, 113, 114, 116, 148, 160, 176, 183, 184, 203, 204, 231, 307.
Демьянова вол., I, 47, 285; прил. 54, 55.
Демьянова Вотча вол., I, 142.
Демьяновская вол., I, 109, 237, 238, 240, 285.
Демьяновскій станъ, I, 285.
Деньга (Шесья) р., I, прил. 54.
Дмитріевская вол., I, 25, 222, 291, 292; прил. 59. II, 86, 156, 157; прил. 41.
Дмитріевская сошка, I, 292; прил. 93, 95.
Дмитріевскій прих., II, прил. 11.
Дмитріевъ Наволокъ вол., I, 36, 240, 286; прил. 55. II, 11; дер. 50.
Долгая Щель слоб., I, 15, 71; прил. 28.
Долговеская (Долговицкая) вол., I, 172, 297; прил. 63.
Долгозерская (Лекшмозерская) вол., I, прил. 11, 60.
Долматовская дер., II, 7,
Доръ дер., I, 185, 186.
Доръ Большой, I, 227.
Дроковапова Кулига вол., I, прил. 51. II, 56, 78, 90,
Другая Чешкова Гора дер., II, 3.
Дуброва Набережная, I, прил., 16.
Дубровская дер., II, 242.
Дымково, I, 22, 24, 195, 273; прил. 46. II, прил. 11.

Е.

Евда р. и вол., I, 23, 24, 279; прил. 49. II, 62, 66, 152, 153; прил. 24, 27.
Евда (въ Липовомъ Шеломени), I, прил., 50.
Евсеевская дер., I, 212.
Егорьевскій (Толвуйскій) пог., I, прил. 4. II, 96, 111.
Егорьевскій станъ, I, прил. 38.
Еденга (Ѣденга) Нижняя вол., I, 201, 210, 211, 210. II, 148, 235.
Едомская дер., I, 37.
Ежуга р., I, прил, 24.
Екатерининскій прих., I, прил. 37.
Елгомское озеро, I, 76.
Елгомскій мон., I, прил. 17.
Елетъ-озеро, I, 32; прил. 10.
Еловка Малая пожня, I, прил. 75.
Елюга р., I, прил. 58.
Елябино дер., I, 158, 175.
Емецкая треть, I, 40, 256.
Емецкій пог., I, 5.
Емецкій станъ, I, 71, 258.
Емца р., I, 5, 14, 15, 116, 252; прил. 10, 16, 23.
Енанга р. и вол., I, 277, 279; прил. 53.
Енанская вол., I, 237, 279, 315. II, 299; прил. 44.
Енанскій городокъ, I, 116.
Енидоръ пог., I, прил. 40.
Ентала р. и вол., I, 277, 279; прил. 53.
Ентальская вол., I, 237. II, 41; прил. 14.
Ерга Нижняя р. и вол., I, 24; прил. 48, 50, 51.
Ерга Верхняя р. и вол., I, прил. 48,
Еренское городище, I, 18.
Еренскій городокъ, I, 260.
Еркинѣ (на) дер., I, прил. 25.

Ермолинская дер., II, прил. 28.
Ерогоцкая вол., II, 25, 33, 49, 843. II, 156, 157.
Есиповская боярщ., I, 7; прил. 60.
Есиповская дер., I, прил. 13.
Есская вол., II, 8.
Еюга р., I, 158. II, 12.

Ж.

Жеребетево дер., I, 103.
Животово дер., I, 147, 172.
Жошертъ пог., I, 42; прил. 29.

З.

Заболотный станъ, I, 46; прил. 43.
Заболоцкая дер., II, 196, 197.
Заборская вол., I, 124, 125, 207, 219, 273; прил. 63.
Заборскія дер., I, 125; прил. 46.
Заволочская земля, I, 5.
Заволочье, I, 1, 3, 4, 5, 7.
Завотежица дер., II, 139; прил. 25.
Загарская вол., I, 37; прил. 35.
Загорскій станъ, I, 16; прил. 22.
Загорье дер., II, прил. 29.
Залѣсская дер., I, 158.
Залѣсье, I, 96.
Замошье вол., I, прил. 14.
Заозерская вол., I, 76, 240, 285.
Заозерье, I, 24, 284, 285; прил. 57.
Заонежскіе погосты, I, 2, 6, 10—14, 26, 31, 35, 36, 38, 39, 41, 48, 50, 60, 63, 64, 66,—68, 74, 115, 129, 133, 138, 139, 143—145, 147, 190, 224, 248—250, 257, 305, 306, 316; прил. 3, 7, 64, II. 291, 306.
Заонежье, I, 29, 31, 32, 38, 41, 44, 54, 67, 89, 91, 98, 101, 103, 224, 249.II, 5, 20, 59. 63, 64, 78, 80, 82, 91, 95, 96, 101, 110, 111, 130, 146, 167, 176, 248, 263, 267, 269,
Заострова р., II, 3.
Заостровская вол. Важск. у, I, прил. 61, 62.
Заостровская вол. Двинск. у., I, 3, 5, 13, 38, 150; прил. 20.
Заостровская вол. Турч. ст., I, прил. 18.
Заостровскій прих., II, 38.
Заостровье, I, 5.
Зарѣцкая боярщ., I, прил. 62.
Затевская вол., I, прил. 15.
Захаровская пустошь, II, 11.
Зачачье вол., I, прил. 23.
Заячерѣцкая вол., I, 25; прил. 58, 63.
Заячья р., I, 25. 27, 30, 287; прил. 58, 63.
Звозъ вол., I, прил. 23.
Зелепецъ пог., I, 45.
Зимній бер., I, 71.
Золотица, I, 15, 71.
Зуева дер. II, 51.
Зуевская дер., II, прил. 29.
Зыковская дер., II, прил. 30.
Зырянка р., I, 72, 108; прил. 43, 45.
Зырянка пог., I, 46; прил. 45.
Зюздинская вол., I, 21, 33, 262; прил. 39.
Зюздинскій пог., I, 34.

И

Ибъ Большой и Меньшой пог., I, прил. 31, 32.
Ивановская, Ивановская вол., I, 86, 94, 237, 243; прил. 60, II. прил. 13.
Ивановскій конецъ, I, 119.
Ивановскій мон., I, 71, 72, 87, 106, 233, 234, 283. II, 68, 166; прил. 4, 14, 16.
Ивановскій пог., I, 22, 30, 277; прил. 46, 52. II, 86, 156.
Ивановскій приходъ, I, 255,
Ивачевицы дер., II, 9.
Ивашевская Верхняя дер., I, 212.
Ивашевская Нижняя дер., I, 212.
Ивашкова дер., II, прил. 29.
Ивашковецъ, I, 219.
Ивина р., I, прил. 6.
Икозеро, I, 5.

Илеза р. и вол., I, 47; прил. 54, 55.
Илеская вол., I, 76, 285; прил. 63.
Ильинскій гор., I, 116.
Ильинскій Виницкій пог., I, 38, 41, 64, 248; прил. 3. II, 20.
Ильинскій пог. въ Обвинск. ст., I, 264; прил. 43.
Ильинскій прих. Вилег. вол., I, 106, 202, 216, 240, 267, 268; прил. 48. II, 156, 169; прил. 42.
Ильинскій прих. Ентальск. вол. II, 41.
Имандра оз., I, прил. 9.
Имань р., I, 69.
Инва р., I, 21, 46, 47, 108; прил. 43, 44.
Инвинскій пог., станъ, I, 45; прил. 44. II, 102.
Инема р., I, прил. 3.
Ирень р., I, 73.
Ирта пог., I, 118; прил. 28.
Иртинская вол., II, 25.
Исаковская боярщ., I, 7; прил. 60.
Исаковская дер. Ярок. ст., II, 238, 239.
Искоръ пог., I, 238; прил. 40.
Истобенская вол., I, 20; прил. 36.
Ихалица, Ихалицкая вол., I, 47, 240; прил. 56.

К.

Кадниковскій у., I, 4.
Кадь р., I, 15.
Казанскій у., I, 34.
Кайгородокъ, II, 93, 94, 117, 124.
Кайгородскій у., I, 20, 29, 33, 43, 50, 63, 129, 133, 136, 138, 139, 143, 147, 262; прил. 39, 65. II, 19, 43.
Кайгородъ, I, 19, 21, 121, 123, 262, 263; прил. 39, 68.
Кайгортъ пог., I, 46.
Калейская вол., I, 42.
Калейскій ст., I, 42, 258.
Каликинская вол., I, 294; прил. 60.
Калья вол., I, 41, 42, 46; прил. 23.
Кама р., I, 1, 2, 19—21, 72, 101, 108; прил. 39—43, 45.
Каменная дер., II, 180.
Камчуга р., I, прил. 54.
Кандалакша вол., I, 14, 73, 251; прил. 9. II, 20, 112.
Кандалашская губа, I, 13, 14, 70; прил. 8, 9.
Кандалашскій мон., I, 70, 90.
Канза р., и вол., I, 24, 72, 75; прил. 50.
Канинъ мысъ, II, 115.
Каиская вол., Уст. у., II, 138.
Карагай пог., I, 46; прил. 44.
Каргополь, I, 5, 14, 15, 19, 61, 77, 115, 121, 123, 225, 252, 253; прил. 10, 66. II, 69, 82, 87—89, 92, 95, 96, 112, 221, 267, 268, 282, 306; прил. 7, 41.
Каргопольскій ст., I, 14, 40.
Каргопольскій у., I, 2, 5, 12, 14, 27, 32, 36, 38—40, 49, 50, 53, 54, 56, 60, 6[illegible], 68, 69, 74, 75, 77, 90, 100, 115, 116, 129, 131, 133, 139, 143, 147, 163, 171, 184, 224, 225, 252, 253, 257, 306, 320; прил. 10, 13, 64. II, 19, 43, 86, 87, 92, 93, 95, 99, 112, 113, 148, 176, 179, 252, 293, 305; прил. 38, 41.
Карпова гора, I, прил. 25.
Карповская дер., I, 162, 183, 184.
Карчичева дер., I, 186.
Карьеполе пог., I, 258; прил. 27.
Каскара р., I, прил. 61.
Качипозеро, I, прил. 6.
Кеврола(ь) пос., I, 16, 17, 95, 115, 119, 121, 123, 124, 137, 174; прил. 25, 67. II, 69, 115, 116, 125, 267; прил. 7.
Кеврольская земля, I, 17; прил. 24.
Кеврольскій ст. I, 16, 39, 47, 103, 258, 259; прил. 25.
Кеврольскій у., I, 2, 5, 7, 15, 16, 32, 38, 47, 50, 56, 71, 77, 95, 103, 104, 115, 129, 133, 136, 138, 139,

143, 146, 147. 158, 224, 258; прил. 24, 64. II, 3, 12, 19, 48, 95, 115, 176.
Кегостровская вол., I, прил. 20. II. 13.
Кемзала р., I, прил, 40.
Кемская вол., I, 73, 91.
Кемь, I, 8, 73, 74; прил. 8.
Кена р., I, 14; прил. 13.
Кенозерская в., I, прил. 13.
Кенозеро, I, прил. 13.
Кенорѣцкая вол., I, прил. 13.
Кенскій мон., I. прил. 13.
Кентуръ (Кѣнтуръ) вол., I, 47; прил. 54, 55.
Кергозерская вол., I, прил. 60.
Керетозеро, I, 32; прил. 10.
Керетская вол., I, 69, 132, 141; прил. 9, 10. II. 12, 20, 112.
Кереть р. и вол., I, 13, 14; прил. 9. II, 12.
Кехотская вол., I, 90, II, 11.
Кехта р. и вол., I, 15; прил. 21.
Киберская вол., I, 259. II, 76, 141, 169.
Кибра пог., I, прил. 32.
Кивокурскій станъ, I, 23, 24, 39, 222, 239, 277, 279, 303; прил. 51, 52.
Кивокурская вол., II, прил. 14, 16.
Кивокурье, Кивокурья вол., I, 24, 237, 239; прил. 51. II, 22, 23. 94, 131, 165, 171.
Киглохта вол., I, прил. 25.
Кижма пог., I, прил. 27.
Кижскій пог., I, 48, 89, 103 248. II, 65, 78, 248.
Кизва почин., I, прйл. 44.
Кильченга, Ки(ѣ)льченская р. и вол., I, 237, 277, 279; прил. 53. II, 33, 83; прил. 14, 44.
Кимжа р., I, 17.
Кипшенга р., I, прил. 53.
Кирилловская дер. Важ. у., II, 50.
Кирилловъ Бѣлоз. мон., I, 65, 66, 73, 87; прил. 14, 18, 19.
Кирчанская вол., I, 202.
Кирчаны, II, 30.
Киселева дер., II, прил. 30.
Кицкая вол., I, прил. 61.
Кичменга, Кичменская р. и вол., I, 40, 47, 117, 277; прил. 53. II, 39, 144, 299; прил. 14.
Кичменскій гор., I, 47, 116, 117; прил. 53.
Кичугъ р., I, прил. 53.
Кишертъ село, I, 108.
Кленовская вол., I, 392, прил. 60. II. 11, 54, 86.
Клещевѣ полѣ (на) вол., I, прил. 15.
Клименцы, I, 89.
Климецкій мон., I, 89; прил. 4.
Климовская дер., II, 6.
Княжая губа, I, прил. 9.
Княжая дер., I, 209, 210.
Княжесельская сошка, I, 31, 37, 240; прил. 45.
Княжесельская сторона, I, 272. II, прил. 34.
Княжъ островъ вол., I, 6; прил. 21. II, 11.
Княжъ погостъ, I. 46; прил. 31.
Кобыльскій станъ, I, 40, 47, 277; прил. 53.
Ковда р. и вол., I, 14, 25, 67, 70, 131, 251; прил. 9, 54, 58. II, 12, 20, 112.
Ковда дер., I, 215.
Ковдоозеро, I, прил. 9.
Ковеская вол., I, 294; прил. 60.
Ковженская вол., II, 86.
Ковкула вол., I, прил. 17.
Кодима р., I, 5; прил. 18, 62.
Кодлоозеро, I, прил. 5.
Кодлозерская пустынь, I, 75, прил. 16.
Кодра р., II, 10.
Койдокурская вол., I, 43, 46, 257; прил. 21. II, 12.
Койносъ вол., I, прил. 27.
Кожа р., I, 14; прил. 18.
Кожеозеро, I, 69.
Кожеозерскій мон., I, 69, 88; прил. 15, 17—19.

Козмогородская вол., I, прил. 27.
Кокорина дер., II, прил. 30.
Кокшенга р., I, 5, 10, 25, 28; прил. 58, 63. II, 10, 216.
Кокшенгская четверть, I, 40; прил. 63. II, 49, 177, 194.
Кокшенгскій станъ, I, 28, 296.
Кола, Кольскій пос., I, 16, 69, 115, 251; прил. 8, 9, 66. II, 12, 92, 96, 111, 113, 115, 132, 148, 267, 271.
Колва р., I, 21, 33; прил. 39, 40.
Колемжа, I, 12, 74; прил. 4.
Коленга р., I, прил. 63.
Колково вол., I, прил. 36.
Колмовъ мон., I, прил. 6.
Колмогоры см. **Холмогоры.**
Колпобойская вол., I, 220, 221, 293, 294; прил. 60. II, 208, 232, 294.
Колозеро, I, прил. 8, 9.
Колчуга пог., I, 125.
Кол-городъ пог., I, 14, 69; прил. 33.
Колышъ р. и вол., I, 20, 21, 262; прил. 39,
Кольская губа, I, 69; прил. 8.
Кольскій острогъ, I, 127; прил. 9.
Кольскій полуостр., I, 2, 6, 11, 13, 15, 16, 64, 65; прил. 8, 20, 24.
Кольскій у., I, 13—15, 29, 32, 38, 49, 50, 67, 69, 70, 73, 100, 115, 129, 132, 141, 224, 251, 252; прил. 8, 64. II, 12, 20, 107, 112, 113, 114.
Комарица, I, 47, 89, 201, 273, 280; прил. 46.
Комарицкій станъ, I, 23, 24, 39, 56, 72, 89, 93, 94, 107, 137, 148, 237, 239, 276, 278, 279, 280, 299; прил. 49, 50. II, 7, 90, 138, 156, 165, 212, 252; прил. 14, 17, 38, 40.
Комбоозеро, I, прил. 5.
Кондала пог., I, прил. 8.
Кондопога, I, прил. 4.
Коневъ-островъ, I, 6.
Конецгорская вол., I, 297; прил. 62.
Конжа дер., I, прил. 4.
Коноваловскій поч., I, 185, 186.
Конская вол., I, 279.
Контюга пог., I, 46, 260; прил. 33.
Корасьозеро, I, прил. 4.
Корбала, Корбальская вол., I, 5; прил. 62.
Корельская волостка, I, прил. 18.
Корельскій берегъ, I, 73.
Корельскій мон., см. Николо-Корельскій мон.
Коровинская дер., II, 7.
Коротецкая (Короцкая) вол., I, 293, 294; прил. 59. II, 140, 235; прил. 29.
Коряжема р., I, 71.
Коряжемскій мон., I, 71, 87, 274.
Коса (Ныровъ), **Косинскій** пог., I, прил. 42. II, 43.
Коса р., I, 21; прил. 39, 42.
Коскошино, I, прил. 23.
Кослонскій пог., I, 260; прил. 32.
Космоозеро, I, прил. 4.
Костюнинская дер., I, 161.
Косьва р., I, 21, 108; прил. 43, 45. II, 93.
Котасская вол., I, прил. 60.
Котельническій у., I, 20, 39, 138; прил. 36, 37.
Котельничъ, I, 19, 20, 57, 115, 120, 121, 122; прил. 33, 67. II, 94.
Котенъ городище, I, 118.
Коткоозеро, I, прил. 3.
Котовальская вол., II, 294.
Котовальская дер., I, 165, 166, 171, 172, 185, 188. II, 3.
Кочваръ р., I, прил. 57.
Кочвора, Кочворская вол., I, 240, 284, 285; прил. 57.
Коченга р. и вол., I, 286; прил. 55. II, 121.
Коченгская слоб., I, 240.
Кочовъ поч., I, прил. 27.
Кочуринъ поч., I, 86.
Кошки пог., I, прил. 31.
Красавка пожня, II, 221.

Красная рѣч., II, 10.
Красная Ляга вол., I, прил. 11.
Красная Слудка поч., I, прил. 27.
Красной Щельѣ (на) поч., I, прил. 27.
Краснобоpскій пог., I, 74.
Красногорская вол., I, прил. 37.
Красногорская пустынь, I, 81.
Красногорскій мон., I, 42, 79, 80, 258.
Кривецкій мон., I, 71.
Кривецъ дер., I, 46; прил. 44.
Кривляна, II, 11.
Кривой Наволокъ, I, 46; прил. 31.
Крюковы деревни, I, прил. 60.
Ксенифонтьево дер., I, 142.
Кубина р., I, прил. 57.
Кудва р., I, 46; прил. 44.
Куденская волостка, I, прил. 36.
Кудима р., I, 8.
Кудымкоръ пог., I, 45, 47; прил. 44.
Кузаранда, Кузарандская вол., I, 89; прил. 4.
Кузоверская дер., I, 161, 172, 174, 183. II, 190—193.
Кузнецовая слоб., I, 115, 147; прил. 27.
Кузнецовская Разсошка р., I, 171.
Кузнечиха р., I, 16; прил. 20.
Кулига Дрокованова вол., I, прил. 51.
Кулой пос., I, 115.
Кулой р., I, 15—17, 28, 71; прил. 26—28, 54, 57, 62, 63.
Кулойская вол., I, прил. 63.
Кулома р., I, 75, 260; прил. 33.
Кулуй гор., I, 67, 121, 123.
Кулуйская вол., **Кулуя**, I, 24, 119, 240, 284, 285; прил. 57. II, 11.
Кулуя р., I, 24, 119, 174; прил. 57.
Кульчукъ, I, 263; прил. 41.
Кумбышъ островъ, II, 13.
Кунгуръ, I, 73.
Кундонга р., I, прил. 51.
Купецкое оз., I, прил. 5.
Купросъ, I, 47; прил. 44.
Кургонимская вол., I, прил. 61, 62.
Курденга р., I, прил. 53.
Куренка рѣчка, I, прил. 37.
Куреская вол., I, 6, 74; прил. 21.
Куринская вол., I, прил. 37.
Куровская дер., I, прил. 17.
Куропалка, I, прил. 22.
Куростровская вол., **Куръ-островъ**, I, 6; прил. 22.
Курцовъ пос., I, 119.
Кусково дер., II, 40.
Кустовская дер., I, прил. 75, 76, 77.
Кутовалга волостка, I, прил. 14.
Куша р., I, 14, 73; прил. 19.
Кушева, I, 154.
Кушерецкая вол., **Кушрѣка**, I, 74, 91; прил. 19.
Кушкополѣ (на) деревни, I, прил. 25.
Куя, I, 15.
Кьянскій пог., I, прил. 60.
Кѣг-островъ вол., I, прил. 20. II, 13.
Кянда, I, 14.
Кяростровъ, I, прил. 20.

Л.

Лавела вол., I, 16.
Ладва выст., I, прил. 6.
Ладога, I, 110.
Ладожское оз., I, 11, 35; прил. 3, 6.
Лальская вол., I, 22, 112, 117, 158, 172, 240, 268, 270; прил. 47, II, 20, 38, 58, 85, 90, 156, 160, 161, 304.
Лальскій гор., I, 116, 117, 205, 220.
Лальскій пог., I, 110, 117, 124, 205, 270. II, 54, 76.
Лаля р., I, 22, 117; прил. 47.
Ламбасская пустынь, I, 77.
Лампожня сл., I, 17, 147; прил. 27.
Лаптевская дер., I, 158.
Лаче озеро, I, 14, 27, 36; прил. 10, 11—14.
Левкова дер., I, 96, 186, 187.
Левкино дер., I, прил. 70.
Леденга р., I, 109; прил. 54.
Ледина вол., I, прил. 11.
Ледскій станъ, I, 28, 296; прил. 60.

Ледь р., I, 28; прил. 60, 61.
Лекма р., I, прил. 38.
Лекшма р., I, прил. 11.
Лекшмозеро, I, прил. 11.
Лекшмозерская вол., I, прил. 11.
Лекшморѣцкая вол., I, прил. 11.
Лелма вол., I, прил. 17.
Лелма—озеро и р., I, прил. 17.
Леменга, Леменгская вол., I, 34, 278; прил. 53, 54.
Леменга р., I, 34; прил. 54.
Леменгскіе починки, I, 34, 278.
Лена р., I, 18, 102; прил. 28, 29.
Лена пог., I, 102; прил. 29.
Лентьевъ станъ, I, 16, прил. 20. II, 13.
Леонидова пустынь, I, 72.
Лепша озеро, I, прил. 17.
Лепшаозерѣ (на) вол., I, прил. 17.
Лепша р., I, прил. 17.
Лесниково дер., I, 210.
Летка р., I, 58; прил. 33, 38, 47.
Летская сл., I, прил. 35.
Летскій прих., пог., I, 266; прил. 47.
Лецкая вол., I, прил, 61.
Лидова рчк., I, 210.
Линдозеро, I, прил. 7.
Линдозерская вол., I, 251.
Линдозерскій пог., I, прил. 6.
Лима р., I, 35; прил, 17.
Лимешъ пог., I, прил. 41.
Липинская вол., I, 293; прил. 60.
Липовица пожня, I, 178.
Липовомъ (на) **Шеломени Евда** вол., I, прил. 50.
Липовый Шеломень, I, 24, 279.
Лисеостровская вол., I, 6, 71; прил. 21. II, 13, 38.
Лисичій островъ, I, 6.
Личкова Шалга вол., I, прил. 14.
Ловзонга вол., I, прил. 10.
Ловоозеро, I, прил. 8.
Лодма, I, 5, 15, 16, 254; прил. 20. II, 38.
Лодомская вол., I, 254.
Лоемская вол., I, 240, 266. II, 77, 255.
Лоемскій пог., I, 265; прил. 47. II, 59.
Лоинскій пог., I, прил. 39.
Лологъ р., I, прил. 42.
Лопская земля, I, 12, 13, 251.
Лопскій Бабинскій пог., I, прил. 9.
Лопскій Паданскій пог., I, 205.
Лопскіе погосты, I, 12, 13, 144, 145, 198, 224, 250; прил. 7. II, 95, 110, 112, 176.
Лопшенга сл., I, 15.
Лордушская вол., I, прил. 63.
Лохотская вол. (Важск. у.), I, прил. 63.
Лохта р., I, прил. 63.
Лохта вол. (Кевр. у.), I, прил. 25.
Луда пос., I, 15, 74, 115, 119, 121—123; прил. 67.
Лудонга р., I, прил. 51.
Лужановскій станъ, I, прил. 38.
Лужма р., I, прил. 7.
Лужепская вол., I, 133, 237, 243.
Лужники Большіе сл., II, 281.
Луза р., I, 21, 22, 118, 170, 271; прил. 45—47. II, 231.
Лузская Пермца вол., I, 22, 31, 43, 44, 58, 202, 236, 239, 240, 265—267; прил. 47. II, 10, 20, 59, 154, 156, 158, 162, 178, 183, 184, 186, 203, 241, 255, 293, 302, 304, 308; прил. 41.
Луковецъ островокъ, II, 11.
Лукинская дер., II, прил. 27, 29.
Лукинъ берегъ, I, 6.
Лупенская вол., I, прил. 60.
Лупья р. и вол., I, 20, 21, 24; прил. 45, 51.
Лысая Гора дер., II, прил. 27.
Лысва, I, 72, 101.
Лыщики дер., I, 131.
Лычка р., I, прил. 53.
Льняникова дер., I, 88, 173.
Лѣтникъ наволокъ, I, 221.
Лѣшая Лопь, I, прил. 10.
Люличанка р., I, прил. 33, 34.
Лябельская вол., **Лябла**, I, 136, 239; прил. 51. II, 78.

Лябова дер., I, прил. 43.
Лявла р., I, 8, 15; прил. 21.
Ляли пог., I, прил. 31.
Лямица р., I, 66.
Лясоминскій наволокъ, II, 13.

М.

Мадовись дер., II, 51.
Майкоръ дер., I, 47; прил. 44.
Малая Немьюшка вол., I, 17, 259; прил. 28.
Малая Пинежка вол., I, 16; прил. 26.
Малая Шалекушка дер., I, 32.
Малая Шуйка р. и вол., I. 14; прил. 19.
Малокурье, I, 8.
Мамонта рчк., II, 11.
Мангазея гор., I, 230, 239; прил. 39.
Манылоскій улусецъ, I, 42, 44, 45, 202, 285.
Марденга р., I, 23; прил. 48.
Марковская дер., II, прил. 29.
Маркущъ, I, 77.
Мартемьяновская дер., I, 131, 163.
Марьина гора, I, прил. 25.
Маселга, Масельскій пог., I, прил. 8, 9.
Матигорская вол., **Матигоры**, I, 6, 43, 67, 257; прил. 21—22. II, 21, 38, 86.
Матигорская лука, I, прил. 22.
Маткоозеро, I, прил. 4.
Мегорскій пог., I, 40, 54, 205, 249. II, 64, 111.
Мегра р., I, прил. 6.
Мегрега, I, прил. 3.
Мегренга см. Мехренга.
Медвѣдева вол., II, 209.
Медвѣдевскій поч., I, 90.
Межайдоръ пог., I, 18; прил. 32.
Межгоры, II, 16.
Мездринская дер., I, 22, 178, 179.
Мезенскій у., I, 5, 15—17, 29, 31, 47, 49, 71, 100, 115, 129, 133, 138, 139, 143, 147, 224, 259; прил. 26, 28, 64. II, 19, 48, 95, 115, 176.
Мезень г., I, 5, 7, 17, 95, 115; прил. 26. II, 69, 81, 115, 116, 125, 267; прил. 7.
Мезень р., I, 1, 6, 7, 17, 18, 31, 47, 86; прил. 26, 27, 28, 39.
Меландово вол., I, прил. 23.
Мерзулово дер., I, 215.
Мехренга р., I, 5, 6, 14, 252; прил. 10, 16, 58, 59.
Мехренгскій станъ, I, 5, 14, 39, 53, 252; прил. 16.
Мишская вол., I, прил. 63. II, 194.
Митрополій станъ Уст. у., I, 37. II, 37.
Митрополья вол. Уст. у., I, 94.
Михайлово оз., I, 70.
Михайловская дер., I, прил. 19.
Могильниковы дер., I, 107.
Моклоки дер., I, 131.
Мола р. и вол., I, 284; прил. 53, 56.
Молома р., I, 138; прил. 33, 37.
Молская вол., I, 238, 240, 284.
Молотниковская вол., I, прил. 37.
Моржегорская, Моржъ вол., I, 47; прил. 23. II, 30.
Моржовка р., I, 15; прил. 23.
Морозовскій пог., I, прил. 62.
Мосѣева Гора дер., I, 107.
Мосѣева дер., I, 95.
Моша р., I, 2, 14, 15; прил. 14, 16, 17.
Мошево дер., I, прил. 42.
Мошенская вол., I, 253, 320; прил. 17. II, прил. 38, 41.
Мошенскій ст., I, 76.
Мошеозеро, I, 15; прил. 17.
Мошеозерская вол., II, 23.
Мошкурская вол., I, 279; прил. 50.
Мошкурья р. и вол., I, 23; прил. 50.
Мудьюга, Мудьюжская вол., I, прил. 18, 20. II, 16.
Мудьюга р., I, 14, 15; прил. 18, 20.
Муномашъ пог., I, 14; прил. 8.
Муноозеро, I, прил. 4.
Мунская вол., I, 294; прил. 59.
Мурманскій берегъ, I, 69, 73.
Мурманъ, II, 112.

Муромскій мон., I, 68, 89, 175, 248; прил. 5, 6. II, 55.
Мѣдянка р., I, прил. 35.
Мѣдянская вол., I, прил. 35.
Мяколица р., I, прил. 48.

Н.

Надпорожская вол., I, прил. 11.
Надпорожье село, I, прил. 11.
Назаровская дер., I, 209, 210.
Назимово, I, 22, 105; прил. 46.
Наль-островъ, I, 6.
Настасьинская волость, I, 252.
Наумовская дер., II, 295.
Неглимозерская пустынь, I, 77.
Нелидово дер., I, 209, 210.
Нелюбино дер., I, 210.
Нема р., I, 18.
Немза, I, 264.
Немнюга р., I, 17; прил. 24, 25.
Немнюжское оз., I, прил. 24, 25.
Немьюга р., I, 5, 17; прил. 27, 28.
Немьюшка Малая вол., I, 17, 259; прил. 28.
Ненокса, I, 5, 6, 8, 15, 65, 66, 70, 74, 115, 121—123; прил. 24, 66.
Нердва р., I, прил. 44.
Нермоша вол., I, прил. 15.
Нива р., I, 70; прил. 9
Нижмозерская вол., I, 74; прил. 19.
Нижне-Едемская вол., I, прил. 60.
Нижне-Кицкая вол., I., прил. 61.
Нижне-Пужская вол., I, прил. 61.
Нижне-Тоемская вол., I, прил. 62.
Нижній Боръ вол., I, 163, 252; прил. 12, 13.
Нижняя Еденга (Ѣдинга) вол., I, 201, 210, 211, 220. II, 148, 235.
Нижняя Ерга, I, 24.
Нижняя Мошкурья, I, 23.
Низовская вол., I, 252, 254.
Никифорово дер., I, 77. II, 244.
Николаевскій пог., I, 46; прил. 44.
Николо-Корельскій мон., I, 5, 66, 71, 95; прил. 24. II, 13.
Николо-Коряжемскій мон. см. Коряжемскій мон.
Николо-Прилуцкій мон., I, 72, 87, 94, 96, 269.
Николо-Угрѣшскій мон., I, 66, 72, 94.
Никольская вол., I, 37, 222, 291, 292.
Никольская Волюская вол., I, 25; прил. 59, 93, 95, 96. II, 86, 190; прил. 40.
Никольская Матигорская вол., II, 86.
Никольская сл., I, 1, 278; прил. 54. II, 239, 254.
Никольскій Андомскій пог., I, 248; прил. 5. II, 96.
Никольскій Вяжицкій мон., I, 66.
Никольскій конецъ (Холмогоры), I, 119.
Никольскій Лальскій посадъ, I, 117.
Никольскій Лопскій пог., I, 251.
Никольскій Оштинскій пог., I, 44, 248; прил. 6.
Никольскій Паданскій пог., I, 144.
Никольскій Пудожскій пог., I, 41, 249; прил. 5. II, 96.
Никольскій прих. на р. Андангѣ, I, 1, 45, 102, 117, 202, 203, 205, 239, 240, 255, 267, 268.
Никольскій прих. Введен. Устьян. ст., II, 30.
Никольскій прих. Вилегод. вол., II, 84, 140, 142, 156, 159, 160, 180, 186, 205; прил. 38.
Никольскій уѣздъ, I, 4, 169, 171, 207.
Никольскій Шуйскій пог., I, 32, 249; прил. 3. II, прил. 30, 32.
Никольскій Шунскій мон., I, 67, 249.
Никольскій въ Шунгѣ (Шунскій) пог., I, прил. 4. II. 78, 91, 96, 111, 167.
Никольское Бобино, I, прил. 34.
Никольскъ г., I, прил. 54.
Нименга р. и волостка, I, 14; прил. 19.
Нименское оз., I, прил. 14.
Нимянда р., I, прил. 45.

Нигижма, I, прил. 5.
Нишма р., I, прил. 57.
Новгородовская дер., II, 246.
Новгородскій уѣздъ, I, 11—13, 21, 39, 48, 67, 210, 249. II, 306.
Новгородъ, I, 1—5, 7, 8, 11—13, 19, 21, 66, 67, 119, 250, 255, 316; прил. 13. II, 21, 110.
Новиковская дер., I, 209, 210.
Нововышлый станъ, см. Сухонскій Нововышлый ст.
Новоприбылая дер., I, 32; прил. 10.
Новоприбылая Окорсальма, I, прил. 10.
Новоспасскій мон., I, 66.
Нокола вол., I, прил. 13.
Норенскій пог., I, прил. 8.
Норовская дер., I, прил. 30.
Ното озеро, I, прил. 9.
Ношуль, Ношульская вол., I, 240, 266. II, 76.
Ношульскій прих., I, 202, 265, 266; прил. 47. II, 6, 156, 158, 304.
Нутренской улусецъ, I, 42.
Ныкола вол., I, прил. 23.
Ныробская дер., I, 264. II, 42.
Ныробъ, Ныробскій пог., I, 33; прил. 40. II, прил. 38.
Ныровъ (Коса) пог. I, 42.
Нѣма р., I, 260.
Нюксеница дер., I, прил. 57.
Нюхча р. и вол., I, 11, 16, 47, 74; прил. 3, 4, 26.
Нявдема вол., I, прил. 9.
Няфта р., I, прил. 27.

О.

Обва р., I, 21, 46, 103, 108, 264; прил. 43, 44.
Обвинскій пог., I, 45, 264. II, 102, 161.
Обозеро, I, прил. 23.
Обонежская пятина, I, 2, 12, 48.
Обонежскій рядъ, I, 2.
Обонежье, I, 205.
Обокша р., I, 15; прил. 22.
Оботурово дер., II, 239.
Обропина горка, I, 156.
Обухова дер., I, 212.
Объячевская вол., I, 240, 266.
Объячевскій пог., I, 118; прил. 47.
Объячевскій прих., I, 118, 202, 265, 266. II, 156, 158, 186, 304.
Объячево вол., II, 76.
Объячій гор., I, 116, 118.
Огафоновская дер., II, прил. 27.
Огибаловская дер., II, 3.
Озерецкая вол., I, прил. 63.
Озеро вол., I, прил. 6.
Окатовская дер., I, 53; прил. 37.
Оквадъ пог, I, прил. 30.
Окладникова сл., I, 7, 86, 115, 147; прил. 26.
Окологородная вол. Тотем. у., I, 105, 125, 137, 240, 286, 287; прил. 54. II, 84, 294.
Окологородная вол. Ярен. у., I, 18, 91; прил. 28.
Окологородный ст. Кайгород. у., I, 20, 21; прил. 39.
Окологородный ст. (Заболотскій) Соликамск. у., I, прил. 43.
Окологородный ст. Сольвыч. у., I, 22, 23, 236, 238, 239, 271, 272, 275; прил. 45. II, 20.
Окологородный ст. Чердынск. у., I, 125, 238; прил. 39.
Окологородье ст. Орловск. у., I, 19, 20, 39; прил. 36.
Околопосадная треть Двинск. у., I, 40, 256.
Окорсальма, I, прил. 10.
Оксеновская дер., I, 160.
Окулова дер., II, 40.
Олга вол., I, прил. 13.
Олема вол., I, 17, 259; прил. 27.
Олеховская дер., I, прил. 11.
Олонецкая губ., I, 169.
Олонецъ г., I, 12, 13, 38, 41, 68, 115, 144, 145; прил. 3, 66. II, 111, 269, 271.

Олонецкій мон., I, 89.
Олонецкій острогъ, I, 144.
Олонецкій пог., I, 38, 39, 64, 250. II, 64.
Олонецкій ст., I, 39, 249.
Олонецкій у., I, 169; прил. 7, 9.
Олонецкій ямъ, II, 111.
Олховецъ, Олховская вол., I, прил. 12.
Олютинская дер., II, прил. 29.
Онега р., I, 1, 2, 5, 6, 14, 15, 40, 68, 253; прил. 10—19.
Онежская губа, I, 11, 14, 66, 74; прил. 3, 10.
Онежская земля, I, 252.
Онежецкое с., I, прил. 30.
Онежское оз., I, 1, 10, 11, 35, 41, 68; прил. 3—7.
Онежье пог., I, 46; прил. 30, 31.
Ондроновская дер., I, прил. 12.
Онтрошевская дер., I. 213.
Опотская вол., II, прил. 14.
Ордомскій пог., I, прил. 15.
Орелъ городокъ, I, 116.
Орлицъ гор., I, 5.
Орлова вол. Устюжск. у., I, 277; прил. 52.
Орловская вол. Устюжск. у., I, 30, 85, 94, 127, 237. II, 85, 86, 156, 157, 292, 298; прил. 14.
Орловская вол. въ Устьянск. сохахъ, I, прил. 59.
Орловскій ст. Вятск. у., I, 19; прил. 36. II, 167.
Орловскій у., I, 19, 39, 46, 170; прил. 36.
Орловъ гор., 1, 19, 20, 57, 115, 121, 123; прил. 33, 36, 67.
Осановская дер., I, 171, 184.
Осередокъ с., I, прил. 62.
Осерецкая боярщ., I, прил. 62.
Осиновская вол., I, 5.
Осиновскій ямъ, II, 75, 115.
Осиновская вол., I, прил. 62.
Остречинскій пог., I, 249. II, 111.
Островецъ пожня, I, прил. 75.
Островъ дер., I, 105.
Осіевскій наволокъ, I, 86.
Отла пог., I, 46; прил. 31.
Отхожая сл., I, 16, 32; прил. 24. II, 114.
Ошевенскій мон., I, 68; прил. 15, 17.
Ошланъ р., I, 34.
Ошланская вол., I, 34, 45; прил. 35.
Ошланская сл., I, 45.
Ошланье пог., I, прил. 29.
Ошта, I, 31, 39, 40, 224; прил. 6. II, 96; прил. 33, 34.
Оштинскій пог., I, 31, 39, 44, 224, 249, 250. II, 96.
Оштинскій ст., I, 40, 54. 249, 250. II, 64.
Оять р., I, 41; прил. 6.

П.

Набережская вол., I, прил. 16.
Павлецово дер., II, 213.
Павликовская дер., I, 54.
Павловская вол., I, прил. 10. II, 148.
Павловская дер., I, 213.
Паданга р., II, 8.
Паденга р., прит. Ваги, I, 28; прил. 61.
Паденгская вол., I, прил. 61.
Паданскій пог., I, 145; прил. 7.
Падонское Сего-озеро, I, прил. 7.
Падрокурскій пос., I, 119.
Падростровъ, II, 13.
Пажга пог., I, прил. 32.
Пажгинскій пог., II, 194.
Пазрѣка пог., I, прил. 9.
Палевица дер., I, прил. 30.
Палевица р., I, 214.
Паленга р., I, прил. 22.
Палеостровскій мон., I, 248; прил. 4, 5. II, 10.
Палчеварская вол., I, 293; прил. 60.
Панасъ-озеро, I, прил. 8.
Паниловская вол., I, прил. 22.
Панковщина почин., II, 8.
Панозерскій пог., I, прил. 8.

Паршутино дер., II, 234.
Патлеварскій улусецъ, I, 42.
Паточина р., I, 181; прил. 78.
Пачеозеро, I, 22; прил. 45.
Пачеозерская вол., I, 236, 238, 239, 272, 275. II, 31, 46, 60, 145, 313, 314; прил. 3, 39.
Пачеозерскій ст., I, 22, 37; прил. 45. II, 20.
Пачеозерское село, I, 272.
Паюнская дер., I, 153, 154.
Пежемская вол., **Пежемскій** ст., I, 25, 28, 42, 53, 55, 159, 172, 183, 185, 194, 203, 215—217, 226, 289, 290, 292, 305. 308, 309, 313, 316, 317, 319; прил. 77, 82, 83, 103. II, 20, 44, 130, 131, 179, 180, 181, 195, 199, 218, 219, 220, 223, 238. 240, 241, 243—245, 249, 251, 253; прил. 40.
Пежма вол., I, 134, 290, 316; прил. 58.
Пежма р., I, 10, 25, 28, 30; прил. 58, 62. II, 219, 223.
Пеза р., I, 7; прил. 27.
Пелшма р., I, прил. 54.
Пентѣгъ пог., I, 238; прил. 41.
Перемская вол., I, 5, 16; прил. 24. II, 12.
Пересъ-озеро, I, прил. 8.
Перечное оз., I, прил. 60.
Пермская земля, I, 2, 6, 19, 20, 21, 45, 72, 116, 129, 262. II, 87, 117, 119, 177, 268.
Пермскій край, I, 2, 7, 33, 101, 130, 199.
Пермогорская, Пермогорье, I, 23, 89, 193, 276; прил. 51. II, 22, 78, 156, 165, 295; прил. 13, 14, 17, 43.
Пермь, I, 2, 4, 17, 19, 21. II, 93, 125, 267, 308.
Пермь Великая, I, 20, 58, 60, 228.
Пестово Раменье дер., I, 55.
Песья Деньга р., I, прил. 54.
Петровскій прих., I, 42, 43, 294. II, прил. 11.
Петровское село, сельцо Сольв. у., I, 22, 24, 32, 92, 106, 178, 272, 273; прил. 46.
Петрогорская вол., I, 42.
Петровскій Челможскій пог., I, 98; прил. 5.
Петроково дер., I, 134.
Петрушинская дер., I, 134, 152; прил. 57.
Печатниковская вол., I, прил. 11.
Печенга р., I, 69; прил. 56.
Печенгская губа, I, 69.
Печенгскій мон., I, 69, 70; прил. 9.
Печенская вол. Тотем. у., I, 76, 285; прил. 56.
Печенская вол. Чаронд. окр., I, 293; прил. 59. II, 79.
Печора р., I, 1, 2, 4, 18, 19, 71.
Пидемская дер., I, 158.
Пилемскій улусецъ, I, 42.
Пильва р., I, прил. 40, 41.
Пильи горы, Пильегорская вол., I, 5, 7, 15—17; прил. 24.
Пингиша (ъ) р. и вол., I, 15; прил. 23.
Пинега р., I, 2, 5, 6, 7, 15, 16, 42, 77, 79, 81, 115, 146, 174; прил. 22, 26. II, 12, 81.
Пинегино дер., I, 131.
Пинежка вол., I, 5, 17.
Пинежская вол., I, прил. 22.
Пинежскій Волокъ, I, 174.
Пинесъ озеро, I, прил. 9.
Пиринема вол., I, 16, 47; прил. 24.
Пирзопалда вол., I, прил. 18.
Пихтеникъ дер., I, 214.
Пихтина гора дер., I, 215.
Пичуга р., I, прил. 53.
Піяла вол., I, прил. 17.
Піяльское с., I, прил. 17.
Плесовская вол., I, 18, 96, 163; прил. 30.
Плесъ дер., II, 26.
Плесъ р., I, 225; прил. 30.
Плоское дер., I, 214.
Плоскодворское дер., I, 153.

Повѣнецкій рядокъ, II, 111.
Повѣнецкій у., I, 12; прил. 7.
Повѣнецъ, II, 111.
Погорѣльская дер., II, 208.
Погостецъ, II, 283.
Погостище дер., II, прил. 29.
Погостская сотня, I, 116; прил. 23.
Погостъ вол. Каргоп. у., I, 252.
Подвинская четверть Важск. у., I, 40; прил. 61. II, 177, 231.
Подвинскій станъ, I, 28, 296.
Подкиберское с., I, 169.
Подосиновская вол., I, 105, 134, 136, 152, 204, 243, 277; прил. 52. II, 56, 90, 148, 151, 152, 179, 305.
Подосиновскій гор., I, 116.
Подпорожье вол., I, прил. 18.
Подретская вол., I, прил. 35.
Подрянинская дер., II, 208.
Подюга р., I, прил. 58.
Поздѣевъ поч., II, 11.
Покровская дер., II, 38.
Покровскій Вытегорскій пог., I, 248; прил. 6.
Покровскій мон., I, 71.
Покровскій прих. Важск. у., I, прил. 61.
Покровскій прих. Вилег. вол., I, 45, 202, 203, 240, 268; прил. 48. II, 140, 156, 160.
Покровскій прих. Чушевицк. вол., I, прил. 84.
Покшенга вол. и р., I, прил. 25.
Покча пог., I, 238, 263; прил. 40.
Поле на р. Кодимѣ вол., I, прил. 18.
Половково дер., I, 210.
Половодово пог., I, 46; прил. 43.
Поломская вол., I, прил. 37.
Полуборье вол., I, прил. 11.
Полченская вол., I, прил. 59.
Поной р., I, прил. 8.
Понойскій пог., I, прил. 8. II, 20.
Попонаволоцкая вол., I, прил. 62.
Порожская вол., II, 252.
Порша р., II, 295.
Посухонская треть Уст. у., I, 243.
Посухонскія слободки и дер., I, 24, 32, 42, 47.
Потылицынская дер., II, прил. 27.
Поцкая вол., I, прил. 63.
Поча вол., I, прил. 63.
Поча озерко, II, 12.
Поча р., I, прил. 24. II, 12.
Почеозеро вол., I, прил. 13.
Пояргуба вол., I, 14, 251; прил. 8. II, 20, 112.
Предтеченская вол., I, прил. 61.
Преображенскій мон., I, 95, 111.
Преображенскій прих. Шеговарск. вол., II, 28.
Пресельская сторона, I, 272.
Пречистенскій прих. Вилег. вол., I, 42, 43, 45, 194, 202, 203, 205, 239, 240, 267, 268, 294; прил. 48. II, 84, 140, 156, 159, 160; прил. 38.
Пречистенскій прих. Иртинск. вол., II, 25.
Прибыткова дер., I, 171.
Приводино, II, 23, 24, 37, 236, 237.
Прилукъ дер., I, 215.
Прилукѣ (на) вол., I, прил. 14.
Прилуцкая вол., I, прил. 62.
Прилуцкій мон., II, 7.
Прилуцкое с., I, прил. 14.
Прокопьевскій прих., I, прил. 61.
Прокудинская дер., II, прил. 28.
Псковъ, I, 5. II, 21, 110.
Пудожемское устье (С. Двины), I, 71.
Пудожскій пог., I, 89, 175, 249. II, 10, 55, 65, 96, 111.
Пуйская вол., I, прил. 61.
Пужская вол., I, прил. 61.
Пукирева дер., I, 152.
Пукиревская дер., II, 196.
Пукшенга р. и вол., I, 46, 96, 258; прил. 23.
Пулонгское оз., I, прил. 10.
Пунемская вол., I, 293, 294; прил. 59. II, 232; прил. 38.
Пускозерская вол., I, прил. 61.
Пустая р., I, прил. 59.

Пустозерскій острогъ, I, 18.
Пустозерскій у., I, 19.
Пустозерскъ, I, 19; прил. 68. II, 115, 124, 267.
Пустынскій пог., I, 42, прил. 30.
Пучюжская вол., I, прил. 62. II, 49.
Пушемская вол., I, 298. II, 56, 91, 305.
Пушлохта, I, 66.
Пушма р., I, прил. 52, 53.
Пущинскій пог., I, прил. 39.
Пуя р. и вол., I, 28; прил. 61.
Пыелда пог., I, 260; прил. 32.
Пылема дер., I, 27.
Пырза р., I, 22; прил. 46.
Пырская Едома, II, 8.
Пыскорская курья, I, 72.
Пыскорскій мон., I, 72, 90. II, 309.
Пялакша, I, прил. 10.
Пялясмъ озеро, I, прил. 9.
Пянда р., I, прил. 19, 61.
Пяндская вол., I, прил. 61.
Пяозеро, I, прил. 10.
Пятницкій конецъ, I, 22, 102, 105; прил. 46.
Пятницкое сел(ьц)о, I, 24, 92, 106, 219, 272, 273. II, 156; прил. 11, 42.
Пятовская дер., I, 131.

Р.

Рагнукса р., II, 10.
Раковицы пог., I, 46; прил. 31.
Ракулка вол. Кивок. ст., I, 24; прил. 51.
Ракульская вол. Двинск. у., I, 89, 90, 258; прил. 22.
Ракульская вол. (Ракулка) Кивокурск. ст., I, 222, 277, 303. II, 131.
Ракульская вол. (Ракуло-Кокшенгскій пог.) Важск. у., I, прил. 63.
Раменская сл., I, 240; прил. 55.
Ратмеровская, Ратмировская вол., **Ратмировскій** станъ, I, 22, 95, 106, 127, 170, 236, 240, 269, 271; прил. 46. II, 59, 85, 156, 163, 164, 231, 238, 304; прил. 39.
Ратчъ р., I, прил. 54.
Рачепская вол., I, прил. 60.
Реважъ р., I, 22, 23; прил. 45, 49.
Редикоръ пог., I, 238; прил. 41.
Репонема вол., I, 41, 46; прил. 23.
Ровдинская вол., **Ровдинскій** ст., I, 28, 296; прил. 61.
Ровдогорка р., I, прил. 22.
Ровдогорская вол. (Ровдина гора), I, 258; прил. 22. II, 38.
Родча р., I, прил. 56.
Рождественскій (Водлозерскій) пог., I, прил. 5.
Рождественскій (Мегорскій) пог., I, 248; прил. 6.
Рождественскій (Олонецкій) пог., станъ. I, 38, 40, 41, 248—250; прил. 3.
Рождественскій (Остреченскій) пог. I, 248, 249; прил. 6.
Рождественскій (Палеостровскій) мон., I, 68.
Рождественскій пог., Солик. у., I, прил. 44.
Рождественскій прих., I, 294.
Рождественскій (Семчезерскій) пог., I, 251.
Роксольская вол., I, 294; прил. 59.
Романъ-озеро, I, прил. 8.
Ромашева дер., II, прил. 30.
Ромашевская вол., I, 297; прил. 63.
Ростовская вол., Важск. у., I, 297; прил. 62.
Ростовская вол. Устьянская, I, 25, 205, 215, 226, 289, 290, 292, 302, 316, 317; прил. 58, 88, 89, 104, 105. II. 42, 57, 133, 180, 194, 216, 226, 255; прил. 40, 41.
Ростовскій пог., I, 203, 205; прил. 103.
Ростокинъ мон., I, 66; прил. 6.
Ротковская вол., I, 294; прил. 60. II, 54, 156, 157, 168, 208; прил. 38.
Рува пог., I, прил. 10.
Ругозеро, I, прил. 7.

Ругозерскій пог., I, 145, 250; прил. 7.
Руза р., I, 212.
Русановская вол., I, прил. 36.
Русинкова дер., I, прил. 70.
Русома дер., I, прил. 27.
Рыбья р., I, прил. 6.
Рягова вол., I, прил. 14.
Ряшка р., I, 36.

С.

Савинская дер., II, 233.
Сандала выст., I, прил. 4.
Сараева вол., I, 277; прил. 53.
Саранская дер., II, 206.
Свага р. и вол., I, прил. 62.
Свидская вол., I, 293; прил. 60.
Свидь р., I, 36; прил. 59, 60.
Свирь р., I, 68; прил. 6, 7.
Святица р. и вол., I, 277; прил. 53.
Святозерская вол., I, 44.
Себежъ р., I, прил. 55.
Селецкая вол., I, 5; прил. 62.
Селецкій пог., I, прил. 7.
Селецкое оз., I, прил. 7.
Селецкое с., I, прил. 16.
Сельцо вол., I, 5, 252; прил. 16.
Селютинская дер., I, 134.
Селянская вол., I, 268.
Селянскій прих., I, 239, 268; прил. 48.
Семеновскій прих., II, прил. 11.
Семчезерскій пог., I, прил. 7.
Семчезерское оз., I, прил. 7.
Серегова гора пог., I, 109; прил. 31.
Середній погостъ вол., I, прил. 51.
Сивенга р., I, прил. 62.
Сидорова Ѣдома вол., I, 23, 136; прил. 51.
Сидоровица р., I, 179, 181; прил. 78—80.
Сидоровская дер., I, 131.
Синегодская вол., I, 23, 47, 150; прил. 49.
Ситра вол., I, прил. 62.
Сійская вол., I, 70, 89, 258; прил. 23.
Сійскій мон., I, 66, 71, 89; прил. 28.
Сія р., I, 15, 70; прил. 23.
Скребинская дер., II, прил. 30.
Скуратова дер., II, 141; прил. 29.
Слободская вол. Важск. у., I, прил. 62.
Слободской гор., I, 19, 20, 81, 82, 115, 121, 122; прил. 33, 37, 67.
Слободской станъ, I, 19, 28, 46, 57, 118, 296; прил. 37. II, 90, 268.
Слободско-Осиповское с., I, прил. 62.
Смердья р., I, прил. 22, 23.
Сметанинская вол., I, прил. 61.
Снегиревская вол., I, 46; прил. 36.
Снегиревская р., I, 46; прил. 36.
Соболевская дер., I, 160.
Сова р., I, 46; прил. 38.
Совьинская вол., I, 19, 46; прил. 38.
Совьюга р. и вол., I, 284; прил. 56.
Совьюская вол., I, 240, 284.
Соденга р. и вол., I, 10, 25, 213, 290; прил. 58, 59.
Соденская вол., I, 211—214, 226, 292; прил. 75—77, 90, 91. II, 25, 44, 149, 156, 157, 161, 201, 227, 244, 246, 250, 257, 258.
Соезерская пустынь, I, 76.
Соезерское оз., I, 76.
Сойга р., I, 76, 96.
Соколья дер., II, прил. 29.
Солга р., I, 6.
Солза р., I, 15, 16, 74; прил. 24, 59, 60.
Солза сл., I, 16, 32; прил. 24. II, 114.
Солзенская вол., I, 294; прил. 60.
Соликамскій пос., I, 66.
Соликамскій у., I, 20, 21, 29, 39, 45, 46, 47, 50, 63, 66, 72, 101, 103, 108, 129, 130, 132, 133, 138, 139, 142, 143, 147, 263, 264; прил. 41, 47, 65. II, 19, 20, 83, 102, 308.
Соликамскъ, I, 21, 73, 103, 108, 119—123, 125; прил. 68.
Солица р., I, прил. 75.
Солицкая дер., I, 182, прил. 75. II, 221.

Соловецкій мон., I, 7, 12, 63, 66, 67, 73—75, 87, 91, 108, 251, 253; прил. 4, 14, 15, 17—19, 24.
Соломбала р., I, 6; прил. 20.
Солоное сл., I, прил. 51.
Солоозеро, I, 16; прил. 24.
Соль Вычегодская, Сольвычегодскъ, I, 19, 22, 23, 44, 60, 64, 93, 108, 113, 120—124, 228—230, 233, 235, 236, 239, 240, 266—268, 272—275; прил. 45, 69. II, 8, 57, 80, 82, 88, 91, 93, 94, 96, 102, 103, 107, 118, 121, 125, 129, 133, 150, 152, 166, 169, 203, 206, 207, 229, 264, 268, 269, 279, 285, 286, 304; прил. 3, 18, 19, 20, 37, 39.
Сольвычегодскій пос., I, 95.
Сольвычегодскій (Усольскій) у. passim.
Соль-Галицкая, Солигаличъ, II, 94, 122.
Соль Камская, Соликамскъ, I, 19, 60, 73, 111; прил. 68. II, 93, 102, 116, 117, 124, 268,
Соликамскій у., I, прил. 43. II, 268.
Соль Тотемская, I, 240, 286.
Сондога р. и вол., **(Сондогская)** I, 24, 286; прил. 57. II, 214.
Сондожское оз., I, 57.
Сондуская вол., I, 240.
Сопъяла пог., I, прил. 9.
Сорока р., I, 74.
Сорокина дер., II, прил. 29.
Сороцкая вол., I, 74.
Сороцкая сл., I, 12; прил. 4.
Сосновецъ гор., I, 116. II, 125.
Сояльскій ст., I, 16, 258; прил. 22.
Спаса Новаго мон., I, 151; прил. 24.
Спасовъ-Суморинъ мон., I, 72, 76.
Спасовъ-Хутынскій мон., I, 41, 66; прил. 5—7.
Спасо-Каменный мон., I, 66, 228.
Спасо-Прилуцкій мон., I, 66, 95.
Спасская вол., I, 266; прил. 63. II, 51, 77.
Спасская пустынь, I, 71, 75.
Спасская Строкина пустынь, II, 43.
Спасскій Выгозерскій пог., II, 91.
Спасскій Кижскій пог., I, 32, 204, 249; прил. 4. II, 65, 78, 248, 249.
Спасскій мон., I, прил. 15.
Спасскій пог. Сольв. у., I, прил. 47.
Спасскій Шальскій пог. Заон., I, 31; прил. 5. II, 96.
Спасскій прих. Вилег. вол., I, 202, 267, 268; прил. 48. II, прил. 39, 40.
Спасскій прих. Кичменскій, I, 277; прил. 53.
Спасскій прих. Лузск. Перм., I, 240, 265, 266. II, 59, 76, 292, 302; прил. 41.
Спасскій прих. Ярокурск. ст., I, 133.
Спасскій Селецкій пог., I, 251.
Спасскій Сестринскій мон., I, 93, 96,
Спасскій ст. Двинск. у., II, 160.
Спасскій ямъ, II, 76.
Спенцынскій ст., I, 19, 37, 138, 262; прил. 33. II, 116, 167, 170; прил. 38.
Спѣлова дер., II, прил. 29.
Средній пог., I, 24.
Срѣтенскій пог., I, прил. 43.
Старая Кеврола вол., I, прил. 25.
Старая Спицына дер., II, прил. 30.
Старая Тотьма вол., I, 66, 137, 149, 201, 209, 210, 237, 240, 285, 286; прил. 54. II, 148, 209, 235.
Старцовская дер., II, 295.
Степаново городище, I, 73.
Степановская дер., I, 165.
Стрига р., 22, 23; прил. 48, 49.
Строкина Спасская пустынь, II, 43.
Стрѣленская вол., I, 243; прил. 48.
Стрѣльна р., I, прил. 48.
Стрѣлецкая вол., II, 9, 209.
Стрѣлица, вол., I, 25.
Стрѣлицкая вол., I, 42, 240, 284; прил. 56.
Стрѣлки пожня, I, прил. 75.
Студенецъ I, 178.
Студеное море, I, 13.
Ступинская вол., I, прил. 22.
Сувисари дер., II, прил. 30.

Судромская вол., I, 62.
Судромское с., I, 62.
Суздальская земля, I, 1.
Суланда р., I, 28; прил. 61.
Суланская вол., I, прил. 61.
Сума р., I, 11, 12; прил. 3—5.
Сумозеро, I, прил. 4.
Сумская вол., I, 74, 91.
Сумскій острогъ, I, 12, 74; прил. 4.
Сумскій пос., I, 8.
Суна р., I, прил. 7. II, прил. 35.
Сура р. и вол., I, 16, 259; прил. 26.
Сура Поганая, I, 5.
Суходворская дер., I, 153.
Сухое море, II, 16.
Сухой погостъ Сухопог(в)остская вол., I, 24, 279; прил. 50. II, 7, 84, 138, 165.
Сухона р., I, 3, 4, 21—24, 36, 72, 137, 201, 243; прил. 45, 46, 48, 49, 54—57. II, 71, 74, 87, 94, 122, 123, 151; прил. 8, 11, 15.
Сухопаволоцкая с., I, 12; прил. 4.
Сухонская треть, I, 40, 111, 278, 279.
Сухонскій Нововышлый ст., I, 23, 219, 275, 278, 304, 311; прил. 48, 101, 102. II, 56, 91, 146, 157, 235, 275, 294, 305; прил. 17.
Сухонскій ст., I, 23, 37, 94, 131.
Сухонскій Черный ст., I, 275, 278; прил. 48. II, 156, 232, 294.
Сученга р. и вол., I, 24, 286; прил. 54, 55.
Сученская вол., I, 237, 240.
Сылва р., I, 73, 108, 111.
Сырьянскій ст., I, прил. 38.
Сысола, Сысольская вол., земля, I, 18, 259; прил. 32. II, 47, 158, 169, 194, 249, 251, 293; прил. 40.
Сысола р. I, 17, 18, 46; прил. 28, 32, 33. II, 47, 141.
Сысольскій у., I, 18.
Сѣкеринскій руч., I, 211, 213.
Сѣнная губа, I, прил. 4.
Сюзма р., I, 15, 70.
Сюма р., I, 28; прил. 60, 61.
Сяменжевская вол., I, 240.
Сямженга р., I, прил. 26.
Сяпжема р. и вол., I, 24, 285; прил. 57.

Т.

Тавельская вол., II, 3; прил. 39.
Тавенга оз., I, прил. 60.
Тавенская вол., I, 293; прил. 60.
Тайпокурецъ островъ, II, 13.
Талица р., I, 14.
Тампца р., I, прил. 19.
Тапса р., I, прил. 62.
Тарасовская дер., I, 209, 210. II, 239.
Тарасовъ погостъ вол., I, прил. 16.
Тарасѣ (на) Давыдова сл., I, прил. 50.
Тарженоля вол., I, прил. 6.
Тарна р., I, прил. 61.
Тарнажскій гор., II, 247.
Тарненская вол., I, прил. 61. II, 228.
Тарнога р., I, прил. 63.
Тафта р., I, прил. 56.
Тевза р., I, прил. 15.
Тевзогорская вол., I, прил. 15.
Телѣговка р., I, 72.
Телѣговъ мон., I, 72, 81, 87, 89, 93; прил. 46. II, прил. 25, 28.
Темтасъ р., I, 23; прил. 48.
Терентьевская дер., II, 234.
Терпиловъ пог., I, 6.
Терпиловъ ст., I, 16; прил. 20. II, 13, 38.
Терская сторона, I, 3. II, 115.
Терскій берегъ, Тре, I, 2, 3.
Тигинская вол., I, 239; прил. 60.
Тиксна, Тикспенская вол., I, 238, 240, 285; прил. 56.
Тимоѳеевская дер., I, 161.
Тимошенская дер., I, 172, 174.
Типипицы, I, прил. 4.
Тихвинскій мон., I, 67, 91. II, 111.
Тихменга р. и вол., I, прил. 11.
Тихоновская дер., I, прил. 39.
Тіупскій берегъ, II, 115.

Тозьма р., I, прил. 48.
Тойма Верхняя р., I, 2, 5, 23; прил. 62.
Тойма Нижняя р., I, прил. 48, 62.
Токушская вол., I, прил. 63.
Толвуево, I, прил. 4.
Толвуйскій пог., I, 89. II, 96, 111.
Толовково Школева дер., I, 209, 210.
Толченская вол., I, прил. 60.
Толшемская вол., **Толшма,** I, 10, 25, 30, 42, 43, 44, 109, 202, 240, 285; прил. 57. II, 11, 205, 234; прил. 44.
Толшма р., I, прил. 54, 55, 57.
Топецкая вол., I, прил. 61.
Тора р., I, прил. 53.
Тордокса вол., I, 294; прил. 60.
Тордо(к)скій улусъ, I, 42, 294.
Тотемскій у., I, 2, 4, 10, 11, 24, 26, 29, 30, 32, 36, 38, 42—44, 47, 50, 66, 72, 76, 77, 94, 101, 105, 109, 127, 129, 130, 131, 133, 136—140, 144, 147, 149, 168, 202, 229, 230, 233, 235, 240, 284, 287, 320; прил. 54, 65. II, 9, 11, 19, 20, 53, 83, 84, 89—91, 118, 119, 122, 148, 177, 204, 205, 209, 213, 214, 229, 233—235, 237, 248, 291, 304, 307.
Тотьма г., I, 2, 24—26, 72, 76, 94, 104, 105, 109, 121, 122, 124, 125, 127, 149, 210, 229, 230, 286, 287; прил. 69. II, 57, 64, 69, 82, 92, 96, 102, 103, 120—122, 125, 149, 213, 228, 268—270, 294, 307, прил. 7, 44.
Тотьма р., I, прил. 54.
Тотьма Старая вол. см. Старая Тотьма.
Тохта вол., I, 18, 46; прил. 28.
Тре см. Терскій берегъ.
Троицкая вол., I, 131, 171, 184, 252; прил. 62.
Троицкая пустынь, I, 71, 95.
Троицкій Гледенскій мон., I, 71, 72, 77, 87, 88, 92, 95, 106, 173, 219, 233. II, 238, 314; прил. 14.
Троицкій Климецкій мон., I, 249.
Троицкій мон. на Удорѣ, I, 75.
Троицкій Сергіевъ мон., I, 66, 111, 309.
Троицкій прих. Вондок. ст., II, 40.
Троицкій прих. Каргоп. у., I, 43, 163,
Троицкій прих. Суланск. вол., I, прил. 61.
Троицкій Ухтостровскій прих., I, прил. 22.
Трофимовская дер., I, 54.
Труфановская боярщ., I, прил. 60.
Туглимъ пог., I, прил. 29.
Тукса р., I, 41; прил. 3.
Тулгаса р., I, прил. 62.
Тулгасская вол., I, прил. 62.
Тулокса р., I, 41; прил. 3.
Тулома р., I, 69; прил. 3.
Тундея вол., I, 42; прил. 30.
Тунгасовская вол., I, прил. 61.
Туровица р., I., прил. 50.
Туровская дер., I, 211.
Турчасово(ъ), I, 14, 15, 116, 121, 123, 252, 253; прил. 14, 15, 17, 66. II, 88, 95, 113, 125, 267.
Турчасовскій ст., I, 5, 14, 15, 40, 53, 69, 74, 116, 143, 147, 205, 224, 225, 252, 253, 254; прил. 14. II, 23, 87, 92, 95, 113, 179, 221, 221, 268.
Турья пос., I, 115, 119, 121, 123, 124; прил. 30, 67.
Туче дер., I, 150.
Тыдоръ вол., I, 42; прил. 29.
Тѣградъ вол., I, прил. 23.
Тюгра р., I, прил. 23.
Тюлпина дер., I, 160.
Тюмень г., II, прил. 16.
Тюринская дер., II, 36.
Тягинская вол., II, 232.

У.

Углодатица пожня, I, прил. 75.
Удима р., I, 22, 23; прил. 45, 49. II, 236.
Удора (Вашка) р., I, 17, 18, 46, 75; прил. 28, 31.

Удора, Удорская вол., I, 18, 75, 225, 259; прил. 31, 33. II, 26.
Уемская, Уйма вол , I, прил. 21. II, 16.
Уйма р., I, 15; прил. 21.
Ужга пог., I, 46, 260; прил. 33. II, 76, 93, 129.
Узепга рчк., I, прил. 22.
Уласовская дер., II, 48.
Улмица, II, 16.
Ульяница дер., I, 127.
Ум(н)ба р. и вол., I, 6, 13, 15, 65, 73; прил. 20, 25.
Умбо-озеро, I, прил. 8.
Уна, Унскій пос., I, 6, 15, 66, 70, 115, 119, 121—123; прил. 67.
Ундозерская вол., I, 54; прил. 17.
Унежма р. и вол., I, 74; прил. 4.
Унская губа, I, 74; прил. 24.
Упирева дер., I, 179, 180, 181; прил. 78, 79.
Упиревка рчк., I, 179, 181; прил. 78.
Урдома р., I, прил. 30.
Уржумъ г., I, 20.
Уролка р., I, 21; прил. 39, 41.
Уртогма р., I, прил. 49.
Усецкая вол., I, 289, 290.
Усковская, I, 154.
Усова сл., I, прил. 53.
Усово дер., II, 138.
Усолка р., I, прил. 23, 43.
Усольскій у. (Сольвычегодскій), I, 22, 72, 93, 103, 106, 110, 112, 135, 170, 223, 240, 266, 269—275.
Успенскій мон., I, 72, 81, 136.
Успенскій прих. Пежемск. вол., II, 44.
Усть-Боровскій пог., I, 46; прил. 43.
Усть-Ваги, I, 2.
Усть-Ваенская вол., I, прил. 62.
Усть-Важская вол., I, прил. 61.
Усть-Вашская вол., I, 49; прил. 27.
Усть-Виледь, II, 94.
Усть-Воложская вол., I, прил. 12.
Усть-Вымь, I, 18, 32; прил. 30. II, 25, 49, 129.
Усть-Городищенскій пог., I, 36.
Усть-Евда вол., I, 298. II, 62, 153; прил. 24, 27.
Усть-Евдскій ямъ, II, 122, 123, 165.
Усть-Емцы, I, 2, 252,
Усть-Ижемская сл., I, 19.
Усть-Куломъ пог., I, 45, 260; прил. 31, 33.
Усть-Кулуйскій пог., II, 49, 194, 219, 220.
Усть-Лецкая вол., I, прил. 61.
Усть-Мегренга, I, 252.
Усть-Менская вол., I, прил. 59.
Усть-Моржъ, I, 91.
Усть-Моша вол., I, 252, 253; прил. 16. II, 95, 113.
Усть-Мош(ен)скій ст., I, 14, 32, 39, 54, 56, 116, 252, 253; прил. 16. II, 92, 95, 113, 125, 293, 294.
Усть-Нѣмъ пог., I, 45, 260; прил. 33.
Усть-Падепская вол., I, прил. 61.
Усть-Пинежскій гор., I, 7.
Усть-Пужская вол., I, прил. 61.
Усть-Пуй(н)ская вол., I, прил. 61.
Усть-Пыльяма, II, 264.
Усть-рѣки Онѣги вол., I, прил. 19.
Усть-рѣки Урдомы пог., I, прил. 30.
Усть-Сенега, II, 202.
Усть-Сысола, I, прил. 33.
Усть-Сюмская вол., I, прил. 61.
Усть-Уфтюжская вол., II, 43.
Ус(т)ья р., I, 2, 10, 25, 27, 28, 117, 167, 287; прил. 58, 59, 62. II, 227, 242.
Устьянскія волости, I, passim; прил. 58, 59, 65, 75—77, 84, 87, 91—94, 96. II, passim.
Устюгъ В. 1, 19, 22, 24, 60, 64, 68, 85, 87, 93, 94, 95, 104, 106, 111, 118—122, 124, 125, 128, 151, 185, 186, 193, 205, 223, 230, 233, 236, 242, 243, 273, 280—284; прил. 46, 69, 78, 79, 98, 99. II, 22, 23, 57, 59, 60, 62, 63, 66, 68, 69—72, 75, 76, 79, 80, 82, 83, 86, 95, 96, 98, 102, 103, 107, 121—123, 125, 134,

137, 139, 146, 148, 150, 152, 153, 155, 157, 158, 160, 165, 166, 167, 169, 178, 179, 183, 210, 213, 214, 228, 229, 254, 263, 268, 269, 271, 279, 281, 283, 285, 291, 292, 305, 307, 309; прил. 4—12, 14—16, 24, 25, 27, 38, 39, 42, 43,

Устюжна Желѣзнопольская, II, 182, 268, 280, 282.

Устюжскій у., I, passim; прил. 46, 48, 65, 78, 79. II, passim.

Утманова вол., I, 277, 279; прил. 53.

Утмановская вол., I, 22, 43, 106, 219, 236, 237, 243, 273, 299; прил. 46. II, 8, 20, 84, 147, 155, 156, 157, 160, 162, 164, 252; прил. 14, 38, 40, 42, 44.

Утмановская полусошка, I, 31.

Уфтюга, Уфтюжская вол., I, 23, 36, 94, 112, 237, 240, 276, 278, 280, 286; прил. 51, 55. II, 83, 90, 121, 147, 156, 171; прил. 13, 14.

Уфтюга р., I, 23; прил. 50, 51, 55, 57, 63.

Ухтостровъ, I, 6, 43; прил. 21, 22.

Ухтостровская вол., I, 6, 43, 258; II, 21.

Учецкая вол., I, 22, 150, 240, 269, 270; прил. 47. II, 6, 20, 58, 85, 90, 304.

Учка р., I, 22; прил. 47.

Ущенская вол., I, прил. 60.

Ф.

Фатьяновица пожня, I, 173.

Фатьяновская дер., I, 89.

Фатѣевская Дубрава пог., I, 47; прил. 42.

Филиппова сл., I, 45; прил. 35.

Филипповская дер., I, прил. 13.

Фроловскій прих., I, 194.

Х.

Хаврогоры вол., I, прил. 23.

Халезецъ, Халезская вол., I, 47, 118, 193, 277; прил. 54. II, 239; прил. 14.

Химаневская вол., I, прил. 61.

Хлыповскій гор., I, 261.

Хлыновскій Успенскій мон., I, 63, 81.

Хлыновскій у., I, 19, 29, 33, 34, 37, 38, 46, 65, 72, 103, 138, 147, 225, 261, 262; прил. 33. II, 116, 156, 167, 170.

Хлыновъ г., I, 19, 20, 57, 81, 103, 115, 120—122, 261, 262; прил. 33, 36, 67. II, 132, 178.

Хмелевица Большая пожня, I, прил. 75.

Хмелевка Малая пожня, I, прил. 75.

Холмогоры, I, 5, 6, 8, 15, 16, 64, 70, 107, 115, 118—123, 126, 204, 255, 257; прил. 21, 22, 66. II, 69, 72, 75, 86, 92, 100, 115, 204, 229, 243; прил. 5, 7, 16, 17.

Холмъ дер., I, 212.

Холуница р., I, прил. 37.

Холуницкій ст., I, прил. 37, 38.

Хоробрицкая вол., I, 258.

Хороброво дер., I, 209, 210.

Хорошово дер., I, 214.

Хотѣповская вол., I, 36, 42, 293, 294; прил. 60.

Хутынскій мон., см. Спасовъ-Хутынскій мон.

Ц.

Царева р. и вол., I, 285; прил. 56.

Царево-Санчурскъ г., I, 20.

Царевская вол., I, 125, 204, 240, 298, 320. II, 7, 91, 213, 233.

Цемановская дер., II, 48.

Цепогора дер., I, прил. 27.

Церковный пог. вол., I, прил. 16.

Церкова-гора, I, прил. 25.

Цивозеро вол., I, 24.

Цивозерскій пог., I, 24; прил. 50.

Цыдва р. и пог., I, 263; прил. 40.

Цылемская сл., I, 19.

Цылибская гора, Цылибское с., I, 118; прил. 29.

Ч.

Чадрома р. и вол., I, 10, 25, 26, 134; прил. 58.
Чадромская Устьянская вол., I, 26, 30, 166, 182, 215, 218, 226, 289, 290, 292, 302, 306, 308—311, 313, 317, 319; прил. 85—88. II, 3, 33, 42, 50, 66, 162, 183, 194, 196, 202, 221, 225, 227, 230, 233, 235, 238, 239, 241, 246, 249, 250, 252, 253, 290; прил. 38, 40, 41.
Чадромскій пог., I, 30, 161.
Чакола, Чакольская вол., I, 5, 16, 17, 158; прил. 24. II, 3, 12, 94.
Чаколка р., I, 21; прил. 30, 45.
Чакольскій ст., I, 95.
Чакульскій пог., I, прил. 30.
Чаронда пос., I, 11, 27, 35, 54, 121, 124, 175, 186, 229, 230, 293, 294, 304; прил. 59, 69. II, 69, 74, 100, 230, 234, 268, 269, 281, 282; прил. 7, 38, 39, 44.
Чарондская округа, I, 10, 12, 14, 21, 27, 28, 35, 36, 42, 43, 54, 100, 114, 129, 143, 146, 158, 194, 220, 229, 235, 237—239, 292—294, 295, 298, 304; прил. 59, 60, II, 3, 11, 54, 74, 79, 86, 90, 100, 140, 147, 156, 157, 168, 170, 176, 208, 210, 223, 232, 234, 235, 282, 294.
Чарондскій у., I, 29, 49, 73.
Чаростровская вол., I, прил. 61.
Чахловица р., I, 138.
Чача р., I, прил. 23.
Чекуевъ Конецъ-островъ вол., I, 205; прил. 18.
Челможская вол., I, 31, 248.
Челможскій пог., I, 41.
Челмохта вол., I, 46, 96, 258; прил. 23.
Челмохта р., I, 15; прил. 23.
Чемелина р., II, 11.
Чемодановская дер., II, 252.
Чепецкій ст., I, 34, 38, 39, 262; прил. 34.
Чепца вол., Чаронд. о., I, 293; прил. 59.
Чепца р., I, 72; прил. 33—35.
Черва, I, прил. 28.
Чердынскій у., I, 20, 21, 29, 33, 38, 39, 45, 47, 50, 63, 95, 101, 107, 129, 130, 132, 133, 136, 138, 139, 143, 147, 228, 229, 238, 263 264; прил. 41, 43, 44, 65. II, 19, 42, 43, 91, 102, 117, 156, 268, 293, 308.
Чердынь, I, 19, 21, 73, 107, 121—123, 125, 228, 233; прил. 40, 41, 68. II, 102, 117, 161, 299.
Черевково с., I, прил. 51.
Черевковская вол., I, 23, 93, 94, 105, 112, 127, 136, 137, 151, 237, 277, 303, 310—313; прил. 51, 98, 99. II, 22, 94, 139, 148, 165, 171; прил. 14. 43.
Черная гора, I, 77.
Черная р., I, прил. 9.
Черный Сухонскій ст. см. Сухонскій Черный ст.
Чернягино дер., II, 41.
Чешкова гора дер., II, 3.
Чигимеръ пог., I, 47; прил. 42.
Чигра р., I, 22; прил. 46.
Чисть вол., I, прил. 36.
Чистьянскій ст., I, прил. 37.
Чудиновская вол., I, 37.
Чужга р., I, прил. 59, 60.
Чуженская вол., I, прил. 60.
Чужемское Раменье дер., II, 3.
Чупрова вол., I, 23, 136; прил. 51.
Чу(ю)рьюга р., 68, 75; прил. 11.
Чусовая р., I, 21, 101, 108.
Чусовскій гор., I, 116.
Чухчелема, I, 6.
Чухченема, Чухченемская вол., I, 82, 258; прил. 22, 25.
Чу(ю)хчинъ Боръ вол., I, прил. 18.
Чухчинъ Конецъ вол., I, прил. 23.
Чушевичи, I, 30.
Чушевица, д., I, 208, 225. II, 99.

Чушевицкая вол., I, 25, 152, 153, 158, 166, 207, 208, 214, 215, 225, 226, 289, 290, 291, 307—310, 319, прил. 58, 84, 85. II, 90, 95, 99, 149, 152, 180, 181, 196; прил. 40.
Чушевицкій ямъ, I, 225, 226.
Чюпа пог., I, прил. 9.

Ш.

Шакшеръ Нижній пог., I, прил. 41.
Шалга Бодунова вол., I, 158, 175, 293, 294; прил. 59. II, 232.
Шалга Большая Каргоп. у., I. прил. 14. II, 43.
Шалга Большая вол., I, 146, 186, 294; прил. 59. II, 210, 282.
Шалга Захарьина вол., I, 294; прил. 59.
Шалга Личкова вол., I, прил. 14.
Шалганская вол., II, 149.
Шалекушка Большая дер., I, прил. 16.
Шалекушка Малая дер., I, прил. 16.
Шалица р., I, прил. 5.
Шалская вол. Заонежск., I, 1, 248.
Шалская вол. Каргоп. у., I, 90.
Шалошка Малая вол., I, 293; прил. 59.
Шальская вол. Чаронд. о., I, 158.
Шальскій пог. Заонежск., I, 249. II, 96, 111.
Шамоева дер., II, прил. 29.
Шапгала вол., I, 25, 203, 226, 298.
Шангальская вол., I, 222, 226, 291, 292, 300; прил. 59. II, 48. 86, 215, 224, 227, 242, 243, 251, 253, прил. 41, 45.
Шангальская сошка, I, 31, 37; прил. 93, 95, 97.
Шарда р., I, прил. 25.
Шарденга р. и вол., I, 22, 24; прил. 46, 52.
Шардонема вол., I, прил. 25.
Шарженга р. и вол., I, 34, 47, 277; прил. 53, 54.
Шарженская вол., I, 118, 193. II, 32, 239; прил. 14.
Шастка вол. Уст. у., I, прил. 52.
Шастки вол. Двинск. у., I, 47, 91; прил. 23.
Шастовская дер., II, 233.
Шастовскій поч., II, 221.
Шастозерская вол., I, 42, 46, 47; прил. 23.
Шебенга р., I, прил. 63.
Шебенская вол., I, прил. 63.
Шевденицкая вол., I, 297; прил. 63. II. 10, 43, 246.
Шеговарская вол., I, прил. 61. II, 28.
Шелга р., I, 22; прил. 16, 46.
Шелекса р. и вол., I, 14; прил. 15.
Шеломенская соха, II, прил. 43.
Шеломова дер., I, 212.
Шелтома р., I, 75.
Шемогодская вол., I, 237, 238. II, прил. 43.
Шемокса р. и вол., I, 22, 23, 276; прил. 46, 49.
Шенкурская четверть, I, 296; прил. 60. II, 47, 228.
Шенкурскій остр., I, 228.
Шенкурскій пос., I, 28, 296.
Шенкурскій у., I, 7, 246.
Шенкурскъ, I, 7, 227, 296; прил. 60.
Шеномъ пог., I, прил. 29.
Шепоша р., I, прил. 58.
Шенская вол., I, прил. 60.
Шеренга р., I, прил. 61.
Шеренская вол., I, прил. 61.
Шестаковскій у., I, 19, 20, 118, 260; прил. 38, 39. II, 90, 268.
Шестаковъ г., I, 19, 20, 57, 115, 118, 121, 123; прил. 33, 68.
Шетогорѣ (на) деревни, I, 17; прил. 25.
Шибнево дер., II, 236, 237.
Шильда р., I, прил. 59, 60.
Шиленская вол., I, прил. 62.
Шильская вол., I, 293; прил. 60.
Шимозеро, I, прил. 6.
Шимозерская вол., I, 44, 205.

Ширшенское оз., II, 12.
Шкулево дер., I, 210.
Шожма р., I, 35; прил. 17.
Шожемъ пог., I, 42; прил. 29.
Шокша выст., I, прил. 6.
Шокша р., I, прил. 51.
Шолга р. и вол., I, 277; прил. 52.
Шолома р., I, 216.
Шолешская вол., I, прил. 60.
Шол(ъ)ская вол., I, 105, 112, 185, 186, 278, 298. II, 56, 90, 91, 151, 236, 305; прил.14.
Шонга р., I, прил. 53.
Шонскій ст., I, 40, 47, 277; прил. 53.
Шошки пог., I, 46; прил. 31, 32.
Шуезерскій пог., I, 145; прил. 8.
Шуеозеро, I, прил. 8.
Шуерѣцкая вол., I, 74.
Шуйскій пог., I, 98, 103. II, 78, 141, 167, 170; прил. 30, 32.
Шуйскій ямъ, II, 94, 122.
Шупская вол., I, 31, 248.
Шун(г)скій пог., I, 67 91, 98, 249. II, 78, 146, 291.
Шунемская вол., I, 42.
Шупова дер., II, 51.
Шуя р., I, 74; прил. 3.

Щ.

Щекина дер., I, 153, 154.
Щелейца, I, прил. 6.
Щелецкая вол., I, 95.
Щепинская дер., I, 117.
Щукозеро, I, прил. 23.

Ѣ.

Ѣдинга р., I, прил. 54. 57.
Ѣдома (**Сидорова**) вол., I, прил. 51.

Ю.

Югорская земля, I, 6.
Югра, I, 2, 4.
Югъ р., I, 1, 21—24, 34, 72, 117, 171, 279; прил. 45, 46, 48, 52—54. II, 71; прил. 8, 11, 15.
Ю(ж)ская треть, I, 40, 94, 241, 243, 279, 280. II, прил. 16.
Юкострова, Юкостровскій пог.. I, прил. 8, 9.
Юксовъ, Юксіевъ пог., I, 74; прил. 42.
Юмсовичи вол., I, прил. 6.
Юмшанка р., I, 36.
Юмышъ, I, 5.
Юра р., I, прил. 22.
Юричъ дер. и р., I, 46; прил. 44.
Юркино займище, I, 90.
Юркино Монѣиха пустошь, I, 209.
Юрмола островъ, I, прил. 22.
Юрольская вол., I, 42.
Юрольское с., I, прил. 22.
Юрома вол., I, 31, 49, 259; прил. 27.
Юрьевская вол., I, прил. 37.
Юрьевъ мон., I, 66; прил. 5, 13.
Юрьевъ Наволокъ вол., I, 23, 24, 39, 94, 107, 206, 239, 279, 280, 298; прил. 49. II, 61, 62, 66, 152, 153, 156, 170, 238, 283; прил. 24, 27, 28, 43.
Юрьевъ пог., I, 138.
Юсва р. и пог. I, 46; прил. 44.
Юсва Нижняя дер., I, прил. 44.

Я.

Ягрема р. и вол., I, прил. 11.
Ягрышская вол., I, 76, 93, 94, 133, 136, 237, 239, 277. II, 36, 96, 165; прил. 14, 17.
Ягрышскій ямъ, II, 122, 123, 165; прил. 16.
Ягрышъ вол., I, 23; прил. 51.
Язьва р., I, прил. 39, 41.
Яйва р., I, 21, 46, 108; прил. 43, 45.
Якушевская дер., I, 213, 214.
Ялуба, I, прил. 4.
Ямишная пожня, I, прил. 75.
Ямскогорская вол., I, прил. 60.
Яницоръ, I, 263.

Яранскъ г., I, 20.
Яренга пог., I, 15, 16, 32, 74; прил. 23.
Яренга р., I, прил. 28.
Яренскій гор., I, 174, 225, 259, 260. II, 26, 125, 267.
Яренскій пос., I, 126; прил. 28, 29.
Яренскій у., I, 17, 18, 29, 32, 38, 42, 45, 46, 50, 63, 64, 71, 75, 102, 109, 115, 116, 118, 129, 130, 133, 136, 138—140, 142, 143, 147, 169, 225, 259, 260; прил. 28, 29, 64. II, 19, 25, 47, 49, 94, 115, 116, 129, 152, 176, 194.
Яренское городище, I, 18, 118.
Яренскъ г., I, 46, 115, 118, 119, 121, 123; прил. 67.
Ярокурская вол., I, 94, 237.
Ярокурскій ст., I, 22, 23, 37, 47, 72, 75, 90, 94, 133, 238, 269, 276, 278; прил. 49. II, 23, 37, 156, 236, 238; прил. 37, 42, 43.
Ярокурье пог., I, 23; прил. 20.
Ярославская дер., I, прил. 6.
Яхренга вол., I, 277, 279; прил. 52. II, 114.
Яхренская вол., I, 30, 95. II, 39, 40, 56, 91, 157, 160, 213, 214, 305; прил. 14, 43.

Ѳ.

Ѳедорова дер., I, 160.
Ѳедорова рчк., II, 11.
Ѳедоровская боярщ., I, прил. 60.
Ѳедоровскій прих., Кичмен. вол., I, 40, 47. II, 39.
Ѳедосьева пустынь, I, 76.
Ѳедотовская дер., I, 140.
Ѳедрогорская вол., I, прил. 60.
Ѳехталима вол., I, прил. 14.
Ѳоминскій поч., I, 160.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Глава I. Волость, какъ поземельная община. Двоякое значеніе волости въ XVII в.: округъ и міръ 1—2. Составныя части волости и хозяйственная связь между ними 2—4. Была ли волость поземельной общиной? 4—5. Право на деревенскіе участки 5. Элементы общиннаго владѣнія въ волости. Пустующіе участки. Анализъ „данныхъ“ записей 6—10. Волостныя угодья и ихъ эксплуатація 10—12. Хозяйственные союзы волостей 12—14. Выводы 14—18.

Глава II. Церковный приходъ на сѣверѣ. Совпаденіе волости съ приходомъ 19—21. Значеніе и внѣшній видъ церковнаго погоста 21—23. Участіе приходскаго міра въ церковныхъ дѣлахъ. Образованіе новаго прихода; постройка церкви 23—25. Избраніе священника 26—28. Порядная и ея значеніе 28—32. Дѣятельность священника и ея значеніе 32—35. Остальные члены причта 35.

Глава III. Церковный приходъ на сѣверѣ. (Продолженіе). Матеріальное обезпеченіе приходской церкви и причта. Земля подъ погостомъ 36—37. Церковныя деревни 37—38. Движимое имущество церкви и ея финансовые обороты 38—40. Церковные приказчики и старосты 40—44. Ограниченіе ихъ компетенціи въ 1680-хъ гг. 44—46. Всеуѣздная церковная организація 46—48. Часовни и часовенные приходы на сѣверѣ 48—52.

Глава IV. Мірское ходатайство. Земскій міръ, какъ юридическое лицо 53—54. Защита мірскихъ интересовъ судебнымъ порядкомъ 54—55. Значеніе мірского ходатайства 55—57. Виды ходатайствъ по ихъ внѣшней формѣ 57—58. Направленіе ходатайствъ 58—59. Мірскіе посыльщики 59—67. Разборъ устюжскаго всеуѣзднаго ходатайства 1638 г. 67—72.

Глава V. Предметы земскихъ челобитныхъ. Значеніе ходатайствъ. Жалованныя грамоты 73—74. Возмѣщеніе расходовъ, произведенныхъ земствами на казенныя нужды 75. Ссуды изъ казенныхъ рессурсовъ 75—76. Дороги 76—77. Питейное управленіе 77—79. Мѣстная администрація: a) приказная 79—82, b) выборная 82—84. Конфликты между мірами 84—87. Казенное тягло: a) писцовыя описанія и переписи 87—89; b) запустѣніе отъ тягла 89—90; c) податныя льготы 90—91; d) денежные сборы 91—92; e) ямская гоньба 92—95; f) городовое дѣло 95; g) военныя поселенія 95—96; h) выборныя службы 96—97. Движеніе ходатайствъ въ Москвѣ и отношеніе къ нимъ власти 97—102. Значеніе ходатайствъ 102—104.

Глава VI. Тяглая организація Поморья въ XVII в. Значеніе тягла въ происхожденіи общины 105—106. Разнообразіе тягла по отдѣльнымъ мѣстностямъ 106—109. Обозрѣніе податей и повинностей по уѣздамъ. Заонежскіе погосты 110—111. Кольскій у. 111—112. Каргопольскій у. 112—113. Двинскій у. 113—115. Кеврольскій, Мезенскій и Яренскій уу. 115—116. Вятская земля 116—117. Пермская земля 117. Устьянскія волости 117—118. Сольвычегодскій, Устюжскій и Тотемскій уу. 118—125. Классификація сборовъ 126—127.

Глава VII. Финансовая дѣятельность земскаго міра. Раскладка и взиманіе сборовъ. Окладъ и разводъ оклада 128—131. Разрубъ (раскладка) сборовъ по хозяйствамъ 131—133. Разнообразіе пріемовъ разруба, примѣры: Сольвыче-

годскъ 133—136. Варженская вол. 136—138. Комарицкій станъ 138—139. Черевковская вол. 139. Вилегодская вол. 140. Коротецкая вол. 140—141. Другіе случаи 141—142. Писцовое обложеніе и мірская поверстка 143—146. Сборъ податей и повинностей 146—149 Доставка въ Москву 149—152. Отвѣтственность за сборъ 152—153.

Глава VIII. Финансовая дѣятельность міра. Мірскіе займы. Финансовая отчетность мірскихъ сборщиковъ. Мірскіе расходы 154—156. Займы и пріемы ихъ заключенія 156—159. Заемная кабала 159—160. Кредиторы 160—161. Размѣры ссудъ и условія займовъ 161—164. Финансовая отчетность мірскихъ властей 164—167. Злоупотребленія при отчетѣ и ихъ послѣдствія 167—173.

Глава IX. Судебная организація на сѣверѣ. Волостной судъ. Значеніе судебной реформы Грознаго 174—176. Мірскія судебныя власти 176—178. Судные мужи 179—183. Компетенція земскаго суда 183—186. Форма и ходъ процесса въ волостномъ судѣ 186—188. Примѣры 188—200.

Глава X. Судебная организація Поморья. Судебныя инстанціи. Вторая инстанція: Устьянскія волости 201—202. Лузская Пермца 203. Важскій и Двинскій уу. 203—204. Неопредѣленность второй инстанціи 204—207. Неопредѣленность первой инстанціи 207—208. Примѣры 208—210. Политическія и религіозныя дѣла 210—212 Дѣла объ убійствѣ 212—218. Отношеніе земскихъ судей къ воеводской власти и къ приказу 218—222. Особенность Устьянскихъ волостей 223—224.

Глава XI. Губныя учрежденія въ Поморьѣ. Подчиненныя судебно-полицейскія власти. Губная организація Устьянскихъ волостей 225—226. Губной староста на Вагѣ 226—228. Воеводы и губные сыщики въ другихъ уѣздахъ 228—230. Второстепенный судебный и судебно-полицейскій персоналъ: судецкій староста 230. Судецкій цѣловальникъ 230—231. Сотскій 231—235. Пятидесятскій 235. Десятскій 235—237. Земскій доводчикъ237—238. Земскій приставъ 238.

Глава XII. Земскій судъ и общество на сѣверѣ. Пренебрежительное отношеніе къ земскому суду. Отказы отвѣчать передъ нимъ 240—242. Неявка въ судъ 242—243. Сопротивленіе судебнымъ властямъ и приговорамъ 243—246. Оскорбленіе судей 246—250. Злоупотребленіе судебнаго персонала 250—254. Двоякая отвѣтственность судей 254—259.

Глава XIII. Земство и приказная администрація въ XVII в. на сѣверѣ. Ростъ бюрократіи въ Московскомъ государствѣ въ XVII в. 260—262. Бюрократія и крестьянское самоуправленіе 262—265. Причины появленія воеводской власти въ Поморьѣ 265—267. Порядокъ назначенія воеводъ 267—269. Воеводскіе наказы 269—271. Воеводское управленіе и отношеніе воеводы къ земству по наказамъ 271—282. Отношеніе воеводы къ земству на практикѣ 282—286.

Глава XIV. Упадокъ земства на сѣверѣ. Тягло, какъ основная причина усиленія бюрократіи и упадка самоуправленія 287—288. Соціальная борьба въ земскихъ мірахъ 288—296. Столкновенія земскихъ властей съ мірскимъ обществомъ 296—301. Вмѣшательство приказной власти въ земскую жизнь 302—303. Уходъ населенія съ черныхъ земель подъ вліяніемъ тягла 304—309. Разстройство самоуправленія 309—310. Сѣверное самоуправленіе въ XVIII в. 311.

Приложенія. 1—45.

Указатель географическихъ именъ. 1—~~30.~~

БИБЛ
СОЦИАЛЬ
АКАД